БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ЯКОВЛЕВА.

Библіотека открыта въ будни отъ 9 часовъ утра до 9 час. пополудни, а въ праздничные дни отъ 12 часовъ дня до 4 часовъ пополудни.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У Аничкина моста, домъ Гуляковыхъ.

33½ листа.

Пров. 50

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЕМЕЙСТВОМЪ М. ДОСТОЕВСКАГО

39165

1864

АВГУСТЪ

СОДЕРЖАНІЕ

Отъ редакціи.

I. **Лиза.** Ольги N.

II. **Отрывки изъ записокъ Мирового посредника.** I. Исторія о тысячахъ-рубляхъ и о булыжныхъ камняхъ. II. Дворовые люди. Вл. Нарпенскаго.

III. **Монтаны.** 1. Никифорычъ. 2. Келейницы. В. Калатузова.

IV. **Римъ.** (Современный очеркъ). Н. М.

V. **Посмертныя записки одного скитальца.** А. Милюкова.

VI. **Сонъ.** Ю. О-ва.

См. на оборотѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ

1864.

VII. **Замѣтки по исторіи книжнаго (школьнаго) просвѣщенія въ Россіи**. Статья первая. I. Вмѣсто предисловія. II. Письменность на Руси до Владиміра Святого. III. Книжное ученіе при Владимірѣ Святомъ. IV. Образованность по былинамъ о богатыряхъ Владиміра-Красна-Солнышка. Ив. Григорьева.

VIII. **Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ**. Дм. Аверкіева.

IX. **Замѣтки лѣтописца.** Августъ. 1. Народное чувство Московскихъ Вѣдомостей. 2. Элементарныя понятія. 3. Наша исторія. 4. Ренанъ о Французской Революціи. 5. Чудеса Русскаго Слова. 6. О «злобно раскрываемыхъ объятьяхъ». 7. День о преобразованіяхъ въ Польшѣ. 8. Полезное объясненіе. Лѣтописца.

X. **Наши домашнія дѣла.**

XI. **Политическое обозрѣніе.**

XII. **Изъ мрака къ свѣту.** (Продолженіе романа: **Загадочныя натуры,** Шпильгагена).

КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ
П. Е. КЕППЕНА
№
Отдѣлъ каталога
Шкафъ
Полка
№

БИБЛІОТЕКА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ЭПОХА

Библиотека
Д. Е. Бенина
№

КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ
П. Е. КЕППЕНА
№
Отдѣлъ каталога
Шкафъ
Полка
№

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЕМЕЙСТВОМЪ М. ДОСТОЕВСКАГО

АВГУСТЪ

№ 8.

ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Октября 1864 г.

ПОДПИСКА НА 1865 ГОДЪ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

ЭПОХА

ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО

ИЗДАВАЕМАГО СЕМЕЙСТВОМЪ **М. ДОСТОЕВСКАГО**

Изданіе «ЭПОХИ», журнала литературнаго и политическаго, будетъ продолжаться въ будущемъ 1865 году семействомъ покойнаго Михаила Михайловича Достоевскаго. Эпоха будетъ выходить по прежнему, разъ въ мѣсяцъ, въ прежней програмѣ, въ объемѣ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, т. е. отъ 30 до 35 листовъ большого формата въ каждой книгѣ.

Собственники журнала принимаютъ въ изданіи его непосредственное участіе.

Всѣ прежніе всегдашніе сотрудники покойнаго редактора, и почти всѣ тѣ писатели, которые помѣщали свои произведенія въ изданіяхъ М. Достоевскаго (Гг. Порѣцкій, Аверкіевъ, Страховъ, М. Владиславлевъ, Ахшарумовъ, А. А. Головачовъ, Долгомостьевъ, Островскій, Плещеевъ, Полонскій,

Милюковъ, Ѳ. Достоевскій, Бабиковъ, Фатѣевъ, Майковъ, Тургеневъ и многіе другіе) по прежнему будутъ помѣщать свои труды въ Эпохѣ.

Изъ нихъ, А. Н. Островскій положительно обѣщалъ намъ въ будущемъ году свою комедію. И. С. Тургеневъ увѣдомилъ насъ, что первая написанная имъ повѣсть будетъ помѣщена въ нашемъ журналѣ. Ѳ. М. Достоевскій, кромѣ постояннаго, непосредственнаго своего участія въ Эпохѣ, помѣститъ въ ней въ будущемъ году свой романъ. Журналъ постоянно расширяетъ кругъ своихъ сотрудниковъ.

Направленіе журнала неуклонно остается прежнее. Разработка и изученіе нашихъ общественныхъ и земскихъ явленій, въ направленіи русскомъ, національномъ, по прежнему будутъ составлять главную цѣль нашего изданія.—Мы по прежнему убѣждены, что не будетъ въ нашемъ обществѣ никакого прогресса, прежде чѣмъ мы не станемъ сами настоящими русскими. Признакъ-же настоящаго русскаго теперь, это—знать то, что именно теперь надо не бранить у насъ на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить умѣть—вотъ что надо теперь наиболѣе настоящему русскому. Потому что кто способенъ любить и не ошибается въ томъ, что̀ именно ему надо любить на Руси—тотъ ужъ знаетъ что и хулить ему надо; знаетъ безошибочно и чего пожелать, что осудить, о чемъ сѣтовать, ичего домогаться ему надо; и полезное слово умѣетъ онъ лучше и понятнѣе всякаго другого сказать,—полезнѣе всякого присяжнаго обличителя. Многое научились мы бранить въ нашемъ отечествѣ, и иногда, надо отдать справедливость, довольно остроумно и какъ-будто даже и метко бранились. Чаще-же всего городили ужаснѣйшій вздоръ, за который покраснѣютъ за насъ грядущія поколѣнія. Но за то мы до сихъ поръ не научились и, почти сплошь, не знаемъ того что именно должно не бранить на Руси. За это и насъ никто не похвалитъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ мы наиболѣе всѣ ошибаемся и въ чемъ всѣ до ярости несогласны другъ съ другомъ? Въ томъ: что именно у насъ есть хорошаго? Еслибъ намъ только удалось согласиться въ этомъ пунктѣ, мы-бъ тотчасъ-же согласились и въ томъ, что у насъ есть не хорошаго. Неумѣлость эта—опасный и червивый признакъ для общества. Вотъ отчего насъ, (т. е. общество) до сихъ поръ и не понимаетъ

народъ. Народъ и мы—любимъ розно; вотъ въ чемъ нашъ главный пунктъ раздѣленія.—Понятно и смѣшно другимъ стало наше выраженіе: «*почва,*» Почва вообще есть то, за что всѣ держатся и на чемъ всѣ укрѣпляются. Ну, а держатся только того что любятъ. А что мы любимъ и умѣемъ любить теперь въ Россіи искренно, непосредственно, всѣмъ существомъ нашимъ? Что намъ въ ней теперь дорого? Развѣ не за стыдъ, не за ретроградство считаютъ у насъ до сихъ поръ идею о томъ, что мы—сами по себѣ, что мы своеобразны, *своеисторичны*? Развѣ не за принципъ науки считаютъ у насъ, что національность, *въ смыслѣ высшаго преуспѣянія*, есть нѣчто вродѣ болѣзни, отъ которой избавитъ насъ всесгирающая цивилизація?

По нашему убѣжденію, какъ-бы ни была плодотворна сама по себѣ чья-нибудь захожая къ намъ идея, но она лишь тогда только могла-бы у насъ оправдаться, утвердиться и принести намъ дѣйствительную пользу, когда-бы сама національная жизнь наша, безо всякихъ внушеній и рекомендацій извнѣ, сама собой выжила эту идею, естественно и практически, вслѣдствіе практически сознанной всѣми ея необходимости и потребности. Ни одна въ мірѣ національность, ни одно, сколько нибудь прочное государственное общество, еще никогда не составлялись доселѣ по предварительно рекомендованной и заимствованной откуда-нибудь извнѣ програмѣ. Все живое составлялось само собой и жило въ самомъ дѣлѣ, взаправду. Всѣ лучшія идеи и постановленія запада были выжиты у него самостоятельно, рядомъ вѣковъ, вслѣдствіе органической, непосредственной и постепенной необходимости. Тѣ, которые начинали въ Англіи парламентъ, ужъ конечно не знали во что онъ обратится впослѣдствіи. Отчего-же обличители наши отказываютъ намъ въ собственной, своеобразной жизни и смѣются надъ выраженіями нашими: «органическая, почвенная, самостоятельная жизнь?» Но смѣясь свысока, они то и дѣло ошибаются сами и путаются въ современныхъ явленіяхъ нашей національной жизни, не зная какъ и опредѣлить ихъ: органическими или наносными, хорошими или дурными, здоровыми или червивыми? Они до того теряютъ точность въ опредѣленіяхъ, что даже начинаютъ бояться опредѣленій и все чаще и чаще спасаются въ

отвлеченность. Все болѣе и болѣе нарушается въ заболѣвшемъ обществѣ нашемъ понятіе о злѣ и добрѣ, о вредномъ и полезномъ. Кто изъ насъ, по совѣсти, знаетъ теперь что *зло* и что *добро*. Все обратилось въ спорный пунктъ и всякій толкуетъ и учитъ по своему. Говоря это, мы не выставляемъ разумѣется себя безошибочными и всезнающими; напротивъ, мы, также какъ и всѣ, можемъ городить вздоръ, совершенно искренно и добросовѣстно. Мы не попрекая говорили сейчасъ; мы сокрушаясь говорили. Но намъ все-таки кажется, что наша точка зрѣнія даетъ возможность вѣрнѣе и безошибочнѣе разузнать и точнѣе распредѣлить то, что кругомъ насъ происходитъ (мы не журналъ нашъ хвалимъ теперь, мы точку зрѣнія хвалимъ). На такой точкѣ зрѣнія мы уже не можемъ, напримѣръ, оставаться въ недоумѣніи передъ недавними фактами нашей національной жизни, не зная какъ отнестись къ нимъ т. е. и за общечеловѣческія наши убѣжденія боясь, и неотразимый фактъ проглядѣть боясь, — сбиваясь и путаясь и на всякой случай наблюдая благоразумное вилянie туда и сюда.

Ни одна земля отъ своей собственной жизни не откажется и скорѣе захочетъ жить туго, но все-таки жить, чѣмъ жить почужому и совсѣмъ не жить. Мудрецы и реформаторы являлись въ народахъ тоже органически и имѣли успѣхъ не иначе, какъ только когда состояли въ органической связи съ своимъ народомъ. Говорятъ, въ то время, когда шло у насъ дѣло объ улучшеніи быта нашихъ крестьянъ, одинъ французскій префектъ заявилъ и свой проектъ изъ Франціи. По его мнѣнію выходило, что ничего нѣтъ легче какъ дѣло освобожденія; что стоитъ только издать указъ, состоящій въ томъ, что всѣ имѣющіе родиться въ русской землѣ, съ такого-то года и съ такого-то числа, родятся свободными. Et c'est tout. И удобно и гуманно. Надъ этимъ французомъ у насъ смѣялись,—совершенно напрасно по нашему. Во первыхъ, онъ разумѣется рѣшилъ посвоему, по духу и идеалу своей націи и не могъ быть въ своемъ рѣшеніи не французомъ. По убѣжденію же француза человѣкъ безъ земли, пролетарій—все-таки можетъ считаться свободнымъ человѣкомъ. По русскому, основному, самородному понятію не можетъ быть русскаго человѣка безъ общаго права на землю. Западная наука и жизнь доросли только до

личнаго права на собственность, слѣдственно чѣмъ же былъ французъ виноватъ? Чѣмъ же онъ виноватъ когда мы сами наше братское, широкое понятіе о правѣ на землю, за низшую степень экономическаго развитія по западной наукѣ считаемъ? А во вторыхъ, чѣмъ выше этого француза наши собственные журнальные мыслители и теоретики?—Всякая здоровая и земская сила вѣритъ въ себя и въ свою правду и это есть самый первый признакъ здоровья народнаго. Эта народная вѣра въ себя и въ собственныя силы,—вовсе не застой, а напротивъ залогъ жизненности и энергіи жизни и отнюдь не исключаетъ прогресса и преуспѣянія. Безъ этой вѣры въ себя не устоялъ бы наприм. впродолженіе вѣковъ бѣлорусскій народъ и не спасъ бы себя никогда.—Народъ, какъ бы ни былъ онъ грубъ, не станетъ упорствовать въ дряни, если только самъ сознáетъ что это дрянь, и будетъ имѣть возможность измѣнить ее по своему собственному распоряженію и усмотрѣнію. Отъ науки тоже никогда народъ самъ собой не отказывается. Напротивъ, если кто искренно чтитъ науку, такъ это народъ. Но тутъ опять то-же условіе: надо непремѣнно чтобъ народъ самъ, путемъ совершенно самостоятельнаго жизненнаго процесса дошолъ до этого почитанія. Тогда онъ самъ къ вамъ придетъ и попроситъ себя научить. Иначе и науку онъ не приметъ отъ васъ и отъ дряни своей никогда не откажется. Народъ же выживаетъ свои выводы практически, на примѣрахъ. А чтобы имѣть собственный, неоспоримый примѣръ, надо жить самостоятельно, надо натолкнуться на этотъ примѣръ настоящей практической жизнію. И такъ что же выходитъ? Выходитъ что не надо посягать на самостоятельность жизни національной, а напротивъ всѣми силами расширять эту жизнь и какъ можно болѣе стоять за ея самобытность и оригинальность. Нашъ русскій прогрессъ не иначе можетъ опредѣлиться и хоть чѣмъ-нибудь заявить себя, какъ только по мѣрѣ развитія національной жизни нашей и пропорціонально разширѣнію круга ея самостоятельной дѣятельности, какъ въ экономическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи,—пропорціонально постепенности освобожденія ея отъ вѣковой ея въ себѣ замкнутости. Повторяемъ,—вотъ къ чему прежде всего надо стремиться и чему надо способствовать. До тѣхъ поръ будетъ у насъ на виду одно только смѣшеніе языковъ въ нашемъ

образованномъ обществѣ и чрезвычайное духовное его безсиліе. Мы видимъ какъ исчезаетъ наше современное поколѣніе, само собою, вяло и безслѣдно, заявляя себя странными и невѣроятными для потомства признаніями своихъ «лишнихъ людей». Разумѣется мы говоримъ только объ избранныхъ изъ «лишнихъ» людей, (потому что и между «лишними» людьми есть избранные); бездарность же и до сихъ поръ въ себя вѣритъ и досадно не замѣчаетъ какъ уступаетъ она дорогу новымъ, невѣдомымъ здоровымъ русскимъ силамъ, вызываемымъ наконецъ къжизни въ настоящее царствованіе. И слава Богу!

Конечно всѣ мы, въ нашей литературѣ, всѣ, кромѣ весьма немногихъ, вообще говоря—любимъ Россію, желаемъ ей преуспѣянія и всѣ ищемъ для нея того, что получше. Одного только жаль: всѣ мы желаемъ и ищемъ каждый по своему и расползлись въ разныхъ «направленіяхъ» какъ раки изъ кулька. Почти всѣ у насъ ссорятся и перессорились. Правда, ничего болѣе намъ не оставалось и дѣлать въ качествѣ уединенныхъ людей и покамѣстъ никому ненадобныхъ и никѣмъ не прошенныхъ. Но все-таки, если проявлялись гдѣ признаки самостоятельной жизни въ нашемъ обществѣ (т. е. собственно въ образованномъ обществѣ), то ужъ конечно наиболѣе въ литературѣ. Вотъ почему мы, не смотря на смѣшеніе языковъ и понятій и на всеобщія ссоры, все-таки смотримъ на нашу литературу съ уваженіемъ, какъ на явленіе жизненное и въ своемъ родѣ—совершенно органическое. — Осуждая другихъ въ ссорахъ и распряхъ, мы не думаемъ исключить и себя; мы тоже не избѣжали своей участи; не извиняемся и не оправдываемся; скажемъ одно: мы всегда дорожили не вѣрхомъ въ спорѣ, а истиной. Конечно, и ловкія спекуляціи на убѣжденія уже водятся въ нашей литературѣ; но въ сущности, даже и тутъ — болѣе явленій смѣшныхъ, чѣмъ серьозныхъ; болѣе комическихъ исторій, раздражонныхъ самолюбій и напрашивающихся въ карикатуру претензій, чѣмъ истинно-грустныхъ и позорныхъ фактовъ. Мы обѣщаемся внимательно слѣдить за ходомъ и развитіемъ нашей литературы и обращать вниманіе на все, по нашему мнѣнію, значительное и выдающееся. Мы не будемъ избѣгать и споровъ и серьозной полемики, и готовы даже

преслѣдовать то, что считаемъ вреднымъ нашему общественному сознанію; но *личной* полемики мы положительно хотимъ избѣгать, хотя и не утверждаемъ, что до сихъ поръ не были сами въ ней, хотя-бы и невзначай, виноваты. Мерзитъ это намъ и не понимаемъ мы какъ можно позорить бранью и сознательной клеветой людей (на что рѣшаются нѣкоторые), за то только, что тѣ несогласны съ нами въ мысляхъ. Хвалить дурное и оправдывать его *изъ-за принципа,* мы не можемъ и не хотимъ. Издавать журналъ такъ, чтобы всѣ отдѣлы его пристрастно составлять изъ однихъ *подходящихъ* фактовъ; видѣть въ данномъ явленіи только то, что намъ хочется видѣть, а все прочее игнорировать и умышленно устранять; называть это *«направленіемъ»* и думать, что это и правильно и безпристрастно и честно,—мы тоже не можемъ. Не такъ разумѣемъ мы *направленіе.*—Мы не боимся изслѣдованія, свѣту и ходячихъ авторитетовъ.—Мы всегда готовы похвалить хорошее даже у самыхъ яростныхъ нашихъ противниковъ. — Мы всегда тоже готовы искренно сознаться въ томъ, въ чемъ мы ошибались, тотчасъ же какъ намъ это докажутъ.

Эпоха, съ самаго начала своего существованія, подверглась большимъ и неожиданнымъ неудачамъ. Во первыхъ, она вышла поздно; покойный издатель объявилъ объ изданіи своего журнала только въ февралѣ нынѣшняго 1864 г. Первые два номера, въ одной книгѣ, могли выйти не ранѣе 20 марта. Слѣдственно журналъ опоздалъ съ самаго начала. Покойный издатель обѣщалъ войти въ сроки и непремѣнно-бы сдержалъ свое слово; для этого онъ имѣлъ передъ собой девять мѣсяцевъ и сдѣлалъ-бы это, постепенно, не торопясь и такимъ образомъ не вредя составу номеровъ журнала поспѣшностью.

Но неожиданная болѣзнь и смерть его совершенно остановили изданіе почти на полтора мѣсяца. Образовавшаяся наконецъ редакція увидѣла вдругъ передъ собой бездну новыхъ трудностей, которыя должна была преодолѣвать.

Во первыхъ опоздали поневолѣ вдвойнѣ противъ прежняго.

Во вторыхъ,—письменныя сношенія журнала, нѣсколько сотъ рукописей хранящихся въ конторѣ журнала,—все это было незнакомо, неизвѣстно; все это предстояло разобрать и рас-

путать, иногда совершенно безо всякой руководящей нити. Переписка съ иногородными увеличилась, усложнилась. Прежнія рѣшоныя дѣла требовали объясненія, провѣрки, новыхъ рѣшеній. Рукописи требовали новаго разбора и новаго съ ними знакомства. Не говоримъ уже о чисто-матеріальныхъ препятствіяхъ и заботахъ, которыя однакоже всѣ требовали настоятельнаго и скорѣйшаго разрѣшенія и отнимали время у редакціи. Тѣмъ не менѣе редакція поставила себѣ въ обязанность ввести журналъ въ срокъ. Сентябрскій и октябрскій номера будутъ печататься разомъ въ двухъ типографіяхъ и выдутъ оба въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Ноябрскій и декабрскій номера выйдутъ въ декабрѣ. Январскій № будущаго 1865 г. выйдетъ *непремѣнно* въ январѣ. Придать дѣлу такой усиленный ходъ редакція не могла съ самаго начала; она должна была сперва обезпечить почти всѣ отдѣлы журнала, не повредивъ ему поспѣшностью.

Редакція обратитъ особенное вниманіе на разсылку своего журнала въ губерніи и доставку его подписчикамъ. Хотя жалобъ на неправильную доставку книгъ получалось въ редакціи не болѣе, чѣмъ въ прежнее время, но тѣмъ не менѣе редакція сознается, что должны быть произведены улучшенія, и она непремѣнно займется ими.

ПОДПИСКА НА **ЭПОХУ** ПРИНИМАЕТСЯ

въ петербургѣ	**въ москвѣ**
Въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ.	Въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго

иногородные адресуютъ свои требованія просто: *Въ Редакцію Журнала* ЭПОХА *въ С.-Петербургѣ.* Почтамту извѣстно помѣщеніе редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой редакціи.

РЕДАКТОРЪ **А. Порѣцкій.**

ЛИЗА

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я отправился на лѣто въ степную деревню; цѣль моей поѣздки была чисто хозяйственная. Я получилъ въ наслѣдство растроенное имѣніе и мнѣ необходимо было имъ заняться. Съ непривычки я скучалъ и единственнымъ развлеченіемъ моимъ была охота.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ собралось у меня человѣкъ пять-шесть страстныхъ охотниковъ. Мы удалились на восемьдесятъ верстъ отъ моего имѣнія и прожили три дня въ болотахъ. Тамъ случилось со мною несчастіе: я упалъ съ лошади и переломилъ себѣ руку.

Меня положили въ коляску, не зная куда меня везти и что дѣлать. Верстахъ въ двухъ виднѣлось село съ большимъ господскимъ домомъ; одинъ изъ моихъ товарищей окликнулъ мужика, который ѣхалъ шагомъ, развалясь въ телегѣ.

— «Эй, любезный, скажи пожалуста, нѣтъ ли тутъ по близости доктора?»

— «Дохтура-то?... пожалуй что и есть, флегматически отвѣчалъ мужикъ.

Меня бережно довезли до села Спаскаго, принадлежавшаго графу Павлу Алексѣевичу Пермскому, и сдали на попеченіе доктора-нѣмца; онъ помѣщался съ семействомъ въ просторномъ флигелѣ, гдѣ и мнѣ отвели комнату.

Утомленный и охотой и болью я не вынесъ перевязки: со мной сдѣлалась дурнота, а ночью открылась лихорадка. Карлъ Ѳедоровичъ Фришманъ, такъ звали доктора, объявилъ, что ранѣе трехъ недѣль онъ меня не отпуститъ домой.

Однако черезъ двое сутокъ мнѣ стало легче; я спросилъ у доктора, нѣтъ ли возможности достать книгъ или хоть старыхъ журналовъ? Онъ отвѣчалъ, что много книгъ и журналовъ въ графской библіотекѣ.

Я старался вспомнить, гдѣ я слыхалъ имя Пермскаго, и вспомнилъ наконецъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ женился на свѣтской, но не богатой дѣвушкѣ, знакомой нашему семейству. Я встрѣчалъ ее въ свѣтѣ, но Пермскаго не видалъ никогда, а слышалъ только, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ кружкамъ, которые составились у насъ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

— Скажите графу Пермскому, что онъ много обяжетъ меня, если пришлетъ мнѣ книгъ, сказалъ я доктору.

Онъ отвѣчалъ, что графъ не живетъ въ своемъ имѣніи и что книги мнѣ принесетъ Лизавета Александровна. «У ней ключъ отъ библіотеки,» прибавилъ онъ.

— «А можно мнѣ принять Лизавету Александровну въ шлафрокѣ?»

— «О, Лизавета Александрова очень добрая, очень добрая! Она часто ходитъ за моими пацiентами, отвѣчалъ Карлъ Ѳедоровичъ.—Будьте покойны».

Онъ вышелъ, и черезъ нѣсколько минутъ кто-то постучался въ дверь и спросилъ: можно ли войти?»

И молодая дѣвушка показалась на порогѣ.

Она была высокаго роста, худощава, но хорошо сложена. Съ перваго взгляда мнѣ врѣзались въ память ея небольшіе глаза, длинноватый и прямой носъ и полныя губы. Она утратила свѣжесть первой молодости (ей было двадцать три года), но сохранила бѣлизну рыжеватыхъ женщинъ и какъ всѣ онѣ была весновата, что впрочемъ нисколько ея не портило. Ея прекрасные волосы, заплетенные на двѣ косы, ложились въ два ряда около головы. Лизавета Александровна была одѣта не только просто, но даже бѣдно: ситцевое платье ея, мѣстами заштопанное, уже полиняло; но воротничокъ и рукава безукоризненной бѣлизны обнаруживали привычки порядочнаго воспитанія.

— «Карлъ Ѳедоровичъ мнѣ сказалъ, что вы просили книгъ? заговорила она.—Какихъ вамъ книгъ?»

Я началъ извиняться, что принимаю ее въ шлафрокѣ, и помнится наговорилъ пустыхъ фразъ. Она не слушала, а вдругъ меня перебила.

— «Какъ вы блѣдны! Вы еще очень страдаете?»

— «Нѣтъ, мнѣ теперь лучше, но скучно и хотѣлось бы чѣмъ-нибудь заняться»

— «Въ библіотекѣ все французскіе и русскіе классики, да старые журналы».

— «Я и этимъ буду доволенъ».

— «Сейчасъ принесу».

Она вышла и скоро возвратилась съ сыномъ доктора. Они тащили вдвоемъ цѣлую кипу книгъ и разложили ихъ около меня на столѣ и на диванѣ.

— «Тутъ цѣлый годъ изъ *Revue des deux mondes*, сказала Лиза. Повѣсти хороши.

Съ этими словами она поклонилась и исчезла. Кланяясь, она не улыбалась какъ провинціалки. Въ ея манерахъ было что-то холодное, рѣзкое. Она будто думала: «Говорите скорѣй; некогда мнѣ вами заниматься».

Я узналъ отъ доктора, что она рано лишилась матери и воспитывалась у какой-то родственницы въ Москвѣ. Отецъ ея промоталъ порядочное состояніе, спился и умеръ отъ удара. Тогда Лиза возвратилась въ родительскій домъ, но онъ уже

былъ описанъ. Карлъ Ѳедорычъ помогъ ей расплатиться съ кредиторами отца а на ея долю очистился маленькій капиталъ, но процентами съ него не было возможности жить своимъ домомъ. Жена доктора, любившая мать Лизы, перенесла свою привязанность на молодую дѣвушку и предложила ей уголъ у себя. Черезъ годъ докторъ овдовѣлъ; Лиза привязалась къ его дѣтямъ, осталась съ ними и стала давать имъ уроки французскаго и русскаго языковъ.

Такъ вотъ какая интересная особа! думалъ я, начиная перелистывать книги. Но Лиза меня занимала больше чтенія. Однако на другой день я уже меньше о ней думалъ, а на третій еще меньше. Болѣзнь и скука брали свое.

Въ воскресенье Лиза возвращаясь отъ обѣдни, остановилась подъ окномъ моей комнаты и спросила, какъ я себя чувствую.

— «Благодарю васъ, отвѣчалъ я; мнѣ не хорошо. Скука мнѣ разстраиваетъ нервы».

Она покачала головой и сказала подумавъ:

— «Да! здѣсь невесело. А книги васъ занимаютъ?»

— «Докторъ мнѣ запретилъ читать. У меня устаютъ глаза.

— «Я могу вамъ читать вслухъ».

— «Какъ? вы будете такъ добры?»

— Я приду вечеромъ. Хотите? прибавила она, положивъ просвиру на окно, и отошла.

Ея манеры и складъ рѣчи обнаруживали рѣшимость ея характера. Я долго слѣдилъ глазами за ея усталой походкой и сталъ ждать вечера съ нетерпѣніемъ.

Часовъ въ шесть она явилась, открыла книгу и спросила не взглянувъ на меня:

— «У васъ есть семейство?»

— «Да, двѣ сестры».

— «А вы свободны?»

— «Свободенъ ли?... Совершенно».

— «Потерпите, вы скоро выздоровѣете и васъ отпустятъ на волю».

— «Вы говорите обо мнѣ какъ о плѣнникѣ,» замѣтилъ я съ невольной улыбкой.

Она поняла, что ея слова должны были казаться странными, и улыбнулась въ свою очередь, но принужденно, и принялась поспѣшно за чтеніе.

Ея оригинальность сильно дѣйствовала на воображеніе. Она прочла маленькую повѣсть въ *Revue des deux mondes*, закрыла книгу и облокотилась на окно.

Вечеръ былъ чудный. Мужики въ бѣлыхъ рубахахъ возвращались съ луга. На косахъ, качавшихся у нихъ на плечахъ, при каждомъ движеніи отражались какъ въ стеклѣ лучи солнца; стадо потянулось по пыльной дорогѣ. Двѣ рыжія телушки забѣжали на господскій дворъ, куда ихъ заманивала свѣжая травка; но въ ту же минуту пастухъ, вооружонный огромнымъ кнутомъ, бросился за виновницами съ крикомъ: Куда?...

Казалось, что Лиза совершенно забыла о моемъ присутствіи. Послѣ продолжительнаго молчанія я ей сказалъ:

— «Если бы я былъ здоровъ, я бы вамъ предложилъ прогулку. Какъ хорошо теперь въ полѣ!»

— «Какъ завидна участь моряка!» сказала она, не отвѣчая на мои слова.

— «Почему?»

— «Онъ вѣчный странникъ. Перемѣна и разнообразіе— вотъ его жизнь. Можно ли придумать что-нибудь скучнѣе какъ смотрѣть на одинъ и тотъ же уголокъ неба?»

— «Такъ вы думали о скукѣ, которую онъ на васъ наводитъ, пока я сожалѣлъ, что не могу полюбоваться имъ вмѣстѣ съ вами?... Вотъ что называютъ un coq-à-l'ane.

Она не отозвалась.

— «Скажите, спросилъ я, много дичи въ этихъ мѣстахъ?»

— «Говорятъ много».

— «Мнѣ бы хотѣлось поохотиться здѣсь осенью».»

— «Мы будемъ очень рады, если вы сюда вернетесь, отвѣчала она, вдругъ обернувшись ко мнѣ.

Эта странная дѣвушка внушала мнѣ непріятное чувство,

но ея послѣднія слова неожиданно помирили насъ. Я на нее сердился, потому что былъ неловокъ и глупъ въ ея присутствіи, и рѣшился ей это прямо сказать. Она смутилась и протянула мнѣ руку.

— «Я здѣсь одичала, отвѣчала она, и чувствую, что я не гожусь въ сердобольныя. Хотите, я позову доктора? Втроемъ будетъ веселѣй».

Я этого не находилъ, однако не помѣшалъ ей позвать Карла Ѳедорыча.

— «Въ комнатѣ душно, сказала Лиза. Хотите пить чай на воздухѣ?»

Она принялась хлопотать и черезъ нѣсколько минутъ у крыльца поставили столъ, накрытый ярославской скатертью, а на столѣ зашипѣлъ самоваръ. Лиза разливала чай; дѣтямъ дали по ломтю ситнаго хлѣба и по стакану молока, и надѣли на нихъ салфетки, которыя завязали на затылкѣ. Докторъ, сидя у стола, держалъ трубку въ рукахъ, а я курилъ сигару. Наконецъ Лиза разговорилась.

Она олицетворяла типъ дѣвушекъ той эпохи: тогда въ Россіи не было рѣчи объ ученыхъ женщинахъ. Лиза знала прекрасно французскій языкъ, а русскій только порядочно, и читала всѣхъ русскихъ поэтовъ и романистовъ, но серьезными книгами не занималась. Стѣсненныя воспитаніемъ и предразсудками отживающаго поколѣнія, тогдашнія дѣвушки порывались жить, и романтическая мечтательность составляла основную черту ихъ характера. Какую прелесть она сообщала Лизѣ! Но тогда я не былъ способенъ оцѣнить эту милую дѣвушку. Я мало зналъ свѣтъ, а женщинъ и вовсе не зналъ. До двадцати трехъ лѣтъ я жилъ въ семействѣ строгомъ, почти суровомъ, въ которомъ жизнь женщинъ посвящалась одному долгу и молитвѣ. На своихъ сестеръ я смотрѣлъ, какъ на образецъ всѣхъ совершенствъ. Онѣ безупречны, это правда. Единственный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ никогда не ошиблись.

Первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ, и мы съ тѣхъ поръ собирались каждый вечеръ около чайнаго стола. Какъ мнѣ памятны эти вечера! Дѣти играли въ коршуны или въ

горѣлки съ дворовыми ребятишками, Лиза вышивала по коленкору, докторъ курилъ трубку, и мы бесѣдовали. Онъ часто жаловался на своихъ больныхъ; его приводило въ отчаяніе упрямство простого человѣка, который, какъ извѣстно, презираетъ медицину и гораздо охотнѣе довѣряется своему брату или сельскому знахарю, нежели врачу. Карлъ Ѳедорычъ мнѣ повѣрялъ, что помѣщицы не лучше мужиковъ и прибѣгаютъ къ самымъ страннымъ средствамъ для изцѣленія болѣзней.

— «Фуй, какъ стыдно образованной дамѣ заниматься такими глупостями, говорилъ онъ мнѣ.—Я слышалъ, сама графиня, маменька нашего графа, этимъ глупостямъ вѣрила, продолжалъ Карлъ Ѳедорычъ понизивъ голосъ.—Была при дворѣ фрейлина, а докторовъ терпѣть не могла! Видите, вонъ—старуха идетъ (онъ указалъ на дворовую женщину, которая несла ведро съ водой): когда графиня была беременна, такъ Вѣра Максимовна ее толокномъ кормила и графа принимала, когда онъ родился».

Я люблю слушать разсказы о старинѣ и просилъ его подозвать Вѣру Максимовну. Она поставила на землю свое ведро, обтерла лицо концами платка обвернутаго около шеи и поклонилась намъ въ поясъ. Вѣра Максимовна была словоохотлива и говорила о прежнемъ блескѣ семейства съ гордостью старыхъ крѣпостныхъ служителей.

— «У графини было много дѣтей? спросилъ я между прочимъ.

— «Нѣтъ, батюшка, всего одинъ сынокъ. Она никакъ на тридцатомъ году за мужъ-то шла. Сама вишь государыня ей женишка сосватала. Они съ графомъ хорошо жили,—ну, а дѣтей все Богъ не давалъ, и все-то покойникъ объ этомъ тужилъ. Онъ скончался великимъ постомъ, а графчикъ родился подъ красную горку. Ужъ графиня убивалась, убивалась. Вотъ, говоритъ, Вѣрушка, Господь Богъ послалъ мнѣ красное яичко, а похристосоваться не съ кѣмъ».

— «Графиня должно быть его очень любила»?

— «Любить-то любила, а строго держала, отвѣчала Вѣра Максимовна.—Сѣкала больно. Онъ тоже характерный былъ.

Собралась она его въ военную службу записать, и слышать не хотѣлъ.—Вези, молъ, меня въ Москву учиться.—Ну, графиня посерчала, посерчала, да и повезла его въ Москву. Какъ онъ всему выучился, такъ и поѣхалъ въ чужія земли... Ну, мой батюшка, графиня насилу-то его дождалась, да чуть было ему невѣсту не сосватала,—знатную, говорятъ, невѣсту. А графчикъ слышать не хочетъ. Знать не пригляну-лась.—Вы, говоритъ, маменька, меня не приневоливайте. Я женюсь на простой, лишь бы она мнѣ, говоритъ, понравилась. Покойница такъ руками и всплеснула.— Злодѣй! говоритъ, откуда ты этого набрался? Кто тебя подучилъ? это вѣдь, говоритъ, тебя нѣмцы испортили.—Такъ и не уломала: ужъ онъ послѣ покойницы женился. А хорошій баринъ, и мужикомъ не брезгаетъ. Какъ они сюда молодые-то пріѣхали, такъ на святой мужички и пришли съ господами похристоваться. Извѣстно, рожи-то немытыя, графиня имъ ручку даетъ цѣловать, а сама не цѣлуется. Какъ онъ на нее мою голубушку по нѣмецки-то закричитъ!—Всѣхъ, говоритъ, цѣлуй!—право слово».

— «Что же, онъ сюда хозяйничать пріѣзжалъ»?

— «Ну, батюшка, въ хозяйствѣ-то онъ мало толку знаетъ; не то что покойница. Стараго управляющаго отставилъ, а на его мѣсто прислалъ нѣмца. Ну, извѣстно нѣмецъ, свои порядки завелъ и мужичковъ обижалъ. Они тоже молчать не стали, прогнать его хотѣли; онъ видитъ, дѣло-то плохо да и далъ тягу. Тогда ужъ графъ самъ и пріѣхалъ; никакъ съ годъ что-ли здѣсь прожилъ».

— «Я встрѣчалъ его жену, но его никогда не видалъ, сказалъ я Лизѣ.

— «Они разстались, отвѣчала Лиза по французски».

— «Право? А мнѣ помнится, что мои сестры ее очень хвалили. Развѣ она эманципировалась вышедши за̀ мужъ»?

— «Нисколько. Но вѣдь не всегда достаточно для счастья мужа, чтобъ жена была ему вѣрна».

— «Конечно, но если она глупа или пуста, кто же виноватъ? Зачѣмъ онъ женился?»

— «Э! Боже мой! сказала она съ досадой,—когда переста-

нутъ повторять это общее мѣсто. Онъ ошибся, — и тѣмъ лучше для него. Признаюсь вамъ, я терпѣть не могу людей, которые никогда не ошибаются».

Мнѣ не нравилась эта рѣзкость, но сама Лиза мнѣ нравилась, и я старался извинить сиротствомъ, плохимъ воспитаніемъ и одиночествомъ то, что мнѣ тогда казалось ложнымъ направленіемъ ея чувствъ. Я невольно увлекался ея красотой, романическимъ складомъ ума и искалъ безпрестанно случая съ ней поговорить. Она меня распрашивала съ жаднымъ любопытствомъ объ артистахъ, съ которыми я былъ знакомъ, о театрахъ, обо всемъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Какъ тамъ любятъ? Какъ встрѣчаются и расходятся?

Иногда я приписывалъ побужденіямъ тщеславія скуку, которая ее томила въ уединеніи. Она знаетъ, что хороша собой, думалъ я, ей бы хотѣлось блистать въ обществѣ. Она не можетъ помириться съ своей скромной долей и глядитъ свысока на добряковъ-сосѣдей.

Я какъ-то у ней спросилъ:

— «А вы бы дорого дали, чтобы быть въ свѣтѣ?

— «Я?.. отвѣчала Лиза съ непритворнымъ удивленіемъ. Я бы за это ничего не дала, еслибъ была счастлива здѣсь.

— «Скажите, неужели эта родственница, у которой вы воспитывались, не пригласила васъ переѣхать къ себѣ»?

— Еслибъ она меня и пригласила, я бы къ ней не поѣхала».

— «Развѣ вы ее не любите»?

— «Нѣтъ. Она мнѣ отравила жизнь деспотизмомъ и ханжествомъ. Съ утра до вечера она насъ преслѣдовала нравоученіями. Бывало Маша, ея дочь, и я, мы ждемъ не дождемся той минуты, когда она отправится на вечеръ или въ церковь. Какъ скоро она со двора, мы бросимся къ книгѣ или болтаемъ вдвоемъ и строимъ планы какъ бы вырваться на волю. Маша бѣжала и обвѣнчалась тайно, а я возвратилась домой. Сначала мнѣ здѣсь было хорошо.

— «Вѣроятно не на долго»?

Мы сидѣли на скамейкѣ въ скверѣ, который былъ раз-

битъ противъ господскаго дома. Старинная липа насъ осѣняла своими густыми вѣтвями, покрытыми душистымъ цвѣтомъ; Лиза сорвала вѣтку и поднесла ее къ лицу.

— «Сначала мнѣ было и здѣсь хорошо, продолжала она. Жена доктора меня баловала, какъ старшую дочь; такая славная была женщина! Тишина въ домѣ, всѣ мнѣ въ глаза глядятъ... жизнь въ деревнѣ мнѣ показалась идиліей. Я привезла много книгъ, читала, писала свой дневникъ, гуляла по полямъ. Правда, что порой мнѣ было невыносимо грустно, душно, и я плакала, плакала по цѣлымъ часамъ...

Она остановилась.

— О чемъ-же вы плакали? Почему вамъ было грустно?

Она пожала плечами.

— «Посмотрите на эту вѣтку. Больно-ли ей, когда ее жжотъ солнце? Можетъ быть и она томится въ знойный день... По вечерамъ я любила сидѣть вотъ тутъ, на этой скамейкѣ и смотрѣть на пустой домъ. Онъ меня наводилъ на цѣлый рядъ вопросовъ. Кто въ немъ жилъ? Какъ жили? Иногда лѣтомъ я здѣсь засиживалась до полуночи. Темно, хоть на небѣ высыпали звѣзды, кругомъ молчаніе, только по временамъ сторожъ ударитъ въ доску. Всѣ улеглись, и въ домѣ тихо и темно. И вотъ мнѣ представлялось, что въ верхнемъ этажѣ отворяется окно, и кто-то долго въ меня всматривается, думаетъ не призракъ ли это?... и вдругъ исчезаетъ. Но дверь изъ дома на террасу тихо отворяется, я не успѣла убѣжать, а онъ уже у моихъ ногъ и требуетъ и умоляетъ чтобъ я его любила... Да! и здѣсь тогда было хорошо, заключила Лиза».

— «Мечтательница! сказалъ я улыбаясь. А что еслибъ на вашу бѣду кто-нибудь подстерегъ эти грезы»?

— «Если жить, такъ жить по душѣ, отвѣчала Лиза.

Я въ первый разъ встрѣчалъ женщину, которая оскорбляла такъ смѣло мои понятія о женской скромности и строгости, однако я уступалъ невольно ея обаянію.

— «А иногда, продолжала Лиза, мнѣ хотѣлось чтобъ этотъ домъ сіялъ огнями, чтобъ всѣ окна были открыты, и чтобъ я была тамъ на верху въ бальномъ платьѣ, съ цвѣтами на головѣ»...

— «Это желаніе можетъ быть исполнилось. Вы знавали Пермскихъ?

— «Да... конечно».

Мнѣ показалось, что она это сказала съ нѣкоторымъ смущеніемъ, избѣгая взглянуть на меня. Я спросилъ:

— «Что за человѣкъ Пермскій»?

— «Онъ? Очень умный... въ немъ много блеска, воображенія. Для этого человѣка вся жизнь заключалась въ одномъ словѣ: наслаждаться».

— Какъ для всѣхъ эгоистовъ, перебилъ я.

— Не спорю... Съ такими людьми не всегда выгодно столкнуться; но все-таки у него сердце доброе и мягкое. Главная его прелесть состоитъ въ способности увлекаться. Онъ увлекается страстно, но не на долго. На глубокое чувство онъ не способенъ, заключила Лиза, и устремила глаза на вѣтку, которую держала въ рукахъ.

— «Неужели она его любила? подумалъ я съ смутнымъ чувствомъ ревности. Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь придраться къ Пермскому, и я отвѣчалъ Лизѣ:

— Что онъ не способенъ на серьозное чувство, это доказала его женитьба. Я слышалъ, что его жена очень хорошая и добрая женщина.

— Почему ей не прослыть хорошей и доброй женщиной?... сказала Лиза двусмысленнымъ тономъ. Никто не слыхалъ, чтобъ графиня возвысила голосъ; она плакала въ тихомолку, когда ей не удавалось собрать гостей. Мужу она многое прощала, и если она на него смотрѣла, какъ на тирана, то это потому только, что онъ ее привезъ на годъ въ деревню. Ея слабости были невинны, какъ слабости ребенка; за ней ихъ водилось всего двѣ: наряды и попугаи. Она на нихъ издерживала половину своихъ доходовъ, за то ни съ кѣмъ не говорила такъ умно, какъ съ Лорушкой, такъ звали ея любимца, *le perroquet en chef*. Его смерть была самая драматическая минута въ жизни графини. Въ первый разъ отъ роду она вышла изъ себя и объявила мужу, что онъ убійца, потому что Лорушка простудился еще въ дорогѣ. Она никого не любила исключительно, но за то Пермскій

могъ положиться на ея вѣрность; еслибъ этой женщинѣ вздумалось играть съ огнемъ, она-бы и тогда не обожглась. Въ итогѣ, чѣмъ же она не примѣрная женщина?

Я подумалъ: нѣтъ сомнѣнья, она любила Пермскаго, и замѣтилъ вслухъ:

— «А вы безпристрастно рисуете портреты»?

Лиза поняла, что она слишкомъ рѣзко отозвалась о графинѣ Пермской; ей стало совѣстно и досадно. Она поспѣшно встала.

— «Чья же вина?... сказала она. Вы меня вынудили сказать гораздо больше, нежели я хотѣла. — Прощайте. — Дѣти меня ждутъ. Я ихъ везу на именины.»

Мы возвратились домой; я ее остановилъ въ ту минуту, когда она входила на крыльцо. Мнѣ хотѣлось у ней спросить, любила-ли она Пермскаго? Но я просто сробѣлъ передъ ней и спросилъ тономъ сконфуженнаго школьника:

— «А какъ вы думаете, я способенъ на глубокое чувство?»

Она покраснѣла и отвѣчала, пристально взглянувъ на меня:

— «Да.... я въ этомъ увѣрена.»

Я ждалъ нетерпѣливо возвращенія Лизы. Но она пріѣхала поздно и, не ожидая меня, замѣнила блузой свое нарядное платье, распустила волосы и легла отдохнуть.

Я ее засталъ одну. Она лежала на диванѣ, наклонивъ голову надъ книгой; ея поза разительно напоминала мнѣ картину Магдалины Корреджіо: полуобнаженная рука поддерживала голову, а рыжеватые волосы, падая на подушку, ломаными волнами струились вдоль руки. Я долго стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на нее. По моимъ жиламъ пробѣжала электрическая искра.

Лиза подняла голову, вздрогнула и сказала:

— «Это вы?... Ахъ! какъ я испугалась!»

Я сѣлъ у ея ногъ, не подумавъ извиниться. Она подо-

брала волосы подъ шпильку и опустилась утомленная на подушку.

— «Вы хорошо сдѣлали, что пришли, проговорила она. Мнѣ сегодня вредно читать.»

Она не замѣтила, что ея волосы выбились изъ-подъ шпильки, а я впивался глазами въ эту массу волосъ и въ бѣлую руку, обнажонную по локоть. Лиза, опустивъ глаза, играла кистями подушки, на которую опиралась. Мое молчаніе ее смущало; она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Должно быть поздно? — Я жду Карла Ѳедорыча. Онъ у больнаго.»

Я отвѣчалъ:

— «Какъ вы хороши!»

— «Нѣтъ, я уже не хороша теперь....»

Я повторилъ тоже, не отрывая отъ нее глазъ:

— «Какъ вы хороши!»

Она покраснѣла и отвернулась. Я взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Она ее тихо освободила и скрыла лицо въ подушку.

Я былъ готовъ упасть къ ея ногамъ и цѣловать ихъ, но успѣлъ заглушить во́ время душевный порывъ. Мои понятія о чести не допускали меня до объясненія въ любви съ дѣвушкой, которая мнѣ не внушала серьознаго чувства. Не безъ страшнаго однако усилія я всталъ и простился съ нею.

— «Какъ! вы уже уходите?... сказала Лиза.

— «Мнѣ необходимо написать дѣловое письмо.... Я пришолъ на минуту.»

— «Погодите; Карлъ Ѳедоровичъ сейчасъ вернется и мы напьемся чаю вмѣстѣ.»

— «Не удерживайте меня....»

Лиза привстала, взглянула на меня съ недоумѣніемъ и проговорила:

— «Что съ вами?»

— «Отпустите меня, отвѣчалъ я. Я вамъ говорю, что я не долженъ здѣсь остаться.... Вы слишкомъ хороши.... Прощайте.»

На слѣдующій день я встрѣтилъ Лизу въ саду. Мы оба смутились и заговорили общими мѣстами. Я ей сказалъ между прочимъ, что мнѣ надо собираться домой, но утаилъ отъ нея, что вчерашняя сцена ускорила мой отъѣздъ. Сказать-ли правду? Я бѣжалъ отъ искушенія, надѣясь, что меня развлекутъ разлука, скучныя занятія и охота.

— «Вы кажется хотѣли возвратиться сюда осенью? спросила она робко.

— «....И возвращусь.... Что-же вы покачали головой? Вы этому не вѣрите?»

— «Не совсѣмъ вѣрю. Да, мнѣ не вѣрится чтобъ кто-нибудь сюда добровольно вернулся.»

— «Я непремѣнно пріѣду.»

Вечеромъ я уложился и уѣхалъ. Прощаясь съ Лизой, я ей повторилъ, что мы скоро увидимся. Она была блѣдна и грустна и кажется мнѣ не вѣрила.

Я пробылъ дома около шести недѣль и часто думалъ о ней. Ночью она мнѣ снилась иногда... и я просыпался влюбленнымъ. Мысль, что мы растанемся навсегда, меня сильно огорчала, и я сталъ пріискивать средство вырвать Лизу изъ захолустья, гдѣ погибала ея молодость.

Сестры мои были за-мужемъ, но мнѣ даже не пришло въ голову обратиться къ нимъ съ просьбой оказать ей помощь. Между Лизой и ими была такая разница характеровъ и понятій, что онѣ оскорбляли-бы другъ друга на каждомъ шагу; но я расчитывалъ на одну изъ нашихъ родственницъ, богатую и еще молодую вдову, нѣсколько романтичную и экзальтированную. Она жаловалась на слабое зрѣніе и желала взять къ себѣ молодую дѣвушку, которая бы ей читала журналы и романы. Мы были дружны, и я могъ безъ труда внушить ей участіе къ Лизѣ, которую она бы выписала и приняла какъ младшую сестру. Сердце мое билось радостно при мысли, что я увижу Лизу въ Москвѣ

и что она собственно мнѣ будетъ обязана своимъ благосостояніемъ.

Покончивъ съ дѣлами, я воротился въ село Спаское проѣздомъ въ Москву. Лиза выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу; она очень похудѣла и измѣнилась. Я спросилъ, не больна ли она?

— «Я думаю, что у меня лихорадка.«

— «Вы совѣтовались съ докторомъ?»

— «Да ничего, пройдетъ....»

И она меня угощала обѣдомъ и чаемъ, разсказывала, какъ домъ опустѣлъ послѣ моего отъѣзда, какъ она узнавала, гдѣ можно охотиться, и хотѣла мнѣ сама объ этомъ сказать, если я вернусь; я ее такъ избаловалъ своимъ присутствіемъ, что ей будетъ еще тошнѣе безъ меня... и т. д. Я не расчитывалъ на такую встрѣчу и испытывалъ тихое чувство радости и счастья, которое не старался скрывать.

Но день свиданья былъ испорченъ. Докторъ мнѣ объявилъ, что въ сосѣдствѣ сплетничали о моихъ отношеніяхъ съ Лизой, и прибавилъ, что ея болѣзнь можетъ принять серьозный оборотъ, потому что она чисто–нравственная и не уступитъ аптечнымъ средствамъ. Перемѣна жизни—вотъ главное условіе выздоровленія.

Для избѣжанія толковъ, я рѣшился отправиться какъ можно скорѣй въ Москву. Мнѣ до смерти хотѣлось сообщить мои планы Лизѣ, но въ продолженіи цѣлой недѣли, я не успѣлъ выбрать удобной минуты, когда-бы можно было, не возбуждая подозрѣній, поговорить съ ней наединѣ. Рано утромъ я отправлялся на охоту и видался съ Лизой только по вечерамъ, когда семейство собиралось въ маленькой гостиной Карла Ѳедорыча. Я какъ теперь гляжу на эту гостиную: она была выкрашена синею краскою и обставлена неуклюжими креслами, обитыми ситцемъ. Между двумя печами помѣщался мягкій диванъ, а передъ нимъ на овальномъ столѣ, вѣроятно для украшенія, стояла глиняная ваза въ помпейскомъ вкусѣ, потому что я никогда не видывалъ въ ней цвѣтовъ. Къ чаю пріѣзжалъ сосѣдній помѣщикъ или приходила жена управляющаго съ цѣлымъ запасомъ спле-

тенъ. Я держался съ крайней осторожностью, и нѣсколько разъ замѣтилъ, что Лиза на меня смотрѣла безпокойно, какъ бы стараясь угодать почему я избѣгалъ разговора съ нею.

Въ день отъѣзда я отправился въ садъ послѣ завтрака. Погода стояла тихая, но осенній воздухъ былъ пропитанъ свѣжестью. Я засталъ Лизу въ саду; она сидѣла на своей любимой скамейкѣ и натягивала на плечи большую чорную шаль. Я подошолъ.

— «Холодно, — сказала она вздрогнувъ.

Я сѣлъ съ ней рядомъ и взялъ ея влажную и холодную руку.

— «Лиза.... началъ я.

Она не обернулась и покраснѣла, — я въ первый разъ называлъ ее Лизой.

— «Вы простудитесь, пойдемте домой.»

— «Уже?...»

Я подумалъ: любитъ-ли она меня или жалѣетъ обо мнѣ просто потому, что погибаетъ здѣсь отъ скуки.

— «Развѣ вы не понимаете, что я васъ избѣгаю потому, что боюсь сплетенъ?»

— «Такъ всегда и жить для того, что̀ скажутъ?...»

— «Мы скоро увидимся.»

— «Гдѣ же это?... спросила она съ удивленіемъ.

— «Я такъ устрою, что вы пріѣдете въ Москву. Вамъ нельзя здѣсь оставаться.»

Я ждалъ взрыва радости и благодарности, но Лиза поблѣднѣла и замолчала, а мной овладѣло страшное смущеніе. Я находился въ глупомъ положеніи человѣка, который безсознательно зашолъ слишкомъ далеко. Очевидно было, что Лиза ошиблась; она видѣла въ моихъ намѣреніяхъ чувство нѣжнѣе простого участія. Я понялъ, что отъ меня зависѣло вызвать ее на новую жизнь, но... горько въ этомъ сознаться, на необдуманный порывъ меня не стало. Я не рѣшился пожертвовать своей свободой, а роль соблазнителя мнѣ казалась недостойной и ея и меня.

Прошло нѣсколько минутъ несноснаго молчанія. На выручку явился Карлъ Ѳедорычъ: наканунѣ я изъявилъ же-

ланіе осмотрѣть господскій домъ, и докторъ принесъ мнѣ ключъ; Лиза его взяла, сказавъ:

— «Мы пойдемъ вмѣстѣ, а вы, Карлъ Ѳедорычъ, не безпокойтесь; вамъ надо ѣхать къ больнымъ.

Докторъ скромно удалился, а я между тѣмъ успѣлъ придти въ себя и сказалъ Лизѣ тономъ оскорбительно-равнодушнымъ:

— «Пойдемте, я очень радъ, что вы взялись быть моимъ чичероне. Я люблю старинные дома.

Она оперлась молча на мою руку.

Домъ Пермскихъ былъ одинъ изъ рѣдко-уцѣлѣвшихъ образцовъ великолѣпія нашихъ предковъ. Они строились съ цѣлью веселиться, плясать и пировать съ гостями, и воздвигали дворцы, гдѣ комфортъ совершенно приносился въ жертву роскоши. Сами хозяева не заботились о томъ, чтобъ устроить для себя уютный уголокъ, а ихъ гости спали въ гостиныхъ на полу. Въ домѣ насчитывали до пятидесяти комнатъ; онѣ были всѣ проходныя и совершенно перепутались въ моей памяти. Странно! я помню только тѣ именно предметы, на которые не обратилъ тогда вниманія: кресла обитыя розовымъ атласомъ, большая картина, изображающая Императора Павла въ порфирѣ и съ скипетромъ въ рукахъ. Помню еще и росписныя стѣны....

Лиза опиралась на мою руку и дрожала какъ въ лихорадкѣ. Я совершенно растерялся и нѣсколько разъ былъ готовъ прижать ее къ своей груди.

Мы остановились у запертой двери, я положилъ руку на замокъ.

— «...Нѣтъ, нѣтъ, лучше туда не ходить, сказала Лиза.

— «А что это за комната?»

— «Это... кабинетъ Пермскаго.»

— «Почему вы не хотите войти?..»

— «Я не могу... отвѣчала она отвернувшись и опустилась почти въ изнеможеніи въ кресло.

Въ моемъ умѣ мелькнуло въ первый разъ страшное сомнѣніе.

— «Лиза, сказалъ я невольно схвативъ ея руки,—вы любили Пермскаго?»

— «Да.

— «И взаимно?»

— «Да... взаимно.»

— «Онъ не могъ располагать собой... въ такомъ случаѣ порядочный человѣкъ удаляется.»

— «Т. е. обдумываетъ? разсуждаетъ? Не всякій на это способенъ. Иные любятъ обдуманно, другіе съ увлеченіемъ.

Я принялъ къ сердцу намекъ.

— «Словомъ *увлеченіе* все можно извинить, отвѣчалъ я, даже самый холодный расчотъ.»

— «Расчотъ?.. повторила она. Вы думаете, что такъ легко обмануть женщину, когда она искренно любитъ?.. Какъ! вы думаете, что намъ было-до расчотовъ?..»

Я-бы могъ устоять противъ ея любви и до конца казаться равнодушнымъ; но мысль, что Лиза принадлежала можетъ быть другому, уязвила смертельно мое самолюбіе и заставила меня высказать свою ревность. Эта мысль мнѣ никогда не приходила въ голову и поразила меня какъ что-то невозможное, неожиданное. Мнѣ не трудно было добиться полной исповѣди. Душевное и физическое изнеможеніе привели Лизу въ лихорадочное состояніе, которое ей мѣшало владѣть собой и отдать себѣ ясный отчоть и въ моихъ и въ своихъ собственныхъ чувствахъ. Она на меня смотрѣла то недовѣрчиво, то нѣжно, и видимо колебалась между угасающей любовью и еще темною будущностью. Моя неумолимая память сохранила слово въ слово ея разсказъ.

«Это случилось четыре года тому назадъ, начала она. Его ждали сюда. Я жила у доктора; тоска уже начинала овладѣвать мною. Малѣйшее измѣненіе въ ежедневной жизни было для меня праздникомъ, и я стала ждать нетерпѣливо графа и его жену.

Они пріѣхали въ осенній вечеръ. Погода стояла холодная, дождливая, нагоняла тоску; но все засуетилось, ожило въ одинъ мигъ. Въ первый разъ огни замелькали въ окнахъ

большаго дома; я на нихъ смотрѣла до полуночи... мнѣ казалось, что я не одна.

Прошла недѣля, я не видала Пермскихъ. Ненастье задерживало ихъ дома, графиня занемогла. Докторъ ее навѣщалъ каждый день и говорилъ, что она очень желаетъ познакомиться со мной. Я только объ этомъ и думала, но гордость мнѣ мѣшала сдѣлать первый шагъ. Наконецъ я получила приглашеніе: графиня мнѣ писала, что проситъ меня провести съ нею вечеръ, и жаловалась, что нездоровье лишаетъ ее возможности побывать у меня.

Ея записка меня несказанно обрадовала. Вечеромъ я одѣлась, и никогда еще не одѣвалась съ такимъ удовольствіемъ; однако я дрожала отъ страха, когда вошла въ гостиную. Графиня встала ко мнѣ навстрѣчу.

Я понимаю, что Пермскій былъ въ нее влюбленъ. Миловидность и граціозность замѣняли ей красоту. У этой миніатюрной, хилой женщины было только одно прекрасное: ея чорные глаза; однако мнѣ казалось, что я дурна въ сравненіи съ нею. Она кокетничала своей худенькой рукой, украшенной перстнями; каждое ея движеніе было медленно, лѣниво; она утопала въ кружевахъ, въ шолку, въ большой мѣховой мантильи...

— «Какъ вы добры, что навѣстили меня, сказала она. Въ этомъ захолустьѣ такъ скучно, такъ холодно! Вотъ уже недѣля, какъ я не видала человѣческаго лица... Поль, продолжала она, поди сюда, я тебя представлю.

Я обернулась. Пермскій стоялъ въ дверяхъ. Онъ вошолъ и сѣлъ возлѣ насъ.

Странное дѣло! Я боялась, что мнѣ будетъ очень неловко съ свѣтскими людьми, а вышло на оборотъ. Въ этой гостиной не было ни стѣсненія, ни холодности, и когда Пермскій заговорилъ со мной, я отвѣчала свободно и весело.

Былъ-ли онъ хорошъ собою?.. Этого я не знаю, но знаю только, что въ немъ было что-то такое, что меня поразило, бросилось въ глаза,—темные-ли волосы, которые онъ закидывалъ назадъ, повороты-ли головы или повелительный жестъ?.. Онъ улыбался рѣдко, но его улыбка была неотра-

зима,—она освѣщала все лицо. Онъ овладѣлъ разговоромъ, обращаясь исключительно ко мнѣ. Это мнѣ понравилось сначала, и вдругъ мнѣ стало стыдно, какъ-будто совѣстно привлекать постоянно его вниманіе. Однако я слѣдила за нимъ глазами съ неизъяснимымъ наслажденіемъ, когда онъ говорилъ или вставалъ. Жизнь кипѣла въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ, въ жестахъ вызванныхъ досадой. Легко было угадать, что этотъ баловень судьбы ни разу не остановился передъ какимъ-бы то ни было препятствіемъ, и что слово *невозможно* для него не существовало. Онъ не могъ скрыть своего нетерпѣнія, когда графиня говорила не кстати или не понимала того, что онъ говорилъ; а она была одинаково равнодушна къ вспышкамъ досады своего мужа и къ прелести его разговора. Она вообще кротка и обращается ласково и привѣтливо съ каждымъ, лишь бы только ее забавляли, лишь бы просто около нея шумѣли.

Она мнѣ описала наряды, которые привезла изъ Парижа, и разсказывала какъ нянчилась дорогой съ попугаями; Пермскій мнѣ предложилъ книгъ, журналовъ, цвѣтовъ, читалъ стихи Мюссе и какъ читалъ! Этотъ голосъ, эти слова увлекали въ рай поэзіи и страсти.

Я ушла только въ полночь; съ меня взяли слово возвратиться на другой день. Пермскій просилъ меня не забыть моего обѣщанья.

Возможно-ли было забыть?.. Я узнала часы счастья, и далѣе такого счастья не пойдетъ человѣческое воображеніе; но ничто не можетъ сравниться съ свѣжестью первыхъ часовъ, когда любовь вкрадывается во все существо. Я воротилась домой упоенная, очарованная всѣмъ, что видѣла и слышала. Я словно вышла изъ волшебнаго замка. Мнѣ было невозможно заснуть, въ полудремотѣ мнѣ все мерещился вчерашній вечеръ: то мнѣ представлялась гостиная убранная цвѣтами, то я слышала голосъ Пермскаго, то стихи Мюссе; то самъ Пермскій стоялъ передо мной, и я вздрагивала и просыпалась. Стало разсвѣтать, и мнѣ было жаль, что кончилась эта лихорадочная ночь. Я спрыгнула съ постели, и чтобъ укоротить время, открыла романъ, который взяла на этажеркѣ графини. Этотъ романъ былъ Léone Léoni.

Чтеніе меня невольно завлекло, но я его прерывала нѣсколько разъ и принималась ходить по комнатѣ, думая о вчерашнемъ вечерѣ. Въ три часа я уже была у Пермскихъ и застала графиню одну; я не смѣла спросить, гдѣ ея мужъ? Кто-то проѣхалъ верхомъ по двору во весь опоръ: я подошла къ окну и меня обдало такимъ счастьемъ, что я сама его испугалась...

Я не строила теорій о любви, но испытывала горячую потребность любить, не спрашивая себя, гдѣ начало, гдѣ границы страсти. Она должна была овладѣть мною безъ борьбы. Я слѣпо пошла по той дорогѣ куда судьба меня увлекала.

Съ тѣхъ поръ я бывала у Пермскихъ ежедневно. Въ скоромъ времени все сосѣдство стало къ нимъ съѣзжаться, но я на это не жаловалась; пока графиня садилась за фортепіано или за карты, онъ находилъ случай сказать мнѣ нѣсколько словъ на единѣ, и дѣлалъ это такъ ловко, что наши разговоры не обращали на себя ничьего вниманія. Они принимали нечувствительно интимный характеръ, и я выносила изъ нихъ счастье, котораго стало-бы на цѣлую вѣчность. Я еще не спрашивала себя любитъ ли меня Пермскій? Любовь наполняла мое сердце и я была счастлива уже потому что любила.

Разъ я застала графиню за вечернимъ чаемъ. Ея продолжительное нездоровье мѣшало ей выѣзжать и она была не въ духѣ. Я положила передъ ней романъ, который она мнѣ дала прочесть. Графиня взглянула на заглавіе и сказала:

— «A! Léone Léoni?

Я вамъ передамъ цѣлый разговоръ по поводу этой книги, и вы сами рѣшите, возможно-ли было такимъ различнымъ существамъ какъ Пермскій и его жена ужиться вмѣстѣ.

— «Что же? вамъ понравилась эта книга? спросила графиня.

Я отвѣчала, что понравилась.

— «Ахъ! comme vous etes romanesque! А по моему книга просто неблагопристойная.—(Она обратилась къ мужу). Вѣдь герой-то не женатъ! Ну, скажите, развѣ хорошо воспитанная женщина полюбитъ кого-нибудь кромѣ своего мужа? А эта еще разъѣзжаетъ съ своимъ любовникомъ по всей Европѣ.—

Почему онъ на ней не женился? Это даже не объяснено.»

Пермскій вскочилъ со стула.

— «Скажи пожалуста, моя милая, спросилъ онъ, откуда ты набралась этихъ комментаріевъ? У Карла Ѳедорыча что ли? Да и онъ не скажетъ, что хорошее воспитаніе помѣшаетъ женщинѣ полюбить.»

Графиня обидѣлась, потому что была уже и такъ не въ своей тарелкѣ; мнѣ стало ее жаль, и я вмѣшалась въ разговоръ.

— «Графиня, сказала я, главная цѣль романа показать, что женской преданности нѣтъ границъ. Вы правы: я не понимаю почему Ж. Зандъ не женила Леони. Ея цѣль была бы все-таки достигнута».

Когда графиня считала себя оскорбленной мужемъ, то старалась отмстить ему намеками.

— «А! въ томъ-то и дѣло!—отвѣчала она. А я что-же говорю? Если бъ **Léoni** былъ женатъ на героинѣ,—ну, я бы поняла, что она его такъ любитъ. Какъ не любить такого мужа? — Онъ ее всячески тѣшитъ, балуетъ, даже крадетъ, чтобъ ее наряжать.—Онъ готовъ свою душу погубить для того только, чтобъ ей было весело».

Тутъ еще на бѣду раскричались попугаи; Пермскій взялъ книгу и вышелъ, чувствуя, что онъ не будетъ въ силахъ превозмочь своей досады.

Когда я собралась домой, онъ меня проводилъ до крыльца и подалъ мнѣ **Léone Léoni.**

— «Позвольте мнѣ вамъ подарить эту книгу, сказалъ онъ.—Она моя.»

На первой страницѣ онъ написалъ:

— «**Celle qui a compris Julliette—aimera.**»

Съ какой безумной радостью я прочла эти слова! Я спрятала книгу подъ подушку и просыпалась ночью, чтобъ перечитывать надпись при свѣтѣ лампадки и цѣловать каждое слово...

На другой день, когда мы увидѣлись съ Пермскимъ, я вспыхнула, и онъ такъ смутился, что сказалъ мнѣ едва внятно какую-то несвязную фразу.—Графиня вышла и сѣла за фортепіано, а онъ подошолъ ко мнѣ.—У меня потемнѣло въ гла-

захъ... Онъ былъ блѣденъ, схватилъ мою руку и поцѣловалъ. Я не имѣла ни силы, ни желанья противиться.

— «Лиза, Лиза, шепталъ онъ, ты мнѣ еще не сказала, что ты меня любишь.. »

Я слышала въ первый разъ этотъ шопотъ...»

Лиза замолчала и закрыла лицо руками. Каждое ея слово обдавало меня холодомъ, приводило въ негодованіе. Въ моихъ глазахъ этотъ графъ былъ ничто иное, какъ бездушный волокита, недостойный любви честной женщины, а она еще возводила его въ идеалы! Никогда я не видалъ въ ней такого огня и не повѣрилъ бы, что она способна сказать то, о чемъ женщина вспоминаетъ съ раскаяніемъ и страхомъ.

— «Продолжайте, сказалъ я. Не скрывайте отъ меня ничего.»

— «Я отъ васъ ничего не скрою, отвѣчала она. Я погибшее существо, я не раскаяваюсь, что я его любила. Если бъ я могла убѣдиться, что онъ не любилъ меня, а соблазнялъ отъ скуки, тогда только я бы могла раскаяваться и сокрушаться.

«Съ этого дня я все рѣже и рѣже бывала у графини. Къ счастью, меня замѣнила одна изъ нашихъ сосѣдокъ; но его я видѣла каждый день, хоть на минуту у доктора, въ саду, въ оранжереѣ, и уносила на губахъ жгучій слѣдъ поцѣлуя. Разъ онъ меня увлекъ въ этотъ кабинетъ; я видѣла его у моихъ ногъ и говорила какъ сумасшедшая. Я твоя, твоя.. »

Лиза опять прервала на минуту свой разсказъ. Ея щоки горѣли лихорадочнымъ жаромъ.

«Въ это время, продолжала она, графиня уѣхала верстъ за шестьдесятъ къ своей сестрѣ. Я была виновата передъ графиней. Эта мысль омрачала мое счастье, но угрызенія совѣсти забывались, когда наступалъ вечеръ и я шла къ освѣщеннымъ окнамъ кабинета. Я проходила садомъ, пряталась въ аллею, если кто шолъ мимо, и добиралась сюда дрожа отъ холода, страха и радости. Онъ дожидался у дверей темнаго корридора и согрѣвалъ меня на своей груди.

Заслушиваться любимаго человѣка, признавать закономъ каждое его слово, усвоивать себѣ всѣ его мысли—выше блаженства нѣтъ для женщины. Онъ самъ мнѣ отдавался вполнѣ.

Какъ скоро пролетали зимніе вечера! Я любила цвѣты,—кабинетъ былъ ими обставленъ. Запахъ этихъ цвѣтовъ, упоеніе его ласкъ и прелесть разговора,—все меня приводило въ состояніе, которое ни съ чѣмъ нельзя сравнить... Развѣ только съ бредомъ, отъ какого-нибудь яда. Ахъ! тотъ, кто узналъ этотъ бредъ, теряетъ способность раскаяваться.

Вы угадываете остальное: пришло время, когда его любовь начала гаснуть. Когда онъ меня въ первый разъ поцаловалъ холодно, я поняла, что горе отзывается въ сердцѣ еще громче, нежели счастье. Во мнѣ что–то оборвалось безвозвратно. Я не старалась себя обманывать. Всего больнѣе было сознаться, что онъ такой-же человѣкъ, какъ и другіе. Я поняла, что нельзя бороться противъ охлажденія чувства, и не захотѣла, чтобъ любовь стала для него игомъ, которое онъ-бы съ себя не сбросилъ по долгу чести.

Въ сосѣдствѣ жила молодая женщина, съ которой я была дружна; она предложила мнѣ переѣхать къ ней на время; я согласилась и сказала ему, что онъ свободенъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ онъ пожелалъ меня видѣть, я отказала.—Протянуть ему холодно руку? Обдумывать каждое слово говоря съ нимъ. Это было невозможно, это была бы пытка. Но я ему обѣщала, что если настанетъ время, когда я его полюблю, какъ друга, то я обращусь къ нему.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Я узнала отчаяніе, тоску, ярость, которую разбитая любовь оставляетъ въ сердцѣ. Каждая минута счастья была искуплена; а теперь... мнѣ кажется, что я его не люблю.»

Настало гробовое молчаніе. Въ продолженіи по крайней мѣрѣ четверти часа я ходилъ взадъ и впередъ по длинной залѣ, освѣщонной послѣдними лучами солнца. Я какъ теперь слышу, какъ стукъ моихъ шаговъ раздавался въ пустыхъ покояхъ.

Я не рѣшался взглянуть на Лизу и придумывалъ какую нибудь фразу, которая не обидѣла бы ея смертельно, не слишкомъ бы ей высказала холодное отчужденіе, единственное чувство, которое я тогда испытывалъ къ ней.

— «Вы думаете, что вы больше не любите Пермскаго? началъ я останавливаясь передъ ней. Не ошибаетесь-ли вы?

— «Если я вамъ это сказала, такъ это правда, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ и опустила глаза.

— «Положимъ что такъ... Но вы уже не способны полюбить человѣка... который бы не напоминалъ графа Пермскаго, Донъ-Жуана.»

— «Вы въ этомъ убѣждены?.. спросила она тономъ нѣжнаго упрека и слегка покраснѣвъ.

Въ моихъ словахъ она видѣла лишь выраженіе ревности, но я не хотѣлъ ее обманывать.

— «Зачѣмъ я васъ узналъ слишкомъ поздно! сказалъ я... Она на меня взглянула съ выраженіемъ страданія, котораго я никогда не забуду. Я продолжалъ: Располагайте мною какъ другомъ, я васъ объ этомъ прошу.—Все, что будетъ возможно для васъ сдѣлать, я сдѣлаю. Вы поступили благородно, не скрывая отъ меня прошедшаго... Но что за насмѣшка судьбы!—Конечно вы тогда были очень молоды, неопытны... Но какое несчастіе, что вы встрѣтили человѣка недостойнаго васъ, который даже не умѣлъ любить...

Я путался въ своихъ фразахъ,—Лиза меня перебила:

— «Онъ умѣлъ любить въ тысячу разъ больше нежели вы», отвѣчала она съ удареніемъ на каждомъ словѣ.

Она встала и бросилась къ дверямъ.

Это послѣднее оскорбленіе не помѣшало мнѣ однако ее догнать.

— Неужели мы разстанемся врагами? спросилъ я ее.

Она на меня взглянула холодно, почти съ презрѣніемъ, и протянула мнѣ руку молча.

Я уѣхалъ, не имѣя духу съ ней проститься.

Однако мысль, что я заслужилъ презрѣніе Лизы, не давала мнѣ покоя. Я смутно понималъ, что я ея не стою, и не хотѣлъ упасть въ ея мнѣніи. По пріѣздѣ въ Москву, я къ ней написалъ, стараясь объяснить почему я поступилъ такъ, а не иначе, какъ-будто этотъ способъ оправданія имѣетъ какое-нибудь значеніе въ глазахъ людей, которые въ насъ ошиблись. Я ее просилъ дать мнѣ по крайней мѣрѣ право пристроить ее въ Москвѣ. Отвѣта не было.

Годъ спустя я узналъ, что вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ деревни, Лиза оставила доктора, но куда она скрылась?

Этого мнѣ никто не могъ сказать. Карлъ Ѳедорычъ переселился съ семействомъ въ Остзейскія губерніи, и съ нимъ исчезла моя послѣдняя надежда узнать о судьбѣ Лизы.

Чѣмъ больше я сближался съ женщинами, тѣмъ больше понималъ ту, которую я такъ глубоко оскорбилъ. Гдѣ она? счастлива-ли она или погибла? Скитается-ли одна по бѣлому свѣту, или встрѣтила человѣка, который ей помогъ забыть и Пермскаго и меня?..

Ольга N.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА

Verœ voces ab imo pectore.
Quint

I.

ИСТОРІЯ О ТЫСЯЧАХЪ-РУБЛЯХЪ И О БУЛЫЖНЫХЪ КАМНЯХЪ

1.

14-го сентября 1862 года, въ самый праздникъ Воздвиженья, часовъ около семи утра я выѣхалъ на шестьдесятъ восьмую мою уставную грамоту.

Мировому посреднику, не такъ какъ ружейному охотнику, нѣкогда любоваться природой. Охотникъ, хоть бы самый страстный, самый, какъ они выражаются о себѣ, «сосредоточенный», все-таки гуляетъ для собственнаго удовольствія: онъ властенъ остановиться гдѣ, когда и на сколько хочетъ времени и дѣлать что ему угодно,—удовольствіе, съ которымъ рѣшительно не знакомъ мировой посредникъ, всегда озабоченный, всегда, а особенно въ извѣстные дни, въ дни назначенія своихъ пріѣздовъ въ иные пункты своего участка, когда его ждетъ ни вѣсть сколько народа, дорожащаго каждой минутой. Онъ ѣдетъ, и въ головѣ у него не

одно то дѣло, на которое онъ ѣдетъ, а можетъ быть десять, двадцать другихъ дѣлъ, не дающихъ ему покоя, не клеящихся и не ладящихся, не смотря на все его усердіе. Тутъ не до прелестей утра и вечера, не до картинныхъ мѣстоположеній, особенно какъ иной разъ, выѣхавъ съ разсвѣтомъ, возвращаешься домой около полночи, усталый, измученный и голодный не потому чтобы поѣсть было нечего, а потому что поѣсть было нѣкогда.

Можетъ быть этому не повѣритъ только тотъ, кто самъ не былъ посредникомъ.

Утро, въ которое я выѣхалъ, было однако до того хорошо, что имъ невозможно было не залюбоваться, не смотря на очень невеселыя думы, тѣснившіяся мнѣ въ душу. Густой туманъ, стлавшійся надъ землей, начиналъ подниматься съ нея какими-то винтообразными, крутящимися, огромныхъ размѣровъ клумбами или, какъ говорится, вавилонами; только-что взошедшее солнце, прогонявшее его, сперва свѣтило сквозь него краснымъ, огненно-матовымъ свѣтомъ, потомъ прояснилось, и тогда миріадами блестокъ засверкалъ иней на придорожной сжатой нивѣ; надъ головой совершенно-чистое синее небо, какое бываетъ только осенью; тамъ и сямъ паутинникъ летѣлъ или хлопьями, или длинными нитями, опутывая кусты шиповника и дикой рябины и налетая на путника; съ нѣсколькихъ сторонъ разносился благовѣстъ къ обѣднѣ, слышный то близко, то въ отдаленіи; въ воздухѣ было холодно и какъ-то отрадно...

Посредники особенно дорожатъ праздничными днями, приходящимися середи недѣли: народъ весь дома, не на базарѣ и не на работѣ, очень радъ потолковать на досугѣ сколько угодно, готовъ идти съ вами осматривать дачу и очень благодаренъ, что его не отрываютъ отъ дѣла, которымъ онъ постоянно занятъ въ будни. Понятно почему я не пропустилъ праздника Воздвиженья, пришедшагося въ пятницу.

Я зналъ, что ѣду на непріятное дѣло, съ которымъ уже порядочно познакомился какъ изъ переписки, возникшей у меня съ помѣщицей по уставной грамотѣ, которую я возвращалъ ей или, правильнѣе, завѣдывающему ея дѣлами сыну ровно четыре раза для исправленія, такъ и изъ близка-

го моего знакомства съ личностями этихъ владѣльцевъ и съ самими крестьянами, довольно требовательными и безпокойными и которыми руководилъ великій по своему мудрецъ, мельникъ Петръ, первый богачъ на селѣ и горьчайшій пьяница.

Почитаю обязанностію познакомить читателя съ характеромъ этой уставной грамоты, замѣчательной въ нашей «мировой» средѣ по подробностямъ дѣла. Характеръ дѣйствующихъ лицъ выступитъ самъ собою.

Въ одинъ прекрасный мартовскій день 1862 года была мнѣ доставлена съ нарочнымъ верховымъ, при письмѣ, наполненномъ разными любезностями, уставная грамота помѣщицы, назовемъ ее хоть Руковской, по деревнѣ Ширшавкѣ. Времени на составленіе грамоты съ марта 1861 г. по мартъ 1862 г. было, какъ видно, слишкомъ довольно. 1861 годъ уже порядочно выучилъ посредниковъ ихъ дѣлу, къ которому они, какъ говоритъ народъ «привѣсились», и заставилъ на многое, въ томъ числѣ и на медленное составленіе иными владѣльцами уставныхъ грамотъ, смотрѣть безъ обиняковъ, прямо. Медлили, потому что хотѣли какъ можно дальше протянуть въ имѣніяхъ издѣльную или смѣшанную повинность. О такихъ и тому подобныхъ тенденціяхъ одинъ господинъ выразился не совсѣмъ можетъ быть вѣрно, но тѣмъ не менѣе очень изобразительно, сказавъ, что солнце крѣпостнаго права закатилось, а иные господа силятся удержать хоть послѣдніе его лучи на горизонтѣ. Все это хорошо было извѣстно правительству, которое еще въ іюнѣ 1861 года издало знаменитый циркуляръ, чтобы смѣшанная повинность не превышала 35-ти рублеваго размѣра на душу и разрѣшило немедленно же понижать повинности слишкомъ высокія, даже отдавать иныя имѣнія въ опеку. Помню я какъ многимъ и многимъ показался невкусенъ этотъ циркуляръ!... Я руководствовался пословицей, что если дитя не плачетъ, то и мать не разумѣетъ, и не старался самъ отыскивать такія имѣнія, гдѣ нужно было бы повинность понизить, съ одной стороны твердо увѣренный, что такіе факты сами рано или поздно, такъ сказать, наткнутся на посредника, а съ другой потому, что былъ достаточно занятъ, кро-

мѣ всякой другой, возней съ имѣніями, которыя съ непостижимымъ, истинно замѣчательнымъ упорствомъ удерживались на издѣльной повинности до самаго послѣдняго срока.

Первое имѣніе, по которому я долженъ былъ принять слишкомъ серьезный, чтобы не сказать болѣе, тонъ и *покорнѣйше просить* немедленнаго-же пониженія повинности, было имѣніе г-жи Руковской по деревнѣ Ширшавкѣ.

Но—все по порядку.

Прежде всего меня поразилъ самый объемъ уставной грамоты: она была на пяти листахъ довольно мелкаго, убористаго письма. Я уже привыкъ къ тому, что на одномъ, много на двухъ листахъ уписывалось все дѣло по имѣніямъ, гораздо значительнѣйшимъ. Въ письмѣ, присланномъ при этой грамотѣ, не смотря на дву тьму любезностей, было выражено скромное желаніе, противъ котораго, какъ и противъ великаго множества подобнаго рода, да почти что и всякаго рода требованій посредникъ долженъ былъ запастись при самомъ началѣ своей дѣятельности неистощимымъ терпѣніемъ: «нельзяли сдѣлать сейчасъ-же», теперь же разсмотрѣть грамоту и написать слѣдующій о ней отзывъ съ этимъ-же посланнымъ. Я послалъ квитанцію въ пріемѣ и извиненіе, что разсмотрѣніе грамоты—дѣло серьозное даже по одной повѣркѣ цифръ, не говоря о всемъ остальномъ, и не можетъ быть сдѣлано такъ спѣшно.

Однако меня заинтересовала эта огромная грамота, при которой былъ еще приложенъ планъ, сдѣланный частнымъ землемѣромъ. Я принялся разсматривать ее при первой возможности. Читаю... Господи! Что это такое? Широковѣщаніе, подробности до приторности, множество ненужностей и двѣ или три чистѣйшія нелѣпости. Я тутъ-же записалъ было карандашомъ ровно тринадцать замѣчаній помѣщицѣ по этой пятилистовой грамотѣ. Но не это особенно бросилось мнѣ въ глаза, не это преимущественно остановило на себѣ мое вниманіе: мнѣ бросились въ глаза существующія въ имѣніи и очень наивно описанныя повинности и заявленіе владѣлицы объ удержаніи ихъ впредь до 1 января 1863 года.

Фактовъ, фактовъ потребуетъ отъ пишущаго свои запис-

ки мироваго посредника и современный, по крайней мѣрѣ серьозный читатель, и въ особенности читатель одного изъ будущихъ поколѣній; какъ можно болѣе фактовъ и какъ можно менѣе разглагольствій и произвольныхъ сужденій! Извольте, вотъ факты.

«Крестьяне деревни Ширшавки»,—говорила помѣщица въ своей грамотѣ,—«издавна состоятъ при господской запашкѣ и каждогодныхъ работахъ въ сельцѣ Пестриковѣ смежнаго *такого-то* уѣзда.»

«Пестриково отъ Ширшавки отстоитъ не далѣе какъ *около двадцати* верстъ и смѣшанная повинность крестьянъ заключается въ томъ, что они каждогодно на 14 лошадяхъ съ телегами и 28 работниками недѣли на двѣ пріѣзжаютъ въ Пестриково вывозить наземъ на господскія поля въ лѣтнее время, пріѣзжаютъ съ инструментами-же недѣли на двѣ *и болѣе* на растчистку луговъ и полей каждогодно въ Пестриковѣ и еще *на столько-же* для подбора и рубки дровъ и вываживанія бревенъ изъ лѣсу; приходятъ *на мѣсяцъ и болѣе* для молотьбы въ Пестриковѣ хлѣба. Цѣнность такой смѣшанной повинности въ работахъ состовляетъ *ни какъ не менѣе* 10 руб. сер. съ тягла (?), да *сверхъ сего* подается ими помѣщицѣ оброкъ деньгами по 17 руб. 15 коп. сер. съ тягла, что въ совокупности и составляетъ платимый ими оброкъ *до* 27 руб. 15 коп. въ годъ съ тягла, превышающій назначенный Положеніемъ по 9 руб. съ души. Таковая каждогодная повинность эта, столь очевидно важная для помѣщицы (sic!), не должна быть причисляема по ст. 164 и 165 съ примѣч. къ числу *добавочныхъ* повинностей, но относится къ смѣшанной повинности, потому что общая цифра означеннаго годоваго оброка съ тягла, исполняемая (*цифра-то!*) каждогодно крестьянами безъ затрудненія (sic!), есть неизбѣжное слѣдствіе ихъ мѣстныхъ выгодъ—въ осѣдлости (?) полевыхъ угодій (?)—и средствъ отъ отходныхъ промысловъ: иначе, если бы не было смѣшанной повинности, то одинъ только денежный оброкъ ихъ былъ бы платимъ ими помѣщицѣ болѣе 17 руб. 15 коп. сер. съ тягла въ годъ.»

Вотъ слова помѣщицы, выписанныя мной съ дипломатической вѣрностію.

Далѣе слѣдовало самое заявленіе объ удержаніи этой *очевидно важной для помѣщицы* повинности, исполняемой крестьянами *безъ затрудненія* по случаю выгодъ отъ осѣдлости, то-есть усадьбъ, на которыхъ ничего не ростетъ кромѣ бурьяна, и отъ полевыхъ угодій, по которымъ читатель волею-неволею со мной пройдется и на нихъ полюбуется,—до 1-го января 1863 года.

По прочтеніи этого меня что называется покоробило.

Трудно было рѣшить до чего именно доходила тутъ наивность,—до глупости или до нахальства.

Всего милѣе было простосердечное и неизбѣжное «въ Пестриково» и «въ Пестриково,» которое, какъ refrain de la chanson, кончало упоминаніе о каждой изъ этихъ истинно-крѣпостныхъ работъ, возмущало душу.

Я съ своей стороны тоже не поскупился на нарочнаго и немедленно-же отправилъ двѣ бумаги—одну въ губернское присутствіе, другую помѣщицѣ. Основаніемъ этихъ отношеній послужили слѣдующія соображенія:

Я говорилъ, что прежде всего надо принять во вниманіе, что кромѣ обыкновенныхъ работъ издѣльной повинности, какъ-то: вывозки назема и молотьбы, сама г-жа Руковская обозначаетъ работы, которыя ни какъ не могутъ быть названы очень легкими, какъ-то: расчистка луговъ и полей, подборка и рубка дровъ, вывозка бревенъ изъ лѣсу.

Потомъ, что большая часть повинностей отправляется на крестьянскихъ лошадяхъ и ихъ-же инструментами.

Далѣе, сроки работы: по двѣ недѣли *и болѣе*, а молотьба на мѣсяцъ *и болѣе*.

Наконецъ, самое важное обстоятельство, для всѣхъ этихъ работъ нужно являться за 20-ти верстное разстояніе.

Для того, говорилъ я, чтобы опредѣлить стоимость смѣшанной повинности у г-жи Руковской, надо высчитать число рабочихъ дней по сортамъ работы на каждое тягло, основываясь на ея же собственномъ показаніи:

1) Для вывозки назема *недѣли на двѣ*; предположимъ только на . . . . . 12 дней

2) На расчистку луговъ и полей *недѣли на двѣ и болѣе*; положимъ на . . . . . 16 —

3) Для подбора, рубки дровъ и вывозки бревенъ изъ лѣсу на столько же, т. е. *на двѣ недѣли и болѣе*; положимъ на . . . . . 16 —

4) Для молодьбы *на мѣсяцъ и болѣе*; положимъ на . . . . . 36 —

Итого. . . 80 дней.

Полагая за каждый рабочій день, лѣтній и зимній, пѣшій и конный, цѣну чрезвычайно умѣренную (особенно при соображеніи 20 верстнаго разстоянія), круглымъ числомъ только по 50 коп. сер., выходитъ за всѣ 80 дней 40 руб,, а съ съ 17 р. 15 к. денежнаго оброка получается цифра 57 р. 15 к. съ тягла, ровно 30 рублями болѣе показываемой г-жей Руковой и 21 рублемъ 85 к. болѣе нормальной цифры смѣшанной повинности, опредѣленной правительствомъ.

Я изъяснилъ присутствію, что не могу принять на себя продолженія такой повинности на все время приближающихся лѣтнихъ работъ, впредь до 1 января 1863 года. Разрѣшеніе понизить ее пришло довольно скоро, но еще до полученія его я былъ обрадованъ самымъ покорнымъ и поучительнымъ письмомъ помѣщицы, съ разу-же и безъ всякихъ возраженій согласившейся немедленно перевести свое имѣніе на 9 рублевый душевой оброкъ! Видно истина была слишкомъ неотразима. Я поспѣшилъ объявить объ этомъ крестьянамъ черезъ мѣстнаго волостнаго старшину и душевно радъ, если за это не большое дѣло заслужилъ проклятіе или по крайней мѣрѣ добрую руганицу отъ помѣщицы и ея сына.

Это было только началомъ моихъ хлопотъ по грамотѣ Руковской. Не стану обременять читателя подробнымъ ихъ описаніемъ; упомяну только о нѣкоторыхъ, необходимыхъ для полноты изложенія. Но прежде надо описать личность г-жи Руковской и ея сына.

Представьте себѣ старушку лѣтъ слишкомъ шестидесяти, средняго роста, уже довольно хилую и слабую, но лицо которой доселѣ сохраняетъ слѣды красоты, дѣйствительно замѣчательной. Одѣта эта старушка просто, даже бѣдно; говоритъ тихо, ласкательно, самымъ заискивающимъ образомъ, и выраженіе ея лица и ея умныхъ темно-карихъ глазъ ка-

кое-то страдальческое: она хочетъ показать вамъ, что она бѣдна, сира, безпомощна, переколачивается съ копѣйки на копѣйку, что просить васъ заставляетъ ее нужда крайняя, хочетъ возбудить ваше участіе къ своему положенію, ваше состраданіе. Между тѣмъ спросите всякаго, кто ее знаетъ, у этой старушки въ шкатулкѣ то́, что Гоголь назвалъ «благодатью божіей», и она держитъ весь домъ и имѣніе въ ежевыхъ рукавицахъ. Когда-то, говорятъ, подъ ея строгой ферулой находился супругъ, которому часто приходилось повторять пословицу: «кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла», потомъ единственный сынъ, Арсеній Ильичъ, такой же скопидомъ и жи́ла, какъ матушка, человѣкъ лѣтъ теперь за сорокъ, отъ природы не глупый, аккуратный и рачительный до возмутительной, иногда чисто-комической мелочности. Не знаю, случалось ли вамъ встрѣчаться съ подобными характерами. Они совершенно не въ духѣ нашей русской природы и способны до того надоѣсть вамъ въ два-три свиданія, что вы отъ души пожелаете имѣть дѣло развѣ только-что не съ Ноздревымъ. Судьба впрочемъ сдѣлала изъ этого человѣка нѣчто въ родѣ полу-идіота: онъ такъ страшно глухъ съ трехъ-лѣтняго возраста, отъ застужонной золотухи, что надо почти кричать ему надъ ухомъ, чтобы онъ васъ разслышалъ и далъ вамъ отвѣтъ, всегда произносимый какимъ-то особеннымъ, именно глухимъ, совершенно беззвучнымъ голосомъ. Эта глухота подавала иногда поводъ къ презабавнымъ случаямъ. Какъ-то, еще въ лѣта юности Арсенія Ильича, когда онъ тоже не прочь былъ и пощеголять, и повеселиться, однимъ словомъ тоже любилъ, какъ далевскій козелъ, *самъ себя немного прогуливать*, матушка сшила ему очень порядочный бархатный жилетъ. Съума свелъ этотъ жилетъ Арсенія Ильича! Ходитъ себѣ въ губернскомъ городѣ по трескучему морозу грудь на распашку, — всѣмъ жилетъ показываетъ! Наконецъ является въ этомъ жилетѣ въ благородное собраніе. «Какъ ваше здоровье, Арсеній Ильичъ?» — спрашиваетъ его кто-то. «Бархатный» — отвѣчаетъ Арсеній Ильичъ. «А гдѣ ваша матушка?» — У Замухраева». (Фамилія купца: Арсеній Ильичъ думалъ, что его спрашиваютъ гдѣ онъ жилетъ ку-

пилъ). «Чтожъ тамъ дѣлаетъ она?»—продолжаетъ вопрошающій, уже нѣсколько улыбаясь. «Двѣнадцать рублей заплатилъ»—отвѣчаетъ Арсеній Ильичъ..

Охъ! глухота большой порокъ!

Пребольшой–большой, добавимъ мы. Вотъ иногда въ какой просакъ попадается человѣкъ по его милости: разъ у Анны Алексѣевны (Рутовской) были гости; по деревенской простотѣ, вмѣсто оффиціанта дѣвочка лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, очень недурная собой, подавала гостямъ чай или кофе и, разнеся чашки, остановилась съ подносомъ у двери; неподалеку отъ этой двери висѣла картинка, нарисованная Арсеніемъ Ильичемъ, когда-то упражнявшимся въ этомъ благородномъ искуствѣ. «Какая хорошенькая дѣвочка»—сказалъ одинъ изъ гостей, указывая рукой по направленію къ двери; Арсеній Ильичъ, сидѣвшій близко, не разслышалъ послѣдняго слова, да и бухнулъ: «Это моя работа», думая разумѣется, что говорятъ о картинкѣ.

Когда Арсеній Ильичъ достигъ извѣстныхъ лѣтъ, Анна Алексѣевна его женила. Нашлась какая-то бѣдная дворяночка — истинно бѣдное созданье, которое вѣроятно не по доброй-же волѣ рѣшилось связать свою судьбу съ судьбой глухаго Арсенія. Мало-ли какъ совершаются браки! Объ этомъ чуть-ли не со временъ Ноя было столько говорено и писано, что тема наконецъ окончательно опошлилась. Можетъ быть тутъ подѣйствовала и «благодать божія», водившаяся въ шкатулкѣ Анны Алексѣевны, можетъ быть и то, что личный характеръ самого Арсенія Ильича былъ еще не извѣданъ... Не вынесло бѣдное созданіе этой страшно-удушливой атмосферы домашняго деспотизма, скупости, скаредства, лжи и всякой грязи: молодая женщина умерла послѣ пяти-шести лѣтъ брака чахоткой, оставивъ Арсенію Ильичу троихъ дѣтей. Да и было отъ чего умереть, если только она была хоть сколько-нибудь благородно-чувствующее, хоть-бы даже и не развитое созданіе. Разскажу только одну очень милую продѣлку, сдѣланную съ ней супругомъ: молодая Руковская любила верховую ѣзду; но конечно въ расчоты Арсенія Ильича и его матушки никогда не вхо-

дило купить ей лошадь и приличную сбрую; вдругъ, въ день ангела жены, Арсеній Ильичъ приглашаетъ ее и бывшихъ у нихъ гостей на крыльцо; передъ крыльцомъ стоитъ хорошенькая лошадка съ дамскимъ седломъ. «Вотъ, другъ мой Настинька»—обращается къ женѣ Арсеній Ильичъ — «ты давно желала верховую лошадь, я тебѣ дарю эту, катайся». Молодая женщина обрадовалась и поблагодарила; на другой день лошадь отвели къ сосѣду,—правда, не близкому,—у котораго она была взята на прокатъ для этой продѣлки.

Какъ вы думаете, читатель: могъ быть подобнаго рода человѣкъ хорошъ въ крѣпостныхъ отношеніяхъ? Можетъ онъ быть хорошъ и въ отношеніяхъ ко временно-обязаннымъ?

Я не сплетни плету и не выдумки разсказываю. Я нисколько не задумаюсь вывести иное зло наружу, чтобы освѣтить иные характеры, не съ мелкой и суетной цѣлью поглумиться надъ своимъ ближнимъ, а съ тѣмъ чтобы хоть сколько-нибудь показать, какъ ни узка была сфера моей дѣятельности, какой именно бытъ, какую степень развитія и въ обществѣ и въ народѣ, а главное какія тенденціи застало великое дѣло — Положенія 19 февраля 1861 г.; какъ во время его выхода или не задолго до него существовало блаженной памяти крѣпостное право, и какіе отпрыски старалось оно пустить изъ своей мефитической среды въ среду свободы, еще не со всѣмъ ясно понимаемой и самимъ народомъ; однимъ словомъ — съ кѣмъ намъ приходилось имѣть дѣло и съ чѣмъ бороться. Я твердо убѣжденъ, что только при помощи непреложныхъ фактическихъ указаній на множество разнообразныхъ случаевъ можетъ быть понята вся человѣчественная и гражданская заслуга, все величіе дѣла—Положеній 19 февраля 1861 г., что безъ этихъ практическихъ, наглядныхъ поясненій они все-таки останутся для большинства публики чѣмъ-то отвлеченнымъ, абстрактнымъ.

Да, Арсеній Ильичъ—кремень. Изъ него не только какой-нибудь временно-обязанный, да и посредникъ рѣдко что выторгуетъ. Съ нимъ надо дѣйствовать не крестомъ, а

пестомъ, т. е. упорною настойчивостію на неотразимой силѣ закона.

Разъ, когда я занимался дома, мнѣ доложили, что ко мнѣ явился какой-то дворовый человѣкъ г-жи Руковской.

Я велѣлъ позвать.

Входитъ парень лѣтъ двадцати-семи, невысокаго роста и рѣшительно молодецъ собой, что называется — кровь съ молокомъ: широкія плечи, высокая грудь, лице чистое и румяное. Одѣтъ онъ былъ по-кучерски, въ хорошей ситцевой рубахѣ, въ поддевкѣ, подпоясанъ ремнемъ съ небольшими высеребренными бляхами въ родѣ пуговицъ, остриженъ въ кружокъ. Въ пріемахъ парня было что-то ухорское, даже разбойническое. Въ послѣдствіи онъ и оправдалъ то впечатлѣніе, которое съ перваго-же раза произвелъ на меня своей наружностью, попавшись въ довольно-важномъ уголовномъ дѣлѣ.

— Кто ты, мой любезный?

Онъ себя назвалъ.

— Чтожъ тебѣ угодно?

— Я наслышанъ, что барыня не даетъ мнѣ надѣла.

— Совершенная правда. Въ грамотѣ сказано, что ты отъ него отказываешься. Вѣдь ты записанъ въ крестьянахъ и только проживалъ во дворѣ помѣщицы?

— Точно такъ, да я никогда и не думалъ отказываться. Барыня никогда меня объ этомъ не спрашивала. Я вотъ уже четвертый годъ какъ не нахожусь у ней, а проживаю въ городѣ ***, въ кучерахъ у купца ***. Зачѣмъ мнѣ отказываться? Я теперь какъ есть, на положеніи двороваго, а женюсь — можетъ быть дѣти захотятъ быть крестьянами; все лучше какъ земля будетъ; я за нее 9 рублей всегда заплатить въ состояніи.

— Очень хорошо, я бы во всякомъ случаѣ сдѣлалъ тебѣ допросъ или черезъ мѣстнаго мироваго посредника, гдѣ ты живешь, или хоть черезъ полицію: дѣйствительно ли ты отказываешься или нѣтъ? Только вотъ что, знаешь ли ты законъ: не принимаются въ расчотъ для исчисленія надѣла тѣ, которые сами или семейства которыхъ не пользовались землей»...

Я раскрылъ Положеніе.

— Очень знаю-съ, я грамотный... Если они сами отказываются. Позвольте вамъ доложить, что семейство мое пользуется: я остался малолѣтнимъ сиротой послѣ отца и матери, былъ призрѣнъ роднымъ дядей, съ семьей котораго и записанъ по ревизіи... Уже послѣ барыня взяла меня во дворъ... Они всѣ пользуются, и я желаю. Я самъ явился вамъ это засвидѣтельствовать.

Вижу, человѣкъ резонъ говоритъ, я снявъ съ него сейчасъ допросъ, подъ которымъ онъ подписался.

Грамота не годилась,—ее нужно было мѣнять: всѣ расчоты душевого надѣла и душевого оброка выходили уже другіе.

— А вотъ что, мой любезнѣйшій... Очень радъ, что ты ко мнѣ самъ явился; барыня жалуется, что ты ей не заплатилъ оброка.

— Оброкъ готовъ-съ.

Онъ растегнулъ поддевку и подалъ мнѣ деньги.

— Что-же ты барынѣ не отдалъ? Гораздо короче и ближе. Мнѣ отсылать надо... вѣдь только переписка!

Молодой малый лукаво улыбнулся.

— Нѣтъ, ужь вамъ лучше.

Дѣло не имѣло для меня прелести новости. Я принялъ деньги и выдалъ росписку.

— Батюшка вы мой!—говорилъ дня черезъ три или черезъ четыре входящій ко мнѣ очень раннимъ утромъ Арсеній Ильичъ, — батюшко вы мой (это его любимая поговорка), что вы такое дѣлаете?

— Что такое? Ужь не зажогъ-ли я гдѣ-нибудь селеніе сигарой? — прокричалъ я надъ самымъ ухомъ посѣтителя.

— Какое зажогъ! Кто вамъ говоритъ объ этомъ! Что вы мерзавца-то, негодяя-то слушаете, да изъ-за него мнѣ грамоту возвращаете? Желаетъ, видите-ли, надѣлъ получить! На что онъ ему? Что онъ съ нимъ дѣлать станетъ? Онъ надуваетъ васъ, и только!

— Позвольте вамъ замѣтить, Арсеній Ильичъ, что я не кузнечный мѣхъ, и надуть меня не такъ-то легко. Какое мнѣ дѣло до его нравственныхъ качествъ? Онъ имѣетъ пра-

во просить земли, и это право и я и вы должны уважить, а я кромѣ того долженъ еще защищать. Какъ-же это онъ меня надуваетъ?

Я раскрылъ дѣло и показалъ допросъ, подписанный человѣкомъ; далѣе слѣдовали подписи троихъ, бывшихъ при допросѣ свидѣтелей, и наконецъ моя, съ приложеніемъ моей казенной печати.

Арсеній Ильичъ сокрушительно покачалъ головой.

— Переписывай изъ-за него грамоту! Мерзавецъ!... И отецъ былъ мерзавецъ!...

Помѣщичья замашка! — подумалъ я. Такъ тутъ и слышится Мардарій Аполлонычь Стегуновъ, увѣрявшій Тургенева, что мужики на выселкѣ плохіе, опальные, потому что и покойный его батюшка ихъ еще не жаловалъ, стало быть вмѣсто чистой воды могутъ пить всякую мерзость.

— А дѣда вы не знавали?

— Нѣтъ,—наивно отвѣчалъ помѣщикъ.

— А вотъ вы-то что дѣлаете, Арсеній Ильичъ? Развѣ можно такъ описывать границы крестьянскаго надѣла, какъ вы ихъ описали въ вашей грамотѣ?

— А что-же?

— Съ такого-то пункта до такого-то *прясла*. Этого нельзя.

— Почему же нельзя?

— Потому что прясло—городьба изъ жердей,—почти тоже что плетень, вещь переносная; сегодня оно стоитъ здѣсь, а завтра можетъ стоять тамъ или сямъ.

— Да оно изъ-поконъ вѣку тутъ стоитъ.

— Это все равно. Повторяю вамъ, что это вещь переносная, а не какое-нибудь живое урочище, котораго никуда не передвинешь. Я такого указанія въ грамотѣ принять не могу.

— Стало быть по вашему и планъ не годится?

— Да пожалуй что такъ.

Арсеній Ильичъ всплеснулъ руками.

— Батюшко вы мой!—заговорилъ, или вѣрнѣе—завопилъ онъ своимъ беззвучнымъ голосомъ,—вѣдь онъ мнѣ денегъ стоитъ.

— Очень вѣрю: даромъ никто не работаетъ.

— Трудовъ... да что о трудахъ? Сколькихъ онъ мнѣ огорченій стоитъ!

— Это почему-же?

— Разбойники! Ни одинъ не пошолъ на межу, какъ я ни толковалъ имъ, что это для ихъ-же пользы. Я долженъ былъ мальчишекъ—подросточковъ въ другихъ односеленныхъ барщинахъ нанимать.

— Ну, это почти вездѣ такъ, если не берутъ казеннаго землемѣра, то-есть одного изъ землемѣровъ мироваго съѣзда. Почему-жъ вы не взяли?

— Когда его дождешься! Хотѣлось поскорѣй привести дачу въ извѣстность, да пожалуй дороже бы обошлось.

Я доказалъ Арсенію Ильичу, что обошлось бы почти-что вдвое дешевле.

— Повѣрите ли,—продолжалъ онъ,—до чего народъ какъ-то озлобился: когда мы съ землемѣромъ кончили, подводы никто не хотѣлъ дать, что бы намъ съѣхать; я въ ближнемъ казенномъ селѣ нанялъ. Хоть пѣшкомъ иди!

Это Пестриково отзывается, подумалъ я.

Насилу убѣдилъ я Арсенія Ильича, что прясло въ грамотѣ ни куда не годится и что одни только башкирцы во времена Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова продавали земли по указаніямъ: отъ такого-то камня и до такой-то березы.

— Ну-съ, Арсеній Ильичъ; а вотъ этотъ, котораго вы переводите въ Ширшавку изъ сосѣдней губерніи, собственно вамъ, а не матушкѣ вашей временно-обязанный, Лука Матвѣевъ?

— Этотъ самъ желаетъ перевода, потому что его мать, бывши вдовой, выдана изъ моей деревни сосѣдней губерніи въ замужество въ Ширшавку, деревню матушки.

— То-то смотрите, желаетъ ли? А то будетъ та-же исторія, какъ и съ тѣмъ, который, по вашему, отъ надѣла отказывается. Придется опять мѣнять грамоту.

— Спросите его. Да ужь сдѣлайте милость, нельзя ли поскорѣе... Успокойте старушку.

Объ успокоеніи старушки Арсеній Ильичъ просилъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Наконецъ я пріѣхалъ на повѣрку этой грамоты «со всѣми

удовольствіями,» какъ нѣкогда говаривали объ иной игрѣ въ вистъ, «со всѣми онерами.»

Самой помѣщицы въ Ширшавкѣ не было, она прислала сына. Прислонивъ ладонь руки къ одному уху, что бы какъ нибудь разслушать то, что говорилось, онъ представлялъ собой довольно забавную фигуру.

Первымъ моимъ дѣломъ было потребовать къ себѣ Луку Матвѣева.

— Онъ въ полѣ,—отвѣчалъ кто-то изъ собравшагося около меня народа.

— Почему-жъ не здѣсь?—обратился я къ старостѣ.—Вѣдь ты зналъ, что онъ мнѣ нуженъ.

— Да ему нельзя отъ стада отойти. Сейчасъ за нимъ сбѣгаютъ, близко.

— Развѣ онъ пастухъ?

— Какъ-же-съ. Только тѣмъ и живетъ.

— Какъ только тѣмъ? Вѣдь у него здѣсь мать за мужемъ.

— Такъ что-же? Вотчимъ ему хлѣба не дастъ, да и на тепло его не расчитывай: мы его всей деревней по очереди кормимъ и пріютъ ему даемъ.

Вскорѣ передо мной предсталъ малый лѣтъ двадцати двухъ, испитой, худой, щедушный, одѣтый почти-что въ рубище. Одинъ видъ его возбуждалъ состраданіе.

— Ты Лука Матвѣевъ?

У Луки лицо задергало; онъ вытянулъ шею и дѣлалъ страшныя усилія произнести слово, но точно какъ водой захлебывался.

По лицамъ окружавшей насъ толпы пробѣжали улыбки.

— Я,—наконецъ произнесъ онъ.

— Желаешь ты быть переведеннымъ сюда изъ такой-то губерніи и уѣзда?

— Же...

Задергало его еще больше, захлебнулся онъ еще сильнѣе и сталъ выводить такія гримасы, что трудно даже сказать, что дѣлалось съ лицомъ этого человѣка. Такъ прошло болѣе полуминуты. Я ждалъ терпѣливо.

— Лаю, лаю, лаю,—наконецъ заговорилъ, словно зарубилъ языкомъ Лука громко и скороговоркой.

Кругомъ все захохотало. Сколько я ни крѣпился, однако не могъ удержаться и прыснулъ со смѣху. Въ жизни моей не встрѣчалъ я подобнаго заики. Онъ не разсмѣшилъ-бы развѣ только одного мертваго. Даже на деревянномъ лицѣ Арсенія Ильича показалась улыбка.

Когда кончился допросъ со всѣми его формальностями, бывшій при мнѣ становой приставъ, весельчакъ и добрякъ страшный, не вытерпѣлъ, чтобы не поглумиться надъ Лукой и не потѣшить имъ всей публики: онъ вступилъ съ нимъ въ длинные разговоры и наконецъ заставилъ его при всемъ собраніи играть на рожкѣ или, какъ выражалось собраніе, на дудкѣ.

Лука игралъ превосходно. Дѣло было на свѣжемъ воздухѣ, въ тихій, весь залитый ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ іюльскій полдень. Мы сидѣли въ тѣни, около избы старосты, гдѣ я всегда останавливался. Я слушалъ игру Луки съ удовольствіемъ.

Наконецъ мы приступили къ повѣркѣ грамоты, которая, разумѣется, была прочтена вслухъ, со всевозможными поясненіями. Я потребовалъ возраженій крестьянъ.

Предо мной былъ разложенъ планъ Арсенія Ильича.

— Да что возражать-то, ваше вскбл.,—началъ выступившій изъ толпы Петръ, на этотъ разъ совершенно трезвый,— позвольте васъ спросить, что тутъ нарисовано?

Онъ указалъ пальцемъ на одно мѣсто на планѣ, обозначенное зеленой краской.

— Лугъ.

— Не утоните въ этомъ лугу, ваше вскбл., если пойдете его осматривать.

— Конечно пойду.

— Хорошо-съ. Мы вамъ жердочекъ приготовимъ. А тутъ что?

Онъ опять указалъ пальцемъ на другое мѣсто.

— Выгонъ, съ мелкой лѣсной порослью.

— Вы и тутъ пойдете?

— Пойду.

— Сапоги-то на васъ какъ видно крѣпкіе, да одёжы вашей жалко?

— Что-жъ такъ?

— Изорвете. Такая-то дичь и трущоба, что пожалуй и не пролезешь. Волкамъ хорошо, слова нѣтъ. А вотъ тутъ что, около самаго селенія, осмѣлюсь спросить?

— Тоже обозначенъ лугъ.

— Слышь, ребята, около Семеновской-то дороги лугъ?

«Хорошъ лугъ!.. Кочкарникъ не сусвѣтимый!..» заговорило вдругъ нѣсколько голосовъ.

«Ишь ты, какую грамоту сварганилъ!»—замѣтилъ кто-то.

— Тутъ идти, надо ноги-то имѣть казенныя,—повершилъ Петръ.

Арсеній Ильичъ, приставивъ къ уху ладонь, мучительно вслушивался во весь этотъ разговоръ.

— Ребята, началъ я, вѣдь вы сами виноваты: зачѣмъ вы не пошли съ помѣщикомъ на дачу? Онъ васъ сколько разъ звалъ! Оглядѣли-бы все вмѣстѣ, перетолковали-бы о всемъ дружелюбно, всю неудобь выкинули-бы, и себя и меня вы-бы этимъ облегчили.

Петръ злобно улыбался. Эта ядовитая, чисто саркастическая улыбка очень шла къ его умной, чрезвычайно подвижной физіономіи. Я тутъ сталъ внимательно всматриваться въ этого человѣка и нашолъ въ немъ сходство, да еще и сходство-то довольно замѣчательное... съ кѣмъ-бы вы думали? Съ Фуше. Вотъ подите-же! Да и почему-жь въ самомъ дѣлѣ Петру Кузмину не быть похожу на знаменитаго наполеоновскаго министра полиціи?

— Не вините насъ, что мы не пошли на дачу, сказалъ Петръ серьёзно и почтительно. Не зачѣмъ было идти.

— Какъ не зачѣмъ?

— Не зачѣмъ, отвѣчалъ онъ положительно и потомъ тихо прибавилъ: у скупого попа желѣзной просфиры не выпросишь... Посмотрите, что еще съ вами будетъ.

— Что онъ говоритъ?—обратился ко мнѣ Арсеній Ильичъ, не разслышавшій послѣднихъ словъ.

— Тоже, что и другіе, что вы въ надѣлъ крестьянамъ помѣстили много неудобныхъ мѣстъ.

Арсеній Ильичъ быстро приподнялся съ лавки, на которой сидѣлъ около моего стола.

— Никакихъ, никакихъ неудобныхъ мѣстъ нѣтъ! заговорилъ онъ почти съ одушевленіемъ. — Все это вздоръ и враки.

— Вы это утверждаете?

— Даю вамъ слово.

— Слышете, ребята? обратился я къ крестьянамъ.

— Сами увидите! отвѣчали мнѣ изъ толпы.

И точно я увидѣлъ то, чего мнѣ доселѣ не удавалось видѣть! Началось съ такъ называемаго луга у Семеновской дороги. Это былъ кочкарникъ *на-славу*, chef d'oeuvre, вѣнецъ и слава кочкарника! Не думаю, чтобы многимъ даже изъ записныхъ ружейныхъ охотниковъ случалось когда набресть на такое мѣсто. Да и какая тамъ дичь можетъ держаться, не знаю. Представьте себѣ кочки, покрытыя сизеватымъ мхомъ, почти что сплошныя, въ аршинъ и болѣе вышиною. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось дѣлать гамбады, то-есть перепрыгивать съ одной на другую съ явной опасностью сломать или вывихнуть себѣ ногу, въ другихъ надо было почти что карабкаться. Такой милой продѣлки—помѣщенія подобнаго мѣста въ крестьянскій надѣлъ—я не ожидалъ даже и отъ Арсенія Ильича.

— Видѣли, люди? громко обратился я къ бывшимъ при мнѣ стороннимъ добросовѣстнымъ.

— Видѣли, батюшка! отвѣчали они лаконически.

Трущоба, которую Петръ Кузьмичъ отвелъ въ удовольствіе волкамъ, и оказалась трущобой: я дѣйствительно чуть-чуть не разорвалъ платья, пролезая по частому кустарнику дикаго вереска, можжевельника и кривой, чахоточной березы. Наконецъ мы достигли луга, въ которомъ, какъ мнѣ было предсказано, я утону. Это было длинное, но ровное и гладкое болото, все сверху покрытое водой, не смотря на сухую погоду. На всемъ протяженіи его блистали свѣжимъ, ярко-зеленымъ цвѣтомъ не высокія, иглообразныя вѣтки осоки.

— Поко-о-о-съ!—беззвучно и протяжно сказалъ шедшій со мной рядомъ Арсеній Ильичъ, наклоняясь ко мнѣ, чтобы я разслышалъ.

Мнѣ становилось и гадко и досадно. Притомъ-же осмотръ дачи продолжался уже нѣсколько часовъ. Я нарочно такъ ударилъ правой ногой по этому покосу, что вода брызнула во всѣ стороны и сильно замочила меня и шедшаго со мной помѣщика.

Это было моимъ безмолвнымъ отвѣтомъ на похвалу покосу.

Съ тѣхъ поръ я этого барина называлъ не иначе какъ *поко-осъ*.

— Ждите казеннаго землемѣра, сказалъ я крестьянамъ, возвратясь съ дачи. Укажите ему всѣ неудобныя мѣста, которыя мнѣ показывали, и они будутъ выключены изъ надѣла. А грамоту, добавилъ я Арсенію Ильичу, я извините напишу уже самъ: кажется я довольно возвращалъ вамъ вашу.

По обходу землемѣра мироваго съѣзда неудобныхъ мѣстъ въ 206 десятинахъ оказалось десятинъ 14.

Душевой надѣлъ уменьшился, стало быть и оброкъ понизился. Я составилъ грамоту всего въ листъ величиной и съ ней-то четырнадцатаго сентября отправился въ Ширшавку.

Тамъ ждали меня Арсеній Ильичъ и его матушка.

Надо было думать, что крестьяне останутся довольны такой тщательно-составленной грамотой—не тутъ-то было! Изъ огня я попалъ въ полымя.

— Да у насъ все неудобь! голодобили мужики, явно научонные и поддерживаемые мельникомъ.

— Какъ *все неудобь*? Это ни съ чѣмъ не сообразно! Вѣдь вы гдѣ-нибудь сѣете-же и косите? Не покупаете-же вы хлѣбъ?

— Покупаемъ! покупаемъ! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Можетъ быть прикупаете, это другое дѣло, совсѣмъ неудивительное въ вашей мѣстности и противъ котораго я не спорю, но на всемъ протяженіи русскаго царства нѣтъ такого селенія, у котораго вся земля была-бы неудобная: такое селеніе существовать-бы не могло, поймите это пожалуйста.

Я старался растолковать это народу какъ можно яснѣе.

— Да ужь тамъ какъ вамъ угодно, В. В., началъ мель-

никъ,—оставьте намъ одни усады, чтобы намъ не быть цыганами; мы за нихъ платить станемъ, а землю возмите куда хотите.

Я молча подалъ ему положенія.

— Что прикажете?

— Ты вѣдь грамотный: найди мнѣ такую статью, на которой ты опираешь свое мнѣніе; я поступлю по ней.

— Статьи такой можетъ быть и нѣтъ, да что мы съ этой землей дѣлать-то будемъ?

— Тоже, что и прежде дѣлали, — пахать.

— Пашемъ мы ее съ горя или почитай потому, что такъ заведено, отцы и дѣды пахали.

— Стало быть они находили-же какую-нибудь выгоду, да еще съ придачей Пестрикова... А что ты на это скажешь?

— Да развѣ эта земля стоитъ девяти рублеваго оброка?

— Объ этомъ вопросѣ, любезный другъ Петръ Кузмичь, не намъ съ тобой разсуждать: такъ рѣшило правительство. Вѣрно оно знало что дѣлало, хоть и не слыхивало про ваше Пестриково. А ты вотъ тоже знаешь, что переоброчка можетъ быть только черезъ двадцать лѣтъ.

— Нѣтъ-съ, воля ваша, мы на девяти рублевый оброкъ не согласны, хоть на Амуръ насъ вывозите.

Онъ вошелъ въ толпу.

Все это было сказано очень покойно, съ убѣжденіемъ и явно составляло мнѣніе большинства. Для меня такія рѣчи и мнѣнія были уже не въ диковину. Грамота Руковской, какъ и многое другое, по неволѣ напомнила мнѣ одного шутника, разсказывавшаго про какія-то двѣ личности и отвѣчавшаго на вопросъ: который-же лучше? «*Да оба лучше.*»

Я записалъ всѣ возраженія въ повѣрочномъ актѣ, утвердилъ грамоту и ввелъ ее въ дѣйствіе.

Казалось этимъ удовольствія дня могли бы и окончиться. Стало смеркаться, я чувствовалъ сильный голодъ.

— Теперь позвольте васъ просить объ оброкахъ, начала немилосердая помѣщица.

При этомъ Арсеній Ильичъ вытащилъ изъ бокового кармана своей дубленки цѣлую связку бумагъ и подалъ мнѣ.

Это была вѣдомость о долгахъ съ приложеніями.

— Что это у васъ за приложенія?

— Обязательныя подписки, простоналъ Арсеній Ильичъ.

Признаюсь, я въ первый разъ встрѣчался съ такими чудесами, что помѣщикъ бралъ обязательныя подписки съ крестьянъ въ уплатѣ оброковъ. О аккуратнѣйшій, о неподражаемѣйшій Арсеній Ильичъ!

Однимъ изъ первыхъ стояло въ вѣдомости имя Луки Матвѣева. Онъ по аптекарскому счоту Арсенія Ильича былъ долженъ владѣлицѣ рублей до тридцати.

— Позвольте, началъ я.—Лука въ той деревнѣ сосѣдней губерніи, гдѣ до сихъ поръ еще состоитъ записаннымъ по ревизіи, не имѣетъ ни земли, ни кола, ни двора?

— Да.

— Здѣсь тоже. Его втеченіе лѣта кормитъ міръ. Что вы ему платите за пасево? обратился я къ старостѣ.

— Двадцать пять рублей.

— Прекрасно. Надѣлъ онъ получилъ только сію минуту и имъ еще не воспользовался. Скажите ради Бога, съ чего онъ вамъ заплатитъ, когда ведетъ почти что кочевую жизнь? Ему тоже пить, ѣсть, одѣться и обуться надо, предположивъ, что онъ даже заработаетъ что-нибудь и въ зиму.

— Обязательная подписка, опять простоналъ Арсеній.— Дана при старшинѣ, въ волостномъ правленіи,—добавилъ онъ.

— Волостное правленіе вмѣшалось не въ свое дѣло, если только можно назвать дѣломъ всѣ эти обязательныя подписки, которыя ровно ни къ чему не обязываютъ. Да такой бездомникъ какъ Лука Матвѣевъ, оставшійся чуть не между небомъ и землей, дастъ вамъ пожалуй сотню обязательныхъ подписокъ, чтобы вы только приткнули его сюда, въ Ширшавку, гдѣ у него мать, которая ему хоть рубаху починитъ, и гдѣ онъ шатается съ малолѣтства.

— У него руки есть, можетъ работать.

— Онъ и работаетъ сколько можетъ, да только безъ дому и земли не много выработаетъ. Одинъ и у каши не споръ. Это круглый сирота, это совершеннѣйшій пролетарій. Положимъ онъ самъ сознаетъ вполнѣ свой долгъ вамъ, но что же я-то съ него возьму въ настоящую минуту? Развѣ дудку

его продать? Я не говорю вамъ о другихъ... вотъ мы ихъ всѣхъ переберемъ по очереди.

Началась переборка.

Иные платили, хоть не все, но сейчасъ-же; другимъ я по необходимости дѣлалъ разсрочки.

— Евтихъ Абрамовъ! вызвалъ я наконецъ по списку.

Выступилъ крестьянинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, еще молодцоватый. Лицо его не выражало ничего особеннаго, только поклонясь мнѣ, онъ что-то пристально уставилъ глаза на помѣщицу.

Я назвалъ цифру долга.

— Все вамъ заплачу, матушка Анна Алексѣевна, все до копѣечки, да ужь когда-нибудь вамъ и Богъ за меня заплатитъ.

— Да ты меня съ Богомъ-то не суди, слабо отвѣчала помѣщица.—Онъ одинъ разсудитъ.

Я взглянулъ на Руковскую. Она сидѣла сильно сконфуженная, точно ее кипяткомъ обдали и ошпарили. Видно было, что ея положеніе, въ особенности же при мнѣ, крайне не ловко.

— Пусть разсудитъ, мнѣ только того и надо, отвѣчалъ мужикъ.

И лицо и голосъ его приняли грозное выраженіе.

— Вамъ грѣхъ и стыдно было-бы съ меня оброки спрашивать, еслибы вы только грѣха боялись...

Голосъ его крѣпчалъ и возвышался. Я молчалъ точно подавленный какой-то неотразимой, всесокрушающей силой.

— Вы разорили меня и сиротъ... Я по вашей милости хожу въ этихъ лохмотьяхъ...

Онъ распахнулъ смурый кафтанъ, подъ которымъ былъ изодранный полушубокъ въ дырахъ и заплатахъ. Схвативъ одну полу его, Евтихъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ помѣщицѣ.

— Видите? Это ваше дѣло. Радуйтесь! радуйтесь тому, что вы сиротскую кровь...

Онъ задыхался и не докончилъ.

Я видѣлъ многихъ знаменитѣйшихъ трагиковъ, но—увѣ-

ряю смѣло—никогда никто и ничто не производило на меня такого поражающаго впечатлѣнія, какъ этотъ мужикъ въ его изорванномъ полушубкѣ и смуромъ кафтанѣ!

Тутъ уже не искуство дѣйствовало; тутъ не было мѣста для гамлетовскаго: «что ему Гекуба?» Тутъ видимо говорили кровь и слезы.

Насилу я опомнился и, чтобы смягчить рѣзкость сцены, едва-едва проговорилъ шутливо:

— Евтихъ, буди тихъ.

Но Евтихъ и не думалъ быть тихъ: онъ даже не взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Да, кровь, да только она вамъ въ прокъ не пойдетъ..

— Послушай! сказалъ я, вставая и подходя къ нему.— Или замолчи, или выдь. Мнѣ нѣтъ дѣла до твоихъ прежнихъ разчотовъ съ помѣщицей, я даже обязанъ закономъ въ нихъ не вступаться и не хочу ихъ слушать, а грубость барынѣ при себѣ не позволю.

Онъ посмотрѣлъ на меня и молча вышелъ.

Когда вся процедура полученій и разсрочекъ кончилась, я отпустилъ народъ.

— Успокойте старушку! жалобно простопалъ надъ моимъ ухомъ Арсеній Ильичъ, указывая на вѣдомость о долгахъ.

Не безъ удовольствія простился я съ нимъ и его матушкой. Оба, выходя изъ моей квартиры, имѣли видъ строго наказанныхъ школьниковъ. Въ избѣ не осталось никого кромѣ хозяина—старосты, его свояченицы и меня. Я сѣлъ утолить голодъ и сейчасъ-же завелъ съ старостой слѣдующій разговоръ:

— Скажи пожалуста, Ѳома, отъ чего это Евтихъ такъ осерчалъ и накинулся на барыню?

— За правду, сударь. Ништо ей, по дѣломъ.

— Да за какую-же правду? Секретъ что-ли?

— Какой секретъ, весь околодокъ на сто верстъ кругомъ знаетъ.

— Ну, такъ сдѣлай милость разскажи; это любопытно.

— Это, сударь, исторія не маловажная, особливо по кресть-

янству, не копѣечная: это исторія *о тысячахъ рубляхъ*. (*). Много грѣха тутъ Анна Алексѣевна взяла себѣ на душу. Вотъ извольте видѣть, у Евтиха былъ старшій братъ Павелъ. Этотъ Павелъ изрѣдка только домой навѣдывался, а жилъ все въ Орлѣ и ему тамъ посчастливилось. Купецъ что-ли тамъ какой его полюбилъ, потрафилъ онъ знать на него, такъ-ли ему повезло счастіе, только Павелъ разжился и завелъ тамъ собственный постоялый дворъ и подрядами тоже кой-какими занимался. Перевезъ туда съ помѣщичьяго согласія,—потому что оброкъ всегда платилъ вѣрный,—жену и семью и зажилъ-себѣ тамъ припѣваючи, а Евтиху сюда денжонокъ пересылалъ, потому Евтихъ здѣсь за него справлялъ все, что по крестьянству слѣдуетъ. Ну, и Евтиху было хорошо, почитай тогда первый мужикъ у насъ на селѣ былъ. Вотъ, сударь мой, долго ли, коротко-ли—умираетъ Павелъ. Такъ что-то попритчилось: вдругъ, говорятъ схватило. Вдова эта, распродамши тамъ что слѣдовало, пріѣзжаетъ сюда на родину; извѣстное дѣло, куда-жъ ей дѣваться! Съ ней трое дѣтей: дочка году по семнадцатому, паренекъ лѣтъ четырнадцати и еще дѣвушка годковъ пяти что-ли. Пріѣзжаетъ, да деверю въ ноги. «Покойный», говоритъ, «Павелъ Абрамычъ велѣлъ тебѣ долго жить, да быть мнѣ съ сиротами въ отца, потому, онъ говорилъ, мы съ братомъ всегда въ дружелюбіи жили. Онъ васъ не оставитъ». Евтихъ, нечего говорить, душа честная; даже прослезился. «Не скрою»,—говоритъ ему вдова,—«отъ тебя: у меня послѣ покойнаго капиталу шесть тысячь; я что съ ними по моему бабьему разуму сдѣлаю? соблюди ихъ сиротамъ, или распоряди какъ къ лучшему и для себя не жалѣй. Вотъ и деньги.» Евтихъ взялъ деньги. Хорошо! Слухомъ вѣдь земля полнится,—вотъ доходитъ слухъ и до барыни, что вернулась-де Мавра изъ Орла съ деньгами, и съ большими: извѣстное дѣло, шесть тысячь ассигнаціями... вѣдь тогда на ассигнаціи считали,—мужику капиталъ. Смотримъ—ни дума-

(*) Этимъ подлиннымъ, не совсѣмъ правильнымъ выраженіемъ старосты я и озаглавилъ мою статью.

но-ни гадано, жалуетъ сама изъ Пестрикова въ Ширшавку. Тара-бара о томъ, о семъ, да и велѣла позвать къ себѣ Евтиха и Мавру. Выспросила; тѣ не потаились: точно, говорятъ, есть деньги. «Вы», говоритъ имъ барыня, «по своему глупому крестьянскому разуму не съумѣете куда и деньги-то пристроить; пожалуй и соблюсти не съумѣете, того и гляди украдутъ; отдайте, говоритъ, ихъ мнѣ: я на нихъ для васъ или оборотъ какой сдѣлаю, или въ ланбартъ положу, получайте проценты». — «Нѣтъ, говоритъ ей Евтихъ, есть воля ваша, Анна Алексѣевна, я этихъ денегъ выпустить изъ рукъ не могу, потому что это деньги сиротскія, я за нихъ Богу и братниной душѣ отвѣчаю; братъ мнѣ крѣпко на́-крѣпко наказывалъ ихъ блюсти».—«Какъ, говоритъ, друзья мои, хотите; я для вашей-же пользы, а не изъ своей корысти.» И ничего, не осерчала, такъ и уѣхала. Только смотримъ мы, проходитъ мѣсяцъ али полтора, опять изволила въ Ширшавку пожаловать и опять зоветъ къ себѣ Евтиха и Мавру. «Вотъ, говоритъ имъ, у меня Арсеній Ильичъ теперь въ самой порѣ; женить его по нашему, по дворянскому, еще рано, а безъ женскаго полу ему тоже обойдтись нельзя, пожалуй избалуется; мнѣ, Мавра, твоя Анютка полюбилась, дѣвочка не дурна и ндраву должно быть тихаго; я ее во дворъ беру... «Тѣ, какъ услыхали это, ей въ ноги да со слезами... Куда тебѣ! и ладу никакого нѣтъ! Однако-жъ толковали-толковали и порѣшили на полуторахъ тысячахъ. Дала вольную... Что дѣлать! Отдашь! Дѣтище родное, да и срамъ больно великъ. Ну, думаетъ Евтихъ, слава Богу, пронесло! Дѣвку замужъ за хорошаго человѣка, приданое дали отмѣнное, частью денегъ тоже наградили. Года черезъ три Арсенія Ильича барыня женила. Пронесло, какъ же! Только Сенька въ совершенные года вышелъ, то есть стукнуло ему двадцать съ годомъ, опять пріѣзжаетъ, а въ ту-пору какъ на грѣхъ солдатство было. «Такъ и такъ» говоритъ «надо забрить». Евтихъ ужь вѣдаетъ, что тутъ молитвой и слезами не поможешь, спрашиваетъ на прямикъ: «сколько-молъ, сударыня, вамъ надо»?— «За дѣвку, говоритъ, взяла полторы, за парня надо бѣдно-

бѣдно три взять». Туда-сюда, торговаться; кажется на двухъ съ чѣмъ-то порѣшили.

— Да твой Евтихъ, перервалъ я старосту, должно быть дурень: ему съ перваго-же разу откупить бы на волю всю семью.

— Легко сказать, откупить. И откупились-бы, если бы сначала не разболтали сколько у нихъ состоитъ капиталу, а тутъ сунься-ка съ откупомъ-то, все выморожжитъ, а что на волю-то съ пустыми руками идти? Побираться что-ли?

— Правда твоя. Ну, что-жь дальше.

— А дальше-то, — какъ Сенька отъ некрутства избавился... Евтихъ настоялъ на своемъ, тоже вольную дала... Евтихъ съ Маврой перекрестились: совсѣмъ-молъ оттерпѣлись, теперь конецъ. То-то вотъ конецъ-то въ Божьемъ произволеніи, какъ кому Богъ опредѣлитъ. Молодая барыня пожила-пожила да и скончалась; видно ей пестриковскій-то хлѣбъ не по нутру пришолъ; проходитъ годъ, можетъ статься съ чѣмъ нибудь,—опять пріѣзжаетъ, опять за Евтихомъ и Маврой. Тѣмъ ужь и не вдомекъ, зачѣмъ требутъ. «Я, говоритъ, друзья мои, съ вами по откровенности... Арсеній Ильичъ овдовѣлъ, что будешь дѣлать, — власть Божія!... Отдайте-ка, говоритъ, мнѣ Наталью...» А Наталья-то только-что поднялась, да такая-то расхорошенькая. «Извольте», говоритъ Евтихъ, «сударыня, ровно тысячу... а тамъ, хоть пропадай моя голова»!

— Взяла?

— Ничего, не побрезговала. Теперь и посчитайте: сколько изъ шести-то тысячь ей въ карманъ перевалило? И пошолъ нашъ Евтихъ голъ какъ соколъ. Вотъ отъ чего его при васъ сердце-то взяло, хоть душу свою отвелъ... теперь она ништо сдѣлаетъ, не прежняя пора!

Я предоставляю другимъ судить, подъ вліяніемъ какихъ именно впечатлѣній возвращался я домой этой ночью.

2

Скажите, читатель, какое (будь я ученый, я бы сказалъ «фиктивное») имѣете вы представленіе о Кощеѣ-Безсмертномъ? Вѣдь воображаете-же вы его себѣ какимъ-нибудь, какъ воображаете себѣ какими-нибудь разныхъ извѣстныхъ, бывшихъ и даже никогда небывавшихъ лицъ, создавая себѣ для нихъ болѣе или менѣе характерныя, типическія физіогноміи, наприм. Архимеда, Нерона, Колумба или Донъ-Кихота, Фальстафа, Лира, Ивана Ивановича Перерепенка? Можетъ быть по указанію автора очень поучительной статьи «Мои похожденія въ русскихъ компаніяхъ», вы представляете себѣ Кощея сухопарымъ, высокимъ, костлявымъ и угловатымъ, съ головой почти-что плѣшивой и огромнымъ, сильно выпуклымъ лбомъ? А я такъ напротивъ представлю его себѣ въ видѣ низенькаго, худенькаго, жиденькаго, заискивающаго, льстиваго и даже нѣсколько вертляваго человѣка, съ лицомъ длиннымъ-предлиннымъ, кончающимся огромной, почти четырехъ-угольной бородой, съ лицомъ, о которомъ вы можете составить себѣ понятіе, если потрудитесь взглянуть на ваше собственное лицо въ обыкновенную столовую серебренную ложку или нарисовать какой-нибудь ликъ на чулкѣ и потомъ потянуть этотъ чулокъ вдоль петель. Вашъ Кощей одѣтъ въ какой-нибудь хитонъ въ лохмотьяхъ, мой—въ приличный костюмъ, купленный едва-ли не на толкунѣ,—въ неимовѣрно узкія брюки цвѣта нюхальнаго табаку-зеленчаку, выказывающія всю худобу его ногъ, въ неимовѣрно неуклюжій фракъ цвѣта кофейнаго или масака, въ свѣтленькій жилетъ и темненькій галстухъ цвѣтовъ неопредѣленныхъ. Вашъ Кощей я думаю сидитъ, какъ пугало, на огромномъ сундукѣ съ червонцами; моего напротивъ вы можете видѣть на всевозможныхъ торгахъ и подрядахъ, набивающимъ цѣны и кушами берущимъ «отсталова»; вы увидите его въ лавкахъ, скупающаго остатки ситцевъ и другихъ дешовыхъ матерій и потомъ съ барышомъ перепродающаго ихъ у себя на фабрикѣ; вы увидите его всюду, гдѣ можно нажить копѣйку. Вашъ Кощей или совсѣмъ язычникъ или величайшій атей; мой—всякій день бываетъ у обѣ-

дни, по крайней мѣрѣ когда живетъ въ городѣ, часто посѣщаетъ преосвященнаго и приглашаетъ его къ себѣ на чай; тутъ чай всегда подается отличный, послѣ просушивается и подъ именемъ «архіерейскаго» распивается всей семьей, обыкновенно пьющей подмочонный чай, оптомъ покупаемый Кощеемъ на нижегородской ярмаркѣ. Вашего Кощея не встрѣтишь въ обществѣ; мой—частенько въ губернаторскихъ салонахъ, за зеленымъ столомъ, съ картами въ рукахъ. Разъ за такимъ столомъ вздумалось какому-то самодуру (бываютъ-же чудаки на свѣтѣ!) обратиться къ нему съ такимъ вопросомъ: «Скажите откровенно... да смотрите же скажите: есть у васъ милліонъ»? Разсердился-ли Кощей на такой нескромный вопросъ, или задѣли малую, имѣющуюся въ немъ толику самолюбія и тщеславія, потому что вопросъ былъ сдѣланъ какъ-то дерзко, точно картель, да еще при другихъ,—«нѣтъ-съ», отвѣчалъ онъ вѣжливо и положительно—«до милліона еще не дошло»! А? каково это вамъ покажется? Каковъ мой Кощей съ его табачнаго цвѣта брюками и кофейнымъ фракомъ? Я не знаю, гордитесь-ли вы своимъ Кощеемъ, а я своимъ справедливо горжусь, потому что одинъ изъ губернаторовъ, пріѣхавъ къ нему какъ-то въ серединѣ зимняго вечера, совсѣмъ было разбилъ себѣ лобъ, не нашедши въ домѣ ни одной свѣчки, вслѣдствіе чего какой-то фатъ цѣлыхъ двѣ недѣли пугалъ Кощея по вечерамъ тѣмъ, что къ подъѣзду его подсылалъ пустую карету, производившую въ домѣ переполоху и немедленное освѣщеніе. Я не знаю, въ какой степени вашъ Кощей герой, но мой являлъ иногда подвиги истиннаго мужества: онъ въ молодыхъ лѣтахъ, женившись безъ вѣдома деспота-отца, человѣка стариннаго покроя, выдержалъ, какъ говоритъ преданіе, такую отъ родителя аттаку, гдѣ дѣло доходило до слишкомъ-чувствительныхъ увѣщаній, и таки обманулъ отца клятвенными увѣреніями, что слухи о его женитьбѣ—выдумки, тогда какъ жена, уже беременная, была оставлена въ полку; мой Кощей родную дочь отъ этого перваго брака обездомилъ при спеціальномъ межеваніи... Мало вамъ этого? Мой Кощей хотѣлъ жида надуть! Не вѣрите? Слушайте. Приходитъ къ нему жидъ, всѣмъ на свѣтѣ, начиная отъ алмазовъ до томпако-

выхъ колецъ *съ щоклами* (со стеклами) торгующій и большой пріятель Кощея; Кощей ходитъ у себя по залѣ и страшно морщится; «сто съ вами»?—«Гемморой проклятый мучитъ. нигдѣ мѣста не нахожу»!—«Послите за докторомъ». —«Да, какъ же! Ему надо деньги платить, да другія за лекарство; а вотъ ты, Авраамъ, еслибы захотѣлъ, могъ-бы мнѣ услугу сдѣлать».—«Сказите какую, дусевно радъ». —«Сходи къ доктору и скажи, что у тебя гемморой, онъ съ тебя ничего не возметъ и рецептъ тебѣ пропишетъ; ты этотъ рецептъ принеси ко мнѣ, я и пошлю въ аптеку». —«А какъ доктиръ деньги спроситъ?» сказалъ Авраамъ и не пошолъ.

Въ одномъ мы вѣроятно съ вами сойдемся: вашъ Кощей старъ и мой тоже.

Я ждалъ отъ Кощея по мировой средѣ не то чтобы большихъ пакостей, а непремѣнно какихъ-нибудь мелкихъ плутней. Такъ оно и вышло.

Прежде всего онъ черезъ меня обратился къ небольшому своему имѣньицу, находящемуся въ моемъ участкѣ, — лоскутку очень значительнаго состоянія,—съ предложеніемъ идти на добровольный выкупъ. Крестьяне этого добра еще не понимаютъ и загорланили такой вздоръ, что тошно было слушать. Я въ избѣжаніе какихъ-нибудь кляузъ снялъ съ нихъ письменное показаніе объ отказѣ и увѣдомилъ объ этомъ Кощея. Онъ прислалъ грамоту.

Въ грамотѣ этой находилось три пріятности: до безумія неправильное показаніе количества земли и два пробѣла.

На 46 душъ Кощей махнулъ 156 десятинъ одной пахоти. Я сейчасъ-же увидѣлъ, что это чистѣйшій вздоръ, потому что уже довольно хорошо вызналъ мѣстность всего околодка и кромѣ того у меня былъ подъ-руками планъ генеральнаго межеванія, вытребованный изъ уѣзднаго суда. Конечно со времени этого межеванія, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, количество пахатной земли, при истребленіи лѣсовъ и увеличившемся народонеселеніи, должно было измѣниться, но во всякомъ случаѣ итогъ ея никакъ не могъ достигнуть выставленной цифры.

Пробѣлы были въ двухъ капитальныхъ статьяхъ грамоты (если только въ грамотахъ бываютъ статьи не капиталь-

ныя): въ непоказаніи во первыхъ количества прежде платившагося оброка, и во вторыхъ—сроковъ новыхъ платежей. Кощей видно думалъ, что я выставлю что̀ надо своей рукой. Увы, я на это не рискнулъ и употребилъ грамоту для вящаго ему огорченія!

Меня не столько интересовало количество пахоти, какъ пробѣлы: съ какой цѣлью прибѣгъ Кощей къ этой уловкѣ?

Вскорѣ я поѣхалъ въ селеніе и по заведенному порядку сталъ читать вслухъ грамоту, да какъ дошолъ до 156 десятинъ пахоти, крестьяне подняли такой... гвалтъ вы думаете? нѣтъ, хохотъ, дружный, неудержимый хохотъ, что и я имъ заразился и сталъ смѣяться.

Количество пахоти было сейчасъ-же примѣрно опредѣлено по ихъ показанію количествомъ посѣва. Дефицитъ выходилъ огромный. Показаніе это я записалъ; крестьяне и бывшіе при мнѣ старшина и добросовѣстные его подписали.

Господи! думалъ я. — Изъ чего только дурачатся люди! Положимъ хоть и заочно, а все-таки отдаютъ себя на поруганіе! Мужикъ сѣръ, говоритъ пословица, да умъ у него не чортъ съѣлъ.

— Разскажи мнѣ, обратился я къ старостѣ, молодому и умному малому, грамотному,—не знаешь-ли ты къ чему вашъ баринъ сдѣлалъ въ грамотѣ эти два пробѣла.

Я показалъ ему грамоту.

— Отъ того онъ ихъ сдѣлалъ, что ему писать тутъ было нечего.

—Это какъ-же?—Да такъ. У насъ точнаго (опредѣленнаго) числа тяголъ никогда не водилось, никакого на этотъ разъ постоянства не было, какъ въ-другихъ мѣстахъ. Тамъ опредѣляютъ тягла на годъ, да ужъ и знаютъ какой и когда оброкъ брать. А нашъ середь года вздумаетъ или тамъ расчитаетъ по своему, да на иную семью полтягла или четверть тягла лишнихъ и наложитъ, чтобы лишнее скубанить.

— Онъ вѣроятно принималъ тутъ въ расчотъ подростковъ, которые прибавляютъ-же собой рабочія силы въ семьѣ; это совершенно правильно.

— Можетъ статься и правильно, да только середь года кажись этого-бы дѣлать не слѣдовало. У насъ отъ этого

всегда въ тяглахъ колебаніе и происходило; то ихъ 22, то 23, то 26. Опять и то: мужикъ не ждетъ, а на него вдругъ наложено, подавай. И въ срокахъ-то мы тоже толку не видали: всякъ несетъ когда и что ему вздумается, самъ запишетъ въ книгу и баста.

— Ну, да вѣрно-же онъ соразмѣрно подбавкамъ и убавки дѣлалъ.

— Убавки-то не больно жалуетъ. Точно, мнѣ за-память, убавилъ человѣкъ у двухъ-трехъ, да ужь больно къ нему приставали, покоя ему отъ нихъ не было.

— А бывалъ у васъ баринъ?

— Былъ всего только одинъ разъ съ тѣхъ поръ какъ мы за нимъ состоимъ, да и то не на радость.

— Это почему-же?

— Да камень нашъ родной, трудомъ и потомъ нашимъ собранный, продалъ.

— У всѣхъ?

— Нѣтъ, у двухъ домовъ.

— У меня, батюшка, да у Кирила, — отозвался сѣдовласый старикъ почтенной наружности, выдвигаясь впередъ.

— Гнѣваться, други мои, тутъ не за что: вы были его, земля его, что въ землѣ и на землѣ—и то его.

Старикъ вздохнулъ и даже очень тяжело, въ этомъ я не ошибся.

— Вѣстимо, что такъ, отвѣчалъ онъ,—да ино дѣло законъ, ино совѣсть.

Этимъ кроткимъ отвѣтомъ здравый смыслъ народа намекалъ на судъ присяжныхъ.

— Грамота ваша, люди, не годится. Я возвращу ее помѣщику для исправленія, а теперь дайте мнѣ показаніе о числѣ наличныхъ тяголъ и о томъ, дѣйствительно-ли братъ старосты, Ѳедоръ, не пользовался землей и можетъ отказаться отъ надѣла. Онъ мнѣ подалъ объ этомъ просьбу.

Когда все это кончилось, я распрощался съ народомъ и имѣя довольно времени, потому что надо было дать вздохнуть моей усталой тройкѣ, удержалъ при себѣ старика, тихо спросивъ его:

— А много вы съ Кириломъ понесли отъ этого камня убытку?

— Большой, сударь, намъ уронъ былъ. Всю весну, какъ только земля отошла, все лѣто и осень до самыхъ заморозковъ трудились. Наняли батраковъ, почитай что всѣ полевыя работы бросили, убирали ихъ ужь такъ, съ грѣхомъ пополамъ, что называется урывомъ да ущипкой. Собирали мы по всей нашей дачѣ, и на поляхъ, и въ оврагахъ рыли. Общество позволило.

— За деньги?

— Вѣстимо не даромъ.

— Разскажи пожалуйста, старикъ, все толкомъ.

— Извольте. Наслышались мы отъ вѣрныхъ людей, что тогда отъ вышняго начальства пришолъ приказъ починить шасею: больно ее въ иныхъ мѣстахъ пучило, въ другихъ вовсе взломало, такъ что, говорятъ, проѣзду народу не стало, а за проѣздъ все-таки берутъ. Жалобы стало быть произошли.

— Знаю я это, старина. Это не такъ давно было, въ 59-мъ году. Мнѣ мои бока тогда тоже сильно жаловались. Духу нельзя было перевести на ѣздѣ шагомъ,—такихъ-то сучьевъ толщиной въ руку по твоей шасеѣ накидали, чтобы намъ весной не утонуть. Я весной ѣхалъ.

— Ну, вотъ. Я и говорю Кирилѣ: слышалъ ты молъ, сватъ Кирило, пословицу «Акимъ простота, ищетъ рукавицы, а обѣ за поясомъ?» Ходятъ наши ребята и въ Москву и дальше, а у насъ добро подъ руками и почитай зря пропадаетъ,—потому, сударь, что намъ отсель по возкамъ продавать не сподручно; кто и наберетъ возка два-три, да на своей вѣдь только землѣ,—чужихъ полосъ и общихъ овраговъ незамай, — развѣ эти два возка въ базарный день въ городъ свезетъ: верстъ вѣдь тоже одиннадцать будетъ да и дорога-то песчаная, а грузъ тяжолый. Выпросимъ, говорю, у общества позволеніе, чтобы намъ по всей дачѣ вольготно было, займемся. «Ладно, говоритъ, Никита, попробуемъ; эта статья на дѣло похожа.» Выпросили за сорокъ цѣлковыхъ; десять серебра задатку внесли; ребятъ пріостановили, пошла работа... Къ осени накопили мы четыре большихъ грудищи

и все въ такихъ мѣстахъ, чтобы вывозить его по первому снѣгу было сподручно. А въ городѣ-то промысловый народъ, который этимъ занимается, то есть въ казну камень поставляетъ, ужь про наше дѣло слышитъ.

— А много-ли, старина, у васъ возовъ было? Я цѣну камню таки знаю, мои ближніе сосѣди этимъ промышляютъ. Весной и лѣтомъ за немудрящій возъ, разумѣется ужь на мѣстѣ, въ городѣ, платили по 25 и по 30 копѣекъ.

— Да какъ намъ, сударь, возами-то было считать? Иной разъ мальчишка въ подолѣ рубашки тащитъ, въ другой разъ ты самъ на тачкѣ (тележкѣ) подвезешь.

— Ну, саженями?

— Э, баринъ! Развѣ можно? Вѣдь это не дрова. Попробуй-ка его порядкомъ-то сложить; не все крупнякъ, мелочи много, онъ же сыпется. Да и когда намъ было: лиха бѣда собирать.

— Правда. Такъ какъ-же?

— Грудами валили, да такъ оптомъ и хотѣли продать. И точно стали наѣзжать къ намъ покупатели, да и ну насъ притѣснять. Дѣло-то наше бѣдное, самимъ этакую махину вывести не въ моготу. Вотъ пріѣзжаетъ къ намъ, можетъ вы по городу знаете, Антипъ Иванычь.

— Какъ не знать! Плутъ первѣйшій. Во всѣ подряды суется. Онъ, я думаю, вашему много денегъ за отсталое переплатилъ.

— Ужь тамъ Богъ ихъ вѣдаетъ. Просимъ мы за каждую груду по семидесяти цѣлковыхъ, — и стоило, видитъ Богъ стоило. Не даетъ, не сошлись. «Ну» — говоритъ — «прощайте, да после лихомъ не поминайте.» Намъ тогда и въ недомекъ было, что онъ это угрозу произнесъ, ужь послѣ раскумекали. Уступить-бы ему, собакѣ, прости Господи мои согрѣшенія. Проходитъ дня три-четыре, смотримъ — баринъ, и съ Антипомъ Иванычемъ... Позвалъ меня и Кирила, выспросилъ о камнѣ да и говоритъ вотъ тоже, что ваша милость давича молвили: «и въ землѣ, говоритъ, и на землѣ, и въ воздусѣхъ, все мое.» И продалъ тутъ-же нашъ камень за двѣсти пятьдесятъ, только мы его и видѣли.

— Стало быть тотъ прямо къ барину толкнулся?

— Извѣстное дѣло. Самъ послѣ похвалялся; «пришолъ, говоритъ, къ нему да и говорю: какъ это вы, Ваше Высокоблагородіе, про свое добро не знаете?» — «Про какое добро?» — «Да вонъ тамъ-то на собственной вашей землѣ лежитъ; у васъ товаръ, а я купецъ.»

— Ловко. А ребята-то ваши такъ дома и прожили?

— Что будешь дѣлать. Поразорились мы порядкомъ отъ этого.

— Ну, а въ міръ отдали?

— Міръ простилъ.

Исторіей о булыжныхъ камняхъ, выступающей здѣсь все-таки эпизодически, не можетъ кончиться эта статья моихъ записокъ: мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по уставной грамотѣ Кощея, тѣмъ болѣе, что желая быть импарціальнымъ, я не хочу ничего скрыть, къ чьей-бы сторонѣ иная свѣтлая полоса или темное пятно ни относились.

Грамоту я разумѣется сейчасъ-же возвратилъ для исправленія, а въ имѣніе былъ посланъ землемѣръ, который привелъ въ извѣстность весь крестьянскій надѣлъ до мельчайшихъ побробностей. Кстати замѣчу, что вмѣсто 156 десятинъ пахоти, ея оказалось только 72: на небольшее, какъ изволите видѣть, количество Кощей ошибся. Онъ пропустилъ двухъ-мѣсячный срокъ со дня возвращенія и я составилъ грамоту самъ на основаніи слишкомъ положительныхъ данныхъ только-что произведеннаго измѣренія и показанія крестьянъ о бывшемъ оброкѣ. Сроки для платежей новаго были поставлены тѣ, которые вообще назначилъ мировой съѣздъ. На душу вмѣсто трехъ съ половиною десятинъ приходилось по двѣ десят. 45 саж., оброкъ съ 9 рублей падалъ до 7 руб. $3^1/_7$ коп.

Пріѣзжаю.

— Согласны, ребята, на грамоту? Тетерь все сдѣлано въ точности. Сомнѣваться не въ чѣмъ.

— Нѣтъ. Того, что тутъ написано, мы не желаемъ: дайте полный надѣлъ.

— Да откуда я вамъ его возьму? Вы сами ходили съ землемѣромъ; могли-же вы видѣть, что помѣщику оставлено

все то, чего отъ него громомъ не отшибешь — лѣсъ и разныя другія благодати, какъ-то: овраги, буераки ,болота, улицы. Все, что вамъ слѣдовало—ваше; сколько этого вашего—вы сами знаете. Образумьтесь.

— Да что тутъ образумливаться-то? Дайте полный надѣлъ,—такъ Государь указалъ, а этого не надо.

— Послушайте, други мои, Государь совсѣмъ не это указалъ. Онъ только опредѣлилъ для всякой мѣстности, — ну хоть для всякой полосы, такъ скажемъ, — высшій душевой надѣлъ, то есть больше чего помѣщикъ давать не обязанъ, и высшій душевой оброкъ, то есть больше чего помѣщикъ спрашивать не долженъ. Да у меня ни въ одномъ изъ моихъ собственныхъ имѣній полнаго надѣла не выходитъ, какъ тутъ быть? Гдѣ его взять?

— Тамъ съ своими ладьтесь какъ знаете, а намъ дайте то, что Царь велѣлъ.

Дѣлать было нечего: хоть колъ надъ головой теши по православной-же пословицѣ. Подъ шумъ и галдобенье написалъ я актъ, что очень трудно безъ привычки.

Одинъ молодой парень, крикунъ страшный и свиду очень глупый, преспокойно разсѣлся въ двухъ шагахъ отъ меня на хозяйской кровати. Старики стояли. Я попросилъ подняться и прочолъ ему приличную нотацію. Еще Вашингтонъ, величайшій другъ свободы, сказалъ, что можно быть очень добрымъ и доступнымъ, не допуская никакой фамильярности.

Когда актъ былъ написанъ и прочтенъ, я на точномъ основаніи закона потребовалъ, чтобы крестьяне его подписали.

— Это все обманъ! брякнулъ молодой малый, обращаясь къ народу.

Это было уже слишкомъ. Тутъ оскорблялось достоинство закона; оскорблялось положимъ глупо, но я все-таки не могъ ничего подобнаго допустить.

Я всталъ. Вѣроятно лицо мое выражало что-нибудь не очень веселое, потому что говоръ немедленно стихъ.

— Вы слышали?—обратился я въ свою очередь къ добросовѣстнымъ.

*

— Слышали.

Его отдали на волостной судъ, который, какъ послѣ разсказывали, выдержалъ молодца семь сутокъ подъ арестомъ.

Я уѣхалъ изъ селенія довольный по крайней мѣрѣ тѣмъ, что теперь дядя Никита съ дядей Кириломъ могутъ смѣло собирать камень, не боясь Кощея и Антипа Иваныча.

Впрочемъ овраги-то не ихъ! Ну, будутъ умнѣе. Не даромъ Димитріевъ сказалъ:

«Всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ!»

II

ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ

«*Крестьянское* дѣло,» «*крестьянскій* вопросъ» — привыкли мы слышать. «Губернское по *крестьянскимъ* дѣламъ присутствіе»—прочтете вы въ любомъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ на доскѣ, прибитой къ дому дворянства.

Вопросъ о дворовыхъ людяхъ, какъ дѣло меньшинства и безъ сомнѣнія меньшей важности, какъ-бы поглотился въ общемъ итогѣ «крѣпостного» вопроса вопросомъ собственно-крестьянскимъ, не смотря на то что между этими двумя вопросами нѣтъ ничего общаго, потому что между дворовымъ и крестьяниномъ никогда не было ничего сходнаго какъ до, такъ и послѣ Положеній 19 февраля 1861 г. и по исконному соціальному положенію обоихъ крѣпостныхъ сословій, сообщившему каждому изъ нихъ отдѣльный, самостоятельный типъ, потому что по выходѣ Положеній крестьянинъ, кромѣ извѣстнаго, опредѣленнаго закономъ случая, имѣлъ право на поземельный надѣлъ, право, котораго не имѣлъ дворовый, потому наконецъ что крестьянинъ остался *временно*-обязаннымъ, а дворовый былъ только обязаннымъ *срочно*, до 19 февраля 1863 года.

Вопросъ о дворовыхъ людяхъ могъ-бы составить предметъ отдѣльнаго научно-соціальнаго изслѣдованія. Онъ очевидно слишкомъ широкъ для того, чтобы умѣститься въ

тѣсные предѣлы моихъ записокъ, да я и не имѣю ни малѣйшей претензіи его изслѣдовать и исчерпать. Задача моя гораздо скромнѣе: я представлю нѣсколько соображеній, нѣсколько замѣчаній, къ которымъ меня привели опытъ, практика; разскажу нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, по которымъ самъ читатель властенъ какъ ему угодно восходить, говоря языкомъ школьной логики, «отъ частнаго къ общему.»

Правды скрывать нечего, особенно той, которую всѣ знаютъ: Положенія 19 февраля 1861 г. поставили помѣщиковъ и бывшихъ крѣпостныхъ не совсѣмъ въ дружескія другъ къ другу отношенія. Такъ и слѣдовало быть. Помѣщики теряли свою почти безусловную власть надъ людьми и значительную долю своихъ матеріальныхъ интересовъ; бывшіе крѣпостные, за исключеніемъ ограниченнаго числа случаевъ, поддались духу возмездія за старое и вообще какой-то распущенности, принимаемой за идею свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство все это предвидѣло: это доказывается самымъ учрежденіемъ мирового института. Можетъ быть многіе не знаютъ, а другіе не вдругъ повѣрятъ, что необходимость его сознавалъ самъ народъ. И для не знающихъ и для невѣрующихъ я разскажу слѣдующій несомнѣнный случай. Дѣло было вскорѣ послѣ выхода Положеній, до вступленія въ должность мирового посредника и открытія волостей. Крестьянинъ спросилъ помѣщика, укорявшаго своихъ поселянъ въ разныхъ безпорядкахъ, которые они начали дѣлать: «Что, батюшко, прежде всего заготовляютъ весной передъ тѣмъ какъ выгонять стадо въ поле?»— «Не знаю,» отвѣчалъ помѣщикъ, «тебѣ это лучше извѣстно: ты крестьянинъ.» — «*Пастуховъ*, батюшко, *пастуховъ*: они покажутъ стаду куда идти и какъ ему пастись надо.»

Взаимныя непріязненныя отношенія породили, какъ извѣстно, нѣсколько весьма печальныхъ случаевъ, но были случаи и забавные. Въ одномъ имѣніи моего участка, которое удерживалось на издѣльной повинности, назначенный помѣщикомъ барщинскій рабочій день вышелъ дождливый; дѣлать что-либо въ полѣ не было никакой возможности; видя это, крестьяне—мужчины и женщины—собрались въ обширномъ господскомъ гумнѣ (молотильномъ сараѣ); напрасно

помѣщикъ нѣсколько разъ высылалъ сказать имъ, чтобы они разошлись, что онъ этого дня считать не будетъ, наконецъ пошолъ сказать имъ это самъ, — они упорно просидѣли до самаго вечера.

Но недружелюбныя отношенія не такъ рѣзко выступили со стороны крестьянъ, какъ со стороны дворовыхъ. Можно сказать, что съ самой первой минуты оба сословія стали во враждебныя другъ къ другу положенія. (Само собой понимается, что я говорю о большинствѣ случаевъ въ нашей мѣстности, но большинство это слишкомъ значительно). Какая причина этому? Кто виноватъ? Одной изъ причинъ должно безъ сомнѣнія положить то, что мы съ крестьяниномъ до сихъ поръ связаны общими интересами: запашки почти во всѣхъ бывшихъ издѣльныхъ имѣніяхъ значительно уменьшились, но не уничтожились; даже при вольно-наемномъ трудѣ намъ нужны руки; если крестьянинъ намъ и теперь работаетъ, мы или платимъ ему, или вычитаемъ изъ оброка; во власти помѣщика болѣе или менѣе терпѣливо ждать уплаты его, дѣлать разныя льготы, не взыскивать пѣни, наконецъ въ исключительной собственности помѣщика лѣсъ... а иногда какъ «дорого бываетъ яичко къ великому дню», какъ дорога бываетъ иная жерздочка, перекладинка, слега, столбикъ! «Не стройся, а кройся» говоритъ умная пословица. Совсѣмъ другое дѣло было въ отношеніи къ дворовому: онъ зналъ, что послѣ двухъ лѣтъ со дня выхода Положеній можетъ окончательно съ вами распрощаться, а если вы будете притѣснять его до этого срока, то на это есть посредникъ и 18 ст. Положенія о немъ. Наконецъ—говоря откровенно, мы съ крестьяниномъ, который не стоялъ къ намъ такъ близко, не вертѣлся безпрестанно передъ нашими глазами какъ дворовый, менѣе надоѣли другъ другу и какъ ни мало уважали мы въ немъ человѣческое достоинство, не дошли до того, что одно сословіе производило другое не иначе, какъ отъ втораго сына Ноева, а другое сочинило извѣстную «барыню»,—идеалъ цинической иронiи, и могло ежечасно повторять:

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ и барская любовь?

Можетъ быть мое откровенное слово «надоѣли» покажется рѣзкимъ, неумѣстнымъ, но вглядитесь въ дѣло, будьте безпристрастны и вы сами увидите, что оно правдиво. Что сказать противъ такого напримѣръ факта, бывшаго уже послѣ выхода Положеній: одинъ баринъ очень серьозно жаловался моему товарищу — посреднику на двораго человѣка за то, что тотъ постоянно носитъ концы панталонъ въ голенищахъ сапогъ, тогда какъ онъ, баринъ, постоянно-же приказываетъ ему носить ихъ на голенищахъ, каковой поступокъ баринъ и принимаетъ не иначе какъ за неповиновеніе и дерзость. Если такъ было послѣ выхода Положеній, то что-же было до нихъ?

Что? спросите литературу — эту вѣрную отразительницу жизни,—она дастъ вамъ отвѣтъ. Она прежде всего укажетъ вамъ на нашего незабвеннаго Фонъ-Визина съ его «Недорослемъ» и въ самомъ «Недорослѣ» на слѣдующія, истинно достойныя безсмертія строки: «А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь?» обращается г-жа Простакова къ вошедшей Еремеевнѣ. «Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ? «Захворала, матушка; лежитъ съ утра», отвѣчаетъ старуха. «Лежитъ!» восклицаетъ г-жа Простакова, «Ахъ она бестія! Лежитъ! *Какъ будто она благородная»!*

Литература укажетъ вамъ на слѣдующее мѣсто въ другой, позднѣйшей, болѣе знаменательной комедіи:

...Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окружонный слугъ —
Усердствуя они, *въ часы вина и драки,*
И жизнь и честь его не разъ *спасали...* вдругъ
На нихъ онъ вымънялъ борзыя три собаки!

Нечего сказать, пріятное было положеніе и блестящая перспектива! И не смотря на это,—фактъ несомнѣнный, — въ прежнее время существовало дѣйствительное усердіе, истинная привязанность слугъ къ барамъ. Бытъ былъ простѣе; «галантерейное, чортъ возьми, обращеніе» не забиралось тогда въ среду дворовыхъ. Вспомните Савельича въ «Капитанской дочкѣ», это типическое, вполнѣ оконченное

созданіе великаго мастера; вспомните милое и наивное «чюки, чюки, чюкъ; чюки-чукъ; чюки-чюкъ» Мардарія Аполлоновича Стегунова, о которомъ я уже говорилъ выше, и искренній отвѣтъ Васи, что его «наказали по дѣломъ» и что «такого барина какъ ихъ въ цѣлой губерніи не сыщешь», что и заставило Тургенева весьма справедливо замѣтить: *вотъ она, старая-то Русь!* Не ужели, вы думаете, слуги не любили Степана Михайловича Багрова, не смотря на его крутой, деспотическій, подъ часъ болѣе чѣмъ взбалмошный нравъ? Въ новой Руси уже не то: Осипъ неуважительно говоритъ и обращается съ Хлестаковымъ; Степанъ въ комедіи г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» насквозь видитъ своего Вихорева, которому, по его-же собственному слову, не осталось ничего болѣе, какъ только идти въ маркеры...

Кто виноватъ? Я на это отвѣчу пословицей: «какъ аукнется, такъ и откликнется», только попрошу дать ей широкое значеніе, распространивъ ее напримѣръ съ Багрова, въ которомъ былъ крѣпкій человѣчественный фондъ, до Хлестакова, который только хлыщь и свищь. Но и въ старой Руси далеко не на всякомъ шагу попадались Багровы; большинство баръ смахивало на извѣстнаго Артемія Волынскаго, который обвѣшалъ купца сырымъ мясомъ и сталъ травить его собаками. Пугачевъ бралъ не столько именемъ Петра III-го, къ которому былъ равнодушенъ простой народъ, особенно въ томъ краѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ, сколько обѣщаніемъ уничтожить крѣпостное право и гоненіемъ на дворянъ. Если въ воспоминаніяхъ о сенаторѣ Мертваго вы читаете, что отецъ его, добрый помѣщикъ, былъ во время пугачовщины до смерти забитъ палкой дворовымъ человѣкомъ, то вспомните, что человѣкъ этотъ увлекся общимъ движеніемъ, желалъ угодить массѣ и самъ послѣ раскаявался въ своемъ поступкѣ, а я въ добавокъ скажу вамъ, что лично зналъ бывшую уже въ преклонныхъ лѣтахъ одну старушку даму, спасенную, когда ей было пять лѣтъ, отъ Пугачева своей дворовой женщиной, скотницей.

Правительство,—которое, какъ это было гораздо прежде насъ и весьма справедливо замѣчено, наша литература ча-

сто выводила какъ deus ex machina для пресѣченія разныхъ злоупотребленій, преимущественно-же возникавшихъ изъ крѣпостнаго права, — чувствовало, что ничего хорошаго не выйдетъ на первыхъ-же порахъ изъ отношеній владѣльцевъ и дворовыхъ людей. Наше губернское присутствіе, сейчасъ-же по выходѣ Положеній, разослало по всѣмъ помѣщикамъ объявленіе, чтобы въ случаѣ увольненія дворовaго человѣка безъ его согласія до истеченія двух-лѣтняго срока, выдавалось мужчинамъ свыше 55 и женщинамъ свыше 50 лѣтъ или почему-либо другому неспособнымъ къ работѣ ежемѣсячно по 1 р. сер. на продовольствіе и по 50 к. на квартиру; въ случаѣ увольненія цѣлаго нераздѣльнаго семейства — на продовольствіе каждаго взрослаго по 1 р. въ мѣсяцъ и по 50 к. дѣтямъ моложе 10 лѣтъ, на квартиру всего семейства, какъ на одно лицо, по 50 к. въ мѣсяцъ. Вся сумма, которую слѣдовало внести или уѣздному предводителю или мировому посреднику, исчислялась умноженіемъ опредѣляемаго въ мѣсяцъ на все число мѣсяцовъ, остающееся со дня увольненія до 19 февраля 1863 года. Кромѣ того каждый изъ увольняемыхъ снабжался двумя перемѣнами бѣлья и обуви и русскою лѣтнею и зимнею одеждою.

Съ удовольствіемъ указываю на эту мѣру: она предупредила много горя и слезъ.

По несчастію въ моемъ участкѣ находился губернскій городъ. Въ немъ довольно значительное число дворовыхъ людей не только нашего уѣзда и губерніи, но и разныхъ губерній и уѣздовъ. Кромѣ того много безземельныхъ крестьянъ, проживавшихъ во дворѣ помѣщиковъ. Говорю «по несчастію» какъ потому, что разборъ дѣлъ дворовыхъ людей въ высшей степени непріятенъ по неопредѣленности данныхъ, на которыхъ можно было-бы основать его, такъ и потому, что вся эта мелкая возня, вся эта война на булавкахъ только способны были привести въ досаду любаго мирового посредника, у котораго на рукахъ цѣлый участокъ съ дѣлами гораздо большей важности.

Бывало явится какой-нибудь дворовый субъектъ мужскаго или женскаго пола въ губернское присутствіе, прибавитъ тамъ къ частицѣ правды извѣстную толику вздору,

съ него снимутъ показаніе, подъ которымъ онъ вмѣсто подписи намараетъ три креста, и съ этой бумагой присылаютъ его ко мнѣ. Такіе подарки, особенно въ началѣ, я получалъ каждый день и даже по нѣскольку въ день. Между тѣмъ дѣла по участку требуютъ безотлагательнаго участія: или тебя гдѣ-нибудь народъ ждетъ или у тебя толпится.

Взаимныя недружелюбныя отношенія высказались очень скоро. Съ одной стороны, уже помимо домашнихъ дрязгъ, дворовые люди, ходившіе по оброку или только-что на оброкъ отпущенные, какъ будто сговорились,—фактъ въ высшей степени замѣчательный! — не платить оброковъ помѣщикамъ (тутъ дѣйствовало срочное). Часто невозможно было и опредѣлить съ точностію самую цифру оброка, условія о которомъ всегда дѣлались словесно,—каждая изъ двухъ сторонъ выставляла свою. Какъ-бы то ни было, дворовые люди старались всячески надувать, проводить, обманывать посредника или, благоденствуя подъ неусыпною бдительностію полиціи, вовсе не являться по его требованію: я нѣсколько разъ представлялъ объ этомъ, но всякій разъ безъ успѣха... Со мной напримѣръ они употребляли слѣдующія продѣлки: я жилъ не въ самомъ городѣ, но близко отъ него; лошадей моихъ зналъ разумѣется весь городъ; вызываю нѣсколько человѣкъ въ такое-то число и даже часъ (дней за 10 за 12) въ такую-то часть полиціи; пріѣзжаю минутъ за пятнадцать, за двадцать до срока, жду полчаса, часъ — никого; только-что я успѣю уѣхать, едва повернетъ мой экипажъ за уголъ улицы, они являются съ наивнымъ вопросомъ: «а гдѣ-же посредникъ»? Наконецъ какъ-нибудь вызовешь или на домъ поѣдешь и спрашиваешь: «почему ты не явился въ такой-то день и въ такой-то часъ?» «Мнѣ нельзя было: кушанье готовилъ или лошадей убиралъ; я приходилъ послѣ, васъ не было»? «А вы, сударыня»? «Я убирала комнаты, ставила самоваръ, подавала одѣваться барынѣ». Иногда случалось такъ, что вызовъ, посланный прямо въ полицію дней за десять и двѣнадцать, приходилъ въ часть днями двумя или тремя послѣ назначеннаго срока; тутъ уже не дворовые люди виноваты, а такъ видно печка пекла! И дѣлай какъ знаешь! Съ другой стороны, — со

стороны помѣщиковъ, сплошь и рядомъ встрѣчалось убѣжденіе, что если помѣщикъ отпускаетъ дворового, такъ тотъ непремѣнно долженъ подать ему 30 рублей оброка. «А если онъ выработаетъ только 29?» спрашивалъ я иногда. «Если онъ цѣлое семейство на квартирѣ содержитъ, кормитъ, поитъ, одѣваетъ? Если ему, для того чтобы жить въ порядочномъ домѣ, и самому нужно одѣться порядочно?» Случалось, что я такими вопросами говорилъ сущую, святую правду, но бывало и то, что дворовый прибѣгалъ къ указанію на семейство, которое, какъ оказывалось впослѣдствіи, совсѣмъ не его хлѣбъ ѣло.

Всѣ подобныя не совсѣмъ благоразумныя требованія, представляются сущей мелочью передъ такими аллюрами или попросту сказать—замашками, которыя, по крайней мѣрѣ сначала, стали распространяться во множествѣ и дѣйствительности которыхъ трудно было-бы повѣрить, если бы она не была засвидѣтельствована оффиціальными данными. Помѣщикъ (а всего чаще помѣщица) выгонитъ человѣка изъ своего дома, не рѣдко женатаго, съ семьей, безъ всякаго вида, почти безъ одежды и обуви и сейчасъ-же или начинаетъ требовать его назадъ или взыскивать съ него и семейства оброкъ, высшій размѣръ котораго опредѣленъ Положеніемъ, но никакъ не хочетъ дать ему и семейству для проживанія какихъ-либо видовъ, безъ которыхъ ихъ нигдѣ не держатъ. На что свѣжѣе этого преданія,—хоть бы и съ трудомъ вѣрилось! Всего болѣе тутъ отличались «мелкопомѣстные владыки», какъ называлъ ихъ одинъ изъ нашихъ посредниковъ. Они отстаивали свои претензіи съ какимъ-то ожесточеніемъ, не внимая никакимъ человѣчественнымъ представленіямъ мирового посредника, ни словеснымъ, ни письменнымъ, на которыя не рѣдко и не отвѣчали, и такимъ образомъ до самой послѣдней минуты выдерживали борьбу съ 18 ст. Полож. о двор. людяхъ, то есть съ правомъ посредника самому выдать человѣку увольнительный актъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія.

Разъ въ августѣ 61-го года, въ ужаснѣйшій дождь, ко мнѣ пришолъ дворовый человѣкъ одного бывшаго владыки восьмнадцати душъ, великаго *хозяина* и страшнаго охот-

ника до *дѣлъ*, которыя у него никогда не переводились и о которомъ мнѣ еще придется говорить въ утѣшеніе современникамъ и въ назиданіе потомству. Дворовый прозывался Иваномъ Ѳедоровымъ Воронкинымъ.

— Что тебѣ, мой любезнѣйшій?

— Къ Вашему Всеб-ію. Послали къ вамъ изъ «комитета» (такъ простонародье называло губернское присутствіе). Явите божескую милость, защитите.

Бухъ въ ноги.

— Начало очень дурно, мой любезный: я не Богъ, чтобы мнѣ такъ низко кланяться, и терпѣть не могу этихъ выходокъ. Говори просто и прямо что тебѣ надо.

— Я дворовый помѣщика Прожигалова. Года два тому назадъ баринъ согналъ со двора мою жену, которая была свободнаго состоянія, съ малолѣтнымъ сыномъ, а меня у себя оставилъ.

— За что согналъ?

— Одежды ей давать не хотѣлъ. Прошолъ годъ; соскучась объ своихъ, я сталъ проситься на оброкъ; баринъ назначилъ мнѣ 30 цѣлковыхъ и далъ паспортъ. Тяжеленько было, однако-же по окончаніи срока я выплатилъ деньги всѣ до копѣйки и сталъ просить новаго паспорта. Это было четыре мѣсяца тому назадъ, въ маѣ. Баринъ не даетъ, требуетъ съ меня 15 рублей впередъ... гдѣ я ихъ впередъ возму? разсудите милостиво. Между тѣмъ безъ видовъ ни меня, ни жены въ городѣ никто не держитъ.

— Четыре мѣсяца... Отчего-же ты мнѣ раньше не сказалъ?

— Да все надѣялся на его милость. Теперь ужь крайность пришла: ни къ себѣ не беретъ, ни паспортовъ не даетъ, что дѣлать!

Въ самомъ дѣлѣ что тутъ дѣлать?

Я уже зналъ г. Прожигалова по разнымъ добрымъ дѣламъ и потому показаніе Воронкина имѣло большую долю вѣроятія. Сейчасъ-же было отправлено мной отношеніе къ помѣщику съ просьбой доставить объяснительныя свѣденія по принесенной жалобѣ.

«Комитетъ», тоже знавшій что такое г. Прожигаловъ, принялъ въ дворовомъ человѣкѣ живое участіе.

Помѣщикъ отвѣтилъ, что Воронкины мужъ и жена платили ему 48 рублей (сумма порядочная) и что Воронкинъ эти деньги дѣйствительно внесъ по истеченіи года, но внесъ вѣроятно потому, что былъ тогда еще въ крѣпостномъ состояніи, а что билета помѣщикъ теперь ему не выдаетъ «по его неблагонадежности».

Во первыхъ тутъ не было связи и здраваго смысла, а во вторыхъ была чистѣйшая ложь, еще болѣе выставлявшая нелѣпость дѣла: Воронкинъ, какъ оказалось по моему дознанію, внесъ деньги за годовой срокъ въ маѣ 61-го года, а Положенія были у насъ получены въ мартѣ, стало быть онъ внесъ ихъ спустя слишкомъ два мѣсяца по уничтоженіи крѣпостного права. Почему-же можно было предполагать въ такомъ человѣкѣ какую-либо «неблагонадежность»? Или наконецъ для чего было не взять, при подобномъ предположеніи, человѣка къ себѣ обратно, а оставлять его безъ вида, чуть—чуть не между небомъ и землей?

Можетъ быть не многіе повѣрятъ, что такого рода дѣла совершались иногда *изъ любви къ искусству*.

Объ отзывѣ Прожигалова я довелъ до свѣденія присутствія. Оно отвѣтило мнѣ, чтобы я назначилъ помѣщику недѣльный срокъ для выдачи этимъ людямъ видовъ или самъ выдалъ имъ увольнительный актъ.

Съ иными господами нужно быть осторожнымъ,—я послалъ мое отношеніе къ Прожигалову съ увѣдомленіемъ объ отзывѣ присутствія не иначе, какъ черезъ земскаго исправника.

Недѣльный срокъ прошолъ, увольнительный актъ былъ выданъ. Радости и признательности Воронкина я описывать не берусь.

Почти въ это-же самое время я получилъ письмо одной вдовы—помѣщицы, матери огромнаго семейства и уже больной на́смерть. Письмо было писано рукой дочери, дѣвушки лѣтъ восьмнадцати; больная только его подписала. Тутъ содержалось изложеніе подвиговъ двухъ дворовыхъ людей, отъ которыхъ положеніе бѣдной вдовы становилось невыноси-

мымъ. Они пьянствовали и грубили, пѣли подъ окнами господскаго дома непристойныя пѣсни и наконецъ одинъ изъ нихъ дошолъ до того, что сталъ травить собаками ея девяти-лѣтняго сына, слабаго, недужнаго, горбатаго мальчика. Правда, помѣщица была въ свое время строгонька, но все-же подобнаго рода поступки превосходили мѣру всякой терпимости со стороны закона и власти. Ихъ отдали подъ судъ.

Въ участкѣ моемъ находилась еще одна барыня, съ идиллической фамиліей и вовсе не идиллическимъ образомъ дѣйствій. Фамилія ея была—Бавкидина. Когда я, въ первый разъ объѣзжая участокъ, пріѣхалъ въ ея именьице (сама она жила въ городѣ и оттуда метала свои перуны), крестьяне до того были рады своему новому положенію, прямой, близкой защитѣ закона, что я этого передать не въ состояніи. Да и было чему радоваться, какъ напримѣръ одинъ изъ нихъ высидѣлъ въ части въ лѣтнюю, самую рабочую пору, кажется въ покосъ, за то что у него не дохватило пяти яицъ противъ положеннаго барыней числа.—По этому примѣру судите объ остальномъ.—Въ одинъ мартовскій день, въ самую ростополь, я ѣхалъ по городу мимо оконъ губернскаго присутствія. На парадное крыльцо его выбѣжалъ швейцаръ съ коломенскую версту ростомъ и «зазѣвалъ» на всю улицу, громко крича мое имя. «Что тебѣ»?—«Пажалуйте въ присутствіе; васъ зоветъ губернаторъ».

Это было не въ первый разъ; я вернулся. Вхожу въ швейцарскую,—тамъ стоитъ какая-то женщина, свиду дворовая, безъ платка на головѣ, раскосмаченная, съ разбросанными по плечамъ волосами, въ башмакахъ на босую ногу, едва прикрытая одной грязной кацавейкой въ лохмотьяхъ. «Чья ты»?—«Бавкидиной». Я сейчасъ-же понялъ въ чемъ дѣло и вошолъ въ комнату засѣданія. «Пожалуста, В. А.,»—говоритъ мнѣ губернаторъ—«съѣздите теперь-же къ ея барынѣ и разузнайте въ чемъ дѣло. Дѣвка жалуется, что та ее избила, отняла у ней шубу, что несносное обращеніе помѣщицы выводитъ ее изъ всякаго терпѣнія... Пожалуста сейчасъ-же».—«Очень хорошо-съ,»—отвѣчалъ я генералу, но прежде чѣмъ отправиться въ счастливую Аркадію, завернулъ въ казначейство и купилъ тамъ листъ для напи-

санія двух-мѣсячнаго билета. Наконецъ вотъ и Аркадія! Барыня, женщина лѣтъ подъ-сорокъ, еще очень недурная собой, однимъ словомъ молодецъ-женщина—высокая, полная, статная, ходитъ по комнатѣ въ утреннемъ неглиже, впрочемъ приличномъ и что называется—и рветъ и мечетъ. Ну, думаю, какъ стащитъ она съ меня мою посредническую цѣпь да начнетъ меня ей подчивать, а цѣпь тяжолая... вѣдь живой не выйдешь; въ комнатахъ-же никого. «Дочь моя»—говоритъ—«полы мететъ, сынъ печи топитъ; вотъ до чего дожили!» Нервнаго припадка я тутъ ожидать не могъ: барыня была видимо сложенія крѣпкаго. Въ первыя минуты мнѣ почти-что и говорить не приходилось: говорила одна Александра Петровна. Жалобы, брань, упреки сыпались градомъ. Я выжидалъ—и выждалъ: стало тише, небо начало проясняться. Тутъ я съ убѣжденіями, съ просьбами, со всѣмъ тѣмъ, что напоминало истину, баснописцами высказанную, что въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ и... о диво! Александра Петровна подписала бланкъ билета за моимъ ручательствомъ въ вѣрномъ платежѣ дѣвкой девятирублеваго оброка и предварительно взявъ съ меня (пожалуста не думайте, что я шучу) клятвенное обѣщаніе, что я сейчасъ-же поѣду въ присутствіе и разскажу, что въ такомъ-то городѣ живетъ Иванъ Иванычъ Бобчинскій: какова дѣвка Ѳекла и вся ея родня, потому что сестра ея Василиса хотѣла повѣситься, уже съ петли сняли... Присутствію, видите, это непремѣнно нужно было знать.

Что должны вы подумать обо мнѣ, читатель? Я измѣнилъ моему слову, я не исполнилъ моей клятвы! Во всю дорогу изъ Аркадіи до присутствія я думалъ о томъ, отчего это Василиса хотѣла повѣситься... чортъ знаетъ о чомъ я иногда думаю!—а какъ пріѣхалъ, то и передалъ, что были баталіи и прежде, а настоящая вышла изъ-за половъ и печки, что можетъ быть и дѣвка виновата, да и барыня нѣсколько гнѣвна... «Знаю, знаю,»—перервалъ меня предсѣдатель,—«она прежде стояла у священника —ой церкви.»—«И я это знаю, В. Пр.; я у нея тамъ былъ.»—«Ну-съ, такъ этотъ священникъ, не имѣя возможности избавиться отъ своей постоялицы черезъ полицію, пришолъ жаловаться прямо мнѣ, что его ком-

наты отъ ея комнатъ отдѣляетъ одна только притворенная дверь и что г-жа Бавкидина бранится... однимъ словомъ не хорошо бранится, и просилъ ее изъ квартиры выслать.» Вотъ отчего Василиса хотѣла повѣситься, подумалъ я; Александры Петровны и полиція боится. — «Я ихъ разлучу съ той, которая пришла сюда», началъ я: «вотъ бланкъ билета, который я исходатайствовалъ. Только у этой бѣдной теперь шубы нѣтъ, я ей что-нибудь дамъ...» — «Начинайте съ меня» — прервалъ меня предсѣдатель, доставъ свой портъ-моне и подавая мнѣ порядочной цѣнности бумажку; примѣру его послѣдовали другіе члены присутствія, я добавилъ нѣсколько своихъ копѣекъ, Θекла была съ шубой, а я...

Страшно вспомнить, хоть вамъ можетъ быть и весело надо мной смѣяться: Александра Петровна подала извѣтъ, что я кричалъ на нее, что я обращался съ ней какъ съ рабой, что я у ней чуть—чуть стекла не выбилъ, а на одномъ мировомъ съѣздѣ такъ меня приняла, что я подвергался почти-что несомнѣнной опасности быть побитымъ и чувствовалъ какъ душа спряталась у меня въ пятки.

Боясь Александры Петровны какъ огня, я по приказанію ея долженъ былъ вызвать Василису въ канцелярію присутствія, гдѣ мнѣ, какъ не живущему въ городѣ, дозволялось иногда толковать съ лицами, въ которыхъ я имѣлъ по дѣламъ надобность. Потѣшила-же насъ Василиса! Она безпрепятственно дала подписку въ исправномъ платежѣ помѣщицѣ оброка, да потомъ, подавая мнѣ бумагу, какъ загорланитъ на всю огромную комнату: «вотъ ей, батюшко, на свѣчи да на ладонъ». Я долженъ былъ взять ее за могучія ея плечи, повернуть лицомъ къ двери и препровождать туда во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала; втеченіе всего этого марша, она не переставала кричать: «на свѣчи ей да на ладонъ»!

Очень пріятно пріобрѣтать *громкую* извѣстность; это доказано еще Геростратомъ.

Почитаю необходимымъ разсказать одинъ случай, достаточно полный для того, чтобы по немъ судить о взаимныхъ отношеніяхъ дворовыхъ и помѣщиковъ и томъ положеніи,

въ которое бывалъ поставленъ посредникъ при разборѣ дѣлъ такого рода.

Въ сентябрѣ 61-го года ко мнѣ явился дворовый человѣкъ г-жи Брюценко, помѣщицы посторонняго уѣзда, проживавшей въ губернскомъ городѣ, съ отношеніемъ присутствія, гдѣ была прописана его жалоба, что помѣщица «его не одѣваетъ и не обуваетъ, даетъ плохое содержаніе и сверхъ того дурно съ нимъ обращается». Андрей Еремеевъ (имя дворовaго), дѣйствительно плохо одѣтый, передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности этого обращенія, не заключавшія впрочемъ въ себѣ ничего важнаго; сказалъ, что помѣщица хочетъ отправить его съ мужемъ своимъ въ деревню — скаго уѣзда, гдѣ ему будетъ еще хуже, умолялъ избавить его отъ этой поѣздки и клялся всѣми святыми въ вѣрной уплатѣ 30-ти рублеваго оброка, если только ему дадутъ билетъ или паспортъ. Я былъ боленъ и не могъ сейчасъ-же ѣхать для разбора этого дѣла, почему и долженъ былъ ограничиться очень вѣжливымъ письмомъ къ помѣщицѣ съ покорнѣйшей просьбой не отправлять этого человѣка еще дня два или три, пока я буду въ состояніи пріѣхать и выслушать обѣ стороны. Кромѣ того я написалъ въ полицію, чтобы она дозволила Андрею безпрепятственно проживать въ городѣ и не принуждала его отправляться съ г. Брюценко впредь до окончанія мной дѣла. Вдругъ въ это дѣло — ни къ селу, ни къ городу—ввязывается одно по названію важное лицо изъ засѣдающихъ въ присутствіи и присылаетъ ко мнѣ отношеніе съ приложеніемъ письма г-жи Брюценко, въ которомъ описаны разные подвиги Андрея: какъ онъ отказался ѣхать съ мужемъ ея въ деревню, тогда какъ лошади пришли уже съ недѣлю и ждутъ ихъ, какъ онъ на дняхъ возвратился домой въ нетрезвомъ видѣ, ходилъ по стѣнкѣ, грубилъ и говорилъ, что ему въ одинъ мѣсяцъ три невѣсты отказали потому только, что онъ живетъ въ господскомъ домѣ; что онъ таки отобьется отъ рукъ; какъ мужъ ея запрещалъ ему курить у воротъ дома на улицѣ, и когда она повторила это запрещеніе, Андрей пустилъ ей дымъ въ лицо. Въ заключеніе всего была жалоба на меня, что я просилъ не отправлять человѣка еще нѣсколько дней. Я попросилъ полицію

немедленно-же объявить г-жѣ Брющенко, что жалоба ея одному по названію важному лицу за сдѣланными мной распоряженіями уважена быть не можетъ и что на посредниковъ жалуются не лицу, а присутствію, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ бумагу губернатору съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ посредникомъ при разборѣ разныхъ ссоръ дворовыхъ людей съ помѣщиками, ссоръ, происходящихъ безъ свидѣтелей или-же при своихъ срочно-обязанныхъ, въ свидѣтели негодящихся, ссоръ, о которыхъ каждый толкуетъ свое, а дворянство не рѣдко и съ добавленіемъ: «мы посредника знать не хотимъ». Примѣръ — этотъ самый Андрей, который прибѣжалъ ко мнѣ во второй разъ весь въ попыхахъ, говоря, что рѣзалъ на прилавкѣ ремни изъ войлока, необходимые при вставленіи зимнихъ рамъ, и помѣщица вдругъ закричала мужу: «не подходи къ нему, онъ тебя зарѣжетъ»!—«Я бросилъ ножъ», говорилъ онъ мнѣ—«и побѣжалъ къ вамъ, чтобы вы положили конецъ всѣмъ этимъ клеветамъ и нападкамъ». Одному по названію важному лицу за неумѣстное вмѣшательство я послалъ то, что называется... однимъ словомъ то, что когда-то пропало у маіора Кавалева. При первой возможности являюсь къ помѣщицѣ. Вообразите себѣ женщину среднихъ лѣтъ, но увядшую, дурную какъ смертный грѣхъ, жеманную до послѣдняго нѣльзя и со всевозможными провинціальными претензіями на молодость, красоту и образованіе. Принятъ я былъ немилостиво, даже съ небреженіемъ (по дѣломъ мнѣ!) и все—таки осмѣлился представить, что если этотъ дворовый человѣкъ такъ дуренъ, какъ она описываетъ и даже боится, чтобы онъ съ ножомъ въ рукѣ чего-нибудь не сдѣлалъ, то для чего-же она его удерживаетъ и даже настаиваетъ на его отъѣздѣ въ деревню съ мужемъ? Онъ-же самъ просится на оброкъ довольно значительный? Если-же онъ хорошъ или покрайней мѣрѣ хоть сносенъ, то зачѣмъ-же она жалуется? Въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ? Изъ двухъ непременно должно быть одно; рѣшите эту дилемму. Сталъ просить выдать ему билетъ, помѣщица обѣщала дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ на слѣдующій-же день лично въ присутствіи. Она хотѣла себя показать—и показала. Прибыла она

туда разодѣтая, торжественно вошла въ камеру засѣданія и послѣ двухъ-трехъ словъ губернатору, граціозно и безцеремонно сѣла за присутственный столъ, потому что губернаторъ, самъ впрочемъ стоявшій, вздумалъ ее не посадить. Просьбы присутствія однако восторжествовали: она рѣшилась дать человѣку билетъ и вмѣстѣ со мной вышла въ канцелярію, чтобы его подписать (билетъ былъ уже готовъ); сѣла, взяла перо и—цѣлыхъ полтора часа распекала меня при всей публикѣ. Я стоялъ передъ ней въ самомъ почтительномъ положеніи и на всѣ укоризны, сопровождаемыя премилымъ кокетствомъ, отвѣчалъ однимъ лаконическимъ: «виноватъ, Елена Евграфовна». Мнѣ пришлось повторить эту фразу разъ по крайней мѣрѣ сорокъ. Какъ на грѣхъ тутъ случился одинъ почтенный старичокъ, по просьбѣ котораго я въ это-же утро сдѣлалъ какое-то распоряженіе по его имѣнію. Онъ сидѣлъ съ ней рядомъ. «Вотъ для старичка вы дѣлаете, а для молодой дамы нѣтъ». — «Виноватъ! виноватъ!»—проговорилъ я еще разъ, молитвенно складывая руки и опуская голову. Наконецъ мое смиреніе тоже одержало побѣду: билетъ былъ подписанъ.

Вы думаете этимъ глупости кончились? Какъ-бы не такъ Прошло мѣсяца полтора, мужъ помѣщицы подалъ на меня присутствію просьбу листахъ на трехъ. Онъ требовалъ, чтобы мужскую прислугу въ домъ его нанималъ я, доплачивая за все остальное до двухъ лѣтъ время по 5 р. 50 к. ежемѣсячно «или по добротѣ сердца моего заплатилъ разомъ всю сумму по означенному расчоту за все время» (подлинныя слова). Отъ меня все-таки потребовали объясненія, — таковъ порядокъ. Я отвѣчалъ, что дворовый человѣкъ срочно обязанъ *г-жѣ*, а *не г-ну* Брюценко, стало быть онъ не имѣетъ права и жаловаться, если не уполномоченъ законной довѣренностію; что не я-же водилъ рукой его супруги, подписывавшей билетъ; что доброты сердца моего г. Брюценко, котораго я не имѣю и не ищу чести знать, — знать не могъ, но что онъ въ ней нисколько не ошибся, потому что пунктъ его просьбы о наймѣ или доплатахъ я прохожу самымъ вѣжливымъ молчаніемъ, надѣясь, что онъ поразилъ не только меня, но и присутствіе своей странной наивностію.

*

Ему отказали; Андрей выплачивалъ оброкъ исправно.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ увольнительныхъ актахъ, которыхъ, благодаря губернскому городу, я засвидѣтельствовалъ штукъ около ста. Иные помѣщики сами очень благодушно выдавали ихъ дворовымъ, или оказавшимся ненужными при перемѣнѣ обстоятельствъ, или просто для того, чтобы не платить за нихъ подушныя; другіе сдѣлали изъ этихъ актовъ предметъ торга, въ которомъ впрочемъ я не вижу ничего дурного, потому что это было дѣломъ взаимнаго добровольнаго согласія и который нисколько не касался посредника, только удостовѣрявшагося въ дѣйствительности этого согласія допросомъ человѣку и смотрѣвшаго на то, чтобы актъ былъ буквально вѣренъ съ формой, разосланной присутствіемъ. Изъ всей сотни владѣльцевъ отличился одинъ Прожигаловъ. Онъ не то что при мнѣ, но изъ моихъ рукъ получилъ за обѣщаніе выдать увольнительный актъ съ одного дворовaго человѣка деньги, которые тотъ втискалъ-таки мнѣ въ руку, не желая ихъ отдать прямо въ руки помѣщика, сидѣвшаго тутъ же,—и выдалъ во-первыхъ мѣсяца черезъ три, а во вторыхъ съ такими привѣсками и прицѣпками, съ упоминаніями о томъ, кому изъ крестьянъ дворовый долженъ, что не было никакой возможности принять актъ къ явкѣ. Онъ очень хорошо это зналъ.

Увидавъ такую бумагу, я только пожалъ плечами.

— Да баринъ тебя теперь не безпокоитъ оброкомъ? — спросилъ я человѣка.

— Слава Богу, нѣтъ.

— Вѣрно и не будетъ, потому что получилъ деньги черезъ меня. Посовѣстится. Молчи и живи себѣ съ Богомъ, если тебя никто не тревожитъ, до 19 февраля 63-го года.

Говорите послѣ этого, что иныя вещи не дѣлаются изъ любви къ искусству!

Вл. Нарпенскій

МОНТАНЫ (*).

1.

НИКИФОРЫЧЪ.

Въ концѣ 30 годовъ текущаго столѣтія, въ осеннее время, ходилъ по дворамъ г. С—ка странникъ-монахъ, за сборомъ доброхот-

(*) Послѣдователи ереси, свѣдѣнія о которой представляются въ настоящей статьѣ, какъ матеріалъ для исторіи сектъ въ Россіи, извѣстны въ заволжьѣ, гдѣ Никифорыча считаютъ главнымъ распространителемъ ея, подъ разными названіями. Ихъ называютъ: *Монтанами*, по сходству ученія, исповѣдуемаго сектантами, съ ученіемъ извѣстнаго въ исторіи еретика Монтана, жившаго во II христіанскомъ вѣкѣ, во Фригіи, въ Малой Азіи; *Щегловщиною*, *Кобызевщиною*, *Ивановщиною*, *Тарасовщиною*, — отъ именъ самозванныхъ учителей, болѣе другихъ послѣдователей толка потрудившихся въ распространеніи ереси; *духовидцами*,—потому что принявшіе ересь принимаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по ученію толка, и духа Божія въ себя и видятъ его духовно; *смѣхорыдающими*,—потому что въ состояніи мнимаго одухотворенія послѣдователи приходятъ въ состояніе истерики — смѣются, восторгаются, рыдаютъ; *духовно-оскопившимися*, — потому что неоскопляя себя, какъ дѣлаютъ это скопцы, думаютъ силою духа удерживать вождѣленія плоти; *керженцами*; русскій-же мужикъ зоветъ послѣдователей Никифорова просто *вертунами* или *вертячими*, такъ какъ въ составъ богослуженія толка входятъ пляски и верченіе на одной ногѣ, подъ пѣніе пѣсень, какъ у скопцовъ, прыгуновъ, хлыстовъ, людей Божіихъ и др. Первое названіе мы поставили въ заглавіи нашей статьи, какъ болѣе извѣстное въ Заволжьѣ, гдѣ собраны нами свѣдѣнія о толкѣ. Сами сектанты гнушаются тѣмъ и другимъ названіемъ, вѣроятно потому чтобы скрыть свое заблужденіе отъ преслѣдованія правительства.—*Авт.*

ныхъ подаяній на украшеніе какой–то обители. На немъ была ветхая коленкоровая ряска, на головѣ чорная съ узкою опушкою шапка, въ рукахъ вязанныя изъ нитокъ чотки. Его смиренная физіономія, рѣдкая набожность и пророческая восторженная рѣчь скоро обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ изъ жителей города и между прочимъ одной духовной особы, склонной отъ природы къ мистицизму въ дѣлѣ вѣры. Въ нѣкоторыхъ домахъ только и говору было, что о таинственномъ монахѣ–странникѣ; многіе, особенно изъ барынь и пожилыхъ дѣвицъ, невидавшіе странника, искали его знакомства, знакомились и приглашали къ себѣ въ домъ на благочестивую бесѣду.

Нашлись однако скоро злые языки, которые распустили дурные толки о странникѣ; кто–то даже дерзнулъ сказать, что онъ, не бывъ облеченъ властію священства, принималъ за ранней обѣдней въ монастырѣ причастіе предъ престоломъ, какъ священникъ.

Эта молва скоро огласилась, и странникъ, изъ страха — небыть жертвою законнаго преслѣдованія за кощунство надъ таинствами церкви, счолъ за лучшее внезапно скрыться изъ города.

Кто былъ этотъ таинственный странникъ, никто не зналъ. Скоро о немъ перестали говорить въ городѣ; заговорили однако объ А—мъ, какъ о такой духовной особѣ, которая заслуживаетъ всякаго уваженія за чисто евангельскія убѣжденія и христіанскій образъ жизни. Живой по характеру, привлекательный по наружности, краснорѣчивый до энтузіазма, онъ окружилъ себя поклонниками и имѣлъ на нихъ огромное, неотразимое вліяніе. А—й, говорили знавшіе его лично, все могъ сдѣлать, потому что дѣйствительно былъ рѣдкій человѣкъ; всѣ къ нему относились съ большимъ уваженіемъ, потому что онъ заслужилъ его своимъ добрымъ поведеніемъ; всѣ искали его совѣта, утѣшенія, потому что умѣлъ онъ успокоить всякаго, былъ всегда находчивъ и обладалъ даромъ прозорливости. (*)

Между многими поклонниками А—го былъ вхожъ въ его домъ удѣльный крестьянинъ изъ с. Прислонихи—Никифорычъ.

Этотъ Никифорычъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ свое хозяйство, слылъ за набожнаго человѣка.

Отъ природы одаренный пытливостію и мечтательнымъ настроеніемъ духа, Никифорычъ еще въ молодости познакомился съ русскою

(*) Конечно сметливостью, которую простота обозначила такимъ выраженіемъ. *Архимандритъ Макарій.*

грамотою; читалъ въ досужее время книги духовнаго содержанія безъ руководства и содержащіяся въ нихъ истины понималъ и усвоялъ такъ, какъ могъ и разумѣлъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ—какъ выражается русскій человѣкъ—зачитался, т. е. сталъ мучительно задумываться надъ вопросами вѣры и жизни: «въ книгахъ священныхъ говорится такъ, а всѣ православные живутъ по другому; по имени только выходитъ христіанами зовутся! Дѣло что-то неладное...»

Не имѣемъ положительныхъ данныхъ объяснять, какое вліяніе имѣлъ А—й на Никифорыча, но знаемъ, что въ то время когда Заволжскій край окончательно заселялся выходцами изъ среднероссійскихъ губерній, Никифорычъ ходилъ въ этомъ краю уже странникомъ по деревнямъ и селамъ съ *правымъ дѣломъ*, въ качествѣ пророка Божія и провозвѣстника *новаго ученія* (*). Ради спасенія своей души и ближ-

---

(*) Это *новое ученіе*, судя по нѣкоторымъ даннымъ, было извѣстно въ Заволжьѣ прежде Никифорова, по-крайней-мѣрѣ за 50 лѣтъ до настоящаго времени, и вѣроятно занесено сюда переселенцами не въ одно время, не изъ одного мѣста. Изъ показаній православныхъ поселянъ, переселившихся сюда изъ внутри Россіи и имѣющихъ нѣкоторое понятіе о заблужденіи, можно заключать, что это заблужденіе существуетъ въ разныхъ губерніяхъ, какъ въ сосѣднихъ — Саратовской, Симбирской, Казанской, такъ и дальнихъ — Тамбовской, Рязанской, Тульской, Московской. Путешествовавшіе на богомолье въ Кіевъ замѣчали, что и около Кіева есть это-же или подобное заблужденіе. Они-же съ признаками вѣроятности разсказываютъ, что между богомольцами, совершающими длинныя путешествія, есть распространители этого заблужденія, подъ видомъ странствованія по святымъ мѣстамъ удобно прикрывающіе пропаганду. Вѣроятность этого показанія подтверждается извѣстнымъ свойствомъ распространителей заблужденія въ Заволжьѣ: для умноженія послѣдователей они ходятъ по селеніямъ подъ именемъ *апостольцевъ* и *скитальцевъ*, иногда въ разныхъ видахъ платья. Такъ или не такъ, но до Никифорова число послѣдователей заблужденія въ Заволжьѣ было ограниченно — какихъ-нибудь три-шесть семействъ. Не было у нихъ ни сборищъ для разсужденія о вѣрѣ, ни моленныхъ для совершенія богослуженія, ни келейныхъ; а потому они и ускользали отъ вниманія правительства. Догматика и нравственное ученіе толка, въ настоящемъ ихъ видѣ, обязаны Никифорову около 20 лѣтъ тому назадъ. «Пророкъ Божій, призванный отъ чрева матерняго быть провозвѣстникомъ новаго ученія о правомъ пути къ царствію небесному», давно отошолъ въ вѣчность (ум. въ 1855 г. 13 мая), но ученіе его, несмотря на существовавшія преграды, имѣетъ и въ настоящее время много послѣдователей.—*Авт.*

нихъ онъ оставилъ свое хозяйство и семейныя привязанности, какъ измышленіе грѣха на погибель людскую; отказался отъ всего, что прежде дорого было его сердцу, съ чѣмъ съ-издѣтства сроднилась его душа. Дѣло вѣры и вдохновенное мечтательное желаніе преобразованія жизни по новымъ религіознымъ началамъ такъ были въ немъ сильны, что заглушили всѣ его прежнія наклонности и привычки.

Почва для новаго религіознаго ученія, по необразованности русскаго человѣка и склонности его къ мистической экзальтаціи въ дѣлѣ вѣры, была разумѣется готова, какъ тогда, такъ и въ настоящее время. У насъ на Руси—сѣй что угодно; есть уголки земли, гдѣ все взойдетъ и дастъ плоды, какихъ не ожидаешь!...

И сѣялъ на такихъ уголкахъ Никифорычъ сѣмена *новаго ученія*, но осторожно. «Не слѣдуетъ, училъ онъ, слово вѣры расточать зря... Не мечите, сказано, бисера предъ свиніями, да не попранъ ногами будетъ онъ.» Сѣялъ-же тамъ, гдѣ находилъ возможность ожидать успѣха своей проповѣди.

Проповѣдь свою начиналъ онъ обыкновенно съ толкованія св. писанія и призыванія погибшихъ къ покаянію во грѣхахъ и исправленію жизни. «Жизнь мірская, говорилъ онъ, грѣховная, пакостная; давно она требуетъ исправы, только не по тѣмъ правиламъ и уставамъ, кои за сребро выдаютъ церковники, потому что уставы ихніе ни къ чему непригодны, токмо ко злу; да и сами-то они не по уставамъ живутъ и жизнію своею плохо заправляютъ совѣстію людей; больше же мирволятъ грѣху. А вся бѣда оттого происходитъ, что сила крестная изнемогла, поисшаталась, и уставы Спасителевы давно уже стали непригодны для людей, а коли непригодны, то не зачѣмъ ходить въ храмы, слушать поповъ...» (Такъ удаляютъ отъ церкви!.. *Арх. Мак.*)

«Спаситель, училъ Никифоровъ, дѣйствительно былъ на землѣ, страдалъ язвами за грѣхи людей и для спасенія нашего пролилъ свою неповинную кровь; своею крестною смертію онъ искупилъ человѣчество. Сила искупленія впрочемъ царствовала недолго; вскорѣ опять явилась сила грѣха, превозмогла силу искупленія и распространила свое могущество и власть всегубительную на весь родъ человѣческій, нѣкогда искупленный отъ грѣха Спасителемъ. Справедливость этой истины оправдывается тѣмъ, что всѣ носящіе имя христіанъ живутъ уже не по закону евангельскому, что законъ самъ по себѣ, а жизнь людская сама по себѣ, и соотношенія между ними нѣтъ никакого,— что даже въ монастыряхъ, куда прежде укрывались отъ силы грѣха

подвижники вѣры Христовой, царствуетъ всевластно соблазнъ, распуская тамъ по келліямъ чайный запахъ, табачный дымъ, скоромину, картофель...» Чтобы придать авторитетъ своимъ словамъ, Никифоровъ обыкновенно ссылался на св. Димитрія Ростовскаго, который будто прямо сказалъ въ какомъ-то изъ своихъ сочиненій, подъ вліяніемъ непосредственнаго откровенія Божія, что въ монастыряхъ уже давно изсякло благочестіе и истинное богопочтеніе, еще со временъ блаженной памяти Макарія Египетскаго, видавшаго тѣлесными очами, какъ дьяволы хаживали въ монастыри грызть орѣхи съ монахами.

Отсюда Никифоровъ выводилъ заключеніе, что нѣтъ нужды ходить ко св. мѣстамъ, гдѣ живутъ и самонадѣянно мнятъ спастися пани-братствующіе съ діаволомъ монахи, живущіе по ветхимъ уставамъ Спасителя, — что спасенья оттого никакого не будетъ, кромѣ пагубы вѣчной. «Что по́ пусту ходить и тянуть лямку за сатаною, училъ онъ, когда у насъ тутъ есть и Кіевъ свой, и Іерусалимъ, и Назаретъ и все такое!...»

Хотя сила грѣха превозмогла силу искупленія, однако царство небесное все-таки открыто для входа людей. (Кѣмъ-же?) Нужно только найти къ нему путь новый, а не идти тѣмъ путемъ, который проложилъ туда сынъ Маріи, потому что послѣдній заваленъ грѣхомъ и нѣтъ никакой возможности открыть его. (*)

Послѣ того, какъ сила грѣха поработила себѣ людей, явился для спасенія ихъ первый человѣкъ, называемый *христіанином*ъ, сразился съ силою грѣха и побѣдилъ ее. Онъ-то и распозналъ доподлинно, что́ такое грѣхъ и что́ спасенье. Побѣду надъ силою грѣха онъ началъ съ того, что разобралъ ложь, какъ исчадіе сплы грѣха, по ниточкѣ; разобралъ по косточкамъ самый грѣхъ; а разобравши, увидалъ новый путь ко спасенію, — свѣжій, короткій и праведный, и пошолъ этимъ путемъ. За первымъ человѣкомъ потянулъ *вѣрный человѣкъ*; за этимъ — *надѣющійся*. Не пошолъ поэтому пути только *упорный*. По гордости и самонадѣянности онъ открылъ свой путь; пошолъ по нему, зашолъ въ болото сомнѣнія; подумалъ, ожесточился и возвратился опять ко грѣху въ лоно, думая, что онъ возвратился на ту дорогу, которая приведетъ его прямо въ рай, какъ открытая

(*) Иной то́ путь—въ иное царство, а не въ царство небесное; потому что нѣсть иного имени подъ небесѣмъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ-же подобаетъ спастися намъ. (Дѣян. 4, 12). *Арх. Мак.*

Спасителемъ. «А она вѣдь завалена силою грѣха!.. И идетъ онъ окаянный въ пропасть адскую, рукопосимый силою грѣха, и придетъ онъ въ самыя объятія сатанѣ!...»

Всѣ вѣрующіе по этому первому человѣку, называемому христіанпномъ, и идущіе по пути проложенному имъ спасутся, потому что идутъ прямо въ рай; а тѣ, кои идутъ путемъ Спасителевымъ, заваленнымъ грѣхами, люди отпѣтые, потому что сила Спасителева куда какъ изнемогла (*). Отсюда Никифоровъ выводилъ заключеніе, что всякому человѣку, желающему себѣ добра въ будущей жизни, слѣдуетъ почитать и приносить жертвы первому человѣку, а не Спасителю, чуждаться въ душѣ уставовъ церкви, обѣгать совѣтовъ церковниковъ, вообще—не признавать служащими ко спасенію тѣ законы и постановленія, которыя дѣйствуютъ въ настоящее время въ церкви и имѣютъ обязательную силу для каждаго христіанина.

Проповѣдуя ученіе, Никифоровъ болѣзненно скорбѣлъ о томъ, что вся вселенная погибаетъ отъ обольщеній и соблазновъ силы грѣха, потому что не вѣдаетъ она объ истинномъ пути ко спасенію, указанномъ первымъ человѣкомъ!

Чтобы неокончательно погибъ родъ человѣческій, перстъ Божій отмѣтилъ его, Никифорова, и воззвалъ его среди пустыни на великій подвигъ — быть провозвѣстникомъ пути перваго человѣка. «Подвигъ, училъ онъ, великій, потому что требуетъ труда, силъ, жертвъ,— да что́ дѣлать! Такъ угодно Всевышнему, чтобы я порадѣлъ о спасеніи людей, кои силою грѣха, сами не зная того, влекутся къ погибели вѣчной, въ объятія діаволу. Извѣстное дѣло, что опредѣлено тебѣ въ книгѣ судебъ, то должо́нъ ты непрекословно исполнять. Бояться нѣчего, потому — гдѣ Господь съ своею помощію, тамъ и немощи въ прокъ идутъ и адскую силу побораютъ!...» (**)

Какъ призванный на дѣло проповѣди о покаяніи и указанія пра-

(*) Непризнавая достаточными ко спасенію въ настоящее время тѣ средства, которыя дарованы Спасителемъ, сектанты все-таки чтутъ Его за то, что Онъ нѣкогда послужилъ избраннымъ сосудомъ Божіимъ для спасенія людей. Въ память о Его смерти и воскресеніи они совершаютъ *поминочки Христовы* — ѣдятъ рыбу (?) въ дни страстной недѣли и въ ночь предъ праздникомъ Пасхи.—*Авт.*

(**) Видѣнъ противникъ Божій и Христовъ, прикрывающійся одеждою свѣтлой праведности. *Арх. Мак.*

ваго пути ко спасенію, Никифоровъ училъ, что онъ уже не своею силою дѣйствуетъ и не ищетъ вознагражденій за свои подвиги, но въ немъ дѣйствуетъ Св. Духъ, сошедшій на него въ минуты призванія на проповѣдь; его силою онъ приводится въ состояніе одухотворенія, провидитъ тайны и будущія судьбы людей; знаетъ, какія уже уготованы мѣста въ будущей жизни для каждаго человѣка. «Мнѣ открыто свыше, училъ онъ, больше нежели Василію Великому; я знаю всю подноготную... Слово мое—слово Духа, и что я ни скажу, то нерушимо сбудется!..»

Подъ вліяніемъ мнимопророческаго вдохновенія, свои совѣты и правила для жизни онъ выдавалъ за высшую нравственность, нежели какой научаетъ Православная церковь. «Не то хорошо и спасительно, училъ онъ, что написано въ книгахъ, а то, что говоритъ Св. Духъ,» и требовалъ отъ тѣхъ, кто подчинялся его вліянію, его словъ и ученія не свѣрять съ книгами Св. Писанія и не передавать для этой цѣли *церковникамъ*, потому что повѣркою этою унижается достоинство силы благодатной и дѣлается потачка сатанѣ. «Кромѣ того, въ книгахъ церковныхъ необлагодатствованный толку мало найдетъ и читать ихъ потому нечего, тѣмъ болѣе, что въ нихъ праведный путь заваленъ силою грѣха, а нужно читать, если кому дорого спасенье, книги, сочиненныя имъ и праведными людьми подъ непосредственнымъ руководствомъ духа Божія. Въ этихъ книгахъ уже не то, о чемъ хлопочутъ омрачонные церковники; въ нихъ праведный путь разобранъ по ниточкѣ, какъ нельзя лучше! Но и эти книги не всякому можно читать, даже не каждому можно довѣрять имѣть у себя. Ихъ могутъ съ пользою читать только тѣ избранные члены вѣры, посланники его, которые вѣдаютъ *сокровенныя тайны Духа* и знаютъ праведный путь ко спасенію.»

Тѣ, кому Никифоровъ сообщалъ сокровенныя тайны своей вѣры, обязывались, подъ страхомъ божескихъ наказаній, содержать ихъ въ глубокомъ секретѣ, не открывая даже самымъ близкимъ людямъ, непосвященнымъ въ новую жизнь. (*) Такихъ избранниковъ было немного—его *посланники и апостольцы*. «Вѣрушку надо, училъ онъ, блюсти пуще всего; каждый вѣдай ее про себя; тогда и Духъ будетъ съ тобою!..» Слова свои Никифоровъ основывалъ на выдуманномъ примѣрѣ Іисуса Христа, который будто когда былъ на землѣ, только и повѣрялъ

(*) Чья это печать, видно. Потому что царская печать Христа Бога надписаніемъ совсѣмъ другимъ. Чит. М–е. 10, 27. Лук. 12, 3. *Арх. Мка.*

тайны неба дѣвицѣ, бывшей Его спутницѣ во время путешествія по городамъ и селамъ. Передавая ей сокровенныя тайны, онъ будто-бы сказалъ: «если ты откроешь кому-нибудь тайны, ввѣряемыя мною тебѣ, то я не прощу тебѣ ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, и душу твою занесу туда, куда воронъ костей не заноситъ.»

Что бы отклонить подозрѣніе и преслѣдованіе правительства за исповѣданіе ученія, которое противорѣчитъ дѣйствующимъ законамъ церкви и государства, Никифоровъ училъ, чтобы всѣ его вѣрные исполняли, но для вида только, законы церкви и государства, т. е. ходили бы въ церковь и молились, но не духомъ, а плотію; исповѣдывались и причащались, но поѣвши, потому что душу грѣхъ морить долго,—женщинамъ не возбранялось принимать св. тайны и во время регулъ;—дѣлали-бы вклады въ церковь; съ духовенствомъ имѣли-бы пріязнь; повиновались властямъ, короче: дозволялъ всякую ложь, если послѣдствія ея клонились къ житейскимъ выгодамъ сектантовъ. Всякая наглая неправда, всякая безнравственная продѣлка такимъ образомъ въ глазахъ Никифорова оправдывалась цѣлями, какъ у езуитовъ.

Слѣдуя этому правилу, сектанты между православными прикидывались истыми подвижниками вѣры. Этимъ объясняются тѣ разнорѣчивые толки о сектѣ, которые ходили и ходятъ между православными. Одни напр. называютъ послѣдователей ученія Никифорова истинными подвижниками вѣры; другіе — что они отъявленные негодяи; третьи наконецъ представляютъ партію, имѣющею характеръ чисто политическій и подъ набожностію и юродствомъ скрывающею другаго рода цѣли, только не противохристіанскія.

Особенно разнорѣчивые толки ходили и ходятъ о Никифоровѣ; даже тѣ, которые знали его лично, отзываются о немъ розно. Одни называютъ его человѣкомъ благочестивымъ, истиннымъ христіаниномъ, какихъ рѣдко случается видѣть на Руси; другіе—что онъ юродивый или сумасшедшій; иные—что онъ сектаторъ, развратитель и растлитель юношества.

Были случаи такого рода: послѣдователя ученія Никифорова правительство по подозрѣнію уличало въ неправомъ образѣ вѣры и жизни. Сектантъ всегда имѣлъ основательныя причины завѣрить слѣдователя въ своей честности и хорошемъ поведеніи. Безъ состязанія и упирательства, онъ отсылалъ слѣдователя справиться о своей жизни къ священнику, къ обществу. Справки обыкновенно клонились въ его пользу. Мало того: чтобы совершенно отклонить отъ себя подозрѣніе, онъ за-

являлъ предъ слѣдователемъ, въ доказательство своей вѣры и христіанской жизни, *давнишнее* желаніе поступить въ какой-нибудь монастырь, въ качествѣ подначальнаго, и жить тамъ вдали отъ міра и соблазна на пользу своей души и ближнихъ. «А не женился я и веду жизнь безбрачную потому, говорилъ онъ обыкновенно,—что съ-измалѣтства почувствовалъ омерзеніе къ супружеской жизни; знать такимъ уродился. Молитва мнѣ сподручна всегда, постъ и подвиги—то же, потому дѣло привычное и угодное Господу. Не поступилъ-же прежде въ монастырь — не зналъ, какъ человѣкъ темный, къ кому обратиться за совѣтомъ; на деревнѣ все такіе люди несвѣдущіе, какъ и я; у батюшки своего спросить не посмѣлъ... Видно, прибавлялъ онъ со вздохомъ, своей доли не минуешь: къ чему тебя Господь пріуготовилъ отъ утробы родительской, рано-ли, поздно-ли, а должонъ исполнить его святую волю! быть видно мнѣ въ монастырѣ и молиться денно и нощно о спасеніи своихъ радѣтелей!..»

И была иногда исполняема волюшка Божія относительно заподозрѣннаго въ сектантствѣ: его посылали въ монастырь на покаяніе и отмаливать грѣхи своихъ радѣтелей и благодѣтелей. Само собою разумѣется, что признаніе въ давнишнемъ желаніи жизни монастырской было ложное. Къ нему прибѣгали сектанты только въ крайнихъ случаяхъ, когда невозможно или по крайней мѣрѣ трудно было избѣжать справедливой кары закона.

Въ монастырѣ, подъ началомъ строгой жизни, тѣ изъ сектантовъ, которымъ волею или неволею приходилось молиться о счастіи своихъ радѣтелей, жили скромно; своихъ убѣжденій и вѣрованій не выражали ни передъ кѣмъ, и образомъ своей жизни и строгимъ поведеніемъ скоро обращали на себя вниманіе своихъ собратовъ-монаховъ, а иногда даже подчиняли ихъ своему вліянію.

Такимъ образомъ монастырское заключеніе для сектантовъ служило иногда средствомъ тайно, подъ личиною строгаго подвижничества распространять заблужденіе въ стѣнахъ своего заключенія. Чтобы дальше монастырскихъ стѣнъ прошла хорошая репутація о нихъ, нѣкоторые изъ нихъ втирались въ довѣріе почотнаго духовенства; прибѣгали къ нему съ низкими поклонами за совѣтомъ и за разрѣшеніемъ наивныхъ вопросовъ о вѣрѣ и нравственности; избирали въ духовные отцы такихъ лицъ, отъ которыхъ чаяли имѣть руку и защиту.

Одна изъ причинъ, почему послѣдователи ученія Никифорова содержали и содержатъ подъ глубокимъ секретомъ *таинства своей*

вѣры и не открываютъ ихъ даже своимъ роднымъ, если послѣдніе исповѣдуютъ господствующую вѣру, заключается, какъ мы слышали, въ предразсудкѣ, по которому тотъ, кто выноситъ на позоръ свѣта *правое дѣло*, долженъ непремѣнно понести наказаніе Божіе—преждевременно умереть. Съ лица, принявшаго таинства вѣры, берутъ предъ

вященіемъ въ духовное братство клятву держать ученіе подъ страхомъ смерти въ-тайнѣ, снимаютъ съ него портретъ и отрѣзываютъ прядь волосъ съ головы, а въ замѣнъ послѣднихъ даютъ для ношенія на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ и для вплетенія въ косу—волосы съ *ангельской душеньки*, какъ мощи угодника Божія. Оригиналъ уже знаетъ, что не избѣжать ему скоропостижной смерти, если онъ выдастъ кому-нибудь тайны вѣры, потому что портретъ и волосы его въ такомъ случаѣ будутъ по особому обряду преданы посмѣянію, проклятію и уничтоженію,—что̀ служитъ непремѣннымъ предзнаменованіемъ скорой его смерти. Предзнаменованіе это, по увѣренію сектантовъ, всегда исполняется будто разительнымъ образомъ. (*) По этой причинѣ вѣроятно отказываются невѣдѣніемъ тайнъ вѣры и неохотно вступаютъ въ разговоръ о заблужденіи тѣ изъ сектантовъ, которые оставляютъ заблужденіе, отдѣлываясь въ этомъ случаѣ откровенностію о какихъ-нибудь пустякахъ и скандалезныхъ исторійкахъ изъ жизни сектантовъ. (Настращены значитъ до нѣльзя!).

Отъ всѣхъ своихъ послѣдователей Никифоровъ требовалъ строгаго исполненія правилъ нравственности, проповѣдуемой имъ, и обращаться за совѣтами и разрѣшеніемъ вопросовъ вѣры и жизни или къ нему или къ посланникамъ его, какъ къ такимъ лицамъ, на которыхъ не лежитъ грѣхъ и которые вѣдаютъ путь ко спасенію, какъ свои пять пальцевъ. Посланники эти для сектантовъ замѣняли родныхъ отцовъ. «Не тотъ отецъ, училъ Никифоровъ, который родилъ, но тотъ, который научилъ. Одинъ отецъ у тебя на землѣ—руководитель твой въ правомъ дѣлѣ. Къ нему одному ты и долженъ съ ласкою и повинною идти, почести воздавать. Нѣтъ кромѣ его никого выше тебя на землѣ—

(*) Какъ предавшіеся волею въ руки лукаваго врага—діавола, они невольно уже терпятъ отъ него всякія насилія, и буде не успѣютъ укрыться въ материнее лоно православной церкви, заживо гибнутъ. Потому предсказанія о погибели ихъ сектантовъ, коль скоро они будутъ не скрытны, болтливы,—не диковина: этому могутъ послужить сами члены общества, смущаемые духомъ. *Арх. Мак.*

властей; нѣтъ никого ниже тебя—рабовъ: всѣ люди сотворены Богомъ равными.»

Подъ руководствомъ этихъ отцовъ или, какъ называютъ ихъ сектанты, *крестныхъ*, духовныя дѣти вѣры учатся уставамъ, какъ править праведный путь и освобождаться отъ мусору силы грѣха, со всѣми ея пакостями.

«Всякій, желающій радѣть уставно о своей душѣ, училъ Никифоровъ, долженъ уставно и жить; прежде презрѣть злобу грѣховную, а потомъ уже исполнять искренно уставы, подъ вліяніемъ Духа очищать самое то искупленіе. Всякъ начинай свое дѣло съ смиренія: не размахивай руками, не говори громко, не ходи скоро, дверью не хлопай шибко, взоръ поникай долу, завязывай ротъ, носъ и уши, когда мірской съ тобою.» (Это не свободные сыны благодатные, а связни заблужденія и рабы... *Арх. Мак.*)

Первую и главную причину того, что сила грѣха затмила и «окаляла» искупленіе, Никифоровъ находилъ въ брачномъ сожительствѣ супруговъ. «Бракъ есть скверна, училъ онъ;—зачатый плодъ—исчадіе силы грѣха, самаго діавола; — въ семействахъ со всею мерзостію и губительною плотію гнѣздится грѣхъ, какъ аспидъ какой; — человѣкъ въ бракѣ—плохой воздѣлыватель спасенія: въ немъ онъ связанъ, опутанъ и по рукамъ и по ногамъ; — брачное сожитіе—наша пагуба.» Поэтому кто хочетъ спастись, тотъ долженъ напередъ отказаться отъ брака. «Кто женился, училъ онъ, разженись; кто не женился, не женись. Всѣ люди, желающіе своей душѣ блага, непремѣнно должны жить на два большихъ стана: мужики особымъ станомъ, бабы и дѣвки особымъ станомъ. Безбрачно жить — уставъ хорошій и древній; ему нужно слѣдовать строго, но не по принужденію, а по любви къ Господу и въ подражаніе Христу и Божіей Матери, которые вели жизнь безбрачную.» (*)

Съ своимъ ученіемъ о безбрачной жизни Никифоровъ больше обращался къ молодымъ дѣвкамъ и парнямъ, нежели къ пожилымъ людямъ, вѣроятно потому что старое и слѣдовательно уже опытное въ жизни сердце считалъ не такъ удобопреклоннымъ къ совращенію. Въ посланіи-же своемъ онъ между прочимъ вотъ что писалъ къ своимъ

(*) Ужасно это прикровеніе духа лестнаго святѣйшими именами! *Арх. Мак.*

вѣрнымъ: «человѣкъ—это хорошая и дорогая ягода. Изъ ягоды, когда ее раздавятъ, дѣлается морсъ и выдѣляется мякоть съ кожурою. Какъ морсъ дороже мякоти, такъ младость старости. Въ древности скупые люди приносили дряхлую скотину и ухвостный хлѣбъ на жертву Господу; такъ удѣляетъ и старость на спасеніе свое. Господь и стараго не отвращаетъ отъ спасенія; только привычки грѣховныя трудно старымъ перемѣнить на хорошія. Какъ укоренившееся въ землѣ толстое дерево нескоро выроешь, такъ и стараго не скоро подвигнешь на святость. Грѣхъ подобенъ гвоздю: чѣмъ больше гвоздь колотить въ стѣну, тѣмъ онъ больше входитъ въ нее. Такъ въ старомъ глубоко засѣдаетъ грѣхъ и укрѣпляется въ его дебеломъ сердцѣ. Сердце-же юное—другая статья!..»

Проповѣдуя безбрачную жизнь, Никифоровъ тѣмъ не менѣе дозволялъ вѣрнымъ своимъ имѣть короткость отношеній между собою, называя эту короткость *союзомъ духовнаго братства*, и заповѣдывалъ именоваться имъ взаимно *братцами и сестрицами*. «Женщинамъ нужны руководство и охрана, училъ онъ; потому онѣ должны имѣть у себя братцевъ, которые имъ во всемъ могутъ помочь. Вотъ и Богородица, какъ дѣва беззащитная, нуждалась въ рукѣ и помощи; потому и жила у Іосифа и была имъ руководима даже въ каждой малости.» Слѣдуя во всей силѣ этимъ словамъ Никифорова, послѣдователи его ученія дѣлали болѣе: они избирали по своему усмотрѣнію и вкусу себѣ сестеръ, руководили ихъ въ жизни, пеклись о ихъ благосостояніи и нерѣдко жили съ ними какъ съ женами, хотя и величали себя въ тоже время *неженимыми*, *ангельскими душеньками*, *спасенными*. (*)

2.

КЕЛЕЙНИЦЫ.

Такъ какъ ученіемъ Никифорова о безбрачной жизни ослаблялась горькая судьбина замужества русской простолюдинки, подавался по-

---

(**) Позлащенныя пилюли съ ядомъ врага гордливаго: играетъ съ своими жертвами, лаская ихъ. *Арх. Мак.*

водъ къ протесту противъ власти надъ нею мужа; то само собою разумѣется—это ученіе много нашло послѣдователей прежде всего между женскимъ поломъ въ деревняхъ и селахъ и особенно между дѣвками, которымъ замужество, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, всегда представлялось и представляется чѣмъ-то въ родѣ роковой каторги съ побоями и горемычнымъ безвыходнымъ житьемъ безъ воли.

Образовались по мысли Никифорова во многихъ мѣстахъ, гдѣ было въ ходу его ученіе, женскія общины, преимущественно изъ дѣвицъ. Общины эти извѣстны въ деревняхъ подъ скромнымъ названіемъ *келейныхъ*. Въ эти келейныя стекались отовсюду и званныя и незванныя, съ благовидною разумѣется цѣлію—цѣломудрія ради и спасенія души.

Такъ было впрочемъ въ то время, когда заводились только эти келейныя, когда ученіемъ Никифорова проповѣдывалось въ ихъ духѣ и началахъ цѣломудріе, безбрачіе, молитва и прочіе подвиги христіанской жизни. Въ послѣдствіи-же времени, когда явились новые «радѣтели» о правомъ дѣлѣ, эти келейныя сдѣлались разсадникомъ разврата для молодыхъ людей, дѣвки, искавшія въ общинѣ убѣжища къ охраненію цѣломудрія, зачастую родили дѣтей отъ своихъ коноводовъ и настоятелей; растлѣніе дѣвства бывало посвященіемъ въ новую жизнь, знаменемъ вѣры правой и послушанія, средствомъ отдѣлаться окончательно отъ грѣховнаго мусору и поворотить на истинный путь, ведущій прямо въ царствіе небесное (*).

(*) Слышали мы, что изъ рожденнаго такимъ образомъ плода ангельскія душеньки вырѣзывали иногда сердце и изъ него приготовляли подъ глубокимъ секретомъ причастіе для своихъ вѣрныхъ, основывая въ этомъ случаѣ свое ученіе на аналогіи его съ ученіемъ о сверхъестественномъ рожденіи Спасителя и принесеніи его въ жертву для спасенія рода человѣческаго... Обыкновенно-же бывало такъ: если келейница почувствуетъ, что она забеременила, то говорила объ этомъ настоятельницѣ, женщинѣ дошлой во всѣхъ отношеніяхъ. Та давала ей совѣты, какъ вытравить младенца. «Жилъ я, разсказывалъ одинъ обратившійся изъ секты въ православіе мужикъ,—жилъ я съ одною келейной дѣвкой, какъ мужъ съ женой. Однажды Игнатій (посланникъ Никифорова, ангельская душенька) и спрашиваетъ меня: а что, говоритъ, Калентій, не беременна-ли та келейная, съ которою ты живешь? На его слова я отвѣтъ далъ, что не знаю. Тогда онъ мнѣ сказалъ: если она беременна, то скажи ей, чтобы она истеряла младенца. Для чего это? спросилъ я. Онъ

Келейныя эти ничего не имѣли общаго съ женскими православными монастырями и общинами въ своемъ устройствѣ. Дѣло обыкновенно начиналось съ того, что какая-нибудь облѣнившаяся баба или дѣвка, непригодная ни къ какому труду въ семейной жизни, наслушавшись *праведнаго ученія* Никифорова, заявляла благочестивое желаніе между своими семейными провести остатокъ дней своихъ вдали отъ міра и соблазна, въ благочестивой молитвѣ, ради спасенія души. Чтобы прекратить связь съ семействомъ, въ которомъ жила, строила она на мѣдные гроши для себя особую на задахъ двора хижинку, въ родѣ бани, и поселялась въ ней; для общей молитвы и спасительнаго собесѣдованія о предметахъ вѣры и жизни, приглашала къ себѣ на жительство молодыхъ дѣвокъ; и проводили онѣ въ келліи жизнь уставную, уничтожая мусоръ силы грѣховной и пролагая новый, короткій и праведный путь къ царствію небесному, предложенный какою-нибудь ангельскою душенькой въ родѣ Никифорова, Иванова, Таразанова и др. Кромѣ спасенной молитвы, тѣшили онѣ свое религіозное чувство и пѣснопѣніемъ, какъ:

Вечеръ добрый молодецъ загулялся,
На утренней зоренькѣ спать ложился;
На восходѣ солнца пробуждался;
Съ травоньки росой умывался,
Бѣлымъ полотенчикомъ утирался,
Московскимъ чудотворцамъ Богу молился,
На всѣ на четыре сторонушки поклонился.
Вы здоровы-ли, братцы, спали-почевали?.
А я, добрый молодецъ, нездоровъ спалъ:
Будто по крутымъ бережкамъ загулялся,
Будто крутой бережокъ обвалился,
И я лѣвой ноженькой оступился;
Правой рученькой сухватился,
За то ли за крѣпкое деревцо—за кручину...
Ты, кручинушка моя, ты кручина,
Всего меня ты сокрушила:
Съ Господомъ Богомъ разлучила!.

сказалъ: вѣдь ты нашъ и она наша; если она родитъ, то падетъ безчестіе и на нее, и на тебя, и на насъ всѣхъ... А пошолъ я въ сехтъ потому больше, разсказывалъ онъ, что молодъ былъ—хотѣлось въ волюшку поваландаться съ дѣвьемъ»!.

или какъ:

Идетъ смерть суха, худая;
Несетъ языкъ на губѣ,
Не боится нужды!.
Къ келліи приближается,
Одинокой дѣвицы
Всѣ суставы разбираетъ,
Душеньку вымаетъ,
На спину кладаетъ.
Ты прощай, прощай,
Тѣло бѣлое!
Тебѣ, тѣло бѣлое,
Во землѣ лежать;
А мнѣ, душенькѣ,
Въ небеса летѣть,
На востокъ солнца, къ раю.!
У рая двери заперты..,
О горе тутъ мнѣ,
Моей душенькѣ
Мѣстечка нѣтъ!
Повели душу,
Повели грѣшну,
На закатъ солнца,
Въ муку вѣчную..
У муки вѣчной
Двери заперты,
Запирочками задвинуты.
Задвижечку выдвигали,
Тутъ мою душу сажали.
О горе мнѣ великое!.
Что мои-то сестры
Въ раю сидятъ;
А мнѣ, грѣшной,
Въ аду горѣть (*)!.

(*) Эти пѣснопѣнія или, какъ называютъ ихъ келейницы, *куплетцы*, *стишки*, составлены коноводами секты именно для того только, чтобы тѣшить ими религіозное чувство келейницъ, наполнить чѣмъ-нибудь пробѣлъ ихъ бездѣльной и пустой жизни. Нѣтъ въ нихъ ни поэзіи, ни чувства, ни гармоніи стиха.. Сочинены видно онѣ не чуткими къ поэзіи, хотя можетъ быть и экстатическими натурами. Нѣкоторыя изъ нихъ составлены въ подражаніе общеизвѣстнымъ лакейскимъ пѣснямъ сантиментальнаго содержанія, такова:

Простодушные родители, разумѣется, не всегда запрещали своему родному дѣтищу вести жизнь молитвенную; иногда снимали съ него

Заря утренія взошла,
Мнѣ святая мысль пришла
. . . . . .
День спасенія насталъ!

На пѣсню: Заря утренія взошла,
Ко мнѣ Пашинька пришла...
Съ ней утѣхи прилетѣли,
Птицы громко всѣ запѣли..
День веселія насталъ!.

И друг. Иныя представляютъ искаженіе Евангельскихъ притчъ. Выписываемъ здѣсь нѣсколько *стишковъ*, какіе по нашему мнѣнію оказались лучшими между другими.

Погодушка подувала,
Сине море всколыхала,
Всѣ мосточки разорвала;
Всѣ святые испугались...
Одинъ Духъ Святой остался
И въ гусельки заигралъ:
Всѣхъ онъ вѣрныхъ созывалъ
И въ келейну собиралъ.
Ужъ вы вѣрны, ужъ вы вѣрны!
Пріидите всѣ въ моленну;
Я за ваши за труды
Золоты вѣнцы солью,
А еще-то за струды
Золотыя трубы.
Вѣрны, вырны-то всѣ,
Всѣ по парно расходились...
Ужъ вы знайте, ужъ вы знайте,
Одѣвайте всякъ свово!
— Ужъ мы знаемъ, ужъ мы знаемъ,
Одѣваемъ всякъ свово!.

Грядите невѣсты
Въ чертоги небесны.
Грядите вы спѣшно,
Душою пресвѣтлой,
Въ небесный градъ,
Для вѣчныхъ наградъ.
Женихъ васъ стрѣчаетъ,
Любезно примаетъ.

свою родительскую волю и отпускали въ келлію на душеспасительные подвиги; потому что въ желаніи дочери молиться Господу Богу и ве-

---

Онъ всѣхъ васъ урядитъ,
Себя близъ посадитъ,
Лицомъ ко лицу,
И всѣхъ ко Творцу.
Одежды Богомъ тканны,
Богомъ дарованны;
Порфирыи царски,
Видомъ всѣ прекрасны,
Отъ руки творца
И всѣхъ васъ отца,
Небесны чертоги,
Которы суть многи;
Небесный градъ
Вамъ всѣмъ награда.
Чертоги оные златы,
Невѣсты тамъ другія.
Ужъ вы, дѣвы, не спите
Всѣ вы темны ночи,
Не смыкая очи.
Свѣтильники вжигайте
И ихъ украшайте;
Жениха къ себѣ ожидайте;
Чтобы они горѣли,
Вамъ будетъ веселье.
Тѣ дѣвы не спятъ,
Не спятъ темны ночи;
Не смыкаютъ очи;
Свѣтильники вжигаютъ
И ихъ украшаютъ,
Жениха къ себѣ поджидаютъ.
Грядетъ въ полунощи..
Азъ, какъ на свѣтѣ жити,
Съ тѣломъ не грѣшити!..
Правда насъ оставитъ,
А неправда, неправда
Пойдетъ въ муку вѣчну,
Въ муку безконечну..
Нѣтъ тамъ зависти, злобы;
Пожрутъ вѣчны гробы...
Лѣнивыя дѣвы
За дверьми остались,

сти жизнь спасенную не видѣли ничего сомнительнаго, а видѣли перстъ Божій немпучій, призваніе на роду̀ написанное.. Кто знаетъ, може святая будетъ, мощи явятся. Святые тоже были люди...

Стали вдругъ проситься:
Гдѣ бъ намъ помѣститься?
Женихъ имъ отвѣчаетъ,
На бракъ къ себѣ не примаетъ:
Азъ не знаю васъ,
Вы подите прочь:
Вамъ окончилась почь!
Печальны дѣвы стали,
Что долго почи спали.
Пошли тѣ дѣвы
Въ превѣчну муку;
Встали тѣ дѣвы
Возлѣ лютыхъ мукъ,
Безконечныхъ мукъ,
Злѣ бесовскихъ рукъ!..

Во струпочки заиграли
Въ небѣ золотомъ.
Наша матушка родима
Въ полку пребывала;
Чудеса она творила,
Глаголы испускала,
Рѣчи говорила:
Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Все духовныя сестрицы,
Знать вы къ Богу собрался,
Служить ему задался.
Вы идите къ Богу смѣло,
На васъ платье у всѣхъ бѣло;
Матушка его надѣла;
По васъ она въ немъ радѣла.
Вы идите, не робѣйте,
Вы святую воду пейте,
Въ сердцѣ змѣя вы убейте.
Ужъ вы змѣя-то убейте,
До Бога вѣрно вы дойдете..
Объ насъ, грѣшныхъ, помолитесь,
Пониже, въ поясъ поклонитесь,
Ко Спасу приложитесь...

Въ келліяхъ помѣщалось отъ 3 до 6 и болѣе дѣвокъ. По степенямъ нравственнаго совершенства и знанію таинъ вѣры, онѣ дѣлились на разряды: *богоподобныя, ангелоподобныя, праведныя, надѣющіяся.* (Тяжкое кощунство!). Степень давала право келейницамъ носить ту или другую одежду. Такъ онѣ надѣвали бѣлыя рубашки особаго покроя, съ подонлекою, подвитою по плечамъ крестообразно; другія—съ воскрыліемъ; у нѣкоторыхъ подонлека пришивалась клиномъ внизъ, спереди и сзади противъ сердца; у другихъ обыкновенная. Было отличіе въ платьѣ женщинъ и дѣвицъ, безъ измѣненія впрочемъ въ покроѣ самой рубашки, которая должна быть у всѣхъ келейницъ всегда бѣлая, длинная, съ узкими рукавами,—какъ и сарафана, всегда синяго цвѣта. Дѣвицы имѣли право убирать свою голову повязками изъ голубыхъ или бѣлыхъ лентъ или подизей, онѣ золотомъ шитыя, а другія просто шолковыя, цвѣтныя; женщины же носили на головѣ чахлы изъ гладкой матеріи. Бабы перевязывались на рубашкѣ длинными полотенцами крестообразно и спереди и сзади; дѣвицы только спереди. Крестовидное опоясаніе и головныя повязки называются *дѣломъ праведнымъ.*

Между келейницами старшая лѣтами, опытная въ таинствахъ вѣры и пользующаяся расположеніемъ и любовію пророка, именовалась настоятельницею. На ея попеченіи лежала обязанность смотрѣть за нравственностію келейницъ, пещись о ихъ благосостояніи, руководить въ жизни, въ правой вѣрѣ и пр. (Духъ лжи подражаетъ истинѣ. *Арх. Мак.*)

Всѣ келейныя по своему устройству, внутреннему расположенію и обстановкѣ походили одна на другую. Онѣ обыкновенно состояли изъ двухъ отдѣленій или *половинъ.* Въ передней помѣщались келейницы со всѣми своими пожитками; въ задней, съ двумя входами—съ передней и съ задовъ двора, была молепная, гдѣ совершалось богослуженіе или *бесѣдушка Господня.* Въ ней, всегда чистой и опрятно убранной, кругомъ стѣнъ стояли скамьи или нары—*праведныя сѣдалища;* передній уголъ уставленъ былъ ликами *праведныхъ людей:* Николая угодника, Іоанна воина, Божіей Матери, архистратига Михаила съ Васіемъ и Модестомъ, перукотворенный образъ, алебастровые бюсты Спасителя (*), картина съ изображеніемъ, какъ первый Христіанинъ пролагаетъ путь ко спасенію, портретъ Никифорова, ри-

(*) По именамъ одни лики съ православно-чтимыми, а по существу дѣла не тѣ.
Арх. Мак.

сованный на полотнѣ масляными красками; послѣдній большею частію въ дубленомъ полушубкѣ, нечесанный, съ прямою прорѣзью волосъ на лбу (какъ у Селиванова и Шилова, которыхъ боготворятъ наши скопцы), съ маленькою клинообразною бородой безъ бакенбардъ, съ матовой вдохновенной физіономіей. Портретъ Никифорова пріобрѣтался почти въ каждую келейную и ставился на самомъ почетномъ мѣстѣ, около иконы Спасителя. «Спаситель-де былъ Христосъ, а Никифорычъ—христіанинъ, праведная душенька; оба наши радѣльщики и воители противъ силы грѣха. Ну, знамо, и должны рядкомъ стоять на божницѣ и честь равная должна быть имъ оказываема, какъ ангельскимъ душенькамъ!..? Предъ иконами висѣла мѣдная лампада и иногда стоялъ большой ларь вмѣсто аналоя, на которомъ, на случай наѣзда слѣдователя отъ правительства, лежала слѣдованная псалтирь.

Жить келейницамъ было хорошо; свободы никто не стѣснялъ, дѣлай что душѣ угодно! Какъ облѣнившимся отъ бездѣлья и занятымъ религіозными вопросами о новомъ праведномъ пути къ царству небесному и объ искорененіи силы грѣховной, имъ нѣкогда было работать въ потѣ лица, трудомъ честнымъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Пропитываться однако нужно было чѣмъ-нибудь существеннымъ; воздухомъ, покаянными вздохами и душеспасительными бесѣдушками сытъ не будешь—не по желудку, хотя Никифоровъ и училъ строгому постничеству, какъ высшей нравственности, которымъ препобѣждается всякое насиліе грѣха и *приманивается* сила благодатная...

И начали келейницы совершать поминовенія объ усопшихъ, читать на распѣвъ псалтирь надъ умершими *упорными*, править *всемірскія* панихиды. На деревнѣ, извѣстно, грамотныхъ мало; привилегированнымъ правомъ чтенія псалтири надъ умершими пользуется дьячокъ—этотъ аристократъ между грамотѣями въ сельскомъ населеніи. Но дьячокъ по сложности своихъ обязанностей, иногда экстренныхъ, не всегда свободенъ и не всегда въ состояніи отправлять обязанность чтеца надъ покойникомъ. Бываетъ и такъ, что дьячка и гнушаются просить или потому, что онъ ряду держитъ ужъ слишкомъ большую, или потому, что при условіи о цѣнѣ требуетъ непремѣнно для освѣженія силъ во время продолжительнаго чтенія надъ покойникомъ—угощенія подкрѣпительнымъ. Водка, извѣстное дѣло, непослѣднюю роль играетъ у насъ во всякомъ предпріятіи и договорахъ.

Этому-то горю помогали келейницы, большею частію грамотныя. Подъ рукой разсказывали онѣ, что у дьячка, хотя онъ и человѣкъ

грамотный и уставы знаетъ завзятно, языкъ мелетъ ровно жерновъ какой,—ничего неразберешь, потому–приболтался; и читать онъ, значитъ, съ умиленіемъ и разумѣніемъ не можетъ псалтири. Ну, чтобы душѣ покойника было къ чему склониться вниманіемъ, молитва о немъ къ Богу должна быть умиленная, душевная, и чтеніе псалтиря слезное... Вотъ Ульяна на эти дѣла куда мастерица. И приглашали крестьяне читать псалтирь и заправлять кануномъ надъ умершимъ монашку Ульяну, угодницу Божію. Ульяна–же при случаѣ тоже душевно разсказывала о Ксеніи Даниловнѣ, Ѳеодосьѣ сестрѣ...

Такимъ образомъ добрая молва мало помалу упрочивалась за келейницами, какъ людьми благочестивыми, Божьими грамотницами, мастерицами умильно радѣть о спасеніи преставившихся. Эта молва была на руку келейницамъ: она ограждала ихъ отъ подозрѣнія въ неправомъ образѣ вѣрованія и служила къ обезпеченію ихъ матеріальнаго быта. Пѣтъ, нѣтъ—смотришь: въ иную пору малая толика блинами, творожкомъ, десяткомъ яичекъ, молочкомъ и перепадетъ на долю келейницъ отъ ревнителей христіанскаго благочестія и богобоязненныхъ людей. Нельзя, говорили эти ревнители, человѣки онѣ Божіи, угодницы Христовы—около ихъ и ихними молитвами можно спасенье получить...

Расчитывать на даровой кусокъ хлѣба келейницы могли, потому что мастерски умѣли вклеивать въ обыденный разговоръ между упорными благочестивое слово въ свою пользу, умѣли вздохнуть всегда отъ глубины души, передать кстати святое сказаніе изъ Божественной книги–четьи–минеи, какъ милостыня и благотворительность пригодны къ царствію небесному и для великихъ грѣшниковъ; умѣли къ слову сказать о своей недостаточности къ пропитанію и о подвигѣ нестяжательности, потому: хлѣба не сѣемъ—нѣкогда, заняты повсядни молитвой и поминовеніемъ отшедшихъ братій нашихъ въ обители райскія; скотинку имѣть—не по средствамъ, и стяжательной нашей сестрѣ быть непригодно; да и Господь въ своемъ евангеліи заповѣдалъ своимъ дѣтушкамъ творить дѣла милосердія другъ за друга. Вы, говоритъ, дѣти мои милыя, Богомъ помилованныя, въ рай призванныя, другъ за дружку тягости носите... Такъ слѣдуетъ творить рабушкамъ Божіимъ, по слову Божію. Мы вотъ, Божьи грѣшницы, по силѣ матушки Царицы Небесной и своему окаянному разумѣнію, исполняемъ глаголъ Христовъ—молимся за человѣки... Послушаетъ такихъ медовыхъ рѣчей простоватая баба, пожалуй прослезится и утретъ сле-

зы локтемъ; смотришь, и несетъ чѣмъ Богъ благословилъ келейницамъ, а эти, принявъ съ молитвою приношеніе, запишутъ съ ея словъ имя покойника, записку положатъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, въ книгу на аналоѣ или на божницѣ и обѣщаютъ ей поминать покойника въ молитвѣ на всемірской панихидѣ, ради спасенія его души.

Сами-же келейницы, если бываль у нихъ покойникъ, всегда правили по немъ панихиду по своимъ обрядамъ; священникъ приглашался къ отпѣванію только для вида, чтобы избѣжать подозрѣнія въ своемъ образѣ вѣрованія. Слышали мы, что келейницы, когда священникъ возглашаетъ по обрядамъ православной вѣры вѣчную память надъ покойникомъ, стоя сзади его, показываютъ ему въ-тихомолку языкъ, какъ знакъ, что онѣ совершенно презираютъ его молитву и церковную обрядность, по заповѣди Никифорова. Тоже дѣлаютъ онѣ и въ церкви, наклоня голову, когда священникъ выходитъ изъ алтаря со святыми дарами. «Если кто, училъ Никифоровъ, будетъ заказывать обѣдни и панихиды церковникамъ, тотъ накличетъ на свою душу силу грѣховную, какъ накликаютъ ее упорные; панихиды церковниковъ для умершихъ вовсе неспасительны, потому что церковники въ своемъ храмѣ храмлютъ на каждомъ словѣ и потакаютъ силѣ грѣховной на каждомъ шагу. Спасительно дѣлаетъ тотъ, кто за умершаго подастъ милостыню праведному человѣку, т. е. идущему по дорогѣ перваго человѣка, и попроситъ его помолиться о помилованіи усопшаго. А ходить въ храмъ къ церковникамъ, ладить съ ними надо, чтобы вящшей не накликать на свою душу бѣды. Сила-то грѣховная велика; не разомъ съ нею совладать можно. Какъ ни сдѣлаешь—сдѣлай, лишь бы душа твоя увидѣла свѣтъ Божій и стремилась по праведному пути туда, гдѣ для нея ангелами облюбовано отъ вѣчности теплое гнѣздышко.»

Въ силу правила: какъ ни сдѣлаешь-сдѣлай... келейницы не только не гнушались, какъ мы видѣли, милостыней отъ упорныхъ, но даже сами ходили по деревнямъ собирать се, особенно бѣдныя. Часто сама настоятельница или дохожая во всемъ келейница, подъ видомъ калики перехожей, безмолвницы, юродивой во Христѣ или просто скитальницы Господней, отправлялась со сборомъ подаяній на пользу себѣ и сестрамъ. И Никифорычъ ходилъ такъ, и посланники его; а Никифорычъ-праведный человѣкъ, душенька ангельская; по немъ-то и слѣдуетъ стопы свои направлять»... (*) А Никифорычъ этотъ спо-

(*) Какъ Никифоровъ, такъ и его посланники, ходили по деревнямъ

собъ пріобрѣтать средства для жизни оправдывалъ примѣромъ древнихъ христіанъ и особенно примѣромъ апостола Павла, который собиралъ милостыню для бѣдныхъ палестинскихъ христіанъ. Никифоровъ училъ, что обстоятельства вѣрующихъ апостольскаго вѣка были тѣже, что и теперь. Какъ тогда вѣрующіе жили по келліямъ вдали отъ міра и соблазна, спасаясь отъ силы грѣха, такъ слѣдуетъ жить праведнымъ душамъ и въ настоящее время. Апостолъ Павелъ, какъ непосредственно облагодатствованный самимъ Богомъ, доподлинно зналъ, какіе губительные ковы началъ уже снаряжать надъ искупленіемъ Спасителевымъ грѣхъ адовъ, а потому вѣрныхъ поселилъ въ особыхъ храминахъ, чтобы избавить ихъ отъ приращенія грѣховнаго мусору, а самъ, какъ уже оправданный, котораго стороною обходилъ запущенный грѣхъ, безбоязненно ходилъ по городамъ и селидьбамъ и собиралъ милостыню для своихъ вѣрныхъ дѣтушекъ. Ну, значитъ, и ему слѣдовало, какъ непосредственно облагодатствованному самимъ Духомъ Святымъ, дѣлать тоже что дѣлалъ, по его словамъ, Ап. Павелъ. Дѣло понятное!..

Чтобы заслужить расположеніе доброхотныхъ дателей и вообще поселянъ, къ которымъ келейницы заходили на ночлегъ, носили онѣ съ собою въ бутылочкахъ, завернутыхъ въ бѣлыя пелены, святыню госпадню—масло деревянное отъ Кіевскихъ угодниковъ, которое, по ихъ убѣдительнымъ словамъ, (*) имѣло свойство врачевать всевозможныя ро-

---

и селамъ для сбора подаяній. Одинъ изъ послѣднихъ, крестьянинъ Ивановъ, ходилъ по большей части въ одной длинной бѣлой рубашкѣ, безъ шапки, босикомъ, съ палкою въ рукахъ, и слылъ подъ именемъ Иванушки блажнаго. Прикидывался онъ дурачкомъ, говорятъ, неподражаемо.

Этотъ сборъ подаяній былъ причиною несогласія и непріятностей между главными коноводами секты—Никифоровымъ и его посланниками. Первый, собирая милостыню и пожертвованія денежныя, обращалъ, говорятъ, большую часть ихъ въ свою пользу; иногда и вовсе не дѣлилъ ихъ между сектантами. Нѣкоторые изъ посланниковъ такой поступокъ Никифорова прямо выводили изъ корыстныхъ его побужденій, называя его святотатствомъ; оставили Никифорова, сдѣлали нѣкоторыя измѣненія въ его ученіи и начали дѣйствовать самостоятельно. О Никифоровѣ и его ученіи отзывались холодно и уклончиво, говоря: «его вѣрушка хороша, а наша попаче будетъ». Разумѣется и эти слова тоже были слѣдствіемъ корыстныхъ расчотовъ.

(*) Говорится о поддѣлывающихся подъ истину. *Арх. Мак.*

ды болѣзней; особенно-же оно цѣлительно дѣйствовало противъ той болѣзни, для излеченія которой больная обращалась къ странницѣ съ просьбою о помощи. «Только испей, говорила лекарка:—какъ рукой сниметъ; держись только вѣры праведной, да молись Владычицѣ»... Масло это, имѣвшее свойство цѣлить всевозможные роды болѣзней, въ бутылочкахъ разумѣется никогда не истощалось. Его давала странница принимать внутрь по нѣскольку капель даже и тогда, когда болѣзнь была наружная: ногтоѣда, опухоль отъ ушиба или занозы и пр. Для тѣхъ, кто не страдалъ болѣзнями, были другого рода гостинцы, предохраняющіе отъ наговора, глаза, домового, падежа скотскаго. Это—крестики отъ «самаго» Серафима Саровскаго, Ростовскаго Димитрія, священныя шапочки изъ китайки или сарпинки отъ святыхъ угодниковъ Кіевскихъ, какіе-то стеклянные стаканчики съ мощами, просфоры, хлѣбцы и т. под.

Разумѣется простячки деревенскіе, особенно изъ благочестивыхъ, любящіе подъ часъ послушать душеспасительную бесѣду, принимали къ себѣ келейницъ съ радушіемъ; угощали всѣмъ, что считалось между ними сытнымъ и лакомымъ; дарили ихъ холстами, пшенцомъ, горошкомъ; вѣровали въ простотѣ на́ слово всему, о чемъ толковали имъ со вздохами самозванки вѣры правой. Изъ устъ ихъ почерпали они свѣдѣнія изъ жизни святыхъ, которыя ни гдѣ не записаны и которыя своимъ содержаніемъ и мыслію только унижаютъ достоинство христіанскаго подвижничества. «Вѣдь вонъ оно какъ, говорятъ:—потому въ книгахъ божескихъ какъ есть все доподлинно записано! Вѣстимо, надыть вѣру всему держать, потому книги божескія; значитъ самъ Богъ,—охъ, Мать Пресвятая Богородица, Воскресеніе Христово, Николай Угодникъ!—самъ обо всемъ промышляетъ и насъ научаетъ чрезъ угодницу свою, молитвенницу нашу.. Ну, и масло значитъ дѣло цѣлебное»!...

При собираніи милостыни въ пользу сестеръ, келейницами между прочимъ достигалась и другая цѣль: прислушивались онѣ къ народнымъ толкамъ о себѣ самихъ и келейной жизни; хвалили спасенье, возможное только въ келліяхъ; говорили объ опасностяхъ вѣрушки Божіей и гдѣ представлялась возможность, вербовали въ свою секту дѣвокъ и бабъ. О таинствахъ вѣры не говорили однако ни слова до поры-до-времени; даже осторожны были и съ обращаемыми до испытанія ихъ скромности и крещенія въ новую жизнь. Если новообращаемая въ простотѣ души любопытствовала, ей отвѣчали: «что го-

ворить по́–пусту! Иди, коли любопытница и дорожишь своею душою, въ нашу вѣрушку; вѣрушка наша и жизнь спасенныя, лучше всякихъ, а чѣмъ?. Да чего открывать! Иди и узнаешь доподлинно и сама никому не будешь сказывать. Это точно, потому возчувствуешь все, какъ быть должно.»

Право дѣлать испытаніе надъ заявившими желаніе принять вѣрушку Божію исключительно принадлежало ангельскимъ душенькамъ. Оно продолжалось долго, съ разными *уставными* причудами и изувѣрствомъ. Предлагаемъ разсказъ одной крестьянки О. Н–мой, совращонной въ секту и понесшей это испытаніе. Справедливость этого разсказа провѣрена нами съ тѣми свѣдѣніями, которыми пользуемся.

3

ПРАВДИВЫЙ РАЗСКАЗЪ

....Вотъ у насъ въ стары годы какіе молитвенники были! А все я рѣчь къ тому веду, почему въ нашемъ околодкѣ жили непорушно келейницы и были разные смуты о вѣрѣ православной.

Такъ не такъ, а все–же вѣровали въ Господа Бога, потому народъ крещонный, даромъ попа рѣдко видали съ крестомъ. Припадала особенно охота поусердствовать молитвой матушкѣ Царицѣ Небесной въ годовые праздники.

Придетъ бывало Рождество... Знаемъ, что праздникъ большой, что надо встрѣтить его молитвой; иначе праздникъ будетъ не въ праздникъ. У насъ вѣдь такъ!.. На село ѣхать далеко и пурга иной разъ разыграется—глазъ не кажи. Ну, и встрѣчаемъ праздникъ, какъ Господь на сердце положитъ.

Въ канунъ праздника вымоемъ бывало избу на́ чисто; вечеромъ затеплимъ двѣ–три свѣчи восковыхъ у образовъ; зажжомъ по угламъ избы лучины, чтобы больше свѣту было; столъ накроемъ пеленой; сами вымоемъ морды, руки, пріодѣнемся. Ну, и начнемъ службу Божію... На́большій бывало станетъ около стола, ближе къ иконамъ, ровно попъ какой, а мы сзади его; ребятенки съ печи посматриваютъ... Въ избѣ станетъ тихо, ничто не шелохнется. И станетъ онъ молиться

и читать вслухъ какія знаетъ молитвы: Богородицу тамъ, Отче... а мы за нимъ вздыхаемъ, усердствуемъ крестомъ и почесываясь кладемъ поклоны на образа, кто какъ умѣетъ и желаетъ. Молимся такъ бывало долго!

А потомъ, похлебавши квасу съ рѣдькой, отходимъ оночивъ держать, ровно и въ-заправду были въ церкви, празднику молитву возносили. Поутру, чуть станетъ показываться свѣтъ, садимся завтракать скоромнину, значитъ разговляться.

Были случаи и нерѣдко, что и сами хоронили упокойниковъ, и хворые у насъ за-частую умирали безъ исповѣди и Св. Причастія. Все было!..

А вся бѣда оттого была, что деревня наша далеко находилась отъ села, къ коему принадлежали мы приходомъ; верстъ почитай пятнадцать будетъ; да и батюшка нашъ о. Сократъ, не тѣмъ будь помянутъ, не больно усердственъ былъ...

Такъ мы рѣдко слышали слово Божіе православное!..

Въ тѣ поры, откуда веду рѣчь свою, была я малолѣткомъ, такъ годовъ съ пятнадцать мнѣ было. До-прежъ того, какъ умерли мои батька съ матерью,—а это было въ первую холеру,—жила я въ дѣвчонкахъ у попа, только не у о. Сократа, а у сосѣдскаго, значитъ въ нянькахъ, дѣтей нянчила; тутъ шутками мапенько грамотѣ наторѣла съ его дочерью. Ну, а потомъ, какъ стали мнѣ выходить года подходящіе къ работѣ, взялъ меня къ себѣ крестный въ д. Маковку, подъ тѣмъ значитъ предлогомъ, что вспоитъ-вскормитъ и выдастъ въ замужество за какого ни на есть за хорошаго за человѣка. Такъ просили, сказываютъ, мои родители, когда умирали.

Были у меня въ Маковкѣ кромѣ крестнаго еще сродственники—тетка съ дядей, Зотовы прозывались. Этихъ, сказываютъ, не жаловали упокойники отецъ съ матерью. Что у нихъ тамъ было промежъ себя, сказать не умѣю.

Ну, извѣстно, родство—ходила и къ дядѣ своему какъ свой человѣкъ, хотя онъ рѣдко жаловалъ меня словомъ и лаской. Тетка вотъ Дарья другая была статья; та женщина была болѣзная такая и привѣтная ко мнѣ. Были они во весь вѣкъ свой бездѣтны, потому сехъ держали, а може и Господь обошолъ своею милостію.

Про дядю вамъ скажу, про Прохора. Слылъ онъ на деревнѣ и въ околодкѣ за разумнаго человѣка и умѣлъ всякому дать совѣтъ-привѣтъ, потому видалъ на своемъ вѣку много людей, ѣзжалъ въ г.

Москву, въ Нижній и не вѣсть куда, но на деревнѣ жилъ отщепенцемъ: не якшался съ своими односельцами, не пилъ ни какого хмѣльнаго, хотя и принималъ къ себѣ странныхъ людей и блажныхъ; не хаживалъ на мірскіе сходы; дурно отзывался о тѣхъ, кто сквернословитъ, постъ подгулявши пѣсни.

Помню, — это было въ великій постъ, — пришла я къ дядѣ. Его не было дома, куда-то отлучался; одна тетка домосѣдничала. Она оставила меня у себя почевать, потому—одна боялась, неравно обидитъ какой лихой человѣкъ.

Разговорилась это о моемъ сиротствѣ со мною. Ты, говоритъ, чай все о суженомъ своемъ помышляешь, за-мужъ хочется; нашолся пожалуй какой, о которомъ щемитъ твое ретивое... Дѣвка-то ужъ на возрастѣ!—Сама это говоритъ, а сама смѣется.

Нѣтъ, говорю, а сама другое на умѣ держу... За-мужъ, говорю, какъ-то боязно идти; мужъ пожалуй попадется лиходѣй, бить будетъ, водку пить, а пьяныхъ я смерть какъ не люблю.

Что правда, говоритъ, то правда, а вольному человѣку не въ примѣръ лучше жить на бѣломъ свѣтѣ, да жить особенно по Божескому, а не какъ гулящія. Вотъ, говоритъ, келейная по моему разумѣнію жизнь хорошая, душеспасительная. Келейницы душу свою спасаютъ для Батюшки Христа, потому келейницы; за то и міръ ихъ ублажаетъ, хлѣбомъ-солью награждаетъ. А жизнь на міру—что за жизнь? Одна мука да грѣхъ.

Теперь, продолжала она, келейныхъ въ нашемъ околодкѣ много; на умъ-разумъ наставить есть кому... Было бы, говоритъ, только желаніе, а опредѣлить тебя въ келейную мы тебя опредѣлимъ. Благо у батюшки ты грамотницей сдѣлалась: и *басалы* читать будешь по упокойникамъ. Значитъ и кусокъ хлѣба у тебя будетъ свой. Такъ ли я говорю тебѣ, умный ты человѣкъ!..

Такъ-то такъ, говорю, да слышала я, что келейницы какую-то свою вѣру держатъ, особый сехтъ имѣютъ, даромъ что живутъ кажись по божескому.

Какую, говоритъ, свою?—Все ту же, не то что жиды или тамъ чуваши какіе. Тѣ держатъ не христіанскую вѣру, потому скоты какъ есть, и живутъ какъ лѣшіе... Вѣдь я, скажу тебѣ, знаю вѣру келейницъ доподлинно и какъ онѣ живутъ, потому, говоритъ, бываю у нихъ часто и сама жила до-прежъ.—Вотъ намедніись я была у Даниловны въ келліи; сама матушка Акулина Терентьевна была у ней въ гос-

тяхъ; говорили все въ душеспасительные разговоры, какъ быть должно. И самъ батюшка иногда захаживаетъ къ ней. Еще намедни былъ при мнѣ и говорилъ, что въ нынѣшнемъ году много по приходу бабы родили и что теперь за крестины съ мірянъ ужъ особая плата должна быть ему, большая противу прежней, потому, говоритъ, что всѣ имена какъ есть изошли, какія т. е. ему высланы были на сей годъ тамъ изъ концысторіи отъ Архіерея, и онъ, какъ разобрали всѣ имена допрежъ сего, будетъ покупать ихъ для младенцевъ отъ благочиннаго за деньги. У благочиннаго, говоритъ, есть въ-залежѣ имена христіанскія отъ прежнихъ годовъ. Родинъ, значитъ, въ прежни годы мало было.

Какъ-бы не свою келейницы, говорила она, вѣру содержали, давно-бы начальство изъ губерніи наѣхало и батюшка донесъ кому тамъ слѣдуетъ. Вѣстимо, вѣруютъ не такъ, какъ мірскіе. Тѣ хмѣлятъ по всѣ-дни, даже въ праздники божескіе, пѣсни голосятъ всегда дьявольскія, всякія тамъ мерзости дѣлаютъ... А то-же крещеніе Христіанское приняли на себя!..

И дѣло твое одинокое, сиротское, говоритъ, шла бы себѣ шла въ келейницы угождать Господу Богу. Теперь долго-ли до грѣха. Хорошо посватаетъ кто ни на есть изъ хорошихъ людей; а если не посватаетъ,—и будешь по чужимъ угламъ вѣкъ вѣковать, чужой хлѣбъ ѣсть, попреки слышать, ругань всякую, какъ работница какая. Пожалуй надругается какой лиходѣй, безчестіе причинитъ тебѣ... Какъ разъ гулящей сдѣлаешься!.. Прохоръ, дя твой, то-же говорилъ мнѣ: отчего-бы, говоритъ, Ольгушкѣ неидти въ келейныя? Грамотѣ, говоритъ, смѣкаетъ; значитъ, говоритъ, можетъ сорокоусты править. Шла-бы себѣ, говоритъ, шла, чѣмъ шататься по крестнымъ. Крестный, говоритъ, положимъ и отецъ, а все не родной, не можетъ сдѣлать тебѣ столько добра, какъ своему дѣтищу, потому, говоритъ, не его плоти, а чужая. Да у крестнаго и безъ нея, говоритъ, свои дѣти есть; значитъ есть о комъ подумать, есть для кого добро наживать. Вѣстимо взялъ, говоритъ, къ себѣ въ домъ молодуху, чтобы, говоритъ, не нанимать-стать работницы; потому работницѣ нужно деньги платить. Мы, говоритъ, знаемъ доподлинно этихъ крестныхъ...

Тетка говорила правду: у крестнаго жизнь мнѣ была горькая. Чего! побои даже принимала, а ругань да попреки каждый почитай день, хуже лядащей работницы.

И запала мнѣ въ голову жизнь келейная. Живутъ, какъ узнала

я послѣ, келейницы безпечально, своей волюшкой; ѣдятъ сладко; всего у нихъ много; работы полевой мужицкой не исправляютъ; время для богомольства всегда есть. Одно у нихъ занятіе: читаютъ въ книжки церковныя, правятъ сорокоусты, поминаютъ по псалтири каждое утро и вечеръ упокойниковъ и отшедшихъ братій; имѣютъ всегда про чорный день копейку свою. Ну, и спасенье впереди. Жизнь келейная какъ есть пришлась мнѣ по сердцу.

Одно было,—дѣло прошлое,—неладно. Ныло мое сердечушко по миломъ человѣкѣ: любила я одного добра молодца; съ-ума опъ у меня не шолъ.

Въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ было до четырехъ келейныхъ, жилъ былъ одинъ, царство ему небесное, захожій молодой паренекъ, у крестьянина Шонина, не то что бы въ батракахъ, а такъ себѣ, какъ говорится, ровно свой человѣкъ, семейный. Парень онъ былъ больно работящій на всякіе манеры; такой былъ бравый—душа, а не человѣкъ. Видала я его часто, потому у Шонина работала нерѣдко, особенно по помочамъ въ полевыя работы.

Знакомства я съ нимъ, дѣло прошлое, короткаго не имѣла, какъ дѣлаютъ это иныя молодицы. Все больше на разговорахъ и шуткахъ обходились.

Жилъ опъ у Шонина давно; ѣзжалъ съ нимъ по сосѣднимъ деревнямъ; вхожъ былъ и въ келейныя, потому былъ набожный и грамотный человѣкъ и любилъ вести христіанскія рѣчи.

И положила я на умѣ просить дядю и тетку, чтобы они пристроили меня въ той келейной, въ которую вхожъ былъ Иванъ. Такъ звали парня, который жилъ у Шонина. Келейной этой заправляла черничка Ксенія Даниловна.

Помню, работала я какъ-то у дяди на огородѣ: пособляла разсаживать капусту. Работала, помню, одна. Извѣстно, какъ живой человѣкъ, сама это разсаживаю капусту, а сама промежъ себя думку держу на умѣ... Иванъ не шолъ у меня съ ума — все о немъ думал- помышляла. Думала, поступлю въ келейную, буду повсегда его видать, слушать его медовыя рѣчи, ликомъ его утѣшаться. А кто знаетъ-вѣдаетъ, може пожелаетъ взять меня въ замужество, если придусь ему по нраву. Вѣдь онъ и допрежъ сего былъ оченно привѣтенъ и ласковъ со мной! Тогда и келейную можно будетъ оставить. Купимъ свой дворъ тогда, заведемъ хозяйство и заживемъ радостно. А я тѣмъ временемъ на сорокоустахъ и поминкахъ по упокойникамъ

собью кое-какъ, если Царица Небесная поможетъ, деньжонки. Такъ, дѣло прошлое, думала я тогда. Извѣстное дѣло, все въ голову приходило, потому молодой человѣкъ, ума-разума пѣтъ, нѣчего таить грѣха!

Пришла въ это время тетка въ огородъ. Ты, говоритъ, — какъ теперь помню,—постарайся, Ольгуша, закончить разсаду нонѣ. Завтра, говоритъ, праздникъ.

Покончу, говорю, Богъ дастъ, нонѣ.

Принялась и она мнѣ пособлять.

Разсаживаю я это разсаду, а сама думаю, какъ-бы мнѣ попасть въ келейницы. Все, значитъ, хочется съ Иваномъ поближе познаться.

И говорю это я теткѣ: а что молъ тетка, не говорилъ еще дядя Прохоръ, чтобы помѣстить меня на жизнь къ черничкамъ? Я молъ пошла бы... и Бога молила о вашемъ здравіи-благополучіи, потому имѣю желаніе покончить жизнь свою въ молитвѣ.

Что-жъ, говоритъ, затѣмъ дѣло не станетъ. Съѣздить дядѣ твоему да переговорить только вѣдь и дѣла. Да ты, говоритъ, сама скажи ему о своемъ желаніи! Замужъ, говоритъ—что замужъ идти? Одинъ грѣхъ; кровь, говоритъ, молодая играетъ; ну, и примѣры, говоритъ, завсегда на глазахъ: всѣ дѣвки только о замужествѣ помыслы имѣютъ. Эта думка только теперь сладка; а когда выйдешь замужъ, не то будетъ.... Мужъ безпремѣнно пить будетъ; значитъ и бить, уродствовать надъ тобою: то подай, это подай; то неладно, это неладно. А все это дѣлаютъ они изъ одного озорства, чтобы надругаться какъ нибудь. А куда пойдешь?... Если жена, должна терпѣть все и въ худыхъ дѣлахъ потакать мужу. На то ты жена!... И поправить-то дѣло будетъ нельзя, потому времена не тѣ — мужики безъ водки и хмѣлья теперь жить не могутъ. Водка всему виною.... Напустилъ ее на человѣки нечистый, прости меня Господи! — А вотъ въ келліи, говоритъ, ужъ не то; тамъ своя воля тебѣ будетъ, потому одинокій, Божій ты человѣкъ будешь; почетъ будетъ тебѣ отъ міра, деньги свои будешь имѣть; никто запрету ни въ чёмъ не сдѣлаетъ — одна голова; заботы никакой, кромѣ спасенья.... Только, говоритъ, въ келліи нужно жить по особенному, не такъ какъ живутъ тамъ всякіе мірскіе.... по особому уставу. Тамъ вѣдь на все свои порядки и начала уставлены: на молитву тамъ, спасенье, жизнь. Охъ, прибавила она, всему-то надыть учиться, ко всему приспоравливаться,

да вѣру, говоритъ, въ душѣ беречь пуще всего, потому въ опасности великой!...

О моемъ желаніи тетка сама сказала дядѣ. Онъ меня спрашивалъ, я дала ему отвѣтъ: такъ и такъ, говорю, хочу по сердцу въ монашки какъ есть и покончить жизнь свою въ молитвѣ. Ладно, говоритъ, я похлопочу за тебя, а ты, говоритъ, пораздумай это дѣло хорошенько, чтобы послѣ соблазнъ какой не помутилъ твоей головы. Если, говоритъ, хочешь дѣлать дѣло, такъ на—чистоту, потому о душѣ оно!...

Я поро-наперво думала, что поступлю въ келейницы въ скорости. Однако ошиблась. Дѣло мое потянулось надолго.

Тетка исподоволь приготовляла меня къ келейной жизни. Я спрашивала, скоро—ли меня примутъ въ келлію? Скоро, говоритъ, только сказки сказываются да хмѣль пьяницъ разбираетъ. Ты, говоритъ, погоди; нужно, говоритъ, сначала испытаніе надъ тобою свершить, а тамъ ужъ и ввести какъ положено.

Что-жъ, говорю, испытывайте — я готова какъ есть, потому рѣшилась безпремѣнно идти въ монашки. Дѣло прошлое, хотѣла-то я хотѣла, да потому что кручина иная была на сердцѣ!...

Разъ какъ-то тетка и говоритъ мнѣ: собирайся, говоритъ, поѣдемъ на вечерокъ къ келейнымъ стишковъ послушать. Кстати, говоритъ, увидишь какъ живутъ келейницы.

Я собралась. Поѣхали. Въѣхали мы это на дворъ, куда значитъ надо было, и отправились подъ повѣть, на задній дворъ, гдѣ была келейная. Дѣло было на вечеръ; келейницы были всѣ дома. Одна изъ нихъ, какъ теперь помню, сидѣла за столомъ и читала книгу; другія — кто облокотился на столъ, кто лежалъ въ—растяжку на лавкѣ. Слушали значитъ, что читала келейница въ книгѣ.

Поздоровались это, какъ быть должно.

Одна изъ келейницъ, — Ксеніей звали, — и говоритъ теткѣ: вы, говоритъ, Тимооевпушка, рѣдко жалуете нашу убогую обитель; знать за что ни на есть гнѣваетесь на насъ, сирыхъ молитвенницъ, обидчивы стали.... А мы, говоритъ, всегда рады вамъ, Божьему человѣку, потому гость дорогой какъ разъ по душѣ.... Ужъ и то, говоритъ, какъ—то намедни спросила своихъ: что это Тимооевпушка молъ насъ совсѣмъ забыла?...

А тетка ей и говоритъ: нѣтъ, говоритъ, не гнѣваюсь на святыхъ человѣковъ, а была мало—мальски не совсѣмъ здорова, ну —

и недосугъ: теперь, говоритъ, рабочая пора — по хозяйству много дѣла; за работой не видишь какъ времячко уходитъ.... Что это, говоритъ, читали, чѣмъ услаждали свои святыя души? Знать что-нибудь оченно знатное такое, молитвенное, на спасенье души?

Вѣстимо дѣло, отвѣчала Даниловна, молитвенное. Доля наша таковая, что только молитствуемъ. Путь надыть, говоритъ, пролагать, коли заваленъ грѣхами и нечистый ратоборствуетъ, какъ львичищь кровожадный, да преграды ставитъ людямъ къ спасенью!... А эту книжицу—цвѣтничокъ, примолвила она, пожаловалъ намъ старецъ Игнатій Иванозичъ на поученіе. Прислали-де изъ Бѣлокаменной.... Книга знатная: все говорится въ ней о новомъ пути; а въ пристяженіи—какъ молиться о душахъ отшедшихъ, совершать всемірскія панихиды. Тутъ есть и куплетцы для пѣнія хорошіе. И она прочитала на распѣвъ:

Мимо рая, мимо свѣтлаго,
Мимо царствія небеснаго
Пролегала путь-дороженька,
Дороженька необходимая.
Какъ и шли по ней два ангела,
Два ангела, два архангела;
Провели они душу грѣшную....
Какъ промолвилъ денной ангелъ:
Что ты душенька, что ты грѣшная,
Мимо рая прошла, въ рай не взошла?
Аль за спѣсью, аль за гордостью,
Аль за скупостью, аль за глупостью,
Аль за одёжею за нетлѣнною?...
Ничего имъ душа не отвѣтила,
Только горько она прослезилася.
Какъ промолвилъ душѣ да полуночный ангелъ:
У насъ въ раю хорошо житье, да жить некому!
Цвѣты цвѣтутъ все лазоревы;
Древеса ростутъ кипарисовы,
Отросточки серебряные,
У нихъ кисточки позолочены.
На древахъ сидятъ птички райскія,
Поютъ пѣсни херувимскія, —
Херувимскія, серафимскія.
Въ раю праведницы вѣнчаются

Со Христомъ съ женихомъ со пресладкіимъ...
Много грѣшные огорчаются,
Огорчаются, слезно плачутся:
Въ муку вѣчную отсылаются...
Ты увы, увы, нашъ пресвѣтлый рай!
Невидать-то намъ свѣту вольнаго,
Не наслѣдовать намъ царствія небеснаго!...

Все поучительные куплетцы, сказала она, когда прочитала этотъ стишокъ: — все о божескомъ въ нихъ глаголется.

Въ келейной было чисто и опрятно таково. Въ эту-то келейную дядя съ теткой порѣшили меня пристроить. Сюда, знала я, хаживалъ Иванъ, потому знакомъ былъ съ келейницами и слылъ между ними за разумнаго грамотника и человѣка душевнаго, — и хаживалъ довольно таки часто.

Ну, извѣстно, вели мы въ келейной разговоры, какъ это водится между людьми испоконъ вѣку. Говорили и о томъ, какъ я буду жить въ келейной, вмѣстѣ съ монашками; пролагать, подъ руководительствомъ святыхъ и праведныхъ душъ, путь дороженьку прямо къ царствію небесному.

Говорила больше Даниловна. Сначала,—говорила разумно таково,— нужно пріуготовить себя къ жизни келейной, понести испытаніе.... Не всяко, говоритъ, дѣло разомъ дается! Вотъ и мы не разомъ стали такими, какими по милости Царицы Небесной и праведныхъ старцевъ теперь ты видишь: тоже были на испытаніи, много пролили слезъ и понесли душевныхъ воздыханій за свою мірскую пакостную жизнь. А теперь живемъ, слава Создателю неба и земли, покойно; миновали нечистый дрязгъ и идемъ по пути святому къ царствію небесному, проложенному боголюбцами, не то что мірскіе, кои блуждаютъ во тьмѣ, живутъ за одно съ нечистымъ и угождаютъ ему, яко—прости Господи—Богу истинному. Грѣхъ говорить только, потому нестать намъ. — Вотъ иное дѣло наша жизнь. Мы все радѣемъ о спасеньи, какъ научены отъ праведныхъ старцевъ, хоть и терпистъ путь, указанный ими. За то, говоритъ, сами по закону и наставленію ангельскому живемъ и подвизаемся ради души спасенья. Никто тебѣ не указъ, преградъ никто не моги поставить, потому живемъ не въ міру, не въ семьѣ — попрековъ матернихъ не слышимъ, ругательства и битья, какія терпятъ на деревнѣ бабы отъ своихъ мужей, не знаемъ слезъ не проливаемъ отъ неудовольствій и лихой болѣсти, а проли-

ваемъ ради спасенья, моля Господа о помилованіи и преспѣяніи по пути къ царствію, указанному богоподобными старцами. А жизнь наша нетягостная, потому подъ самимъ Господомъ ходимъ. За нашу жизнь добрую намъ посылаются отъ него блага всяческія. Чего, говоритъ онъ, попросите отъ меня, то безпремѣнно и дамъ вамъ, потому вашъ какъ есть отецъ; живите, говоритъ, только свято, не какъ мірскіе, а все другое приложится вамъ само собою. Что-жъ, слова Господни исполняются, потому глаголы его ей и аминь: мы слава Богу имѣемъ все для нашей жизни келейной съ избыткомъ; есть чѣмъ утолить голодъ и жажду, есть чѣмъ и одѣться; живемъ какъ птицы небесныя, непомышляя о завтрашнемъ, по заповѣди, а имѣемъ все для покойной жизни. Вся наша забота о молитвѣ только. Ну, и молимся, какъ подобаетъ и какъ научены.—Въ мірѣ, продолжала она, жить все равно, что грѣшить, потому міръ! Перва бѣда: діаволъ имъ заправляетъ; вторая—уставы его изветшали, негодятся, поросли грѣхомъ, такъ что выходу нѣтъ; третья—жизнь мірская невольготная есть, нужно подъ неволю идти, побои принимать, потому тобою орудовать будутъ, понукать какъ ветошинкой какой, калечить образину Божію и такъ уже искалеченную нечистымъ. Така ужъ доля наша, па міру жимши.

И была я на испытаніи долго, почитай около года; значитъ приготовлялась къ принятію таинствъ вѣры. Это испытаніе у келейницъ тоже, что у православныхъ оглашеніемъ зовется.

Отъ крестнаго-же я отошла совсѣмъ, хотя онъ меня бранилъ всячески и не совѣтывалъ идти въ монашки; все говорилъ: больно мала еще, годы махонькіе. Отошла-же я къ дядѣ и жила у него все время до начала принятія въ келлію.

Для испытанія въ твердости намѣренія моего принять праведную вѣру назначенъ былъ прозорливый старецъ Морозовъ, Алексѣемъ Иванычемъ звали. Онъ почитался келейницами за ангельскую душеньку. Человѣкъ онъ былъ очень ветхій, лѣтъ подъ семьдесятъ будетъ; былъ набожный, постникъ большой; нравъ имѣлъ такой крутой и приворожный; ничѣмъ бывало отъ него не отвертишься.

И ходила я по наставленію тетки къ Морозову на поклонъ, больше по праздникамъ, съ полгода. Понесла таки я это испытаніе—тошно вспомнить теперь! Бывало придешь, поклонишься ему въ ноги и лежишь до той поры, пока не прикажетъ встать. Ну, встанешь и опустишь глаза въ землю. Что, скажетъ съ печи, каянная пришла?

Аль ретивое больно щемитъ о праведномъ пути? Аль надоумили праведные, что путь, по которому ходила, тернистъ и заваленъ грѣхами? Аль спохватилась о своей душѣ? То-то вотъ и есть!. Говори, коли съ добромъ пришла, ищешь совѣта, утѣшенія; говори отъ самой утробы своей, ничего не таи на душѣ! Совѣтъ дадимъ; потому всегда ради помощь оказать душѣ грѣшной, которая ищетъ искренно спасенья.

Я молъ пришла, каянная душа, для спасенья. Ищу праведнаго пути да не знаю, гдѣ онъ. Праведные сказывали мнѣ, что тебѣ Господь на все дарованье далъ и ты доподлинно вѣдаешь, какъ править путь къ Богу. Къ тебѣ вотъ я и пришла, какъ къ самому Богу. Вы наши радѣтели—благодѣтели; вы наши боги... Боги вы мои боги, примите меня заедино, не дайте душѣ погибнуть отъ нечистаго, пустите душеньку мою на покаяніе!

Дай Господи, если такъ. Подойди-же ко мнѣ, скажетъ, посмотри на меня прямо какъ есть обоими глазами; обнажи душу свою до мозговъ и костей, будь во всемъ послушна!

Ну, бывало подойдешь къ нему, посмотришь прямо въ его очи, а сама вся дрожишь, какъ въ лихорадкѣ, слова не вымолвишь, потому духъ совсѣмъ захватитъ тебѣ, ровно отъ угару какого...

Покажи, скажетъ, тѣлеса свои, какъ есть начисто, если вѣруешь праведно и гнушаешься, значитъ, обычаевъ, уставленныхъ сатаною. Груди, лобъ, руки — все единаго тѣла члены, все тѣло человѣчье. Скоромины, пакости тамъ разной нѣтъ въ тѣлеси; ихъ выдумала адская сила на стыденіе людямъ. И презрѣть эту адскую сатанинскую силу надо, потому стыдиться собственнаго тѣла нѣчего,—оно твое, Божье созданіе. Другое дѣло: грѣхъ, пакость, пороки разные, коимъ нечистый заграждаетъ путь къ Богу; противъ нихъ надобно стыдъ полагать, имѣть душу бодрственную, чтобы сохранить себя отъ гибели вѣчной. Все это я тебѣ отъ Бога самаго говорю, потому мнѣ онъ, Создатель мой, на все дарованье далъ!.

Покажешь бывало дрожащими руками и груди, а сама не помнишь себя отъ стыда и какого-то особеннаго страха и боязни.

Ну, скажетъ, ладно. Вижу теперь, что ты съ добрымъ намѣреніемъ ходишь ко мнѣ, убогому старцу; хочешь, чтобъ плоть твоя каянная во всемъ была съ душой согласна. Дай тебѣ, Господи! Успѣй только убить въ себѣ сатаническій страхъ и пагубное стыденіе, кои влекутъ тебя въ таръ-тарары. Не будь мірскою, понеси смѣло испы-

таніе; тогда и тебѣ поможемъ какъ слѣдуетъ, примемъ заедино и будешь съ нами вмѣстѣ носить платье лебедино.

Въ томъ бывало и состояло испытаніе, что исполняешь его приказанія: то покажи, это сдѣлай, то скажи. Случалось, что и на ручку свою полагалъ, старый грѣховодникъ, мою каянную плоть и поцѣлуями покрывалъ ее. Все значитъ искусъ дѣлалъ, испытывалъ, не устрашусь-ли, не устыжусь-ли я!... (*)

(*) *Положеніе бѣлыихъ тѣлесъ на ручку* — знакъ особеннаго благоволенія старца-ангела къ душѣ праведной. Способъ этого благоволенія, какъ разсказывала намъ одна бывалая женщина, жившая нѣсколько времени въ монтанской келейной, старцы называютъ возложеніемъ на перси души праведной и оправдываютъ его употребленіе примѣромъ Спасителя, на персяхъ котораго на тайной вечери возлежалъ возлюбленный ученикъ Его, Іоаннъ Богословъ. Бывало, разсказывала эта женщина, пріѣдетъ къ намъ въ келейную ангельская душа, Никитинъ старецъ или кто другой; расположится въ моленной на скамьѣ, около образовъ... Ну, скажетъ, все ли, сестрицы, ладно у васъ?! Извѣстно, были между нами и грѣшницы, кои нарушали уставы настоятельскіе... Сейчасъ по глазамъ узнаетъ... Кайтесь, скажетъ, каянныя души!. И подходимъ бывало по единой къ нему на духъ. Кто окажется по его прозорливости и внушенію Господню чистой въ помыслахъ и на дѣлахъ, живетъ согласно уставамъ, ни одного грѣха не имѣетъ за собой, того милуетъ сердечно—на ручку полагаетъ, бѣлыя тѣлеса лобызаетъ, въ объятія заключаетъ... А покостницы плоти бывало смиренно стоятъ у порога на колѣнахъ, душевно сокрушаются о своихъ грѣхахъ и слезно плачутъ, глядючи, какъ милостивно обходится ангельская душа съ сестрою, неимѣющею за собою ни одного грѣха. Больно значитъ на сердцѣ, что не сподобляетъ настоятель и ихъ такою милостію... Потомъ дастъ наставленіе, какъ жить, соберетъ подарочки, позволитъ пожалуй записать какой-нибудь стишокъ изъ его чистыхъ устъ и уѣдетъ, заказавъ строго настрого держаться устава во всемъ.

А то вотъ еще про Ивана или Иванушку блажнаго, пророка и прозорливца. Этотъ старецъ былъ оченно охочь до нашей сестры, любилъ тѣлеса свои нѣжить около дѣвокъ. Этотъ бывало придетъ въ келлію, поздоровается и скажетъ безъ обиняковъ: такъ и такъ, грѣшницы мои убогія, кто изъ васъ желаетъ на духъ?! И пойдетъ съ кѣмъ-нибудь изъ келейницъ въ хлевъ или баню, полагать значитъ бѣлыя тѣлеса на ручку, и валяется тамъ иногда около сутокъ, а то и больше. То-же охотникъ былъ до бани. Омывать морщинистое тѣло его, распаривать его старыя кости ходили келейницы дѣвокъ до шести. Въ банѣ залезетъ на полокъ и только словъ отъ него: «Ну, мои возлюбленныя, потѣшьте вѣничками старца!» Отъ этого таки дѣвчонкамъ доставалось порядкомъ!.

Наконецъ тетка объявила мнѣ, что испытаніе надо мною Алексѣй Иванычь кончилъ и что меня скоро введутъ, какъ надѣющуюся, въ собраніе праведныхъ душъ, гдѣ свершатъ большое испытаніе предъ цѣльнымъ обществомъ. Это испытаніе называется пріемомъ.

Помню, былъ праздникъ. Рано поутру пришла къ намъ келейная отъ Даниловны съ вѣстію, что пріѣхали къ нимъ дорогіе гости, что въ этотъ день назначена у нихъ общая бесѣдка и мнѣ будетъ сдѣланъ пріемъ, что мнѣ даже назначены три пары для этого крестныхъ, кои воспримутъ меня отъ грѣшнаго міра, облекутъ въ праведныя одежды и введутъ въ общество ангельскихъ душъ.

Еще съ утра я по наставленію тетки надѣла на себя чистое мірское платье: бѣлую рубаху съ ситцевыми рукавами, ситцевый сарафанъ, голову повязала бѣлымъ коленкоровымъ платочкомъ. День цѣлый, помню, была я сама не своя, на сердцѣ такъ жутко-жутко было; спать ложилась—не спалось отъ страха великаго и голода, потому мнѣ въ этотъ день крохи не давали въ ротъ, даже воды испить. На вечеръ уже, предъ заходомъ такъ солнца, съ теткою и двумя воспріемницами, отправилась къ Даниловнѣ, у которой собрались дорогіе гости на вечерокъ стишковъ попѣть и принять меня въ свое общество.

Пришли въ келейную. Въ прихожей провожатые мои оставили меня одну, а сами отправились въ образную. Страхъ, какъ теперь помню, меня очень пробралъ, до лихорадки, даромъ что готовилась къ пріему долго и наторѣла порядкомъ не стыдиться. Спустя немного времени, вышла изъ образной тетка съ воспріемницей. Помню, тетка замѣтила въ этотъ выходъ, что я больно оторопѣла, и стала меня ласково ободрять. Ничего, говоритъ, ничего—это, говоритъ, нечистый тебя смущаетъ, это его сила на тебя такую торопь нагнала! Успокойся, укрѣпись душою, не плачь,—это все нечистый... Тѣмъ временемъ крестная подошла ко мнѣ, тоже поласкала и начала скидать съ меня мірское платье и надѣвать праведную рубаху съ узкими рукавами и синій сарафанъ. Сама, помню, надѣваетъ, а сама молитву творитъ о ризахъ позлащенныхъ, преиспещренныхъ. На ноги она надѣла мнѣ бѣлые чулки; голову повязала голубой повязкой, кокошничкомъ и дала въ руку бѣленькій платочекъ, свернутый въ трубочку, да при этомъ сказала: береги его на вѣки нерушимо — это знамена; крестъ, который былъ у меня на шеѣ отъ крещенія, сняла, а въ замѣнъ его надѣла другой съ сіяніемъ мѣдный, величиною въ вершокъ, на красномъ гайтанѣ; въ косу вплела бѣлый гарусный снурокъ.

Когда я переодѣвалась, въ образной, какъ слышно было, праведныя души пѣли стишокъ:

По родамъ дѣва ходила,
Изъ родовъ роды брала
И людей къ Богу звала...

Предъ тѣмъ временемъ какъ ввести въ собраніе, вышла изъ образной вторая воспріемница съ хлѣбомъ и солью и сказала, обратясь ко мнѣ: праведныя души, по молитвамъ старцевъ и милосердію матери Царицы Небесной, отверзаютъ тебѣ двери къ Богу; иди чрезъ нихъ съ миромъ отъ міра, гдѣ властвуетъ сила грѣха на погибель людей. Покропили онѣ тутъ меня изъ ковша праведной водой, дали немного воды изъ него-же освѣжить лицо и испить три раза, то-же испили этой воды и крестныя съ теткой. Потомъ вышелъ крестный, Иваномъ звали, съ иконою Божіей Матери и съ тремя зажжонными свѣчами восковыми. Осѣнилъ онъ меня тутъ три раза крестнымъ знаменемъ и началъ читать молитву: милосердія двери отверзи намъ... Третья воспріемница изъ образной отворила дверь и мы вошли: крестный шолъ впереди съ иконою и свѣчами, я за нимъ, а сзади меня двѣ воспріемницы. Въ то время когда крестный подошолъ къ столу и поставилъ на него икону, меня приняла у порога образной третья воспріемница; другія обѣ стали около меня по сторонамъ.

Въ келейной было чинно все; праведныя души, собравшіяся на бесѣдкѣ и для принятія меня въ свое общество, сидѣли по степенямъ: въ переднемъ углу на лавкѣ—богоподобные, поодаль отъ нихъ ангелоподобныя, къ порогу ближе—праведныя. Богоподобными были главные учители вѣры, иначе старцы, пророки; ангелоподобныя—келейницы дѣвки, праведныя—бабы. Всѣхъ было человѣкъ четырнадцать. Всѣ они были въ простомъ обыкновенномъ одѣяніи, какое положено носить на міру. Въ рукахъ каждой праведной души было по одной горящей свѣчѣ. Свѣтъ, толковала мнѣ тетка, означаетъ въ этомъ случаѣ то, что человѣку, поворачивающему съ пути прежняго на новый путь, дѣлается доподлинно видно, что новый путь, которымъ онъ хочетъ идти къ спасенію, есть путь истинный, праведный, прямой, оберегаемый отъ нечистаго ангельскими душеньками, во свѣтѣ-духѣ.

Между тѣмъ, когда приняла меня воспріемница, праведныя души встали съ мѣстъ своихъ и продолжали пѣть стишокъ:

По родамъ дѣва ходила...

Я поклонилась собранію въ ноги, воспріемницѣ въ поясъ. Послѣ этого праведныя души сѣли, воспріемницы поставили на столъ хлѣбъ и соль и возвратились ко мнѣ. По наставленію одной изъ нихъ я стала на колѣна, сложила крестообразно на груди руки и опустила внизъ голову.

Пропѣли пѣсню. Главный пророкъ, сидѣвшій въ переднемъ углу на первомъ мѣстѣ, взялъ со стола икону Божіей Матери, подошолъ ко мнѣ и поднялъ ее надъ моею головою. Окрестивъ ею меня, онъ началъ читать въ слухъ молитву, въ которой говорилось, что Царь Небесный, какъ чадолюбивый отецъ, до того возлюбилъ родъ людской, что оставилъ безъ надзора девяносто девять вѣрныхъ рабовъ и пошолъ отыскивать на распутія міра одного раба заблудившагося, но не совсѣмъ еще погибшаго для царства небеснаго.

По выслушаніи молитвы, я по приказанію пророка встала, бросила на полъ передъ собою подручникъ и положила три земныхъ поклона на икону Божіей Матери; потомъ повернувшись на одной ногѣ три раза и столько же разъ плюнувъ на дверь, за которою предполагался нечистый, кланялась въ ноги главному пророку, богоподобнымъ, ангелоподобнымъ и праведнымъ, произнося предъ каждымъ лицомъ: боги вы мои боги, примите меня за-едино. На мою просьбу каждый, кому я кланялась, ласково отвѣчалъ: примемъ тебя за-едино, будешь носить вмѣстѣ съ нами платье лебедино. Готова-ли только?.. Я отвѣчала на эти слова, что готова и что отвѣтъ дамъ по чистой совѣсти, о чемъ меня спрашивать будутъ. Божія Матерь моя порука, говорила я.

Когда я кончила поклоны предъ всѣмъ собраніемъ, меня воспріемницы опять отвели къ порогу и поставили на колѣна, чтобы дать клятву на принятіе и храненіе праведной вѣры. Ко мнѣ въ это время подошолъ пророкъ, прочиталъ надъ моею головою молитву, наклонился и сказалъ: подай мнѣ крестъ. Я сложила пальцы правой руки большимъ крестомъ (раскольническимъ) и подала ему въ руку. Онъ взялъ и поднявъ вверхъ началъ спрашивать меня:

Обѣщаешься-ли замужъ не ходить и жить по уставу ангельскому, вѣровать такъ, какъ научена будешь своими крестными?

Ей, боже, говорила я, обѣщаюсь отъ самой утробы своей.

Дай Господи. Обѣщаешься-ли крестнаго и крестную почитать и слушаться больше отца и матери?

Ей, боже, отвѣчала я, обѣщаюсь отъ самой утробы своей.

Дай Господи. Обѣщаешься-ли на клятвѣ предъ богами носить ру-

башечки бѣленькія, сарафанчики синенькіе, поясочки красненькіе, платочки бѣленькіе?

Ей, боже, обѣщаюсь отъ самой утробы своей.

Помоги тебѣ Господи и мать Пресвятая Богородица! Обѣщаешься ли про это дѣло никому не сказывать: ни отцу, ни матери, ни брату, ни сестрѣ, ни сродникамъ своимъ?

Ей, боже, обѣщаюсь отъ самой утробы своей.

Дай тебѣ Господи. Если будутъ тебя огнемъ жечь, кнутомъ сѣчь, топоромъ рубить и ножомъ рѣзать, обѣщаешься–ли и тогда никому ничего не сказывать?

Ей, боже, обѣщаюсь отъ самой утробы своей.

Помоги тебѣ Царица Небесная. Кому-же ты обѣщаешься предъ обществомъ?

Самой Матери Божіей, Заступницѣ моей.

Ну, говоритъ, если самой Матери Божіей, то встань, подойди къ ней и поцѣлуй.

Я встала, подошла и поцѣловала икону; также хлѣбъ и соль.

Послѣ клятвы прочиталъ надо мною еще молитву и испытывалъ меня, знаю–ли я молитвы и такъ–ли праведно вѣрую, какъ подобаетъ ангельской душѣ, хотящей спасти душу свою отъ сѣтей нечистаго и войти въ царство небесное?

Я отвѣчала, что спасенія хочу и ищу Бога.

Ну, говоритъ, прочитай если такъ молитву: Господи Іисусе Христе, сыне Божій...

Я прочла, какъ знала.

Не такъ, говоритъ. Нужно читать вотъ какъ: Господи Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Государь свѣтъ, помилуй насъ! Аминь.

Херувимскій стишокъ прочитай.

Я прочитала: Иже Херувимы, тайно образующе и животворяще.

Эту, говоритъ, такъ читаешь; только, говоритъ, при чтеніи всегда нужно приговаривать: иже херувимы... а мы-то, Государь батюшка, государь свѣтъ, неженимые и есть самые херувимы!

Молитву Іисусову читай!

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ....

Не такъ, говоритъ. (*) Нужно читать: отче нашъ... ты, Батюшка,

(*) Молитвы искажаются и въ своемъ разумѣ измѣняются, оставляемое-же въ нихъ цѣлымъ оставляется въ обольщеніе... И не одна простота и невѣжество обличаются при томъ, а насиліе; какая жалость!

Арх. Мак.

не вотчишь нашъ, ты, Государь, не вотчимъ нашъ, помилуй насъ.

Царскій стишокъ читай!

Я прочитала, какъ знала прежде.

И этотъ стишокъ, говоритъ, не такъ слѣдуетъ читать. Ты говори: Царю невѣста, Утѣшителю душа истинна, иже вездѣ сый... Ты, говоритъ, теперь должна уже вѣровать и молиться по праведному, а не какъ мірская. Если, говоритъ, по мірскому будешь молиться, съ мірскими вмѣстѣ и будешь колесить по дорогамъ нечистаго и придешь съ нимъ въ таръ-тарары. Жизнь твоя теперь должна быть ангельская, какъ наставитъ и просвѣтитъ тебя крестной твой, отъ самаго Батюшки Небеснаго тебѣ уставленный. Во всемъ ему слушайся, всегда ему отвѣтъ и послушаніе дай, потому онъ твой, послѣ Царицы Небесной, заступникъ и хранитель отъ отравы нечистаго.

Почелобитствовать, говорилъ онъ потомъ, тебѣ теперь надо предъ святыми душами просьбой о просвѣщеніи и какимъ ни на есть подаркомъ. Всяко, говоритъ, дѣло, а особенно царское о спасеньи, надо сообща и съ помощію другъ другу дѣлать. На то, говоритъ, отъ самаго Господа и уставленъ уставъ праведный. Какое-же твое челобитье будетъ?

Я подала старцу рубль пять копѣекъ и девять аршинъ самотканнаго полотна, проговорила желаніе о просвѣщеніи и наклонила голову (*).

Святыя души, проговорилъ старецъ, кланяется вамъ грѣшная душа! Грѣшную душу просвѣтите, тѣло бѣлое освятите!

Грѣшную душу просвѣтимъ, тѣло бѣлое освятимъ, отвѣчали въ одинъ голосъ святыя души.

Затѣмъ изъ среды богоподобныхъ душъ встала со скамьи одна святая душа—карявый и курносый старикашка, лѣтъ подъ шестьдесятъ, въ старыхъ лаптищахъ и рваномъ полушубкѣ, и сказала гнусливымъ голосомъ: если завгодно будетъ святымъ душамъ, я грѣшную душу просвѣщу, тѣло бѣлое освящу!.. Видно этой святой душѣ особенно

(*) О челобитьѣ, слышали мы, монтаны сообщаютъ въ Москву, гдѣ находится будто-бы главная резиденція сектантской святыни. Передается въ Москву вмѣстѣ съ челобитьемъ и подарокъ. Дѣло это большею частію исполняетъ кто-нибудь изъ коноводовъ секты разъ въ годъ, или кто-нибудь изъ келейницъ опытныхъ. Путешественники выправляли себѣ путевой билетъ на поклоненіе мощамъ преподобнаго Сергія или подъ предлогомъ извоза. *Авт.*

по сердцу пришлось мое бѣлое тѣло и хотѣлось освятить мою грѣшную душу, или можетъ быть оно тамъ такъ и нужно!..

Неженимыя души отвѣчали на слова старца: аминь.

Старецъ сѣлъ на скамью.

Въ это время подошла ко мнѣ одна изъ крестныхъ и сказала: приготовь, грѣшная душа, для святителя чистую пелену, значитъ — мужскую бѣлую длинную рубашку, которая нужна будетъ при освященіи имъ твоего тѣла и омытіи твоей грѣшной души.

Приготовлю, отвѣчала я. Затѣмъ сдѣлала поклоны на всѣ стороны образной и сказала: святыя души! почелобитствуйте обо мнѣ, грѣшной душѣ, матери Царицы Небесной.

Почелобитствуемъ, почелобитствуемъ, было мнѣ отвѣтомъ: съ миромъ изыди!

Я вышла въ переднюю образной въ сопровожденіи всѣхъ крестныхъ и сѣла на скамью, чтобы маленько пріотдохнуть отъ усталости, освѣжиться воздухомъ и придти въ себя, потому—ровно одурѣла отъ этого пріема.

Одумавшись немного, я сказала крестнымъ безъ обиняковъ: почто мнѣ назначили такого курносаго и стараго одѣвать въ бѣлую рубаху? Какъ-то, говорила я, душа моя претитъ, какъ подумаю, что онъ будетъ освящать мое тѣло бѣлое! Вѣдь я ему во внучки гожусь!

На это тетка мнѣ проговорила: по мірскому, говоритъ, думаешь, Ольгуша. Нужно, говоритъ, тебѣ теперь сполнять то, что святыя души скажутъ. Своей воли не имѣй, когда хочешь душѣ спасенья. На то вѣдь и уставленъ законъ. (*) А все это, говоритъ, оттого что вражья сила сильна, которая мутитъ твои помыслы! Тебѣ, примѣромъ сказать, слѣдуетъ сдѣлать такъ, а она свое тебѣ суетъ; ты по божескому, а она по своему!.. Никитушка, что тебѣ не показался, святая душа, какой на рѣдкость поискать на бѣломъ свѣту. Его вѣрушка сильна у батюшки Отца Небеснаго. Ну, значитъ, врагъ-то на него зубы и пялитъ и тебя подъускиваетъ противъ него!.. А ты, говоритъ, такъ приспоравливайся, чтобы плоть твоя во всемъ была съ душой согласна; тогда и спасенье будетъ при тебѣ! Никитушка вѣдь на уставахъ святыхъ праведность стяжалъ; значитъ имѣетъ ангельскую душеньку. Вотъ и держись за его святость. Сама увидишь послѣ: съ тебя пойдутъ грѣхи, какъ съ рыбы чешуя.

(*) Д. Петр. 2,19.

Я молчала. Что ни говори, думала я, а Никитушку мнѣ дали—душа моя не принимаетъ его!..

Въ образной между тѣмъ святыя души, переодѣвшись въ радѣльныя рубахи, пѣли стишки; приготовливались, значитъ, почелобитствовать обо мнѣ Матери Царицѣ небесной. Старцы пѣли: «Прикати къ намъ, батюшка Государь, со большимъ кораблемъ! Сталъ батюшка Государь свой корабль снаряжать. Пригрянулъ нашъ батюшка со большимъ кораблемъ ко крутому бережку. Сталъ батюшка свой корабль выгружать». Подъ этотъ стишокъ праведницы въ источный голосъ подпѣвали: «Дай намъ, Господи, дай Іисусъ свѣтъ Христосъ, дай намъ сына, сударь? Боже, помилуй насъ»!...

Вдругъ, слышимъ, пѣніе быстро пріостановилось; въ образной ровно все замерло. Крестныя и тетка переглянулись между собой и вытянули шеи... Я тоже, глядя на нихъ, оторопѣла. Въ это время тихонько кто-то изъ образной подалъ голосъ: поставленъ–ли дозорный около келліи? Одна изъ крестныхъ отвѣчала:—Какъ–же, поставленъ. А что?—Да кто-то подъ окномъ громко огаркнулъ и теперь стучится въ ставень. Не быть-бы бѣдѣ на грѣхъ!

Послышались шаги около двери прихожей, которая ведетъ на дворъ, и сильный стукъ въ нее... Потомъ голосъ услыхала я снаружи: отпирай!

Поднялась тутъ въ келліи во всей булга—не приведи Господи! Изъ образной въ переднюю повыскочили всѣ святыя души—старцы, бабы, дѣвки, всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ, распоясанныя, съ знаменами въ рукахъ, и начали метаться изъ стороны въ сторону и прятаться кто куда смогъ и куда угодилъ: кто за кули, которые стояли въ прихожей, кто подъ лавку за кадушки, кто куда. Я вмѣстѣ съ теткой вскочила мигомъ на подволку и спряталась за трубу, прикрывшись какимъ–то мочаломъ.

Сдѣлалось скоро тихо во всей келейной, только раздавался сильный стукъ въ дверь снаружи и голосъ: отворите, отворите!

Ну, тутъ ужъ я хорошенько не могу припомнить, что было, потому испугалась такъ, что душеньку мою захватывало, морозъ ходилъ по всему тѣлу и поджилки тряслись не на животъ, а на смерть. Сколько времени пролежала я въ безпамятствіи, сказать вѣрно не умѣю; помню только, что одинъ изъ старцевъ, притаившійся вмѣстѣ со мною подъ рогожу за трубой, уговаривалъ меня не показывать правды, если будетъ мнѣ допросъ какой, и говорить только одно, что спряталась потому, что боялась лихихъ полунощныхъ людей, а въ

келейную пришла съ теткой посидѣть на вечерокъ... Тетка-де сама съумѣетъ отвѣтъ дать, зачѣмъ пришли!.. Только, говоритъ, и тверди.

И вытащили меня тутъ, помню я, грѣшную душу, за ноги изъ за трубы, ровно лиходѣйку какую, и велѣли сойти внизъ, со всѣми тѣми, кто на подволокѣ спрятался,—допросъ значитъ дѣлать!

Внизу былъ батюшка о. благочинный и нѣсколько стариковъ понятыхъ. На всѣхъ насъ, помню, лица не было, потому больно оторопѣли. Слово за слово—переписали намъ тутъ имена и прозвища какъ слѣдуетъ, а пріѣзжихъ гостей живьемъ забрали съ собой и посадили, какъ узнала я послѣ, въ холодную подъ строгій караулъ.

Спрашивали и меня, что молъ за персона такая? Я отвѣтъ дала: такъ и такъ молъ, я вмѣстѣ съ теткой своей какъ есть!..

Какъ только покончили они съ нами дѣло и ушли, я принялась плакать.

4

ЕЩЕ РАЗСКАЗЪ

Въ приходѣ, гдѣ я открылъ монтанскую секту, послѣдователей ея называютъ *вертячими*. Частыя сходбища прихожанъ въ однѣ и тѣже келліи, преимущественно по вечерамъ въ праздничные дни, подали мнѣ поводъ секретно наблюдать, какъ лично, такъ и чрезъ посредство довѣренныхъ мнѣ людей, за образомъ жизни келейницъ и тѣхъ изъ крестьянъ, которые особенно учащаютъ въ келліи.

Посредствомъ частныхъ дознаній узналъ я, что сектанты для богослуженія собираются то въ одну келлію, то въ другую, соблюдая постоянно чередъ, чтобы такимъ образомъ отстранить отъ себя всякія подозрѣнія, и что въ условленные дни пріѣзжаютъ на моленіе въ келліи изъ другихъ уѣздовъ крестьяне, даже изъ сосѣднихъ губерній.

Изъ этихъ дознаній узналъ я также, что преимущественно сектантства придерживаются тѣ изъ крестьянъ, которые постоянно ходятъ въ церковь, прислуживаютъ въ алтарѣ, дѣлаютъ денежные вклады на украшеніе храма, заискиваютъ благосклонное вниманіе духовенства и людей вліятельныхъ.

Монтанъ особенно много было въ томъ округѣ, который ввѣренъ былъ моему смотрѣнію. Это обстоятельство помогло мнѣ вывести сектантовъ на свѣжую воду.

Мнѣ уже извѣстны были нѣсколько сущность ереси монтанъ, обрядовая сторона богослуженія и образъ жизни сектантовъ. Но поговорить съ сектантами о ереси я не имѣлъ случая и повода, хотя со многими имѣлъ дѣло по своей должности и по дѣламъ хозяйства. Замѣтилъ только, что они очень ласковы, добродушны, привѣтливы... Это обстоятельство и недостатокъ прямыхъ уликъ противъ ереси и отклоняли меня приступить прямо къ дѣлу.

Въ келліяхъ я бывалъ много разъ. Особеннаго ничего не замѣтилъ; напротивъ—обстановка жизни келейницъ говорила въ пользу ихъ. Не нареканіе-ли это, приходило мнѣ иногда въ голову, на келейницъ со стороны лицъ неблагонамѣренныхъ?

Такъ я наблюдалъ за сектантами долго и выжидалъ только случая приступить рѣшительно къ открытію ереси.

Случай этотъ наконецъ представился. Дѣло было вотъ какъ. Крестьянинъ д. Маковки, по фамиліи Сидоровъ, пріѣхалъ какъ-то въ праздникъ къ намъ въ село, за какими-то покупками для хозяйства. Какъ хорошо знакомый мнѣ человѣкъ, онъ зашолъ ко мнѣ. Говорили разумѣется о хозяйствѣ, о томъ, о семъ. Договорились наконецъ и до того, что въ деревнѣ, гдѣ онъ живетъ, много келейныхъ развелось и что келейницы, какъ ходитъ народная молва, держатъ свою какую-то вѣру.

— Много, говорилъ онъ, эти шельмовки дѣлаютъ на деревнѣ пакости, все больше тѣмъ, что баламутятъ и сбиваютъ съ толку молодухъ и растроиваютъ наши семейства. Вотъ къ примѣру—сбили съ толку и у меня дѣвчонку. Вѣдь ничего не подѣлаешь съ ними, кромѣ только что нагрѣшишь! Взялъ я это ее къ себѣ по сиротству ея; хотѣлъ значитъ вспоить и вскормить и выдать въ замужество. Такъ таки и отбилась отъ рукъ, потому ни какихъ резонтовъ не принимаетъ на умъ! Болтаетъ тебѣ одно: не хочу на міру жить, хочу въ черничкахъ спасать свою душу, да и все тутъ!.. Посодомился, посодомился это съ нею, да и отпустилъ на всѣ на четыре стороны спасать самое себя отъ бѣса лукаваго. Теперь въ черницы поступаетъ въ келлію Даниловны; ужъ и приводъ ей, слышалъ я, назначенъ и старецъ какой-то, набольшій ихъ богъ, для этого откуда-то пріѣхалъ и Иванушка блажной у насъ въ Маковкѣ появился, ровно изъ земли выросъ, и разъѣзжаетъ по улицамъ на хворостинѣ верхомъ. Значитъ скоро будетъ важная у нихъ бесѣдка и плясъ! Это вѣрно.

— Если то правда, что ты, Петровичъ, мнѣ сказалъ, то я прошу тебя помочь мнѣ—накрыть ихъ съ поличнымъ какъ слѣдуетъ. Со-

гласенъ-ли будешь только? Давно-таки я добираюсь до этихъ клянчугъ попрошаекъ и развратителей вашихъ семействъ.

— Какъ вашей милости угодно будетъ, а я отъ этого дѣла непрочь. Вѣдь кромѣ срамоты да соблазна, толку отъ нихъ ни какого. Извести-бы ихъ надо, только ваша милость какъ посовѣтуете обдѣлать это дѣльце? я скажу вамъ по божескому—не прочь отъ него. Что-же въ томъ, что вина не пьютъ и намъ запрещаютъ и гнушаются нашихъ праздниковъ?. За то онѣ соблазнъ чинятъ въ нашихъ семействахъ, потому—наши дѣти и бабы имъ поперегъ горла стали, ихъ онѣ сбиваютъ съ ума-разума! А это хуже... Только какъ-бы отъ станового чего не было? Наѣдетъ вотъ и пойдетъ давить тамъ! А мы что?—мы мужики!

На счотъ станового я его успокоилъ и научилъ, какъ обдѣлать дѣльце: условился съ нимъ когда свидѣться, кого оповѣстить; однимъ словомъ—уговорился какъ слѣдуетъ, наказавъ ему строго на строго не дѣлать суматохи и особенно огласки на деревнѣ.

Въ разговорѣ онъ между прочимъ передалъ мнѣ, что бесѣдка и приводъ въ вечеръ слѣдующаго воскреснаго дня.

Что сказано, то сдѣлано. Къ воскресенью я назначилъ себѣ выѣздъ изъ дома по дѣламъ службы въ одно село, на пути въ которое приходилась д. Маковка. Пріѣздъ въ нее я пріурочилъ къ вечеру праздника.

При выѣздѣ захватилъ на случай съ собою старшину, объяснивъ ему предварительно причину нашего поѣзда.

Была уже ночь, когда мы подъѣхали къ д. Маковкѣ. Въ околицѣ встрѣтилъ насъ крестьянинъ Петровичъ съ тремя выборными стариками.

Петровичъ объяснилъ мнѣ, что у келейницъ дѣйствительно бесѣдка сегодня и именно въ келліи Даниловны и что вѣрно то, что будетъ въ эту бесѣдку приводъ его крестной.

Оставивъ за околицей экипажъ, отправились мы незримыми дорожками къ келліи Даниловны. Ночь была темная—небо кругомъ обложило сплошными тучами и накрапывалъ небольшой дождь. Время значитъ къ ловлѣ святыхъ душъ подошло самое удобное!

Такимъ образомъ добрались мы до двора, въ которомъ находилась келлія Даниловны и гдѣ совершалась, по разсказамъ Петровича, желанная бесѣдка святыхъ и праведныхъ душъ.

Осмотрѣли тутъ мы дворъ, келлію... Оказалось, все обстоитъ благополучно—кругомъ ни души, ни шума; даже лая собакъ на де-

ревнѣ не было слышно. Въ келліи, едва замѣтно было—тускло мелькалъ чрезъ щель ставня огонекъ. Подобрались мы тутъ со всѣми предосторожностями, по одному, съ задовъ двора къ окну и прислушались, не слышно-ли въ келліи говора, пѣсень, лошадинаго гоготанья или чего другого, что бываетъ на бесѣдкахъ у святыхъ душъ, и услышали, что праведныя души что-то нескладно поютъ, но что — разобрать положительно было невозможно за страшной разладицей въ голосахъ и самой манерѣ пѣнія. Очевидно теперь было, что въ келліи народу было много и совершалась монтанская бесѣдка съ приводомъ. Оставалось только съ поличнымъ открыть собесѣдниковъ и приводниковъ на мѣстѣ преступленія.

Я постучался въ ставень окна. Въ келліи въ одно мгновеніе гамъ и пѣніе смолкли, но не надолго, потому что радѣльщики, какъ замѣтно было изъ шума, затворенія и отворенія двери, засуматошились. Постучали въ дверь—не отворяютъ; стали требовать, чтобъ насъ пустили—опять молчаніе. Наконецъ, окликнувъ, кто мы и за чѣмъ безпокоимъ угодницъ Божіихъ въ такое позднее ночное время, отдернули засовъ и отворили двери.

Одна изъ келейницъ посвѣтила намъ свѣчой и провела въ сѣни келейной. Въ передней встрѣтили насъ еще три келейницы.

— Что у васъ тутъ было?—спросилъ я.

— Ничего, ваша милость, не было, видитъ Богъ ничего!

— А ужъ мы какъ испугались, когда вы стали къ намъ стучаться... Такъ испугались, такъ испугались, что не преведи Господи, оборони Матерь Божія! Думали, что пришли не съ добромъ лихіе люди, потому—ночь теперь темная, всякаго народа много теперь шатается съ дурными промыслами. Вотъ и намеднись—тоже напугались: извѣстно женщины—что́ подѣлаешь съ лютымъ человѣкомъ? Убьетъ тебя ни за что, ни прочто! Сидимъ это мы...

Я не сталъ слушать этой болтовни плутовской, отправился со свѣчой прямо въ горенку.

Въ ней была невыносимая духота и зловоніе. Около двери прижались къ стѣнѣ келейница и двѣ дѣвки изъ деревни; на подмосткахъ въ боковой комнатѣ, отгороженной отъ образной досчатой переборкой, лежала сама Даниловна, покрытая юбкой, и болѣзненно стонала.

— У насъ вотъ, кормилецъ, сестрынька что-то нездорова, предупредила меня келейница со свѣчой:—все стонаетъ отъ великой болѣсти.

Вотъ ужъ девятый день какъ ей, родимой, попритчилось; не токма́ хлѣба, воды въ ротъ не беретъ!. Такая на́пусть на нее!

— А эти зачѣмъ здѣсь? спросилъ я, указывая на дѣвокъ.

— Да вотъ узнали о немочи матушки нашей и пришли посидѣть ноченьку, потому съ-родни и уваженіе имѣютъ къ ней, старому человѣку.

— Если больной у васъ человѣкъ, зачѣмъ-же пѣсни вы пѣли?

— Мы, ваша милость, пѣсень никакихъ не пѣли, потому пѣсни пѣть грѣхъ, а вели благую бесѣду—это такъ, а пѣсень... нѣтъ, пѣсень не пѣли.. Тебѣ може показалось такъ, потому болѣзная стонаетъ..

На вопросъ мой: всѣ–ли келейницы на лицо и нѣтъ–ли кого у нихъ изъ постороннихъ? — отвѣчали увѣренно, что изъ постороннихъ нѣтъ никого.

Больная продолжала стонать. Я обратился къ ней съ вопросомъ, что у ней болитъ. «Все немочь, отвѣчали она, накатило — вздохнуть не могу...

Сдѣлали обыскъ. Оказалось, что гдѣ только была возможность укрыться—въ чуланѣ, подъ лавками, на печи, на подволкѣ, — вездѣ сидѣли праведныя души! На мужикахъ были надѣты длинныя бѣлыя рубахи, длиною на четверть съ небольшимъ отъ полу, съ широкими рукавами; опоясаны они были красными тонкими гайтанами. Точно также были одѣты женщины, съ тѣмъ отличіемъ отъ мужчинъ, что головы у нихъ были повязаны чорными платками. Въ чуланѣ было много наготовлено кушанья.

Переписали мы тутъ имъ фамиліи; тѣхъ, которые оказались жителями другихъ уѣздовъ и дальнихъ селъ, безпаспортныма́, старшина распорядился посадить подъ караулъ.

Остальную часть ночи провелъ я на квартирѣ.

В. Калатузовъ

РИМЪ

(Современный очеркъ)

У *Чивиты-Кастелано* оканчивается фламиніенская дорога, съ нею оканчивается и плодородіе почвы. Городъ *Непи*, до котораго достигаешь боковой дорогой, стоитъ на границѣ пустынной равнины, простирающейся до самаго Рима и носящей названіе *римской кампаньи* (Campagnia di Roma). Равнина эта поражаетъ своимъ безплодіемъ; деревья и кустарники, сначала низкіе и тощіе, становятся все рѣже и рѣже и наконецъ совершенно исчезаютъ; воздухъ наполненъ болотистыми испареніями, заражающими всю окрестность; даже самыя птицы какъ-будто торопятся перелетѣть скорѣе эту пустыню, на которой нѣтъ вѣтки, гдѣ бы онѣ могли отдохнуть. Повсюду тишина, все мертво кругомъ; на всемъ пространствѣ, которое можетъ обнять взоръ, нѣтъ ни одного жилища, обозначающаго присутствіе человѣка. Изрѣдка встрѣтится стадо буйволовъ и за нимъ на своей маленькой лошадкѣ одинокой *massaro* (пастухъ), закутанный въ чорный плащь, съ нахлобученной на глаза широкополой шляпой, съ длинной пикой въ рукѣ, исхудалый, измученный лихорадкой и похожій болѣе на мертвеца нежели на живое существо. Равнина эта—царство страшной *mal-aria*; она губитъ все и отъ нея нѣтъ ни лекарства, ни спасенія.

А было время, когда эта равнина отличалась такимъ же плодородіемъ какъ и другія страны Италіи. Кампанья римская была мѣстомъ, гдѣ богатые римскіе патриціи имѣли свои виллы и сады; въ ней воз-

вышались даже императорскіе дворцы. Здѣсь извѣстный Лукулъ давалъ свои роскошные обѣды и пиры, здѣсь пѣлъ Горацій... Все это было въ дни величія Рима; но послѣдній часъ его пробилъ; прошло нѣсколько вѣковъ,—роскошныя поля, посреди которыхъ течетъ Тибръ, отъ его разливовъ, несдерживаемыхъ разрушившимися плотинами, обратились въ болота, которыя съ каждымъ годомъ занимали все бо́льшее и бо́льшее пространство и наконецъ покрыли всю равнину до самыхъ возвышенностей *Терачины* и образовали знаменитыя *Понтійскія болота*. Вредныя, смертоносныя испаренія ихъ заразили воздухъ, и вся окрестность Рима сдѣлалась мертвой пустыней.

Дилижансъ, отправляющійся изъ Неаполя, пріѣзжаетъ обыкновенно въ Терачину около полуночи. Здѣсь почталіоны и кондукторъ надѣваютъ волчьи шубы для предохраненія себя отъ сырости и холода, который по дорогѣ черезъ Понтійскія болота чрезвычайно чувствителенъ. Многіе путешественники, не зная этого и не имѣя въ запасѣ теплой одежды, не нужной въ Неаполѣ, часто подвергаются сильной простудѣ и пріѣзжаютъ въ Римъ больными. Жестокія, упорныя лихорадки бываютъ слѣдствіемъ такой неосторожности.

Прекрасное шоссе пролегаетъ черезъ болота, но по сторонамъ его нѣтъ ни бургасъ, ни отдѣльныхъ жилищъ; только небольшіе каменные сараи, обозначающіе станціи, стоятъ одиноко; кругомъ все пусто и мертво. Дорога эта не совсѣмъ безопасна; шайки бандитовъ снуютъ по ней; но дилижансъ не боится ихъ; у него въ запасѣ есть охранный листъ, за который содержатель дилижансовъ въ Неаполѣ платитъ бандитамъ извѣстную сумму. Такъ было въ 1847—53 и 60 годахъ. Не знаю дѣйствительны ли теперь эти охранные листы противъ шаекъ бандитовъ *бурбонистскихъ*?..

Почти всѣ путешественники, посѣщающіе въ первый разъ Римъ, пріѣзжаютъ въ него проникнутые мыслію о древнемъ величіи этого города. Въ памяти ихъ невольно воскресаютъ всѣ громкія имена римскихъ героевъ и баснословные ихъ подвиги, о которыхъ они затвердили наизусть еще на школьной скамьѣ. *Луціи-Сцеволы*, *Манліи*, *Гракхи*, *Бруты*—невольно представляются ихъ воображенію, и они невольно думаютъ найти въ жителяхъ нынѣшняго Рима хоть какія-нибудь слѣды тѣхъ римлянъ, которые наполнили свѣтъ своею славой. Но заблужденіе это скоро проходитъ, и они удостовѣряются, что въ Римѣ нѣтъ римлянъ, а есть только римскіе итальянцы.

Дѣйствительно теперь въ Римѣ только въ одномъ трастеверин-

скомъ кварталѣ осталось немногочисленное племя, съ гордостью утверждающее, будто оно происходитъ прямо отъ древнихъ римлянъ, и потому всѣхъ другихъ называетъ *варварами*; все остальное есть разнородная смѣсь итальянцевъ изъ другихъ провинцій—Неаполя, Болоньи, Анконской мархіи и проч.

Въ Римѣ не только не осталось ничего похожаго на древнихъ римлянъ, но разочарованный путешественникъ не находитъ въ немъ даже и тѣхъ памятниковъ, о которыхъ тамъ много толковали ему въ дѣтствѣ. Капитолій, этотъ паладіумъ Рима, не существуетъ даже въ развалинахъ. Нынѣшнее зданіе, носящее это громкое названіе, построено Папой Павломъ III по рисункамъ Микель-Анжело; но оно далеко отъ того изящества, которымъ запечатлены другія его созданія. Знаменитая Тарпейская скала—теперь небольшая возвышенность, до которой надобно добраться черезъ грязный дворъ, застроенный сараями и конюшнями. Но если въ Римѣ нѣтъ теперь даже остатковъ древняго капитолія, за то форумъ съ его памятниками, тріумфальными арками, колизеемъ; ватиканъ съ его сокровищами искуствъ; соборъ св. Петра съ его громадностью, изяществомъ и богатствами; множество другихъ церквей и и базиликъ, дворцы римскихъ нобилей съ ихъ картинными галлереями—представляютъ каждому образованному человѣку столько предметовъ, что для изученія ихъ потребовалось бы много лѣтъ жизни. Описаніе всего замѣчательнаго въ Римѣ въ отношеніи древностей, памятниковъ искуствъ, не входитъ въ планъ нашей статьи; объ этомъ написаны цѣлые томы, которые не удовлетворяютъ никого; надобно быть самому въ Римѣ, видѣть все своими глазами, чтобы понять какая масса сокровищъ во всѣхъ родахъ собрана въ немъ. Оставимъ же все это и обратимся къ народу римскому, къ его обществу и къ правительству, которое тамъ владычествуетъ.

Лѣность, праздность и безпечность—отличительныя черты всего римскаго народа. Бо́льшую часть дня римлянинъ проводитъ въ совершенномъ бездѣйствіи; всякой трудъ для него величайшее наказаніе. Когда начнетъ спадать дневной жаръ, народъ высыпаетъ на улицы, наполняетъ остеріи (кабаки), сбирается толпами у палаццо Фіано, глазѣетъ на представленія маріонетокъ, хохочетъ надъ фарсами *Касандрино*, бѣгаетъ за уличными фокусниками, шумитъ, болтаетъ безъ умолку и кривляется до невѣроятности. Итальянцы вообще очень рѣзки въ движеніяхъ; но въ римской черни это доведено до крайнихъ предѣловъ.

Нищимъ нѣтъ счота; они бродятъ толпами и раздѣлили весь го-

родъ на участки, гдѣ свободно занимаются своимъ ремесломъ. У каждой церкви, у подъѣздовъ дворцовъ, гдѣ есть какія-нибудь рѣдкости или галлереи; въ колизеѣ, на форумѣ, на корсо,—вездѣ гдѣ только завидятъ порядочно-одѣтаго человѣка, особенно иностранца, котораго узнаютъ по чутью, преслѣдуютъ его просьбами, жалобами и криками; выставляютъ на показъ язвы и раны, бо́льшею частью поддѣльныя, и отстанутъ только тогда, когда имъ бросятъ нѣсколько *баіоковъ*. Полиція оставляетъ имъ полную свободу надоѣдать прохожимъ не вмѣшивается въ ихъ дѣла и при удобномъ случаѣ сама готова протянуть руку.

Религіозныя процесіи, которыхъ въ Римѣ такое множество, составляютъ главную забаву народа. Онъ стекается смотрѣть на нихъ не по чувству благочестія, а по страсти къ зрѣлищамъ, какого бы рода онѣ ни были. Неспособный ни къ чему возвышенному, онъ при всякомъ случаѣ готовъ предаваться чувственнымъ наслажденіямъ, и чтобъ удостовѣриться въ этомъ, надобно видѣть его въ безчисленныхъ остеріяхъ, разсѣянныхъ по городу, гдѣ пьянство, неблагопристойная пляска, пѣсни и разные пороки проявляются во всей своей наготѣ.

Воровство и мошеничество сильно развито во всей массѣ народа. При малѣйшей неосторожности исчезаютъ у прохожаго кошельки и платки; нигдѣ торгаши и даже купцы въ лавкахъ не обманываютъ покупателей такъ хитро и искусно какъ въ Римѣ; они удивительно ловко умѣютъ сбывать самые дрянные мозаики, камеи и картины за вещи цѣнныя и оригинальныя, и имъ на удочку попадаются часто даже люди очень свѣдущіе въ искуствахъ и живописи.

Но не одна чернь причастна всѣмъ этимъ порокамъ,—все римское общество болѣе или менѣе заражено тяжолымъ нравственнымъ недугомъ. Нигдѣ любостяжаніе, сластолюбіе, корысть, гордое чванство и публичный развратъ не проявляются такъ сильно какъ въ Римѣ; о суевѣріи и невѣжествѣ и говорить нечего.

Гдѣ же причина такого нравственнаго упадка цѣлаго народа, гдѣ корень всего зла?

Въ самомъ папствѣ, въ формахъ гражданскаго и политическаго устройства.

Политика папъ всегда старалась поддерживать праздность народа установленіемъ множества праздниковъ, религіозныхъ процессій и церемоній. Она съ упорствомъ сопротивлялась успѣхамъ всякаго образованія и преслѣдовала развитіе всякой новой мысли. Съ непреклон-

ностью слѣдовала она системѣ обскурантизма и всѣми средствами старалась поддерживать суевѣріе и невѣжество народа. Къ этому надобно прибавить: нравственное развращеніе множества прелатовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся власть и которые явно ведутъ жизнь предосудительную не только для членовъ церкви, но и для мірянъ. Своекорстіе и продажность судовъ, гдѣ сильный всегда правъ, а слабый виноватъ; отправленіе богослуженія на непонятномъ для большинства языкѣ; наконецъ продажа индульгенцій, разрѣшающихъ не только всѣ прежніе, но и будущіе грѣхи... Возможно–ли, чтобъ при всѣхъ этихъ условіяхъ не развратился народъ, по природѣ чувственный и лѣнивый?

Нѣтъ страны въ мірѣ, которая страдала бы такъ долго и такъ много подъ гнётомъ религіознаго фанатизма, какъ несчастная папская область. Порабощенная болѣе тысячи лѣтъ власти гордаго, развращеннаго духовенства, она въ продолжительной и страдальческой агоніи видѣла, какъ погибали всѣ ея надежды и вѣрованія, и дошла наконецъ до того, что утратила все, даже чувство своего національнаго достоинства.

Церковь римская съ своимъ высокомѣріемъ, гордостью и нетерпимостью долго владычествовала деспотически почти надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Время, усиленіе монархической власти въ другихъ государствахъ, а болѣе всего реформація—положили нѣкоторый предѣлъ этому вліянію. Но народы, непосредственно подвластные папскому престолу, остались по прежнему подчиненными его деспотизму, который довелъ ихъ наконецъ до самаго позорнаго нравственнаго униженія.

Въ первые вѣка христіанства, когда послѣдователи св. апостоловъ проповѣдывали высокое ученіе, завѣщанное имъ учениками Спасителя; когда на мѣстѣ каѳедры св. Петра не создался еще престолъ папской, Римъ является міру святымъ, почти божественнымъ. Онъ дѣйствуетъ благодѣтельно на народы, на самую цивилизацію; одни божественные интересы руководятъ его и онъ свято помнитъ слова Спасителя: *Царство мое нѣсть отъ міра сего.*

Это Римъ апостольскій, духовный,—тотъ, который былъ для человѣчества свѣтильникомъ вѣры, любви и надежды.

Вѣка проходятъ, и другой, новый Римъ является на мѣстѣ прежняго.

Это Римъ чувственный, матеріальный, забывшій все небесное и преданный только однимъ земнымъ интересамъ.

Въ эпоху Рима апостольскаго епископъ Римскій, не озабоченный

никакими мірскими дѣлами, могъ все время посвящать своей духовной паствѣ и дѣйствовалъ на нее всегда благодѣтельно. Цѣлый рядъ епископовъ, занимавшихъ римскую каѳедру въ первые вѣка христіанства, отличался благочестіемъ и святостью жизни: смиреніемъ и добродѣтелями они подавали добрый примѣръ и привлекали въ лоно новой церкви множество язычниковъ.

Въ послѣдствіи, когда столица имперіи была перенесена изъ Рима въ Византію, епископъ Римскій по своему положенію и по покровительству, оказываемому императоромъ Константиномъ церкви Христовой, получилъ значительнѣйшее вліяніе на всѣ дѣла, не только духовныя, но и мірскія; однако несмотря на отсутствіе императора, не забывалъ слово Спасителя: *воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божіе Богови* и все-таки признавалъ себя подданнымъ своего государя. Какъ патріархъ всего запада, находился онъ въ постоянномъ общеніи съ патріархами востока, не величаясь предъ ними старѣйшинствомъ своей каѳедры, утвержденной за нею потому только, что она была долго каѳедрой столицы царской, и церковь Христова, руководствуясь въ своемъ управленіи и въ своихъ догматахъ Вселенскими соборами, находилась въ согласіи и могла дѣйствовать благодѣтельно на все человѣчество.

Но уже съ третьяго вѣка начинаетъ проявляться въ епископахъ римскихъ духъ гордости и властолюбія, развившійся въ послѣдствіи въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ.

Первые двѣнадцать римскихъ епископовъ, начиная съ св. Лина, рукоположеннаго въ епископы не апостоломъ Петромъ, какъ утверждаетъ римская церковь, а апостоломъ Павломъ, до Виктора I, были по истинѣ святыми представителями церкви Христовой и не превозносились первенствомъ своей каѳедры, на томъ основаніи, что она была учреждена верховнымъ апостоломъ Петромъ; ибо на востокѣ была другая каѳедра, Антіохійская, учрежденная гораздо прежде тѣмъ же апостоломъ и занимаемая имъ самимъ около семи лѣтъ. Папа Викторъ, первый по имени, первый хотѣлъ присвоить себѣ власть, ему не принадлежащую, и замыслилъ отлучить отъ церкви св. Поликарпа епископа Ефескаго, нехотѣвшаго подчиниться опредѣленію помѣстнаго римскаго собора, на которомъ Викторъ установилъ время празднованія пасхи, въ противность обычая, наблюдаемаго всѣмъ востокомъ, и только вмѣшательство св. Иринея, поддержаннаго множествомъ епископовъ Галліи на Ліонскомъ соборѣ, могло остановить Виктора въ его намѣреніи.

То, что хотѣль сдѣлать Викторъ, обнаруживаетъ въ немъ гордость, самонадѣянность и властолюбіе. На чемъ основывался онъ, думая, что имѣетъ право отлучать отъ церкви всѣхъ епископовъ Азіи, не обличонныхъ въ ереси, а только не раздѣлявшихъ его мнѣнія? Чѣмъ могъ онъ оправдать порывъ своего гнѣва, заставившаго его было объявить всѣ провинціи Азіи лишенными общенія съ римскою церковію? Ни въ законахъ апостольскихъ, ни въ постановленіяхъ церковныхъ не было ничего такого, что давало бы ему на это право.

Но это были только первыя проявленія будущаго властолюбія папъ. При императорѣ Константинѣ власть ихъ значительно усилилась, не потому чтобъ этотъ государь уступилъ римскимъ епископамъ владычество надъ Римомъ и его территоріей, чего никогда не было и что давно уже признано исторически невѣрнымъ; а потому что при перенесеніи столицы изъ Рима въ Византію, Константинъ покинулъ Римъ, не оставивъ тамъ никого изъ членовъ своего семейства, которые могли бы удерживать въ повиновеніи папъ. Оставленные самимъ себѣ, при огромныхъ доходахъ, предоставленныхъ церкви щедростью Константина, они имѣли возможность выказать богатство и власть и получили значеніе, котораго безъ этой ошибки никогда бы не имѣли.

Несмотря однакоже на значительное усиленіе своей власти и вліянія на всѣ дѣла, папы долго еще были не болѣе какъ епископы римскіе. Конечно многіе изъ нихъ присвоили себѣ въ духовномъ отношеніи права имъ не принадлежащія, но по крайней мѣрѣ свѣтская ихъ власть была довольно ограничена. При папѣ Григоріи II, когда уже власть византійскихъ императоровъ надъ Италіей стала слабѣть, народъ римской, подстрекаемый духовенствомъ, взбунтовался, удалилъ въ 726 году своего герцога, поставленнаго императоромъ, и поручилъ правленіе Григорію. Съ этого времени Римъ, признававшій еще надъ собою по наружности власть византійскихъ императоровъ, сдѣлался настоящей феократической республикой, что продолжалось до папы Захарія, которому судьба готовила совершенно неожиданное возвышеніе.

Пепинъ, палатный меръ Франціи, похитивъ престолъ у слабаго Хильдерика III, хотѣлъ чтобъ церковь освятила это узурпаторство и обратился къ папѣ Захарію. Захарій обрадовался этому случаю, разсчитывая найти поддержку въ Пепинѣ противъ императора и Лонгобардовъ; провозгласилъ Пепина законнымъ королемъ франковъ и разрѣшилъ народъ отъ клятвы, данной имъ Хильдерику. Въ награду за эту услугу Пепинъ уступилъ папамъ завоеванный имъ нѣсколько поз-

же у Лонгобардовъ экзархатъ Равенской и область римскую, къ которой преемникъ Захарія, Стефанъ III (*), короновавшій Пепина, присоединилъ Болонью, Римини, Пезаро, Синегалію и провинціи смежныя съ Римомъ.

Такимъ образомъ римскіе епископы сдѣлались обладателями значительной территоріи и соединили въ своемъ лицѣ власть духовную и свѣтскую. Тогда властолюбивымъ ихъ стремленіямъ не было уже предѣловъ. Главнымъ предметомъ ихъ заботливости сдѣлалось *сохраненіе* и *увеличеніе* папскихъ владѣній, которымъ они незаконно придали названіе *наслѣдія св. Петра*, какъ будто св. апостолъ, котораго имя они употребляли во зло, могъ съ высоты своего небеснаго жилища утвердить то, чему такъ явно противорѣчила вся его земная жизнь. Принявъ титулъ свѣтскихъ владыкъ, папы прямо нарушили слова Спасителя: *Царство мое нѣсть отъ міра сего*!

Но еще не настало время, когда папы, сдѣлавшись уже свѣтскими обладателями и присоединивъ этотъ титулъ къ титулу намѣстника св. Петра, вознесли себя превыше всѣхъ владыкъ земныхъ. Пріемники Стефана III, считали себя еще вассалами императоровъ западныхъ и избирались не иначе какъ съ ихъ согласія и утвержденія. Папа Николай I, гордый, высокомѣрный и непреклонный, значительно увеличилъ могущество папъ. Онъ обращался съ императорами, королями, патріархами и епископами какъ съ своими подчиненными, не признавалъ надъ собою никакой власти и хотѣлъ управлять деспотически церковію и всѣмъ міромъ. Но въ то время на Константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ возсѣдалъ Ѳотій, мужъ замѣчательный по уму, силѣ характера и обширнымъ познаніямъ; въ немъ Николай встрѣтилъ сильнаго противника.

Ѳотій, возведенный въ санъ патріарха по настоянію императора Михаила III Порфиророднаго, изъ мірянъ, на мѣсто низложеннаго Игнатія, былъ признанъ въ этомъ санѣ всѣми патріархами востока. Папа Николай съ своей стороны также былъ готовъ признать его; но однимъ изъ условій этого признанія была уступка Болгаріи, которую папа хотѣлъ подчинить западной церкви и послать туда своихъ миссіонеровъ.

(*) Прямымъ пріемникомъ Захарія были Стефанъ II, но понтификатство его продолжалось только двѣ недѣли.

Ѳотій, опираясь на томъ, что страна эта просвѣщена была евангельскимъ ученіемъ стараніями Кирилла и Меѳодія, при помощи и содѣйствіи Константинопольской патріаршей каѳедры, и не желая, чтобъ римская церковь внесла въ нее свое ученіе, уже во многомъ несогласное съ ученіемъ церкви восточной, отказалъ въ требованіи папѣ Николаю. Этотъ послѣдній, раздражонный отказомъ, объявилъ избраніе Ѳотія неправильнымъ и противозаконнымъ, предалъ его анаѳемѣ и такимъ образомъ сдѣлался виновникомъ окончательнаго раздѣленія церквей.

Послѣ того, въ теченіи всего IX вѣка до половины XI каѳедра римская опозорила себя, къ соблазну всего христіанства, рядомъ безнравственныхъ, порочныхъ папъ. Римъ сдѣлался пріютомъ всѣхъ пороковъ и беззаконій. Тамъ все было заражено симоніей, все сдѣлалось продажнымъ; развратъ духовенства достигъ крайнихъ предѣловъ, и церковь римская, погружонная во мракъ внутренняго неустройства, страдала отъ дерзости и бесчинства своихъ епископовъ.

Такъ было до половины XI вѣка. Въ это время явился человѣкъ замѣчательный по своему генію, а еще болѣе по гордости, деспотизму, властолюбію и непреклонности нрава. Григорій VII, избранный папой въ 1055 году, съ необыкновенной силой воли сталъ водворять порядокъ въ церковномъ управленіи, и основываясь на ложныхъ декреталіяхъ, создалъ для римской церкви новую систему, по которой папа становился выше всѣхъ владыкъ земныхъ и какъ намѣстникъ Христа располагалъ по своей волѣ и прихоти царствами земными. Въ дѣлахъ церкви онъ также поставилъ себя выше всѣхъ; не признавалъ надъ собою власти соборовъ, сдѣлалъ множество нововведеній, постановилъ безбрачіе духовенства, громилъ проклятіями непокорныхъ и подчинилъ своей власти весь западный міръ.

Исторія не можетъ отказать Григорію VII въ геніальности; но не смотря на многія его великія качества, онъ и система имъ созданная были причиной безчисленныхъ бѣдствій, кровопролитій и гибели тысячи людей; а безбрачіе духовенства, вмѣсто того чтобъ упрочить въ немъ чистоту нравовъ, внесло въ римскую церковь пороки и преступленія, которымъ непричастна церковь восточная.

Григорій VII положилъ прочное основаніе могуществу папъ, и всѣ дѣйствія и поступки его доказываютъ, что имъ руководили болѣе всего не интересы церкви, не благо народовъ, а гордость и ничѣмъ ненасытимое честолюбіе. Въ немъ и въ преемникахъ его не было уже

ничего евангельскаго и апостольскаго. Всѣ думы ихъ были обращены къ земному; забывъ смиреніе, приличное пастырямъ духовнымъ, они въ безумной гордости присвоили себѣ главенство надъ всею церковію; объявили себя непогрѣшимыми, исказили догматы, и предоставивъ себѣ исключительное право *связывать и разрѣшать грѣхи*, опозорили римскую церковь продажей индульгенцій, возбудили реформацію и оттолкнули отъ лона истинной каѳолической церкви милліоны людей!

Со времени реформаціи владычество Папъ стало клониться къ упадку; постановленія Тридентскаго собора не могли упрочить за ними прежняго ихъ могущества. Учрежденіе ордена езуитовъ, этихъ тѣлохранителей папъ, также не принесло имъ большой пользы; они потеряли прежнее свое вліяніе, и теперь громы ватиканскіе не пугаютъ уже никого. Но желѣзное иго папъ, тяготѣвшее болѣе тысячи лѣтъ надъ подвластными имъ народами, не измѣнило въ отношеніи къ нимъ своей вѣковой системы, потушило въ нихъ послѣднюю искру національнаго достоинства и довела наконецъ до того бѣдственнаго положенія, до того нравственнаго упадка, въ которомъ они и теперь находятся.

Изъ этого краткаго очерка развитія папской власти видно, что римская церковь, которая въ первые вѣка христіанства и при распаденіи западной римской имперіи дѣйствовала такъ благодѣтельно на человѣчество; которая боролась съ варварами, нахлынувшими на Италію, ослила ихъ и спасла остатки римской цивилизаціи, въ послѣдствіи зараженная гордостью и властолюбіемъ, стремилась только къ тому, чтобы водворить въ обществѣ начало ѳеократическое, завладѣть свѣтской властью, подчинить своему вліянію весь міръ и тѣмъ уничтожила все добро ею сдѣланное.

Настоящій папа Пій IX изъ дома Мастаи Феррети избранъ въ 1846 году. При самомъ вступленіи на папской престолъ онъ возбудилъ къ себѣ любовь не тоько римлянъ, но и всей Италіи разными реформами и нововведеніями, совершенно противными духу вѣковой политики римскаго двора. Вся Италія ожила и какъ будто возродилась. Помню, съ какимъ восторгомъ произносилось его имя въ 1847 году. Вездѣ воздвигались въ честь его тріумфальныя арки, надпись *Evviva il Pio nono* виднѣлась на всѣхъ стѣнахъ, на лентахъ украшавшихъ щиты, на транспарантахъ, выставленныхъ въ окнахъ. Портреты его раскупались на расхватъ; въ каждой деревушкѣ можно было купить его гипсовые бюсты. Созданная имъ *Garda Civica* (Національная гвардія) 8 сентября, въ день рождества Пресвятой Богороди-

цы, во фракахъ, сюртукахъ съ бѣлыми портупеями черезъ плечо и въ круглыхъ шляпахъ, въ первый разъ парадировала мимо его на *Piazza del Popolo*, по срединѣ которой возвышалась на пьедестатѣ статуя Пія IX въ тіарѣ украшенной лавровымъ вѣнкомъ. *Corso* горѣлъ милліонами огней, Римъ ликовалъ, на всѣхъ лицахъ сіяла радость, всѣ ожидали отъ новаго папы лучшей, отрадной будущности...

Чѣмъ-же все это кончилось? Слишкомъ быстрыя нововведенія Пія IX взволновали не только всю Италію, но возбудили въ ней духъ революціи. Папа долженъ былъ бѣжать изъ Рима и запереся въ Гаэтѣ. По возвращеніи въ Римъ, онъ возвратился къ прежней системѣ своихъ предшественниковъ, и въ Римѣ все осталось въ такомъ же положеніи, въ какомъ было при Григоріи XVI, если еще не хуже.

Теперь изъ всѣхъ преобразованій и нововведеній, затѣянныхъ Піемъ IX при вступленіи его на папскій престолъ, не осталось ничего. Онъ твердо слѣдуетъ системѣ и политикѣ своихъ предшественниковъ; ни послѣднія событія въ Италіи, поколебавшія его власть, ни отпаденіе большей части папскихъ владѣній, ни представленія державъ о необходимыхъ реформахъ, ничто не могло поколебать его непреклонности, и одно *Non possumus* было отвѣтомъ на всѣ дѣлаемыя ему представленія.

Впрочемъ это *Non possumus* не есть непреклонное упрямство со стороны папы и главныхъ его совѣтниковъ, какъ многіе думаютъ. Оно прямо истекаетъ изъ ложнаго политическаго положенія, въ которомъ находится папское правительство, и доказываетъ только явную несогласимость двухъ совершенно противоположныхъ началъ: власти свѣтской и духовной.

Первое и главное условіе для того, чтобы быть избраннымъ въ папы, есть *старость*. Тотъ, кто добивается этого высшаго сана въ римской церкви, долженъ во всю жизнь свою носить личину покорности, льстить всѣмъ страстямъ, обладать въ высшей степени уклончивостью нрава и тѣмъ искуствомъ, которое езуитъ Майбургъ такъ наивно выразилъ непереводимымъ итальянскимъ словомъ *inganno*, означающимъ хитрость, двуличіе и притворство. Мудрено-ли, что всѣ эти качества, если можно такъ выразиться, преобладаютъ въ характерѣ почти всѣхъ папъ. Сдѣлавъ продолжительную привычку къ чему—нибудь, трудно оставить ее.

Тѣ, которые родились на ступеняхъ трона, съ дѣтства знаютъ уже, то ихъ ожидаетъ, и рано готовятся къ власти, которая нѣкогда долж-

на быть ихъ удѣломъ; все пріучаетъ ихъ къ владычеству; они достигаютъ высокаго сана повелителей народовъ по праву рожденія, зная, что въ свою очередь должны будутъ передать этотъ санъ своимъ наслѣдникамъ, которые будутъ продолжать начатое ими.

Совсѣмъ не то бываетъ съ папами. Рожденные большею частью въ низшихъ классахъ общества, не приготовленные воспитаніемъ къ владычеству, не имѣя ни прошедшаго, ни будущаго, они достигаютъ тіары, стоившей имъ долголѣтнихъ усилій, притворства, уничиженій, и хотятъ извлечь всю выгоду изъ высокаго положенія, доставшагося имъ случайно, и зная, что власть принадлежитъ имъ не надолго и что она должна умереть вмѣстѣ съ ними, ибо они не могутъ передать ея близкимъ своимъ, не заботятся ни о благѣ народномъ, ни о гибельныхъ слѣдствіяхъ своего характера дѣйствій.

Есть еще и другія важныя несообразности въ самой натурѣ папской власти. Не странность–ли облекать характеромъ божественности слабаго старца, въ твердой увѣренности, что онъ долженъ скоро умереть! Какъ? вы хотите имѣть на землѣ представителя Бога живого, и вы избираете его изъ среды тѣхъ, которыхъ смерть уже отмѣтила своимъ перстомъ! Не явное–ли это заблужденіе?.. За то тѣ, которые избираютъ папъ, знаютъ, что они правятъ дѣло чисто земное и подавая голосъ на конклавѣ въ пользу котораго–нибудь изъ конклавистовъ, устраняютъ только препятствіе, поставленное между ихъ собственнымъ властолюбіемъ и папской тіарой.

Въ исторіи папъ невольно поражаетъ одинъ весьма знаменательный фактъ. Почти всѣ благія намѣренія нѣкоторыхъ изъ нихъ не могли быть приведены въ исполненіе отъ краткости времени ихъ правленія, отъ недостатка энергіи въ преслѣдованіи задуманнаго плана, а болѣе всего отъ сомнѣнія, что дѣло, начатое ими съ благою цѣлью, не найдетъ послѣ ихъ смерти никого, кто бы кончилъ его, и что напротивъ все задуманное ими будетъ измѣнено или уничтожено. Сколько умерло папъ подъ гнетомъ этого горькаго, безотраднаго чувства!

Напротивъ тѣ изъ нихъ, которые въ папской тіарѣ видѣли только средство къ удовлетворенію своихъ страстей, своего любостяжанія и властолюбія, спѣшили съ жадностью предаваться чувственнымъ наслажденіямъ, которымъ много способствуетъ богатство и роскошь, окружающіе папъ. Отсюда множество примѣровъ необузданности страстей, ужасающаго разврата, беззаконія и кровавыхъ преступленій, опозорившихъ папскій престолъ.

Изъ всего этого видно, что сущность папскаго достоинства сама по себѣ вредна нравственному развитію человѣчества и гибельно для народовъ подвластныхъ его свѣтскому владычеству, а также и для церкви, въ главѣ которой оно поставлено.

Чтобы быть истиннымъ пастыремъ церкви, чтобы радѣть о ней съ христіанскою любовью и заботливостью, подобныя земныя, жирныя поползновенія не должны-бы разжигать владыкъ церкви. Въ такомъ ли положеніи находится папа? Фиміамъ лести, который курится передъ нимъ ежечасно, роскошь и богатство, которыя окружаютъ его, рабское униженіе всѣхъ,—все это мѣшаетъ даже правильно мыслить— не только очищать свое сердце и мысль, и папа невольно увлекается гордостью, тщеславіемъ и мірской суетою.

И какъ все окружающее папу способствуетъ къ поддержанію этой суеты и тщеславія! Къ огромному числу придворныхъ самаго высокаго сана, составляющихъ дворъ папы, присоединяются всѣ утонченности раскоши, всѣ обольщенія богатства, располагающія къ лѣни и бездѣйствію. Великолѣпные дворцы, служащіе ему жилищемъ, украшены всѣми сокровищами искуствъ, подобныхъ которымъ нѣтъ ни у одного изъ государей. Самая жизнь его окружена всѣми удобствами, всѣмъ возможнымъ комфортомъ; однимъ словомъ—онъ скорѣе ведетъ жизнь сатрапа, чѣмъ монаха и затворника.

Папѣ, какъ государю свѣтскому, оказывается отъ другихъ царственныхъ дворовъ должное уваженіе. Въ странахъ католическихъ посланники его или легаты имѣютъ шагъ предъ другими представителями иностранныхъ дворовъ. Державы эти снисходятъ даже иногда къ высокомѣрному и гордому тону его политическихъ нотъ и буллъ: но тѣмъ не менѣе величіе папы чисто-условное, и чествованіе, воздаваемое ему не столько какъ государю, а какъ главѣ католической церкви, есть только дѣло долгой привычки. Супрематія папскаго престола съ каждымъ днемъ слабѣетъ все болѣе и стѣсняется въ тѣ предѣлы, изъ которыхъ она никогда бы не должна была выходить. Сознавая это, папы стараются разными хитростями, обольщеніями и интригами, при помощи езуитовъ и цѣлаго легіона монаховъ, поддерживать свое вліяніе внѣ церковной области. У себя же дома они утѣшаются въ своей незначительности ложнымъ блескомъ своего двора, раболѣпствомъ своихъ прислужниковъ и пышностію религіозныхъ церемоній.

Въ чествованіи своего папы римская церковь дошла до такого соблазна, которому трудно повѣрить. Когда конклавъ объявитъ имя из-

бранаго папы, кардиналы берутъ его и сажаютъ не на тронское кресло, а въ церкви на самый престолъ, на которомъ еще въ тотъ-же день совершалась безкровная жертва. Тамъ, въ тіарѣ и мантіи, окруженный свѣчами пылающими на престолѣ Божіимъ, спиною къ распятію сидитъ онъ и принимаетъ отъ кардиналовъ первое *обожаніе*.

Обрядъ *обожанія* выражается двояко: или колѣнопреклоненіемъ или цѣлованіемъ папской туфли. Чтобъ освятить право на это униженное чествованіе. ультрамонтаны приводятъ свидѣтельство исторіи и съ гордымъ самодовольствіемъ исчисляютъ имена императоровъ и королей, которые преклоняли колѣна предъ папами или лобзали ихъ ноги; но это доказываетъ только, что папы употребляли во зло свое могущество и никогда не отличались смиреніемъ христіанскимъ.

Римская церковь приняла этотъ обрядъ въ воспоминаніе почитанія, оказаннаго Спасителю двумя израильскими жонами, которыя обмывъ ноги его и утеревъ ихъ своими волосами, съ любовію лобзали ихъ. Слѣдовательно папа, примѣняя къ себѣ этотъ обрядъ, принимаетъ на себя образъ Искупителя міра. Какое великое смиреніе!

И что же? Папа, который въ кичливой гордости своего духовнаго сана подчиняется этому обожанію и даже требуетъ его, принимаетъ предъ лицомъ всего христіанства смиренный титулъ *Служителя служителей Божіихъ!*

Какъ доказательство всей незаконности такого превозношенія папъ, которые по гордости присвоили себѣ подобное чествованіе, забывъ, что нѣкогда состояли въ полной зависимости отъ свѣтскихъ владыкъ, приводимъ нѣсколько историческихъ фактовъ.

При Карлѣ Великомъ всѣ каноны и постановленія, касавшіеся церкви, исходили отъ свѣтской власти. Только она одна имѣла право приказывать и распоряжаться. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только справиться съ актами соборовъ того времени. Акты эти и многіе другіе памятники и лѣтописи положительно доказываютъ, что церковь существовала и дѣйствовала только подъ вліяніемъ свѣтской власти правителей. Постановленія Арльскаго собора, бывшаго при Карлѣ Великомъ въ 813 году, оканчиваются такъ:

«Мы въ кратцѣ изложили предметы, которые по нашему разумѣнію требуютъ измѣненій и реформъ, и мы положили представить объ этомъ Государю нашему и Императору, прибѣгая къ его снисходительности и прося его дополнить по своей мудрости то, что въ трудѣ нашемъ окажется неполнымъ или недостаточнымъ. Если въ настоящихъ поста-

новленіяхъ нашихъ признается имъ что-либо противнымъ разуму, пусть онъ отмѣнитъ ихъ; еслиже найдетъ, что мы дѣйствовали и разсуждали здраво и правильно, да съ помощью Божіей утвердитъ ихъ своею властію.» (Conc. Lab. l. VII col. 1238).

Въ началѣ актовъ собора Майнскаго, тогоже 813 года, сказано: «Для приведенія въ исполненіе всего заключающагося въ этихъ актахъ, намъ необходимо Ваше утвержденіе и Ваша помощь. Если Вы признаете ихъ дѣльными, то да утвердитъ ихъ Ваша власть; еслиже найдете нужнымъ что-либо измѣнить или исправить, то да будетъ по Вашей волѣ.» (Ibid, col. 1241).

Можетъ ли быть что-либо положительнѣе и опредѣлительнѣе этого?

Хотя въ Капитуляріяхъ Карла Великаго и заключаются постановленія, чтобъ согласно священнымъ канонамъ, Церковь пользовалась своими правами и сама назначала епископовъ, по выбору духовенства и народа; но право это было только на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Какъ послѣ, такъ и прежде этихъ Капитулярій Карлъ Великій почти всегда назначалъ самъ епископовъ. Даже послѣ его смерти, при его слабыхъ преемникахъ вмѣшательство императорской власти въ эти назначенія было признаваемо даже папами, какъ законное.

Въ 853 году папа Левъ IV писалъ къ императору Лотарю:

«Умоляю Вашу благость изъявить согласіе на отдачу этой церкви въ управленіе смиренному діакону Коллону, а мы получивъ на это соизволеніе Ваше, при помощи Божіей, рукоположимъ его въ епископы. Если же Вамъ не угодно, чтобъ онъ былъ епископомъ при означенной церкви, то да благоволитъ Ваша свѣтлость назначить его къ церкви Тускуланской, которая также не имѣетъ пастыря». (Gratian. Drecet. P. 2 dist. 63 c. 16).

Въ 879 году папа Іоаннъ VIII обратился съ подобной же просьбой къ королю Карломану о назначеніи епископа къ церкви Верчельской. (Giesler, Manuel d'Histoire écclésiastique. T. II. p. 44. note 9).

Современныя лѣтописи полны фактовъ, которые не оставляютъ на малѣйшаго сомнѣнія въ полновластіи императоровъ и королей при назначеніи епископовъ и доказываютъ, что выборомъ ихъ руководили часто дворскія интриги или произволъ самаго государя, безъ участія церкви. Правда, церковь иногда протестовала; но протесты эти оставлялись безъ уваженія.

Въ эту эпоху власть свѣтская не только распоряжалась админи-

страціей духовенства и церкви, но она вмѣшивалась даже и въ самые догматы.

Три вопроса подобнаго рода были возбуждены въ царствованіе Карла Великаго: 1. о почитаніи св. иконъ; 2. о ереси Адоптіанъ, и 3. о дополненіи символа вѣры по предмету происхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына.

По первому вопросу, вопреки поддержкѣ, оказываемой папами почитанію св. иконъ, по волѣ Карла было написано, вѣроятно *Алкуиномъ*, сочиненіе *Libri Carolini*, въ которомъ поддерживалось иконоборство, и вся галлофранкская церковь, согласно постановленію франкфуртскаго собора въ 794 году, отвергнула почитаніе иконъ.

По второму, ересь Адоптіанъ, признававшихъ въ Іисусѣ Христѣ только одно существо, была по вліянію Карла торжественно обличена и отвергнута на трехъ соборахъ: Регенбургскомъ въ 792 году, Франкфуртскомъ въ 794 и Ахенскомъ въ 799 году.

Наконецъ *по третьему вопросу*, прибавленіе къ символу вѣры объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, возбужденное первоначально еще въ VII вѣкѣ на Толедскомъ соборѣ въ Испаніи, находившейся подъ владычествомъ Визиготовъ, принадлежавшихъ къ сектѣ Арія, было принято галло-франкскою церквью, по настоянію Карла Великаго, также вопреки исповѣданію всей каѳолической церкви, которая руководилась въ этомъ случаѣ постановленіями Никейскаго вселенскаго собора. (Гизо, Histoire de la Civilisation en France).

Не явное ли это доказательство, что даже послѣ уступки Пепиномъ-Короткимъ экзархата Равенскаго папамъ, они были подчинены свѣтской власти императоровъ и королей?

Вотъ одинъ весьма знаменательный фактъ. При посѣщеніи Карломъ Великимъ Рима въ 800 году, онъ, присутствуя при литургіи въ Латеранскомъ соборѣ, замѣтилъ, что въ символѣ вѣры исхожденіе Св. Духа производится только отъ Отца, а не отъ Отца и Сына. Карлъ тутже обнаружилъ папѣ Льву III свое удивленіе, сказавъ, что въ Галліи символъ вѣры поется не такъ. Левъ III отвѣчалъ ему, что церкви Римской извѣстно это нововведеніе. Что она снисходила къ этому искаженію символа, имѣя въ виду благую цѣль, которая руководила святителей Толедскаго собора, допустившихъ это измѣненіе; но скорбитъ объ этомъ и сама исповѣдуетъ символъ, согласно постановленію Никейскаго вселенскаго собора. Вскорѣ послѣ этого разговора папа Левъ III приказалъ вырѣзать на двухъ серебряныхъ скрижаляхъ сим-

волъ вѣры по постановленію Никейскому и положилъ эти скрижали на гробъ Св. апостоловъ Петра и Павла, какъ завѣтъ будущимъ временамъ, что церковь Римская не признаетъ нововведенія Толедскаго собора и вѣрустъ какъ всѣ православные.

Такъ было до 1013 года. Въ это время императоръ Генрихъ II, прозванный хромымъ, посѣтилъ Римъ и подобно Карлу Великому былъ удивленъ, что въ Римѣ символъ вѣры поется не такъ, какъ онъ привыкъ его слышать при своемъ дворѣ. Папа Бонифацій VIII, въ угоду императору, который всегда отличался щедростью къ духовенству, измѣнилъ десяти-вѣковымъ преданіямъ церкви, отступилъ отъ догмата, утвержденнаго святителями всего христіанства въ Никеѣ, принялъ извѣстное прибавленіе *Filioque*, и скрижали Льва III исчезли съ гроба Св. апостоловъ.

И послѣ этого Римскіе католики смѣютъ называть насъ, православныхъ, не измѣнившихъ ни на одну іоту древнимъ уставамъ и преданіямъ церкви, *схизматиками*!

Мы схизматики по мнѣнію ультрамонтановъ не потому чтобы были причастны какому-либо расколу или ереси: они очень хорошо знаютъ, что вѣра наша чиста и православна. Мы *схизматики* только потому, что не признаемъ главенства папы и не хотимъ подчиниться ни его неограниченной духовной власти, ни его непогрѣшимости; но и въ этомъ мы свято слѣдуемъ преданіямъ всей древности и постановленіямъ всѣхъ вселенскихъ соборовъ.

Въ наше время, когда исторія разоблачила всѣ интриги папъ, всю ихъ гордость и властолюбіе, когда даже католическіе писатели, всѣми уважаемые, явно возстаютъ на незаконность присвоеннаго папами себѣ права главенства надъ всею церквію,—нельзя не удивляться, что есть еще люди, стоящіе высоко по своему образованію, которые убѣждены, что папа есть наслѣдникъ Христа на землѣ и непогрѣшимъ въ дѣлахъ вѣры. Но всего грустнѣе, что въ числѣ насъ русскихъ есть къ несчастію отщепенцы, которые не будучи сами тверды въ коренныхъ правилахъ православной вѣры, даже не зная ни ея постановленій, ни ея святой чистоты, но будучи томимы разными сомнѣніями и въ тоже время жаждой разъяснить ихъ, бросаются въ руки езуитовъ, и руководимые ихъ софизмами, ихъ хитрою догматическою діалектикой, пристаютъ къ церкви римской и дѣлаются злѣйшими врагами православія.

Вникая во всѣ подробности поступковъ и жизни папъ, видимъ

только гордость, высокомѣріе и властолюбіе, которыя истекаютъ изъ двухъ началъ: духовнаго и свѣтскаго ихъ владычества. Всѣ добродѣтели завѣщанныя Спасителемъ и его апостолами не только были попраны ногами папъ, но можно подумать, что въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ главной заботой представителей Римской церкви было стремленіе явно противорѣчить заповѣдямъ Христовымъ.

Но пойдемъ далѣе. Въ священномъ коллегіумѣ кардиналовъ, замѣнившемъ сенатъ римской, надобно искать настоящій характеръ римскаго правительства и всего высшаго католическаго духовенства.

Начало учрежденія кардинальскаго достоинства весьма темно; вотъ что пишутъ объ этомъ предметѣ Бароніусъ, Флери, Гизо и другіе:

Въ первые вѣка христіанства епископы большихъ городовъ, не успѣвая отправлять всѣ обязанности богослуженія и проповѣди, брали себѣ помощниковъ или коадьюторовъ, избирая ихъ изъ людей самыхъ благочестивыхъ, ревнительныхъ къ вѣрѣ и образованныхъ; ихъ называли πρεσβυτεροι, священниками, старѣйшинами. Въ послѣдствіи этимъ помощникамъ придали еще другихъ, младшихъ и назвали ихъ: διακονοι, дьяконами. При *Анаклетѣ* въ Римѣ было 25 священниковъ. *Эвaристъ*, пятый папа, постановилъ чтобъ въ Римѣ было семь дьяконовъ, по примѣру церкви іерусалимской, и распредѣлилъ между священниками и дьяконами разные кварталы города. *Гигіенъ*, десятый папа, долженъ былъ прибавить для каждой общины еще священниковъ, ибо одного для общины было недостаточно, и постановилъ, чтобы вновь наречённые священники признавали прежнихъ какъ своихъ *кардиналовъ*, т. е. какъ принципаловъ или начальниковъ, которымъ они непосредственно подчинялись. Вотъ начало кардиналовъ.

Кардиналовъ сначала было только *семь*. Въ послѣдствіи число ихъ возросло до *52*. Такъ было въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ до перенесенія папскаго престола въ Авиньонъ. Тогда въ одно и то же время явилось нѣсколько папъ. Каждый изъ нихъ называлъ себя намѣстникомъ св. Петра и имѣлъ при себѣ полный комплектъ кардиналовъ. Послѣ Констанскаго собора, для сохраненія мира въ церкви, принуждены были соединить всѣ эти отдѣльные коллегіумы въ одинъ. Такимъ образомъ оказалось кардиналовъ чрезвычайно много. При Львѣ X было ихъ 65; при Павлѣ III 68; при Піѣ IV 76. Сикстъ V ограничилъ число ихъ 70. Онъ сдѣлалъ это въ подражаніе 70 совѣтниковъ Моисея и 70 учениковъ Спасителя. Число это осталось съ тѣхъ поръ неизмѣннымъ и раздѣляется такъ: *шесть* епископовъ кар-

диналовъ, *пятьдесятъ* прелатовъ кардиналовъ, и *четырнадцать* дьяконовъ кардиналовъ. Первые—кардиналъ епископъ, кардиналъ прелатъ и кардиналъ дьяконъ, суть начальники каждой изъ этихъ духовныхъ степеней; во время конклава на нихъ возлагаютъ самыя важныя обязанности.

И такъ кардиналы въ первобытной церкви были прямыми и непосредственными сотрудниками епископовъ въ распространеніи вѣры и проповѣди евангельской. Подъ владычествомъ папъ, они измѣнили своему назначенію, и оставивъ трудную обязанность служителей Божіихъ, пошли по пути гордости, честолюбія и тщеславія.

Каждый кардиналъ есть титуларъ какой-нибудь церкви, т. е. къ имени его придается названіе прихода. Такихъ титуловъ 72, хотя самыхъ кардиналовъ только 70. Левъ X отдѣлилъ отъ церкви *Santa Maria in Transtevere* церковь *Santo Calixto*, составлявшихъ одинъ приходъ, для того чтобъ имѣть на всякой случай въ запасѣ лишній титулъ, который въ рукахъ папы есть лакомая приманка для множества честолюбцевъ. Не даромъ когда-то *Паскино* увѣрялъ *Марфиріо* (*), что папа бережетъ этотъ титулъ, соотвѣтствующій кардинальской шляпѣ, для турецкаго султана. Паскино разумѣется засадили въ кардегардію, но тѣмъ и кончилось. Теперь и бѣдный *Pasquino*, заставлявшій такъ усердно смѣяться римскую чернь своими *lazzi*, умолкнулъ,—и ему зажали ротъ.

Несмотря на различіе титуловъ, кардиналы всѣ равны между собою и считаются въ старшинствѣ только по времени полученія этого сана. Въ началѣ кардиналы назначались начальниками или принципалами надъ другими священниками, которые завѣдывали церковью или приходомъ; принимая это достоинство, они отказывались отъ всѣхъ пребендій, доходовъ и пенсіоновъ, которыми пользовались прежде въ качествѣ священниковъ или настоятелей. Тоже дѣлается и теперь, но только пребендіи эти считаются вакантными, и папа располагаетъ ими въ пользу вновь назначеннаго кардинала, только что отказавшагося отъ нихъ, и часто прибавляетъ къ прежнему еще новые доходы, чтобъ кардиналъ могъ жить пышно и роскошно.

Кардиналы всегда равняли себя съ королями, которые называютъ ихъ своими *кузенами*, и если эти князья церкви соблаговолили въ по-

(*) Два комическія лица въ римской комедіи.

слѣднее время не оспаривать шага у коронованныхъ главъ, то всегда ставятъ себя выше всѣхъ принцовъ крови.

Призванные сначала только для управленія церковію, кардиналы скоро объявили притязаніе на свѣтское преобладаніе. Тогда были призваны въ священный коллегіумъ многіе значительные иностранцы, имѣвшіе вліяніе на государства, въ которыхъ они управляли дѣлами. Франція была нѣкогда страною, гдѣ достоинство кардинальское жаловалось чаще чѣмъ въ другихъ государствахъ.

Назначеніе кардиналовъ всегда обсуживалось въ особой консисторіи подъ предсѣдательствомъ папы; но это только одна формальность. Прежде папа не могъ возвести кого-либо въ званіе кардинала безъ согласія священнаго коллегіума; теперь папа дѣйствуетъ одинъ и совершенно произвольно. Это посягательство на право св. коллегіума есть справедливое воздаяніе его членамъ, которые также произвольно отняли у народа право избирать папу и присвоили эту власть исключительно себѣ.

Въ церквахъ, которыхъ титулы они носятъ, кардиналы пользуются полною юридическою властью, а также и въ приходахъ, принадлежащихъ къ этимъ церквамъ. Кромѣ многихъ другихъ преимуществъ, присвоенныхъ ихъ сану, они свободны отъ всѣхъ податей; свидѣтельство ихъ въ судахъ имѣетъ силу двухъ голосовъ; они пользуются правомъ раздавать индульгенціи, имѣютъ власть служителямъ своимъ жаловать четыре низшія духовныя степени *придверника*, *чтеца*, *заклинателя* и *иподіакона*, и подлежатъ сами только суду одного папы.

Въ публичныхъ процессіяхъ и религіозныхъ церемоніяхъ они являются въ пурпуровой одеждѣ, съ королевской мантіей, длинный хвостъ которой тащится на семь или восемь метровъ, съ митрой или красной шляпой на головѣ. Ихъ окружаетъ всегда множество прелатовъ, клерковъ и служителей; кареты ихъ отличаются пышностью; они ѣздятъ цугомъ въ шесть лошадей, и на запяткахъ стоятъ всегда три или четыре лакея.

Въ каждомъ кардиналѣ таится зародышъ папы, потому что избраніе конклава можетъ пасть на каждаго изъ нихъ; но въ настоящее время подлежатъ выбору только одни природные итальянцы. Папское правительство, столь хитрое и вкрадчивое, успѣло увѣрить другія правительства, что избраніемъ Папъ изъ однихъ итальянцевъ отстраняется всякое соперничество, которое могло-бы быть опасно для папскаго престола перенесеніемъ его въ какой-либо другой городъ или, что

еще хуже, избраніемъ антипапы. Въ примѣръ было приведено время папъ Климента V и Урбана VI. При первомъ святой престолъ былъ перенесенъ въ Авиньонъ, гдѣ оставался 62 года, къ великому прискорбію гражданъ римскихъ и всѣхъ народовъ Италіи, какъ увѣряютъ историки папскіе; а при второмъ въ 1378 году, къ соблазну всей церкви, тѣми же самыми кардиналами, которые избрали Урбана VI, былъ избранъ другой папа Климентъ VII. Соперничество это взволновало весь западъ и было причиной кровавыхъ войнъ, продолжавшихся 50 лѣтъ. Всѣ эти доводы хитрой политики кардиналовъ обманули государей Европы, и они согласились на предоставленіе однимъ итальянцамъ исключительнаго права получать тіару.

Возведеніе въ санъ кардиналовъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ римскаго двора, особенно съ тѣхъ поръ какъ назначеніе это исключительно предоставлено одному папѣ. Оно дѣлается всегда въ тайныхъ совѣтахъ, называемыхъ консисторіями. Папа вынимаетъ изъ за подрясника списокъ новыхъ кардиналовъ и громко произноситъ:

«*Habemus fratres.*» (У насъ есть братья). На другой день старѣйшій изъ кардиналовъ священнаго коллегіума извѣщаетъ вновь пожалованнаго о возведеніи его въ высокій санъ князя церкви; посылаетъ за нимъ свою карету, облекаетъ въ кардинальскую одежду, призываетъ цирульника и приказываетъ ему сдѣлать на головѣ новаго кардинала кардинальскую тонсуру, діаметръ которой имѣетъ 33 сантиметра, по числу лѣтъ Спасителя. По окончаніи этой послѣдней церемоніи, стоющей всегда не дешево новому кардиналу, его отвозятъ во дворецъ папы, который надѣваетъ на голову новаго кардинала красную шляпу и говоритъ:

«*Esto Cardinalis* (будь кардиналомъ).

Новый кардиналъ немедленно снимаетъ шляпу, которую папа между тѣмъ осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ, простирается ницъ передъ св. отцемъ и лобызаетъ его ногу.

Въ первое собраніе консисторіи, слѣдующей за назначеніемъ новаго кардинала, папа прикасается перстомъ къ его устамъ и замыкаетъ ему ротъ, запрещая этимъ обрядомъ высказывать кому-бы то ни было о томъ, что происходило въ консисторіи. Многіе изъ членовъ священнаго коллегіума утверждали, что въ случаѣ внезапной смерти папы, тѣ кардиналы, которые находятся подъ запрещеніемъ, или какъ говорилось, *которымъ замкнуты уста*, не имѣютъ права подавать голосъ и слѣдовательно участвовать въ конклавѣ. Булла Пія V въ 1571

году разъяснила наконецъ, что обрядъ этотъ знаменуетъ только скромность, которую кардиналъ долженъ всегда наблюдать, но не лишаетъ его никакихъ правъ.

Въ собраніи второй консисторіи папа снимаетъ запрещеніе или разверзаетъ ему уста. Вслѣдъ затѣмъ назначивъ новому кардиналу титулъ церкви, надѣваетъ ему на четвертый палецъ правой руки золотой перстень съ восточнымъ сафиромъ, цѣну котораго, по буллѣ Григорія XV, новый кардиналъ вноситъ въ коллегіумъ распространенія вѣры. Перстень этотъ дается кардиналу для того, чтобъ онъ помнилъ, что обрученъ церкви и не долженъ никогда покидать ее.

Для кардиналовъ, которые возводятся въ этотъ санъ внѣ Италіи, вмѣсто кардинальской шляпы, посылается *Baretta*, т. е. шапочка изъ краснаго атласа. Обычай этотъ введенъ при Павлѣ II и только для *Ришелье* и *Мазарини* было сдѣлано исключеніе. Они получили не барету, а шляпу.

Не смотря на перстень, знаменующій обрученіе кардинала съ Церковію, и клятву никогда не оставлять ея, многіе изъ кардиналовъ отказывались отъ этого сана. Первый, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ *Ардичиніо де ла Порта*, который при Иннокентіи VII хотѣлъ было удалиться отъ міра и сложить съ себя санъ кардинальскій, но папа и Св. коллегіумъ, не желая потерять въ немъ человѣка, оказавшаго церкви большія услуги, воспрепятствовали этому и наконецъ уговорили его остаться.

Позже, *Цезарь Борджіа*, умертвивъ брата своего, герцога Кандіи, просилъ отца своего, знаменитаго Александра VI, позволить ему сложить съ себя санъ кардинальскій и вступить въ бракъ. Св. коллегіумъ и самъ папа не воспрепятствовали этому и были рады избавиться отъ такого чудовища и братоубійцы.

Генрихъ Португальскій сложилъ съ себя санъ кардинальскій и наслѣдовалъ дядѣ своему Леону Себастіану, убитому въ Африкѣ, не смотря на то что папа и св. коллегіумъ утверждали, что санъ королевской ниже кардинальскаго.

Оде-де-Шатильонъ сдѣлалъ еще лучше: онъ бросилъ кардинальскую шляпу, женился на дочери сира д'Отеваля, отрекся отъ католицизма и принялъ реформатское исповѣданіе.

Кардиналъ Фердинандъ Медичи, послѣ смерти брата своего великаго герцога Тосканскаго, умершаго въ 1587 году и не ос-

тавившаго потомства, отказался отъ кардинальства, принялъ тронъ Тосканскій и женился, чтобъ имѣть наслѣдниковъ своему имени.

Многіе послѣдовали его примѣру и отказывались отъ сана кардиналовъ, для того чтобъ вступить въ бракъ. Въ числѣ ихъ замѣчательнѣйшіе были: *Морицъ Савойскій*, *Памфили*, *Фердинандъ* и *Винцентъ Гонзаго* и *Казиміръ*, *король Польской*.

Изъ этого видно, что кардинальскій санъ не составляетъ степени священства и что возведеніе въ это достоинство не считается таинствомъ Церкви, какъ рукоположеніе.

Въ церковной области все управленіе находится въ рукахъ кардиналовъ: они занимаютъ всѣ важнѣйшія мѣста и даже министра военнаго. (*) Только одна должность государственнаго казначея или министра финансовъ по правиламъ римскаго Двора занимается не кардиналомъ, а прелатомъ, которому придается *титулъ Монсиньора*. Финансовое управленіе не подвергается никакому контролю и не представляетъ никакихъ отчотовъ. Прелатъ занимающій это мѣсто не можетъ быть ни смѣненъ, ни отставленъ безъ того, чтобы не получить кардинальской шляпы. (**) Понятно, что такое покойное и выгодное мѣсто очень заманчиво и что всѣ наперерывъ хлопочатъ, чтобъ получить его.

Министерство военное—это какая-то пародія. Войско папское давно уже сдѣлалось посмѣшищемъ всего свѣта; оно славилось только своею трусостью.

Все управленіе римское въ основаніи своемъ руководствуется только однимъ чувственнымъ эгоизмомъ. Находясь въ рукахъ духовныхъ старцевъ, не имѣющихъ будущаго, оно хочетъ извлечь изъ настоящаго возможную выгоду. Оно беретъ все, что только можно взять, разоряетъ народъ тяжкими налогами и подрываетъ всѣ источники народнаго богатства. Въ тѣ времена, когда все христіанство было данниками Рима, когда государства, короли и народы были подавлены мощною рукою папъ, когда однѣ индульгенціи приносили несчотныя богатства; тогда Римъ могъ легко удовлетворять расточительности своихъ владыкъ, корыстолюбіе которыхъ торговало небомъ, чтобъ обладать землею. Золото всего міра, а потомъ и двухъ міровъ, стекалось въ Римъ и

(*) Въ настоящее время Меридъ, занимающій должность военнаго министра, не кардиналъ, а *Монсиньоръ*.

(**) Такъ было еще при Григоріи XVI, предшественникѣ нынѣшняго Папы.

поддерживало роскошь и пышность папскаго престола; но власть папъ стала мало по малу слабѣть и падать, а съ нею ослабѣли и источники доходовъ.

Со времени Пія VI, съ 1775 года, положеніе финансовъ римскихъ съ каждымъ днемъ становилось хуже и теперь достигло высшей степени разстройства. Уже при этомъ папѣ давали служащимъ весьма ограниченное жалованье, и они старались вознаграждать себя разными способами. Высшіе сановники забирали всѣ церковные доходы, мелкіе чиновники брали взятки гдѣ только могли взять ихъ. Расходы государства далеко превышали доходы; банкротство было неизбѣжно. Тогда Пій VI прибѣгнулъ къ выпуску бумажныхъ денегъ, которыя назвалъ *цидулами* и приговаривалъ улыбаясь: *У меня въ чернильницѣ сидятъ милліоны.* Но эти милліоны не спасли его отъ гибели: онъ лишился тіары и умеръ въ изгнаніи.

Пій VII пытался пособить бѣдѣ. Онъ учредилъ налогъ на всѣ безъ исключенія недвижимыя имущества. Духовенство энергически возстало противъ этой мѣры, утверждая, что церковныя имѣнія не могутъ подлежать никакому налогу. Отъ *кардинала Североли* никакъ не могли добиться, чтобъ онъ платилъ назначенную по таксѣ сумму съ имуществъ принадлежавшихъ къ его Витсбурскому епископству, и онъ упорствовалъ въ этомъ до самой своей смерти.

Во время занятія Рима французами благоразумныя финансовыя мѣры, принятыя ими, поправили дѣла, и Пій VII возвратясь въ свои владѣнія нашолъ, что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, оставалось въ государственной кассѣ болѣе 40 милліоновъ франковъ.

Левъ XII принялся за экономію; но онъ дѣйствовалъ такъ удачно и такъ искусно, что скоро торговля и промышленность пришли въ совершенный упадокъ; почти всѣ мануфактурныя заведенія остановились, и правительство было принуждено отказаться отъ разработки дорогъ въ Апеннинахъ. Наконецъ результатами его финансовыхъ операцій было то, что послѣ его смерти надобно было прибѣгнуть къ займу на издержки по конклаву.

Пій VIII не сдѣлалъ ничего къ улучшенію этого положенія. Вообще все время его папства прошло въ совершенной апатіи и бездѣйствіи. *Paskino* въ одномъ четверостишіи обрисовалъ какъ нельзя лучше все его царствованіе.

«Allorche papa Pio
Comparse innunzi a Dio,
Dio gli chiese: cosa hai fatte?
Ei rispose: niento affatto» (*)

При Григоріи XVI дѣла пошли еще хуже. Возстаніе всей Романьи въ 1831 году, которая въ это время не платила податей, повлекло за собою огромные расходы на содержаніе швейцарскихъ полковъ и австрійскихъ войскъ, такъ что правительство принуждено было продать значительную часть имуществъ, принадлежащихъ апостольской камерѣ, и тѣмъ лишиться доходовъ въ милліонъ римскихъ экю.

О настоящемъ положеніи папской области нечего и говорить: оно бѣдственно во всѣхъ отношеніяхъ. Когда уже подрыто основаніе зданія, то какъ-бы его ни поддерживали, оно не можетъ устоять и должно наконецъ обрушиться!

Право избранія папъ, присвоенное себѣ римскимъ духовенствомъ, совершенно незаконно. Первобытная церковь конечно могла сама избирать своихъ пастырей, но они должны были всегда оставаться въ томъ смиренномъ состояніи, которое завѣщалъ Христосъ. Въ послѣдствіи когда христіанство распространилось, народъ Римскій вмѣстѣ съ духовенствомъ участвовалъ въ избраніи своихъ епископовъ; но духовенство подъ предлогомъ смутъ и безпорядковъ, сопровождавшихъ это избраніе, отстранило народъ и вскорѣ потомъ облекло только одинъ кардинальскій конклавъ этою властью.

Формулы, наблюдаемыя конклавомъ при избраніи папъ, весьма разнообразны. При составленіи конклава въ Римѣ разыгрываются всѣ страсти, и онъ обыкновенно раздѣляется на множество партій, въ главѣ которыхъ становятся посланники католическихъ державъ. Догматъ римской церкви, будто избраніе папы совершается чрезъ посредство Св. Духа, плохо прикладывается къ кардиналамъ, всегда имѣющимъ въ виду только одни земные интересы. На кардиналовъ дѣйствуютъ вопервыхъ собственныя ихъ выгоды, потомъ интриги иностранныхъ державъ, подкупъ и другія болѣе постыдныя страсти.

При избраніи Пія VI двѣ партіи, первая католическихъ державъ,

---

(*) Когда папа Пій
Предсталъ предъ лицо Бога,
Богъ спросилъ: что ты дѣлалъ?
Тотъ отвѣчалъ: ровно ничего!

и вторая названная *Zelanti*, т. е. прелатовъ, приверженцевъ езуитовъ, поглотили всѣ прочія. Соперничество этихъ двухъ партій угрожало продлить конклавъ на безконечное время, еслибъ испанскій посланникъ *Флорида Бланка* не придумалъ подкупить фаворитокъ кардиналовъ, приставшихъ къ партіи *Zelanti*. Золото Испаніи и Франціи было разсыпано предъ этими царицами конклава, которыя въ свою очередь дали обѣщаніе дѣйствовать на своихъ поклонниковъ и заставить ихъ подать голосъ въ пользу кардинала, указаннаго и поддерживаемаго посланниками. Французскій кардиналъ Бернисъ, засѣдавшій въ конклавѣ, извѣщенный объ этомъ тайно, сообщилъ кому слѣдовало волю этихъ царицъ, и кардиналъ *Іоаннъ Анжъ Браски*, котораго всѣ считали преданнымъ интересамъ Франціи, былъ избранъ папой подъ именемъ Пія VI.

Конклавъ этотъ отличался не только интригами и спорами, но въ немъ дѣло доходило даже до не совсѣмъ вѣжливыхъ жестовъ между кардиналами. *Паскино* опять сыгралъ шутку. На сценѣ онъ сталъ въ позицію боксера, и когда *Марфиріо* спросилъ его, что онъ дѣлаетъ, Паскино отвѣчалъ:

— Учусь драться на кулачки.

— Зачѣмъ?

— Хочу быть папой; безъ кулаковъ этого не добьешся.

И бѣднаго Паскино опять отправили въ кордегардію, на хлѣбъ и воду.

Исторія древнихъ конклавовъ полна не только безначаліемъ, интригами, обманами, но даже преступленіями и неистовствами. Въ нихъ желѣзо и ядъ играли значительную роль.

Когда наступали эти страшные промежутки, въ которые святой престолъ оставался празднымъ, страсти разыгрывались, бушевали, и Римъ со всѣмъ христіанствомъ страдалъ отъ междоусобій.

При открытіи конклава въ 1491 году, Римъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, обратился въ обширный притонъ разврата, посреди котораго бѣсновалось до 50 тысячъ прелестницъ и публичныхъ женщинъ. Всѣ улицы и переулки были наполнены ворами и убійцами. На большихъ дорогахъ сторожили цѣлыя шайки бандитовъ, такъ что кардиналы собранныя въ конклавѣ должны были поставить вокругъ своихъ дворцовъ стражу, чтобы сохранить свои жилища отъ разграбленія. Когда же конклавъ былъ запертъ, войско окружило Ватиканъ, и всѣ входы къ нему были завалены каменьями.

Въ этомъ конклавѣ выборъ казалось долженъ былъ пасть на епископа Пампелунскаго, *но Родригъ Борджіа*, купившій уже голоса многихъ кардиналовъ, дѣйствовалъ такъ ловко и искусно, что успѣлъ продлить конклавъ для подкупа и остальныхъ. Кардиналъ *Орсини* продалъ ему свой голосъ за помѣстья *Монтичели* и *Сарiани*. Асканій Сфорца—за *вице-королевство церкви*. Коллони—за *богатое аббатство Св. Бенедикта* съ потомственнымъ правомъ на всѣ его доходы. Кардиналъ Сентъ-Анжъ—*за епископство Портское*. Савелли—*за губернаторство Кастеланское*. Кардиналъ Пармскій—*за городъ Непи*. Наконецъ одинъ венеціанскій монахъ, достигшій въ недавнемъ времени кардинальства, *за 5000 червонныхъ* и *за свиданіе съ Лукреціей Борджіа, дочерью Родрига*. Борджіа согласился на все и былъ провозглашонъ папой, подъ именемъ Александра VI.

Несмотря на все это, въ Римѣ до сихъ поръ утверждаютъ, что избраніе папы совершается подъ вліяніемъ высшимъ!

Все народонаселеніе римское всегда съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончаніе конклава. Для честолюбія знатныхъ, ожидающихъ всего отъ новаго царствованія, продолженіе конклава томительно, для горожанъ оно разорительно и опасно. Полиція, и безъ того севершенно ничтожная, бываетъ въ это время занята наблюденіемъ за политическими партіями и оставляетъ Римъ на жертву воровъ, грабителей и разбойниковъ, а какъ большая часть римской черни живетъ разными продѣлками и подаяніемъ, то въ это время она имѣетъ болѣе чѣмъ когда либо возможножность отправлять свое благородное ремесло, ко вреду честныхъ и мирныхъ гражданъ.

Чтобы покончить съ кардиналами, надобно сказать, что между ними есть очень много людей чрезвычайно ученыхъ и образованныхъ. Въ обществѣ они отличаются утончонною вѣжливостью и прекрасными свѣтскими манерами. Дамской кругъ предпочитаютъ они всегда мужскому и вообще считаются ревностными поклонниками красоты. Между молодыми кардиналами многіе извѣстны страстью своею къ лошадямъ и охохѣ, и могли бы съ честью занять мѣсто членовъ *Жокей-Клуба*. Загородные дома ихъ и виллы вообще чрезвычайно красивы, окружены тѣнистыми садами и богаты многими отличными произведеніями живописи и скульптуры. Въ этихъ пріютахъ роскоши и нѣги молодые кардиналы, зная, что по ихъ лѣтамъ папство для нихъ слишкомъ отдаленно, предаются всѣмъ наслажденіямъ свѣтской жизни; столъ у нихъ роскошный; они носятъ свѣтское платье, не покидая

однакоже никогда красной скуфьи, какъ довазательства ихъ высокаго сана. Римскія дамы часто посѣщаютъ ихъ, и слушая ихъ болтовню, видя ихъ кокетство и любезничанье хозяина, не какъ не повѣришь, что находишься въ гостяхъ у духовнаго лица. Однимъ словомъ—въ Римѣ, столицѣ духовнаго міра, не видишь ничего истинно духовнаго; тамъ свѣтская жизнь съ ея страстями преобладаетъ надъ всѣмъ.

Кардиналы служатъ папѣ только изъ видовъ честолюбія и корысти. Не имѣя къ нему ни преданности, ни любви, они завидуютъ его сану и съ нетерпѣніемъ ждутъ его смерти, которая приближаетъ ихъ самихъ къ папству.

Кромѣ всѣхъ другихъ золъ, которыя таяться въ самомъ характерѣ папскаго достоинства, есть еще одно, которому Римъ обязанъ своими бѣдствіями и разореньемъ; это—*непотизмъ*.

Подъ словомъ *Nipoti* разумѣются племянники и вообще родственники папъ. Каждый папа по достиженіи тіары старается обогатить своихъ племянниковъ и родственниковъ; призываетъ ихъ въ Римъ, даетъ выгодныя мѣста, даритъ помѣстьями, однимъ словомъ—разточаетъ для нихъ казну, и какъ они знаютъ, что время такой богатой жатвы не можетъ быть продолжительно, то и пользуются всѣми случаями получить какъ можно больше (*).

Григорій XIV часто говаривалъ своему племяннику: *Nipote, fate la vostra borsa primo che io moro* (племянникъ, набивай свой кошелекъ, пока я еще не умеръ).

Сикстъ IV, привыкнувшій къ монастырской простотѣ и не знавшій цѣны вещамъ, приказалъ по внушенію своихъ племянниковъ продать, для уплаты ихъ долговъ, коронные брилліанты. Брилліанты были проданы, деньги отданы племянникамъ, а долги все-таки остались неуплаченными.

Александръ VI, знаменитый Борджіа, скупой до крайности, жадный къ деньгамъ и ненасытный въ чувственныхъ наслажденіяхъ, распространилъ непотизмъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ его время явились всѣ эти названія, которыя отличали разныя степени непотизма: *il nepotismo, il figliolismo, il batardismo, il cognatismo*.

Въ понтификащество Урбана VIII непотизмъ былъ также въ страшной силѣ. Въ это время возвысились *Барберини*, которыхъ называ-

(*) Пія IX нельзя упрекнуть въ этомъ. Въ его понтификатство непотизмъ не былъ въ ходу.

ли *Nipotismī posticcio*. Урбанъ возвелъ въ санъ кардинала брата своего Антоніо Барберини и двухъ племянниковъ Антоніо и Франчиско; другимъ своимъ племянникамъ, грудным младенцамъ, роздалъ епископства; а не родившимся еще родственникамъ—аббатства. Другого своего брата *Ѳадѣя Барберини* пожаловалъ квземъ, герцогомъ, маркизомъ, графомъ и барономъ, придавъ каждому изъ этихъ титуловъ соотвѣтствующее помѣстье. Послѣдній изъ дома Роверовъ, потомокъ папы Сикста IV, оставилъ послѣ смерти множество помѣстій въ собственность церкви. Урбанъ VIII отдалъ ихъ всѣ Ѳадѣю Барберини; онъ хотѣлъ даже объявить войну *Эдуарду Фарнезе*, герцогу пармскому и піаченскому, чтобы лишить его престола въ пользу любимца своего Ѳадѣя; но герцогъ прибѣгнулъ къ покровительству Испаніи и успѣлъ не только избѣгнуть грозившей ему бѣды, но заставилъ даже трепетать самого папу. Наконецъ Урбанъ пытался сдѣлать тіару наслѣдственной въ своемъ родѣ, вошолъ по этому предмету въ переговоры съ кардиналами, но не успѣлъ согласить всѣхъ. Можно себѣ представить, сколько злоупотребленій и насилій было слѣдствіемъ такой безумной привязанности папы къ своимъ родственникамъ.

При Иннокентіи X въ особенной силѣ было *il cognatismo*. Онъ облекъ свою невѣстку *дону Олимпію Малдакини* такою властію, что женщина эта, по словамъ *Паскино*, была папой, а самъ *Santo Padre* не былъ ни папой, ни человѣкомъ. Иннокентій X изобрѣлъ для нея *золотую ризу*, которую папы въ послѣдствіи посылали въ подарокъ многимъ королевамъ, какъ знакъ особеннаго своего благоволенія. Въ послѣдствіи другая *Олимпіа Алдобрандини*, жена *Комила*, побочнаго сына Иннокентія, нѣсколько времени оспаривала власть первой Олимпіи. Эти двѣ *cognata* пользовались въ Римѣ неограниченной властью.

Такимъ образомъ непотизмъ былъ страшной язвой для благосостоянія всей римской области. Временщики эти грабили и разоряли народъ безнаказанно и довели его до того нищенства, въ которомъ онъ теперь находится.

За кардиналами, которые какъ князья церкви ставятъ себя выше всякой аристократіи и равняются только принцамъ крови, слѣдуетъ дворянство римское.

Борьба бароновъ римскихъ съ папами была продолжительна и кровава; она вовлекла не только Италію въ разные смуты и бѣдствія, но была причиной многихъ бѣдствій и въ другихъ странахъ. Распри

эти были слишкомъ сильны и не могли не оставить слѣдовъ. Теперь между аристократіей церковной и природной кажется существуетъ полное согласіе; они поняли необходимость соединиться и дѣйствовать за одно. Многія изъ знаменитыхъ фамилій римскихъ ведутъ свой родъ отъ патріціевъ древняго Рима.

Жюстиніани утверждаютъ, что они происходятъ отъ императора Юстиніана; *Савелли*—отъ царя Альбы, называвшагося и Авентиномъ и воевавшаго противъ Энея; *Поркари*—отъ римскаго цензора *Мерка Порціуса*; *Марчелли*—отъ знаменитаго римскаго вождя Марцеліуса, бывшаго пять разъ консуломъ. Впрочемъ выводить древность своего рода отъ такихъ отдаленныхъ началъ свойственно почти всѣмъ аристократіямъ въ свѣтѣ: не утверждаютъ-ли во Франціи *герцоги Леви де Мирепуа*, что родъ ихъ происходитъ отъ колѣна Левина, къ которому принадлежала Пресвятая Дѣва?

Къ числу знатнѣйшихъ римскихъ фамилій безспорно принадлежатъ четыре: *Орсини*, изъ которыхъ старшій въ родѣ носитъ титло перваго барона римскаго; *Колонна*, наслѣдственный конетабль королевства неаполитанскаго, баронъ римской, князь римской имперіи и наслѣдственный кавалеръ ордена Золотого Руна; *Конти*, потомки графовъ Тускуланскихъ,—фамилія нѣкогда самая сильная и богатѣйшая въ Италіи, и наконецъ—*Савелли*, наслѣдственный маршалъ римской церкви и потомственный начальникъ конклавской гвардіи. Папы *Маркелъ I*, *Либерій*, *Св. Гонорій III и IV* принадлежали къ этому дому. Фамиліи *Савелли* и *Конти* считаютъ себя древнѣе всѣхъ другихъ, но по повелѣнію Сикста V *Орсини* и *Колонна* поставлены выше, какъ носящіе титулъ бароновъ и князей римскихъ. Мѣсто ихъ, по церемоніалу римскаго двора, на первыхъ ступеняхъ трона, по правую руку папы, по старшинству лѣтъ каждаго изъ представителей этихъ домовъ. Мѣра эта была принята для отстраненія всякихъ споровъ между ними, но ни та, ни другая фамилія никогда не хотѣли подчиниться этому правилу. Когда старшинство по лѣтамъ принадлежитъ Орсини, Колонна не является во дворецъ и наоборотъ, такъ что дворъ римской никогда не видитъ вмѣстѣ представителей этихъ двухъ гордыхъ домовъ.

Савелли и Конти съ своей стороны протестовали противъ декрета Сикста V, какъ оскорбительнаго для древности ихъ родовъ, но протестъ этотъ остался безъ уваженія.

Младшая линія фамиліи Колонна носитъ названіе *князей Кар-*

боньяно и ведетъ свое начало отъ знаменитаго *Колонна*, давшаго своей желѣзной перчаткой пощечину папѣ Бонифацію VIII.

Четыре другія фамиліи присвоиваютъ себѣ право быть равными предъидущимъ: *Коэтани*, ведущіе свое начало отъ папы Бонифація VIII; *Чезарини*, извѣстные по исторіи XII вѣка; *Сфорцы*, знаменитые въ военной исторіи Италіи, и *Чези*, которые восходятъ до XIII вѣка. За ними по древности своего происхожденія слѣдуютъ: *Франджипани*, *Мопери*, *Кафарели*, *Ланти*, *Альдобрандини*, *Мати*, *Строци* и *Сальвіати*.—Двѣ послѣднія фамиліи ведутъ свой родъ изъ Флоренціи.

Въ одной изъ залъ капитолія храняться регистры, въ которые внесены всѣ благородныя римскія фамиліи, раздѣленныя на три разряда.

Казалось бы, что въ разряды эти слѣдовало вписывать—въ первый древнѣйшіе роды, во второй менѣе древніе и такъ далѣе, какъ это дѣлается вездѣ и какъ была составлена *золотая книга* нобилей венеціанскихъ. Но къ крайнему удивленію интересующихся этимъ, въ Римѣ родословныя книги ведены не такъ. Въ первый разрядъ, то есть высшій, внесены именно тѣ роды, которые по происхожденію своему уступаютъ двумъ послѣдующимъ; такъ что въ главѣ всего римскаго дворянства поставлены именно тѣ фамиліи, которыя происходятъ отъ родственниковъ папъ, отъ *Nipoti*, а не отъ старинныхъ римскихъ патриціевъ.

Такихъ фамилій *девять*. Имъ присвоенъ титулъ *Dom*, т. е. *Dominus*, означающій господина, сеньора, владѣтеля. Всѣ онѣ владѣютъ княжествами и герцогствами, по имени которыхъ называются. Доходъ каждой изъ нихъ превышалъ еще не такъ давно милліонъ франковъ; онѣ оспариваютъ первенство у всѣхъ принцевъ и князей Европы, неимѣющихъ независимыхъ владѣній, и всѣ онѣ безъ исключенія *del solio*, т. е. *свѣтлѣйшія*. Фамиліи эти считаютъ старшинство по старѣйшинству папъ, отъ которыхъ происходятъ. Вотъ онѣ:

1. *Буонкампаньи* происходятъ отъ побочнаго сына папы Григорія XIII (1572 г.), *Іакова*; носятъ титулъ герцоговъ *де ла Сара* и *д'Арчіа* и владѣютъ въ Тоскапѣ герцогствомъ Піомбинскимъ. Младшая ихъ отрасль носитъ названіе *герцоговъ Піомбинскихъ*.

2. *Боргезе* изъ Сіены, отъ двоюроднаго внука Папы Павла V (1605 г.). Они *герцоги Сульмонскіе* и *Россанскіе*.

3. *Людовизи* изъ Болоньи, отъ родственника папы Григорія XV (1621 г.).

4. *Барберини* изъ Тосканы, отъ Урбана VIII (1623); они *принцы Палестринскіе*.

5. *Жюстиніани*, ведущіе свой родъ отъ императора Юстиніана, но получившіе значеніе въ понтификатство папы Иннокентія X (1644), съ двоюроднымъ внукомъ котораго, герцогомъ *д'Онано*, они были въ родствѣ.

6. *Памфили*, римскіе нобили, отъ племянника того же папы Иннокентія X.

7. *Роспиліари* изъ Пистои, отъ племянника папы Климента IX (1667); они принцы *Паловичинскіе* и *Загорольскіе*.

8. *Алтіери* отъ принца Лоріоло, мужа племянницы папы Климента X (1670).

9. *Одескальки* изъ Комо, отъ племянника папы Иннокентія XI (1676); они *герцоги Черійскіе*; родоначальникомъ ихъ былъ банкиръ въ Миланѣ.

Изъ этого видно, что и папы имѣютъ потомство.

Кромѣ всѣхъ этихъ фамилій, внесенныхъ въ золотую книгу капитолія, въ Римѣ есть много благородныхъ фамилій изъ Болоньи, Феррары, Урбино, Равены, Пармы, Сіены, Генуи, Неаполя и въ особенности изъ Флоренціи; наконецъ есть и такія, которыя не имѣютъ предковъ, но носятъ пышные титулы, какъ напримѣръ *Тарлонія*. Всѣмъ извѣстно происхожденіе этого дома. Родоначальникъ его въ прошломъ столѣтіи нажилъ разными средствами огромное состояніе, сдѣлался банкиромъ и наконецъ купилъ помѣстья, а съ ними вмѣстѣ и громкіе титулы. Сынъ его *Марино Тарлонія*, *герцогъ Бракчіано*, *Поли* и *Гванданьоло* женатъ на дочери герцога Сфорцы, имѣетъ въ Римѣ на венеціанской площади великолѣпный дворецъ и несмотря на свое герцогское достоинство держитъ банкирскую контору, принимаетъ всѣхъ иностранцевъ, акредитованныхъ къ нему, отличается любезностію, гостепріимствомъ, такъ что домъ его можно назвать однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Римѣ.

Нѣтъ ничего труднѣе какъ согласить разнообразныя и мелочныя претензіи всѣхъ этихъ нобилей, изъ которыхъ каждый почему-либо ставитъ себя выше другого. Еще ни одинъ папа не успѣлъ въ этомъ. Впрочемъ римское дворянство въ настоящее время—только одна тѣнь того, чѣмъ оно было прежде. Подчиненное церкви, внѣ которой не имѣетъ никакого вліянія, оно преклоняется предъ владыкой, добиваясь только одного, какъ бы захватить выгодное мѣсто.

Высшее римское духовенство, особенно кардиналы, благодаря заботливости папъ, старающихся доставить имъ всѣ средства къ рос-

кошной жизни, не нуждаются ни въ чемъ; но дворянство римское, разоренное, обнищавшее, но все еще гордое своими титулами, находится въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и этотъ контрастъ между блескомъ прошедшаго и уничиженіемъ настоящаго составляетъ самую поразительную картину для тѣхъ, которые посѣщаютъ теперь Римъ.

И за всѣмъ тѣмъ нигдѣ не увидишь такой надменной гордости, такой надутости, какую встрѣчаемъ въ аристократіи римской. Подобно испанскимъ гидальго, доведеннымъ до необходимости протягивать руку и просить подаянія, римскіе нобили, за весьма малыми исключеніями, все еще съ гордостью и надменностью окутываются въ свои износившіяся княжескія мантіи. Доступъ въ ихъ кругъ труденъ, почти невозможенъ. Одни чувствуя всю тяжесть громкаго имени, которое давитъ ихъ, употребляютъ невѣроятныя усилія, чтобъ кое-какъ тащить на себѣ это ярмо; другіе едва поддерживаютъ гербъ своихъ благородныхъ предковъ. При дворѣ римскомъ церемоніалъ окружающій папу и пышность кардиналовъ требуютъ множества прислужниковъ; они нужны для несенія длинныхъ мантій папы и кардиналовъ, въ торжественныхъ процессіяхъ, для освѣженія св. отца павлиньими перьями, для занятія ступеней на лѣстницахъ Ватикана и Квиринала, для предшествованія и сопровожденія папы и кардиналовъ въ ихъ поѣздахъ,—все это исполняется гордыми, высокомѣрными принцами, герцогами и графами.

Римское дворянство, въ особенности то, которое ведетъ свое начало отъ папъ, обладало нѣкогда огромными богатствами. Это доказываютъ великолѣпные дворцы многихъ изъ этихъ фамилій. Теперь дворцы эти пусты; въ нихъ хозяинъ занимаетъ только нѣсколько комнатъ, покидая все остальное на произволъ времени, пыли, сырости и крысъ. Во многихъ изъ нихъ есть прекрасныя галлереи живописи и ваянья, которыя показываются иностранцамъ *кустодами* (*) за небольшую плату. Дворецъ Барберини между прочими сокровищами владѣетъ картиной, которая цѣнится знатоками очень высоко. Это портретъ несчастной ***Беатриче Ченчи***, написанный Гвидо-Рени въ ту минуту, когда ее вели къ эшафоту. ***Вилла Альбани Кастельбарко*** замѣчательна по своимъ статуямъ, барельефамъ и картинамъ Доминикина. ***Вилла Людовизи,*** принадлежащая принцу Піомбино, также богата древними статуями и картинами. ***Вилла Боргезе*** одна изъ самыхъ великолѣпныхъ и обширныхъ въ Римѣ; къ ней принадлежитъ загородный

(*) Привратники.

домъ *Рафаэля Санціо*; вилла эта отличается прекрасною мѣстностью и самымъ здоровымъ воздухомъ. *Дворецъ Корсини*—великолѣпное зданіе съ прекрасной картинной галереей и знаменитой картиной Гверчино *Ecce Homo*; во дворцѣ этомъ жила королева шведская Христина, дочь Густава Адольфа, умершая въ 1689 году.

Вообще дворянство римское теперь очень упало. Ничто, никакія бѣдствія или гоненія не сокрушали его; оно само собою, безъ всякой видимой причины дошло до того состоянія, въ которомъ находится теперь. Римскіе нобили въ продолженіи многихъ вѣковъ были не болѣе какъ пышныя декораціи при обстановкѣ роскошнаго спектакля. Какъ безполезныя куклы они принимали участіе только въ пышныхъ церемоніяхъ, процессіяхъ, кавалькадахъ, и никто изъ нихъ не отличался ни военными ни гражданскими доблестями. Теперь они погибаютъ вслѣдствіе собственнаго своего вѣкового бездѣйствія.

Въ Римѣ какъ и вездѣ общество раздѣлено на нѣсколько круговъ. Высшее почти недоступно для иностранца; къ нему принадлежатъ кардиналы и прелаты занимающіе важныя мѣста. Эти послѣдніе приглашаютъ иногда знатныхъ иностранцевъ къ обѣду, гдѣ любятъ выказать роскошь и поддержать славу первыхъ гастрономовъ въ мірѣ. Къ среднему кругу принадлежатъ зажиточные горожане, купцы, аббаты и чиновники разныхъ судовъ и управленій; наконецъ къ третьему и послѣднему,—все остальное народонаселеніе. Есть еще кругъ артистовъ всѣхъ націй; кругъ этотъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ.

Въ Римѣ во всѣхъ классахъ общества женщины владычествуютъ безусловно надъ всѣмъ и всѣми. Безъ нихъ тамъ ничего не дѣлается. Вліяніе ихъ зависитъ не столько отъ качества ума и сердца, какъ отъ привлекательной наружности и той пылкости нрава и страсти, чисто-матеріальной, которая проявляется во всемъ ихъ существѣ. Въ нихъ преобладаетъ болѣе всего чувственность, горячность темперамента, любовь къ красивымъ формамъ; все остальное для нихъ *terra incognita!*

Воспитаніе, которое они получаютъ, съ младенчества уже пріучаетъ ихъ къ жизни матеріальной, сенсуальной. Молодыя римлянки, даже принадлежащія къ высшему кругу, не подвергаются ни заботливому надзору, ни продолжительному ученію, какъ это дѣлается въ остальной Европѣ. Ихъ не мучаютъ развитіемъ талантовъ, которыхъ у большей части нѣтъ, которыя стоятъ такъ дорого, а потомъ бросаются не принося никакой пользы. Въ Римѣ дѣвушка растетъ

какъ дикой цвѣтокъ, оставленный на произволъ природы и собственныхъ своихъ инстинктовъ. Дѣтство ихъ очень кратковременно, и въ то время когда въ другихъ странахъ дѣвушки играютъ еще въ куклы или сидятъ надъ книгами подъ надзоромъ матери или воспитательницы, римлянка уже свободна, развита вполнѣ, и все выказываетъ въ ней женщину, полную жизни и страсти.

Монтескьё, разсуждая о невольничествѣ женщинъ на востокѣ, находитъ причину этого въ ихъ преждевременной юности, которая, развивая ихъ физическія совершенства прежде чѣмъ успѣютъ развиться способности умственныя, предаетъ ихъ беззащитно во власть мужчинъ. Этой самой причинѣ слѣдуетъ приписать вольность въ обращеніи, отсутствіе всякой скромности, легкомысліе и незавидную откровенность бо́льшей части римлянокъ во всѣхъ слояхъ общества.

Здѣсь, въ сношеніяхъ двухъ половъ, нигдѣ не встрѣтишь той стыдливости и скромности, которыя въ другихъ странахъ считаются необходимыми условіями общества порядочныхъ людей. Въ Римѣ едва только начнетъ развиваться женщина, она уже проявляется со всѣми своими наклонностями и побужденіями и предается имъ съ полнымъ увлеченіемъ молодости и страсти. Здѣсь любовь есть обожаніе формы и весьма рѣдко случается, чтобъ какія-нибудь другія побужденія руководили выборомъ; здѣсь нравственныя качества имѣютъ цѣну тогда только, когда онѣ совпадаютъ съ совершенствами физическими. Мужество, неустрашимость нравятся римскимъ женщинамъ, потому что эти достоинства принадлежатъ нравственной природѣ человѣка, но нравятся только тогда, когда съ ними соединены сила и красота. Пагубное направленіе порочной цивилизаціи извратило отчасти въ римской женщинѣ порывы благородныхъ инстинктовъ, но слѣды ихъ таятся еще посреди всеобщаго разслабленія. Вотъ отчего пылкая римская поселянка, вмѣсто того чтобъ выдти замужъ за простаго, мирнаго поселянина, бросается въ объятія бандита, который нравится ей красотой, силой, мужествомъ и безстрашіемъ. Видя его, она восклицаетъ: «Вотъ онъ, мой избранникъ! Онъ хорошъ собой, силенъ, молодъ, храбръ. Съ нимъ будутъ у меня *denaro e rica acconciatura*! т. е. деньги и наряды.

Страсть къ деньгамъ и нарядамъ развита не только въ женщинахъ простого класса, но и въ высшемъ кругу, и этими условіями, разумѣется при тѣлесныхъ совершенствахъ, руководятся всегда при сердечныхъ выборахъ. Но когда наступятъ дни горя, бѣдствій и заточенія, бѣдная дѣвушка, любовница бандита, еще недавно столь низко

упавшая, вдругъ какъ-будто возраждается. Въ безпредѣльной преданности къ любимцу своего сердца, въ неизмѣнной заботливости о немъ, въ благородномъ порывѣ раздѣлить съ нимъ судьбу его и самый позоръ—она омываетъ стыдъ своего проступка, тогда какъ женщина другого круга, съ сухостью сердца, безъ сожалѣнія, безъ слезъ, оставляетъ прежняго своего любовника, подпавшаго немилости или несчастію, и отдается другому. И поступокъ ея кажется всѣмъ очень обыкновеннымъ.

Жизнь семейная, обязанности матери болѣе всего способны останавливать и сдерживать порывы страстей. Но въ Римѣ жизнь семейная, въ тѣхъ понятіяхъ какою бы она должна быть, почти не существуетъ. Бракъ по католической религіи есть не только союзъ освященный закономъ гражданскимъ, но составляетъ таинство церкви; между тѣмъ нигдѣ обязанности его не нарушаются такъ явно и съ такимъ безстыдствомъ какъ въ Римѣ. Нигдѣ чичизбеизмъ не развитъ такъ сильно какъ здѣсь. Матери, преданныя удовольствіямъ и развлеченіямъ свѣта, не заботятся о дѣтяхъ и ввѣряютъ воспитаніе ихъ чужому надзору. Распущенность духовныхъ, которую они даже не стараются скрывать, служитъ самымъ пагубнымъ примѣромъ для всѣхъ. Нравственное вліяніе монаховъ и духовенства на легковѣріе и пылкость женщинъ, обольщенія, которыми они дѣйствуютъ на ихъ страстную натуру, втираясь въ семейный кругъ и исторгая тайны домашняго очага посредствомъ исповѣди и другихъ средствъ,—все это даетъ возможность этимъ безродным и безбрачнымъ людямъ удовлетворять главнѣйшей ихъ страсти—сластолюбію, и все болѣе и болѣе распространяетъ развратъ и забвеніе всякаго долга между римскими женщинами. Обязательное безбрачіе духовенства было во всѣ времена страшною язвой для Рима и служило соблазномъ для всего христіанства. Этому несвойственному и противному природѣ положенію католическаго духовенства должно приписать всѣ безпорядки, всѣ пороки, которые таятся въ римскомъ обществѣ и народѣ. Конечно нигдѣ нельзя встрѣтить такого явнаго презрѣнія, такого наглаго и открытаго пренебреженія ко всѣмъ нравственнымъ началамъ человѣка, какъ въ Римѣ. Чичизбеизмъ или лучше сказать олицетворенное прелюбодѣяніе является вездѣ...

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ римскаго общества Римъ могъ бы по крайней мѣрѣ отстранить отъ себя всякой другой позоръ; но и этого нѣтъ. Столица Намѣстника Христова, какъ величаютъ себя папы, въ которой святость брачнаго союза публично попирается но-

гами, заключаетъ въ стѣнахъ своихъ такое множество публичныхъ женщинъ, какого нѣтъ ни въ одномъ другомъ городѣ. Въ Римѣ ремесло этихъ женщинъ пользуется различными привилегіями, не стѣснено никакими полицейскими мѣрами, и имъ какъ будто дано право выказывать все свое безтыдство и развратъ. Ихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу; онѣ сторожатъ чужеземца при его пріѣздѣ, завлекаютъ его всѣми средствами, втираются даже въ дома,—и все это имъ облегчено до невѣроятности.

Въ Римѣ есть другая незавидная сила; это—монашескіе ордена. Въ настоящее время тамъ считается 55 монашескихъ братствъ и 89 женскихъ монастырскихъ общинъ. Страшно подумать о томъ тайномъ, могущественномъ вліяніи, какое можетъ имѣть папскій престолъ на все христіанство при помощи этой несмѣтной милиціи, разсѣянной по всему лицу земли, дѣйствующей въ видахъ папъ и отдающей отчотъ въ своихъ подвигахъ одному Риму. — Здѣсь же постоянно находятся генералы и представители монашескихъ орденовъ и руководятъ отсюда всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

На монахахъ, живущихъ въ Римѣ, лежитъ обязанность отправлять всѣ обряды богослуженія во всѣхъ церквахъ, которыхъ въ Римѣ считается 71. Каждый изъ нихъ носитъ одежду своего ордена и не снимаетъ ея даже при богослуженіи, надѣвая сверхъ нея ризы и облаченія. Вообще всѣ эти монахи въ высшей степени грубы и необразованы, потому что монастыри большею частію наполняются людьми изъ самыхъ низшихъ классовъ народа. Они идутъ туда не для того чтобъ удалиться отъ соблазна міра, имъ вовсе не знакомаго, а для того только, что находятъ въ монастыряхъ пріютъ для лѣни и могутъ вести, при обезпеченномъ содержаніи, праздную жизнь и пользоваться нѣкоторымъ почотомъ и властью, что̀ льститъ ихъ самолюбію.

Такое множество монастырей, куда доступъ открытъ для каждаго, лишаетъ города и села даже работниковъ.

Такъ-какъ большая часть этихъ монаховъ грубы и необразованы, то вліяніе ихъ на народъ, столь же необразованный, въ которомъ они стараются поддерживать суевѣріе, вредно и опасно. Руководимые своими настоятелями, избираемыми всегда не по личнымъ ихъ достоинствамъ и святости жизни, а по безпредѣльной преданности ихъ къ интересамъ своего ордена, для которыхъ они готовы принести въ жертву все, монахи, подъ вліяніемъ этихъ настоятелей, почти всѣ отличаются изувѣрствомъ и дѣйствуютъ на толпу страхомъ, пугаютъ воображеніе адскими муками, вымаливаютъ у нея все что только могутъ и часто лишаютъ бѣдняка послѣдняго баіока.

Въ высшихъ классахъ общества тѣже монахи, болѣе образованные и хитрые, втираются въ семейства, стараются проникнуть въ его тайны, вносятъ туда раздоръ, сплетни и этими средствами часто лишаютъ ближайшихъ родственниковъ наслѣдія, принадлежащаго имъ по праву, убѣждая завѣщателей отдавать свои имѣнія церкви.

Еще выше, почти у порога власти, встрѣчается опять таже толпа монаховъ, съ тѣми же наклонностями и побужденіями. Тамъ эти тонсурованные дипломаты служатъ для правительства тайными агентами и съ изумительнымъ лукавствомъ и хитростью вмѣшиваются во всѣ политическія интриги. Почти при всѣхъ католическихъ дворахъ, кромѣ Легата или Посланника, былъ всегда какой нибудь монахъ, принимающій на себя личину смиренія и занимающій самое ничтожное по видимому мѣсто при Легаціи, а между тѣмъ имѣющій огромное вліяніе на ходъ дѣлъ.

Женщины наиболѣе подвергаются ихъ вліянію, ихъ лукавой пронырливости. Монахи дѣйствуютъ на ихъ довѣрчивый умъ всею силою софизмовъ; внушаютъ имъ мысли и понятія, укореняющія въ нихъ ханжество, къ которому онѣ и безъ того уже расположены, и черезъ нихъ, какъ имѣющихъ всегда большое вліяніе на мужчинъ, достигаютъ своихъ цѣлей.

Каждый членъ какого–бы то ни было ордена, дѣйствуетъ всегда по внушенію своего принципала, съ полною, слѣпою покорностью, которая есть одинъ изъ первыхъ догматовъ монашескаго устава. Принципалъ въ свою очередь подчиненъ другому высшему лицу, и такимъ образомъ эта постепенность восходитъ до крайнихъ предѣловъ и сосредоточивается въ лицѣ папы. Какъ же должно быть сильно его вліяніе, когда онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ такое множество ревностныхъ и покорныхъ исполнителей своей воли? Это нѣчто въ родѣ правильноорганизованной арміи противъ всего человѣчества.

Но всѣ эти монашескіе ордена или братства ничто въ сравненіи съ езуитами. Езуиты составляютъ прямую гвардію папы; они его тѣлохранители, ревностнѣйшіе поборники его власти, его главенства, непогрѣшимости.

Орденъ этотъ, учрежденный испанскимъ дворяниномъ Игнатіемъ Лойолой въ 1534 году, въ ту эпоху, когда новыя идеи, распространенныя реформаціей, начали подкапывать основанія папскаго престола, получилъ въ самое короткое время огромное развитіе. Главный, основной принципъ его состоитъ въ томъ, чтобъ всѣми способами содѣй-

ствовать къ поддержанію папской власти. Для достиженія этой цѣли, езуитамъ вмѣняется въ обязанность, не останавливаясь и не стѣсняясь никакими средствами, распространять повсюду римско-католическое исповѣданіе; дѣлаться воспитателями юношества, втираться въ совѣты царскіе, овладѣвать совѣстью государей, сдѣлавшись ихъ духовниками; объявлять непримиримую вражду всякой новой мысли, всякому развитію человѣчества и поддерживать всѣми силами и способами невѣжество и суевѣріе народовъ. Надобно сознаться, что езуиты исполняли и исполняютъ все это какъ нельзя болѣе успѣшно.

Страшное вліяніе этого ордена не только въ религіозномъ, но и политическомъ отношеніи, явное участіе его во всѣхъ смутахъ и междоусобіяхъ колебавшихъ міръ, опасное направленіе данное ими воспитанію юношества, и множество злодѣяній и цареубійствъ совершенныхъ фанатиками—воспитанниками ихъ, открыли наконецъ глаза правительствамъ, и езуиты подверглись всеобщему преслѣдованію.

Они были торжественно изгнаны: изъ Венеціи въ 1606 г., изъ Богеміи въ 1618 г., изъ Неаполя и Нидерландовъ въ 1622., изъ Индіи въ 1623 г., изъ Россіи въ 1676 г., изъ Франціи въ 1764 г., изъ Испаніи въ 1767 г., изъ Португаліи въ 1773 г. и наконецъ изъ самаго Рима въ 1773 году,—когда Папа Климентъ XIV знаменитой буллой *Dominus et Redamptor* отъ 21 іюля 1773 года уничтожилъ на вѣчныя времена этотъ орденъ.

Подписывая эту буллу, Климентъ сказалъ: «*Я повинуюсь голосу моей совѣсти, но знаю, что подписываю свой смертный приговоръ!*» Слова его оправдались: черезъ годъ онъ умеръ, съѣвъ отравленную фигу, поданную ему въ числѣ другихъ и сорванную въ саду одной женщины, преданной езуитамъ.

Но не смотря на проклятіе народовъ, на торжественныя обвиненія, взведенныя на этотъ орденъ всѣми государями Европы, на ненависть и презрѣніе къ нему цѣлаго міра, даже на папскую буллу,—езуиты существуютъ и никогда не переставали существовать.

Черезъ 26 лѣтъ послѣ буллы Климента XIV, папа Пій VII возстановилъ езуитскій орденъ. Мало того, онъ сдѣлался его панегиристомъ въ письмѣ къ Фердинанду VII, въ которомъ осыпалъ его похвалами за благосклонный пріемъ, сдѣланный этимъ королемъ езуитамъ, и говорилъ, что они были невинно оклеветаны. Святой Отецъ вѣроятно не принялъ на себя труда заглянуть въ архивъ Ватиканскій:

тамъ увидѣлъ–бы онъ всѣ факты, на которыхъ основалъ свое рѣшеніе Климентъ XIV, заплатившій жизнію за свой смѣлый поступокъ!

Езуиты и теперь тоже чѣмъ были прежде и чѣмъ будутъ всегда. Уничтоживъ этотъ орденъ нѣтъ возможности, потому что уничтоживъ видимыхъ езуитовъ, никогда не уничтожишь невидимыхъ, а орденъ именно и отличается тѣмъ, что къ числу его членовъ принадлежатъ не одни тѣ, которые носятъ езуитскую одежду. Двойственный характеръ езуитовъ, духовный и свѣтскій, дѣлаетъ ихъ еще болѣе опасными. Капуцина или доминиканца можно узнать по платью, а какъ узнать езуита во фракѣ? Орденъ, корпорацію, можно было-бы еще преслѣдовать и уничтожить, но уничтожить отдѣльныя личности, пропитанныя духомъ езуитизма и скрывающіяся подъ личиной людей свѣтскихъ, невозможно. Въ этомъ–то двойственномъ характерѣ ордена и заключается его сила и живучесть.

Чтобъ имѣть понятіе о всей безнравственности езуитскихъ правилъ и о тѣхъ софизмахъ, на которыхъ основано ихъ ученіе, стоитъ прочитать только *Compendium* патеровъ *Лигуори* и *Малье*; сочиненія *Маріаны*, *Белармина*, *Лорике*, *Фабри* и наконецъ книгу высокостепеннаго епископа Ліонскаго *Бувье*, вышедшую десятымъ изданіемъ въ Парижѣ въ 1843 году: *Dissertatio in sextum decalogi praeceptum, et supplementum ad tractatum de matrimonio.*

Книгу эту можно назвать, выписавъ только ея заглавіе. Всякій, кто сколько–нибудь уважаетъ самого себя или читателя, постыдился-бы писать что–нибудь подобное даже на такомъ малознакомомъ языкѣ, какъ латинской. Картины самыя соблазнительныя, тайны почного алкова самыя сокровенныя, пороки и слабости самыя безстыдные, мерзости, гадости, даже грубое похабство—наполняютъ это сочиненіе, написанное для руководства и назиданія молодыхъ патеровъ при исповѣди женщинъ и дѣвицъ. *Licet rebus venereis studere; ob finem honestum confessiones mulierom excipere.... quamvis proevideatur p ....., indè seutarum* (стр. 54).

Развѣ только одинъ Маркизъ де Саадъ и подобные ему безнравственные безстыдники и негодяи могли бы пощеголять такими картинами и фразами, какія прелатъ езуитъ предлагаетъ въ назиданіе молодымъ патерамъ!

Но довольно объ езуитахъ.

Италія, мѣстопребываніе главы католическаго міра, не можетъ похвалиться особенною набожностію и усердіемъ къ церкви; но ни гдѣ

почитаніе, воздаваемое Матери Божіей, не проявляется съ такою силой какъ въ римскихъ владѣніяхъ; нигдѣ народъ не обращается такъ часто и съ такою любовію къ Пресвятой Заступницѣ какъ здѣсь.

Къ Пречистой Дѣвѣ возсылаются мольбы во всемъ каѳолическомъ мірѣ, какъ на Западѣ такъ и на Востокѣ; но Италія болѣе чѣмъ всѣ страны міра воздаетъ ей почтеніе и поручаетъ себя ея прямому и исключительному заступничеству и покровительству. Народъ итальянской съ умиленіемъ, съ страстью, *con amore*, по здѣшнему выраженію, призываетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ свою обожаемую, боготворимую *Мадонну*.

Въ Римѣ *Мадонна* вездѣ: внутри и снаружи храмовъ. Она украшаетъ пышный дворецъ и бѣдную хижину. На стѣнахъ домовъ, въ улицахъ, въ переулкахъ, на лѣстницахъ, въ кофейныхъ, остеріяхъ—вездѣ видно ея святое изображеніе. Неугасаемыя лампады теплятся предъ ея ликомъ и три раза въ продолженіи сутокъ церковный колоколъ призываетъ вѣрныхъ къ святому поклоненію Мадоннѣ.

Но въ этой любви, въ этомъ почитаніи Пресвятой Дѣвы, какъ и во всемъ что дѣлается въ Римѣ, проявляется гораздо болѣе сторона чувственная нежели духовная. Здѣсь обращаются къ Мадоннѣ съ молитвами не столько о ниспосланіи небесныхъ благъ, сколько о благахъ земныхъ. Ея молятъ объ успѣхѣ задуманнаго предпріятія, какого бы рода оно ни было. Корысть, честолюбіе, зависть, злоба, даже мщеніе призываютъ ея въ помощь. Ростовщикъ на своей канторкѣ, на которой обсчитываетъ своихъ заемщиковъ, ставитъ ея стятой образъ и каждый день по три раза кладетъ предъ нимъ земные поклоны. Знатный сановникъ, замышляющій погубить своего соперника, молится ей въ уединенной комнатѣ своего палаццо о ниспосланія успѣха его предпріятію. Бандитъ вмѣстѣ съ ея святымъ изображеніемъ носитъ свой стилетъ и призываетъ ее въ помощь при своихъ ночныхъ грабительствахъ. Прелестница, завѣсивъ въ своемъ будуарѣ Мадонну, думаетъ, что можетъ свободно предаваться безпутству и что она не увидитъ этого!

Въ Римѣ безпрестанно видимъ сельскихъ музыкантовъ, которые останавливаясь предъ изображеніями Мадонны, напгрываютъ на своемъ инструментѣ, въ родѣ волынки, хвалебныя ей пѣсни. Музыканты эти называются *Pieferary*; они бродятъ по городу и останавливаются предъ каждымъ ея изображеніемъ.

Празднествъ въ честь Мадонны здѣсь великое множество. Въ эти

дни украшаютъ ея ликъ цвѣтами, лентами, дорогими тканями, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Рождество Богородицы и ея Успеніе празднуются съ особымъ торжествомъ и пышностью; длинныя процессіи тянутся по улицамъ и привлекаютъ тысячи народа.

Такое обожаніе Мадонны имѣло слѣдствіемъ новый догматъ *о безпорочномъ зачатіи Св. Дѣвы*, противъ котораго возстала не только вся православная Восточная церковь, но появились сочиненія написанныя даже высшими католическими духовными лицами и въ томъ числѣ однимъ кардиналомъ.

Римля́не страшные любители всѣхъ религіозныхъ процессій, а какъ въ Римѣ нѣтъ почти дня, въ который не было бы какого-либо церковнаго праздника и слѣдовательно какой-нибудь процессіи, то народъ имѣетъ возможность вполнѣ наслаждаться этимъ удовольствіемъ, и въ этомъ отношеніи онъ сохранилъ еще характеръ древнихъ римлянъ, которые у своихъ цесарей требовали только *хлѣба* и *зрѣлищъ*. Нынѣшній цесарь ихъ, папа, отказываетъ въ первомъ, но съ избыткомъ даетъ послѣднія.

Послѣ религіозныхъ церемоній и процессій, самую любимѣйшую забаву для римлянъ составляетъ театръ. Въ былыя времена для удовлетворенія страсти римской черни къ зрѣлищамъ, цезари воздвигали великолѣпные, огромные амфитеатры, какъ напримѣръ Колизей, куда народъ стекался смотрѣть, какъ умирали гладіаторы, на бой звѣрей, на страданія христіанскихъ мучениковъ. Онъ восторгался кровавыми зрѣлищами, и чѣмъ онѣ были ужаснѣе, тѣмъ сильнѣе рукоплескали имъ.

Теперь мѣсто этихъ ужасающихъ сценъ, ареною которыхъ былъ Колизей, заступили театры. Театры, гдѣ собирается высшее общество, похожи на всѣ другіе театры Италіи, съ тою только разницей, что они не такъ велики и не такъ великолѣпны какъ въ Миланѣ *La Scala,* въ Неаполѣ *S. Carlo* и въ Венеціи *Fenice*. Опера въ Римѣ очень порядочная; въ нее допускаются теперь и пѣвицы, тогда какъ лѣтъ за 50 мѣсто примадонъ занимали *кастраты*. Но самый интересный изъ римскихъ театровъ—безъ сомнѣнія театръ *I buritani*.

За дворцомъ Браски, на небольшой площади, называемой *Piazza-Pasquino*, посреди которой на піедесталѣ стоитъ какой-то древній торсъ, безъ головы и рукъ, видно въ углу небольшое зданіе. Вы спускаетесь въ какую-то яму, входите въ очень плохо освѣщенный корридоръ, платите нѣсколько баіоковъ, и предъ вами отворяются двери продолговатой узкой залы, освѣщонной сальными свѣчами, съ двумя

рядами ложъ по сторонамъ и скамьями по срединѣ. Это театръ *I buritani*.

Здѣсь въ теченіи дня дается нѣсколько представленій, какъ въ нашихъ балаганахъ на масляницѣ и Святой. Здѣсь царство *Pasquino* и *Marfirio*, сюда народъ сбѣгается слушать остроты своихъ любимцевъ, говорящихъ на простонародномъ нарѣчіи, любимцевъ, которымъ еще не такъ давно дана была полная свобода говорить все что угодно.

Марфіріо обращается обыкновенно къ Паскино съ разными вопросами, а тотъ отвѣчаетъ, задѣвая всегда или правительство, или кардиналовъ, или ихъ фаворитокъ и даже самаго папу. Зрители хохочутъ, аплодируютъ и расходятся по домамъ совершенно довольные. Слушая остроты Паскино, этотъ бѣдной народъ, раззоренный и обнищалый, забывалъ всѣ свои бѣдствія и хохоталъ до упаду. То, что было терпимо въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, испугало нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ. Теперь Паскино и Марфіріо, эти два олицетворенные типа римскаго остроумія и насмѣшки, обречены на молчаніе, по крайней мѣрѣ насмѣшка не должна касаться ни правительства, ни лицъ стоящихъ во главѣ его. Римская чернь однакоже увѣряетъ, *что если Паскино молчитъ теперь, то онъ все-таки думаетъ какъ прежде*, и утѣшаетъ себя этимъ. Случается и теперь, что простодушный Паскино какъ-нибудь промолвится, и тогда *furia romana* разражается съ страшной силой: чернь кричитъ, топаетъ ногами, аплодируетъ, стучитъ чѣмъ попало и съ торжествомъ провожаетъ своего любимца, котораго сбиры въ такомъ случаѣ прямо съ театральныхъ подмостковъ отводятъ подъ караулъ.

Въ театрѣ Буритани между всею этою чернію, наполняющею его, особенно отличаются Трастеверинки, вообще прекрасныя собою и своими красивыми костюмами. Типъ этихъ женщинъ—настоящій древній римскій типъ; онѣ-то служатъ большею частью художникамъ моделью въ ихъ картинахъ. Театръ этотъ посѣщается также и всѣми иностранцами пріѣзжающими въ Римъ.

Послѣ театра Буритани, первое мѣсто занимаетъ *театръ Маріонетокъ*, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ дворца *Фіано*. Маріонетки въ Римѣ доведены до большаго совершенства. Тамъ два главныхъ лица: *Петрониллo* и *Кассандрино*, которые выпускаютъ свои *lazzi* иногда не совсѣмъ благопристойныя, подсмѣиваются надъ горожанками, мелкими торгошами и монахами; публика хохочетъ и *за полбаіока* наслаждается до сыта.

Надобно отдать справедливость римлянамъ и вообще всѣмъ итальянцамъ. Народъ этотъ очень добрый, услужливый и вѣжливый. Нравственное начало въ немъ прекрасно, и только роковой деспотизмъ, тяготѣющій надъ нимъ столько вѣковъ, могъ потушить, но не уничтожить, тѣ прекрасныя качества, которыми надѣлила его природа также щедро, какъ надѣлила его очаровательную родину прекраснымъ климатомъ и мѣстоположеніемъ.

И такъ—вотъ что такое Римъ, этотъ вѣчный городъ, который столько вѣковъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе цѣлаго міра и который по срединѣ своей грустной, пустынной кампаньи, стоитъ одиноко на распутіи временъ. Много пороковъ, много бѣдствій таится въ его стѣнахъ; но за то и много наслажденій даритъ онъ тѣмъ, которые посѣщаютъ его. Здѣсь для художника открыты сокровища искусствъ, какихъ онъ не найдетъ нигдѣ; для антикварія цѣлый міръ прошедшаго, для мыслителя неистощимый источникъ наблюденій, для туриста тысячи предметовъ для развлеченія, наконецъ для больного—горячее, благотворное солнце.

Кромѣ всего этого, у Рима есть будущее. Это городъ *вѣчный*. Мы увѣрены, что представляемъ эту картину настоящаго Рима наканунѣ будущаго, обновленнаго Рима.

Н. М.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ ОДНОГО СКИТАЛЬЦА.

Письмо къ редактору.

Милостивѣйшій Государь,

Имѣя честь принадлежать къ подписчикамъ и почитателямъ вашего журнала, смѣю надѣяться, что вы не оставите безъ вниманія моего почтительнаго посланія. Мы провинціалы учились на мѣдныя деньги и не любимъ писать длинныхъ писемъ, особенно къ такимъ людямъ, которые непрочь поднять на зубки нашего брата; а потому я никогда не рѣшился бы безпокоить васъ, еслибы дѣло шло не объ интересахъ многоуважаемой мною русской литературы и выгодахъ издаваемаго вами журнала. Надѣюсь, что вы не оставите безъ прочтенія малограмотное писаніе вашего усерднаго подписчика.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда еще не было и слуха объ эмансипаціи, пріобрѣлъ я небольшое имѣніе въ **скомъ уѣздѣ—деревеньку Овинчики, гдѣ несмотря на новые порядки, по милости Божіей проживаю и до сего-дня. Имѣньице это, трудами моими доведенное до значительнаго благоустройства, купилъ я отъ наслѣдниковъ умершаго надворнаго совѣтника Лосева. Вскорѣ по пріѣздѣ въ деревню я замѣтилъ на барскомъ дворѣ чорнаго пуделя и узналъ, что это была соба-

ка покойника, которой наслѣдники не захотѣли взять и бросили вмѣстѣ съ ненужнымъ хламомъ. Я никогда не былъ псовымъ охотникомъ, но люблю собакъ и потому обратилъ вниманіе на пуделя. Замѣтивъ, что онъ часто просился въ комнату, которая была спальней покойника, а у меня назначалась для кабинета, я приказалъ положить за этажеркой небольшой тюфякъ — и старый пудель помѣстился тамъ на постоянное житье.

Нужно вамъ сказать, что изъ всѣхъ породъ собакъ мнѣ особенно нравится пудель. Наружность вполнѣ говоритъ въ его пользу. Онъ не такъ толстъ, какъ бульдогъ или нашъ братъ разжирѣвшій помѣщикъ, да и не тонокъ и поджаръ, какъ борзой или вашъ столичный фертикъ. Подобно всѣмъ великимъ людямъ, пудель средняго роста,—и ученые натуралисты говорятъ, что ни одна порода собакъ не сравнится съ нимъ понятливостью. О наружности нечего и говорить: когда выбритый задъ его блеститъ словно бархатъ, напереди безъ помощи куаффера вьются мелкія кудри, на подбритыхъ лапахъ оставлены манжеты и подстриженная морда опушена бородкой,—онъ привлекаетъ и не любителей собакъ. Походка его легка и граціозна: онъ не переваливается съ ноги на ногу, какъ мопсъ или отставной кавалеристъ, не труситъ иноходной побѣжкой, какъ борзой или опоздавшій на службу чиновникъ, не мечется съ лаемъ по сторонамъ, точно польская собачонка или недавно произведенный фертикъ. Одно какъ-будто не выгодно говоритъ объ его умственныхъ способностяхъ: это длинныя уши. Но тутъ-то и становятся въ тупикъ всѣ теоріи Лафатеровъ и Галлей, потому-что пудель, вопреки ихъ системѣ, умнѣе многихъ животныхъ съ короткими ушами. Нужно-ли говорить о его характерѣ? Въ немъ нѣтъ враждебной страсти преслѣдовать другихъ животныхъ, какою отличаются гончія и меделянскія собаки. Онъ не станетъ ходить на заднихъ лапкахъ, но зато исторія представляетъ сотни примѣровъ, какъ пуделя носили за учениками книги въ пансіоны и даже перевертывали музыкальныя ноты. Вѣрность этихъ собакъ извѣсна всѣмъ.

Послѣ этого вы легко поймете, милостивѣйшій государь, почему я далъ мѣсто въ моемъ кабинетѣ старому пуделю

покойнаго владѣтеля Овинчиковъ. Житье ему было у меня спокойное: по утрамъ давали ему тарелку бульону, а за обѣдомъ супъ съ крошенымъ хлѣбомъ. Старикъ, не смотря на разстроенное здоровье и неизбѣжную болѣзнь собачьей старости, одышку съ перемежающимся кашлемъ, нисколько меня не безпокоилъ. Раза два или три въ день ходилъ онъ прогуливаться по двору, а остальное время лежалъ на своемъ тюфякѣ, вытянувъ переднія лапы и положивъ на нихъ бородатую морду. Особенно занималъ онъ меня, когда бывало въ зимнее время пріѣдутъ ко мнѣ двое или трое сосѣдей, и мы отъ нечего дѣлать примемся читать журналъ: тутъ пудель обыкновенно приподнимался, начиналъ какъ-будто вслушиваться, хотя былъ уже порядочно глухъ — и физіономія его принимала мыслящее выраженіе.

Съ осени прошлаго года здоровье бѣдной собаки начало примѣтно слабѣть: кашель усилился, дыханіе сдѣлалось неровнымъ. Я хотѣлъ помочь страдальцу и далъ ему въ водѣ 2 грана рвотнаго камня съ 10 гранами ипекакуаны. Бѣднякъ не поправлялся, но смотрѣлъ съ признательностью на мои заботы, и слезы текли у него по сторонамъ носа. Жизнь пуделя замѣтно угасала, и послѣ двухмѣсячной болѣзни онъ скончался.

Я приказалъ похоронить покойника въ саду, а тюфякъ его бросить въ кануру цѣпной собаки. Когда человѣкъ мой сталъ выносить изъ кабинета постель стараго пуделя, въ дверяхъ выпала изъ нея какая-то запачканная рукопись. Я поднялъ ее и развернулъ. Представьте-же мое изумленіе: это было жизнеописаніе покойника, писанное собственною его лапою! Я не вѣрилъ глазамъ своимъ. Возможно ли, чтобъ собаки писали у насъ записки, когда мы сами такъ лѣнивы на подобный трудъ? Я не могъ придти въ себя отъ удивленія и ощупывалъ голову, чтобы увѣриться — не брежу ли я. Но рукопись была у меня въ рукахъ. Не смотря на то, что она была перепачкана чернилами и саломъ, мѣстами измята и кое-гдѣ выскоблена когтемъ, почеркъ былъ однако-же чоткій и довольно красивый. Пробѣжавъ нѣсколько страницъ рукописи, я увидѣлъ, что она писана довольно чистымъ языкомъ, и встрѣтилъ даже новые обороты, доказывающіе, что покой-

никъ занимался своимъ трудомъ съ любовью. По прочтеніи всего манускрипта я еще болѣе убѣдился въ томъ, что собака, которая работаетъ не изъ одного гонорарія, можетъ иногда написать что-нибудь любопытное. По направленію покойный пудель, мнѣ кажется, не принадлежалъ ни къ петербурскимъ нигилистамъ, ни къ московскимъ англоманамъ; познанія его и начитанность показываютъ не малое образованіе, а нѣкоторые разсказы свидѣтельствуютъ о наблюдательности автора. Впрочемъ не мнѣ, темному провинціалу, судить о произведеніяхъ литературы. Скажу только, что по правописанію онъ принадлежалъ къ новой школѣ: прилагательныя, происходящія отъ собственныхъ именъ, писалъ маленькой буквой, не употреблялъ ѳиты и въ иностранныхъ словахъ придерживался выговора.

Открывъ такое литературное сокровище, я хотѣлъ какъ-можно скорѣе подѣлиться имъ съ публикою. Переписавъ четко рукопись, началъ я думать объ изданіи въ свѣтъ драгоцѣнныхъ записокъ. Слыхалъ я, что заграницей платили авторамъ за рукописи дороже, чѣмъ нашему брату помѣщику за годовой урожай овса и пшеницы. Разсказывали мнѣ, что у насъ Ивану Сергѣевичу Тургеневу за одинъ романъ выплатили чуть-ли не десятокъ тысячъ. Это соблазнило меня. Если такъ дорого платятъ за людскія сочиненія, думалъ я, то чего-же не дадутъ за рукопись собаки? Найдется-ли грамотный человѣкъ, который не захотѣлъ-бы прочесть посмертныхъ записокъ стараго пуделя? Да книгу разберутъ нарасхватъ, разорвутъ въ клочки—и она навѣрно выдержитъ больше изданій, чѣмъ приключенія Милорда Георга. Мнѣ казалось, что въ рукахъ моихъ сокровище неоцѣненное, которое обогатитъ меня и прославитъ. Я началъ уже подумывать о покупкѣ сосѣдняго села, которое скоро должно было продаваться съ молотка. Все это такъ расшевелило меня, что я собралъ наконецъ свои наличныя денжонки, приказалъ починить старую колку и отправился съ рукописью въ Москву.

Я пріѣхалъ въ первопрестольную столицу вечеромъ, остановился въ Дрезденѣ и взялъ одинъ изъ лучшихъ номеровъ съ мягкой мебелью и комфортомъ. Всю ночь снились

мнѣ великолѣпныя иллюстрированныя изданія записокъ моего пуделя, съ англійскими гравюрами и портретами автора и издателя. Утромъ я послалъ взять на цѣлый день карету, напился чаю и отправился съ рукописью къ книгопродавцу Л. Мнѣ сказали, что это одинъ изъ богатѣйшихъ книжныхъ торговцевъ въ Россіи. Я спросилъ хозяина, и меня пригласили въ боковую комнату, гдѣ я увидѣлъ старичка очень почтенной наружности. Вообразите-же мое удивленіе, когда выслушавъ въ чемъ дѣло, онъ нетолько не предложилъ мнѣ десятковъ тысячъ за рукопись, но даже не захотѣлъ взглянуть на нее и отвѣчалъ коротко и ясно, что не покупаетъ такихъ оригиналовъ. Я началъ было объяснять ему важность сочиненія и выгоды, ожидающія издателя, но онъ не дослушавъ меня повторилъ, что не дастъ за рукопись ни гроша, и что у него въ подвалѣ валяется не одна сотня экземпляровъ сочиненія какого-то нѣмецкаго кота. Мнѣ хотѣлось вразумить его, но старикъ не слушалъ и предложилъ мнѣ наконецъ написать книгу «О псовой охотѣ», въ четырехъ частяхъ, говоря, что за такое сочиненіе заплатитъ рублей сто. Озадаченный этой неудачей и оскорбительнымъ предложеніемъ торговца, я выбѣжалъ изъ магазина и поѣхалъ по другимъ книгопродавцамъ. Какова-же была моя досада, когда всѣ они наотрѣзъ отказались купить у меня рукопись. Я толкнулся было въ редакцію одного журнала, но оказалось, что получить доступъ къ редактору было гораздо труднѣе, чѣмъ къ китайскому императору. Не помню, какъ я воротился въ гостинницу.

И такъ всѣ мои планы, мечты и надежды разлетѣлись въ прахъ, а вмѣстѣ съ ними и деньги потраченныя на поѣздку, въ которой я, въ надеждѣ будущихъ благъ, позволилъ себѣ много лишняго. Хорошо еще, что я не махнулъ въ Петербургъ: быть-бы моей деревенькѣ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Оставаться въ Москвѣ было не зачѣмъ; мнѣ казалось, что сама кремлевская пушка смѣялась надо мною и большой ивановскій колоколъ дразнилъ меня языкомъ. Я продалъ пару лошадей, расплатился въ гостинницѣ и съ грѣхомъ пополамъ доплелся до своей деревни. Вотъ какая бѣда случилась со мною на старости лѣтъ.

Между тѣмъ мнѣ не хотѣлось-бы, милостивѣйшій государь, чтобы записки моего пуделя пропали въ безызвѣстности. Если книгопродавцы, по обыкновенному у насъ недостатку предпріимчивости, не рѣшаются ихъ печатать, то все-же я не имѣю права скрывать отъ публики такой литературной рѣдкости. Это заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: неугодно-ли вамъ будетъ напечатать отрывки или даже и все сочиненіе въ вашемъ журналѣ, что мнѣ кажется весьма возможнымъ, потому-что съ нѣкотораго времени записки разныхъ скитальцевъ начали часто появляться въ нашей литературѣ. Посылаю вамъ присемъ всю рукопись моего покойнаго пріятеля. Позвольте-же надѣяться, что вы лучше московскихъ книгопродавцевъ оцѣните предлагаемые мемуары, и если мнѣ уже нечего думать о покупкѣ сосѣдняго села, то покрайней мѣрѣ не заставьте отчаяваться въ возвращеніи денегъ, потраченныхъ мною въ Москвѣ и на дорогѣ.

Примите, милостивѣйшій государь, увѣреніе и пр.

Дворянинъ и помѣщикъ

Иванъ Бередкинъ.

Деревня Овинчики.

МОИ СКИТАЛЬЧЕСТВА.

I.

МОЛОДЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ПЕРВЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ЩЕЛЧКИ.

Пріятно подъ старость вспомнить былые годы скитальческой, но веселой жизни. Когда глаза, сверкавшіе огнемъ, потеряютъ свою живость, кудрявая шерсть вылѣзетъ, какъ истасканный воротникъ на старой шубѣ, и сломанные зубы не позволяютъ порядочно обглодать говяжей кости, — въ это время все прошлое получаетъ особую прелесть, минув-

шія радости становятся привлекательнѣе, самыя невзгоды окрашиваются въ розовый цвѣтъ, и при одномъ воспоминаніи о быломъ невольно воешь отъ удовольствія. Да, сладко писать въ старости о своей жизни, какъ бы ни была она горька и безплодна. Съ перомъ въ лапѣ мы снова переживаемъ свою молодость: передъ нами, какъ въ косморамѣ, проходятъ картины былыхъ радостей, портреты близкихъ сердцу, и веселѣе прежняго улыбаются сквозь стекло прошлаго.

Не авторское самолюбіе, не гордое покушеніе гоняться за великими псами, которыхъ имена переданы потомству въ извѣстной Histoire des chiens célèbres, а одно только желаніе вспомнить золотые собачьи годы заставило меня приняться за перо и собственнолапно описать свои приключенія. Я гляжу теперь на прошедшее съ такимъ примирительнымъ чувствомъ, былыя событія являются мнѣ въ такомъ пріятномъ свѣтѣ, знакомыя лица такъ ласково гладятъ по шерсти, что въ запискахъ моихъ читатели найдутъ больше свѣтлыхъ картинъ, чѣмъ мрачныхъ образовъ. Если кто приметъ мои мемуары за шутку и припишетъ ихъ какому-нибудь праздному борзописцу своего двуногаго племени, то мнѣ останется только пожалѣть о его заблужденіи.

Я родился въ Москвѣ, въ какой-то отдаленной, пустой части города. Благодаря чистой крови моихъ родителей, меня не утопили въ какомъ-нибудь пруду или лужѣ, какъ тысячи щенковъ, не имѣющихъ счастія принадлежать къ благороднымъ породамъ пуделей, борзыхъ или лягавыхъ. Воспоминанія о первыхъ дняхъ жизни у меня слабы и туманны. Какъ во снѣ помнится мнѣ, что я родился слѣпымъ и лежалъ съ моими близнецами-братьями и сестрами въ какомъ-то большомъ коробѣ. У меня осталось темное воспоминаніе, какъ мать лизала насъ и какъ мы пищали и ползали по изодранному войлоку, нюхая во всѣ стороны и карабкаясь другъ на друга. Однажды, не знаю какимъ-образомъ, въ отсутствіе матери я взобрался на край ящика, упалъ на полъ и такъ завизжалъ, что мать прибѣжала со всѣхъ ногъ, взяла меня зубами за шиворотъ и опять поло-

жила въ постель. Съ тѣхъ поръ я долго не выползалъ изъ короба и лежалъ свернувшись на войлокѣ.

Нѣсколько яснѣе помню я первые дни того прекраснаго времени, когда глаза мои открылись. Мы жили въ какомъ-то сараѣ. Пожилой человѣкъ съ краснымъ лицомъ и щетинистыми усами, котораго звали Наумомъ, выпускалъ насъ на большой дворъ, полузаросшій свѣжею травой, и мы по цѣлымъ днямъ возились тутъ съ другими борзыми и польскими щенятами, почти одного возраста. Мнѣ было очень весело въ этой разношерстной толпѣ, которая впрочемъ съ каждой недѣлей уменьшалась, потому-что усачъ куда-то уносилъ болѣе взрослыхъ щенятъ, и они рѣдко уже возвращались домой. Но и тутъ еще мои воспоминанія довольно мутны.

День, съ котораго я начинаю помнить отчетливо событія моей жизни, страшно врѣзался у меня въ памяти. Однажды въ ясный день возился я на дворѣ съ другими щенятами; мы теребили другъ друга за уши, поднимались на заднія лапы, боролись и кувыркались, точно кадеты въ лагерѣ. Вдругъ Наумъ показался на дворѣ, съ какимъ-то блестящимъ орудіемъ въ рукахъ, поймалъ одного изъ моихъ братьевъ и понесъ въ сарай. Тамъ скоро послышался такой пронзительный визгъ, что мы перестали играть и навострили уши. Усачъ опять показался въ дверяхъ сарая и свиснулъ мнѣ. Незная за собою никакой вины, я предчувствовалъ однако-же что-то страшное. Смиренно легъ я на брюхо, виляя хвостомъ и смотря умоляющимъ взглядомъ на моего хозяина. Онъ схватилъ меня за шиворотъ и приподнялъ. Я висѣлъ у него въ рукѣ, и повертываясь въ собственной шкурѣ, поджалъ хвостъ и лапки. Въ такомъ положеніи донесъ онъ меня до большаго деревяннаго отрубка, положилъ на него, крѣпко сжалъ между колѣнями, и насвистывая принялся пилить меня ножемъ по самой серединѣ хвоста. Я завизжалъ отъ боли, но злодѣй не выпускалъ меня изъ рукъ и продолжалъ рѣзать. Страшно долгою показалась мнѣ эта варварская операція. Когда конецъ хвоста моего отпалъ, усачъ взялъ изъ круглой коробочки щепотку порошка, которымъ передъ тѣмъ набивалъ себѣ носъ,

присыпалъ къ ранѣ и бросилъ меня въ уголъ, на старый войлокъ. Что можетъ быть безразсуднѣе этой жестокой пытки! Конечно, у нѣкоторыхъ породъ собакъ хвосты очень-безобразны и похожи на вяленыя миноги. Но развѣ нельзя искуснѣе совершать этого обрѣзанія? Почему-бы напримѣръ въ наше просвѣщонное время не примѣнить къ этой операціи хлороформа?

Я страдалъ около недѣли; наконецъ хвостъ мой зажилъ. Въ одно утро, когда я совсѣмъ ужъ выздоровѣлъ, Наумъ вошолъ въ сарай нашъ въ засаленномъ нанковомъ казакинѣ и клеенчатой фуражкѣ, взялъ на веревку мою мать, а меня съ сестрой посадилъ запазуху и вышелъ со двора. Не выбѣгая до-сихъ-поръ никуда, потому-что подворотня всегда была у насъ плотно заставлена, я въ первый разъ увидѣлъ городъ. Мнѣ было весело. Мы прошли длинную улицу: взадъ и впередъ скакали экипажи, шли пѣшеходы, бѣгали незнакомыя собаки. Я не разъ принимался лаять отъ страха, отъ удовольствія, но хозяинъ заставлялъ меня молчать. Проходя мимо одного богатаго каменнаго дома съ балкономъ, увидѣлъ я на окнѣ прелестную англійскую левретку. Она лежала на подушкѣ, выставя впередъ мордочку и чудесно приподнявъ уши. На ней былъ золотой ошейникъ съ блестящимъ замкомъ. Я такъ заглядѣлся на ея прекрасную мордочку, на ея роскошный ошейникъ, что чуть не выскочилъ изъ-за пазухи у моего хозяина.

Мы остановились у рѣшотки какого-то большого сада. Это, какъ узналъ я послѣ, былъ Кремлевскій-садъ со стороны Иверскихъ-воротъ. У входа разложены были на оградѣ ножи, бритвы, книги съ отогнутыми обертками и камушками на заглавныхъ листахъ, чтобы ихъ не переворачивало вѣтромъ. Передъ этимъ товаромъ толпились зѣваки; у въѣзда стояли дрожки, коляски. За рѣшоткой, по широкой липовой аллеѣ, тянулись взадъ и впередъ гуляющіе, пестрѣли платья и шляпы, блистали эполеты. Но я разсѣянно глядѣлъ на это новое зрѣлище: передо мною носился образъ прелестной незнакомки въ золотомъ ошейникѣ.

Народъ безпрестанно толпился въ воротахъ: одни приходили, другіе выходили изъ сада, иные останавливались

передъ книгами. Тогда мой усатый владѣлецъ дергалъ за веревку нашу мать и начиналъ высчитывать достоинства всей семьи: Хотя мнѣ было около четырехъ мѣсяцевъ, и я понималъ уже порядочно человѣческій языкъ, однако въ эту минуту вовсе не чувствовалъ, что судьба моя можетъ измѣниться отъ прихоти кого-нибудь изъ господъ, которые на насъ смотрѣли. Не знаю, долго-ли мы стояли передъ Кремлевскимъ–садомъ; помню только, что мнѣ хотѣлось ѣсть, и я ждалъ съ петерпѣніемъ, скоро-ли мы воротимся домой, хотя тамъ насъ кормили и не очень аппетитно. Усачъ былъ не веселъ, безпрестанно дергалъ за веревку мать и угощалъ насъ порядочными толчками, чуть только мы съ голода начинали шевелиться.

Между тѣмъ подошолъ къ намъ какой-то мужчина. Я безсознательно посмотрѣлъ на него. Это былъ господинъ въ сюртучкѣ, въ золотыхъ очкахъ и жолтыхъ перчаткахъ, съ прекраснымъ хлыстикомъ въ рукѣ. Сперва показался онъ мнѣ молодымъ человѣкомъ, но скоро я не зналъ что думать: при чудесномъ румянцѣ кожа у него была сморщена, какъ на мордѣ стараго мопса, и не смотря на бѣлизну блестящихъ зубовъ, въ голосѣ его слышалось что-то дряхлое.

— Не купите-ли, сударь, пуделя? спросилъ усачъ, снимая фуражку.

Господинъ внимательно посмотрѣлъ на мою мать, потомъ на меня и на сестру мою и наконецъ принялся разсматривать исключительно меня. Усачъ вынулъ меня изъ пазухи и принялся читать похвалы моимъ кровнымъ достоинствамъ. Незнакомецъ продолжалъ разглядывать меня съ видомъ знатока, поднималъ уши, щупалъ лапы, перебиралъ шерсть. Онъ нагнулся такъ, что я лизнулъ его въ губы, — и мнѣ показалось, что онѣ намазаны чѣмъ-то пахучимъ. Господинъ сплюнулъ и спросилъ моего хозяина:

— Что стóитъ?

— Двѣ синенькихъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ умильно Наумъ. — Купите — собака самой чистой породы; будете довольны.

Румяный незнакомецъ вынулъ изъ бумажника красную ассигнацію.

— Отдай кучеру! сказалъ онъ, показывая хлыстикомъ на дрожки, запряженныя парой красивыхъ лошадей.

Хозяинъ передалъ меня бородатому кучеру, у котораго я и помѣстился за пазухой. Дрожки загремѣли по мостовой. Освободя немного морду, я принялся смотрѣть. Скоро мелькнулъ знакомый домъ съ балкономъ, но англійской собачки на окнѣ уже не было. Мы пріѣхали на улицу обсаженную деревьями: это, какъ я узналъ потомъ, былъ Тверской бульваръ. Дрожки наши остановились передъ небольшимъ каменнымъ домомъ съ бѣлыми колоннами, у котораго по одну сторону тянулся садъ съ деревяннымъ заборомъ, а по другую стояли ворота, украшенныя какими-то алебастровыми собаками, съ гривами и симметрически протянутыми лапами. Молодой старичокъ пошолъ на подъѣздъ, а я очутился въ людской, въ обществѣ поваровъ и прачекъ.

Скоро въ людскую вошолъ невысокій мужчина съ гладко-остриженной головой, въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами и въ бѣломъ жилетѣ. Въ одномъ ухѣ его висѣла большая серебряная серга. Это, какъ узналъ я потомъ, былъ камердинеръ и дворецкій. Онъ обратился къ человѣку въ бѣломъ передникѣ и что–то сказалъ ему. Поваръ свиснулъ и началъ манить меня. Я взглянулъ на него подозрительно. Тогда онъ поднялъ меня за хвостъ, притащилъ къ большой скамейкѣ и сѣлъ на нее. Въ рукѣ у него сверкнуло что-то металлическое. Я обмеръ, думая, что мнѣ опять хотятъ рѣзать хвостъ, началъ биться и визжать какъ бѣшеный. Вышло однакожъ совсѣмъ не то, чего я боялся: мнѣ выстригли и обрили морду, лапы и заднюю часть тѣла безъ малѣйшей боли. Изъ рукъ этого артиста перешолъ я къ судомойкѣ. Она посадила меня въ лохань, гдѣ мылась барская посуда, вытерла намыленной мочалкой, и завернувъ въ салфетку, положила подъ лавкой. Не смотря на голодъ, я крѣко заснулъ и проспалъ всю ночь.

Утромъ меня разбудилъ голосъ дворецкаго, который громко кричалъ на людей. Меня накормили чудеснымъ супомъ, какого я никогда не ѣдалъ. Послѣ того дворецкій взялъ меня на руки и понесъ на барскую половину. Мы прошли черезъ комнату, гдѣ лакей возился съ лампами, и очутились въ залѣ. По

стѣнамъ тянулась мебель съ позолоченными ножками, обтянутая шелковой матеріей. Вдругъ передо мной явилась красивая собака. Скользя на паркетѣ, я пошолъ къ ней, и въ ту-же минуту она пошла мнѣ навстрѣчу. Я замахалъ хвостомъ, и мнѣ отвѣчали тѣмъ-же. Тутъ я догадался, что это былъ мой собственный образъ, отраженный въ большомъ зеркалѣ. Я залюбовался на себя. И въ самомъ-дѣлѣ я былъ въ это время хорошъ. Чорная и шелковистая шерсть вилась у меня кудрями отъ головы до таліи, а остальная часть моей особы лоснилась, какъ полированный мраморъ. На выбритыхъ ногахъ оставлены были маншеты, отпущенные ниже колѣнъ, а на концѣ хвоста развѣвалась густая, пушистая кисть. Тонкая выбритая мордочка моя, опушонная усами и бородкой была очень кокетлива, а свѣтлые агатовые глаза сверкали огнемъ и слысломъ. Веселость моя не походила на глупую прыткость польки, а смягчалась той серьозностью, которая лежала въ основѣ моего характера и впослѣдствіи дала мнѣ возможность сдѣлаться собакой порядочной.

— Buon giorno, signore! закричалъ кто-то рѣзкимъ голосомъ у меня надъ головой.

Я поднялъ голову. Это былъ сѣрый попугай, который покачивался въ кольцѣ мѣдной клѣтки на окнѣ, и наклоня немного голову, смотрѣлъ на меня съ любопытствомъ.

II.

ПЕРВЫЙ ОШЕЙНИКЪ. НАЧАЛО МОЕГО ВОСПИТАНІЯ.

Когда я залаялъ на попугая, изъ сосѣдней комнаты послышался легкій свистъ. Я побѣжалъ въ полуотворенную дверь и очутился въ кабинетѣ, уставленномъ красивой мебелью. Арка съ шолковой драпировкой вела отсюда въ спальню, устланную коврами. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь розовые занавѣсы, повѣшенные въ окнахъ, освѣщали на стенахъ миѳологическія картины женскихъ фигуръ, сверкаю-

щія наготою формъ. На этажеркахъ и консоляхъ стояли бронзовыя и фарфоровыя статуэтки, еще болѣе соблазнительныя. Въ глубинѣ была кровать съ розовымъ кисейнымъ пологомъ. Посереди комнаты, передъ роскошнымъ туалетомъ, въ мягкомъ креслѣ сидѣла какая-то сгорбленная человѣческая фигурка, съ желтымъ морщинистымъ лицомъ, въ шолковомъ индѣйскомъ халатѣ и шитой серебромъ фескѣ. Съ перваго взгляда она показалась мнѣ какъ-будто знакомой. Фигурка эта слабо свиснула сквозь беззубыя губы, и когда я подошолъ къ ней, ласково потрепала меня рукой. Гладко-остриженный камердинеръ хлопоталъ около старика — выдвигалъ ящики туалета и выбиралъ изъ нихъ какія-то вещи.

И вотъ передо мною началось странное превращеніе, какого не выдумывалъ и Овидій. Подъ искусной рукой камердинера, сидящая въ креслахъ мумія стала принимать новыя формы: глубокія морщины лица исчезли подъ густымъ слоемъ бѣлилъ, румянецъ изъ косметическаго магазина заигралъ на желтыхъ щекахъ, блѣдныя губы поалѣли отъ благоуханной помады; двѣ прекрасныя челюсти изъ слоновой кости вставлены были въ ротъ и закрѣплены пружинками, завитой парикъ покрылъ обнажонный черепъ—и обновленная головка улыбнулась своему двойнику въ туалетномъ зеркалѣ. Мнѣ показалось, что самые глаза, досихъ-поръ тусклые и безжизненные, замѣтно оживились. Я вглядывался въ эту куклу, стараясь вспомнить, гдѣ встрѣчался съ нею. А превращеніе продолжалось. Сгорбленный остовъ скоро затянулся корсетомъ съ металлическими подпорками и ватными подушечками, маленькія ножки вставились въ лакированные сапоги, щегольской жилетъ и сюртучокъ довершили метаморфозу,—и фигурка встала, прошлась по комнатѣ, поправила рукой свои челюсти, обвела глазами развѣшенныя по стѣнамъ картины и весело мнѣ свиснула. И я узналъ въ этой двигавшейся муміи того господина, который наканунѣ купилъ меня у рѣшотки Кремлевскаго сада.

Это былъ мой новый хозяинъ, котораго звали, какъ я скоро узналъ, Аркадіемъ Ивановичемъ.

Мы вышли въ залу, гдѣ на кругломъ столѣ былъ уже приговленъ чай, и только-что старичокъ показался въ две-

ряхъ, попугай закричалъ ему свое привѣтствіе: buon giorno, signore! Въ ту-же минуту отворилась дверь съ другой стороны, и вошла высокая женщина, а за нею впорхнула въ залу дѣвочка лѣтъ семи, съ розовымъ личикомъ, голубыми глазами и падающими по плечамъ бѣлокурыми локонами. Весело подбѣжала она къ старику и поздоровалась съ нимъ. Аркадій Ивановичъ раскланялся съ дамой и нагнулся своими напомаженными губами къ головѣ малютки.

— Это, папа, твой пудель? спросила дѣвочка.

— Да, я вчера его купилъ.

— Какой милый! какъ его зовутъ?

— Да еще никакъ. Придумай-ка ты, Люба, какъ его назвать.

— Менторъ! закричала дѣвочка.

— Отчего это? спросилъ улыбаясь старикъ.

— Потому конечно, замѣтила высокая дама, что мы начали съ мадмуазель читать Les avantures de Télemaque.

— Ну, будь по-твоему.

Дѣвочка подбѣжала ко мнѣ, принялась прыгать, и ея тоненькіе пальчики защолкали словно кастаньеты.

— Менторъ! Менторъ! шептала она: побѣжимъ въ садъ.

Она отворила дверь. Мы выбѣжали на галерею, уставленную цвѣтами, а оттуда пустились по усыпанной желтымъ пескомъ садовой дорожкѣ. Люба порхала и щебетала какъ птичка. Никогда послѣ не встрѣчалъ я такого рѣзваго, смѣющагося, эфирнаго существа. Мы пробѣжали взадъ и впередъ всю небольшую аллею и опять впорхнули въ залу. Изъ разговора за чаемъ я успѣлъ понять, что малютка называлась дочерью Аркадія Иваныча, а высокая дама была ея гувернантка.

День провелъ я большею частью въ кабинетѣ и мало видѣлъ Любу. Вечеромъ мой хозяинъ уѣхалъ, какъ я узналъ, въ англійскій-клубъ. Онъ воротился домой очень поздно, и войдя въ спальню, потрепалъ меня дрожащей рукой. При свѣтѣ двухъ китайскихъ фонарей, привѣшенныхъ къ рѣзнымъ орѣховымъ колоннамъ, опустился онъ на свое кресло, и съ помощью камердинера опять началось превращеніе дряхлаго франта. Сюртукъ и корсетъ убраны были въ шкапъ,

парикъ и челюсти заперты въ шкатулку, румянецъ и брови смыты губкою—и нашъ блестящій юноша согнулся и сморщился въ семидесяти-лѣтняго старика. Точно пухъ слетѣлъ съ одуванчика, и остался одинъ высохшій стебель. При матовомъ свѣтѣ фонарей, сверкавшемъ на соблазнительныхъ контурахъ развѣшенныхъ по стѣнамъ Венеръ и вакханокъ, сидѣла передъ столомъ костлявая мумія, и перелистывая гравюры скандалезнаго альбома, прихлебывала какое-то питье изъ серебрянаго стакана. Почти передъ свѣтомъ позвонилъ онъ; вошолъ камердинеръ, приподнялъ полуживаго старика, перенесъ его на кровать—и долго еще слышался мнѣ глухой кашель.

Какъ только я привыкъ немного, на меня надѣли прекрасный серебряный ошейникъ на красномъ бархатномъ подбоѣ, и Аркадій Ивановичъ взялъ меня съ собою гулять. Мы вышли на Тверской-бульваръ. Я не могъ налюбоваться моимъ розовымъ хозяиномъ. Какъ хорошо сидѣли на рукахъ его лайковыя перчатки, какъ ловко приставлялъ онъ къ глазамъ золотой лорнетъ и наводилъ его на молоденькое личико какой-нибудь барышни или на свѣженькую талію торопливо пробѣгавшей горничной. Онъ не пропускалъ ни одной женщины, и вовсе не смущался, когда на его улыбки отвѣчали насмѣшливымъ взглядомъ. Болѣе часа бродили мы по широкой аллеѣ бульвара, въ толпѣ гуляющихъ. Хозяинъ мой останавливался съ знакомыми разсказать или выслушать какую-нибудь новость и весело поправлялъ во рту свои вставные зубы.

Я полюбилъ моего ветхаго патрона и постоянно спалъ на мягкомъ коврѣ у его розовой постели. Днемъ, едва заслышу его голосъ, я прибѣгалъ къ нему, ласкался, и онъ гладилъ меня тощей рукою. На бульваръ бралъ онъ меня довольно часто, и я весело бѣжалъ передъ нимъ, потряхивая своимъ ошейникомъ, который такъ шолъ къ моей чорной шерсти. Иногда я катался съ своимъ хозяиномъ въ колескѣ, и однажды, возвращаясь съ Пресненскихъ прудовъ, мы проѣхали мимо того каменнаго дома съ балкономъ, гдѣ я въ первый день моего выхода въ свѣтъ видѣлъ прелестную англійскую собачку. И теперь она лежала на окнѣ. Я не-

вольно залаялъ; незнакомка подняла голову и бросила на меня любопытный взглядъ. Что за прелестное созданіе!

Маленькую Любу я полюбилъ еще больше, чѣмъ старика. Она ласкала меня и часто приносила мнѣ бисквиты. Мы бѣгали съ нею въ саду, перегоняя другъ-друга по дорожкамъ, прыгали и рѣзвились. Одно происшествіе еще больше сблизило насъ. На усыпанномъ пескомъ дворѣ нашемъ, подлѣ садовой калитки, стояла красивая канура, гдѣ прикована была большая и злая цѣпная собака Орелка. Я не думаю, чтобъ она была зла отъ природы, вѣроятно ее испортило дурное воспитаніе. Орелка ненавидѣла меня и Любу. Правда, когда не было съ нами гувернантки, дѣвочка иногда дразнила ее сквозь садовую рѣшотку, а я изъ угожденія маленькой хозяйкѣ не упускалъ случая полаять на врага нашего. Зато и Орелка, только бывало завидитъ насъ, начинала метаться какъ бѣшеная на своей цѣпи. Однажды мы выбѣжали съ Любой въ садъ. Гувернантки съ нами не было. Дѣвочка рѣзвилась, щолкала пальчиками, прыгала, размахивая своими локонами. Мы прибѣжали къ калиткѣ, я просунулъ голову въ рѣшотку и принялся лаять на Орелку, которая лежала въ канурѣ, высунувъ впередъ свою огромную мохнатую голову. Заслыша мой лай, она покосила страшными глазами и зарычала. Люба кинула въ нее цвѣткомъ. Свирѣпая собака оскалила зубы, и глаза ея загорѣлись какъ уголья. Страшнымъ прыжкомъ рванулась она и оборвала цѣпь. Любонька отскочила отъ забора, а я продолжалъ лаять,думая, что мы вполнѣ безопасны за садовой рѣшоткой. Но я вздрогнулъ отъ ужаса, когда увидѣлъ, что Орелка, кинувшись къ калиткѣ, настежъ растворила ее лапами. Послѣ узнали, что передъ этимъ проходилъ со двора садовникъ и не заперъ калитки. Люба между-тѣмъ весело бѣжала по дорожкѣ и не подозрѣвала опасности. Но заслыша звонъ цѣпи, котарая волочилась за нашимъ врагомъ, она обернулась, увидѣла Орелку, вскрикнула и безъ чувства упала на траву. Собака бѣжала прямо на нее съ пылающими отъ бѣшенства глазами; еще минута—и ребенокъ былъ-бы растерзанъ. Я рѣшился спасти мою маленькую хозяйку. Быстрымъ прыжкомъ кинулся я наперерѣзъ страшной собакѣ. Она въ мигъ опрокинула меня, но я успѣлъ вцѣпиться ей зубами за

горло. Не понимаю, откуда взялась у меня сила, но я успѣлъ задержать ее. Черезъ минуту я почувствовалъ страшные зубы моего врага, завизжалъ отъ боли и упалъ безъ чувствъ. Не знаю, что было потомъ, но когда я опомнился, то увидѣлъ, что лежу на галереѣ, и подлѣ меня стоитъ Люба съ гувернанткой.

— Мой бѣдный Менторъ! шептала малютка со слезами на глазахъ.

На дворѣ привязывали Орелку.

Люба была спасена, а я изломанъ и истерзанъ. Меня тотчасъ-же натерли какою-то мазью, больныя мѣста обложили ветошками, намочонными въ свинцовой водѣ, и всего укутали фланелью. Я лежалъ больше мѣсяца въ маленькой комнатѣ, на антресоляхъ, и ко мнѣ часто приходила Люба и приносила бисквиты. Наконецъ я поправился и началъ ходить по комнатѣ.

Настала уже зима, и я боялся, что безъ прогулокъ буду скучать. Этого однако не случилось. Однажды Люба привела меня въ свою комнату, гдѣ я до-тѣхъ поръ никогда не бывалъ.

— Зачѣмъ вы сюда привели собаку? спросила гувернантка.

— Позвольте ему здѣсь остаться: онъ такой умный, онъ будетъ учиться со мною. Менторъ, проси мадамъ!

Малютка сложила руки, а я замахалъ хвостомъ. Гувернантка расхохоталась и оставила меня. Я забрался подъ учебный столъ и легъ на коврѣ. Такъ пролежалъ я цѣлый урокъ. На другой день Любонька опять позвала меня, и я опять улегся на прежнемъ мѣстѣ. Послѣ того я самъ приходилъ на уроки, и здѣсь-то началось мое образованіе, которое впослѣдствіи я дополнилъ въ Петербургѣ. Послѣ урока малютка давала мнѣ обыкновенно бисквиту, и гладя меня по головѣ, спрашивала:

— Хорошо-ли ты понялъ, Менторъ, сегоднешній урокъ?

Я махалъ утвердительно хвостомъ, и Люба хохотала вмѣстѣ съ гувернанткой. Такъ прошла зима. Я развился физически и нравственно: чутье у меня развернулось, знанія росли съ каждымъ днемъ. Я понималъ хорошо по-русски и по-французски и свободно читалъ книги, какія въ отсутствіе

господъ попадались мнѣ подъ лапу. Сначала однакожъ онѣ меня не много занимали. Но разъ въ кабинетѣ Аркадія Ивановича я отыскалъ Histoir des chiens. Этотъ собачій Плутархъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе: примѣры удивительнаго героизма, высокой преданности, непоколебимой вѣрности могущественно подѣйствовали на мое воображеніе. Никогда юноша не задумывался такъ надъ Шиллеромъ, дѣвушка не вздыхала столько надъ Вертеромъ, какъ дрожалъ я, читая подвиги великихъ собакъ. Я почувствовалъ желаніе сравниться съ безсмертными псами. Съ трепетомъ прочолъ я, какъ пудель Мелампитосъ плылъ за кораблемъ своего господина отъ Коринѳа къ Саламину и умеръ отъ изнуренія; какъ собака Обри — Мондидье нашла убійцу своего хозяина, а Каприльонъ открылъ въ Парижѣ страшнаго цирульника, который нѣсколько лѣтъ рѣзалъ своихъ паціентовъ. Вотъ что должно-бы читать нашимъ щенкамъ. Ни что не принесло мнѣ столько пользы, хотя потомъ я познакомился съ сочиненіями Хуана Матеоса, Альдровандуса, Элеазаръ Блаза и другихъ собачьихъ писателей. Впрочемъ я нашолъ не мало интереснаго и въ обыкновенной литературѣ; съ удовольствіемъ читалъ «Талисманъ» Вальтеръ-Скотта и «Записки Охотника» Тургенева; но эти знатоки собачьей натуры не дѣйствовали уже съ такой силой на мое воображеніе и сердце.

III

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ И ЕЯ РАЗВЯЗКА

Настала весна. Деревья зеленѣли; двери изъ нашей залы отворили и галерею уставили цвѣтами. Любонька начала опять бѣгать со мною по саду, опять рѣзвилась, прыгала и щолкала точно въ кастаньеты своими розовыми пальчиками. Съ каждымъ днемъ свѣтлѣе играло солнце и веселѣе разыгрывалось мое сердце. Я началъ чувствовать потребность какого-то другаго счастія.

Однажды Аркадій Ивановичъ вышелъ въ залу, разодѣтый и подкрашенный, въ модной шляпѣ, блестящихъ перчаткахъ, съ дорогой тросточкой въ рукѣ, и позвалъ меня съ собою. Мы пошли на бульваръ въ самомъ весеннемъ настроеніи духа. Тамъ было очень весело: пестрая и живая толпа московской аристократіи двигалась по средней дорожкѣ, между двумя рядами благоухающихъ липъ. Кажется и деревья привѣтливо склонялись своими вѣтками къ гуляющимъ. Мужчины обнюхивали дамъ, дамы улыбались мужчинамъ. Мой семидесятилѣтній купидонъ былъ очень-веселъ: бѣлоснѣжные зубы ярко сверкали во рту его, и умирающіе глаза оживились подъ золотой лорнеткою. Стеклышко его не пропускало ни одной молоденькой таліи, ни одного хорошенькаго личика, ни одной стройной ножки. Я былъ чрезвычайно доволенъ, какъ-бы предчувствуя, чѣмъ подаритъ меня этотъ розовый день.

Аркадій Ивановичъ подошолъ къ зеленой скамейкѣ, гдѣ подъ навѣсомъ молодой зелени сидѣло нѣсколько дамъ и барышень, а за ними на боковой дорожкѣ стояли вытянувшись ливрейные лакеи. Хозяинъ мой раскланялся съ одною изъ барынь и завелъ разговоръ о какихъ-то московскихъ новостяхъ. Я присѣлъ подлѣ. Вдругъ рядомъ садится дама съ мужчиной, а у ногъ ея вертится собачка англійской породы. Я вздрогнулъ, и уши мои невольно приподнялись: это была незнакомка, которую я видѣлъ въ прошлое лѣто на окнѣ большого дома съ балкономъ. Люди въ своихъ романахъ и стихахъ часто описывали радость перваго свиданія, и какъ ни блѣдны ихъ описанія, но очевидно природа и имъ дала возможность хоть сколько-нибудь чувствовать прелесть подобныхъ минутъ. Я поднялся и стоялъ точно лягавая собака надъ дичью, не спуская глазъ съ прелестной.

— Бьюти! сказала дама: couchez! и слегка махнувъ на собаку кружевнымъ платкомъ, обратилась къ своему кавалеру.

Прекрасная левретка повернулась на своихъ тонкихъ граціозныхъ лапкахъ, опустилась къ ногамъ хозяйки, и поднявъ тонкія ушки, посмотрѣла на меня съ любопытствомъ. Какъ хороша была эта милая англичанка! Бѣлая, ярко-ослѣпитель-

ная и чудесно вылизанная шерсть покрывала гибкій станъ ея до самой шеи, къ которой какъ-будто приставлена была головка свѣтло-бланжеваго цвѣта, съ длинной, острой мордочкой, оканчивающейся чернымъ носомъ. Желтые, свѣтлые и нѣжные глаза окаймлялись темными кружками, которые придавали имъ еще больше выразительности. Уши были нѣжнѣе кожи десятилѣтней дѣвочки. Алый бархатный ошейникъ съ золотомъ отдѣлялъ снѣжную шею отъ золотистой головки. Стройныя, тонкія ножки гнулись точно цвѣточные стебельки, а хвостъ бланжеваго, шелковистаго цвѣта выгибался и ложился такъ кокетливо и скромно, что я почувствовалъ необъяснимый трепетъ при видѣ этой идеальной красоты. Не помню, какъ подошолъ я къ прелестной незнакомкѣ и вертѣлъ хвостомъ въ радости и смущеніи; а она, вытянувъ кокетливо длинныя лапки, смотрѣла на меня съ наивно-плутовской скромностью.

Я рѣшился заговорить съ англичанкой на нашемъ собачьемъ языкѣ, котораго и не подозрѣваютъ люди, изучая іероглифы и гвоздеобразные письмена. Не думаю, чтобы даже нѣмецкимъ филологамъ приходило въ голову, что у насъ есть богатый языкъ изъ взглядовъ, повышенія и пониженія ушей и разныхъ поворотовъ хвоста; что на этомъ языкѣ выражаются ясно и поэтически всѣ собачьи понятія и страсти. Правда, въ мірѣ есть много такого, что не снилось даже Гриму и Вильгельму Гумбольдту. Я началъ бесѣду съ незнакомкой. Махнувъ хвостомъ и вытянувшись передъ ея мордочкой, я объяснилъ:

— Прекрасная, я нахожу тебя удивительно-прекрасной.

— Милый, отвѣчала собачка граціознымъ движеніемъ ушей, ты и мнѣ кажешься очень-милымъ.

— Позволь полюбить тебя, продолжалъ я страстнымъ поворотомъ носа.

— Полюби, сказала она нѣжнымъ склоненіемъ прелестнаго хвостика.

— Не знаю, какъ объяснить наслажденіе, которое при этомъ защекотало носъ мой. Я чуть не залаялъ отъ восторга.

— Гдѣ-же мы увидимся? спросилъ я левретку.

— У этой скамейки.

— Когда?

— Если тебѣ можно, завтра на разсвѣтѣ.

Какая разница въ этомъ простомъ, сердечномъ объясненіи съ тѣми натянутыми нѣжностями, какія бываютъ въ подобныя минуты у людей.

— Менторъ! закричалъ въ это время мой господинъ.

Я обернулся и увидѣлъ, что онъ всталъ и прощается съ барынями.

— Меня зовутъ, замѣтилъ я Бьюти.

— Такъ ты будешь?

— Мнѣ можно убѣжать — буду.

— Adieu!

Старикъ, недовольный моимъ упрямствомъ, слегка ударилъ меня тростью. Я бросилъ прощальный взглядъ моей прелестной англичанкѣ и ушолъ за хозяиномъ. Читатель, понимающій, сколько блаженства въ томъ киваньи хвоста, которымъ милая особа признается, что раздѣляетъ вашу страсть, легко представитъ, въ какомъ я былъ положеніи.

Не помню, какъ мы пришли домой, долго-ли я игралъ въ этотъ вечеръ съ Любой, какъ разобрали Аркадія Ивановича и сколько времени я лежалъ у его ногъ. Знаю одно, что я не смыкалъ глазъ ни на минуту. Я бродилъ по залѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи: прелестная фигура Бьюти вертѣлась у меня въ глазахъ, на своихъ тоненькихъ ножкахъ, стройная и кокетливая. Наконецъ настала вожделѣнная ночь. Попугай закричалъ: buona sera signore! и старика уложили въ его розовую колыбель. Я вскочилъ на окно: ночь была свѣтлая, липы и тополи спали въ серебряномъ свѣтѣ мѣсяца, вдали лаяли собаки и сторожъ звучно стучалъ въ чугунную доску. Медленно шло для меня время, и я не разъ, вытянувъ шею, готовъ былъ завыть отъ тоски, но останавливался, боясь чтобы меня не заперли. Попадутся-ли мои записки человѣку или собакѣ, я увѣренъ, что всѣ поймутъ мое состояніе.

Но вотъ давно-желанная минута наступила: востокъ заалѣлъ и показалась утренняя звѣздочка, предвѣстница сладкаго свиданія. Я поцарапался у дверей, и лакей выпустилъ

меня. Въ ту-же минуту я бросился къ подмѣченному заранѣе отверстію въ заборѣ, пролѣзъ черезъ него въ переулокъ и пустился бѣжать къ бульвару. Бьюти ждала уже меня въ назначенномъ мѣстѣ и показалась мнѣ теперь еще живѣе и обольстительнѣе. Много читалъ я людскихъ сочиненій, въ которыхъ талантливые писатели изобразили восторги любви и первый поцѣлуй, соотвѣтствующій нашему обобнюхиванью, — и все это мнѣ казалось такъ блѣдно передъ тѣмъ, что я самъ чувствовалъ. Людская любовь въ сравненіи съ моей страстью не стоитъ обглоданной кости; можетъ быть прежде и человѣкъ умѣлъ любить, но въ наше время истинная, безкорыстная любовь осталась у однихъ собакъ. Какъ прелестна и нѣжна была моя Бьюти! Но я накидываю покровъ на мое счастіе... Два часа прошли для меня незамѣтно. Надобно было наконецъ разстаться. Мы условились видѣться на слѣдующее утро и простились. Бьюти побѣжала домой.

Я проводилъ глазами мою подругу и пошолъ съ бульвара, чтобы воротиться домой. Думалъ-ли я въ эту минуту, чѣмъ кончится для меня этотъ счастливый, незабвенный день.

Едва успѣлъ я пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ передъ собою сѣть, протянутую во всю ширину улицы. Я пріостановился: два человѣка въ сѣрыхъ куртках, съ щетинистыми усами и свирѣпыми лицами, изъ породы тѣхъ, которые по вечерамъ, завернувшись въ рогожные плащи, зажигаютъ фонари, стояли по краямъ сѣти, съ огромными палками въ рукахъ. Страшное предчувствіе захватило мнѣ духъ: я хотѣлъ броситься опять на бульваръ и обѣжать домой съ другой сотроны; но уже было поздно. — Держи! закричалъ сѣрый усачъ. Только-что я кинулся отъ сѣти, какъ съ другой стороны показались двое такихъ-же сѣрыхъ людей съ палками. Укрыться было некуда: ворота сосѣднихъ домовъ были заперты и вездѣ вставлены подворотни. Я ошалѣлъ отъ ужаса, бросился назадъ, въ надеждѣ перескочить черезъ сѣть и запутался въ ней. Въ ту-же минуту раздался топотъ, крикъ и уханье, и толстыя дубины поднялись надъ моей головою. — Лобань его! завопилъ хриплый голосъ.

Если вы были, любезный читатель, влюблены, и на вашу

любовь отвѣчали взаимностью, вы поймете, что я долженъ былъ почувствовать, когда въ эту минуту я услышалъ вдали пронзительный собачій визгъ, и мнѣ показалось, что это былъ голосъ Бьюти. Неужели и она встрѣтила такую опасность? Эта мысль привела меня въ отчаяніе. Я началъ метаться въ сѣти и успѣлъ схватить за ногу одного изъ моихъ мучителей. Но меня поймали за ошейникъ, и ударъ палкою по головѣ остановилъ порывы моего безсильнаго бѣшенства; глаза мои помутились, и я безъ чувствъ и движенія упалъ на мостовую.

Зачѣмъ я не родился въ Турціи, гдѣ варвары собаколюбивѣе нашихъ цивилизованныхъ европейцевъ! Сколько невинныхъ гибнетъ здѣсь жертвами невѣжественной осторожности. Весенніе походы на наше племя въ большихъ городахъ также справедливы, какъ было-бы разумно избіеніе людей изъ опасенія, что они могутъ взбѣситься. Не изъ природы развилась водобоязнь, а изъ нашего печальнаго положенія въ человѣческомъ обществѣ, что начинаютъ уже чувствовать не только голодныя собаки, но и очень сытые люди.

IV

СОБАЧЬЯ ТРУППА И ЕЯ ДИРЕКТОРЪ

Не знаю долго-ли я оставался безъ чувствъ. Когда я опомнился, то увидѣлъ себя безъ ошейника въ большой и довольно грязной комнатѣ, въ чрезвычайно-странномъ обществѣ.

Посреди комнаты стоялъ какой-то низенькій, плотный человѣкъ въ нанковой куркѣ, съ рыжими волосами и краснымъ лицомъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ палку, другою вертѣлъ ручку небольшой шарманки; а передъ нимъ съ полдюжины собакъ, большею частью мосекъ и шпицевъ, вытягивались и кружились на лапкахъ, выдѣлывая разные па и

антраша. Рыжій человѣкъ медленно водилъ палкою, и танцоры не спускали съ нее глазъ, слѣдуя за ея движеніями во всѣхъ своихъ прыжкахъ и поворотахъ. Когда кто изъ танцующихъ опускался на четвереньки, палка тотчасъ-же поднимала его, и тотъ снова начиналъ выплясывать и вертѣться. Профессоръ изрѣдка притопывалъ ногою и охриплымъ голосомъ кричалъ: schneller! schneller! И танецъ кружился, сливаясь съ звуками французской кадрили.

У окна сидѣла бѣлобрысая, но довольно кругленькая нѣмка, въ поношенномъ ситцевомъ платьѣ. Передъ нею лежала на столѣ куча шелковыхъ и бархатныхъ лоскутьевъ, куски истасканныхъ лентъ и потускнѣвшаго мишурнаго галуна. Она починивала мундирчики, юбки, брюки для танцующей труппы и пришивала пѣтушьи перья къ собачьимъ шляпкамъ и беретамъ. На другомъ окнѣ прыгала на цѣпочькѣ обезьяна съ морщинистоой мордой, сплюснутой точно печоное яблоко.

Съ часъ продолжался урокъ, пищала шарманка, прыгала обезьяна и рыжій нѣмецъ покрикивалъ: schneller! schneller! Наконецъ онъ положилъ палку, и танцоры опустились на четвереньки. Они принялись обнюхивать меня, какъ школьники новаго товарища. Нѣмцы позавтракали и накормили собакъ. Послѣ того низенькій человѣкъ облекся въ бурый сюртукъ надѣлъ фуражку съ козырькомъ, и согнувшись въ дугу взвалилъ на плечи шарманку. Нѣмка между тѣмъ одѣла пятерыхъ собачонокъ — однихъ въ голубые шароварчики, красные фраки и шляпки съ перьями, другихъ по-дамски въ зеленыя юбочки и беретцы, потомъ связала всѣхъ на одну сворку, взяла въ руки бубенъ, и надѣвъ измятую шляпку, вышла съ шарманщикомъ. Я остался съ нѣсколькими собаками и обезьяною и былъ этимъ доволенъ: воспоминаніе о страшныхъ фурманщикахъ породило во мнѣ какую-то человѣкобоязнь.

Отъ товарищей моихъ я узналъ, что нашего хозяина и профессора нѣмцы называютъ Герръ-Лампе, а русскіе Харлампіемъ, что онъ гуляетъ по Москвѣ съ шарманкою и особенно веселитъ публику въ Сокольникахъ и Марьиной-рощѣ звуками вальсовъ и кадрилей и танцами своихъ воспи-

танниковъ, а на масляницѣ и святой недѣлѣ помѣщается съ ними въ особомъ балаганѣ подъ Новинскимъ. Полную нѣмку нашъ хозяинъ величаетъ титуломъ meine Frau, а посторонніе Каролиной Ивановной, за исключеніемъ одного гостя, который, оставаясь съ нею глазъ-на-глазъ, зоветъ ее Линой. Это былъ какой-то эквилибристъ. Мнѣ сообщили, что Лампе, возвращаясь ночью съ гулянья, встрѣтился на Тверскомъ-бульварѣ съ фурманщиками въ то время какъ они собирались пришибить меня, замѣтилъ красиваго пуделя, который могъ-бы занять роль въ его труппѣ, выкупилъ меня за четвертакъ и привезъ домой.

Мало-по-малу я поправился, и мнѣ дали кличку Негръ. Харлампій началъ учить меня своему искусству. Онъ не разсудилъ посвятить меня въ танцующую труппу, но по росту и дарованіямъ придумалъ мнѣ другое назначеніе. Прежде всего я началъ обучаться ходить на заднихъ лапахъ: привязавъ веревку къ кожаному ошейнику, онъ приподнималъ меня, и я долженъ былъ переступать по человѣчески. Не смотря на отвращеніе, я однакоже научился маршировать не хуже рекрута. Единственнымъ учебнымъ руководствомъ была у насъ палка, и подъ ея вліяніемъ я началъ выдѣлывать разнообразныя штуки. Всего тяжелѣе были для меня тѣ уроки, когда наша танцовальная зала превращалась въ манежъ, и я долженъ былъ скакать лошадью. На меня надѣвали маленькое сѣдло, и обезьяна Мика, о которой я уже говорилъ, вскакивала мнѣ на спину. Она обыкновенно такъ впивалась лапами въ мою шерсть, что слезы выступали у меня на глазахъ отъ боли, а мой отвратительный всадникъ только щолкалъ зубами. Разъ во время урока, пользуясь минутнымъ невниманіемъ профессора, она такъ схватила меня за морду, что я завизжалъ и опрокинулъ моего врага, но Харлампій тотчасъ-же влѣпилъ мнѣ ударъ палкой.

Хозяева мои жили, какъ я замѣтилъ, не очень любовно. Герръ Лампе состоялъ въ полномъ повиновеніи у жены. Всякій день, какъ онъ возвращался домой, согнувшись подъ шарманкой, Каролина отбирала у него деньги. Кормила она его не лучше насъ, а сама въ его отсутствіе безпрестанно кипятила кофейникъ. Когда артистъ мало приносилъ

денегъ, она осыпала его нѣмецкими и русскими ругательствами; а иногда та самая палка, которая въ рукахъ профессора была источникомъ нашего развитія, гуляла энергически по спинѣ нашего наставника, и поджавъ хвостъ, онъ вертѣлся не хуже своихъ четвероногихъ питомцевъ. Зато если случалось ему воротиться домой въ веселомъ расположеніи духа, вынесенномъ изъ какого-нибудь погребка, то Герръ Лампе изъ оборонительнаго положенія переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ эти минуты нѣмецъ дѣлался героемъ, и если Каролинѣ не удавалось ускользнуть, то онъ обезоруживалъ ее и поражалъ тѣмъ-же орудіемъ, отъ котораго страдалъ самъ. Во время этой битвы мы обыкновенно притихали и прятались, потому-что въ заключеніе какъ побѣжденный, такъ и побѣдитель вымѣщали на насъ свои пораженія и тріумфы. Харлампій праздновалъ свою побѣду истребленіемъ кофейной чашки, за что на другой день расплачивался дорого.

Шарманщикъ по большей части бродилъ по городу одинъ, и только по праздникамъ отправлялся вмѣстѣ съ Каролиной. Меня одного никуда не пускали. Нѣмецъ часто билъ насъ, но жена его показалась мнѣ не такъ жестокой: она меньше на насъ кричала, чѣмъ ученый директоръ. Не смотря на мучительную неизвѣстность о судьбѣ Бьюти и на искреннее сожалѣніе о маленькой Любѣ, я начиналъ привыкать къ нѣмкѣ и моимъ товарищамъ-артистамъ, которые отличались веселымъ нравомъ, какъ всѣ артисты. Но сердце мое осталось свободнымъ, хоть въ труппѣ и было нѣсколько очень-миленькихъ танцовщицъ.

Однажды Харлампій собрался въ обычное свое путешествіе по московскимъ улицамъ, взвалилъ на спину шарманку, посадилъ на нее Мику и вышелъ изъ дому. Только-что онъ успѣлъ повернуть за уголъ переулка, какъ вошолъ молодой человѣкъ, который называлъ нашу хозяйку Линой. Онъ бросилъ на стулъ шинель и фуражку и очутился въ алой курткѣ и въ трико тѣлеснаго цвѣта, которое плотно обтягивало ему руки и ноги.

— Какъ это ты умѣешь, Аугустъ, выбрать время? сказала наша нѣмка съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Чтожъ мудренаго, когда шарманка Герръ-Лампе слышна за двѣ улицы!

— Хочешь кофе?

— Весьма.

Хозяйка принялась за кофейникъ. Въ это время я услышалъ, что кто-то идетъ по двору, и узналъ шаги нашего профессора. Я залаялъ и бросился къ дверямъ. Гость выглянулъ въ окно и прошепталъ:

— Герръ-Лампе!

Каролина проворно толкнула его въ чуланъ, гдѣ у насъ хранился хозяйскій и собачій гердеробъ, колясочки, обручи и другія принадлежности нашей труппы. Черезъ минуту дверь отворилась, и шарманщикъ вошолъ въ комнату.

— Что ты? спросила хозяйка.

— Фрау, я забылъ взять Негра.

— Это зачѣмъ?

— Frau, отвѣчалъ красный нѣмецъ: вчера маленькіе господа въ одинъ домъ велѣли приводить; я надѣюсь получать пятьалтынникъ.

Харлампій поставилъ шарманку и направился было къ дверямъ чулана. Жена его остановила.

— Что еще надо?

— Frau, нужно его сѣдло.

— Подожди, сыщу.... Возьми прибавила она, подавая мое сѣдло: да смотри, больше доставай денегъ.

— Ja, wohl!

Профессоръ снова запрягся въ шарманку, и взявъ меня на веревку, вышелъ. Каролина такъ захлопнула дверь, что едва не прищемила мнѣ хвостъ. Тутъ я замѣтилъ, что у нѣмца надѣта фуражка акробата, которую онъ взялъ ошибкой вмѣсто своей. Мы прошли нѣсколько незнакомыхъ улицъ, останавливались предъ домами, и Харлампій, выставя впередъ ногу и обводя глазами окна, начиналъ пилить на своей шарманкѣ «лучинушку» и «la donna e mobile». Такъ добрели мы до какого-то дома съ колоннами и въ рѣшотчатыя ворота вошли на дворъ. Шарманка запищала, и въ отворенныхъ окнахъ показались дѣти. Я игралъ роль скаковой лошади, а всадникомъ была Мика. Мы скакали подъ звуки

шарманки; дѣти хохотали, и намъ выслали полтинникъ. Хозяинъ былъ въ восторгѣ и все не замѣчалъ, что на головѣ у него чужая фуражка. Наигрывая пѣсню, которою обыкновенно заканчивались наши представленія, мы вышли со двора.

На улицѣ нѣмецъ столкнулся скоро съ другимъ знакомымъ музыкантомъ, у котораго въ шарманкѣ танцовалъ Наполеонъ въ кругу нѣсколькихъ англичанъ въ красныхъ мундирахъ.

— Guten Tag! закричалъ одинъ нѣмецъ.

— Guten Tag! отвѣчалъ другой.

Въ это время изъ дверей дома, у котораго мы остановились, повѣяло запахомъ пива. Нѣмцы взглянули другъ на друга и остановились.

— Зайдемъ? спросилъ знакомецъ.

— Зайдемъ, отвѣчалъ Харлампій.

Мы вошли. Артисты поставили въ углу свои шарманки и сѣли за столъ. Бойкій мальчишка въ бѣлой рубашкѣ, помахивая расписнымъ подносомъ, поставилъ на столъ двѣ бутылки пива и блюдечко съ сухарными орѣшками. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ опустѣли. На стукъ моего хозяина мальчикъ снова явился и принесъ еще четыре бутылки. Нѣмцы скоро начали краснѣть.

— Mein Freund! сказалъ Харлампій: я честный нѣмецъ, ты честный нѣмецъ, мы должны выпить.

— O, ja, отвѣчалъ товарищъ: ты артистъ, я артистъ — мы можемъ выпить.

— За чей здоровье мы будемъ выпить?

— Здоровье Каролина Ивановна, провозгласилъ вѣжливый другъ.

— Teufel! закричалъ, разгорячаясь, Харлампій: ты выпьешь за Каролина Ивановна!

— O, я буду выпить, отвѣчалъ шарманщикъ: Каролина Ивановна бравая дама...

— Ты зачѣмъ говоришь, что моя жонъ бравая дама... Я самъ ее бью, всякій день бью; я скажу тому шверноть, кто не вѣритъ.

Гость почувствовалъ необходимость перемѣнить разговоръ, хотя кажется и не надѣялся, чтобы энтузіазмъ товарища

охладѣлъ при другомъ предметѣ бесѣды. Ясно было, что энергія Герръ-Лампе зависѣла не отъ содержанія разговора, а вытекала изъ самаго настроенія его духа, вспѣненнаго пивомъ. Однако пріятель заговорилъ о другомъ.

— Хорошая картузъ у тебя, Герръ-Лампе! сказалъ онъ, приподнимая со стола захваченную моимъ хозяиномъ фуражку.

— Это не мой картузъ.

— Какъ-же не твой—ты въ немъ приходилъ.

Харлампій вскочилъ со стула, вырвалъ фуражку изъ рукъ товарища, перевернулъ ее нѣсколько разъ передъ глазами, швырнулъ на полъ и принялся топтать ногами.

— Шверногъ! закричалъ онъ: это штука Каролины. Я знаю это, вижу. Я сдѣлаю ей то-же, что этой фуражкѣ—я сдѣлаю ей фукъ.

Напрасно товарищъ хотѣлъ успокоить ревниваго артиста: онъ расплатился, взвалилъ на плечо шарманку, надѣлъ вывороченную фуражку и неровными шагами пустился домой, ежеминутно дергая меня за веревку. Хотя я и полагалъ, что отсутствіе фуражки будетъ замѣчено и Каролина приметъ свои мѣры, однакожъ рѣшился съ своей стороны помочь ей. Харлампій кошкою подкрался къ воротамъ, но только-что мы вошли на дворъ, я поднялъ лай. Ударъ ногою, ослабленный впрочемъ нетрезвою поступью нѣмца, заставилъ меня замолчать. Но этого было довольно. Послышался шумъ, какъ-будто кто прыгнулъ изъ окна, и когда взбѣшонный Харлампій вошолъ въ комнату, въ ней никого не было...

Нѣмецъ разсвирѣпѣлъ. Прежде всего злоба его обратилась на кофейникъ и чашки, стоявшія на столѣ: онъ швырнулъ ихъ на полъ и растопталъ, а потомъ принялся ломать стулья. Я отворилъ чуланъ, боясь чтобъ онъ не убилъ меня—и когда замѣтилъ, что нѣмецъ отворяетъ дверь, юркнулъ у него подъ ногами и выбѣжалъ на дворъ. Долго бушевалъ и шумѣлъ Харлампій и наконецъ заснулъ на полу, на кучѣ перебитой посуды. Вскорѣ пришла Каролина и овладѣла своей опустошенной канурой. Она накормила собакъ и Мику, и добывъ новый кофейникъ, ждала пробужденія супруга. Но я замѣ-

тилъ, что нашъ профессоръ держалъ въ рукѣ обличительную фуражку. Я началъ вертѣться передъ нею, желая привлечь вниманіе хозяйки. Она увидѣла это, выдернула трофей, но при этомъ нѣмецъ проснулся и раскрылъ глаза.

Нѣмка схватила нашу волшебную палку. Харлампій понялъ опасность и поднялся на ноги, но при видѣ фуражки покраснѣлъ, къ удивленію моему сдѣлалъ шагъ впередъ и повелительно спросилъ:

— **Frau!** чей это картузъ? Я спрашиваю васъ, **meine Frau**, гдѣ я взялъ этотъ картузъ?

Каролина отвѣчала на этотъ вопросъ ударомъ палки, но нѣмецъ повидимому еще не думалъ отступать.

— **Meine Frau!** продолжалъ онъ: я еще одинъ разъ желаю у васъ спрашивать, откуда я получилъ этотъ картузъ?

— Укралъ гдѣ-нибудь, старый пьяница, сказала Каролина.

— **Wirklich?** прошепталъ озадаченный артистъ,—въ такомъ случаѣ я прошу у васъ пардонъ.

Но въ такомъ случаѣ Каролина Ивановна была безпардонная. Она приступила съ палкой къ виновному супругу и онъ дорого поплатился за свое торжество.

Черезъ нѣсколько дней Харлампій встрѣтился на улицѣ съ шарманщикомъ, который открылъ у него чужую фуражку, и подчуя его табакомъ, сказалъ:

— **Mein Freund**, помнишь, какъ мы въ портерной пили пиво?

— **Oh, ja!** отвѣчалъ тотъ.

— Помнишь, какъ я не хорошо велъ себя за эта скверная фуражка?

Шарманщикъ только хлопнулъ глазами.

— А знаешь, гдѣ я взялъ ее? спросилъ Харлампій.

— Нѣтъ.

— Я ее укралъ!

— И гдѣ укралъ?

— Не знаю.

— А кто сказалъ, что ты укралъ?

— Каролина Ивановна.

— А! это вѣрно!

И нѣмцы разошлись въ разныя стороны, одинъ волоча обезьяну подъ звуки «La donna e mobile», а другой заставляя деревяннаго Наполеона плясать подъ пѣсню «Не бѣлы снѣжки».

Разъ пять хозяинъ бралъ меня съ собою, но мы не заходили къ дому Аркадія Иваныча, и я не зналъ увижу-ли когда Любу и узнаю-ли, что сталось съ моей Бюти. Такъ прожилъ я всю осень и зиму въ Нѣмецкой Слободѣ, рѣдко выходилъ со двора, обѣдалъ съ грѣхомъ пополамъ, ссорился съ моимъ врагомъ—Микой и возился съ нашими собаками. Но сердце мое нисколько не поколебалось въ этой труппѣ вертлявыхъ артистокъ: въ немъ не зажила еще рана первой любви, и часто я вздрагивалъ во снѣ, видя тоненькую мордочку моей незабвенной Бюти и слыша ея жалобный вой.

V

ПЕРВЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ ДЕБЮТЪ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ

Наступила святая недѣля. Нѣсколько дней уже Харлампій былъ въ большихъ хлопотахъ. Вмѣстѣ съ Аугустомъ снялъ онъ небольшой балаганъ подъ Новинскимъ, гдѣ они положили представить московской публикѣ собачій и ломовой театръ. У насъ шли репетиціи. Каролина плясала на протянутомъ канатѣ, а ея любезный игралъ чугунными шарами и вывертывалъ руки и ноги на разостланномъ полиняломъ коврѣ. Герръ-Лампе между тѣмъ усиленно муштровалъ нашу собачью труппу и дотого былъ занятъ этимъ, что не замѣчалъ, какъ эквилибристъ посреди другихъ позъ обнималъ полненькую нѣмку. Въ отсутствіе-же Харлампія, который часто уходилъ хлопотать по дѣламъ балагана, позы Каролины съ Аугустомъ становились еще одушевленнѣе. Наконецъ насъ перевезли въ театръ.

Никогда не забуду прелестной картины, какую увидѣлъ я подъ Новинскимъ въ день моего дебюта. Широкая эспла-

нада, окаймленная съ обѣихъ сторонъ улицами, уставлена была легкими досчатыми балаганами, на которыхъ вѣяли разноцвѣтные флаги, пестрѣли вывѣски съ разноязычными надписями, и все это замыкалось по сторонамъ двумя полотняными колоколами съ зелеными ёлками на верху. На балкончикахъ гремѣла музыка, и мотивы итальянскихъ оперъ смѣнялись трелями камаринской. Паяцы въ бѣлыхъ и красныхъ рубахахъ, въ колпакахъ и войлочныхъ треуголкахъ, плясали, визжали, кривлялись на балконахъ, ѣли паклю и тянули изъ роту ленты. А между балаганами въ одномъ мѣстѣ вертѣлись дѣти на деревянныхъ лошадкахъ, побрякивая колокольчиками, въ другомъ на перекидныхъ качеляхъ заливались пискливою пѣсней дѣвки подъ звуки рожка какого-нибудь меломана-фабричнаго. Вездѣ шумъ, веселье.

По улицѣ медленно двигались ряды экипажей: блестящія кареты съ ливрейными лакеями на запяткахъ, купеческія пары въ широкихъ дрожкахъ съ плотными купчихами, застегнутыми кожаннымъ фартукомъ или окутанными ситцевымъ покрываломъ. По дорожкѣ, обведенной перилами, тянулись нескончаемой вереницей московскіе зѣваки съ тросточками и лорнетами. Все улыбалось—и солнышко на небѣ, и разодѣтыя дамы въ коляскахъ, и лакеи на запяткахъ, и франты на верховыхъ лошадяхъ, и пристяжные купеческіе кони, картинно сгибавшіеся подъ натянутой возжею.

Нашъ балаганъ стоялъ почти на серединѣ гулянья. Онъ былъ не великъ, но очень красивъ въ цѣломъ и въ подробностяхъ. На розовомъ сарайчикѣ, окаймленномъ бѣлыми деревянными кружевами, подымался фантастическій бельведерчикъ, сквозной какъ стрѣлка готической башни. Надъ нимъ вѣялъ на шестѣ зеленый флагъ, съ надписью *Лампе*. Надъ балкономъ съ одной стороны висѣла вывѣска ломовой комедіи, гдѣ представлена была пляшущая на канатѣ дѣвушка въ цвѣтномъ корсажѣ, а подлѣ нея черноусый красавецъ, играющій шарами въ самой трудной эквилибрической позѣ. По другую сторону балкона изображены были различные подвиги нашей четвероногой труппы, хотя въ значительно преувеличенномъ видѣ. По серединѣ висѣла третья вывѣска съ надписью:

Лампе.

Большая собачія комѣдія извѣны и еквилибрическіе представленіе въ нѣвиданномъ виде.

Кресла 1 руб. 50 к. 1-е мѣсто 60 к. 2-е мѣсто 25 коп.

Всѣ мы были отлично костюмированы. Герръ-Лампе одѣтъ былъ въ берейторской курткѣ и рейтузахъ съ жокейской фуражкой. Аугустъ, обтянутый замшею тѣлеснаго цвѣта, походилъ на дикаря: отъ пояса до колѣна спукалась у него красная тафтяная туника, сшитая изъ стараго платья и отороченная мишурной бахромой, а на головѣ на малиновомъ плисовомъ беретѣ качалось страусовое перо. Каролина была одѣта въ голубое тюлевое платьице съ мишурными серебряными кружевами, которое опускалось до колѣнъ, а руки и ноги обтянуты были розовымъ трико, и въ волосахъ красовались тафтяные цвѣты. Труппу нашу одѣли также лучше обыкновеннаго. На моськахъ были красные и голубые шаровары и красные фрачки, а на головахъ круглыя и треугольныя шляпы съ перьями. Болонки нарядились кокетливо въ разноцвѣтныя юпочки, которыя покрывали только нижнюю часть и оставляли бюстъ совсѣмъ открытымъ, чтобы выказать тонкость шерсти; шляпки съ цвѣтами довершали ихъ нарядъ. Ненавистная Мика была въ зеленомъ кафтанчикѣ съ краснымъ воротникомъ и свѣтлыми пуговицами, въ гусарской каскѣ, и на боку у ней висѣла сабля. Можно было подумать, что это настоящій гусарскій корнетъ. Одинъ я оставался не одѣтымъ, и на мнѣ былъ только посеребренный ошейникъ съ бубенчикомъ. Но я не завидовалъ товарищамъ.

Представленіе началось. Музыканты вышли на балконъ и принялись гудѣть на своихъ разнокалиберныхъ инструментахъ не то финалъ изъ Севильскаго-Цирюльника, не то русскую пѣсню: «Пошолъ козелъ въ огородъ». Особенно отличался бубенъ: онъ такъ ревѣлъ, покрывая другіе инструменты, что не было возможности опредѣлить, что играютъ. Вмѣстѣ съ музыкантами вышли на балконъ Аугустъ и Каролина въ своихъ изящныхъ костюмахъ, и затѣмъ послы-

шался пискливый голосъ паяца, которымъ былъ у насъ солдатъ изъ пожарнаго депо.

«Пожалуйте, господа! сейчасъ начинается! кричалъ онъ. Здѣсь увидите вы господскій балъ: моськи съ дворняжками танцуютъ, а барбосъ хозяйничаетъ. Фиделька будетъ плясать *качующую*. Милости просимъ, господа! начинается сейчасъ! Ты, рыжій, что билета не берешь? али всѣ деньги подъ колоколомъ оставилъ? Придерживайте карманы, господа, а то нечѣмъ и намъ будетъ заплатить. Пожалуйте, начинаемъ!»

Послѣ каждаго выхода на балконъ, Каролина надѣвала за кулисами сверхъ своей голубой туники полинялый салопъ и выходила къ кассѣ, заглянуть въ ящикъ, передъ которымъ сидѣла наша дворничиха, нанятая для продажи билетовъ. Между-тѣмъ Харлампій ходилъ за кулисами съ своей палкою и посматривалъ сквозь дырочку, проковыренную въ занавѣсѣ, усердно-ли собиралась публика.

— Ну, что? спрашивалъ онъ жену, когда та возвращалась отъ кассы.

— Семь креселъ, шестнадцать первыхъ мѣстъ.

Между-тѣмъ за нашимъ занавѣсомъ, гдѣ слышалось щолканье орѣховъ и шумный говоръ публики, начало по временамъ раздаваться нетерпѣливое хлопанье.

— Пора! сказалъ Аугустъ: кресла и первыя мѣста почти всѣ проданы.

Харлампій съ удовольствіемъ потеръ руки и пошолъ распоряжаться.

— Знаешь что, Аугустъ? сказала Каролина: какой-то баринъ далъ мнѣ за кресла три рубля и сдачи не взялъ.

— Кто-же это?

— А вотъ посмотри. Видишь, въ первомъ ряду съ лорнеткой?

Аугустъ посмотрѣлъ въ щолку на занавѣсѣ и проговорилъ: волокита какой-нибудь!

— По мѣстамъ! крикнулъ Харлампій.

Всѣ убрались за кулисы.

Занавѣсъ втащили наверхъ веревкой по блоку, котораго скрипъ слился съ ревомъ нашей музыки и замеръ въ рѣз-

комъ гуденіи бубна. Представленіе началось. Не буду говорить, какъ Аугустъ игралъ чугунными шарами и вывертывалъ ноги, представляя скачущую лягушку, какъ плясала на канатѣ Каролина съ длиннымъ шестомъ, помахивая своей голубой туникой. Ее проводили со сцены рукоплесканіями. Наконецъ открылась собачья комедія. Четыре пары мосекъ и болонокъ открыли представленіе французской кадрилью, подъ оглушительный ревъ музыки, покрываемой бубномъ. Танцовали прекрасно. Никогда я не видалъ бала блистательнѣе, кадрили живѣе: кавалеры были ловки, дамы граціозны. Правда, одна болонка въ жолтой юпочкѣ привстала было на четвереньки и укусила своего кавалера, но волшебная палка директора танцевъ въ одну минуту возстановила порядокъ, и танецъ кончился при веселомъ хохотѣ публики.

Насталъ мой чередъ. Сердце сильно билось у меня при мысли о моемъ дебютѣ. Да и какой артистъ не трепеталъ, являясь первый разъ на столичной сценѣ, передъ сотнями внимательныхъ глазъ! Послѣ уличныхъ кривляній мнѣ предстояло выступить на сцену передъ образованной публикой новинскихъ балагановъ. Отъ одного шага зависѣла моя будущность. Правда, самыя трудныя сцены для большаго эффекта оставлены были къ концу спектакля, когда мнѣ слѣдовало скакать въ обручъ, прикидываться мертвымъ и съ Микою на спинѣ прыгать черезъ барьеръ. Теперь-же я долженъ былъ явиться на сцену, запряжонный въ видѣ лошади въ маленькую коляску, гдѣ съ бичемъ въ лапѣ сидѣлъ моисъ, одѣтый генераломъ, и болонка въ бурнусѣ и шляпкѣ съ перьями. На глазахъ были у меня шоры, которыя впрочемъ надоѣли мнѣ, не позволяя видѣть зрителей и насладиться ихъ удовольствіемъ. Мы выѣхали и сдѣлали нѣсколько круговъ на сценѣ, сперва шагомъ при тихой мелодіи русской пѣсни, а потомъ вскачь при усиленномъ ревѣ нашего оркестра. Громъ музыки слился съ рукоплесканіями, и когда я воротился за кулисы, долго еще въ ушахъ моихъ раздавался ободрительный хохотъ и хлопанье восхищенныхъ зрителей.

Коляску отпрягли, надѣли на меня плисовый чепракъ и турецкое сѣдло съ блестящей фольгою, и наконецъ посадили

мнѣ на спину Мику въ мундирѣ и киверѣ съ обнаженною саблею въ лапѣ. Музыка заиграла. Мы выѣхали тихимъ шагомъ, и я, ободренный первымъ успѣхомъ, загибалъ голову какъ арабская лошадь. Въ залѣ захлопали. Харлампій подалъ знакъ палкой, чтобы я остановился передъ зрителями. Мика приподняла каску и раскланялась. Я окинулъ взглядомъ публику: послѣднія мѣста были биткомъ набиты, и даже креселъ почти не было пустыхъ. Вдругъ сердце у меня замерло. Въ первомъ ряду сидѣлъ господинъ въ модномъ пальто и наводилъ лорнетку къ той кулисѣ, гдѣ стояла Каролина съ обручемъ, въ который я долженъ былъ скакать вмѣстѣ съ Микою. Рядъ бѣлыхъ зубовъ свѣтился сквозь нарумяненныя губы, сморщенныя въ улыбку. Это былъ Аркадій Ивановичъ. Точно окаменѣлый, смотрѣлъ я на добраго старичка. Напрасно Харлампій кричалъ мнѣ: Негръ! маршъ! Я ничего не понималъ, и тогда только опомнился, когда взбѣшонный нѣмецъ ударилъ меня палкой, а Мика впилась мнѣ лапами въ шею. Музыка загремѣла галопъ; Каролина протянула обручъ—я отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, и не помня себя, при ревѣ бубна, хохотѣ райка и крикѣ Харлампія, вмѣсто обруча кинулся черезъ перегородку въ самыя кресла. Мика отлетѣла съ меня вмѣстѣ съ сѣдломъ на какую-то плотную купчиху. Крикъ испуганной зрительницы слился съ громомъ музыки. Я бросился прямо къ Аркадію Ивановичу и положилъ лапы ему на колѣни. Онъ сначала испугался, но потомъ узналъ меня и началъ ласково гладить. Я весело скакалъ передъ нимъ и лаялъ подъ звуки музыки, при хохотѣ зрителей и визгѣ озлобленной Мики, которую мужъ испуганной купчихи ударилъ тростью.

Спектакль разстроился. Музыка замокла. Аугустъ выбѣжалъ на сцену, собаки, оставленныя безъ присмотра, начали бѣгать на четверенькахъ по сценѣ въ своихъ мундирахъ и юбкахъ, и лаяли хоромъ на зрителей. Народъ сталъ подыматься. Взбѣшонный Харлампій кинулся въ кресла съ своей волшебной палкою и готовился уже схватить меня за ошейникъ. Аркадій Ивановичъ остановилъ его.

— Не трогайте, это моя собака! сказалъ онъ.

— Какъ моя собака ваша? проговорилъ нѣмецъ.

— Она убѣжала въ прошломъ году. Мнѣ она очень-дорога, и теперь я никакъ не уступлю ее.

— Но мы, сударь, купили эту собаку, сказала Каролина.

— Я вамъ заплачу, душенька.

— Ученье и воспитанье ея намъ стоитъ не дешево. Зачѣмъ обижать бѣдныхъ людей? Собаки даютъ намъ хлѣбъ; мы этимъ живемъ.

— Я не думаю обижать васъ, моя миленькая. Вы получите что слѣдуетъ за собаку.

Харлампій заспорилъ и не хотѣлъ уступить меня, Аркадій Ивановичъ постращалъ его оберъ-полиціймейстеромъ и въ то-же время подалъ ему какую-то ассигнацію.

— Это за нынѣшнюю тревогу, сказалъ онъ, обращаясь къ Каролинѣ. А завтра вы, душенька, приходите ко мнѣ, и мы расквитаемся. Вотъ мой адресъ.

Аркадій Ивановичъ подалъ ей карточку.

— Пойдемъ, Менторъ! сказалъ онъ, гладя меня по головѣ.

Мы вышли изъ балагана. Аркадій Ивановичъ посадилъ меня на дрожки, и скоро мы пріѣхали въ знакомый, милый мнѣ домъ, откуда почти на цѣлый годъ я былъ вырванъ страстью къ очаровательной Бьюти. Въ залѣ сѣрый попугай встрѣтилъ меня старымъ привѣтствіемъ: Buon giorno, signore!

— Позовите барышню! сказалъ мой старичокъ.

И черезъ минуту вбѣжала живая и бойкая дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ и чорномъ передникѣ. Это была Люба. Но она выросла и похорошѣла: овальное личико ея стало выразительнѣе и характернѣе, живые глазки сверкали ярче, и золотистые локоны еще пышнѣе сбѣгали на плечи. Я тотчасъ-же узналъ ее и бросился къ ней съ радостнымъ визгомъ.

— Менторъ! откуда ты взялся? закричала она, лаская и цалуя меня: какъ я рада! какъ я рада!

Я въ восторгѣ прыгалъ и визжалъ передъ моею маленькой хозяйкой.

— Побѣжимъ въ садъ! крикнула Люба, отворяя дверь.

Мы выбѣжали на галерею, и точно птички полетѣли по знакомымъ аллеямъ нашего милаго сада.

VI.

Я ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Мое новое счастіе было однакожъ непродолжительно. Оказалось, что Люба уже цѣлый годъ жила въ какомъ-то пансіонѣ и теперь пріѣхала домой только на святую–недѣлю: едва кончились праздники, ее опять увезли. Снова зажилъ я въ довольствѣ и роскоши, спалъ на мягкихъ коврахъ, ѣлъ съ фарфоровыхъ тарелокъ; но мнѣ было скучно: я не видѣлъ ни рѣзвой Любы, ни моей нѣжной Бьюти. Аркадій Ивановичъ любилъ по прежнему пересматривать соблазнительныя гравюры и заглядывать въ женскія личики, но выѣзжалъ уже со двора не такъ часто и совсѣмъ почти не бралъ меня гулять.

Разъ только мы ходили на Тверской бульваръ, и я увидѣлъ мѣста, гдѣ былъ когда-то такъ счастливъ. Вотъ скамейка, подлѣ которой я въ первый разъ познакомился съ прелестной левреткой, а вотъ и страшная улица, гдѣ отъ объятій любезной я попалъ въ сѣти кровожадныхъ фурманщиковъ. Послѣ этой прогулки мнѣ стало еще грустнѣе. Нестерпимая тоска одолѣвала меня, въ глазахъ мелькалъ образъ моей Бьюти; я ходилъ съ опущеннымъ хвостомъ и невольно принимался выть. При этомъ лакеи награждали меня обыкновенно пинками, приговаривая: на свою-бы тебѣ гололову, проклятая! Мое вытье должно–быть очень не нравилось; однажды самъ Аркадій Ивановичъ сказалъ камердинеру: вынесите вонъ эту собаку! И меня прогнали въ кухню.

Въ этотъ самый день Аркадій Ивановичъ довольно-рано воротился изъ англійскаго клуба, и меня пустили къ нему въ кабинетъ. Старичокъ опустился въ кресла; камердинеръ раздѣлъ его, снялъ парикъ, смылъ съ губъ помаду и вышелъ. Я прилегъ къ ногамъ моего хозяина. Безволосая голова въ шитой серебромъ фескѣ опустилась на плечо, руки повисли, и дряхлая мумія сидѣла неподвижно передъ туалетомъ, при матовомъ сіяніи фонарей, освѣщавшихъ нагія формы миѳологическихъ богинь и соблазнительныя контуры брон-

зовыхъ статуэтокъ. Старикъ сидѣлъ точно восковая фигура, не шевеля ни однимъ мускуломъ. Мнѣ стало нестерпимо тяжело; я привсталъ, поднялъ голову и тоскливо завылъ. Дворецкій вбѣжалъ въ кабинетъ, подошолъ къ Аркадію Ивановичу и вскрикнулъ: померъ! Попугай нашъ, проснувшись отъ этого возгласа, пропѣлъ въ залѣ: buona sera, signore! Камердинеръ выгналъ меня пинкомъ изъ кабинета и проворчалъ: навылъ таки смерть, проклятый!

Въ домѣ поднялась тревога. Лакеи забѣгали взадъ и впередъ, торопясь, какъ я замѣтилъ, набивать карманы всѣмъ, что только попадалось подъ-руку, и каждый давалъ мнѣ пинки, конечно не изъ участія къ покойному барину, а единственно для своего развлеченія. Избитаго и измученнаго меня выгнали на дворъ. Начинало уже разсвѣтать.

Долго сидѣлъ я на крыльцѣ и думалъ объ ожидающей меня участи. Мнѣ стало жаль бѣднаго старика, и припоминая его кончину, я снова принялся выть. Вдругъ дворникъ прибѣжалъ съ метлою и началъ колотить меня такъ безпощадно, что я безъ памяти кинулся въ ворота, которыя остались незатворенными послѣ того, какъ верхомъ выѣхалъ кучеръ, посланный извѣстить кого-то изъ родныхъ покойника.

Съ окровавленной головой выбѣжалъ я на улицу и въ безотчетномъ ужасѣ кинулся мимо бульвара. Не знаю, долго-ли я бѣжалъ, только вдругъ замѣтилъ, что меня преслѣдуетъ цѣлая стая дворовыхъ собакъ. Я бросился еще быстрѣе, но скоро долженъ былъ остановиться отъ усталости. Въ то-же мгновеніе на меня кинулись два или три здоровыхъ пса, и я замеръ подъ страшными челюстями разбойниковъ. Кровожадные зубы ихъ впились въ мое нѣжное, обритое тѣло и страшно щолкали, облитые моей кровью. Напрасно отгрызался я, сколько могъ: мои силы были слишкомъ слабы противъ ожесточонныхъ злодѣевъ. Голова у меня помутилась. Въ шумѣ свалки, когда мы катались и грызлись на мостовой, я замѣтилъ только, что передъ нами остановился экипажъ и послышался какой-то голосъ. Мнѣ показалось, что какой-то человѣкъ отбиваетъ меня кнутомъ отъ разбойниковъ.

Истерзанный и окровавленный, я точно сквозь сонъ видѣлъ, что меня подняли и перенесли куда-то на рукахъ. Когда я опомнился, то увидѣлъ, что лежу въ небольшой бричкѣ, въ ногахъ у какого-то толстаго, краснолицаго господина среднихъ лѣтъ, въ черномъ шелоновомъ сюртукѣ и дорожномъ кожаномъ картузѣ. Въ рукахъ у него былъ волосяной чубукъ, съ трубкою въ мѣдной оправѣ. На козлахъ сидѣлъ оборванный кучеръ и не менѣе оборванный лакей въ архалукѣ, подпоясанный кушакомъ. Раны мои перевязаны были какимъ-то лохмотьемъ.

Мы ѣхали по шоссе то рысью, то шагомъ. Толстый господинъ по временамъ нагибался ко мнѣ и даже раза два погладилъ. Выкуривъ трубку, онъ обратился къ лакею съ крикомъ: Игнашка! фляжку! Лакей отвязалъ ящикъ, укрѣпленный на козлахъ, вынулъ оттуда оловянную баклажку и корзинку и подалъ барину; тотъ отвинтилъ съ горлышка посудины оловянный стаканчикъ, налилъ его, выпилъ и закусилъ какой-то рыбой. — Игнашка! трубку! закричалъ онъ; и опять волосяной чубукъ задымился у него во рту. И только-что трубка была вся выкурена, онъ опять крикнулъ: Игнашка! фляжку! Такимъ-образомъ фляжка и трубка смѣнялись безпрерывно. Немного за полдень мы остановились на постояломъ дворѣ, въ какомъ-то селѣ. Игнашка по приказанію барина внесъ меня въ избу. Я былъ слабъ, не могъ ѣсть и только выпилъ нѣсколько глотковъ молока. Раны мои примочили водкой и снова обвязали. Толстякъ потрепалъ меня по головѣ и проговорилъ: добрая собака! Я съ благодарностью взглянулъ на моего избавителя и помахалъ хвостомъ.

Часа черезъ три мы опять поѣхали, а вечеромъ снова остановились ночевать въ другой деревнѣ. Тутъ опять напоили меня молокомъ. Такъ путешествовали мы цѣлые шесть дней. Во всю дорогу, съ утра до глубокой ночи, каждый часъ повторялись восклицанія: Игнашка! фляжку! послѣ чего немедленно выпивался стаканчикъ водки, а затѣмъ дымилась трубка. Мы проѣхали три или четыре города, изъ которыхъ я помню одну Тверь. Благодаря моей здоровой натурѣ, раны мои стали быстро заживать. На

седьмой день своротили мы съ шоссе, и протащившись часовъ пять по узкой проселочной дорогѣ, подъѣхали къ небольшой деревнѣ съ рядомъ сѣрыхъ избъ, изъ которыхъ выглядывали въ волоковыя окна повязанныя тряпками бабы. На улицѣ играли ребятишки, въ рубашонкахъ такого-же цвѣта какъ избы, и упражнялись въ ловкости, залѣпляя другъ-другу глаза пылью. Встрѣчные мужики кланялись въ поясъ.

За деревней, отступя немного отъ дороги, стоялъ одноэтажный деревянный домъ, съ небольшимъ, но довольно густымъ садомъ, изъ котораго пахло черемухой и липой. Со всѣхъ сторонъ горизонтъ замыкался жиденькимъ лѣсомъ и полосатыми нивами.

Бричка наша остановилась передъ крыльцомъ барскаго дома съ навѣсомъ на деревянныхъ выбѣленныхъ столбахъ. Толстякъ, поддерживаемый Игнашкой, пошолъ переваливаясь на крыльцо. Меня перенесли въ кухню, вымыли, накормили, и потомъ Игнашка, схвативъ за шиворотъ, понесъ на барскую половину.

Меня принесли въ довольно просторную комнату, оклѣенную жолтыми обоями и обставленную старинными креслами. У стѣны противъ оконъ стоялъ диванъ, а надъ нимъ висѣла въ рамкахъ за стекломъ съ одной стороны дворянская грамота съ красной восковой печатью, а съ другой распяленная бантомъ орденская лента съ какою-то бронзовой медалью. На диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣла высокая сухая женщина, въ бѣломъ платьѣ и чепцѣ съ жолтыми лентами. За спиною была у нея шитая гарусомъ подушка, а подъ ногами вышитая скамеечка. На столѣ, въ плетеной корзинкѣ, медленно повертывался клубокъ нитокъ, отъ движенія лѣниво ворочавшихся въ рукахъ чулочныхъ иголокъ. Толстякъ, съ которымъ я пріѣхалъ изъ Москвы, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ съ длиннымъ чубукомъ и чрезвычайно искусно пускалъ изъ роту кольца бѣлаго дыма. Въ углу, между дверью и окномъ, стояла рыженькая дѣвчонка въ тиковомъ платьишкѣ, съ чорными босыми ногами и обрѣзанными въ кружокъ волосами, и вя-

зала чулокъ изъ грубой шерсти. Когда я вбѣжалъ въ комнату, сухопарая дама немного вздрогнула.

— Вотъ, сестрица, какую я досталъ славную собаку! сказалъ мой толстякъ, и позвалъ меня къ столу, прищолкивая пальцами на манеръ испанскихъ кастаньетъ.

— Хороша, братецъ, отвѣчала дама рѣзкимъ какъ пила голосомъ. Дашка! что ты ротъ разинула? Подвинь мнѣ скамеечку, сюда, вотъ подъ эту ногу!

Дѣвчонка подбѣжала опрометью, механически исполнила приказаніе и тотчасъ-же убралась опять въ уголъ. Я обошолъ кругомъ всю комнату, посмотрѣлъ мебель, и проходя мимо дѣвочки, понюхалъ ея босыя ноги. Она выронила чулокъ и въ испугѣ захлопала глазами.

— Дашка! чего ты дура испугалась? крикнула сухая дама. Подыми чулокъ, да посмотри скорѣе, кто тамъ ѣдетъ?

— Сѣно везутъ! отвѣчала дѣвочка, заглянувъ въ окно, и снова убралась въ уголъ, проворно перебирая своими чулочными иглами.

— Кровная собака, сестрица! продолжалъ хозяинъ, подводя меня къ столу.

— Да, хорошій пудель! медленно проговорила дама. Дашка, подай мнѣ платокъ!... Куда ты? не видишь? Гдѣ у тебя глаза-то?

Дѣвочка бѣгомъ кинулась къ носовому платку, который лежалъ на столѣ передъ хозяйкой, и молча подала ей въ руки. Дама дотронулась имъ до своего длиннаго носа и опять крикнула: Дашка, возьми!

— Такъ вы, братецъ, все кончили въ Сенатѣ? спросила хозяйка.

— Слава-богу, сестрица: не даромъ ѣздилъ; теперь нашъ процессъ пойдетъ скорѣе! отвѣчалъ толстякъ.

— Пора кончить. Легко-ли? изъ семи десятинъ пятый годъ тянется. Дашка! кто тамъ, посмотри, прошолъ по дорогѣ?

Дашка шатнулась торопливо къ окну, высунулась въ него и проговорила: старостина корова!

— Которая?

— Бурая, отвѣчала дѣвочка и стала въ уголъ.

— Да, слава-богу — и дѣло подвинулъ, и собаку добылъ! замѣтилъ хозяинъ, обращаясь къ дамѣ. Теперь я хочу посовѣтоваться съ вами, сестрица: какъ-бы мнѣ назвать собаку? Всю дорогу я думалъ объ этомъ и не могъ придумать.

При этомъ онъ поднялъ голову и пустилъ красивое кольцо дыму.

— Назовите Розкой! отвѣчала дама, шевеля иглами своего вязанья.

— Что вы, сестрица? Вы видите, онъ кавалеръ....

— Такъ можно назвать.... Дашка! утри себѣ носъ!... можно назвать Фиделемъ.

— Да развѣ это болонка! возразилъ съ нѣжнымъ упрекомъ братецъ: вѣдь это пудель.... собака крупная.

— Такъ Фингаломъ.... Дашка! посмотри: за что у меня клубокъ зацѣпился?

Дашка торопливо подняла нитку, которая задѣла за платье самой барыни. Толстякъ продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Что вы говорите, сестрица! это къ нему нейдетъ. Какъ можно Фингалъ? это имя лягавое.

— Я право не придумаю, братецъ! Дашка! опять заснула, каналья? Поди сюда, поймай вотъ эту муху — она ужъ который разъ садится мнѣ на лицо.

Дѣвочка проворно бросила на окно чулокъ и начала прыгать на своихъ босыхъ ногахъ, стараясь налету прихлопнуть руками муху. Мнѣ показалось, что она играетъ, и я залаялъ. Дѣвочка перепугалась и закричала.

— Что ты орешь, дура! крикнула хозяйка. Вотъ я запру тебя вмѣстѣ съ нимъ въ чуланъ, такъ онъ тебѣ носъ-то поскусаетъ.

Бѣдная дѣвочка, дрожа всѣмъ тѣломъ, убралась въ уголъ и робко на меня посматривала. Мнѣ стало жаль ее. Я бросился къ дамѣ съ жолтыми лентами, уперся лапами ей въ колѣни и залаялъ прямо въ лицо. Она перепугалась больше дѣвочки, откинулась назадъ и закричала рѣзко: ай! возьмите, возьмите его!

Толстякъ ударилъ меня слегка рукой, вытащилъ за ши-

воротъ изъ комнаты, и я услышалъ только за дверью крикъ: Дашка! дай мнѣ спиртъ. Куда ты, дура? Тамъ, въ спальнѣ, на туалетѣ! Скорѣе, бестія!

Хозяинъ повелъ меня въ кабинетъ.

VII.

ДЕРЕВЕНСКІЙ НЕМВРОДЪ. ДОПОТОПНАЯ ДРЕССИРОВКА.

Мы вошли въ комнату съ полуободранной мебелью, обитой порыжѣлой кожею. На стѣнѣ, противъ оконъ, составлена была арматура изъ трехъ ружей и нѣсколькихъ пистолетовъ, расположенныхъ въ кругъ, какъ спицы въ каретномъ колесѣ. По сторонамъ развѣшены были пороховницы, яхташи, лядунки и арапники. Въ одномъ углу стояла мебель изъ нѣсколькихъ горизонтальныхъ круговъ, укрѣпленныхъ на одной ножкѣ, съ полукруглыми отверстіями, замкнутыми мѣдными проволоками, гдѣ вставлено было десятка полтора разнокалиберныхъ чубуковъ, съ янтарными мундштуками и бархатными начубучниками, вышитыми шолкомъ и бисеромъ. Въ другомъ углу, на шкапу со стеклами, стояли чучелы дикой утки и лягавой собаки. На столѣ валялся прошлогодній Мѣсяцословъ, съ десятокъ нумеровъ Московскихъ Вѣдомостей и хлопушка для мухъ изъ кожанаго треугольника, прибитаго къ деревянной палочкѣ.

Лука Лукичъ—такъ звали моего новаго хозяина—войдя въ кабинетъ, взялъ хлопушку, пришибъ на стѣнѣ пары двѣ мухъ и принялся ходить задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ. Видно было, что его мозговая механика работала всѣми силами, какъ можетъ-быть никогда не доводилось ей работать. Дѣло было серьозное; на лбу набѣжали морщины, и губы шептали несвязно: не годится! не придумаю! Въ глубокомъ раздумьи сѣлъ онъ къ столу, перелистовалъ календарь и опять положилъ.

— Игнашка! крикнулъ онъ.

Вошолъ знакомый уже мнѣ лакей.

— Какъ зовутъ бѣлаго пуделя у Мостаковыхъ?

— Не знаю-съ.

— Ты вѣчно ничего не знаешь, болванъ! Умѣешь только ѣсть да сапоги топтать... А у Биткина какъ звали собаку, съ которой онъ пріѣзжалъ къ намъ на имянины?

— Не могу знать.

— Пошолъ вонъ, дуракъ! Животное... ни до чего ему нѣтъ дѣла!

Лакей вышелъ. Хозяинъ мой опять задумался. Но минутъ черезъ пять онъ вскочилъ съ креселъ, и глаза его засверкали, очевидно оттого, что искомая идея была наконецъ отыскана.

— Игнашка! закричалъ онъ: достань всѣ вѣдомости!

Лакей вытащилъ изъ шкапа связку пыльныхъ московскихъ газетъ и положилъ на столъ. Лука Лукичъ принялся съ большимъ вниманіемъ ихъ перелистывать, прочитывая въ каждомъ номерѣ по нѣсколько строкъ. Я замѣтилъ, что онъ читаетъ объявленія о пропавшихъ собакахъ. Цѣлый вечеръ провелъ онъ въ этомъ занятіи, выписывая на бумажку собачьи имена.

Утромъ взялъ онъ этотъ списокъ, и мы пошли въ гостиную. Тощая сестрица сидѣла уже на диванѣ въ своей обыкновенной позѣ, и передъ нею дремала съ чулкомъ та-же босая дѣвочка.

— Сестрица! сказалъ Лука Лукичъ, поцѣловавъ у нея руку: вотъ я выписалъ двадцать два собачьихъ имени.

— Вы долго вчера занимались? спросила дама, смотря глубокомысленно на брата.

— Ужасно усталъ-съ: не помню, чтобы когда столько читалъ. Какія я нашолъ любопытныя вещи!

— Что-же такое?.. Дашка, подвинь мнѣ подушку сюда, вотъ подъ этотъ локоть.

— Да, представьте: въ Москвѣ недѣли не проходитъ, чтобъ не пропало десятка собакъ. И какія награжденія обѣщаютъ, буде кто приведетъ... сотенныя бываютъ!

— Конечно, вѣдь иная дороже человѣка. Какъ-же вы думаете назвать пуделя?

— Милордомъ.

— Хорошее имя... Дашка, видишь — въ окно пухъ летитъ: поймай его!

Бѣдная дѣвчонка кинулась опрометью ловить занесенное вѣтромъ въ комнату какое-то маленькое перышко.

— Я въ газетахъ нашолъ. Апрѣля 6, изъ дома г-жи Грусиной, въ приходѣ Николы Заяицкаго, сбѣжалъ пудель бѣлой шерсти, хвостъ два вершка съ половиной, подъ лѣвымъ ухомъ желтое пятно, кличка Милордъ. Славное имя, неправда ли?

— Очень.

Лука Лукичъ подошолъ ко мнѣ и началъ гладить, приговаривая: Милордъ! Милордъ! И мы воротились въ кабинетъ.

Прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали въ деревню. Я совершенно выздоровѣлъ и началъ привыкать къ новому дому. Но мнѣ готовились новыя страданія. Однажды Лука Лукичъ посмотрѣлъ на потолокъ, гдѣ ввинчено было кольцо съ небольшимъ блокомъ, и закричалъ: Игнашка!

Лакей явился въ дверяхъ.

— Приготовь утромъ сворку для ученья, мячикъ и ошейникъ.

— А какой арапникъ?

— Старый... да собаку безъ меня не кормить!

Игнашка вышелъ. Этотъ таинственный разговоръ произвелъ на меня впечатлѣніе очень непріятное, хотя я и не вполнѣ понялъ его смыслъ. Во весь этотъ день мнѣ дали только два сухаря, размоченныхъ въ молокѣ. Ночь я спалъ дурно: меня мучилъ голодъ и томила тоска. Я выползъ изъ подъ кушетки, на которой храпѣлъ мой хозяинъ, и желая чѣмъ-нибудь разогнать грусть, началъ читать статью въ газетахъ. Совсѣмъ уже разсвѣло. Черезъ нѣсколько времени, поднявъ голову, я замѣтилъ, что толстякъ, приподнявшись на кушеткѣ, смотрѣлъ на меня, выпуча глаза. Я бросилъ газету. Онъ всталъ и принялся хлестать меня арапникомъ, приговаривая:

— Ахъ ты скверный! читать вздумалъ... Не умѣетъ поноски носить, стойки не знаетъ, а въ ученые глядитъ. Вотъ

я тебя отучу отъ книгъ; ты будешь у меня дѣломъ заниматься. Ахъ ты, тварь: вздумалъ за газетами сидѣть! Учись ходить за дичью, а не даромъ хлѣбъ ѣсть. Вотъ ты у меня привыкнешь подъ ружьемъ ходить!

И удары сыпались на меня дробью.

— Представьте, сестрица, сказалъ Лука Лукичъ за чаемъ, чѣмъ собака-то моя занимается: я ее за книгой засталъ. А не умѣетъ стойки дѣлать!

— Да вѣдь это не лягавая!

— Что-жъ такое! можно всякую выучить... Дайте мнѣ любую дворняжку да арапникъ — и я вамъ въ полгода сдѣлаю охотничью собаку. А пуделей учатъ, какъ и лягавыхъ, къ болотной охотѣ.

— Да у насъ, братецъ, болотъ нѣтъ.

— Чтожъ, сестрица; все лучше его стойкѣ выучить, чѣмъ давать журналы рвать.

Мы воротились въ кабинетъ. Тамъ уже длинная бичева продѣта была однимъ концомъ въ блокъ, привѣшенный къ потолку, а другимъ въ привинченное къ стѣнѣ кольцо. Лука Лукичъ осмотрѣлъ все это и позвалъ Игнашку. На меня надѣли привязанный къ бичевѣ ошейникъ изъ грубой кожи на желѣзной подкладкѣ, которая утыкана была изнутри острыми гвоздями. Я дрожалъ отъ какого-то предчувствія. Мнѣ представились всѣ ужасы пытки, о которыхъ удавалось читать.

Толстякъ взялъ одной рукой веревку, привязанную къ моему колючему галстуку, а другою кожаный мячикъ, отъ котораго пахло свининой. Посмотрѣвъ мнѣ пристально въ глаза, онъ откатилъ мячикъ на нѣсколько шаговъ, и показывая на него рукою, закричалъ: cherche! cherche! Я стоялъ въ нерѣшимости. Вдругъ чувствую, что колючій ошейникъ впился мнѣ въ шею желѣзными гвоздями и потащилъ меня къ мячику. Я замеръ отъ боли, передвинулъ впередъ ногу, за ней другую и невольно сталъ подходить къ мячу; а блокъ, перетягиваемый веревкою, скрипѣлъ, и голосъ инквизитора повторялъ: cherche! cherche! Когда я подошолъ къ приманкѣ такъ, что оставалось сдѣлать еще шагъ и схватить ее, вдругъ блокъ перевернулся, веревка передернулась — и стянутый

двумя сворами, я остановился неподвижно съ приподнятой лапой и протянутой впередъ шеей. Надъ ушами раздался у меня крикъ моего мучителя: тубо! тубо! И я, затаивъ дыханіе, трепеща всѣмъ тѣломъ, замеръ на мѣстѣ, и кажется, цѣлые часы прошли въ этомъ мучительномъ положеніи. Вотъ опять заскрипѣли блоки, опять передернулись веревки — и при громкомъ крикѣ: пиль! ошейникъ дернулъ меня впередъ, и въ какомъ-то забытьи я невольно схватилъ мячикъ и принялся терзать его зубами; но въ ту-же минуту хлопнулъ бичъ, и я съ визгомъ опустилъ добычу. Мячикъ снова положили на прежнее мѣсто, страшный ошейникъ опять потянулъ меня къ этой приманкѣ; но проученый бичомъ, я на этотъ разъ взялъ осторожно добычу и держалъ въ зубахъ. Если вы, дорогой читатель, слыхали о мукахъ Тантала, то можете представить мое положеніе, когда я, измученный голодомъ, стоялъ съ кускомъ душистой ветчины во рту и не смѣлъ до нея дотронуться. И сколько собакъ на свѣтѣ бываетъ въ такомъ положеніи. Инквизиторъ мой отошолъ въ другой конецъ комнаты, началъ манить меня, передергивая одной рукой веревку, и закричалъ: apporte! Ошейникъ потянулъ меня въ ту сторону, и я подошолъ къ мучителю моему съ мячикомъ въ зубахъ. Это была послѣдняя пытка; меня отвязали и тотчасъ-же накормили.

— Препонятная собака! прошепталъ Лука Лукичъ, гладя меня по спинѣ.

Но при всей моей понятливости цѣлый мѣсяцъ прошолъ въ этихъ пыткахъ,—и я наконецъ привыкъ къ нимъ, и онѣ не казались мнѣ больше страшными. Я дотого понялъ магическое значеніе словъ: cherche, тубо, пиль, apporte, что нетолько обходился безъ арапника, но предупреждалъ уже движеніе ошейника и по одному скрипу блока догадывался, чего отъ меня хотѣли. Зная, что за урокомъ всякій разъ слѣдуетъ тарелка съ бульономъ, я наконецъ охотно принимался за мои упражненія и даже самъ ожидалъ ихъ. Мнѣ перестали наконецъ надѣвать ошейникъ, и всѣ продѣлки съ мячикомъ я выполнялъ по одной командѣ: пиль, apporte! Сначала эти эволюціи происходили въ комнатѣ, потомъ на дворѣ, и наконецъ мячикъ началъ замѣняться домашнимъ

цыпленкомъ. Я чутьемъ умѣлъ найти его, подкрасться осторожно и останавливаться надъ нимъ, ожидая крика—пиль, потомъ броситься къ нему и принести къ хозяину — и всякій разъ тарелка съ бульономъ давалась мнѣ за трудъ.

Какъ ни хотѣлось мнѣ сначала бѣжать, но я со дня на день откладывалъ побѣгъ, и такъ устроена уже гибкая собачья натура, что я началъ привыкать къ дому Луки Лукича и незамѣтно прожилъ у него болѣе года. Не смотря на строгое охотничье ученье, мнѣ только разъ пришлось быть на настоящей охотѣ, гдѣ однако мы ничего не добыли, и такимъ образомъ всѣ мои труды ограничивались парадной стойкою и поносками.

Такъ прошли осень и зима.

Съ наступленіемъ лѣта мой хозяинъ началъ поговаривать о поѣздкѣ въ какія-то сосѣднія болота съ знакомыми охотниками. Но среди этихъ приготовленій онъ получилъ однажды письмо, которое по видимому очень озаботило его. Съ часъ ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ пошолъ въ гостиную и молча подалъ письмо сестрицѣ, которая сидѣла на диванѣ въ своей обычной позѣ, передъ нескончаемымъ чулкомъ.

— Что теперь дѣлать? спросилъ толстякъ, когда она прочитала письмо.

— Неужели-же оставить, братецъ, это дѣло? вѣдь семь десятинъ не шутка. Дашка! смотри, окно отворилось—заложи крючкомъ.

Въ такомъ случаѣ придется ѣхать въ Петербургъ, сказалъ Лука Лукичъ. Другаго средства нѣтъ подвинуть дѣла: въ Москвѣ нечего ждать.

— Что-же, поѣзжайте, братецъ; да возьмите, я вамъ дамъ обращикъ матеріи—вы не нашли въ Москвѣ, можетъ быть найдете въ Петербургѣ.

— Съ удовольствіемъ, сестрица; только страшно ѣхать въ столицу—вѣдь я слишкомъ двадцать лѣтъ ее не видалъ.

— Какъ-же вы поѣдете, братецъ?

— По чугункѣ.

— Не опасно-ли?

— Богъ не безъ милости, сестрица. Мостаковъ зимой ѣз-

дилъ два раза—и говоритъ, ничего. Я возьму съ собой и Милорда: не такъ скучно будетъ, а можетъ въ свободный часъ удастся и поохотиться—тамъ вѣдь на взморьѣ, говорятъ, дичи пропасть.

— Что-жъ! возмите, братецъ. Дашка, поди сюда... почеши мнѣ вотъ здѣсь... Извините, братецъ, что при васъ.

Дѣвочка запустила ей руку за платье и заскребла такъ усердно, что барыня прогнала ее опять въ уголъ,

Сердце мое замерло при неожиданной вѣсти. Я чувствовалъ, что въ судьбѣ моей настаетъ перемѣна; покрайней мѣрѣ монотонная жизнь моя должна будетъ скоро измѣниться. Дня три послѣ этого прошло у насъ въ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ, и наконецъ въ одно сѣренькое утро братецъ поцѣловалъ руку у сестрицы, и мы усѣлись въ бричку, гдѣ на козлахъ помѣстился Игнашка съ тѣмъ-же кучеромъ, который везъ насъ изъ Москвы. Къ вечеру мы пріѣхали на одну изъ станцій только-что открытой тогда желѣзной дороги.

Путешествіе въ багажномъ вагонѣ, въ обществѣ какихъ-то двухъ легавыхъ кобелей, въ шумѣ и громѣ поѣзда, показалось мнѣ не очень привлекательнымъ. Я не могъ уснуть ни одной минуты и нѣсколько разъ принимался выть, въ одинъ хоръ съ моими дорожными товарищами. Не знаю, для чего нужна эта головоломная ѣзда такимъ людямъ, какъ мой толстый хозяинъ, съ его медленнымъ обращеніемъ крови и капитала!

VIII

ПРІѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. СОБАЧЬИ ПРОМЫШЛЕННИКИ.

Наконецъ я очутился въ сѣверной столицѣ, о которой такъ много слышалъ и читалъ. Одна мысль, что я въ Петербургѣ, заставляла меня выть отъ удовольствія. Сколько тутъ любопытнаго для собаки! Въ кунсткамерѣ увижу я историческихъ левретокъ Петра Великаго, въ Царскомъ-Селѣ

погляжу на памятникъ, воздвигнутый Екатериною любимой Земирѣ, съ поэтической надписью Сегюра:

Ici mourut Zemire, et les Grâces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.

Въ какой другой столицѣ найдете вы болѣе достойные памятники?

Мы остановились въ Демутовой-гостинницѣ. Съ перваго взгляда трактирная жизнь мнѣ не понравилась. Эти тѣсные дворы, безъ зелени и простора, эти высокія каменныя лѣстницы—ужасно неудобны для всякой собаки, которая выросла на свободѣ. Лука Лукичъ въ тотъ-же день взялъ меня гулять. Мы вышли на Невскій-проспектъ. Я не зналъ, чѣмъ любоваться. То въ окнахъ магазина выставлены были гравированные портреты англійскихъ собакъ, то попадались люди, продающіе прелестныхъ щенковъ, то дамы, которыя вели на снуркѣ чорнаго кинъ-чарльса или стройную англичанку. Какая роскошь, какіе великолѣпные ошейники на людяхъ и собакахъ! На каждомъ шагу попадались кровные псы. Ужъ не потомки-ли это Земиры? думалъ я. Намъ встрѣтилась пышная дама, и за нею ливрейный лакей велъ на шолковомъ снурѣ стройную бѣлую левретку, съ золоченнымъ ошейникомъ, на которой надѣта была малиновая попонка, съ вышитымъ на бокахъ гербомъ. Съ провинціальной наивностью я хотѣлъ съ нею обнюхаться, но гордая аристократка даже не повернулась ко мнѣ и шла, выкидывая тонкими ножками, точно манежная лошадь. Это такъ озадачило меня, что я насилу рѣшился заговорить съ какимъ-то ублюдкомъ, котораго мы догнали на тротуарѣ.

— Позвольте узнать, почтеннѣйшій, спросилъ я на нашемъ собачьемъ языкѣ: неужели здѣсь нѣтъ дворняшекъ?

Тотъ обнюхалъ меня и отвѣчалъ небрежно: есть да только не на этой улицѣ.

— Кто-же здѣсь стережотъ дома?

— Развѣ это собачье дѣло: на то есть дворники.

Я съ удовольствіемъ узналъ, что даже Гостинный-дворъ охраняется здѣсь не собаками, какъ въ Москвѣ, а одними сторожами. Все это меня чрезвычайно удивляло.

*

Незамѣтно пролетѣла цѣлая недѣля. Нельзя сказать, чтобъ меня кормили очень сытно, или чтобъ жизнь столичная представляла болѣе удобства, но меня занимала новость положенія. Скоро однако мнѣ суждено было познакомиться короче съ сѣверной Пальмирой и узнать, сколько бѣдности, коварства и разврата кроется въ этомъ великолѣпномъ городѣ, гдѣ собакъ водятъ на шолковыхъ снурахъ и покрываютъ бархатными чепраками.

Однажды, утомленный житьемъ въ верхнемъ этажѣ и несноснымъ одиночествомъ, я успѣлъ какъ-то ускользнуть изъ номера и юркнулъ въ ворота. Зѣвая по сторонамъ и обнюхивая тумбы, бродилъ я по улицѣ. Вдругъ показалась прелестная польская собачка, бѣлая, съ живописно-волнистой шерстью, свѣтлыми желтыми глазками и коричневыми ушами. Весело бѣгала она по тротуару, уносилась впередъ, съ лаемъ кидалась на средину мостовой, поднимая бродившихъ тамъ голубей, потомъ во всю прыть бросалась назадъ къ двумъ мужчинамъ, одѣтымъ въ поношенныя пальто, и бойко повернувшись у ногъ ихъ, снова мчалась впередъ. Увидя меня, она стрѣлою кинулась мнѣ на встрѣчу, и не добѣжавъ шага на два, остановилась, опустила уши, быстро повернулась и опять тряхнула ушами. Я подошолъ къ ней. Мужчины, съ которыми шла она, остановились и начали разговаривать вполголоса, изрѣдка на меня посматривая. Я обнюхивалъ прелестную польку. Она была восхитительна: кокетство, ловкость, грація были видны въ каждомъ ея движеніи.

— Вы гуляете? спросила она, улыбаясь хвостомъ.

— Прогуливаюсь.

— Одинъ?

— Да; мнѣ было скучно, хотѣлось побѣгать: я здѣсь недавно.

Она посмотрѣла на меня, повертѣла хвостомъ, кокетливо опустила голову и побѣжала впередъ, бросивъ взглядъ, отъ котораго у меня замерло сердце подъ лапкой.

— Проводите меня! шепнула она.

Не помня себя отъ радости, я побѣжалъ за граціозной полькой. Одинъ изъ мужчинъ, съ которыми она бѣжала, подался впередъ, другой пошолъ сзади. Мы повернули на ка-

налъ, оттуда опять въ улицу. Прелестная незнакомка такъ заигрывала со мной, что я не въ силахъ былъ отстать и продолжалъ бѣжать за ея хвостомъ. Боясь далеко зайти, я однакожъ хотѣлъ воротиться; но мужчина въ пальто загородилъ мнѣ дорогу и сказалъ что-то своему товарищу, который шолъ впереди. Тотъ завернулъ подъ ворота, полька побѣжала за нимъ, и я очутился тамъ-же. Не успѣлъ я опомниться, какъ почувствовалъ, что на шею мнѣ накинули веревку, на рыло надѣли намордникъ, и мужчина въ фуражкѣ схватилъ меня на руки и торопливо понесъ со двора. Мы прошли нѣсколько улицъ, и наконецъ меня принесли на дворъ и толкнули въ какую-то полутемную лачугу.

Когда я опомнился, то увидѣлъ себя въ сараѣ съ однимъ маленькимъ окошкомъ, въ обществѣ цѣлой дюжины собакъ, которыя всѣ почти были въ ремянныхъ намордникахъ. Посерединѣ стояли два корыта совсѣмъ пустыя, но собаки безпрестанно подходили къ нимъ и обнюхивали съ аппетитомъ. Я началъ осматриваться. Оказалось, что я попалъ въ общество довольно порядочное: тутъ совсѣмъ не было дворняшекъ, а все благородныя собаки — лягавыя, польки, левретки. Видно было однакожъ, что вся эта компанія собралась сюда не ради привольной жизни. Скоро мы обнюхались и познакомились. Виновница моего плѣна, какъ ни въ чемъ не бывало, прыгала и рѣзвилась между нами и не обращала большого вниманія на мои ласки, или вѣрнѣе—со всѣми возилась и играла съ одинаковой любезностью. Несмотря на очевидную благовоспитанность, нѣкоторые изъ моихъ товарищей принимались выть отъ голода. Вечеромъ дверь отворилась: одинъ изъ господъ, которые меня поймали, вошолъ съ двумя ведрами и налилъ въ одно корыто воды, а въ другое жидкой кашицы. Всѣ кинулись къ послѣднему. Но дверь осталась непритворенною, и я подошолъ къ ней.

Въ большой грязной комнатѣ сидѣли два человѣка — одинъ молодой, съ всклокоченными волосами, въ сюртучишкѣ, на которомъ вмѣсто пуговицъ висѣли нитки; другой съ небритой бородой, въ засаленномъ архалукѣ съ прорванными локтями. Лицо его показалось мнѣ знакомо, хоть я и не могъ

припомнить, гдѣ его видѣлъ. На столѣ видѣнъ былъ полштофъ и коровай ситнаго хлѣба. Въ углу лежала порядочная куча собачьихъ ошейниковъ. На окнѣ я замѣтилъ нѣсколько номеровъ газетъ.

— Что-жъ намъ дѣлать съ кинчарлемъ-то? сказалъ молодой оборванецъ своему товарищу: вотъ ужъ двѣ недѣли онъ у насъ, а нѣтъ публикаціи!

— Въ продажу! отвѣчалъ мрачно человѣкъ въ архалукѣ: долго-ли кормить его! Да надо подпалину-то затереть.

— Завтра приготовлю... А рыжую не подкрасить-ли тоже?—вѣдь и ее надо продать.

— Скоро ее продашь! ишь время-то: совсѣмъ нѣтъ промысла... Бывало въ Москвѣ...

— Какъ-же!.. много тамъ собакъ-то подходящихъ? Здѣсь не то: на прошлой недѣлѣ вѣдь тридцать цѣлковыхъ выручили...

— Что-жъ такое! Водолаза свели на публикацію за 20 рублей, а безъ него сидѣли-бы на бобахъ... Не пора-ли щенятъ-то отъ легавой вынести? только за матку надо взять коричневую.

— Ладно. А какую-было я нынче левретку подцѣпилъ! Вхожу я на дворъ въ Галерной, а она и прыгаетъ... я было и намордникъ приготовилъ, да лакеишка изъ окна увидѣлъ.

— Вотъ то-то, вишь промыслы-то каковы... Въ Москвѣ бывало не то...

— Полно ты съ своей Москвой-то, дядя Наумъ!

При этомъ имени я узналъ въ небритомъ человѣкѣ того самаго господина, который продалъ меня въ Москвѣ Аркадію Ивановичу. Живо припомнились мнѣ теперь обстоятельства моей молодости, житье въ домѣ маленькой Любы, любовь незабвенной Бьюти. Я крѣпко задумался и не слыхалъ разговора промышленниковъ. Въ это время почтальонъ подалъ въ окно листокъ газеты. Молодой собачникъ развернулъ ее и началъ просматривать съ конца послѣдней страницы, какъ читаютъ мусульмане.

— Ну, что? спросилъ отрывисто Наумъ.

— Постой: вишь все объ мебели... вотъ опять фортупьяны мало держанные... А, вотъ!

И собачникъ началъ читать книжнымъ складомъ: «Изъ дома Лузгина, въ Караванной улицѣ, сбѣжала сучка шарло; уши коричневыя, концы лапъ бѣлые, подъ лѣвой лапой бѣлое пятно, кличка Жефри. Кто доставитъ въ квартиру подъ № 7, тому дано будетъ приличное награжденіе».

— Приличное! проговорилъ Наумъ: далось оно имъ, анаѳемамъ! Вотъ на прошлой недѣлѣ носилъ я польку по вызову въ Гороховую; а барыня-то и отсыпала цѣлковый, да еще грозитъ: коли, говоритъ, не доволенъ, такъ и ничего не получишь... я еще, говоритъ, справлюсь — откуда ты взялъ собаку...

— Да, по-моему на приличное и ходить нечего; развѣ ужъ вовсе нестоющая собачонка.

— Ну, что еще?

«5-го іюня изъ дома генерала Робскаго пропала собака водолазъ—весь чорный, кличка Карбонари; кто приведетъ или доставитъ свѣдѣніе о ней, тому дано будетъ 25 руб. сер. награжденія».

— Вотъ это кусокъ! проговорилъ мрачно Наумъ, наливая въ стаканъ водки.

— Ну, что еще богъ-дастъ: помнишь, гусарскому-то офицеру водили мы сеттера—тоже двадцать-пять рублей было обѣщано, да безъ гроша чуть ноги унесли.

Наумъ плюнулъ и принялся набивать коротенькую трубку.

«Сбѣжала сучка англійской породы, продолжалъ читать его товарищъ, свѣтлокоричневая съ чорными пятнами, кличка Фальстафа; кто доставитъ на Васильевскій Островъ, на Большомъ проспектѣ, въ домъ Катценкоха, дано будетъ 10 руб. Ужъ не наша-ли?

Онъ всталъ и подошолъ къ нашимъ дверямъ.—Фальстафа! крикнулъ онъ. Мы всѣ приподняли уши, а лежавшая подлѣ меня коричневая собачонка вскочила, и вертя хвостомъ, подошла къ собачнику.

— Она и есть! сказалъ онъ. Вишь ты, каторжная, куда забѣжала: вѣдь я ее поймалъ у Большого-театра. Надо завтра вести.

Послѣ этого дверь въ нашъ сарай затворилась.

И такъ я попалъ къ промышленникамъ, спеціально занятымъ ловлей и продажей собакъ: ясно было, что здѣсь я проживу не долго. Но что-же будетъ со мною!

На другой день молодой собачникъ увелъ Фальстафу, а Наумъ понесъ на продажу двухъ полулягавыхъ щенковъ, и съ ними въ качествѣ матери взялъ породистую лягавую. Къ обѣду оба промышленника воротились домой съ пустыми руками. Молодой оборванецъ вошолъ къ намъ въ сарай съ арапникомъ и принялся безъ всякаго повода насъ стегать.

— Ну, что? спросилъ Наумъ.

— Дали пять рублей. Ты, говоритъ, самъ ее увелъ; я тебя въ часть отправлю, мошенникъ... Вотъ и поди съ ней, а полковница! Вѣдомости-то пакостятъ.

— Шельма народъ! проговорилъ злобно Наумъ.

Однакожъ, не смотря на такія неудачи, дѣла нашихъ хозяевъ шли, повидимому, не дурно. Честный промыселъ ихъ очевидно процвѣталъ. Рѣдкій день почтенные промышленники не доставали новой собаки; то просто ловили по дворамъ, то завлекали подобныхъ мнѣ селадоновъ при помощи той польки, по милости которой я попалъ въ это заведеніе. Получая Полицейскія Вѣдомости, они слѣдили за объявленіями о пропавшихъ собакахъ, и нерѣдко удавалось имъ получать награжденія. Если-же о пойманныхъ плѣнникахъ не печатали, то ихъ водили на продажу. По вечерамъ собачники, если не были пьяны, занимались передѣлкою собакъ, назначенныхъ въ продажу: однихъ подстригали, другихъ перекрашивали. Иногда егеря наши натаскивали молодыхъ собакъ къ стойкѣ, другихъ учили давать поноску. Разъ привели они прекраснаго водолаза, и Наумъ отвезъ его въ Москву, потому-что, какъ я узналъ, собака эта попадалась имъ въ другой разъ, и сбыть ее въ Петербургѣ было трудно. По возвращеніи его у насъ была тревога. Разъ молодой егерь опрометью прибѣжалъ въ сарай, и схвативъ одну левретку, скрутилъ ее намордникомъ и бросилъ въ боковой чуланъ. Вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась, вошолъ Наумъ, и съ нимъ какой-то господинъ въ военной шинели и городовой. Офицеръ внимательно разсматривалъ нашу компанію.

— Мнѣ говорили навѣрно, что собака моя здѣсь! сказалъ онъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, кротко проговорилъ Наумъ: какъ-же могла попасть сюда ваша собака? Мы егери— выкармливаемъ собственныхъ!

— Да чужихъ съ дворовъ сводите?

— Никакъ нѣтъ-съ: мы этимъ не занимаемся; у насъ свой заводъ... Насъ давно знаютъ здѣсь, извольте справиться!

При этомъ Наумъ что-то сунулъ въ руку городовому.

— На нихъ жалобъ, ваше благородіе, не было, сказалъ городовой: они здѣсь третій годъ живутъ.

Офицеръ вышелъ.

— Смотрите вы, черти, осторожнѣе! шепнулъ уходя городовой.

Въ ту-же ночь Наумъ отнесъ куда-то левретку.

Такъ прошолъ мѣсяцъ: обо мнѣ не было публикацій, и я не зналъ, чѣмъ кончится судьба моя. Хотя жизнь въ порядочномъ собачьемъ обществѣ и нельзя было назвать скучною, но я постоянно былъ голоденъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ перемѣны участи.

Однажды утромъ Наумъ накормилъ меня особо. Это, какъ замѣтилъ я, было знакомъ, что меня куда-нибудь поведутъ. Въ самомъ дѣлѣ суровый хозяинъ посадилъ за пазуху какихъ-то щенятъ ублюдковъ, а меня взялъ на ременную сворку. Мы прошли нѣсколько улицъ и вышли на Сѣнную, направляясь къ Невскому-проспекту. Вдругъ я увидѣлъ въ толпѣ женщину въ шляпкѣ и салопѣ, за которою шла работница съ большимъ кулькомъ. Лицо этой дамы показалось мнѣ знакомымъ, и представьте мое удивленіе, когда я узналъ въ ней мою старую хозяйку Каролину, съ которой дебютировалъ подъ-Новинскимъ. Въ радости отъ этой встрѣчи я прыгнулъ такъ, что вырвалъ сворку изъ рукъ Наума и очутился подлѣ нѣмки. Съ разбѣгу прыгнулъ я лапами прямо къ ней на колѣни. Она сначала испугалась и вскрикнула, но скоро узнала меня, и гладя по головѣ, говорила: Негръ! Негръ! Я весело прыгалъ передъ нею.

Между тѣмъ Наумъ подошолъ и ловилъ меня за сворку, стараясь ударить ногой.

— Не трогайте: это моя собачка! сказала Каролина.

— Съ чего это ваша! она у меня и выросла! возразилъ мрачно Наумъ.

— Неправда! неправда! ты видишь, она ко мнѣ ласкается.

— Мало что ласкается! я ее выкормилъ еще щенкомъ.

— Врешь; она пропала у меня... Гдѣ ты ее взялъ? Скажи-ка, какъ ее зовутъ, кликни-ка!

Наумъ немного замялся. Около насъ начала собираться толпа. Промышленникъ все еще пытался отнять меня, но Каролина очевидно не думала уступать.

— Что-же ты не говоришь, какъ ее зовутъ; а я тебѣ скажу—ее зовутъ Негромъ... Негръ! крикнула она.

Я началъ прыгать около моей бывшей хозяйки, надѣясь отдѣлаться отъ жаднаго собачника, который смотрѣлъ на меня съ одной коммерческой стороны.

— Да отдайте-же мнѣ собаку! закричалъ онъ: вѣдь вотъ и щеняты отъ нея!

— Врешь, врешь! какіе у него щеняты: это мужчина! сказала нѣмка.

Въ толпѣ захохотали. Въ это время подошолъ городовой.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Да вотъ этотъ мошенникъ поймалъ мою собаку. Она долго у меня жила; спросите, гдѣ онъ ее взялъ? Видите, какъ она ласкается ко мнѣ! Ее зовутъ Негръ, а онъ и фамиліи ея не знаетъ... Я здѣсь живу въ Гороховой: обо мнѣ можно узнать...

— Гдѣ ты взялъ собаку? спросилъ городовой Наума.

— Она у меня давно; я купилъ ее.

— А какъ-же ты сказалъ сейчасъ, возразила Каролина, что самъ выкормилъ: вы слышали, господа...

— Кто ты такой?

— Егерь; живу въ Семеновскомъ-полку.

— Да постойте, господинъ городовой: пусть онъ скажетъ, что эта собака умѣетъ дѣлать, а послѣ я скажу. Говори-же?

Наумъ молчалъ.

— А она вотъ что умѣетъ! сказала Каролина, и взявъ палку у стоявшаго подлѣ нея человѣка, подняла ее горизонтально и проговорила: spring, Neger!

Я по старой памяти скакнулъ черезъ палку. Это обстоятельство убѣдило зрителей и полицейскаго. Городовой крикнулъ на Наума, и тотъ скрылся въ толпѣ. Торжествующая Каролина, для большаго убѣжденія зрителей, взяла отъ кухарки кулекъ и подала мнѣ; я схватилъ его въ зубы и пошолъ за нѣмкой, провожаемый одобрительнымъ говоромъ зрителей.

Съ полчаса мы проходили по Сѣнной. Каролина закупала разнаго рода провизію и въ большомъ количествѣ — съ полсотни рябчиковъ, цѣлый кулекъ рыбы и ворохъ зелени, такъ-что кухарка навьючена была точно верблюдъ, и мнѣ дали нести порядочный кулекъ съ шпинатомъ. Но меня поразило то обстоятельство, что Каролина выбирала вездѣ провизію самую дурную и почти негодную—рябчиковъ полугнилыхъ, зелень совсѣмъ завялую. Видно было, что торговцы хорошо ее знали и вытаскивали самую негодную гниль, говоря: это для васъ, Каролина Ивановна!

Нагружонные такимъ образомъ, добрались мы до Гороховой и пришли къ какому-то грязному дому съ очень-неблаговиднымъ подъѣздомъ, у котораго прибита была вывѣска съ нарисованными судками и подписью: «*Лампе. Кухмистерскій столъ. Отпускаютъ и на домъ*».

IX

КУХМИСТЕРША И ЕЯ КЛІЕНТЫ.

Вѣроятно, вамъ случалось въ годы холостой петербургской жизни обѣдать у кухмистеровъ, гдѣ приготовляютъ столъ для постоянныхъ посѣтителей, собирающихся по абонированнымъ билетамъ. Такой именно кухмистерскій столъ держала Каролина Ивановна. Не могу сказать, какимъ образомъ изъ канатной плясуньи она сдѣлалась кухмистершей и за восемь рублей въ мѣсяцъ кормила съ полсотни петербургскихъ холостяковъ. Когда я познакомился съ домомъ, то изъ разго-

воровъ понялъ только, что она уже третій годъ занималась этой профессіей. И герръ-Лампе еще существовалъ, только дѣла его были очевидно не въ блестящемъ положеніи: по воскресеньямъ онъ приходилъ иногда на кухню. Ему давали кое-какіе остатки отъ обѣда и стаканъ пива; но онъ не смѣлъ почему-то называться мужемъ хозяйки, и однажды, когда онъ вздумалъ ей напомнить объ этомъ, Каролина вытолкала его за дверь. Но за то, если онъ приходилъ навеселѣ, то бушевалъ на весь дворъ, пока его не успокоивали полтинникомъ. Аугустъ тоже жилъ въ Петербургѣ: онъ держалъ по сосѣдству отъ насъ табачную лавочку и почти всякій день обѣдалъ у Каролины, получалъ рюмку водки и часто оставался у насъ до глубокой ночи. Многіе изъ посѣтителей полагали, что онъ мужъ хозяйки.

Жизнь моя пошла однообразно и безбѣдно. Утромъ Каролина отправлялась обыкновенно на Сѣнную за провизіей и часто брала меня съ собою, причемъ я носилъ кулекъ, и оттого скоро сталъ очень популяренъ у всѣхъ торговцевъ. Послѣ этого начиналась у насъ стряпня въ огромныхъ кастрюляхъ, причемъ шло въ дѣло все, что выкидывается на обыкновенной кухнѣ—не пропадалъ ни одинъ пластъ слитаго съ тарелокъ сала, ни одна кость начисто мною оглоданная. Съ двухъ до пяти часовъ открывался обѣдъ: посѣтители приходили одинъ за другимъ, подавали билетъ и садились за столъ. Это были бѣдные чиновники, студенты изъ университета и академіи, неизвѣстные художники и другіе люди, не успѣвшіе осмотрѣться въ петербургскомъ омутѣ. Почетнѣйшихъ изъ гостей, которые были долго абонированы и акуратно платили, хозяйка допускала въ особую комнату, и тамъ подавали имъ, разумѣется за деньги, рюмку водки, не дозволенной откупомъ при кухмистерскихъ столахъ. Чиновники, пришедшіе прямо со службы, являлись обыкновенно очень злыми и только подъ конецъ обѣда становились мягче, причемъ я замѣтилъ, что люди, несмотря на мнимое совершенство своей натуры, неменьше насъ зависятъ отъ желудка. Студенты и художники были гораздо веселѣе и даже голодные смѣялись и балагурили. Но мадамъ Лампе не очень любила этихъ господъ и нерѣдко дѣлала имъ сцены за неакуратный платежъ денегъ или непостоянное посѣщеніе ея табльдота.

Мы жили въ нижнемъ этажѣ. Двѣ комнаты изъ своей квартиры хозяйка наша отдавала внаймы со столомъ и прислугою. Въ одной изъ нихъ жили два брата-чиновники, служившіе въ какихъ-то губернскихъ мѣстахъ. Оба они вмѣстѣ получали около тридцати цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, и все что выходило за предѣлы хозяйскаго обѣда, забирали на книжку изъ лавочки, уплачивая обыкновенно по-мѣсячно. Старшій братъ былъ хозяиномъ: наканунѣ уплаты онъ запирался въ своей комнатѣ и садился къ столу съ лавочной книжкою и перочиннымъ ножомъ. Часа два онъ усердно выскабливалъ въ книжкѣ, замѣняя однѣ цыфры другими, гдѣ это было удобно и неподозрительно, потомъ шолъ расчитываться съ лавочникомъ и по возвращеніи потиралъ руки и говорилъ брату: въ этомъ мѣсяцѣ я сдѣлалъ рубль двадцать копѣекъ экономіи! Въ другой комнатѣ жили какіе-то нѣмцы съ купеческой конторы, но они скоро съѣхали, и квартира болѣе мѣсяца стояла пустая. Наконецъ ее наняли. Новые жильцы были студентъ Лосевъ, кончавшій университетскій курсъ, да Живковъ, молодой человѣкъ занимавшійся въ Академіи Художествъ. Вещи свои они привезли на извощикѣ. У студента имѣніе состояло изъ большой связки книгъ и тетрадей, узелка съ бѣльемъ и віолончеля; а у художника—изъ мольберта, рамокъ съ натянутымъ холстомъ, да двухъ большихъ портфелей съ эскизами. Эта умѣренная движимость постояльцевъ не понравилась нашей хозяйкѣ, и она тотчасъ-же потребовала впередъ деньги. Жильцы заплатили за мѣсяцъ, и Каролина успокоилась.

Надобно сказать, что нѣмка успѣла собрать въ эти годы копѣйку: нерѣдко, оставаясь одна, отпирала она коммодъ и считала деньги. Вѣроятно, изъ опасенія за эти капиталы въ квартирѣ былъ заведенъ такой порядокъ, что въ одиннадцать часовъ выходная дверь запиралась на ключъ, и кухарка подавала его хозяйкѣ. Если кто изъ жильцовъ возвращался позже этого времени, то Анисья должна была идти въ спальню мадамъ Ламие, взять у нея ключъ и тотчасъ-же возвратить. При этомъ Каролина освѣдомлялась обыкновенно съ недовольнымъ видомъ: кто именно воротился такъ поздно. Братья-чиновники знали это и всегда во-время при-

ходили домой. Кухарка сообщила о такомъ порядкѣ и новымъ жильцамъ. Живковъ, повидимому, остался этимъ доволенъ и перемигнулся съ товарищемъ. Вечеромъ они ушли и не явились къ тому времени, когда запиралась наша дверь. Часовъ въ двѣнадцать послышался звонокъ. Когда Анисья взяла ключъ и воротилась потомъ въ спальню, Каролина спросила: кто пришолъ?

— Студентъ, отвѣчала кухарка.

Я видѣлъ, что нѣмка сморщилась. Едва положила она ключъ подъ подушку и задремала, какъ снова раздался звонокъ, и опять явилась Анисья.

— Кто это? спросила хозяйка.

— Другой новый жилецъ, съ гривой-то!

Каролина проворчала какое-то ругательство.

На другой день повторилось то-же самое, но только уже далеко за полночь. Ясно, что молодые люди возвращались домой вмѣстѣ, а звонили поодиночкѣ, вѣроятно для того, чтобы взбѣсить хозяйку. И Каролина въ-самомъ дѣлѣ взбѣсилась. Она грозила уже прогнать этихъ безпокойныхъ шалуновъ, но ей не хотѣлось возвратить денегъ, тѣмъ болѣе, что молодые люди нанимали квартиру со столомъ, а междутѣмъ не всегда обѣдали дома. Впрочемъ они вели жизнь въ своемъ родѣ довольно регулярную: утромъ студентъ уходилъ на экзамены, а Живковъ въ Академію, потомъ они обѣдали и исчезали до поздней ночи, а въ часъ или два возвращались и звонили непремѣнно порознь. Каролина погрозила было не впускать ихъ, но жильцы подняли такой стукъ въ двери, что хозяйка принуждена была отпереть.

— Отъ васъ нѣтъ покоя! кричала она, ворвавшись утромъ въ комнату жильцовъ.

— Неужели мы обезпокоили васъ, милѣйшая Каролина Ивановна? спросилъ кротко Живковъ.

— Я не могу держать васъ, я буду жаловаться въ полицію!

— Что вы, безцѣнная Каролина Ивановна! Чѣмъ-же мы виноваты? у насъ знакомства, связи. Вы сами свѣтская дама и понимаете, что молодые люди не должны пренебрегать обществомъ.

— Выѣзжайте вонъ—мнѣ такихъ жильцовъ не нужно.

— Перестаньте шутить, обожаемая Каролина Ивановна. Гдѣ-же вы найдете такихъ жильцовъ? узнайте насъ покороче, и вы съ нами не разстанетесь.

Каролина вышла взбѣшонная, а Живковъ залился самымъ задушевнымъ хохотомъ.

Скоро жильцы съиграли новую сцену съ хозяйкой. У Каролины была корова, вся бѣлая, съ одной чорной отмѣткой на лбу. На этой коровѣ сосредоточивалась вся нѣжность нашей хозяйки. Каролина ухаживала за ней больше, чѣмъ за Аугустомъ: она любила ее, какъ нѣжная мать. Утромъ, едва раздавались трубные звуки, возвѣщавшіе о путешествіи стада на Волково-поле, нѣмка непремѣнно подходила къ окну, посмотрѣть какъ выйдетъ ея Лотхенъ. Вечеромъ, при отдаленныхъ раскатахъ трубы, опять высовывалась она въ окошко, а затѣмъ выходила на дворъ и провожала корову въ стойло, наблюдая какъ Анисья доитъ ее. Каждую субботу Каролина мыла ее собственноручно мочалкой, и по воскресеньямъ Лотхенъ блистала въ бѣлоснѣжной шерсти, какъ въ свѣжей голландской рубашкѣ, только-что выглаженной и накрахмаленной. Если нѣмка приходила изъ гостей, то первымъ дѣломъ ея было отправиться въ сарай, посмотрѣть и поласкать бѣлую Лотхенъ.

Разъ вечеромъ Каролины не было дома. Корова только-что воротилась съ волковской прогулки, и Анисья загнала ее въ стойло. Живковъ былъ въ это время на дворѣ и замѣтилъ тамъ лагунку съ дегтемъ, оставленную кучеромъ изъ сосѣдней конюшни.

— Знаешь-ли что? сказалъ онъ Лосеву: раскрасимъ-ка Лотхенъ. Я давно объ этомъ думалъ, да красокъ такихъ нѣтъ, а теперь я деготь нашолъ: прочно будетъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ сюрпризъ Каролинѣ Ивановнѣ.

Шалуны взяли лагунку и пробрались въ сарай. Живковъ захватилъ кисть, и работа началась. На лбу у коровы намалевана была звѣзда, по хребту отъ роговъ до самаго хвоста проведена широкая чорная полоса, отъ нея поперекъ боковъ пошли частыя струи подъ брюхо, а ноги усѣяны пят-

нами—и черезъ четверть часа Лотхенъ нельзя было и узнать подъ новой пестрой рубашкой. Она превратилась въ зебра.

Часа черезъ три воротилась мадамъ Лампе.

— Анисья, спросила она: корова пришла?

— Давнымъ давно.

— Пойти посмотрѣть: wasmacht meine Lotchen!

Молодые шалуны засмѣялись и усѣлись пресерьозно — одинъ за тетради, другой за свой мольбертъ. Вдругъ послышалась крупная нѣмецкая брань, и черезъ минуту Каролина, точно львица, у которой задушили дѣтей бедуины, раздражонная, трепещущая, явилась въ дверяхъ у жильцовъ.

— Разбойники! Я пойду въ полицію, подамъ просьбу губернатору, я буду ходить съ жалобой...

— Что такое, милая Каролина Ивановна? спросилъ съ испуганнымъ лицомъ Живковъ: ужъ не обокрали-ли васъ?

— Что вы сдѣлали съ моей Лотхенъ!

— А что такое? неужели околѣла!

— Сами-бы вы околѣли, разбойники! Я съ вами разсчитаюсь: завтра-же вонъ съ квартеры!

— Да что съ вами, восхитительная Каролина Ивановна? Успокойтесь, дайте ручку!

Каролина хлопнула дверью. Черезъ нѣсколько минутъ отправилась она въ коровникъ, и Анисья пронесла за нею тазъ горячей воды. Долго возились онѣ около Лотхенъ, работая въ двѣ мочалки. Но ихъ усилія не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: хотя рисунокъ и поблѣднѣлъ, однако вполнѣ не сошолъ, и корова осталась полосатой.

На другой день пастухъ, увидя пеструю Лотхенъ, пустилъ такой веселый хохотъ, что сама Лотхенъ посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, и протянувъ шею, тоскливо замычала. Каролина, слышавшая все это изъ окна, поняла причину веселости пастуха и закричала ему:

— Что ты ротъ разинулъ, болванъ!

— Да вишь, какъ вы ее хитро расписали. Вотъ такъ корова! Экого звѣря и въ сказкахъ-то поди не бываетъ!

— Молчи, дуракъ! крикнула въ бѣшенствѣ нѣмка: корова сегодня не пойдетъ въ поле.

— Для́-чего не пойдетъ! Что ей сдѣлалось? Вѣдъ даромъ,

что выкрасили—а ѣсть-то все единственно хочетъ. И прохожимъ-то будетъ занятно.

— Пошолъ вонъ, дуракъ!

Передъ самымъ отъѣздомъ проказники выкинули послѣднюю штуку съ мадамъ Лампе. Въ исходѣ перваго часа ночи Лосевъ велѣлъ подать самоваръ и занялся разстановкой заранѣе купленныхъ припасовъ — водки, вина и закусокъ. Живковъ между тѣмъ отворилъ форточку и крикнулъ на улицу: пора, ступайте! Въ ту же минуту у дверей раздался звонокъ. Анисья пошла къ Каролинѣ, у которой былъ въ гостяхъ Аугустъ. Тамъ послышалась брань. Дверь однакожъ отперли. Пришолъ чорненькій студентъ, который однажды у насъ обѣдалъ.

— Что, разбудили? спросилъ онъ.

— Проснулась... А Симоновъ здѣсь?

— У воротъ стоитъ, и съ вашимъ чудакомъ.

— Славная будетъ потѣха! проговорилъ Живковъ, потирая руки.

Тутъ опять позвонили. Анисья опять пошла за ключомъ, и у Каролины раздалась брань громче прежняго.

— Я не дамъ ключа, говорила она: не пускай!

— Теперь надо дѣйствовать! сказалъ Живковъ.

Онъ вышелъ въ корридоръ, и повернувъ ручку у хозяйской двери, проговорилъ:

— Можно войти, добрѣйшая Каролина Ивановна?

— Не смѣйте! Что надо?

— Къ намъ пришолъ товарищъ, а тамъ дверь заперта. Позвольте ключикъ!

— Не пущу! Какіе теперь гости, во второмъ часу! Вы сами шатаетесь и приходите по ночамъ, да еще чужихъ приводите...

— Это не чужіе, милѣйшая Каролина Ивановна: студенты всѣ братья. Теперь-же надо вмѣстѣ къ экзаменамъ готовиться... Конечно, они могутъ войти въ окно—люди простые, да боюсь, не перебили-бы стеколъ.

— Съѣзжайте завтра! закричала хозяйка.

— Да вѣдь еще нашъ срокъ не вышелъ, безцѣнная Каролина Ивановна. И я надѣюсь, что мы проживемъ у васъ

пять лѣтъ, когда вы короче узнаете насъ... Можно войти къ вамъ?

— Убирайтесь къ чорту!

Каролина бросила ключъ. Черезъ минуту въ комнату вошло еще двое гостей, одинъ въ студентскомъ сюртукѣ, другой въ студентской шинели, очень-длинной по его росту. Въ послѣднемъ я съ перваго взгляда узналъ герръ-Лампе. Это меня удивило, но скоро я понялъ, зачѣмъ онъ попалъ въ студентскую компанію.

— Очень радъ, что мы познакомились, сказалъ Живковъ Харлампію. Такъ вы дѣйствительно супругъ Каролины Ивановны?

— Она моя жонъ, господа! проговорилъ герръ-Лампе.

— Скажите пожалуста! Что-же это она съ вами не живетъ?

— Что дѣлать! она деньги имѣетъ, я бѣденъ, я старъ... Она не велитъ говорить, что я ей мужъ... Вы, господа, не выдавать меня, а то она...

— Разсердится? Будьте покойны, герръ-Лампе: мы пригласили васъ единственно затѣмъ, чтобы воспользоваться вашимъ милымъ обществомъ, имѣть въ васъ студентскаго товарища. Вы, говорятъ, мастеръ кутить... Мы въ восторгѣ отъ знакомства съ вами. Съ чего-же мы начнемъ, съ пунша или шнапса?

— Съ шнапсъ!

— И прекрасно! Начинайте-ка!

Живковъ налилъ большой стаканъ водки, и Харлампій осушилъ его залпомъ.

— Пей вы самъ! сказалъ онъ.

— Видите-ли, Херъ-Лампе: мы новички, за вами не угонимся... Да и гдѣ-жъ намъ, русскимъ, угоняться за германцами: это великій народъ въ попойкахъ и въ брудершафтахъ.

— Oh, ja! говорилъ Харлампій.

— Вѣдь, я думаю, вы можете и другой стаканъ выпить!

— Natürlich! Noch ein Schnaps!

Лампе выпилъ другой стаканъ. Попойка пошла. Приготовили пуншъ, и я видѣлъ, что студенты наливали Харлампію голый ромъ.

— Ну-ка, студентскую пѣсню, настоящую германскую! сказалъ Живковъ: вѣдь вы, герръ-Лампе, кровный нѣмецъ, знатокъ въ пѣсняхъ!

— Да, да, говорилъ старикъ, начиная пьянѣть.

Раздалась Gaudeamus igitur, въ которой Лампе не зналъ ни слова, но голосилъ не меньше другихъ. Чиновники проснулись, и Каролина энергически ругалась въ своей комнатѣ.

— А что, герръ-Лампе, сказалъ Живковъ: вѣдь жена васъ не смѣетъ тронуть—вы молодецъ, не дадите собой командовать. Еслибы она вздумала бить васъ...

— Я самъ ее прибью! крикнулъ Харлампій, энергически вытянувъ кулакъ. Я уничтожу ее: я мужъ, она моя жонъ.

— Ну, такъ бояться нечего. Смотрите-же, не выдавайте насъ! Давайте выпьемъ за наше знакомство. Много лѣтъ почтенному Лампе! ура!

Раздалось энергическое ура съ акомпанементомъ бутылочнаго звона, стука объ столъ, рукоплесканій. Все въ квартирѣ поднялось. Хозяйка, въ ночной кофтѣ, ворвалась въ комнату жильцовъ; но первый предметъ, что она увидѣла, былъ герръ-Лампе, стоявшій у дверей съ поднятыми руками, въ самомъ воинственномъ настроеніи. Каролина въ одинъ мигъ догадалась, что мужъ ея былъ именно въ томъ состояніи, когда побѣда оставалась не на ея сторонѣ. Она хотѣла ретироваться, но было уже поздно. Лампе ринулся за нею, и послышалось хлопанье двери, крики и звонъ разбитой посуды. Аугустъ, полуодѣтый, спасался бѣгствомъ. Сама Каролина едва успѣла убѣжать, и наконецъ Харлампій тяжело повалился на ея постель. Все замолкло. Утромъ конечно ждала его тяжолая расплата, а жильцамъ Каролина кинула деньги и велѣла убираться съ квартиры.

Что касается до меня, я полюбилъ эту молодежь: при всей страсти къ шалостямъ и проказамъ, это былъ народъ добрый и симпатичный, и я долженъ замѣтить, что ихъ разговоры были очень полезны для моего умственнаго и нравственнаго развитія.

---

*

X

ГОЛОДНАЯ ЖИЗНЬ И ЕЯ УДОВОЛЬСТВІЯ.

Живковъ отправился искать квартиру, и воротясь часа черезъ два, объявилъ товарищу, что дѣло кончено. Они начали собираться и скоро все было готово. Лосевъ уходя поманилъ меня съ собой, и признаюсь, любя общество этихъ молодыхъ людей, я пошолъ за нимъ охотно и былъ радъ, что мадамъ Лампе не успѣла меня задержать. Мнѣ тотчасъ-же дали новую кличку — Педель, и я скоро привыкъ къ ней.

Оказалось, что новая квартира была уже нанята не отъ жильцовъ, а у домоваго хозяина. Мы заняли большую комнату въ третьемъ этажѣ, съ передней и кухней. Живковъ привезъ откуда-то цѣлый возъ поклажи. Въ комнатѣ поставили большую кровать съ двумя тюфяками, столъ и пару стульевъ. Стѣны обвѣшали гипсовыми ножками и головками, а окна убрали тетрадями. Въ кухнѣ явился самоваръ, безъ крышекъ и крана, нечищенный вѣроятно отъ созданія его въ Тулѣ. Не успѣли еще разобраться, какъ уже Лосевъ сидѣлъ у открытаго окна съ своимъ віолончелемъ.

Молодые люди вздумали до появленія денегъ хозяйничать дома. Рѣшено было до поправленія обстоятельствъ открыть кредитъ изъ лавочки, помѣщавшейся въ томъ-же домѣ. Труды по хозяйству были тотчасъ-же раздѣлены. Живковъ обязался добывать припасы и все необходимое для хозяйства; Лосевъ долженъ былъ убирать квартиру и ставить самоваръ. Онъ тотчасъ-же приладилъ его: вмѣсто большой крышки сдѣлана была искуственная, изъ синей сахарной бумаги, и сшита нитками, а чтобы придать ей болѣе изящества, онъ вырѣзалъ ее фестонами; деревянная затычка замѣнила кранъ очень удобно, хоть ее и нужно было вынимать, чтобъ пустить воду въ чайникъ.

Живковъ, назначенный министромъ финансовъ, отправился вести переговоры съ лавочникомъ, а министръ домашнихъ работъ, Лосевъ, какъ только дворникъ принесъ

воды, началъ разводить самоваръ, употребляя вмѣсто угольевъ расколотый сигарный ящикъ и черновыя лекціи. Вскорѣ вся наша лѣстница наполнилась густымъ дымомъ, что возбудило сильный ропотъ между жильцами.

— Ахъ, Господи, да у нихъ и самоваръ-то въ пелеринкѣ! закричала съ хохотомъ какая-то горничная.

Съ того времени, какъ только запахнетъ на лѣстницѣ дымомъ, то во всемъ домѣ знали, что студенты выставили свой самоваръ въ пелеринкѣ.

Министръ финансовъ явился съ корзинкой; тамъ оказался чай, сахаръ, бѣлый ситникъ, сыръ и колбаса. Посуду добыли отъ лавочника. Министръ домашнихъ работъ принесъ самоваръ.

И пошла у насъ странная, но веселая жизнь на кредитъ. Живковъ бралъ меня съ собой въ лавку, и я носилъ въ зубахъ корзинку. Это такъ забавляло лавочника, что онъ почти никогда не отпускалъ меня безъ куска ветчины или печенки. Припасы обыкновенно забирались на книжку, и такъ-какъ на совѣтѣ министровъ обдумывалось заранѣе что̀ брать, то дома-же все это и записывалось. Живковъ и тутъ показалъ себя: статьи заносилъ онъ въ книжку съ разными шутками. Тамъ записано было, напримѣръ:

Хлѣба 2 фунта, но какъ сказано, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, то масла чухонскаго на 10 коп.

Игла, для починки самоварной пелеринки.

Колбасы, которую вмѣстѣ съ обезьяной выдумалъ нѣмецъ, на 15 коп.

Дѣло шло такимъ образомъ недѣли двѣ, но потомъ лавочникъ спросилъ какъ-то Живкова: — Не разбогатѣли-ли, сударь?

— Нѣтъ еще, Меркулъ Ивановичъ: на дняхъ!

Еще дня черезъ три торговецъ сказалъ уже болѣе серьозно: — Что-же расчетецъ? я не могу больше отпускать! Наконецъ, какъ мы посѣщали Меркула Иваныча, такъ онъ началъ посѣщать насъ съ настойчивымъ требованіемъ денегъ. Настали бѣдственные дни: у насъ не было ни чаю, ни сахару. Лосевъ отправился въ какую-то казенную больницу съ жалобой на кашель и воротился съ запасомъ груд-

ного чаю и леденцу, чѣмъ и довольствовались нѣсколько дней, а ѣли насчотъ проданной шинели. Наконецъ однажды Живковъ явился крайне веселый.— Деньги получены! вскричалъ онъ: у насъ нынче будетъ вечеръ для товарищей!

Тотчасъ-же отправился онъ закупать все необходимое для пира. Прежде всего зашли мы къ лавочнику и расплатились по книжкѣ, чему Меркулъ Иванычъ очень обрадовался. Онъ далъ мнѣ большой кусокъ печонки.

— А ужъ книжку-то позвольте мнѣ оставить у себя! сказалъ онъ.

— Да на что-же она тебѣ? вѣдь разсчотъ по ней конченъ.

— Да я люблю, знаете, почитать.... Вы пишете такъ занятно; у меня больше сорока человѣкъ по книжкамъ забираютъ, а никто такъ не пишетъ. А я ужо вашей милости пирожокъ-бы прислалъ.

— Возьми, только чтобъ пирогъ былъ хорошій.

Вечеромъ у насъ были гости — студенты, художники. Явился пуншъ, даже бутылка шампанскаго, и кажется всѣ деньги пошли на эту пирушку, потому-что съ слѣдующаго утра мы стали опять забирать по книжкѣ, и скоро Меркулъ Иванычъ снова обратился къ намъ съ вопросомъ: не разбогатѣли-ли вы? Такіе финансовые кризисы повторялись у насъ очень-часто. Кредиторы стали являться на квартиру. Однажды пришолъ къ намъ работникъ отъ булочника, и я на него залаялъ. Лосевъ, слыша изъ комнаты, какъ Живковъ объяснялся съ нимъ, указалъ мнѣ на дверь и тихонько свиснулъ. Я бросился въ переднюю и залаялъ еще громче.

— Берегитесь, собака кусается! закричалъ студентъ.

Живковъ въ ту-же минуту вскочилъ на окно и закричалъ: — Ай, берегитесь! она взбѣсилась!

Булочникъ опрометью бросился съ лѣстницы. Съ этого времени хозяева начали пріучать меня отпугивать докучныхъ кредиторовъ, и я хорошо исполнялъ эту новую обязанность.

Такъ мы прожили мѣсяца два. Въ концѣ лѣта я сидѣлъ однажды у воротъ. Къ подъѣзду главной квартиры нашего дома, куда въ этотъ день съ утра вносили мебель, подъ-

ѣхала коляска, и изъ нея вышла пожилая дама и дѣвушка лѣтъ семнадцати. Съ перваго взгляда на нее повѣяло на меня чѣмъ-то знакомымъ и пріятнымъ. Я подошолъ къ подъѣзду. Всматриваюсь: это моя Любонька, моя старая хозяйка, моя воспитательница — только ужъ не маленькая дѣвочка съ локонами и въ коротенькомъ платьицѣ, а молодая дѣвушка въ полномъ развитіи красоты. Я радостно завизжалъ, бросился къ ней и чуть не вскочилъ на грудь.

Она испугалась, но тотчасъ-же меня узнала, нагнулась ко мнѣ и начала ласкать, а я вертѣлся передъ нею и прыгалъ. Менторъ! Менторъ! лепетала она: откуда ты взялся? Ma tante, сказала она, обращаясь къ пожилой дамѣ, вѣдь это мой старый Менторъ!

— Чья эта собака? спросила дама, обращаясь къ дворнику, который стоялъ у подъѣзда.

— Студентовъ.

— Какихъ студентовъ?

— Въ 17-мъ номерѣ живутъ, тутъ на дворѣ, въ четвертомъ этажѣ. Мѣсяца два какъ переѣхали.

— Какъ ихъ фамилія?

— Живковъ одинъ, а другой-то.... забылъ, какъ его. На скрыпицѣ все пилитъ, по ночамъ больше.... жильцы ужъ жалуются.

Любонька прыгнула на лѣстницу, я за ней. Въ залѣ она бросила шляпку, и мы пустились бѣгать по комнатамъ. Какъ двѣ рѣзвыя собачонки, выпущенныя на дворъ, мы носились взадъ и впередъ. И звонкій голосъ дѣвушки сливался съ моимъ веселымъ лаемъ въ одну общую пѣсню радостнаго свиданія. Послѣ обѣда Любонька налила мнѣ супу и поставила тарелку въ столовой. Не помню, чтобъ я когданибудь ѣлъ съ такимъ аппетитомъ: махая хвостомъ, оглядывался я на мою хозяйку, и она гладила меня своей маленькой ручкой, приговаривая: Менторъ! мой бѣдный Менторъ! Ты постарѣлъ, но по прежнему милъ! — Послѣ обѣда поцарапался я у дверей чорной лѣстницы. Меня выпустили, и я сломя голову побѣжалъ къ моимъ студентамъ. Живковъ отперъ мнѣ и проговорилъ:

— Гдѣ это ты шатался столько времени?

Я отъ переполненнаго радостью сердца бросился ему обѣими лапами на грудь, но онъ оттолкнулъ меня и заставилъ лежать подъ столомъ. Мнѣ было грустно, хотѣлось говорить, передать свои чувства, хотѣлось всѣхъ людей лизнуть въ губы; а между-тѣмъ я долженъ былъ лежать въ углу, терзаемый привязанностью къ Любонькѣ и къ моимъ добрымъ студентамъ.

XI

НЕОЖИДАННОЕ СБЛИЖЕНІЕ.

Черезъ часъ пришолъ Лосевъ, очень веселый, и сообщилъ товарищу, что кончилъ послѣдній экзаменъ и долженъ выйдти изъ университета первымъ кандидатомъ. Пріятели обнялись, начали мечтать о будущемъ, о поѣздкѣ за границу. Нельзя было и узнать прежнихъ шалуновъ въ этой бесѣдѣ о жизни и трудѣ. Я тоже обрадовался и весело махалъ хвостомъ.

Въ это время вошолъ лакей, тотъ самый, что служилъ за обѣдомъ у Любоньки.

— Что тебѣ? спросилъ Живковъ.

— Барыня прислала къ вамъ. У васъ собака, вотъ эта самая! продолжалъ лакей, указывая на меня.

— Ну, что-же?

— Эта собака ихняя; такъ онѣ просятъ васъ отдать.

— Неправда, это наша собака.

— Точно такъ-съ, она была у барышни, когда еще онѣ маленькія были, втѣпоры пропала, а теперь сама призналась.

— Что за вздоръ! она у насъ давно.

— Да барыня вамъ деньги отдадутъ-съ, собака точно ихняя; ее и кличутъ Ментором. Вотъ извольте позвать.

При этомъ я поднялъ уши, вышелъ изъ-подъ стола и замахалъ хвостомъ. Это удивило моихъ хозяевъ.

— Надобно поговорить съ твоей барыней, сказалъ Лосевъ. Можно ее видѣть?

— Можно, они дома.

— Хорошо. Скажи, что я приду.

Лакей ушолъ.

— Зачѣмъ-же отдавать собаку? сказалъ Живковъ.

— Но если она въ самомъ дѣлѣ чужая. Я теперь, когда шолъ домой, видѣлъ ихъ на балконѣ: онѣ бывали у насъ на студентскихъ концертахъ — мнѣ хочется познакомиться.

— Ну вотъ, изъ за твоего любезничанья собаку отдавать.

— А что тебѣ въ ней! Вѣдь тебя въ Италію пошлютъ; я тоже ѣду за границу... А теперь собака можетъ-быть доставитъ намъ пріятное знакомство.

— Ну, я братъ не охотникъ возиться съ этими аристократами. Дѣлай, какъ знаешь.

Лосевъ надѣлъ только-что сшитый партикулярный сюртукъ, натянулъ свѣжія перчатки и отправился вмѣстѣ со мною. Я весело замахалъ хвостомъ, и взбѣжавъ на парадную лѣстницу, началъ вертѣться и лаять передъ дверями. Намъ отперли, и я прямо бросился въ залу, гдѣ Любонька сидѣла передъ роялемъ. Это окончательно должно было убѣдить студента, что я здѣсь домашній. Любонька присѣла гостю и сказала:

— Извините, что мы васъ безпокоили. Эта собака жила у васъ?

— Да, она принадлежитъ моему товарищу; но если она была когда-то ваша, мы съ удовольствіемъ готовы возвратить.

— Благодарю васъ, сказала весело Любонька, протягивая руку Лосеву. Собака эта жила у насъ, когда я была еще ребенкомъ. Посмотрите, какъ она меня знаетъ: Менторъ!

Любонька бросилась по залѣ, я за нею, и мы какъ школьники принялись бѣгать взадъ и впередъ; она хлопала руками, я скакалъ и вертѣлся. Лосевъ стоялъ, озадаченный этой сценой.

— Вотъ вамъ экзаменъ. Вѣрите? спросила наконецъ Люба, остановясь съ улыбкою передъ студентомъ.

— Помилуйте... я радъ!... бормоталъ тотъ, совершенно сконфуженный.

— Сядьте, сказала Люба. Я вамъ разскажу про эту собаку. Она мнѣ очень дорога... Папа купилъ ее еще щенкомъ... Папа давно умеръ. Я была тогда маленькая и... шалунья. Менторъ спасъ мнѣ жизнь: безъ него меня не было бы на свѣтѣ... Помнишь, Менторъ?

Въ это время въ залу вошла тетка моей молодой хозяйки.

— Ma tante! сказала Люба; мнѣ отдаютъ Ментора, они убѣдились что я давно его знаю.

— Позвольте узнать вашу фамилію? спросила старуха.

— Лосевъ.

— Вы студентъ?

— Только-что кончилъ курсъ.

— Мнѣ ваше лицо знакомо. Не играли-ли вы прошлую зиму на студентскихъ концертахъ?

— Игралъ постоянно на віолончели, и кажется имѣлъ честь видать васъ.

— Теперь помню. Прошу садиться. Вы хорошій музыкантъ... я люблю музыку и рада съ вами познакомиться. У насъ также бываютъ домашніе вечера, иногда любители собираются, и если вы не поскучаете, прошу къ намъ.

— Я почту за счастіе.

— Такъ вы согласны уступить собаку моей племянницѣ? Она такъ дорога ей по воспоминанію объ отцѣ и дѣтствѣ.

— Мнѣ пріятно, что я могъ служить вамъ, сказалъ вставая Лосевъ.

— Приходите послушать меня, прибавила Люба: теперь мнѣ играть не хочется, но я не дурно играю.

Лосевъ не нашолъ что сказать, раскланялся и вышелъ. Люба взглянула на него съ любопытствомъ.

Жизнь моя пошла пріятнѣе прежняго, и положеніе стало выгодно. То игралъ я и шалилъ съ Любой, то бѣгалъ къ моимъ студентамъ: та и другіе были мнѣ дороги. Обѣдалъ я всегда у Любоньки, гдѣ меня кормили несравненно лучше, хотя и молодые люди были въ это время съ деньгами и сильно отступали отъ своей прежней цыганской жизни. Лосевъ скоро явился къ моимъ хозяевамъ, и сначала Люба играла ему на фортепьянахъ какой-то концертъ, по-

томъ онъ акомпанировалъ ей на віолончели. Любонька была очень весела.

— А знаете–ли, сказала она однажды: вѣдь мы весной поѣдемъ съ тетенькой за-границу.

— И я уѣзжаю, отвѣчалъ студентъ.

— Право? такъ мы встрѣтимся.

Меня эта новость навела на грустную мысль. Что–же будетъ со мною? Неужели опять буду я брошенъ, опять предстоитъ мнѣ въ будущемъ скитальческая жизнь? Долго–ли мнѣ, какъ Одиссею многострадальному, бродить по волнамъ этого жизненнаго моря? Гдѣ–же наконецъ берегъ?

Между тѣмъ я началъ замѣчать, что благодаря музыкѣ молодые люди сближаются и посматриваютъ другъ на друга, какъ бывало я съ моею Бьюти. Любонька стала чаще играть пьесы, которыя хвалилъ Лосевъ; онъ приходилъ все чаще, редижировалъ музыкальными вечерами, распредѣлялъ занятія, привозилъ ноты. Начались музыкальные вечера.

Однажды прибѣжалъ я на квартиру моихъ прежнихъ хозяевъ. Она много измѣнилась: явилась кое-какая мебель, посуда, нанятъ былъ мальчикъ. Самоваръ съ пелеринкой исчезъ. Живковъ говорилъ, что ему становится тяжело, что онъ до половины сѣлъ уже въ чужія сани, и толковалъ о переѣздѣ на другую квартиру. Скоро я узналъ, что Лосевъ влюбленъ въ мою миленькую хозяйку. Однажды я лежалъ въ студентскомъ кабинетѣ подъ столомъ. Лосевъ ходилъ по комнатѣ, Живковъ лежалъ на диванѣ и читалъ журналъ. Положа книгу, онъ наконецъ зѣвнулъ и сказалъ:

— Чортъ знаетъ что такое! Въ повѣстяхъ читаешь про любовь, и тутъ вотъ передъ тобою вздыхаютъ. Долго–ли ты будешь любезничать съ своей Дульцинеей? Что изъ этого выйдетъ?

— Полно, пожалуста: это не твое дѣло.

— А твое, небось? Испортился право совсѣмъ: примазывается, да прихорашивается! Ну, что–же: любитъ она тебя?

— Почему я знаю.

— Вотъ то-то; меньше бы ты вздыхалъ, да больше смотрѣлъ, такъ и замѣтилъ бы.

— Такъ можетъ говорить только, кто самъ не любитъ, у кого сердца нѣтъ.

— Конечно... гдѣ намъ дуракамъ чай пить! Ну, да пора же покончить. Жениться что-ли ты хочешь? Я знаю, что ты способенъ на такую пошлость. Зачѣмъ-же дѣло стало! Ты дворянинъ, первый кандидатъ, черезъ годъ пожалуй кафедру получишь, теперь-же образованнымъ кажется ходъ будетъ: взялъ-бы ужъ обабился. Такъ нѣтъ — тянетъ! Видно мнѣ придется помочь дѣлу.

— Это какъ?

— Да ужъ я знаю.

— Шалости опять задумываешь? Послушай, Живковъ: оставь меня теперь въ покоѣ; мнѣ глупости надоѣли, я не намѣренъ всю жизнь дурачиться. Было время на проказы— года четыре куралесили; теперь довольно.

Лосевъ надѣлъ пальто и вышелъ. Живковъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, всталъ съ дивана и прошолся по комнатѣ. Я хотѣлъ уйти къ Любонькѣ, но онъ толкнулъ меня ногой и проговорилъ: подожди, ты еще мнѣ нуженъ! Живковъ сѣлъ къ столу, досталъ листокъ почтовой бумаги и началъ писать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прочолъ улыбаясь записку, заложилъ мнѣ ее за ошейникъ, и закуривъ папиросу, отворилъ мнѣ дверь. Я прибѣжалъ къ Любонькѣ.

Она стала ласкать меня. Письмо между тѣмъ кололо мнѣ шею, и я замоталъ головой. Край записки высунулся изъ-подъ ошейника. Люба замѣтила это, вынула письмо и прочла его. Лицо ея замѣтно вспыхнуло: она встала, прошлась по комнатѣ, взглянула въ зеркало, помахала себѣ на лицо платкомъ, спрятала письмо и опять стала ходить по комнатѣ. Вечеромъ Лосевъ принесъ ноты. Я легъ подлѣ рояля, хотя музыка и не нравилась мнѣ, особенно когда играли что-нибудь въ минорномъ тонѣ. Садясь за фортепьяны, Люба быстро спросила студента:

— Такъ правда, что вы меня любите?

Лосева это замѣтно озадачило.

— Правда, тысячу разъ правда! шепталъ онъ.

— Зачѣмъ-же вы мнѣ не сказали?

— А сомнѣнія-то, Любовь Аркадьевна!

— Развѣ писать лучше?

— Писать!

— Зачѣмъ вы посылаете мнѣ письма съ Ментором?

— Я никогда не писалъ вамъ.

Любонька немного поблѣднѣла и взглянула на него пристально, потомъ быстро вынула изъ кармана принесенную мною записку и спросила:

— Это не вы писали?

Лосевъ взялъ письмо, пробѣжалъ его молча и отвѣчалъ съ смущеніемъ:

— Это, я думаю, мой товарищъ... Я не осмѣлился бы никогда такъ говорить съ вами, Любовь Аркадьевна... Но...

— Такъ это все неправда? быстро спросила Люба.

— Правда, но здѣсь нѣтъ и тѣни того, что я чувствую. Я васъ люблю давно, но не такъ, чтобъ высказывать это въ письмахъ или громкихъ фразахъ. Я не буду говорить, что умру безъ васъ или застрѣлюсь; но скажу только, что не встрѣчалъ женщины, которая-бы мнѣ казалась такъ симпатичною. Можетъ-быть я и переживу вашъ отказъ, но никого уже не полюблю какъ васъ, и никогда не буду вполнѣ счастливъ.

Любонька выслушала это внимательно, потомъ повернулась ко мнѣ, щелкнула пальцами; я вскочилъ, и мы принялись бѣгать взадъ и впередъ по залѣ. Лосевъ стоялъ, повертываясь въ стороны. Любонька сѣла опять къ роялю и разсѣянно пробѣжала рукой по клавишамъ.

— Что-же вы мнѣ скажете? спросилъ Лосевъ, подходя къ стулу. Любовь Аркадьевна! я только начинаю свою карьеру, но я ее сдѣлаю—и вы увидите, буду не пролетаріемъ, а вы-бы придали мнѣ энергіи. Скажите-же мнѣ!

Любонька сидѣла, потупя глаза; мысль скользила по ея тонкому, нѣжному личику и одушевляла ея задумчивые, но свѣтлые глаза. Вдругъ она встала, и обращаясь къ Лосеву, сказала:

— Благодарите-же своего министра финансовъ и скажите ему, что хоть онъ и шалунъ, но хорошій дипломатъ.

И она убѣжала изъ залы.

ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТКИ ЗАПИСОКЪ

Печальна собачья жизнь на свѣтѣ. Сколько я ни ч

людскихъ разсужденій о мудрыхъ законахъ, управляющихъ земными существами, но говоря откровенно, рѣдко встрѣчалъ на дѣлѣ эту пресловутую мудрость. Мнѣ кажется, напротивъ, что главный рычагъ въ жизни — случай, который съ большимъ трудомъ подводится подъ какіе-нибудь разумные законы. Взгляните на судьбу собаки. Что можетъ быть умнѣе, способнѣе нашей породы! И какая-же ея судьба? Вездѣ имя наше сдѣлалось бранью, съ такимъ-же основаніемъ, какъ-бы стали браниться самымъ названіемъ человѣка. Въ земляхъ, которыя считаютъ себя просвѣщонными, бьютъ собакъ, доводя ихъ до бѣшенства. И чѣмъ оканчивается наша скитальческая жизнь? Всѣ, кого я только любилъ, оставили меня и забыли.

Настала весна, и петербургскіе фельетонисты стали писать о дачахъ. Люба съ теткою собрались за-границу. Въ день отъѣзда пришолъ Лосевъ. Молодые люди стояли у окна и говорили вполголоса, не обращая вниманія на то, что я вился у ногъ ихъ. Наконецъ Любонька обернулась, погладила меня разсѣянно по головѣ и проговорила:—Бѣдный мой Менторъ! увидимся-ли мы съ тобой? Ты ужъ началъ старѣть!

Слова эти глубоко меня тронули. Въ первый разъ представилась мнѣ мысль о томъ, что моя жизнь приходитъ къ концу. Въ самомъ-дѣлѣ я замѣтилъ, что старѣю. Гдѣ моя живость и ловкость, какою блисталъ я въ мои свѣтлые годы, когда шерсть моя лоснилась шолкомъ и сердце горячо билось подъ лѣвою лапкой! Грустное чувство овладѣло мною, и я печально завылъ.

— Бѣдный Менторъ! сказала Люба: вѣдь онъ чувствуетъ нашу разлуку. Смотрите-же, прибавила она, обращаясь къ Лосеву—не бросьте его, я оставляю его на ваши руки.

— Ему хорошо будетъ у моего дяди: старикъ его не броситъ. Но время-ли теперь думать о собакѣ, Любовь Аркадьевна! Мнѣ еще столько нужно сказать вамъ.

И они опять стали говорить въ полголоса. Вошла тетка и объявила, что все готово. Любонька просила, чтобъ и меня взяли до парохода. Меня посадили въ карету, и мы пріѣхали на Англійскую-набережную. Какъ живо я помню этотъ пароходъ съ толпою народа, полувеселыя, полузаплаканныя

лица, прощанья, говоръ и бѣлые платки, вѣющіе въ воздухѣ. Я чуть не бросился въ Неву, когда пароходъ пошолъ отъ пристани. Грустные и разстроенные воротились мы съ Лосевымъ на квартиру. Тамъ Живковъ сидѣлъ за мольбертомъ и работалъ надъ академической программой къ осенней выставкѣ, изъ за которой, какъ онъ говорилъ, открывалась ему дорога въ Италію.

На другое утро Лосевъ укладывалъ уже свой чемоданъ для поѣздки къ дядѣ.

— Послушай, сказалъ ему Живковъ: я боюсь, чтобъ эта любовь не помѣшала тебѣ доучиться за-границей. Ты будешь только мечтать о свиданіи съ своей Дульцинеей.

— Нѣтъ, Живковъ, не знаешь ты меня. Вѣдь шалости наши не помѣшали мнѣ кончить курсъ первымъ кандидатомъ; не помѣшаетъ и теперь работать эта, какъ ты говоришь, новая шалость.

— Дай-богъ! Вотъ и я съ надеждами на будущее, хоть до-сихъ-поръ и не пересталъ дурачиться.

— И будешь хорошимъ художникомъ — я тебѣ предсказываю. Но пора: пойдемъ, пообѣдаемъ вмѣстѣ и простимся до заграничнаго свиданія.

Въ тотъ-же день выѣхалъ я съ Лосевымъ по шоссе. Болѣе двухъ сутокъ тряслись мы на перекладной тележкѣ, потомъ своротили на проселокъ, добрались до маленькой деревушки и подъѣхали къ небольшому деревянному домику, который стоялъ на юру, въ виду десятка ветхихъ крестьянскихъ избенокъ.

Въ комнатахъ встрѣтилъ насъ старичокъ, съ виду очень добрый, но слабый и болѣзненный. Онъ расцѣловался съ Лосевымъ, радостно смотрѣлъ ему въ глаза, поздравлялъ съ окончаніемъ курса и желалъ успѣха за-границей.

— А это что за собака? спросилъ онъ.

— Мой старый пудель, дядюшка. Онъ такъ дорогъ для меня, что мнѣ жаль-бы его было кинуть. Я попрошу у васъ позволенія оставить его здѣсь до моего возвращенія изъ за-границы.

— Оставь. Я люблю собакъ, а это добрый пудель, да кажется и такой-же старикъ, какъ я. Вмѣстѣ будемъ тебя поджидать.

Старикъ погладилъ меня, и я началъ ласкаться къ моему будущему хозяину. Черезъ три дня Лосевъ уѣхалъ, и я видѣлъ, что дядя отпустилъ его не съ пустымъ кошелькомъ.

И настала для меня новая жизнь, тихая и спокойная. Добрый старикъ берегъ меня и ласкалъ. Я жилъ постоянно въ его спальнѣ и часто ходилъ съ нимъ гулять Мы искренно привязались другъ къ другу. Конечно, я часто вспоминаю о своихъ прежнихъ хозяевахъ, особенно о миленькой Любѣ, но моя печаль превратилась въ грусть тихую и нескорбную. Вѣстей о Любонькѣ нѣтъ никакихъ, а въ письмахъ Лосева, которыя мнѣ случилось читать, говорилось только о его учоныхъ занятіяхъ, да сообщались кое-какія новости. Въ это-то время, когда мое здоровье примѣтно еще не ослабѣло, а между-тѣмъ страсти и кипучіе порывы совсѣмъ улеглись въ сердцѣ, задумалъ я писать мои записки,— не съ мечтой пріобрѣсть ими извѣстность въ людской или собачьей публикѣ, а изъ личнаго удовольствія пережить въ этомъ трудѣ мои былыя впечатлѣнія. Оглядываясь теперь на мое прошлое, вижу какими тревогами и пустотою исполнена жизнь бѣдной собаки.

Но обсуживая спокойно все прожитое, имѣю-ли я право жаловаться? Развѣ подобная собачья жизнь суждена на свѣтѣ однимъ собакамъ! Чѣмъ-же выше существованіе самыхъ людей, гордыхъ своимъ двуногимъ превосходствомъ? Развѣ въ немъ не та-же пустота, не тѣ-же животные инстинкты? Если сами люди обсудятъ хладнокровно свою жизнь, покрайней мѣрѣ какъ она теперь у нихъ сложилась, то вѣроятно согласятся, что она немногимъ лучше собачьей, что люди точно такъ-же служатъ чужой игрушкой и прихотью, что цѣлыя массы ихъ грызутся съ ожесточеніемъ, какъ голодныя собаки, сидятъ терпѣливо на цѣпи въ своихъ канурахъ и съ меньшимъ трудомъ и усиліемъ привыкаютъ ходить на заднихъ лапкахъ и ловить зубами хлѣбныя подачки. Словомъ, по крайнему разумѣнію, выведенному мною изъ всѣхъ жизненныхъ опытовъ и наблюденій, людская жизнь не далеко ушла отъ нашей, потому-что многимъ милліонамъ людей жить на свѣтѣ такъ-же тяжело, какъ и нашей бѣдной породѣ.

А. Милюковъ.

СОНЪ

У низенькаго окошка, въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ улицъ Петербурга, сидѣла молодая дѣвушка. Іюльское солнце струилось въ окно яркими лучами и на перекоръ густой пыли на перерытой мостовой золотило темнокаштановые волосы на опущенной къ работѣ головкѣ дѣвушки. Сѣроватый деревянный домъ какъ-будто лоснился отъ переливовъ яркихъ лучей, а въ маленькомъ палисадникѣ съ заборомъ изъ акацій, верхушки деревьевъ обливались тѣмъ-же теплымъ лучомъ. Вотъ почти и все, что принесло лѣто съ его роскошными, іюльскими вечерами для обитателей темнаго, скромнаго квартала. Теплый воздухъ—и тотъ долеталъ сквозь открытое окно съ примѣсью самой микроскопической пыли, а изрытая однообразная улица съ тощими деревцами и съ грядками мака и подсолнечника въ палисадникахъ—цѣлый круглый годъ сохраняла свой монотонный, будничный характеръ. Грядки золотистаго подсолнечника смѣнялись буграми ярко-бѣлаго снѣга; какъ-бы полинявшая зелень тощихъ деревцовъ смѣнялась узорчатымъ инеемъ, а на мѣсто лѣтней пыли обитатели нашей улицы глотали зимой душный, смрадный воздухъ натопленной комнаты, рѣдко освѣжаемой за неимѣніемъ форточки или за неумѣнісмъ владѣть ею.

Въ комнатѣ, гдѣ помѣщалась золотистая дѣвушка (она вся казалось золотилась, облитая яркимъ лучомъ), все бы-

ло опрятно. Полинявшая, но еще бодрая мебель, разставленная симметрично, давала комнатѣ даже какой-то парадный видъ. Вышитая тамбуромъ картинка альпійскаго пастушка висѣла надъ диваномъ въ рамочкѣ изъ золотистой бумаги. По бокамъ двѣ картинки—блондинка и брюнетка, въ pendant одна другой, перекидывались умильными взглядами. На этажеркѣ въ углу лежала на средней полочкѣ истертая, но опрятная тетрадь какихъ-то фугъ Баха, да не знаю какимъ образомъ занесенные туда два вальса Штрауса; стояла бронзовая чернильница, поддерживаемая амурчиками, завѣшанная кисейкою для предохраненія отъ мухъ и пыли, бумажки съ пожелтѣвшими листочками розъ, собранныхъ съ того розоваго куста, который такъ тоще и такъ уныло выглядывалъ теперь изъ окошка, что его чахоточный стебель съ трудомъ можно было различить отъ подпорки. На третьей полкѣ также на бумажкѣ сохли нѣсколько сѣмячекъ дыни, собранныя изъ той дыни, которую хозяинъ дома, честный учитель нѣмецкаго языка, получилъ въ подарокъ къ своему рожденію отъ своего ученика. Этому ученику онъ для возбужденія рвенія дѣлалъ во время класса кораблики и пѣтушки изъ бумаги. Эта дыня составила въ своемъ родѣ эпоху въ жизни обитателей маленькаго домика. Ее принесъ высокій, важный лакей, въ такой изящной ливреѣ, что кухарка приняла его за важнаго посѣтителя и потомъ долго разсказывала кумушкамъ своего квартала про эту ошибку. Въ честь этой дыни былъ приглашонъ троюродный дядя учительницы; въ честь этой дыни и отчасти оттого, что она привела въ умиленіе и смягчила сердца, достали бутылку хересу и прибавили къ ней обыкновенную порцію хорошаго пива. Благодаря этой дыни младшій сынъ учителя чуть было не отправился на тотъ свѣтъ, потому-что на радостяхъ обглодалъ свой кусокъ до самой зеленой корки. Это былъ самый первый дынный кусокъ его въ жизни. Впрочемъ воспоминаніе о дынѣ уже отчасти изгладилось, когда начинается нашъ разсказъ, изъ памяти почтеннаго семейства. — Наконецъ на самой нижней полкѣ помѣщалась библіотека семейства. Два тома Канта, съ замѣтками на поляхъ, написанныя старообразнымъ, старческимъ почеркомъ,—

это получилъ учитель нѣмецкаго языка еще въ наслѣдство отъ своего отца, вѣроятно тоже получившаго это въ наслѣдство отъ своего отца; нѣсколько томовъ Лафонтеновскихъ романовъ, 12 нумеровъ «Базара» за первый годъ его существованія, двѣ нѣмецкія поваренныя книжки и сверхъ того, опять-таки какъ и вальсъ Штрауса неизвѣстно откуда занесенныя, разрозненныя, купленныя на толкучкѣ книжки «Современника» за 58, 59 годъ. Наконецъ Ламартинъ и, съ прибавками и съ выпусками, — Гюго для употребленія дѣвицъ; два-три романа Дюма; засаленные и замаранные томы Бѣлинскаго въ чистой бумажной обверткѣ,—не для сбереженія переплета, а для предохраненія рукъ чистоплотной хозяйки дома,—и наконецъ два тома сочиненій Тургенева и два романа Жоржъ Санда. Въ углу стояли пяльцы.

У окна сидѣла молодая дѣвушка, старшая дочь, обложенная тонкими рубашкими изъ холста, надъ которыми она усердно трудилась. Она работала для хлѣба, а иначе плохо бы пришлось имъ съ одними нѣмецкими уроками Федора Карловича. Она работала прилежно, какъ-будто вся углубившись въ работу или въ какія-то мысли. Иголка съ судорожною быстротою пробѣгала по работѣ, какъ-будто она нанизывала и проводила ею всю нить своихъ фантазій и мыслей. Черезъ нѣсколько часовъ она опустила работу и посмотрѣла въ окно. Вѣтеръ, слабо прибѣгая съ улицы, путалъ ея золотистые волосы, густыми прядями откинутые назадъ. Ея лицо носило какое-то переполненное выраженіе; на полуоткрытыхъ губахъ складывалась улыбка. Ей дышалось просторно и легко, сердце билось и переполнялось неизъясняемымъ волненіемъ затаеннаго, невысказаннаго желанія или стремленія. Она вздохнула глубоко, какъ-будто втягивая въ себя нарочно воздухъ, потомъ встала, подошла къ этажеркѣ и начала перелистывать лѣниво и безъ всякой цѣли Гюго, слегка-нетерпѣливо поворачивая листы и покачивая головой. Ламартина она разсѣянно открыла, но сейчасъ-же оттолкнула улыбнувшись. Потомъ на удачу открыла Лермонтова и нагнула голову. Мысли набѣгали, подергивали ея лицо, свѣтились въ глазахъ. Въ ея небрежно-живой позѣ дышала цѣлая глубина еще непостигнутой, невы-

сказанной страстности, которая такъ и просилась наружу, такъ и сказывалась въ замираніи сердца и смутно-непонятомъ волненіи и безпокойствѣ. Вдругъ ея глаза упали на строчку:

«Любить? но на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить—невозможно!

Лили не принадлежала ни къ какой школѣ: для нея въ ея забытомъ уголку равно были неизвѣстны и Байроновскія страсти и разочарованія, и новѣйшій реальный складъ и разныя направленія. Она любила Лермонтова инстинктивно болѣе другихъ, безсознательно припадала пылающей головкой къ страницѣ и сжимала руки въ порывѣ нѣмого отчаянія и невыговаривающейся скорби. Для нея, помимо ея воли, была какая-то неумолимая дѣйствительность въ поэзіи, какая-то истина, которая не давалась безнаказанно и погружала ее во всю глубину волненій, безвыходныхъ и тоскливыхъ. И тѣмъ тоскливѣе и тяжелѣе ложилось это чувство, чѣмъ оно смутнѣе, безсвязнѣе и безформеннѣе точило ея пылкую головку, полную всегдашней неразгаданной тревоги и ожиданій.

Она почти насильно перечитала эти двѣ строчки и съ досадою закрыла книгу. Странная улыбка ожиданія, надежды только на минуту слетѣла съ ея губъ; она обернулась къ окошку, слегка наклонивъ головку, съ сверкающимъ взглядомъ.

— «Ничего не нужно, только любить, любить, любить,» сложилось какъ-бы нехотя на ея сердцѣ. «И вѣдь нужно же когда-нибудь такъ пожить. Хоть попробовать. Что это все одно—одно!» Она поглядѣла въ окошко. «И кого-же я буду любить? вѣдь я хочу полюбить,»—и ей показалось, что въ ея умѣ что-то разширилось, точно ее влекло по теченію. «Господи, пожить-бы, пожить!» шептала она. Передъ ея глазами пронеслись воспоминанія пансіона; веселый говоръ пансіонерокъ — подругъ, съ ихъ таинственнымъ нашептываньемъ о чудесныхъ незнакомцахъ, о какихъ-то геройхъ, о волшебной любви; и съ этимъ вмѣстѣ припомнилась ей та любовь въ ея пансіонской дѣйствительности, съ обожаніемъ

француза учителя и восхитительнаго гусара съ усиками, — и бонбоньерки и книжки Дюма и Бальзака, приносимыя въ тихомолку, и ей опять стало досадно и смѣшно. «Я бы не такъ любила,» подумала она нетерпѣливо улыбаясь. «Какъ бы я любила? Вѣрно не такъ какъ другія любятъ. Ахъ, да и кто-же любитъ какъ слѣдуетъ? Въ романахъ любятъ и больше нигдѣ. Вотъ папенька съ маменькой тоже женились по страсти...» И она опять улыбнулась, какъ улыбнулась держа Ламартина въ рукахъ,—улыбкою, въ которой сказывалось больше чѣмъ она сама это сознавала. «Кто-же еще? Нашъ сосѣдъ, чиновникъ Алексѣевъ женился на прошлой недѣлѣ... ну, да его посватали, его прельстило приданое.» Она засмѣялась громко и сама испугалась. — «Какъ онъ приходилъ хвастаться маменькѣ, что четыре платья шолковыхъ и мѣховой салопъ и сто рублей для обзаведенья... Да что это они лѣзутъ мнѣ въ голову? Точно людей нѣтъ на свѣтѣ кромѣ нихъ. Вѣдь я знаю, что есть. А вотъ живемъ и не знаемъ, и не узнаемъ никогда. Такъ зачѣмъ-же пропадутъ даромъ силы? Зачѣмъ?»

Она остановилась на минуту, потому-что у сосѣдей напротивъ раздались веселые звуки гармоники и русской пѣсни. Свѣжій, размашистый, полный голосъ захожаго плотника въ красной рубахѣ и синемъ новомъ кафтанѣ, небрежно накинутомъ на плеча, такъ и переливался въ тишинѣ скучнаго переулка. Онъ стоялъ у воротъ, откинувшись назадъ и покачиваясь молодецки, такъ что даже его напомаженные волосы вздрагивали, — а передъ нимъ также опершись объ дверь калитки стояла румяная дѣвушка, дочь хозяйки, въ торопяхъ накинувшая бѣлый платокъ, изъ подъ котораго торчали ея неподобранныя густыя, чорныя какъ смоль косы. Счастливая парочка не замѣчала ничего окружающаго. Лиленька высунулась изъ окошка; ей стало еще безпокойнѣе на сердцѣ. Изъ всѣхъ картинъ, пронесшихся въ ея воображеніи, эта была лучше всѣхъ и не отталкивала ее какъ остальныя. Пѣсня разливалась просторно. Только нѣкоторыя слова долетали до Лиленьки... Полюби меня! раздалось звонче всего. Она провела рукою по лбу.

«Полюби меня», повторила она шопотомъ, какъ будто го-

ворила кому-то. Ей показалось, что *онъ* уже живетъ, что *онъ* уже здѣсь, что къ нему уже припало ея сердце, чтобъ отдохнуть и начать жить. А силъ-то, силъ какъ много! подумала она съ замираньемъ, и ей казалось, что она вся полна энергіею и бодростью, что каждый фибръ въ ней звучитъ сильно и звонко.

На улицѣ показалась фигура хозяйки и черноволосая дѣвушка съ легкимъ визгомъ юркнула въ калитку; молодой парень тряхнулъ еще разъ кудрями, взялъ еще аккордъ на гармоникѣ и повернулъ дальше. Лили подняла голову. Казалось минутная экзальтація замерла въ ней вмѣстѣ съ послѣднимъ звукомъ пѣсни и ей припомнилось, что она не разъ уже слышала про любовныя похожденія черноволосой камеліи изъ переулка.

«Не такъ, не такъ», твердила она безпокойно.

Она опять взяла работу и опустилась на стулъ. Въ глазахъ все еще не изгладилось выраженіе порывистой экзальтаціи. Только послѣ раздольной пѣсни тишина казалась ей тяжелѣе. Все кругомъ было тихо. Кухарка—и та кажется заснула въ кухнѣ. Изъ домашнихъ никого не было. Ей дышалось легче отъ этого простора; ей казалось, что это незначительное измѣненіе въ обычномъ ходѣ ихъ регулярно-монотонной жизни имѣло въ себѣ что-то отрадное. Вѣдь не часто выдаются такія минуты тишины, когда можно на просторѣ прислушаться къ робкому, глухо-порывистому голосу и замиранію сердца,—безъ боязни, что ежеминутныя дрязги и заботы жизни прервутъ эти мечты. Она медленно и какъ-то свободнѣе выдергивала нитку, сама прислушиваясь къ этому легкому шороху. Вѣтки тощаго розоваго куста бросали на ея лицо затѣйливую тѣнь. Трескъ дрожекъ въ отдаленіи едва долеталъ до ея слуха въ формѣ неяснаго жужжанія.

На тротуарѣ послышались шаги и голоса людей, ведущихъ по видимому живой разговоръ. Она опустила работу и съ дѣтскимъ любопытствомъ выглянула изъ окна. На улицѣ показалась похоронная процессія. Впереди бѣжали неизбѣжные въ этомъ случаѣ мальчишки, а сзади четверо молодыхъ людей, одѣтыхъ въ статское платье, несли простой

деревянный гробъ. Вся обстановка имѣла уныло-скудный видъ. Женщинъ не было; покойника почти никто не провожалъ и на лицахъ тѣхъ немногихъ, которые несли его, не было видно ничего, кромѣ обычнаго и приличнаго выраженія печали. Какъ видно, близкихъ ему между ними не было никого, и всѣ казалось собрались по долгу, чтобы отдать послѣднюю дань человѣку, съ которымъ судьба случайно столкнула ихъ въ жизни. По тротуару, вровень съ похоронною процессіею, шли вѣроятно принадлежавшіе къ числу немногихъ сопровождавшихъ покойника двое молодыхъ людей, разговоръ которыхъ слышался Лиленькѣ.

«Да вотъ спрашивается, съ какою цѣлью промаялся? къ какому концу? говорилъ одинъ голосъ.

— Ахъ, да ну! давно-бъ пора! отвѣчалъ другой, звучащій какою-то рѣзкою, торопливо-сжатою интонаціею, какъ будто слова съ усиліемъ выходили.

«И то!» сказалъ первый какъ-то грустно-покорно, и оба замолчали.

Хотя слова эти не имѣли прямого отношенія ни къ кому, но Лиленька почти навѣрное поняла, по какому-то неуловимому тону, съ которымъ они были произнесены, что они относились къ покойнику. Она съ изумленіемъ высунулась изъ окошка и поглядѣла имъ вслѣдъ. Это были еще очень молодые люди, въ поношенныхъ сюртукахъ, но очень прилично одѣтые. Лиленька могла только видѣть очертаніе ихъ лицъ въ пол-оборотѣ. Одинъ—невысокаго роста, съ смуглымъ, блѣднымъ, суровымъ лицомъ и нависшими бровями, имѣлъ выраженіе какого-то сосредоточеннаго озлобленія. Было что-то безотрадное, рѣшительное и сдержанное въ этомъ лицѣ, чего Лиленька не могла понять, также какъ тона его голоса и рѣзкаго отвѣта, хотя отъ того и отъ другаго у ней сжалось сердце, какъ отъ чего-то доселѣ неизвѣстнаго и вдругъ открывшаго ей цѣлый міръ тяжелаго и безвыходнаго. Другой—съ свѣтло-каштановыми волосами и также худымъ лицомъ, имѣлъ выраженіе какой-то безпокойной, и между тѣмъ покорной грусти. Казалось онъ еще недоумѣвалъ и не сроднился съ безнадежностью. Лиленькѣ это чувство было сроднѣе и понятнѣе, хотя выра-

женіе лица перваго глубже врѣзалось въ ея памяти и сильнѣе пробудило ея собственное чувство горькаго сомнѣнія. Они медленно повернули къ приходской церкви и вошли въ нее. Лиленька все еще глядѣла имъ вслѣдъ. Ея прежнее настроеніе какъ-то странно смѣшалось съ новымъ, вдругъ нахлынувшимъ на нее чувствомъ и казалось еще боролось въ умѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она медленно и машинально подняла работу; печальная процессія все еще вертѣлась у нея передъ глазами.

«Кто это умеръ»? думала она настойчиво, — и отчего «давно пора»? Кто онъ такой? Черезъ минуту новая мысль родилась въ ея головѣ... Пойду посмотрю!

Она вскочила и, бросивъ работу въ большую рабочую корзинку, накинула на плеча бурнусикъ. Посмотрю! твердила она суетливо и прошла въ кухню.

«Марфа, когда маменька вернется, скажи, что я въ церковь ушла»; сказала она мимоходомъ кухаркѣ и почти выбѣжала на улицу.

Она вошла въ церковь когда панихида уже кончалась. Дьячокъ вяло и какъ-бы нехотя—не пѣлъ, а цѣдилъ сквозь зубы: «Со святыми упокой» разчуявъ тотчасъ-же, что поживы отъ этихъ похоронъ не много будетъ. Кромѣ сопровождавшихъ тѣло здѣсь еще собрались двѣ старушки чиновницы, вѣчныя посѣтительницы церкви, не пропускавшія ни однихъ похоронъ, ни одной свадьбы, ни однихъ крестинъ и знавшія наизусть біографіи всѣхъ и каждаго въ своемъ приходѣ. Лиленька робко вошла и оглянула церковь. Оба молодые человѣка присоединились къ остальнымъ и стояли у клироса. Вниманіе всѣхъ казалось не очень было прикована къ службѣ. Она подошла съ невольнымъ замираніемъ сердца къ гробу. Покрытый саваномъ, съ скрещонными руками, лежалъ еще очень молодой человѣкъ. Его блѣдно-смуглое лицо носило такую печать безстрастія, равнодушной холодности, что оно вдругъ оледенило Лиленьку. Она какъ прикованная уставилась на него. Въ головѣ мало по малу всѣ другія мысли начали застилаться какимъ-то все густѣющимъ туманомъ и казалось уплывали, уплывали куда-то въ глубь, въ даль, какъ-будто все прежнее, пережитое, все

что составляло за минуту только предъ тѣмъ живое настоящее, вдругъ унеслось назадъ, прервалось и стушевалось передъ новымъ приливомъ чего-то доселѣ не сознаваемаго, но давно уже существующаго въ скрытой, не проявившейся еще формѣ. Подъ безстрастно-холоднымъ выраженіемъ мертвеца виднѣлась какая-то напряжонность, натянутость фибръ, неподдавшаяся даже всесглаживающему вліянію смерти, — какъ-будто эта напряжонность и эта сжатость были на лицѣ покойника еще при жизни привычными линіями, нормальнымъ состояніемъ. Подъ большими, теперь немного впалыми, но глубоко врѣзанными рѣзкою дугою въ лобъ глазами, чернѣли теперь двѣ темнолиловыя полосы. Посинѣвшія губы казалось сжались уже когда-то давно. Правильный овалъ лица былъ немного обезображенъ болѣзненною худобою. Нижняя часть лица скрывалась густою, чорною бородою. Откинутые волосы, такіе-же чорные какъ борода, оставляли открытымъ правильный, высокій лобъ, застывшій теперь въ безстрастномъ спокойствіи; но подъ этимъ спокойствіемъ какъ-будто еще виднѣлось тяготѣніе грустной думы. Лиленькѣ казалось, что это не просто выраженіе смерти, но что это какая-то гнетущая печать затвердѣнія, происшедшая отъ совершеннаго уничтоженія всѣхъ лучшихъ, животворныхъ источниковъ, — отъ совершеннаго отсутствія надеждъ, стремленій, цѣли въ жизни. Ее рѣзало и душило это выраженіе. Всѣ линіи подались и, казалось, разладились въ этомъ лишонномъ выраженія лицѣ; а между тѣмъ это-то отсутствіе выраженія какъ-бы обусловилось такимъ тяжолымъ соединеніемъ гнетущихъ вліяній, что все лицо принимало новый характеръ безвыходнаго, хладнокровно-леденящаго отчаянія. Ей было жаль его — она сама не знала отчего; у нея, она чувствовала, дрожали ноги и слезы подступали къ горлу и сжимали его, хотя она и не могла выплакать ихъ. Она сама не понимала чего ей жаль и какъ ей жаль, но было что-то новое, доселѣ не испытанное въ этой жалости, какое-то негодующее, неспокойное чувство.

Панихида кончилась. Молодые люди подошли къ гробу; Лиленька машинально попятилась и отвела глаза съ лица покойника. Они вышли изъ церкви; только чиновницы еще

толковали въ полголоса между собой. Лиленька торопливо подошла къ гробу и опустилась на колѣни. Ей хотѣлось молиться, но она не знала, что выговорить: мысли не слагались еще въ опредѣленную форму. Она приподнялась и нагнулась къ гробу.

И всѣмъ чужой, всѣмъ чужой! будто внезапно сложилось въ ея умѣ. И пожить не успѣлъ, а силы пропали! прошептала она и опустила лицо на руки. Крупныя, не освѣжающія слезы заструились между ея пальцами. Одна капля упала на край гроба; она приподняла голову. И никто не пожалѣлъ его! подумала она, и ей вдругъ страшно стало, что у нея въ умѣ зашевелилось чувство, которое тоже смутно начало ей подсказывать: «давно-бъ пора!» Она нагнула голову и поцѣловала покойника въ лобъ.

Вѣдь никто-то не любилъ тебя, никто! подумала она почти съ отчаяніемъ и опять закрыла лицо руками. И тебя не любили, а насъ развѣ любятъ? никто, никто! вдругъ вырвалось у ней отрывисто, и глухія рыданія душили ее, такъ что она не знала уже, о комъ она плачетъ—о немъ ли, который ей незнакомъ и чужой, или о себѣ самой, о своей такой-же безцвѣтной жизни.

Дьячокъ тихо подошолъ къ ней. Лиленька робко приподнялась и отерла слезы.

— «Что, онъ вамъ сродни приходится? спросилъ дьячокъ.

— «Нѣтъ», сказала она слабо и пошла назадъ.

Въ церковной оградѣ священникъ говорилъ еще съ обоими молодыми людьми; старушки на паперти еще перешептывались.

— Что онъ вамъ, матушка, знакомъ? спросила Лиленьку одна изъ нихъ, когда она поровнялась съ ними.

— «Нѣтъ».

— «О чемъ-же вы убиваетесь, голубушка»?

— «Такъ, жалко», сказала Лиленька, покраснѣвъ.

— Чтожъ? жалко, разумѣется жалко,—все человѣкъ. А чтожъ и пора было, чтобъ Господь прибралъ. Больной такой былъ; себѣ только на мученье жилъ!

— «Вы его знали? спросила живо Лиленька.

— Такъ, знать не знавала, а все слышала, иной разъ по-

встрѣчаешь бывало. Такой блѣдный, какъ тѣнь бродитъ, — а все ученье, матушка, сгубило, все ученье! прибавила она значительнымъ шопотомъ.

— «Какъ ученье»? спросила Лиленька.

— Да вотъ! все учиться хотѣлъ. Ужъ не гнаться было-бы за тѣмъ, что не подъ силу. Извѣстно, тамъ вотъ гдѣ мѣстечко-бы или что въ губерніи, такъ можно было-бы жить, а то въ университетъ все тянулся; бывало пальтишки нѣту, а ѣсть и подавно, почитай одна корка хлѣба,—а самъ все книжку наровитъ купить.

У Лиленьки забилось сердце. Отчего-же онъ умеръ? спросила она.

— Болѣзнь пришла, матушка, намаялся. Чахотка должно быть. Ужъ онъ другой годъ какъ таялъ. По ночамъ не спалъ, все читалъ книжки, а днемъ уроки давалъ.

— «И родныхъ нѣтъ»?

— «Кажись нѣтъ; да онъ и не изъ благородныхъ,—мѣщанинъ какой-то, что-ли. Обѣ женщины спустились съ лѣсницы; Лиленька все еще робко стояла на одномъ мѣстѣ. Она въ первый разъ въ жизни заглянула въ эту неизвѣстную жизнь, манившую ее изъ ея темнаго уголка, и ужъ эта жизнь пахнула на нее чѣмъ-то тяжолымъ.

— «Вамъ жаль его»? вдругъ раздался голосъ позади ея. Она съ изумленіемъ оглянулась. За нею стоялъ молодой человѣкъ съ свѣтлыми волосами; онъ казался немного смущонъ и робѣлъ передъ нею. Лиленька растерялась.

— «Онъ былъ очень несчастенъ», опять сказалъ молодой человѣкъ. Мы съ нимъ были товарищи по университету. Онъ много обѣщалъ.

Лиленька нерѣшительно подняла рѣсницы. Лицо молодого человѣка было такъ грустно и такъ ласково, что ей стало легче. Она хотѣла что-то сказать, но ничего не слагалось на языкѣ. Она только поглядѣла на него вопросительно, какъ-будто прося продолжать. Ему, казалось, самому хотѣлось высказаться.

— «Изъ него какой-бы умный человѣкъ вышелъ, какъ онъ учился! Да что! силы-то надломились! Гдѣ одному на плечахъ вынести? Родные, и тѣ отступились!

— «Отчего»? спросила Лиленька живо.

— «Учиться хотѣлъ, изъ среды своей вышелъ; ну, и сталъ какъ бѣльмо на глазу.

Лиленька стояла молча. На языкѣ у ней вертѣлась тысяча вопросовъ, а она не знала какъ спросить. Она ждала, что онъ еще что-нибудь скажетъ. Къ нимъ вдругъ присоединился другой молодой человѣкъ, поразившій Лиленьку доселѣ ей неслыханною, ироническою жолчною рѣзкостью.

— «Что, барышня? цвѣточковъ не принесли-ли»? спросилъ онъ насмѣшливо.

Лиленька совершенно растерялась.

— «Чтобы душа его порадовалась на томъ свѣтѣ»! прибавилъ онъ съ кривою улыбкою.

Лиленькѣ опять стало жутко; она сдѣлала шагъ впередъ.

— «Что вы, барышня, молились небось о спасеніи его души? а? опять заговорилъ онъ и догналъ ее.

— «Оставь», сказалъ въ полголоса первый.

Лиленька остановилась, ее охватило непонятное чувство. «Нѣтъ, да я и не молилась», сказала она запыхавшись, торопливымъ голосомъ.

— «Вотъ-съ какъ!» сказалъ онъ, вы можетъ занимаетесь поэзіею: — знаете эти стихи:

Боюсь... чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской!

Онъ улыбался то-же жолчною улыбкою, только глаза какъ-то искрились. «Вотъ видите, барышня, я въ поэзію пустился;—а вы цвѣтковъ принесите усыпать бренный прахъ; а вотъ онъ... (онъ указалъ рукою на товарища) онъ пускай эпитафію сочинитъ—про лоно ангеловъ! Вы вѣдь вѣрите въ безсмертіе?»

Онъ вдругъ круто повернулся и удалился; его голосъ какъ-будто оборвался.

— «Четыре года жилъ съ покойникомъ, — все дѣлили!» сказалъ грустно первый, указывая на уходящаго товарища; «прощайте, живите счастливо!»

Онъ пошолъ вслѣдъ за товарищемъ. Лиленька слегка дро-

жала. Господи! И что это значитъ! думала она. И какъ онъ странно говоритъ, точно совсѣмъ и не жаль! Аль ужъ тяжело ему очень, что-ли. Отчего я никогда прежде не слыхала? все въ однихъ книжкахъ было, — а выходитъ, что и въ жизни много этого... И откуда онъ стихи эти говорилъ? «Чего желалъ я жадно!» Господи! такъ неужто ничего онъ не имѣлъ и все желалъ напрасно, напрасно! повторила она опять, и опять въ ея сердцѣ зашевелилось чувство какъ-бы негодованія какого-то.

Она шла тихо домой. Солнце давно опустилось. Лѣтніе сумерки придавали всему какой-то печальный видъ. Лиленькѣ вдругъ все показалось такъ грустно, такъ удушливо, такъ тяжело въ своей улицѣ! Ей хотѣлось вырваться и броситься куда-нибудь на просторъ, чтобъ подумать, понять все, — а тамъ... И что онъ хотѣлъ сказать? Зачѣмъ онъ смѣялся?

Она дошла до дому. Все семейство уже собралось. Мать въ кухнѣ дѣлала приготовленія къ ужину; отецъ сидя въ уголку, при свѣтѣ сальнаго огарка поправлялъ какія-то каракульки на нѣмецкомъ языкѣ, вѣроятно сочиненія своихъ учениковъ; младшая сестра, только-что вернувшаяся изъ пансіона, перекладывала на полочку свои книги; два маленькіе брата, гдѣ-то игравшіе у сосѣда въ саду, прятали куда-то въ уголъ свои деревяшки и о чемъ-то спорили въ полголоса.

— «Ты гдѣ была?» спросилъ отецъ, подымая голову.

— «Въ церкви,» сказала Лиленька и прошла въ спальню. Тутъ она сбросила бурнусикъ и сѣла на постель. Ей почему-то хотѣлось плакать, чтобы выплакать свою тяжесть, но дѣйствительность вступила теперь уже во всѣ свои права, и ей на это не оставалось болѣе времени. Нужно было приготовить ужинъ, раздѣть и умыть мальчиковъ. Все шло своимъ обычнымъ монотоннымъ порядкомъ. Лиленька на этотъ разъ исполняла все машинально, недоумѣвая, какъ это они могутъ такъ педантично погружаться во всѣ эти мелочи. Послѣ ужина всѣ постарше въ семьѣ собрались къ столу. Отецъ досталъ откуда-то «Deutsche Zeitung» и началъ читать фельетонъ.

— «Ты куда» кликнула Лиленьку мать, когда она встала, чтобъ избавиться отъ этого чтенія.

— «Спать,—голова болитъ,» сказала Лиленька и прошла въ спальню. Дѣти, неровно всхрапывая, уже спали крѣпко: младшая сестра что-то бормотала во снѣ. Лиленька машинально раздѣлась и опустилась на постель. «Теперь подумаю, мельнуло у нея въ головѣ;—но мысли какъ-то безсвязно и безформенно слагались у нея. Усталые глаза скоро сомкнулись и она заснула въ тревожномъ забытьи.

Въ эту ночь она видѣла длинный, чудный сонъ. Въ ея пылкой головкѣ чувства, пережитыя наканунѣ, сложились въ отрадныя видѣнья. Передъ нею вокресъ вчерашній покойникъ: она видѣла его передъ собой живымъ, здоровымъ, съ прежнею блѣдностью на лицѣ, съ прежнею тяжолою думой на лбу, но это не было прежнее безнадежное безстрастіе и оцѣпенѣніе смерти. Она сама не знала, какъ увидала его, гдѣ познакомилась съ нимъ; во снѣ ей казалось, что жизнь какъ-будто расширилась, что никакія цѣпи, ни какія стѣсненія не отдѣляли человѣка отъ человѣка, что идя по одному пути, не приходится, какъ бывало, сталкиваться иногда съ людьми, родственными намъ натурою, людьми, съ которыми насъ связала-бы не случайность, не привычка,—и разставаться съ ними по прежнему, не понявъ другъ друга, не встрѣтивъ дружескаго привѣта. Въ жизни Лиленька уже испытала—какъ сухо встрѣчаются, какъ сухо глядятъ, какъ чуждо разстаются. Теперь-же во снѣ ей казалось, что она встрѣтилась гдѣ-то, въ той аллеѣ Крестовскаго острова, гдѣ она гуляла раза три въ жизни, гдѣ особенно сильно билось ея сердце и гдѣ, ей казалось, заключалось самое прекрасное на свѣтѣ,—встрѣтилась съ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ, и они взглянули другъ другу въ лицо, какъ Лиленькѣ ни разу не приходилось еще глядѣть. Они какъ-будто поняли, что они нужны другъ другу, что не такъ безнадежна будетъ жизнь, не такъ безцѣльны труды и страданье, когда они пойдутъ рука въ руку. Сочувствіе и поддержка! Лиленька во снѣ чувствовала какъ отрадно-радостно заби-

лось ея сердце и какъ явственно она ощущала свои силы на трудъ и поддержку.

«Тутъ будемъ другъ друга поддерживать, тутъ силы не могутъ пропасть,» подумала она глядя на него и знала, что онъ чувствуетъ и думаетъ тоже.

Въ умѣ ея все на минуту запуталось. Когда она начала явственно сознавать свой сонъ, то она уже шла подлѣ него, шла съ отрадно-лихорадочнымъ чувствомъ тихаго, пламенно-желаннаго счастія.

Она думала: «вѣдь не обречонъ-же ты на вѣчную безнадежность, точно для тебя нѣтъ другаго исхода! мы будемъ такъ счастливы!»

Они дошли до квартиры. Лиленька явственно видѣла какъ они поднялись по темной, худой лѣстницѣ, и онъ обернулся къ ней съ тяжолою улыбкою.

— «Вотъ видишь, гдѣ я живу; неужто ты пойдешь за мною?» сказалъ онъ рѣзче.

— «О, я тебя такъ давно искала, я теперь тебя не оставлю, милый мой,» сказала она съ свѣтлымъ взглядомъ, и радостная слезинка проблестѣла на ея рѣсницѣ. «Можно и тутъ быть такъ счастливымъ, такъ счастливымъ! вѣдь и тутъ можно жить!»

Его лицо прояснилось. Для Лиленьки давно все уже было ясно, свѣтло и широко. Онъ пихнулъ худую дверь и они вошли въ низенькую, грязную комнату. Книги и бумаги его валялись безпорядочно кругомъ. Онъ все еще глядѣлъ съ выраженіемъ какой-то тяжолой печали.

— «Лиленька, вѣдь здѣсь нищета, здѣсь трудъ, здѣсь непризнанное страданье», сказалъ онъ отрывисто, «еще время есть, вернись!

Она подошла къ нему спокойно, твердо. Я теперь твоя жена, я тебя теперь не оставлю. Вѣдь я могу работать; вѣдь у меня силы есть. О, милый, вѣдь тогда наше несчастіе — когда силы пропадутъ, когда загубятся понапрасну; теперь-же такъ ясно, такъ свѣтло все впереди.

— «Лиленька!» сказалъ онъ и обернулся къ окну. Ей показалось, что въ глазахъ его проблестѣло какое-то смягчонное выраженіе,—и линіи его лица подались и потеряли свое напряжонное выраженіе.

Опять картина перемѣнилась; опять тоже спокойно-глубокое, точно все переполняющее счастіе; опять та-же вѣра въ силу, та-же бодрость и надежда. Оба они сидятъ въ той же бѣдной комнатѣ, нищенски убранной, съ мрачнымъ, маленькимъ окномъ, слабо пропускающимъ дневной, сѣрый петербургскій свѣтъ. У нея въ рукахъ обычная работа, только иголка ея съ особенною легкостью бѣжитъ по полотну. Она сидитъ передъ нимъ и по временамъ, протягивая нитку, подымаетъ на него глаза съ тихимъ, ровнымъ блескомъ. Ей такъ тепло на душѣ, и она видитъ, что на его лицѣ отражается та-же спокойная тишина. Онъ нагнулся надъ бумагою, которая лежитъ передъ нимъ. У него теперь есть занятія, уроки: нужда и нищета уже не окружаютъ ихъ.

— «Намъ вѣдь немного нужно!» думаетъ Лиленька, покуда все это вертѣлось у нея въ головѣ... Одного вѣдь довольно, чтобъ только трудъ и силы не пропадали даромъ.

Такъ, ей казалось, проходили дни, проходили въ безконечномъ разнообразіи, въ долгихъ разговорахъ, въ чтеніяхъ, не въ лихорадочномъ трудѣ.

— «Господи! вѣдь кажется не много есть, а вѣдь я такъ счастлива!» подумала Лиленька. «Вѣдь это жизнь, вѣдь больше ничего и не нужно! любить и вѣрить — это такъ легко и отрадно!»

Онъ поднялъ на минуту глаза съ своей книги и опять взглянулъ на нее смягчоннымъ, ласковымъ, тихимъ взглядомъ. Она прочитала въ его лицѣ тоже чувство, туже мысль. «Да, немного нужно!» повторилъ онъ, протягивая ей руку.

Лиленька проснулась. Утренній пасмурный свѣтъ глядѣлъ уже въ окна, завѣшанныя большими чистыми занавѣсками. Кругомъ все еще спало. Лиленька приподнялась и обвила руками колѣна. Сонъ съ удивительною ясностью еще носился въ ея воображеніи, и тихое, спокойное счастіе и довольство на душѣ какъ-то не гармонировали съ дѣйствительною обстановкою.

— «Господи, такъ все это былъ сонъ! Господи!» про-

шептала она горько. Она опустила голову на колѣни и не шевелилась. «Другого-то счастья видно и нѣтъ на землѣ,» мелькнуло у нея въ умѣ. «Въ жизни-то вотъ какъ кончается!» Ей опять вспомнился бѣдный, одинокій, никѣмъ не оплакиваемый трупъ.

Дѣти начали подыматься. «Лиленька! Лиленъка!» раздавалось уже со всѣхъ сторонъ. Она встала, одѣлась и принялась за свои обычныя занятія. Все шло какъ по ниточкѣ. Отецъ, наскоро выпившій свой стаканъ кофе, уже отправился давать уроки. Младшая сестра, накинувъ платокъ на голову, ужъ побѣжала въ пансіонъ.

«Лиленька, а наши уроки? приставали къ ней братья, также заразившіеся педантичною акуратностью домашняго склада ихъ жизни.

—«Сегодня не будетъ уроковъ,» сказала она нетерпѣливо и усѣлась съ работою къ окошку.

Часы шли медленно и тихо. Лиленька, по мѣрѣ того какъ время подвигалось, высовывалась все нетерпѣливѣе изъ окна, чтобы поглядѣть на церковь. Она знала, что похоронная процесія должна пройти мимо ихъ оконъ. Десять часовъ уже прошипѣлп на ихъ стѣнныхъ часахъ. Дождикъ, начинавшій было накрапывать, уже пересталъ, только сѣрыя тучи еще однообразно разстилались на небѣ, и въ полуоткрытое окно врывался свѣжій вѣтеръ. Она вдругъ услышала тихое, однообразное пѣніе: похоронная процесія показалась на улицѣ. Вчерашніе молодые люди несли гробъ; кромѣ ихъ по прежнему никого не было. Лиленька вскочила быстро, накинула на себя платокъ и бурнусикъ и вышла за ними.

—«Вѣдь можетъ быть никто и не жалѣетъ тебя болѣе меня,» подумала она догоняя процессію.

Они теперь уже повернули въ другую улицу. Кладбище было не далеко. Лиленька не отставала отъ нихъ, но робѣя присоединиться къ самой процессіи, шла немного поодаль по тротуару. Впрочемъ никто не замѣчалъ или не обращалъ на нее вниманія. Всѣ шли молча и угрюмо. Лиленька украдкою посматривала на вчерашняго незнакомца, который такъ поразилъ ее своею рѣзкою насмѣшливостью, и видѣла въ немъ все прежнее

суровое, безжалостное выраженіе, какъ-будто онъ и въ самомъ дѣлѣ совершенно убѣдился, что давно пора и что иначе и быть не можетъ.

—«А вѣдь могло бы быть... вѣдь такъ немного нужно!» думала Лиленька. «Нѣтъ, видно что много, потому-что никогда не дается!» мелькнуло у нея въ умѣ минуту спустя. «О, какъ мнѣ жаль, какъ мнѣ жаль!» Она почувствовала, что слезы капаютъ изъ ея глазъ и съ испугомъ вытерла ихъ.

На поворотѣ должны были остановиться. Изъ другой улицы тянулась пышная похоронная процессія.

Подъ богатымъ траурнымъ балдахиномъ стоялъ красивый парчевой гробъ. Рядъ каретъ и щегольскихъ дрожекъ слѣдовалъ за нимъ. Вслѣдъ за процессіей пронеслась коляска вѣроятно какого-нибудь запоздавшаго гостя и обдала Лиленьку столбомъ пыли. Черезъ минуту все изчезло изъ глазъ, и они опять тронулись своимъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ.

Они остановились почти въ концѣ кладбища. Мѣсто было дикое, запущенное. Одни старые, неуклюжіе, деревянные кресты торчали изъ заросшихъ, точно притоптанныхъ могилокъ;—красивыхъ памятниковъ не видно было кругомъ. Деревья росли безъ ухода и образовывали густую тѣнь. Между двумя сосенками была вырыта яма. Они подошли къ ней. Лиленька прислонилась къ дереву поодаль: она не смѣла подойти ближе, чтобы проститься еще разъ съ покойникомъ, чего ей очень почему-то хотѣлось. Молодые люди поглядывали на нее теперь съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Молодой человѣкъ съ свѣтлыми волосами, который вчера такъ ласково заговорилъ съ нею, поклонился ей теперь робко, но дружески. Другой только слегка сдвинулъ брови съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ. Лиленька не замѣтила впрочемъ этого: она не сводила глазъ съ гроба, который спускали въ могилу. Все шло на скорую руку, всѣ какъ-будто торопились, хотя на лицахъ товарищей и собравшихся тутъ молодыхъ людей виднѣлась неподдѣльная грусть, прорывавшаяся точно помимо ихъ воли наружу.

«Господи, неужели этимъ все и кончилось?» подумала Лиленька со страхомъ, когда гробъ скрылся изъ ея глазъ,

и рыхлая земля съ глухимъ шорохомъ упала на крышку. Слезы ей самой непонятныя, горячія слезы душили ее; она отвернулась и прислонившись лицомъ къ дереву заплакала.

Черезъ минуту она быстро обернулась, отирая глаза точно въ испугѣ, точно стыдясь чего-то. Церемонія уже совсѣмъ кончилась. Четверо молодыхъ людей, несшіе гробъ, теперь уже пожимали руки двумъ остальнымъ и тихо повернули назадъ къ выходу изъ кладбища. Священникъ также собрался. Лиленька рѣшительнѣе вышла и подошла къ свѣжей могилѣ.

Она простояла съ минуту не шевелясь; въ головѣ ея все странно колыхалось. Ей было невыразимо горько, какъ-будто собственное горе обрушилось надъ нею со всей тяжестью; какъ-будто вчерашній сонъ и теперешняя дйствительность слились въ одно общее.

«О Боже, и къ чему мы такъ поздно встрѣтились!» прошептала она опускаясь на колѣни, уже не смотря ни на кого. —«Вѣдь не ты одинъ, и я также какъ ты живой,—ищу и жду.. вѣдь могли-же мы помогать другъ другу!

«Зачѣмъ я тебѣ не помогла... Зачѣмъ ты не пришолъ?...» Такъ думала она про себя и не замѣчала что плакала, никого не замѣчала. Молитвы не слагалось въ ея сердцѣ. Ей показалось, что она сама въ этой чужой судьбѣ участвуетъ, что сегодня утромъ ей вдругъ открылось что-то такое-же роковое и сродственное, что-то такое-же безплодное и безцѣльное. Она очнулась, когда вчерашніе незнакомцы подошли къ могилѣ. Она приподнялась съ смущеніемъ; слёзы остановились.

— «Прощайте! дай Богъ вамъ счастья за участье!» сказалъ бѣлокурый молодой человѣкъ.

— «Будьте счастливы, барышня!» сказалъ другой не такъ насмѣшливо какъ наканунѣ.

— «И не хочу теперь — не нужно!» сказала она глухо, «пусть ужъ и я свое отстрадаю», добавила она мысленно.

Онъ поглядѣлъ на нее молча съ минуту. «Охъ, барышня! не углубляйтесь, не ломайте вашу голову понапрасну! надъ всѣмъ не наплачешься! Спасибо хоть за то! Вѣдь жалко не то, что умеръ, — а что погибъ безъ пути и что толку ни въ чемъ нѣту! Прощайте, не поминайте лихомъ!»

— «Прощайте!» проговорила она машинально и глядя ему пристально въ лицо.

Онъ повернулъ круто и пошолъ назадъ. Другой слегка наклонился надъ могилкой. Лиленька замѣтила, что этотъ именно мертваго жалѣетъ, а не за одни только неудачи злится.

— «Домой пора!» подумала она, замѣтивъ, что молодому человѣку очень-бы хотѣлось на одну минутку остаться одному съ могилкой.

Уже сентябрь стоялъ на дворѣ. Деревца въ полисадникѣ поникли головой и пожелтѣли отъ пыли и вѣтра. Лужи стояли на улицахъ; и минутный блескъ и веселый видъ, которыми лѣто украсило скромный переулокъ, давно уже пропали и все приняло свой обычный пасмурный видъ. Точно домики, и палисаднички, и столбики на тротуарѣ дремали и видѣли однообразный, скучный сонъ, отъ котораго у нихъ вытянулась физіономія. Въ знакомомъ намъ домикѣ однако все было по старому; только наблюдательный зритель можетъ быть открылъ-бы на всѣхъ лицахъ какой-то оттѣнокъ безпокойства. Только одну Лиленьку трудно было узнать. Она ходила такая покорно-тихая, блѣдная. Впрочемъ въ жизни Лиленьки не приключилось ничего особеннаго, ничто не пронеслось надъ нею внезапно-потрясающаго, что погрузило-бы ее хоть на минуту въ тотъ высокій, кажущейся ей безпредѣльнымъ, міръ высокихъ чувствъ и волненій. Съ того памятнаго для нея іюльскаго вечера на нее только нашла непонятная тяжесть — и только. Два дня она проходила въ какомъ-то взволнованномъ ожесточеніи; потомъ все какъ-будто осѣклось, поглотилось окружающими мелочами и заботами и опустилось на самое дно души, откуда иногда съ глухою, удушливою болью подымалось, чтобы заглушить всякій порывъ молодой надежды или несбыточной мечты. Ей уже не было горько или больно,— она просто опустилась въ какомъ-то тихомъ, безстрастномъ сомнѣньи. Точно что-то порвалось въ сердцѣ и изъ него

точилась кровь медленно, почти незамѣтно, унося съ собой силы, и энергію, и мечты. Въ поступкахъ ея это сказывалось можетъ быть только небывалымъ прежде пренебреженіемъ ко всему, что до нея касалось. Она точно находила удовольствіе переламывать и подчинять себя всѣмъ заботамъ и тягостямъ окружающихъ дрязгъ. Ея слабое здоровье подалось совершенно; трудно рѣшить:—физическія–ли лишенія и трудности, или моральное настроеніе духа имѣло такое вліяніе на ея здоровье, только послѣ горячки, которую она схватила отъ простуды въ одинъ холодный, сѣрый августовскій вечеръ, когда относила въ магазинъ заказанную работу, она уже не поправлялась и не набиралась силами. Точно у нея энергіи не достало, чтобъ встрепенуться. Впрочемъ она сама удивлялась своему равнодушію; она глядѣла на себя точно на постороннюю, надъ которой производишь анализъ и произносишь совершенно безстрастно свое мнѣніе. По мѣрѣ того какъ темные, холодные осенніе дни принимали все болѣе скучный, зимній видъ, она чувствовала какъ уходили ея силы и уходила самая надежда на выздоровленіе. Сначала это пугало ее, какъ что–то неизвѣстное, таинственное, но она какъ-будто нарочно мучила себя перебирая этотъ вопросъ въ головѣ. Но перебиралось все какъ–то тупо, безсмысленно, какъ-будто въ ту минуту, когда мысль какая-нибудь прояснялась, все вдругъ запутывалось и дѣлалось еще безсвязнѣе, еще смутнѣе прежняго.

«А если умру!» думала она вдругъ съ легкою дрожью, какъ–будто что–то темное растилалось передъ глазами.—«А отчего-бы мнѣ не умереть? вѣдь люди–же умираютъ; вотъ онъ–же умеръ тогда, и онъ искалъ жизни!» Она опускала работу и глядѣла безсмысленно въ окно на лужи, на которыхъ вскакивали пузырьки отъ падающихъ капель. «Вѣдь развѣ я нужна кому? Работаю теперь, сестра скоро подростетъ, также будетъ работать, и ей будетъ все та-же жизнь! а развѣ есть какая–нибудь польза отъ моихъ стремленій и страданій? Кому они нужны? Что-жъ — вотъ я братьевъ учу», подумала она минуту спустя, «да вѣдь и они пойдутъ мыкаться! пользы еще въ этомъ большой нѣтъ». Она опять подымала работу, опять быстро, лихорадочно вкалывала

иголку и притягивала нитку, покуда въ головѣ глухо шумѣло и волновалось.

Октябрь уже наступилъ. На дворѣ стояла ясная погода. Лиленька сидѣла на обычномъ мѣстѣ у окна, нагнувшись надъ работой. Только сухой кашель вырывался иногда изъ ея впалой груди. Все было тихо кругомъ. Родныхъ и дѣтей не было дома, и она сидѣла въ какомъ-то тревожномъ волненіи, точно эта тишина опять пробудила въ ней тягостныя мысли.

Подъ окномъ послышались чьи-то скорые, рѣзкіе шаги. Лиленька выглянула торопливо,—это былъ смуглый незнакомецъ, котораго она видѣла на похоронахъ. Она быстро оттолкнула окошко, холодный вѣтеръ пахнулъ непривѣтливо. Въ безсознательномъ увлеченіи высунулась она за окно; по ней пробѣжала дрожь, точно что-то жгуче-больное воскресилъ онъ своимъ появленіемъ.

— «Здраствуйте!» закричала она рѣзко.

Онъ поспѣшно остановился и нерѣшительно поглядѣлъ на нее.

— «Что? не узнали?» спросила она странно улыбаясь,— «помните на похоронахъ?»

— «А!» — сказалъ онъ протяжно.—«Какъ вы перемѣнились, барышня; что съ вами?»

— «Ничего, больна!» — отвѣчала она и замолчала.

Онъ поглядѣлъ съ изумленіемъ на ея исхудалое, блѣдное лицо, теперь вспыхнувшее болѣзненнымъ румянцемъ. Она чувствовала на душѣ приливъ давно не ощущаемыхъ волненій и тревоги.

— «Ну, барышня!»—сказалъ онъ вдругъ; «и вы-то кажется не изъ счастливенькихъ!»

Она быстро повернула къ нему голову.

— «Смотрите, не забудьте на гробъ цвѣточковъ принести, — скоро нужно будетъ! — сказала она, поддаваясь невольно вспыхнувшему чувству; — а стихи ваши забыли? а я такъ помню!»

Онъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на нее. «Эхъ барышня!» сказалъ онъ махнувъ головой.

— «Чтожъ не скажете опять, что давно пора,—это повѣрнѣе будетъ!»

Ей показалось, что лицо его подернулось болѣе живымъ, сдержаннымъ чувствомъ.

— «Да что? ужъ отъ меня-то утѣшенія не ждите, я нѣтъ-нѣтъ—да и самъ за вами пойду.»

Они замолчали, онъ не отходилъ.

— «Послушайте!—заговорила она торопливо, но спокойнѣе, и опять нагнулась къ нему черезъ окно, — разскажите про него-то, — вѣдь вамъ жалко его тогда было?»

— «Жалко,» сказалъ онъ тише и поглядѣлъ ей въ глаза.

— «А я такъ часто думала: мнѣ все кажется, что судьба наша равная», начала она и задумалась.

Онъ все глядѣлъ на нее, на ея блѣдныя, худыя щеки, и его брови сдвинулись.

— «Да вѣдь я не безнадежная, — начала она нерѣшительно, поддаваясь невольному влеченію; — вѣдь вѣру-то, вѣру я не потеряла. Только такъ тѣсно... »

Она заглянула ему въ лицо. Оно какъ-будто прояснилось и въ немъ виднѣлось не то жалость, не то состраданье.

— «Чтожъ? хоть не безвыходно, хоть у васъ есть что; ну, вотъ намъ-то какъ?»

— «Послушайте, онъ не вѣрилъ?»

Онъ поглядѣлъ на нее страннымъ взглядомъ и тряхнулъ головой.

— «Все подкопано,—гдѣ же тутъ чему-нибудь остаться.»

— «Да!.. ужъ умереть-бы скорѣй!—сказала она усталымъ голосомъ и облокотилась на руку.

— «Ну, прощайте,» началъ онъ помолчавъ.

— «Прощайте,»—сказала она просто, какъ бы въ тяжеломъ забытьѣ.

Онъ протянулъ ей руку; она подала свою; онъ пожалъ ее крѣпко, не выпуская съ минуту.

— «Прощайте!» — повторилъ онъ и пошолъ.

Она опустилась на стулъ и просидѣла неподвижно. Ей было только холодно и тяжело. Онъ шагалъ быстро, весь

поддавшись новому, тревожному чувству. Онъ былъ въ безпокойствѣ. Ему было чего-то совѣстно.

Еще недѣли три прошло. Въ скромномъ домикѣ учителя нѣмецкаго языка не видно было блѣдной, задумчивой, хорошенькой фигурки Лиленьки. Ея отсутствіе было какою-то аномаліею въ этомъ акуратномъ домикѣ, гдѣ казалось ничто не могло измѣниться въ своемъ педантичномъ круговоротѣ,—гдѣ ничто не могло пропасть, что̀ уже разъ получило свое назначенное мѣсто въ общемъ маленькомъ хозяйствѣ. Но Лиленькѣ суждено было прервать эту непрерывную прямую нить. Она умерла такъ тихо, такъ спокойно, какъ-будто заснула. Когда ее положили въ ея бѣленькомъ кисейномъ платьицѣ въ чистенькій гробикъ, она казалась такою грустною, какъ-будто недоумѣніе все еще сжимало ея губы и какъ-будто она еще говорила съ своей спокойною ироніею: «а жить-то какъ хотѣлось!»

Жизнь въ домикѣ скоро вошла въ свою обычную колею. Только въ волосахъ старика учителя пробилось нѣсколько лишнихъ сѣдинъ, да у матери по воскресеньямъ, когда она скромно стояла въ уголку церкви, слезы чаще текли по осунувшимся, исхудалымъ щекамъ.

Лиленькинъ незнакомецъ мѣсяца два спустя, проходя мимо ея оконъ, узналъ отъ играющихъ возлѣ дома мальчугановъ, что молоденькую барышню уже и похоронили давно. На губахъ его только появилась какая-то нехорошая, кривая улыбка и брови его слегка сдвинулись. Впрочемъ долѣе всѣхъ грустила младшая сестра, которой пришлось теперь оставить пансіонъ, положить любимыя книги на полку и занять опорожнившееся мѣсто въ кругу семейства. Бѣдная, она теперь горбилась и нагибалась надъ работою, покорно, тихо вздыхая о своемъ веселомъ пансіонѣ, гдѣ ей хотѣлось сдѣлаться такою ученой,—вздыхала по немъ до тѣхъ поръ пока новые вздохи, новыя сожалѣнія не вкрались въ ея сердце

Ю. О-въ.

ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРІИ КНИЖНАГО (ШКОЛЬНАГО) ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

I Вмѣсто предисловія

Въ 1859 г. во всей Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго) было всего-на́ все 7,774 учебныхъ заведенія, считая въ томъ числѣ и высшія, и среднія, и низшія, и общія, и спеціальныя, и мужскія, и женскія. Въ 1861 г. ихъ считалось, какъ видно по календарю на 1864 г., уже 32,751. Прогрессъ изумительный, если принять въ соображеніе, что разница тутъ всего въ двухъ годахъ! Въ настоящее время, т. е. къ половинѣ 1864 г., число это еще болѣе возрасло, такъ что однихъ сельскихъ и приходскихъ училищъ считается уже чуть–ли не болѣе 35,000! А между тѣмъ все еще являются, — и являются чуть–ли не каждый день, — все новыя и новыя учебныя заведенія и притомъ чрезвычайно разнообразныя: отъ безплатныхъ школъ грамотности и «Дѣтскихъ Садовъ», устроиваемыхъ по методѣ Фрёбеля (эти–то къ чему?) до общесословной народной гимназіи, задуманной казенными крестьянами Калужской губерніи, до Петровско–Разумовской Земледѣльческой Академіи подъ Москвою и до Университетовъ на Югѣ. Являются ежегодно выставки по губерніямъ и при нихъ учреждаются музеи; проэктируется (см. Календарь на 1864 г.) всероссійская выставка разныхъ отечественныхъ произведеній; основаны Комитетъ Грамотности — въ С.–Петербургѣ и Общество распространенія полезныхъ книгъ — въ

Москвѣ; учреждаются Братства для распространенія *русскаго* просвѣщенія въ западномъ краѣ; въ каждомъ журналѣ и даже въ каждой газетѣ все чаще и чаще попадаются статьи педагогическаго содержанія, — словомъ.... Словомъ, повсюду въ Россіи, притомъ положительно во всѣхъ классахъ ея населенія, явно высказалось и высказывается стремленіе къ просвѣщенію и именно къ просвѣщенію книжному, школьному.

Такое общее стремленіе къ просвѣщенію, захватывающее всѣ слои русскаго общества и приводящее къ энергической дѣятельности лицъ разныхъ сословій, не могло-же вдругъ, нечаянно проявиться въ такой силѣ: очевидно, что это дѣло вѣковъ, что подобное стремленіе всегда существовало на Руси, что выраженіе его было только задерживаемо неблагопріятными обстоятельствами.

Но тогда почему-же русскіе не стали до сихъ поръ на высшей степени цивилизаціи? Отвѣтомъ на такой вопросъ было пока только голословное показаніе, что-де учили *не такъ*, что вотъ-де мы знаемъ и по собственному опыту, и по воспоминаніямъ стариковъ, и по свидѣтельству современниковъ о временахъ давноминувшихъ, что воспитаніе и обученіе не только въ школахъ, но и въ семействахъ всегда шло, да и теперь идетъ совершенно неудовлетворительно, вслѣдствіе чего и плоды воспитанія и обученія крайне ничтожны. Правда, изъ этого не видно еще какъ поправить дѣло; за то зданіе установившейся педагогіи мы окончательно разшатали, такъ что о несостоятельности ея знаютъ даже малые ребята, бросающіе поэтому ученье, — и неудивительно: начиная съ знаменитой статьи Н. И. Пирогова и до статьи г. Писарева «Наша университетская наука», — всѣ статьи о воспитаніи были направлены въ одну сторону, всѣ ихъ авторы сосредоточили свои усилія на одномъ — выказать недостатки установившагося воспитанія и обученія. Но что-же дѣлать теперь, когда такимъ широкимъ потокомъ вырвалась наружу затаенная Русью жажда книжнаго просвѣщенія? какъ наконецъ хоть теперь-то поправить дѣло? — Этого мы не рѣшили. Увлекшись частностями, мы — говоря по правдѣ — стали ставить подпорки, стали замазывать новымъ цементомъ трещины и щели полуразрушеннаго нами зданія, быть можетъ подготовили въ немъ и совсѣмъ новый потолокъ или новую стѣну, но — мы въ *сущности* оставили его тѣмъ-же, чѣмъ оно было, и слѣд. въ будущемъ не должны ожидать отъ *нашего* воспитанія и обученія плодовъ лучшихъ чѣмъ тѣ, которые мы видѣли уже и видимъ отъ воспитанія и обуче-

нія установившагося. Ктому-же и въ отношеніи къ самымъ подпоркамъ и подмазкамъ не всѣ мы думаемъ одинаково. На вопросъ о преобразованіи способовъ воспитанія и обученія отвѣчаютъ различно.— Одни педагоги, преимущественно изъ нѣмцевъ, а за ними и онѣмечившіеся около нихъ или собственными средствами офранцузившіеся русскіе говорятъ, что нужно изучить нѣмецкую педагогику и воспользоваться трудами заграничныхъ ученыхъ и педагоговъ, чтобы ввести и у насъ тѣже самые пріемы и методы; другіе положительно возстаютъ противъ такого насильственнаго «онѣмеченія» свято-русской почвы и утверждаютъ, что у насъ должны быть свои русскіе методы и пріемы. Правда, послѣдніе не дали и до сихъ поръ подробнаго изложенія чисто-русскихъ методовъ и пріемовъ; но за то они весьма справедливо утверждаютъ, что на практикѣ ихъ легко отыскать даже такъ-сказать ощупью, какъ напр. ищетъ ихъ графъ Л. Н. Толстой въ своей Яснополянской школѣ. «Но такой способъ исканія безобразенъ», кричатъ имъ наши *нѣмчины* (старое слово весьма идущее къ этимъ господамъ: этимъ названіемъ дарили встарь не только чистокровныхъ нѣмцевъ, но и русскихъ, подражавшихъ во всемъ какимъ-бы-то-ни-было иностранцамъ), «зачѣмъ самимъ пробовать на практикѣ тотъ или другой пріемъ, когда онъ былъ уже испробованъ и результаты этихъ пробъ можно найти въ исторіи нѣмецкой педагогіи». Возраженіе нелѣпое, и на основаніи подобнаго умозаключенія можно-бы отвергнуть всѣ общества акклиматизаціи, — зачѣмъ дескать пробовать акклиматизировать такое-то животное или растеніе въ Россіи, когда это не удалось въ Англіи,—въ которой, замѣтьте, нѣтъ ни Кавказа, ни Крыма. Диво-ли, что такое возраженіе встрѣчаетъ въ отпоръ только замѣтки въ родѣ: «такъ-то такъ; да вѣдь то нѣмцы, а то русскіе: что русскому здорово, то нѣмцу смерть, а слѣд. и на оборотъ» и т. д. Споръ становится все болѣе и болѣе голословнымъ, а подъ часъ переходитъ пожалуй и въ чистую брань: нѣмчины нѣтъ-нѣтъ, да и обрушатся вдругъ на Толстого, какъ на главнѣйшаго и наиболѣе выдающагося представителя русской системы воспитанія; самъ Толстой или чаще кто-нибудь изъ его сторонниковъ (число которыхъ къ счастію и благу Россіи возрастаетъ съ каждымъ днемъ) обрушится въ свой чередъ на нѣмчиновъ; и вотъ то тамъ, то здѣсь разражается на страницахъ россійской журналистики горячая перебранка, чуть что не съ пѣной у рта.... Партія чисто-русскихъ педагоговъ не особенно многочисленна и сама собою врядъ-ли сможетъ

*

она скоро совладать съ партіей своихъ противниковъ. Но къ счастію царство нѣмчиновъ нашихъ уже распалося «на ся», а это первый и вѣрный признакъ окончательной гибели: тамъ явились двѣ партіи — филологовъ и естественниковъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что носясь постоянно въ облакахъ, наши нѣмчины, — представителями которыхъ являются и сотрудники спеціальныхъ педагогическихъ журналовъ, и сочинители публицистскихъ статеекъ въ газетахъ и журналахъ, и педагоги–фразёры, собирающіеся по субботамъ потолковать о воспитаніи и обученіи и о томъ есть–ли и можетъ–ли быть наука педагогія (почему именно выбрана суббота? — ужъ не на основаніи–ли народнаго присловья: «съ пустяками-то по субботамъ приходи, а теперь дѣло говори, да и къ сторонѣ?»), — наши нѣмчины и не замѣчаютъ, что среди ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ за филологію стоятъ натуралисты, а за естественныя науки — филологи. «Зря все сіе и многое другое», мы рѣшаемся бросить торную дорогу, по которой плетутся «хоронить своихъ мертвецовъ» наши фельетонные и парламентствующіе педагоги и рискуемъ пойти прямымъ, хотя и тернистымъ путемъ къ нашей цѣли: путемъ историческаго изслѣдованія, который одинъ только и можетъ навѣрно привести къ ней.

Мы поставляемъ себѣ задачею показать исторически: 1) что у насъ не только можетъ быть, но и была своя русская педагогія (въ смыслѣ цѣлаго ряда пріемовъ и методовъ, употреблявшихся при воспитаніи и обученіи); 2) что она постепенно исчезала (хотя и до сихъ поръ не совсѣмъ исчезла) подъ вліяніемъ а) византійскихъ началъ, б) татарскихъ набѣговъ и в) западной цивилизаціи; 3) наконецъ, что по мѣрѣ преобладанія въ Россіи западной цивилизаціи, русская — замирала все болѣе и болѣе, или уходила въ глубь лѣсовъ населенныхъ раскольниками, а западная, насильственно внесенная въ Россію, нисколько въ ней не привилась и являясь на народной нашей почвѣ чѣмъ-то въ родѣ лишая, все болѣе и болѣе уходитъ въ полнѣйшее безсмысліе.

Сообразно съ этой внутренней сущностью историческихъ событій, мы весь почти тысячелѣтній періодъ книжнаго просвѣщенія въ Россіи дѣлимъ на три отдѣльныхъ періода:

I. Съ конца X в. до конца XII в. Этотъ періодъ обнимаетъ (по К. С. Аксакову) собою два періода русской исторіи: Новгородскій и Кіевскій. Начинаясь собственно съ заведенія училищъ Владиміромъ Святымъ, онъ оканчивается *вѣроятнымъ* преобладаніемъ

византійскаго просвѣщенія въ новой столицѣ Руси — Владимірѣ. Здѣс первоначальное развитіе и дальнѣйшее распространеніе чисто-русской цивилизаціи въ борьбѣ съ началами византійскими.

II. Съ начала XIII в. до начала XVIII в. Своеобразныя стремленія князей и непрерывные набѣги татаръ привели въ упадокъ и частію совсѣмъ истребили прежде существовавшія школы, не давая въ тоже время ни средствъ, ни возможности заводить школы новыя; византійскія начала пускаютъ глубокія корни и потому когда, по освобожденіи отъ ига, снова начинается забота о книжномъ просвѣщеніи, то борьбы съ византизмомъ уже нѣтъ. Какъ-бы въ замѣнъ того начинается борьба съ западными началами цивилизаціи, проникавшими къ намъ изъ Бѣлой и Малой Россіи. Это періодъ постепеннаго упадка русской цивилизаціи и затѣмъ борьбы ея съ цивилизаціей западной; онъ обнимаетъ собою также два историческихъ періода (по К. С. Аксакову): Владимірскій и Московскій.

III. Съ начала XVIII в. и до нашего времени. Это періодъ петербургскій, — періодъ преобладанія западной цивилизаціи надъ русской и постепеннаго опошливанія ея въ глазахъ русскихъ людей.

Слѣдуя такому раздѣленію, мы дадимъ нашимъ читателямъ цѣлый рядъ статей, но.... не безпрерывно слѣдующихъ одна за другою.

II Письменность на Руси до Владиміра Святого

Начнемъ ab ovo:

Славяне, населявшіе нынѣшнюю Россію, вовсе не были такъ грубы и дики, какъ ихъ стараются представить наши учителя — нѣмцы. Безпрестанныя нападенія на нихъ варяговъ съ сѣвера и хозаръ съ юга ясно показываютъ, что отъ этихъ славянъ можно было кое-чѣмъ поцечиться въ матеріальномъ отношеніи. Умственное развитіе ихъ столь-же мало подлежитъ сомнѣнію, какъ и матеріальный достатокъ. Ни одно европейское государство не образовалось при болѣе раціональныхъ условіяхъ. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ русскіе славяне, имѣвшіе уже совершенно сложившійся общинный бытъ, *сами* призвали къ себѣ князей, заявляя имъ, что «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Этимъ совершенно произвольнымъ

призваніемъ иноземцевъ въ князья ради «наряда» славяне наши вполнѣ отличаются отъ народовъ западной Европы: у насъ такимъ образомъ не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни господъ, ни рабовъ (вспомните, что въ договорѣ одного изъ первыхъ князей нашихъ, Игоря, съ греками положена была клятва, о преступившихъ которую сказано: «да будутъ они *рабами* и въ сей вѣкъ и въ будущій»; не ясно-ли, что рабство было самымъ тяжкимъ изо всего, что могъ придумать русскій славянинъ того времени въ наказаніе за клятво-преступленіе!). Русскіе люди разомъ стали въ самыя нормальныя отношенія къ государству, какъ ко внѣшнему «наряду», и никогда не теряли правъ и преимуществъ своего «земства». Князья наши очень хорошо понимали всю правду этихъ отношеній и охотно сливались съ народностью нашей: они, подчиняя себѣ земство въ дѣлахъ правды внѣшней, въ тоже время охотно подчиняли себя земству въ великомъ дѣлѣ правды внутренней и становились *нашими* князьями не только по призыву, но и по самому духу своему. Князь въ тѣ времена не считалъ себя какимъ-то отдѣльнымъ, обособленнымъ человѣкомъ: онъ принадлежалъ земству на столько-же, на сколько земство принадлежало ему. Онъ могъ захватить въ свои руки земство, — но земство обусловливало его власть и въ свой чередъ могло изгнать его; земство могло призвать къ себѣ любого князя, — но онъ въ свой чередъ могъ предписать ему извѣстныя условія: тутъ была круговая порука. Такое вѣрное и естественное пониманіе отношеній государства къ земству и на оборотъ, такое глубокое сознаніе правъ и того и другого (которое даже и не по плечу современнымъ либераламъ нашимъ!), — все это невольно заставляетъ признать если не существованіе, то по крайней мѣрѣ возможность не западно-европейской, а совершенно иной, самобытной русской цивилизаціи. На сколько высока была степень нашей тогдашней цивилизаціи, рѣшить это безъ сомнѣнія весьма мудрено въ настоящее время, т. е. тысячу лѣтъ спустя. Однако есть основанія думать, что въ тѣ давнопрошедшія времена русскіе славяне стояли далеко не на низкой степени просвѣщенія. Мы имѣемъ въ виду только исторію *книжнаго* просвѣщенія, а потому и не рѣшаемся пуститься въ изысканія о первобытной религіи славянъ, — этомъ первомъ проявленіи зачинающейся цивилизаціи народа, — и оставляя въ сторонѣ все прочее, остановимся, и то мелькомъ, исключительно только на одномъ вопросѣ касающемся временъ до-историческихъ, именно на вопросѣ: была-ли у

нашихъ славянъ грамота и вообще письменность до принятія ими христіанской религіи при великомъ князѣ Владимірѣ Равноапостольномъ?

Изслѣдованія о письменности вѣковъ минувшихъ должны касаться: 1) матеріала, на которомъ писали; 2) орудія, которымъ писали и 3) изображеній, которыя употребляли для выраженія своихъ мыслей на письмѣ. Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ извѣстно касательно этихъ предметовъ: 1) что для письма употреблялись вначалѣ камень (вспомните каменныя доски закона Моисеева), дерево съ нарѣзами, дерево вощоное и лубъ; потомъ пергаментъ (по-русски *харатья*, откуда прилагательное *харатейный*, напр. харатейное евангеліе); затѣмъ хлопчатая бумага и наконецъ наша тряпичная; 2) что на нихъ писали вообще острыми орудіями, напр. на вощоныхъ дощечкахъ рѣзцомъ (stylus); затѣмъ явились перья съ чернилами, киноварью, золотомъ и серебромъ; 3) наконецъ, что существовали разные роды изображеній: отъ іероглифовъ, современныхъ первымъ зачаткамъ цивилизаціи человѣческой, и до латинской азбуки, которую чуть-ли и не до сихъ поръ считаютъ самою совершеннѣйшею. Зная, что все это извѣстно нашимъ читателямъ, мы совершенно смѣло приступаемъ къ исторіи собственно русско-славянской письменности, существованіе которой есть въ тоже время несомнѣнное доказательство начатковъ книжнаго ученія у славянъ на Руси.

Что у русскихъ славянъ была нѣкотораго рода письменность еще до принятія ими христіанской религіи, это извѣстно намъ по несомнѣннымъ весьма древнимъ (X вѣка) свидѣтельствамъ арабскимъ и паннонскимъ. Мы считаемъ себя вправѣ приписать «нѣкоторую» цивилизацію русскимъ славянамъ, отъ которыхъ дошли до насъ «черты и рѣзы» на деревѣ. Были-ли эти письмена исключительной принадлежностью русскихъ,—принадлежали-ли онѣ вообще всему славянскому племени,—или наконецъ сдѣлались принадлежностью славянъ на Руси уже послѣ призванія первыхъ князей отъ рода варяжскаго,—положительно мы этого не знаемъ. Гадательно можно объяснять это и такъ, и иначе.

Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны въ древнѣйшемъ славянскомъ памятникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Судъ Любуши,» содержаніе котораго относится къ началу VIII в., а рукопись къ концу IX в., упоминаются «доски правдодатныя», на которыхъ были написаны законы. Изъ этого свидѣтельства видно не только то, что была письмен-

ность и въ столь отдаленныя времена, но что писали именно на доскахъ. Что подобныя-же правдодатныя доски были и у насъ на Руси, доказательствомъ тому можетъ по нашему мнѣнію служить между прочимъ и то, что у насъ поконы, еще въ договорахъ первыхъ князей съ греками, различаются «законъ» и «поконъ,» какъ бы въ смыслѣ закона писаннаго и закона неписаннаго (обычая).—По свидѣтельству Ахмета, сына Фоцлана (арабскаго писателя X в.), относящемуся къ 922 г., у русскихъ былъ обычай ставить на могилахъ столбы съ вырѣзанными на нихъ именами покойника и его князя. Абуль-Фораджъ-Мохамедъ–ибнъ-Эсханъ-эль-Недимъ, арабскій писатель X в., не только свидѣтельствуетъ о существованіи у русскихъ во времена Игоря и Святослава грамотъ, писанныхъ на берестѣ, но даже представляетъ снимокъ одной изъ нихъ, именно пропускной грамоты (нѣчто въ родѣ паспорта или вѣрнѣе охраннаго листа), данной одному посланцу какого-то кавказскаго властелина (о подобныхъ-же грамотахъ упоминается въ договорѣ Игоря съ греками: «Нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько»). Болгарскій писатель X в. Храбръ свидѣтельствуетъ, что славяне, бывши еще язычниками и не имѣя еще книгъ (т. е. церковно-славянской письменности), читали и *гадали* «чертами и рѣзами»; какъ это указаніе, такъ равно и копія, представленная эль-Недимомъ, заставляютъ предполагать, что первоначальныя письмена славянъ были рунническія (гадательныя). Надписи, писанныя подобными загадочными (и до сихъ поръ еще не разгаданными) письменами, были между прочимъ найдены въ Карпатскихъ горахъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, и у насъ въ Тверской Кореліи. Все это пока заставляетъ думать, что письмена были чисто-славянскаго происхожденія.

Съ другой стороны легко можетъ быть, что эти русскія письмена были достояніемъ пришельцевъ–варяговъ. Первыя упоминовенія о нихъ относятся именно къ тому времени, когда у насъ были уже князья: самое древнѣйшее свидѣтельство о существованіи ихъ относится къ 922 г., слѣд. къ княженію вел. кн. Игоря (но опять таки къ той части составной русско-славянской дружины, которая поселилась въ хозарской столицѣ Итилѣ, уже побывавши въ Кіевѣ, гдѣ легко могла заимствовать письмена). Свидѣтельство Дитмара Мерзебургскаго (XI в.) касается надписей на кумирахъ славянскихъ; а эти кумиры, какъ положительно извѣстно по лѣтописямъ, занесены къ намъ князьями и можно даже прослѣдить по древнимъ памятникамъ—кто, когда, гдѣ и

какой именно кумиръ поставилъ. Академикъ Шегренъ, какъ вышеупомянутую копію, сохраненную эль-Недимомъ, такъ равно и отысканную Ѳ. П. Глинкой въ Тверской Корелiи надпись на камнѣ (вѣроятно надгробномъ), писанную подобными-же загадочными письменами, читаетъ по руническому скандинавскому ключу и находитъ въ нихъ весьма правдоподобный смыслъ: у эль-Недима въ копіи онъ видитъ «Славнъ Русьлюдъ», то-есть Славнъ (имя посла)—русскій человѣкъ, а Русью стала называться наша земля уже послѣ прихода князей; въ надписи на тверскомъ камнѣ онъ видитъ «Іварови взятъ,» то-есть воздвигнутъ Ивару,—имя скандинавское.

Каково-бы ни было происхожденіе этихъ письменъ,—коренныя ли онѣ славянскія или принесенныя къ намъ съ сѣвера,—во всякомъ случаѣ онѣ у славянъ совершенствовались и очень можетъ быть, что именно у насъ на Руси онѣ преобразились въ *глаголицу*, особаго рода звуковую азбуку, близкую къ церковно-славянской, но обратную въ отношеніи къ ней: буквы ея похожи на древній церковно-славянскій шрифтъ, если смотрѣть на отраженіе его въ зеркалѣ. Есть преданіе (сохранившееся въ паннонскихъ памятникахъ), что одинъ изъ славянскихъ просвѣтителей, именно Константинъ (впослѣдствіи Св. Кирилъ, братъ Св. Меѳодія), во время пребыванія своего въ Херсонесѣ Таврическомъ «нашолъ Евангеліе и Псалтырь, писанные *русскими* письменами, и человѣка нашолъ говорящаго этой рѣчью; въ бесѣдахъ съ нимъ научился онъ тому языку, а сравнивая пзустную рѣчь съ различными письменами гласными и согласными и вспомоществуемый молитвами къ Богу, вскорѣ сталъ читать и говорить, чему многіе подивились въ немъ, прославляя Бога» (*). Такъ какъ самые памятники (Херсонесскіе Евангеліе и Псалтырь) теперь не извѣстны, то здѣсь остается обширное поприще для догадокъ: существовали-ли дѣйствительно эти памятники и какими именно буквами были они писаны?—Шафарикъ, знаменитый ученый славянскаго запада, занимавшійся славянской письменностью и филологіей, думаетъ, что эти памятники были писаны готфской (улфилиной) грамотой; но другіе ученые, преимущественно наши русскіе, охотнѣе признаютъ, что они были писаны *глаголицей*. Да и почему-же не сдѣлать подобнаго предположенія? Нашъ знаменитый знатокъ этого дѣла—проф. И. И. Срезневскій — нашолъ

(*) Разумѣется это нашъ переводъ подлинныхъ словъ Житія (см. ниже).

слѣды глаголицы въ договорныхъ грамотахъ Святослава съ Византій-цами. Не должно-ли это показать намъ, что возможно было употребленіе глаголицы на югѣ Россіи еще въ IX в.? Полагаютъ съ другой стороны (по паннонизмамъ глаголитской письменности), что грамота эта изобрѣтена въ Паннонiи. Во всякомъ случаѣ она несомнѣнно славянскаго происхожденія и притомъ положительно основана на руническихъ славянскихъ письменахъ, въ отличіе отъ которыхъ и названа *глаголицей*, т. е. говорящей: руны и въ то время были загадочны,— они не говорили, а ихъ *угадывали*. Впрочемъ вопросъ объ этомъ для насъ не особенно важенъ: наше дѣло показать, что еще въ глубокой древности на Руси были разнаго рода (руническія или гадательныя и глаголица или говорящія, звуковыя) письмена: ясное дѣло, что Русь рано почувствовала настоятельную нужду въ грамотѣ.

Какъ разъ къ этому времени полнаго сознанія необходимости грамоты, какъ-бы именно для удовлетворенія этой потребности Руси явилась такъ называемая кирилица (церковно-славянская грамота). Объ изобрѣтеніи ея Несторъ, первый изъ извѣстныхъ намъ нашихъ лѣтописцевъ, говоритъ именно передъ разсказомъ о договорѣ вел. кн. Олега съ греками, какъ бы оправдывая тѣмъ возможность веденія письменныхъ договоровъ. По преданіямъ она создана св. Мефодіемъ, братомъ св. Кирила, и въ молитвахъ къ нему церковь величаетъ его «обратникомъ святымъ буквамъ,» какъ бы указывая тѣмъ, что кирилица есть таже самая глаголица, но буквы ея обращены въ противоположную сторону. Знаменитѣйшій изъ историческихъ изслѣдователей нашихъ, Шлёцеръ, говоритъ обращаясь къ изобрѣтателямъ кирилицы: «Привѣтствую васъ здѣсь, безсмертные изобрѣтатели славянской грамоты! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять такъ-сказать изъ устъ народа и писать греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ поступили вы какъ люди отличнымъ умомъ одаренные, и для каждаго особеннаго звука, котораго грекъ не имѣлъ въ языкѣ своемъ, изобрѣли вы новые, особенные знаки или буквы. Какъ малъ противу васъ Эльзаскій монахъ Готфридъ, или кто-бы ни былъ тотъ нѣмецъ, который первый осмѣлился писать на своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку!»

Слѣды глаголицы въ договорѣ Святослава показываютъ, что кирилица сдѣлалась нашимъ пріобрѣтеніемъ подъ вліяніемъ Византіи. До

сношеній съ нею письмена наши были другого рода. Окончательное усвоеніе нами кирилицы (по качеству ея, какъ азбуки церковно-славянской) совпадаетъ со временемъ обращенія Руси въ христіанство. Впрочемъ хотя мы получили эту азбуку и отъ Византіи, однако принадлежала она собственно болгарамъ или вообще западнымъ славянамъ, по крайней мѣрѣ Несторъ свидѣтельствуетъ, что одна была грамота на Руси, у болгарахъ и у моравовъ.

III. Книжное ученіе при Владимірѣ Святомъ

Извѣстія о распространеніи христіанства въ тоже время служатъ извѣстіями о распространеніи ученія книжнаго. Христіанскіе пропагаторы и до сихъ поръ держатся правила: довести взрослыхъ до того, чтобы они сочли христіанскую религію необходимой, и затѣмъ, отобравъ у нихъ дѣтей, обращать главное вниманіе только на этихъ послѣднихъ. Дѣтей принимаются учить грамотѣ и религіи. Пока одна часть ихъ готовится занять мѣста учителей своихъ въ качествѣ священниковъ, дьяконовъ, чтецовъ и пр., другая въ тоже время проникается ученіемъ христіанскимъ на столько, что уже трудно становится предположить возвращеніе ихъ къ язычеству. Такъ дѣйствуютъ и западные и наши восточные миссіонеры теперь, такъ дѣйствовали они и въ X в., когда, какъ не безъизвѣстно нашимъ читателямъ, благодать ученія христіанскаго осѣнила и нашу свято-русскую землю. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить между прочимъ слова св. Кирила (первоучителя славянскаго), высказанныя имъ въ предисловіи къ его переводу Евангелія: «душа *безбуковная* мертва является въ человѣкахъ». Ученіе христіанское представлялось ему очевидно не иначе какъ *ученіемъ книжнымъ*. Дѣятельность обоихъ братьевъ—св. Кирила и Меѳодія и ихъ послѣдователей въ другихъ славянскихъ земляхъ,—дѣятельность направленная къ распространенію христіанства посредствомъ заведенія школъ (*),—заставляетъ думать,

---

(*) Мысль, что школы заведены у славянъ уже первоучителями, принадлежитъ *о. Макарію* (см. Введ. въ Ист. Христ.). Справедлива-ли она или нѣтъ, во всякомъ случаѣ при царѣ Борисѣ (когда Болгарія прос-

что также поступали и нѣсколько позднѣйшіе ученики ихъ, присланные къ намъ, какъ повѣствуетъ преданіе, изъ болгаръ византійцами и царемъ болгарскимъ Симеономъ. Что ученики, вышедшіе изъ школъ заведенныхъ ими или вскорѣ послѣ нихъ, были дѣйствительно людьми образованными и даже учеными, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія: Іоаннъ, экзархъ болгарскій, писатель X в., служитъ такъ сказать наглядным тому доказательствомъ. Этотъ ученый, труды котораго открыты у насъ въ Россіи г. Калайдовичемъ, занимался переводами не только книгъ чисто-духовнаго содержанія: онъ перевелъ между прочимъ изъ твореній Іоанна Дамаскина — богословіе, философію и грамматику, которую нѣсколько передѣлалъ, соображаясь съ требованіями языка славянскаго для того, «что не всегда можно отдѣльныя греческія слова замѣнять словами другаго языка; тоже должно замѣтить и о иныхъ языкахъ: въ самомъ дѣлѣ, глаголъ красивый въ одномъ языкѣ—не красивъ въ другомъ; страшный въ одномъ,—не страшенъ въ другомъ; высокій въ одномъ—низокъ въ другомъ; съ другой стороны имя мужескаго рода въ одномъ языкѣ—въ другомъ замѣняется именемъ рода женскаго» и т. д. (переводъ изъ предисловія Іоанна къ его: «Книга святаго Ивана Дамаскина философская о осмихъ частехъ слова»). Послѣднія изслѣдованія о православіи въ Чехіи и Польшѣ ясно показываютъ не только то, что и въ этихъ странахъ были заведены православныя училища, но даже и то, что обращеніе Чехіи и Польши къ западному католичеству совершено было именно обращеніемъ этихъ православныхъ школъ въ латинскія.

Понятно, что и у насъ на Руси распространеніе христіанства шло подобнымъ-же путемъ. По исторіи извѣстно, что вел. кн. Владиміръ принялъ крещеніе съ совѣта своихъ бояръ и дружины. Радость была на небесѣ и на землѣ, по выраженію лѣтописца, когда этотъ равноапостольный князь присутствовалъ на Почайнѣ при крещеніи кіевлянъ. Вслѣдъ за тѣмъ, подобно всѣмъ вообще восточнымъ пропагаторамъ того времени, князь приступилъ къ устройству училищъ и къ распространенію вмѣстѣ съ христіанствомъ грамотности. Поста-

---

вѣтилась ученіемъ христіанскимъ) училища несомнѣнно были и этотъ царь жертвовалъ въ пользу ихъ и своимъ, и государственнымъ достояніемъ. Плодомъ такихъ усилій было то, что при немъ и при наслѣдникѣ его Симеонѣ уже 3500 болгаръ могли занять различныя церковныя должности. См. г. *Палаузова*: «Вѣкъ болг. ц. Симеона».

вивъ священниковъ по городамъ и селамъ, онъ въ тоже время распорядился отобрать (поимати) отъ знатныхъ людей дѣтей ихъ и отдать этимъ священникамъ и причтамъ «въ ученіе книжное». Можетъ быть, что это была личная мысль благочестиваго князя, но вѣрнѣе что ему подали ее (какъ свидѣтельствуетъ преданіе) духовные сановники, митрополитъ Михаилъ и сопровождавшіе его четыре епископа,—всѣ пятеро вышедшіе, какъ свидѣтельствуетъ тоже самое преданіе (Іоак. лѣт.), къ намъ изъ Болгаріи. Они главнымъ образомъ и озаботились устроить на Руси училища, быть можетъ отчасти заимствуя это устройство отъ училищъ византійскихъ и болгарскихъ, но главнѣйшимъ образомъ стремясь только удовлетворить насущнымъ потребностямъ страны,—завести школы первоначальнаго обученія безъ особыхъ претензій на многостороннюю учопость. Цѣль ихъ понятна: подобно всѣмъ другимъ миссіонерамъ, они думали только подготовить себѣ преемниковъ по церковной іерархіи и утвердить въ сердцахъ молодежи начатки христіанскаго ученія. Въ наставленіи митрополита Михаила, дошедшемъ до насъ по преданію (сказанія «Степенныхъ книгъ» мы считаемъ не болѣе какъ преданіемъ, хотя и основаннымъ безъ сомнѣнія на историческихъ данныхъ), святитель говоритъ только объ обученіи грамотѣ (призвавше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ, т. е. учителей грамоты) и о нравственномъ христіанскомъ воспитаніи ввѣренныхъ учителямъ малютокъ. Учить по его мнѣнію нужно было «правѣ и благочинно», чтобы дѣти сознательно и разумно понимали читаемое (учить «словесамъ книжнаго разума») и въ тоже время поучали благонравію, правдѣ, любви, «началу премудрости» страху божію, чистотѣ и смиренномудрію. Представляя себѣ дѣтей совершенно отданными во власть учителя (отобранными), митрополитъ предлагаетъ дѣйствовать на учениковъ не суровыми средствами, не насиліемъ, а много-много что угрозой, да и то незапугивающей (радосто-виднымъ страхомъ); въ особенности-же рекомендуетъ снисходительность, ласковость, спокойное разсужденіе. Рекомендуетъ заняться дѣломъ серьозно, съ терпѣніемъ и на учениковъ дѣйствовать не бранью и праздною болтовнею («неподобныхъ-же словесъ всячески ошаятися»), а поставленіемъ имъ на видъ ученій божественныхъ («наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона господня на пользу души-же и тѣлу»). Отрекаясь отъ употребленія мѣръ строгихъ и суровыхъ, уже и въ то время бывшихъ въ полной силѣ въ западно-европейскихъ школахъ, и предвидя въ тоже время могущую оказаться на опытѣ мало-

успѣшность учениковъ, митрополитъ предлагаетъ для избѣжанія этого недостатка чаще повторять заучиваемое, соразмѣрять уроки съ силами каждаго ученика и ласково объяснять ихъ какъ при заданіи, такъ и при повтореніяхъ (*).

Изъ этого наставленія сами собою вытекаютъ основы тогдашняго русскаго (или вѣрнѣе свободно-славянскаго) воспитанія. Вотъ эти золотыя черты древней нашей педагогіи.

1) Ученики-дѣти живутъ при учителѣ.

2) Тѣлесныя наказанія, побои и брань въ обращеніи съ ними не дозволяются.

3) Школьники не баранье стадо, въ которомъ что дѣлаетъ одинъ, то повторяютъ за нимъ и другіе; въ школѣ у каждаго свое дѣло, свой урокъ, строго сообразный съ его силами и способностями.

4) Такимъ образомъ курсовъ, раздѣленія на классы и распредѣленія уроковъ по часамъ — нѣтъ.

5) Каждый учится отдѣльно, отъ чего и наблюдается полнѣйшая постепенность при передачѣ знаній, — такая, какой нельзя достигнуть при общемъ (огульномъ) обученіи по классамъ.

6) Урокъ объясняется и задается; при повтореніи снова объясняется терпѣливо и ласково.

7) Повтореніе — единственное средство къ утвержденію урока въ памяти ученика и къ обращенію знаній такъ сказать въ плоть и кровь его. (Для болѣе взрослыхъ учениковъ замѣною повтореній могли служить занятія ихъ съ младшими, разумѣется подъ руководствомъ учителя).

(*) Мы вполнѣ можемъ положиться на достовѣрность этого преданія. «Степенныя Книги», изъ которыхъ мы его заимствовали, получили свое начало отъ митр. Кипріана, жившаго при Дмитріѣ Донскомъ, а послѣдняя редакція и окончаніе ихъ принадлежатъ митр. Макарію, жившему при Іоаннѣ Грозномъ. Сличая понятія о воспитаніи, заключенныя въ этомъ преданіи, съ понятіями, начинавшими уже господствовать въ тѣ времена, когда оно было по видимому впервые записано, мы должны будемъ заключить, что оно неподдѣльное: судя по Домострою и другимъ памятникамъ, современнымъ «Степеннымъ книгамъ», въ воспитаніи того времени начали уже преобладать розга и бичь, а слѣд. будучи сочиненіемъ того-же времени, и не болѣе древняго, наставленіе митрополита, подобно Домострою, поощряло-бы эти «суровыя» средства воспитанія; но оно напротивъ ихъ *запрещаетъ*. Вотъ на какомъ основаніи мы придаемъ особый вѣсъ этому преданію!

8) Нравственное совершенствованіе учениковъ достигается бесѣдами и разсужденіями съ ними о законѣ господнемъ, подкрѣпляемыми безъ сомнѣнія примѣромъ наставниковъ и учителей.

Вотъ по какой прекрасной и глубоко-задуманной программѣ заведены были у насъ первыя училища! Понятно уже по самому ходу дѣла, что первыми учителями въ нихъ были лица духовнаго званія, преимущественно болгаре, а можетъ быть и греки. Но къ этимъ послѣднимъ и тогда уже русскіе не имѣли особаго довѣрія, считая ихъ народомъ «льстивымъ», т. е. обманщиками (въ лѣтописи нерѣдки выраженія въ родѣ: «се-же молвяше имъ *(епископъ)*, *льсть тая въ собѣ*: бяше бо родомъ *гречинъ*». Ипат. сп. Лѣт.). Преданія наши называютъ нѣкоторыхъ учителей по именамъ, напр. Леонтія въ Ростовѣ, Ефрема въ Новѣгородѣ.

Народъ сначала недоброжелательно смотрѣлъ на эти новыя затѣи: лѣтопись повѣствуетъ, что матери отобранныхъ дѣтей плакали по нимъ точно по мертвецамъ. Но лѣтописецъ тутъ-же, какъ-бы въ оправданіе имъ и для показанія, что въ его времена подобнаго плача уже не было, прибавляетъ «онѣ еще не были тверды въ вѣрѣ». Иногда дѣло не ограничивалось бабьими слезами. Въ нашихъ преданіяхъ есть разсказъ о томъ, что св. Леонтій, прибывъ въ 992 г. въ Ростовъ и видя людей застарѣвшихъ въ невѣріи, оставилъ стариковъ пребывать въ немъ, а младенцевъ призвалъ къ церкви и «сладостно кутіею кормляше» училъ ихъ и крестилъ. Родителямъ отобранныхъ дѣтей это до того не понравилось, что они даже вооружились чѣмъ ни попало и пошли на св. Леонтія съ цѣлью не только изгнать его, но даже и убить. Вѣроятно бывали подобные случаи и въ другихъ городахъ. Но скоро, какъ увидимъ впослѣдствіи, взглядъ народа на этотъ предметъ совершенно измѣнился.

Кромѣ обученія въ училищахъ существовало и обученіе частное, по крайней мѣрѣ у князей и знатнѣйшихъ бояръ, у которыхъ по обычаю того времени церкви стояли на ихъ-же дворахъ. Такъ вел. кн. Владиміръ Святой далъ своимъ дѣтямъ домашнее воспитаніе: онъ отпускалъ ихъ на удѣлы не иначе, какъ научивши предварительно грамотѣ. Списатель житія Свв. Бориса и Глѣба такъ рисуетъ намъ это воспитаніе: Отпустивъ сыновей на удѣлы, Владиміръ оставилъ Бориса и Глѣба при себѣ, потому что они были еще дѣтьми. Глѣбъ былъ еще совсѣмъ ребенокъ, но умомъ какъ взрослый, а Борисъ имѣлъ разумъ просвѣщенный *благодатью божіей (такъ въ старину назы-*

вали грамоту!) Потому-то онъ хватался за книги и читалъ: грамота была уже ему извѣстна. Читалъ-же онъ житія и мученія святыхъ и произнося вслухъ молился со слезами. Видя-же его постоянно молящимся и святой Глѣбъ всегда прислушивался къ его словамъ, сидя безотлучно около Бориса и по цѣлымъ днямъ и ночамъ внимая ему. Такъ одинъ былъ пріохоченъ дѣятельностью другого. Вскорѣ Борисъ былъ женепъ и посланъ на княженіе въ Ростовъ. Глѣбъ по молодости еще учился, и мы, зная въ тоже время, что Ярославъ былъ посланъ на удѣлъ уже грамотнымъ, должны заключать, что и всѣ дѣти Владиміра были грамотны. Кромѣ-же грамоты врядъ-ли и учили чему-нибудь въ тѣ времена: нельзя-же назвать обученіемъ письму—простое дозволеніе *рабски* копировать рукописи (чему доказательство—незнаемые намъ *юсы*, перешедшіе къ намъ изъ Болгаріи), и обученіемъ пѣнію—введеніе болгарскаго напѣва, въ которомъ всего какія нибудь три ноты въ ходу и который такимъ образомъ болѣе похожъ на чтеніе на распѣвъ, чѣмъ на пѣніе. Болѣе обширные размѣры приняло обученіе уже при Ярославѣ Владиміровичѣ Мудромъ.

Грамотѣ въ тѣ времена обучали не только не такъ, какъ мы теперь обучаемъ, но и не такъ, какъ обучаютъ ей въ нашемъ простонародьѣ. Объ азбукѣ въ смыслѣ школьнаго учебника нѣтъ и помину до самаго конца XV в. Объ ней не упоминаютъ ни лѣтописцы, ни списатели житій святыхъ, ни былины, ни какія-нибудь другіе памятники: вездѣ говорится объ отдачѣ прямо «въ наученіе книжное», книгамъ учитися, «грамотѣ учиться», учити книжному писанію и т. п.,—но нигдѣ ни слова объ азбукѣ. Нѣтъ даже и косвенныхъ намековъ: такъ напр. при упоминовеніи о школахъ нѣтъ ни слова о подраздѣленіяхъ этихъ школъ, какъ это находимъ въ западныхъ памятникахъ; тамъ были abecedarii, syllabarii etc., о чемъ въ нашихъ памятникахъ нѣтъ и помину. Наконецъ, что особенно важно въ данномъ случаѣ, отъ древности нашей не осталось ни одной азбуки, между тѣмъ какъ этого всего естественнѣе было-бы ожидать при книгахъ несомнѣнно служившихъ не только настольными у каждаго грамотника, но чуть-ли и не единственными учебными,—именно при псалтири обыкновенной и особенно толковой.

Сколько намъ извѣстно, впервые упоминается объ азбукѣ въ Посланіи Архіепископа Новгородскаго Геннадія (Гонзова) къ Московскому Митрополиту Симону (относится къ концу XV в.). Описавъ существующій въ новгородской епископіи способъ обученія грамотѣ прямо

по псалтирю и указывая злоупотребленія имъ порождаемыя, Геннадій говоритъ: » а *мой* совѣтъ о томъ, что учити въ училищѣ, *первое азбука граница* истолкована совсѣмъ, да и почтительныя слова, да псалтыря сослѣдованіемъ накрѣпко (*слѣд. тоже самое, но уже посль азбуки, къ которой очевидно и относились слова:* мой совѣтъ): и коли то изучитъ, можетъ послѣ того проучивая и конорхати, и чести всякыя книги.» Этотъ очевидно новый для того времени способъ обученія грамотѣ, въ которомъ псалтирю должна была предшествовать азбука, былъ вѣроятно слѣдствіемъ иноземнаго вліянія (*). До него наши предки учились грамотѣ тоже по псалтирю, но безъ азбуки: даже врядъ-ли всѣ знали буквы въ азбучномъ порядкѣ (**).

(*) Это замѣчаніе мы основываемъ на слѣдующихъ словахъ покойнаго проф. С. Шевырева: «Мы имѣемъ превосходное описаніе Геннадіевской Библіи, составленное профессорами Горскимъ и Новоструевымъ..... Двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Нееміи, Товіи, Іудиѳь, Премудрости Соломона, двѣ книги Маккавейскія *переведены съ латинской Вульгаты* и носятъ на себѣ слѣды варварскихъ латинизмовъ. Самое расположеніе книгъ ветхозавѣтныхъ, согласное съ Вульгатою, заставляетъ думать, что это полное собраніе книгъ библейскихъ въ одинъ кодексъ совершено было тогда, когда изданіе латинской Вульгаты въ XV вѣкѣ стало распространяться на западѣ и *дошло до насъ*..... Первыя девять главъ книги Есѳирь переведены прямо съ Еврейскаго и переводъ носитъ слѣды *польскаго происхожденія*; но вторая половина тойже книги, не сохранившаяся на языкѣ еврейскомъ, переведена съ латинской Вульгаты» и пр. (Ист. Рус. Слов. ч. IV, стр. 49) и далѣе «Переводъ Маккавейскихъ книгъ съ латинскаго совершонъ былъ, по повелѣнію Геннадія, *доминиканскимъ* монахомъ Веніаминомъ, который былъ родомъ славянинъ» (ib. стр. 134—135).

(**) Это наше личное мнѣніе, основанное на предлагаемыхъ здѣсь соображеніяхъ. — Извѣстно, что въ славянскомъ переводѣ священныхъ книгъ остались нѣкоторыя греческія слова только по двумъ причинамъ: *или* это были слова священныя, которыя не хотѣли профанировать, напр. евангеліе, просфора и т. д.; *или* для нихъ не находили равносильнаго по значенію слова, напр. синедріонъ, василискъ и пр. Существованіе при этомъ условіи текста «Азъ есмь альфа и омега» должно кажется показать, что эти греческія названія первой и послѣдней буквы алфавита остались у насъ потому, что въ нашей азбукѣ не было столь-же строго опредѣленныхъ первой и послѣдней буквы. Къ томуже заключенію о неопредѣленности мѣстъ, занимаемыхъ буквами, приво-

Но какъ-же именно учились грамотѣ наши предки?

Вотъ что арх. Геннадій даетъ для опредѣленія этого способа въ разсказѣ объ экзаменахъ, производимыхъ имъ ставленникамъ: «А се приведутъ ко мнѣ мужика и азъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и по тому *одва бредетъ*, и язъ его оторку (т. е. откажу ему) и они извѣтъ творятъ: «земля, господине, такова: не можетъ добыти кто-бы гораздъ грамотѣ»; они-де здѣсь то всю землю излаяли, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого-бы избрати на поповство.» Народъ слѣдовательно жалуется только на то, что нѣтъ «гораздыхъ» въ грамотѣ; Геннадій-же далѣе скорбитъ и о томъ, что «се мужики невѣжи учатъ робятъ, да рѣчь ему испортитъ *(Геннадій былъ москвичь)*, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша, да гривна денегъ, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ: *только то бредетъ по книгѣ*, а церковнаго постатія ничего не знаетъ,» Такимъ образомъ и народъ и Геннадій жалуются собственно не на самый способъ обученія грамотѣ, а на злоупотребленіе имъ, которое послѣдній и думаетъ устранить введеніемъ въ употребленіе азбуки.

Сличая это свидѣтельство съ другимъ, отдаленнымъ отъ него періодомъ времени въ 5 вѣковъ, именно со свидѣтельствомъ паннонскаго житія св. Кирила (принадлежащаго X вѣку) мы можемъ отчасти угадывать этотъ способъ. Выше намъ привелось уже выписать это древнее свидѣтельство по иному случаю; для разнообразія представляемъ теперь его подлинникъ (тамъ былъ переводъ): «Обрѣте-же ту *(Кирилъ въ Херсонесѣ Таврическомъ)* евангеліе и псалтирь русскымы письмены писано, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи пріимъ, *своей бесѣдѣ прикладаа различнаа письмена, гласнаа и согласнаа*, и къ Богу молитву творя, вскорѣ начатъ чести и сказати, и мнози ся ему дивляху, Бога хваляще». Конечно списатель этого житія не могъ вообразить се-

---

дитъ насъ и неодинаковая послѣдовательность буквъ въ азбукѣ и въ цифири (напр. θ, ψ, ξ). Къ томуже ведетъ и существованіе слова алфавитъ не соотвѣтствующаго слову азбука, потому что на Руси есть выраженіе: расположить *азбуку* по *алфавиту*.

бѣ иного способа обученія грамотѣ какъ тотъ, который былъ въ его время во всеобщемъ употребленіи. Поэтому мы съ вѣроятностью можемъ полагать, что обученіе грамотѣ совершалось такимъ образомъ: ученикъ сначала заучивалъ первый и послѣдующіе за нимъ псальмы, глядя только въ книгу и слѣдуя глазами за указкой учителя; потомъ при помощи учителя ученикъ сличалъ одинаковыя слова, одинаковые слоги и наконецъ одинаковыя буквы, распознавая сначала гласныя, потомъ и согласныя. Учебнымъ руководствомъ для этого служила сначала псалтирь, послѣ нея переходили къ чтенію евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ, наконецъ житій святыхъ (вѣроятно по І. Дамаскину, — «Палѣи» въ переводѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго); знаніе ветхаго завѣта считалось еще тогда роскошью и ставилось въ особую честь пріобрѣтшимъ его (см. житіе Ѳеодосія Печерскаго и другихъ въ началѣ Патерика Кіевскаго).

Что предки наши способны были создать подобную методу обученія грамотѣ, что они хорошо и отчотливо различали звуки соотвѣтственные той или другой буквѣ, — доказательствомъ тому могутъ служить между прочимъ и замѣчанія монаха Храбра (X в.) о произношеніи, высказанныя имъ что называется «въ пользу и назиданіе учащагося россійскаго юношества» и столь глубокія, какъ напр. это: «Тѣмъ бо *(грекамъ)* подобяся св. Кирилъ створи пръвое писмя *азь*. Но яко и пръвому сощоу письмени азь, и отъ Бога даноу родоу словѣнскомоу на отвръстие оустъ, *въ разоумъ оучящимся буквамъ* великомъ раздвиженіемъ оустъ възгласится, а она писмена (*т. е. греческія*) маломъ раздвиженіемъ оустъ възгласятся и исповѣдаются.» Почемъ знать — быть можетъ наша первая метода обученія грамотѣ была чѣмъ-то въ родѣ нынѣшней звуковой методы? Основаніе къ тому можно пожалуй искать: въ особой способности русскихъ къ подражанію звукамъ, которой мы издавна тщеславились; въ возможности, — чуть-ли не для однихъ славянъ существующей, — произносить звуки состоящіе изъ однихъ или изъ многихъ согласныхъ: влкъ, слвнъ, дрво, члвѣкъ и т. п.; въ переносѣ такихъ звуковъ въ новую строку какъ: бе-з, свѣ-тъ, хлѣ-бъ и пр.; въ частомъ употребленіи буквы ъ для вставокъ въ срединѣ словъ: пръвое, отвръстие и т. п.; наконецъ и въ употребленіи созвучій замѣняющихъ у насъ рифмы; а главное — въ существованіи и до сихъ поръ остатковъ этой методы даже при обычномъ обученіи «буки-аз-ба». Вотъ

что говоритъ объ этомъ графъ А. Н. Толстой (Ясн. Пол., Февраля 1862 г., стр. 16): «Дьячокъ, мужикъ, учащій по старому «*азъ-буки*» почти всегда догадается объяснить ученику безгласность согласной и скажетъ, что въ «*буки*» выговаривается только «*бъ*». Я видѣлъ мужика, учившаго своего сына, объяснявшаго «*бъръ*», и потомъ снова продолжавшаго учить по складамъ и толкамъ.» Этому свидѣтельству мы не можемъ не вѣрить.

Кромѣ грамоты врядъ-ли чему-нибудъ учили въ школахъ Владиміра; за то многому стали учить въ школахъ Ярослава Владиміровича Мудраго, его сына. Тотъ, по выраженію лѣтописца, «взора и умягчивъ, рекше крещеніемъ просвѣтивъ», а Ярославъ «насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а *мы пожинаемъ* ученіе пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную; се суть исходища мудрости: книгамъ бо есть неисчотная глубина: сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть якоже и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ господень; мои съвѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость; мною цареве царствуютъ, а силніи пишутъ правду, мною вельможи величаются и мучители держать землю; азъ любящіи мя люблю, ищущи мене обрящутъ благодать. Аще бо поищети въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящети великую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужи; почитая *пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостольская, житье святыхъ отецъ*, въспріемлетъ душа велику пользу. Ярославъ-же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви св. Софьи, юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными, въ ней-же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И ины церквы ставляше *по градомъ и по мьстомъ*, поставляя попы и *дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди*, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, люды хрестьянстіи (Лавр. сп.)» (*)

(*) Мы нарочно выписали все это мѣсто цѣликомъ изъ лѣтописи, чтобы напомнить читателю красоту несторовскаго слога: онъ со свои-

Свидѣтельство Нестора въ томъ, что онъ и его современники («*мы*») пожинали плоды ученія книжнаго, насѣяннаго Ярославомъ въ сердцахъ *вѣрныхъ* людей, дастъ намъ право судить о школахъ Ярославовыхъ по плодамъ принесеннымъ ими въ XII вѣкѣ (Несторъ жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ). Чтоже это за плоды были? «При семъ Ярославѣ», говоритъ Никоновская лѣтопись, » начатъ вѣра христианскаа разширятися и плодитися, и черноризцы начаша множитися, и монастыри начаша быти.» А вотъ что говоритъ о монастыряхъ незабвенный И. В. Кирѣевскій:

«Обширная русская земля даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ-бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе. Безразлично составляясь изъ всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества духовенство въ свою очередь во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на Св. Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII в. уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностью томовъ едва могла равняться первая тогда на Западѣ библіотека парижская; что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ также свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки европейскіе..... что въ уединенной тишинѣ

ми современниками «пожиналъ» плоды того ученья книжнаго, словесами котораго были, по его-же собственному выраженію, насѣяны сердца русскихъ людей по распоряженію Ярослава.

монашескихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались—и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ словенскіе переводы тѣхъ отцовъ церкви, глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва-ли каждому нѣмецкому профессору любомудрія придутся по сивамъ мудрости (хотя можетъ-быть не сознается въ этомъ); наконецъ когда мы вспомнимъ, что эта русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь русскую, что не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ (*увы! уже около шестисотъ!*) прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся мыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего: — этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ, — хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ монастыри «народными школами и высшими университетами», и онъ правъ: монастыри встарь были не только хранилищами знаній богословскихъ, но и разсадниками знаній свѣтскихъ: историкъ Несторъ, математикъ Кирикъ, лѣчецъ Агапитъ и др. служатъ наглядными тому доказательствомъ.

IV. Образованность по былинамъ о богатыряхъ Владиміра Красна-Солнышка

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію мнѣній нашихъ о книжномъ ученіи во времена великаго князя Ярослава, считаемъ необходимымъ сообщить нашимъ читателямъ тѣ черты древняго обученія, которыя и до сихъ поръ живы въ изустно-передаваемыхъ

былинахъ о временахъ Владиміра Краснаго–Солнышка. Главнымъ образомъ здѣсь рисуется вѣроятно конецъ его княженія и начало XI в., слѣд. собственно княженіе Ярослава, которое попало въ былины впослѣдствіи на томъ-же основаніи какъ и воспоминаніе о набѣгахъ татарскихъ: это ни болѣе, ни менѣе, какъ признакъ того, что Ап. Григорьевъ называетъ «растительной поэзіей». Пѣсня (или былина), переходящая изъ рода въ родъ, совершенно подобна снѣжному кому, катящемуся по полянѣ покрытой рыхлымъ снѣгомъ: что́ ни оборотъ, комъ принимаетъ все новыя и новыя снѣжинки, ростетъ и ростетъ, но не измѣняется въ сущности, а только увеличивается. Древность происхожденія этихъ былинъ несомнѣнна, хотя и не вес входящее въ составъ ихъ относится къ одному и тому–же времени: анахронизмы здѣсь не рѣдки, но за то не особенно трудно и отличать къ какому именно времени относится тотъ или другой анахронизмъ. Богатыри являющіеся въ этихъ былинахъ не всѣ грамотны, и сравненіе грамотныхъ съ безграмотными покажетъ намъ какъ уже и въ то время начиналъ смотрѣть народъ нашъ на грамотность. Возьмемъ въ соображеніе только наиболѣе обрисовавшихся богатырей: Илью Муромца Ивановича, Добрыню Никитича, Алёшу Поповича и Василья Пьяницу (иначе Ваську Долгополаго) (*). Мы не станемъ подробно говорить о каждомъ изъ нихъ, полагая, что они извѣстны нашимъ читателямъ, и ограничимся только указаніемъ тѣхъ чертъ въ ихъ образахъ, которыя окажутся нужными для нашихъ спеціальныхъ цѣлей. Припомнимъ, что лучшіе изъ нихъ, — именно первые два, любимѣйшіе въ нашемъ народѣ, — грамотны: объ Ильѣ Муромцѣ говорится:

Владиміръ князь стольный Кіевскій
Подаетъ ярлыки скорописчаты:
Принялъ Илья *самъ* прочитывалъ;

про Добрыню Никитича:

(*) Былины объ этихъ четырехъ богатыряхъ занимаютъ два первыхъ выпуска: «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изд. Общ. Люб. Рос. Словесности. Москва. 1860.» Ср. Сочиненія К. С. Аксакова, т. I: «Богатыри временъ вел. кн. Владиміра».

А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его *матушка* грамотѣ учиться;
А грамота Никитичу въ наукъ пошла;
Присадила его *матушка* перомъ писать...

Мы нарочно подчеркнули въ обоихъ мѣстахъ слово *матушка*, которое по-видимому совершенно противорѣчитъ лѣтописному сказанію, въ сущности однако совершенно его подтверждаетъ: матери тогдашнія плакали только «пока не были еще тверды въ вѣрѣ». Впослѣдствіи онѣ и сами кое-чему учились и стали заботиться о просвѣщеніи другихъ, какъ это мы увидимъ изъ дальнѣйшихъ замѣтокъ. Можно догадываться, что около Добрыни, какъ около богатаго барича, были собраны и другія дѣти въ качествѣ его дружины, вѣроятно дѣлившей съ нимъ не однѣ потѣхи, но и труды. Сряду послѣ выписанныхъ нами стиховъ слѣдуютъ такіе:

А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною храброю
Во тѣ жары петровскіе.

Въ этихъ стихахъ мы видимъ не только свидѣтельство о существованіи дружины у Добрыни, но и то, что она была у него именно какъ у знатнаго барича еще недавнопрошедшихъ временъ крѣпостного права, въ качествѣ дѣтей, раздѣлявшихъ его труды въ продолженіе года и его гуляньки (каникулы?) въ жары петровскіе, т. е. въ лѣтніе мѣсяцы, на которые школьники увольнялись отъ ученья, какъ у насъ такъ и за границей, со временъ незапамятныхъ. Что дружина эта состояла не изъ взрослыхъ, а именно изъ дѣтей, служившихъ товарищами и сподружниками Добрыни, доказательствомъ тому можетъ служить не только то весьма впрочемъ важное обстоятельство, что мать его высказываетъ свои опасенія и наставленія не этой дружинѣ (какъ бы слѣдовало ожидать, еслибы въ ней были люди взрослые), а именно Добрынѣ самому, — но сверхъ того и удостовѣренія Васьки Пьяницы, что

....во тавлеи во вальящеты.... (*)
Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
Съ *малыми ребятами* игрывалъ....
Съ *малыми ребятушками* ба́рывался....
Изъ *маленькихъ* лучишекъ пострѣливалъ....

Остальные два изъ названныхъ нами богатырей, — худшіе, — безграмотны:

Возговоритъ Алёша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичъ!
«Въ грамотѣ поучоный человѣкъ!
«Посмотри на каменю подписи:
«Что на каменю подписано?»

Очевидно, что самъ не могъ онъ этого сдѣлать по безграмотности. Безграмотность Васьки Пьяницы (замѣтьте и эти полуимена «Алеша», «Васька»: грамотныхъ величаютъ по изотчеству) видна изъ того, что отправляясь въ посольство онъ проситъ князя Владиміра дать ему «братца названнаго»,

Да ужъ молода Добрыню Никитича:
Добрыня отца-матери хорошаво,
Добрыня роду-племени *ученово*.

Съ какой-бы стати онъ вздумалъ отмѣтить эту особенность *учености* въ Добрынѣ, еслибы онъ самъ былъ ученымъ? (*).

(*) Въ шашки или въ шахматы (безразлично) рѣзныя. Замѣчательно, что это единственная игра дозволенная въ семинаріяхъ и вообще въ духовныхъ училищахъ настоящаго времени.

(*) Не знаю съ какой стати достопочтенный А. С. Хомяковъ, говоря о Васькѣ Пьяницѣ (см. Соч. т. I., стр. 488), отмѣтилъ безъ всякихъ объясненій въ скобкахъ «(дьяка и грамотѣя)». Изъ этого противопоставленія Васькѣ Добрыни какъ «учоново» видно, что самъ Васька — неучь. Между тѣмъ ошибка А. С. перешла и въ «Пѣсни, собр. П. В. К.», гдѣ въ замѣчаніяхъ ко второму выпуску г. П. Без-

Не трудно замѣтить, что все лучшее и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи приписывается именно грамотнымъ. Хотя сила и природой дается, но не совершенная; сила развитая, ловкость, пораждающая полную надежду на хорошій исходъ боя и тѣмъ самымъ дѣлающая человѣка смѣлымъ,—наконецъ изящество пріемовъ—пріобрѣтаются воспитаніемъ. Всѣ четверо богатырей чудовищно сильны; но Алеша Поповичь и Васька Пьяница не полагаются на свою силу. Первый беретъ въ большинствѣ случаевъ обманомъ: такъ онъ въ одной пѣснѣ переодѣвается калѣкой перехожимъ, притворяется глухимъ и подманивъ къ себѣ такимъ образомъ Тугарина убиваетъ его измѣнически (замѣтьте, грамотный Екимъ Ивановичъ, товарищъ Алеши, тутъ-же выставляется болѣе смѣлымъ: онъ открыто начинаетъ бой, принявъ переодѣтаго въ чужое платье Алешу за настоящаго Тугарина); въ другой пѣснѣ онъ заставляетъ Тугарина передъ боемъ оглянуться и убиваетъ его опять-таки измѣнически сзади, пользуясь этой минутой. Въ грамотныхъ былины хотя и допускаютъ нѣкоторыя, такъ называемыя военныя хитрости, но прикрываютъ ихъ «шляпой греческой»; такъ о Добрынѣ былины говорятъ, что во время купанья схватилъ его разъ змѣище-Горынище:

— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ! —
Молился Добрыня Никитичь младъ:
«А и гой еси змѣище, Горынчище!
«Не честь, хвала молодецкая,
«На нагое тѣло напущаешься»!
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитича,
А грабится онъ ко жолту песку,
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку жолтаго:
Налетѣлъ на него змѣй Горынчище...

соновъ называетъ эту догадку А. С. «свойственной ему одному проницательностію» и толкуетъ о передачѣ Васькѣ «грамотъ», тогда какъ въ былинѣ говорится исключительно только о даняхъ и пошлинахъ!!..

...На то-то Добрынюшка не робокъ былъ:
Бросаетъ *шляпу земли греческой*
Со тѣми пески жолтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.

Здѣсь все-же болѣе человѣческое надувательство и притомъ употребленное безоружнымъ противъ нападающаго, а не самимъ нападающимъ. У безграмотныхъ совсѣмъ не то. Васька Пьяница въ одной пѣснѣ боится вступить въ открытой бой съ татарами, которыхъ самъ-же задѣлъ; въ другой — отказывается бороться и стрѣлять изъ лука, предоставляя и то и другое Добрынѣ. Причина подобныхъ явленій и въ томъ и въ другомъ (въ Алешѣ и въ Васькѣ) не ничтожность силы,—они богатыри первостепенные,—а только недостатокъ воспитанія физическаго (гимнастики своего рода; должно полагать, что она ограничивалась играми въ бабки, въ мячь, въ ланту и пр., борьбою «на подрѣзъ», стрѣляніемъ изъ лука и т. п.) и нравственнаго, по русскому понятію неразрывно связанныхъ съ ученіемъ книжнымъ: учась грамотѣ Добрыня, по приведенному выше свидѣтельству, «съ малыми ребятушками барывался», «изъ маленькихъ лучишекъ пострѣливалъ» и пр. Безногій сидень Илья Муромецъ тоже получилъ физическое воспитаніе и,—не можемъ не подивиться здѣсь простотѣ и естественности народнаго творчества,—получилъ его чудомъ отъ каликъ перехожихъ, которымъ хотѣлъ дать милостыню: гдѣ-же ему сидню иначе-то было взять его? какія возможны были для сидня упражненія тѣлесныя? А все-же необходимость ухода, необходимость физическаго воспитанія видна и здѣсь: калики даютъ Ильѣ силу сначала слишкомъ большую, но тотчасъ-же выправляютъ эту ошибку, уменьшивъ вполовину его колосальную силу, — явный знакъ, что нужна сила только нормально развитая, а не чудесная. Точно также и въ нравственномъ отношеніи: у грамотныхъ и умъ, и сердце, и воля, — словомъ все лучше, чище чѣмъ у безграмотныхъ. У однихъ—спокойная величавость, невозмутимое хладнокровіе, гуманныя отношенія ко всѣмъ, особенно къ женщинамъ и къ врагамъ, уваженіе къ церкви, къ родителямъ и пр. У другихъ (безграмотныхъ) гаденькая плутоватость и пошлыя хитрости, неправильныя отношенія къ женщинамъ и къ обществу (Добрыня уѣзжая говоритъ женѣ:

Не ходи за Алешу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка (*соблазнителя*),
За судейскаго перелестничка,

т. е. сбивающаго судей съ толку, заставляющаго ихъ не право вершить дѣла, разумѣется соблазняя ихъ чѣмъ-нибудь), угнетеніе того, кто подъ силу пришолся (напр. Васька Пьяница бьетъ и обираетъ растерявшихся посланцевъ Владиміра) и т. п.

Былины до того много сообщаютъ о древнихъ грамотникахъ, что можно даже указать на что именно обращено было особое вниманіе при книжномъ ученіи. Такъ былины предполагаютъ въ грамотныхъ: образованіе религіозное—

Онъ крестъ кладетъ *по-писанному*,
Онъ поклонъ кладетъ *по-ученому*;

образованіе нравственное; напр. объ отношеніяхъ Добрыни къ другимъ—

У Добрыни вѣжство рожденное и *ученое*,

которое между прочимъ выражается въ гуманномъ обращеніи его съ калѣками, заподозрѣнными въ кражѣ. Алеша Поповичъ съ этими-же самыми калѣками обратился грубо и невѣжливо, чѣмъ и показалъ, что вѣжства не только *ученово*, но и *рожденнаго* у него нѣтъ:

У Алеши *вѣжство не рожденное*, —
Онъ сталъ съ калѣками здорити:
Обличаетъ ворами-разбойниками;

между тѣмъ какъ:

У Добрыни вѣжство рожденное (*т. е. хорошій темпераментъ*) и *ученое*:
Настигъ онъ калѣкъ во чистомъ полѣ,
Скочилъ съ коня, самъ *бьетъ челомъ*:

«Гой еси, Касьянъ Михайловичь (*)!
«Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра:
«Прикажи обыскать калики перехожіе,
«*Нѣтъ-ли промежду васъ глупаго*»?

. . . . . .

(Ставлю здѣсь строку точекъ, чтобы читатель могъ вдоволь и хорошенько подумать о предметѣ весьма важномъ и весьма близкомъ къ нашей спеціальности, именно о словахъ напечатанныхъ курсивомъ).

Затѣмъ былины отмѣчаютъ въ грамотныхъ образованіе политическое; объ этомъ есть свидѣтельство Васьки Пьяницы, который сказавъ, что

Добрыня роду племени учопово,

продолжаетъ какъ-бы въ поясненіе:

Умѣетъ Добрыня слово молвити,
Передъ тѣмъ царемъ Батыремъ поклонитися,
Поклонитися умѣтъ и *похвалитися*,

т. е. потолковать о государственныхъ дѣлахъ, отъ чего безграмотный Васька отказывается. Илья Муромецъ не видитъ для себя препятствія идти посломъ и слѣд. тоже умѣетъ поклонитися и похвалитися передъ царемъ чужеземнымъ.

(*) Это тоже грамотный; объ немъ говорится:
Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Вынималъ изъ сумы *книжку свою*,
Посмотрѣлъ и число показалъ:
«Что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся,
«Уже третій день въ доходѣ идетъ,
«И пора намъ, молодцы, въ путь идти»!

Не должно-ли это показать намъ, что у каликъ былъ обычай вести дневники. Вспомните Данііла-Паломника съ дружиной:

Наконецъ отмѣчается у грамотныхъ и эстетическое образованіе. Изящество Добрыни и (отчасти) Ильи Муромца въ пріемахъ и нарядахъ и пр.; сверхъ того Добрыня поетъ и играетъ на гусляхъ, да еще какъ! Сейчасъ-же виденъ не простой гусляръ:

Что не быть это удалой скоморошины,
А кому ни надо быть русскому
Быть удалому доброму молодцу!

Такъ и слышно человѣка хорошо обучонаго:

Учалъ по стрункамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ-то онъ во Царѣградѣ (*т. е. по-цареградски*)
А наигрышъ (*т. е. содержаніе*) беретъ въ Кіевѣ;
Отъ стараго всѣ, да до малаго,
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули и т. д.

Все это приписывается далеко не всѣмъ богатырямъ вообще, а исключительно однимъ грамотнымъ, именно потому что всѣмъ имъ, какъ и Добрынѣ,—

Грамота Никитичу *въ наукъ* пошла.

Несторъ говоря о пожинаемыхъ имъ и его современниками плодахъ ученія книжнаго, введеннаго на Руси Ярославомъ, перечисляетъ только, какъ мы уже видѣли, «пророческія бесѣды, евангельскія ученья и *апостольская* (т. е. дѣянія и посланія), житія святыхъ отецъ.» Былины говорятъ о несравненно болѣе обширномъ курсѣ. Какъ согласить эти противорѣчія? Да такъ, что тутъ въ сущности противорѣчія никакого нѣтъ: Несторъ говоритъ только о своихъ познаніяхъ; а онъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ не ученой и все его образованіе ограничивалось только знаніемъ грамоты и начитанностью

по исторіи, пріобрѣтенной имъ уже впослѣдствіи (это былъ И. А. Полевой своего времени: геніальный мужъ если угодно, умѣвшій и свои способности, и свои познанія приложить къ дѣлу). Вѣроятно онъ былъ только въ школѣ первоначальнаго обученія: «грубъ сы и неразумиченъ,» говоритъ онъ о себѣ, «къ симъ–же яко и не бѣхъ учонъ *ни коеиже хитрости*». Былины–же говорятъ объ образованіи высшемъ, «хитростяхъ», законченномъ и быть можетъ тогда уже не всякому доступномъ, какъ не всякому доступно теперь образованіе университетское: былины говорятъ о «лучшихъ», т. е. наиболѣе достаточныхъ людяхъ страны.

Характеръ Ярослава можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ справедливости сохраненныхъ былинами преданій. Охотникъ до книгъ, не имѣвшій однако подъ руками книгъ русскихъ, Ярославъ *долженъ былъ* заботиться о распространеніи языковѣдѣнія. Что онъ и дѣйствительно *заботился* объ этомъ, — яснымъ тому доказательствомъ служатъ его собственныя дѣти: Изяславъ, вѣчно окружонный иностранцами и ищущій у нихъ спасенія въ случаѣ крайней надобности прибѣгнуть къ кому-нибудь за помощью (вспомните его отношенія къ ляхамъ), и Всеволодъ, который по завѣщанію его сына Владиміра Мономаха: «отецъ мой, дома сидя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ-бо честь есть отъ инѣхъ земль», т. е. изъ тщеславія изучилъ пять иностранныхъ языковъ. Сверхъ того, великій строитель земли русской, — онъ при его просвѣщонномъ разумѣ не могъ не заботиться о нравственномъ, общественномъ и политическомъ образованіи русскаго люда: и слѣды того мы находимъ въ ярославовой «Русской Правдѣ». Воитель и охотникъ, онъ долженъ былъ любить пѣніе, сопровождавшее по обычаямъ того времени и побѣды, и хорошіе ловы: въ дѣйствительности мы видимъ въ его княженіе «пѣніе сладкогласное», которому учились русскіе у грековъ. Строитель храмовъ божеству, предпочтенному имъ предъ божествами, въ поклоненіи которыхъ онъ воспитывался, — онъ долженъ былъ явиться поклонникомъ изящества и благолѣпія, и дѣйствительно являлся такимъ, оставивъ по себѣ въ Кіевѣ соборъ Софійскій: «украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными». «Сребро Ярославле», набившее оскомину нашимъ ученымъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ, должно показать, что онъ не лишонъ былъ соображенія и на счотъ знаній математическихъ: заведеніе

монеты всегда и вездѣ служило признакомъ распространенія знаній математическихъ. Словомъ: Ярославъ имѣлъ весьма разнообразныя научныя стремленія и всѣ эти стремленія должны были отразиться на его школахъ.

Ив. Григорьевъ.

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Въ пятницу 25-го сентября умеръ нашъ другъ и сотрудникъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (*).

Потеря его для насъ велика и незамѣнима. Многое еще не досказано имъ; многое, высказанное мимоходомъ, не получило достодолжнаго развитія.

Чтобы понять и вѣрно оцѣнить жизнь и литературную дѣятельность Григорьева, надо уяснить себѣ его основныя воззрѣнія, или, вѣрнѣе и лучше, вѣрованія. Мнѣ кажется я не ошибусь, если скажу, что основой его личности была полная, безъ поворота, *вѣра въ жизнь* и *вѣра въ искусство*, какъ въ одно изъ главнѣйшихъ выраженій жизни. Вѣра въ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ жизнь безустанно развивающуюся, по своимъ основымъ извѣчнымъ законамъ; въ жизнь, которую нельзя затиснуть въ рамку никакой — какъ-бы

(*) Авторъ говоритъ здѣсь какъ-бы отъ лица редакціи. Дѣйствительно, по нашей просьбѣ написалъ онъ эту оцѣнку дѣятельности и литературныхъ заслугъ покойнаго и дорогого сотрудника нашего Какъ ближайшій изъ друзей покойнаго онъ полнѣе и удобнѣе другихъ могъ исполнить эту обязанность.
Ред.

умна она ни была — теоріи; въ вѣчно юную и любящую, постоянно обманывающую строгія, но сухія выкладки ума,—въ то, что покойный называлъ *ироніей жизни*.

И такъ, не предписывать законы ей надо, а съ любовью изучать ихъ; не учить, но поучаться. Не съ легкой насмѣшливостью, а съ благоговѣніемъ надо приступать къ этому изученію. Тутъ дѣло въ томъ, чтобы понять, вѣрно оцѣнить данное явленіе; оцѣнить жизненное–ли оно, коренное явленіе, или наносное, механическое; изучить исторію его развитія; по мѣрѣ силъ, постигнуть основные законы этого развитія; но законы эти не ставить мѣркой другимъ подобнымъ явленіямъ, не считать ихъ безусловно–справедливыми; жизнь не справляется о нашихъ выводахъ; *жизнь творитъ*. И потому–то всякое проявленіе жизни нужно судить, по вѣщему слову пѣвца Полка Игорева, «по былинамъ сего времени, а не позамышленію Бояню».

Какъ легко и удобно объясняется жизнь по мѣркѣ извѣстной теоріи и какъ трудно изучать ее, открывать ея собственные сокровенные законы! Легко объяснять исторію человѣчества простыми случайностями, механическимъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, особенно глупостію и неразвитостію предковъ; но не легко разгадать законы ея развитія, — то какъ постепенно раскрывались они. Какъ легко, во время оно, объяснялась, напримѣръ, исторія земнаго шара! Геологическій переворотъ, вслѣдствіе чисто–механическихъ причинъ,—и начинается новый періодъ. Неизмѣримо труднѣе понять органическую связь двухъ періодовъ, разъяснить, что послѣдующій есть высшая степень развитія предъидущаго!

Механическое, разсудочное объясненіе обыкновенно удовлетворяетъ многихъ, преимущественно скудно—одаренныхъ жизненными силами и скудныхъ мышленіемъ; ктому–же льститъ амбиціи: «какъ это они такъ цѣлые вѣка бьются, а я такъ скоро все это взялъ да и понялъ.» Мѣщанство было всегда не только закоренѣлымъ врагомъ, но и *исказителемъ* науки. Но не такой человѣкъ былъ Аполлонъ Григорьевъ, чтобы успокоиться подобными объясненіями. Онъ не удовлетворялся поверхностнымъ знаніемъ; онъ не могъ, въ угоду теоріи, не замѣчать жизненнаго явленія, когда оно тутъ, передъ глазами, громко кричащее о своемъ существованіи. Ему требовалось изучить его, опредѣлить точно, безъ всякой предвзятой идеи. Не отъ предмета, не отъ частнаго явленія шла его мысль, а къ предмету, къ изученію частнаго явленія.

Чтобы вполнѣ и достодолжно оцѣнить критическую дѣятельность покойнаго нужно также показать, какъ зародились въ немъ его воззрѣнія, какой источникъ оживилъ его мысль.

Бываютъ времена, когда жизнь громко заявляетъ свои требованія; когда прежнія спокойныя, отшлифованныя и отполированныя, воззрѣнія не удовлетворяютъ людей; когда чувствуется потребность *новаго*, живаго *слова;* когда условныя понятія тяготятъ; когда хочется жить не однимъ разсудкомъ, а всѣмъ существомъ, т. е. жить взаправду; когда хочется постигнуть тайну жизни не сухимъ логическимъ путемъ, а всѣмъ душевнымъ и сердечнымъ строемъ; когда мысль и слово становятся живыми, поэтическими, одухотворенными.

Такова была великая эпоха, выразителемъ стремленій которой былъ великій учитель людей Шеллингъ. Это было *вѣяніе*, охватившее все живое и свѣжее. Органическій взглядъ на природу и человѣческую жизнь, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ,—такова основа этого ученія. Что такое организмъ? Это есть нѣчто цѣльное, недѣлимое, законченное въ самомъ себѣ; монада, развивающаяся по своимъ собственнымъ, присущимъ ей, законамъ. Не внѣшнія причины строятъ организмъ, а онъ самъ развивается изнутри; не внѣшнія обстоятельства механически видоизмѣняютъ его, а онъ приспособляется къ нимъ; онъ вступаетъ съ ними въ борьбу, онъ силится раскрыть свои законы.

Все это теперь, такъ сказать, наглядно выяснено естественными науками, — но не изъ почастнаго изученія явленій природы выведенъ этотъ законъ; изученіе въ этомъ случаѣ шло высшимъ и болѣе живымъ путемъ: отъ мысли къ предмету, а не на оборотъ. Философія Шеллинга породила такъ называемую *натурфилософію*, ученіе, которое Александръ фонъ Гумбольдтъ называлъ *умственными сатурналіями*, не постигая какой великій толчокъ дало оно естественнымъ наукамъ (*).

Но вліяніе Шеллинга не было въ одну сторону; оно было слишкомъ жизненно и много-объемлюще, чтобы ограничиться сферой од-

(*) Стоитъ вспомнить *метаморфозу растеній* Гёте, сперва осмѣянную натуралистами, но горячо принятую натурфилософами; далѣе — его же и Океновскую теорію черепа, поддержанную Стефаномъ Жоффруа-Сентъ-Илеромъ, и послужившую образцомъ для обширнѣйшихъ изслѣдованій; наконецъ самую теорію Дарвина, соотвѣтствующую давно провозглашенному натурфилософами закону постепеннаго развитія органическихъ формъ.

*

нихъ какихъ-нибудь наукъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ подробно, но надо указать, какъ русская мысль откликнулась на это ученіе, какъ охватило ее это *вѣяніе*.

Ученіе Шеллинга не давало сухихъ логическихъ формъ; его нельзя было механически прилагать; оно требовало живого проникновенія, конгеніальнаго пониманія.

Подъ плодотворнымъ вліяніемъ этой-то философіи началось самостоятельное изученіе русской жизни. Уже нельзя было легкомысленно относиться къ русской исторіи, зачеркивать весь допетровскій періодъ ея, и находить его глупымъ потому только что онъ не подходилъ подъ законы чуждыхъ намъ европейскихъ государственныхъ организмовъ, другими словами — потому только что мы сами не умѣли смотрѣть на него. Надо было начать изучать это своеобразное развитіе, отыскать его своеобычные законы и признать законность его бытія; опредѣлить вліяніе постороннихъ причинъ, разъяснить безсиліе ихъ относительно коренныхъ основъ народной жизни.

Русская мысль проснулась и внятно заявила свою самостоятельность; тотчасъ-же получился и соотвѣтственный результатъ, весьма не маленькій; именно: что мы совсѣмъ забывали про одну, не совсѣмъ-то маловажную силу русской земли — про русскій народъ.

Это заявленіе было встрѣчено противной партіей ярыми, и нельзя сказать чтобы совсѣмъ честными, нападками. Славянофилы имѣли то нравственное преимущество въ этомъ спорѣ, что хорошо знали чего они сами хотятъ и чего хотятъ ихъ противники; но западники совершенно не понимали своихъ противниковъ и ограничивались грубыми насмѣшками надъ зипунами, мурмолками и т. д. Печальная исторія, продолжающаяся даже до сегодня.

О народѣ, о томъ народѣ, на котораго Бѣлинскій почти сердился за его упрямую оригинальность — заговорили съ почтеніемъ; начали съ любовью изучать его исторію и бытъ, его пѣсни и былины. Тамъ, гдѣ прежде видѣли одну закоснѣлую грубость, — тамъ оказались высокіе нравственные идеалы; тамъ гдѣ видѣли одну неуклюжую неумѣлость и почти неспособность къ гражданскому обществу, съ удивленіемъ увидѣли зародыши такихъ общественныхъ формъ, которыя оказались высокими даже для утопистовъ и избраннѣйшихъ друзей человѣчества западной цивилизаціи; и главное, что особенно было обидно для господъ, принявшихъ петровскій переворотъ за высшую фазу внутренняго развитія, — заподозрѣна была вообще состоятель-

ность западной цивилизаціи и ея идеаловъ по приложимости ихъ къ русской жизни и по отношенію къ зачаткамъ самостоятельнаго русскаго просвѣщенія.

Это умственное движеніе не могло не имѣть вліянія на впечатлительную и страстную натуру Аполлона Александровича. Собственно говоря, западникомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не былъ. Если одно время, при первомъ пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1844 году, онъ и казался западникомъ, то это надо приписать съ одной стороны молодости его, а съ другой сильному вліянію нѣкоторой энергической и таинственной личности, о которой онъ, къ сожалѣнію, разсказывалъ весьма мало, думая вполнѣ характеризировать ее въ своихъ «Скитальчествахъ».

Въ этомъ великомъ дѣлѣ пробужденія русской мысли и самостоятельнаго изученія проявленій русской жизни, Аполлону Григорьеву выпало на долю быть разъяснителемъ развитія русскаго искусства и преимущественно литературы; любопытно въ этомъ отношеніи прослѣдить развитіе его собственной мысли; къ сожалѣнію, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ я не могу изложить этого развитія подробно, какъ потому, что мнѣ хочется теперь сказать единственно о его заслугахъ вообще, въ общей цѣльной картинѣ, такъ и потому, что подобное дѣло требуетъ времени и особеннаго изученія.

Что-жъ новаго сказалъ Григорьевъ, какъ критикъ? Новость была во взглядѣ на искусство, какъ на органическое и уже потому одному совершенно законное произведеніе народной жизни, какъ на одно изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ выраженій этой жизни. Ясно, что при такомъ основномъ взглядѣ нельзя было ограничиться повтореніемъ заповъ, или приложеніемъ какой-бы то ни было эстетической теоріи къ произведеніямъ русской поэзіи. Тутъ мало было изученія народной поэзіи, мало было изученія литературы, — тутъ нужно было особое чутье, конгеніальность. Надо было живьемъ прочувствовать, полюбить всею душою и всѣмъ сердцемъ, постигнуть не букву, а самую суть дѣла.

Взглядъ Григорьева былъ противуположенъ и взгляду Бѣлинскаго послѣднихъ годовъ, т. е. *полезнаго искусства*, такъ сказать *нравоучительнаго* и дилетантическому (или гастрономическому, какъ онъ называлъ его) взгляду *искусства для искусства*. Свою критику онъ назвалъ «органической» критикой, т. е. такой, которая разсматриваетъ искусство, какъ органическое произведеніе народной жизни;

даннаго художника, какъ болѣе или менѣе сильнаго и полнаго выразителя этой жизни, и данное художественное произведеніе, какъ органическое произведеніе внутренняго міра самого художника, живущаго въ связи съ народною жизнію, — не навѣянное ему извнѣ, не сочиненное однимъ головнымъ процессомъ, а созданное почти также безсознательно, какъ творитъ сама мать-природа. Этотъ взглядъ не примирялъ, въ обыкновенномъ смыслѣ, двухъ вышеназванныхъ теорій; онъ не старался согласовать ихъ; онъ обнималъ бо́льшій горизонтъ, онъ смотрѣлъ на дѣло жизненнѣе, свободнѣе, шире и правдивѣе обѣихъ предъидущихъ взглядовъ. Разсудочныя доказательства теорій оказались несостоятельными передъ разумностію этого взгляда.

Этотъ взглядъ силёнъ тѣмъ, что онъ шолъ строго-научнымъ путемъ, путемъ новой науки, основателемъ которой былъ Шеллингъ Аполлонъ Григорьевъ положилъ основанія *научной* критики. Теорія «полезнаго» искуства не въ силахъ объяснить высшихъ проявленій искуства, она ихъ устраняетъ, не хочетъ знать, (*) но устраненіе не значитъ объясненіе; оно обнаруживаетъ несостоятельность мысли; смѣшно сердиться на фактъ, смѣшно ругать и поносить его, единственно на томъ основаніи, что онъ не подходитъ подъ мѣрку теоріи. На какой жалкой ступени стояли-бы науки, если-бы всѣ такъ обращались съ фактами. Что если-бы натуралистъ, встрѣчая новое явленіе, игнорировалъ-бы, умышленно пропускалъ его и его значеніе мимо очей, единственно потому что оно не удобо-изъяснимо съ точки зрѣнія его теоріи? Такъ-бы до сихъ поръ намъ и оставаться напр. при теоріи истеченія свѣта, признавши ее вѣнцомъ человѣческой мудрости. Это невозможно, скажутъ многіе, но это къ несчастію въ полной силѣ для искуства.

Передъ вами Гомеръ, передъ вами Дантъ, передъ вами Шекспиръ, — и чѣмъ вы отдѣлываетесь? Тѣмъ, что это глупости, или поделикатнѣе изображенія человѣческой глупости. Какое жалкое объясненіе! «Намъ они безполезны, долой ихъ!» слышатся восклицанія.

Что если-бы натуралистъ встрѣтивъ кость какого нибудь ископаемаго звѣря, динотеріума, ихтіозавра, или какого другого, предло-

---

(*) Она должна ихъ устранять чтобъ быть логичною и съ собой согласною — еслибъ даже того и не хотѣла, еслибъ сама натура критика лично вооружалась противъ того всею своею жизненностію. Примѣръ, — Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей дѣятельности. *Ред.*

жилъ-бы вопросъ: на что она полезна? или сталъ-бы объяснять кажущуюся причудливость формъ этихъ животныхъ глупостію и не умѣлостію природы? если-бъ онъ предложилъ природѣ вопросъ: зачѣмъ дескать было дѣлать такую глупость и создавать такихъ чудищъ, когда можно творить болѣе приличныхъ животныхъ?

Общій смѣхъ встрѣтилъ-бы такого умника. Отчего-же въ дѣлѣ критики не общій смѣхъ встрѣчаетъ поклонниковъ полезнаго искуства? Отчего простые научные пріемы становятся не понятны въ приложеніи къ высшимъ сферамъ знанія? Правда, приложеніе ихъ въ этомъ случаѣ гораздо труднѣе, требуетъ большой осторожности и тонкости. Но развѣ это недостатки?

Отчего научный терминъ, въ правильномъ его приложеніи, встрѣчаетъ недовѣріе или даже насмѣшку, напр. въ выраженіи *органическая критика*, и терпится тамъ, гдѣ онъ совершенно неприложимъ и постоянно употребляется съ оговорками, наприм. *органическая химія*?

Отчего та точка зрѣнія, которая объясняетъ, изучаетъ, выводитъ законы, — въ меньшемъ почотѣ чѣмъ та, которая отвергаетъ факты и сердится на нихъ? Отвѣтъ ясенъ: оттого, что первая труднѣе и требуетъ большой умственной работы, а вторая легка и никакой работы не требуетъ, а единственно *охоты*.

Гомеръ напр. вполнѣ понятенъ съ точки зрѣнія органической критики, какъ выраженіе, полное и органически родившееся, жизни древней Греціи. Это—великій остатокъ уже исчезнувшей формаціи жизни человѣчества. Его можно изучать со всевозможныхъ сторонъ; онъ даетъ возможность понять этотъ древній періодъ развитія, выражать его въ нашемъ умѣ и воображеніи. Нечего спрашивать: «для чего Гомеръ? Зачѣмъ Гомеръ?» Онъ правъ, тѣмъ что ужъ онъ есть.

Мы видимъ изъ Гомера, что сущность человѣческаго духа таже отъ вѣка, хотя проявленія были другія; своеобразная красота его божественныхъ пѣсенъ жива и понятна для насъ, какъ будетъ жива и понятна еще много вѣковъ. А этотъ драгоцѣнный памятникъ прошлой жизни человѣчества не цѣнится у насъ ни въ грошъ, считается *безполезнымъ!*

Мудростью вѣка считается обозвать Гомера какимъ нибудь позорнымъ именемъ! И легко, и работы мысли не требуетъ, и деньги за это платятъ.

И такъ, органическая критика смотритъ на художественныя произведенія, какъ на организмы, какъ на произведенія извѣстной народ-

ной почвы. Ясно, что она будетъ старательно отличать всѣ произведенія наносныя, не имѣющія ни какого отношенія къ народной жизни. Эти наносныя произведенія тоже на народномъ организмѣ, что пыль на листѣ дерева; они смываются первымъ дождемъ и о нихъ нѣтъ больше помину. Народный организмъ можетъ быть въ ненормальномъ состояніи, какъ всякій другой, и давать болѣзненный плодъ. Внѣшнія вліянія могутъ его изъязвить, но не могутъ измѣнить его сущности; она измѣняется или, вѣрнѣе, раскрывается по своимъ собственнымъ законамъ.

Одинаковость метода органической критики и естественныхъ *органическихъ* наукъ повела неминуемо къ одинаковости терминовъ.

Григорьевъ плохо зналъ естественныя науки и тѣмъ удивительнѣе его способность удачно примѣнять ихъ термины. Положительно нѣтъ ни одного неудачнаго и это объясняется единствомъ исхода отъ Шелинговой философіи.

Напр., что можетъ быть удачнѣе названія *растительная* поэзія, по примѣненію къ поэзіи народной. Какъ лучше выразить эту непосредственную нераздѣльность отъ почвы, эту распространяемость мотивовъ, эти варьяціи ихъ по мѣстностямъ, напр. переходъ мажорнаго напѣва серединныхъ губерній въ минорный степовыхъ, совершенно анологичные съ разновидностями и распредѣленіемъ видовъ растеній; наконецъ этотъ извѣстный фазисъ народной жизни, когда поэтическія народныя силы творятъ таинственно — совокупно, не высылая отдѣльныхъ личностей — поэтовъ.

Или возьмемъ другой терминъ, надъ которымъ такъ усердно смѣялись во время оно многіе, даже не глупые люди, именно *допотопныя явленія* въ литературѣ? Что такое ископаемыя животныя относительно нынѣ существующихъ, мамонтъ относительно слона? Мамонтъ, развѣ это не зачаточная форма, высшее развитіе которой слонъ? Берите не звукъ, а смыслъ слова. Развѣ нѣтъ подобныхъ отношеній между развитымъ художникомъ — заклинателемъ своихъ силъ и его предшественникомъ, гдѣ тѣ-же силы не пришли еще въ равновѣсіе, не окончательно развились, такъ сказать еще въ зачаткѣ; развѣ относительно вполнѣ развитаго художника, художникъ-предшественникъ, который не могъ сладить съ своими силами не является уродливостью (*). Названіе допотопнаго явленія въ литера-

(*) Ибо уродливость есть ничто иное, какъ недоразвитіе формы, или развитіе одной части на счотъ другой; нестройное, хотя и органическое развитіе.

турѣ можетъ вамъ показаться страннымъ по отношенію къ явленіямъ слишкомъ близкимъ; но возьмите для сравненія два болѣе отдаленныя явленія, напр. Шекспира и Эсхила, и сравните ихъ. Тогда вы поразитесь мѣткостію термина и глубиной скрывающейся подъ нимъ мысли.

Такихъ терминовъ введено Аполлономъ Григорьевымъ много, и каждый изъ нихъ имѣетъ строго — опредѣленный научный смыслъ. Онъ былъ большой мастеръ группировать явленія и потому рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ даннаго. Стоитъ вспомнить, что онъ напр. первый взглянулъ на Пушкина, какъ на поэта *народнаго*, что онъ не голословно сказалъ это, а вывелъ изъ изученія произведеній великаго поэта; что онъ показалъ, почему наша литература послѣ Пушкина имѣла извѣстный характеръ и какія частности Пушкинскаго таланта развила она. — Равно первый Григорьевъ-же показалъ знаніе характера Чацкаго; онъ первый отнесся къ Чацкому не съ полемической стороны, а объективно изучая его. Значеніе Гоголя также сильно разъяснено имъ. Гоголя до него считали писателемъ *бытовымъ*, въ полномъ смыслѣ слова, и онъ первый ясно указалъ на эту громадную ошибку. А это очень важно.

Говорятъ, что Григорьевъ увлекался и былъ пристрастенъ. Во первыхъ, безусловная безпристранность есть выдумка и вздоръ ограниченныхъ людей, а во вторыхъ, мало произносить голословно такія обвиненія; надо было-бы доказать ихъ, да доказать научно, съ полнымъ знаніемъ мнѣнія противника. Кто не увлекался? Есть-ли живъ человѣкъ въ полѣ? Мы стоимъ только за то, что увлеченія Григорьева были жизненнѣе и сочувственнѣе, чѣмъ увлеченія многихъ другихъ.

Такъ Григорьевъ не могъ никогда увлечься, подобно высокоталантливому Добролюбову, и признать Гончаровскаго Штольца за какое-то нравственное совершенство, а бюрократическое произведеніе г. Гончарова за рѣшеніе, окончательное и безапеляціонное, вопроса о русскомъ человѣкѣ, единственно по случаю встрѣчающагося въ этомъ произведеніи слова: обломовщина. (*)

(*) Это и потому еще, что Григорьевъ былъ шире Добролюбова, шире глубже и несравненно богаче одаренъ природою, чѣмъ Добролюбовъ. Добролюбовъ былъ очень талантливъ, но умъ его былъ скуднѣе чѣмъ у Григорьева, взглядъ несравненно ограниченнѣе. Эта узкость и ограниченность составляли

Во время восхваленій Штольца, Григорьевъ въ небольшой замѣткѣ, при разборѣ Дворянскаго Гнѣзда, необыкновенно вѣрно характеризировалъ Штольца, какъ продуктъ татарско-нѣмецкой цивилизаціи.

Вспомните, какъ смѣялись надъ Григорьевымъ за его *новое слово*, за то, что онъ признавалъ Островскаго громаднымъ талантомъ,— а теперь кто-же сомнѣвается въ этомъ? И съ каждымъ днемъ опредѣленіе Островскаго, сдѣланное Добролюбовымъ, какъ описателя *Темнаго царства*, становится несостоятельнѣе, а опредѣленіе Григорьевское *какъ писателя бытоваго* получаетъ все большій и большій кругъ поклонниковъ.

Ставить увлеченія въ упрекъ человѣку, значитъ не знать человѣческой природы; кто ни разу не увлекался, тотъ ни разу не говорилъ правды.

Работая въ этомъ направленіи, Григорьевъ боялся, чтобы новые результаты работы не приняли формы законченной теоріи. Вотъ почему изъ славянофиловъ съ самымъ большимъ сочувствіемъ онъ относился къ Хомякову. Ясный и многосторонній умъ Хомякова былъ также противъ замкнутости теоріи; стоитъ прочесть напр. его глубокія замѣчанія на прекрасныя статьи И. В. Кирѣевскаго, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Само собою разумѣется, что противная партія относилась къ Аполлону Александровичу также, какъ къ славянофиламъ. Мнѣ не случалось встрѣчать ни одного дѣльнаго возраженія; всегда грубая насмѣшка, крайнее непониманіе, а въ послѣднее время намеки на то, что Григорьевъ страдалъ отъ запоя.

Если литература относилась къ Григорьеву — не знаю какъ выразиться правильнѣе и въ то-же время понѣжнѣе — ну словомъ, не

отчасти даже силу Добролюбова. Кругозоръ его былъ у́же, видѣлъ и подмѣчалъ онъ меньше, слѣд. и передавать и разъяснять ему приходилось меньше и все одно и тоже; такимъ образомъ, онъ, само-собою, говорилъ понятнѣе и яснѣе Григорьева. Скорѣе договаривался и сговаривался съ своими читателями чѣмъ Григорьевъ. На читателей мало знакомыхъ съ дѣломъ Добролюбовъ дѣйствовалъ неотразимо. Не говоримъ уже о его литературномъ талантѣ, бо́льшемъ чѣмъ у Григорьева, и энтузіазмѣ слова. Чѣмъ у́же глядѣлъ Добролюбовъ, тѣмъ, само-собою, и самъ менѣе могъ видѣть и встрѣчать противурѣчій своимъ убѣжденіямъ, слѣд. тѣмъ убѣжденнѣе самъ становился и тѣмъ все яснѣе и тверже становилась рѣчь его, а самъ онъ самоувѣреннѣе. *Ред.*

хорошо и не умно, за то въ массѣ читателей у него много было поклонниковъ; Григорьевъ часто не довѣрялъ, чтобы это была правда, но за то не разъ приходилось ему разувѣряться въ этомъ недовѣріи; особенно поразилъ его одинъ молодой натуралистъ, оказавшійся не только большимъ почитателемъ его таланта, но и большимъ знатокомъ его произведеній.

— «Вотъ ужъ не ожидалъ», простодушно сказалъ ему Григорьевъ,» я могъ еще предположить, что не всѣ меня ругаютъ, что не всѣ-же пропитались новѣйшей мудростью пяти книжекъ, — но чтобъ были люди, которые очевидно слѣдятъ за моей дѣятельностію, помнятъ мои статьи, — признаюсь этого я не ожидалъ. Значитъ я еще не совсѣмъ ненужный человѣкъ.»

Извѣстно, что мысль о томъ, что онъ ненужный человѣкъ часто преслѣдовала Григорьева и онъ даже не разъ высказывалъ это печатно.

Не могу удержаться, чтобы не разсказать одного случая, чрезвычайно характернаго для объясненія отношеній литературы къ дѣятельности Аполлона Александровича.

— «Скажите, пожалуйста», спрашивалъ одного изъ друзей покойнаго одинъ изъ нашихъ почтенныхъ литераторовъ (хотя и не изъ стоящихъ во главѣ нашей литературы, но и не подъ каблуками ея башмаковъ), который, конечно, не упускалъ случая неблагосклонно отозваться въ печати о дѣятельности Григорьева, — «скажите, пожалуйста, что это Григорьевъ пишетъ: дѣлаетъ ли онъ разборы сочиненій, или все это одна философія?

— «Что означаетъ это: одна философія?» спросили его.

Почтенная личность нѣсколько сконфузилась и отвѣчала: «ну, понимаете, я слово философія употребилъ, какъ оно часто въ разговорѣ употребляется.»

Т. е. въ смыслѣ глупости?

И сей любопытный литераторъ, конечно, не стыдился и впредь бранить того, чьихъ статей онъ за недосугомъ не читалъ.

Изъ предъидущаго читатель могъ видѣть, какъ органически стройно развивалась мысль Григорьева, разумно необходимый ходъ ея. Строгая научная послѣдовательность, вытекавшая изъ жизненности основнаго воззрѣнія, полное и всестороннее развитіе идеи—вотъ что характеризировало-бы его письма о «Парадоксахъ Органической Критики», если бы смерть не прервала его дѣятельности.

Кромѣ критической, главной стороны литературной дѣятельности Григорьева, есть еще сторона довольно замѣчательная,—это его поэтическая дѣятельность. Не говорю о его первыхъ повѣстяхъ, гдѣ видно, что человѣкъ еще не можетъ совладать съ собою, что онъ ищетъ настоящаго пути,—но стоитъ вспомнить о его поэмахъ. Его поэмы могутъ служить вполнѣ для характеристики его личности; таковы «Venezia la bella» (Современникъ, 1858, ноябрь), «Борьба» (Сынъ Отечества 1857) разсказъ о Сальвини «Великій Трагикъ» (Русское Слово, 1859, январь) и «Вверхъ по Волгѣ» (Русскій Міръ). Вотъ что онъ говоритъ о себѣ:

Какой-то странникъ вѣчный я...
Меня осѣдлость не прельщаетъ,
Меня минута увлекаетъ...
Ну, хоть минута да моя!...
А тамъ... а тамъ суди Владыко!
Я знаю самъ, что это дико,
Что это къ ужасамъ ведетъ...
Но переспоришь-ли природу?
Я въ жизни вѣрю лишь въ свободу,
Невѣдомъ вовсе мнѣ расчотъ...
Я вѣчно, не спросяся броду,
Какъ омежно́й кидался въ воду.

И дѣйствительно, расчотъ былъ не вѣдомъ ему. Ни разу онъ не пожертвовалъ своими убѣжденіями, ради расчота. Это можно сказать прямо и смѣло.

Не зачѣмъ, я думаю, скрывать того обстоятельства, что Григорьевъ страдалъ запоемъ, хотя нельзя не осудить о преждевременномъ заявленіи объ этомъ его литературными противниками, которые хотѣли пронять его если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Этотъ

Недугъ, котораго причину
Давно-бы отыскать пора

сразилъ преждевременно не одну талантливую личность. Имъ страдали поэты Полежаевъ и Мей, актеръ Мочаловъ, литераторъ Помяловскій. Независимо отъ нравственныхъ причинъ,—это просто физическая болѣзнь, которая приноситъ больнымъ великія страданія. Эта болѣзнь несетъ за собою крайнее разстройство всего организма, безсонницу,

нервное раздраженіе, сопровождающееся галюцинаціями. Не отъ радости и не для радости пьютъ такіе люди. Не чревоугодіе тянетъ ихъ къ вину. Есть еще люди, любящіе нравственно дразнить и мучить себя; но кромѣ самыхъ ярыхъ фанатиковъ, никто нарочно не станетъ подвергать себя страшнѣйшимъ физическимъ страданіямъ.

Я упомянулъ о болѣзни Аполлона Григорьева, потому что печатно не только смѣялись надъ нею (на извѣстной степени развитія, люди охотно смѣются надъ несчастіями ближнихъ), но намекали даже на его грязную жизнь вообще.

Защищать или разбирать частную, особенно семейную жизнь, какого бы то ни было современника мы считаемъ не позволительнымъ.

Конечно, болѣзнь не могла-же совершенно покорить живого и сильнаго человѣка. Много было-пережито Григорьевымъ и умственно, и нравственно! Прочтите его «Борьбу», прочтите его «Venezia la bella», о которой онъ позже такъ вспоминалъ:

Да! было время... Я иной
Любилъ любовью; образъ той
Въ моей «Venezia la bella»
Похороненъ; была чиста,
Какъ небо, страсть и пѣсня та —
Молитва: Ave Maria stella!

—

Чтобъ снова мигъ хоть пережить
Той чистой страсти, чтобъ вкусить
И счастья мукъ, и муки счастья,
Безъ сожалѣнья-бъ отдалъ я
Остатокъ бѣдный бытія
И всѣ соблазны сладострастья.

Эта, обыкновенно называемая «несчастной» любовь, была безъ сомнѣнія его самымъ счастливымъ воспоминаніемъ. Въ сонетѣ, написанномъ при окончаніи перевода Ромео и Джульеты, онъ снова вспоминаетъ о ней, говоря:

И все-же ты, далекій призракъ мой,
Въ твоей бывалой, дѣвственной святынѣ,
Передъ очами духа всталъ нѣмой,
Карающій и гнѣвно-скорбный нынѣ,
Когда я трудъ завѣтный кончилъ свой.

Ты молніей сверкнулъ въ глухой пустынѣ
Больной души... Ты чистою струей
Протекъ внезапно по сердечной тинѣ,
Гармоніей святою вторгся въ слухъ,
Потрясъ въ душѣ сѣдалище Ваала —
И все, *на что насильно былъ я глухъ*,
По ржавымъ струнамъ сердца пробѣжало
И унеслось — «куда мой падшій духъ
Не досягнетъ» — въ обитель идеала.

Съ друзьями онъ былъ всегда одинаковъ; нельзя сказать, чтобы онъ скоро сходился; если это и случалось, то такая поспѣшная дружба не долго продолжалась. Онъ былъ всегда доступенъ и терпѣть не могъ литературнаго генеральства. Не смотря на свои такъ называемыя увлеченія, Григорьевъ былъ чрезвычайно строгъ къ произведеніямъ своихъ друзей; если что ему не нравилось, то онъ говорилъ прямо, не обинуясь и часто довольно рѣзко. Всѣ художники, болѣе или менѣе близко знавшіе покойнаго, конечно, подтвердятъ мои слова.

Считаю излишнимъ распространяться объ огромномъ (въ полномъ смыслѣ слова) образованіи покойнаго; читатели могли видѣть это изъ его статей. Нужно было удивляться: чего онъ только не зналъ, какого только автора не читалъ. И не одну русскую литературу зналъ онъ хорошо; неменьше русской зналъ онъ и французскую, и нѣмецкую, и итальянскую, Байрона и Шекспира.

Онъ обладалъ великимъ свойствомъ: умѣньемъ выслушивать и вполнѣ понимать мысль собесѣдника; вотъ отчего съ нимъ было такъ легко и пріятно говорить.

Взглядъ его на природу отличался глубокою религіозностію, глубокимъ религіознымъ *пантеизмомъ* если можно такъ выразиться. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Привыкли плоть дѣлить мы съ духомъ...
Но тотъ, *кто слышитъ чуткимъ ухомъ*
Природы пульсъ... будь жизнью чистъ
И не пороченъ передъ Богомъ,
А все-же, взявши въ смыслѣ строгомъ,
— И онъ *частенько пантеистъ*.
И пантеистъ еще во многомъ.

Въ одно изъ послѣднихъ нашихъ свиданій, читая мнѣ свой переводъ «Ромео и Джульеты», онъ указывалъ на глубокій пантеизмъ всѣхъ великихъ поэтовъ, на это страшное сплетеніе мотивовъ жизни и смерти, которое такъ ярко выступаетъ напр. въ монологѣ Джульеты передъ тѣмъ, когда она принимаетъ снотворный напитокъ, или въ монологѣ Ромео, передъ отравленіемъ.

— «Да, правъ Шеллингъ», заключилъ онъ, «смерть есть только начало новаго фазиса развитія; начало новой метаморфозы».

Выше я упомянулъ о его поэтической дѣятельности; онъ цѣнилъ ее по отношенію къ *искренности* мотивовъ, но охотно сознавался, что это, собственно говоря, только матерьялы для художественныхъ созданій. Но поэтическая струя у него была сильна и она нашла себѣ прекрасный исходъ въ переводѣ Байрона и особенно Шекспира. Безъ сомнѣнія, его переводы Шекспира, необыкновенно оригинальные по пріему, но вѣрные по духу (и даже буквально вѣрные) могутъ быть поставлены наравнѣ съ лучшими переводами А. В. Дружинина, А. Кронеберга и началомъ перевода «Бури» Л. А. Мея.

Мнѣ случилось слышать престранный приговоръ его переводу «Сна въ лѣтнюю ночь», который такъ высоко ставилъ покойный А. В. Дружининъ (а его, кажется, нельзя упрекнуть въ непониманіи Шекспира). Упрекъ этотъ былъ сдѣланъ господиномъ, собиравшимся издавать Шекспира и даже чуть-ли не переводить (не зная подлинника) и состоялъ въ томъ, что переводъ сдѣланъ «*слишкомъ по русски*» (буквальное выраженіе).

Смѣлость въ передачѣ образовъ подлинника и составляетъ достоинство хорошаго перевода. Дружининъ, при переводѣ Лира, боялся этой смѣлости, желая приблизить Шекспира къ пониманію публики, но за то Лиръ—самый неудачный изъ его переводовъ, и онъ самъ отказался отъ этой методы при переводѣ Коріолана (лучшій его переводъ), Ричарда III и короля Джона. Равно, этою-же смѣлостью отличается удачнѣйшій переводъ А. Кронеберга: «Много шуму изъ пустяковъ».

При переводѣ, Григорьевъ старался оригинальною рѣчью передать характеры Шекспировскихъ лицъ. Это особенно ему удалось въ Ромео и Джульетѣ, гдѣ Ромео, Джульета, Кормилица, Старый Капулетъ, Меркуціо, слуги — всѣ говорятъ свойственнымъ имъ языкомъ и гдѣ характеры переданы въ совершенствѣ. Григорьевъ въ послѣднее время собирался неприлежнѣе заняться Шекспиромъ. Окончивъ «Ромео и Джульету» онъ хотѣлъ приняться за «Мѣра за Мѣру».

Читатель, надѣюсь, извинитъ меня за нѣкоторыя неровности и шероховатости моей статьи; это объясняется, какъ поспѣшностью работы, такъ и близостью самой смерти Григорьева. Всѣ мы, друзья его, еще не успѣли опомниться отъ этого удара....

Считаю нелишнимъ замѣтить слѣдующее: въ нѣкоторыхъ некрологахъ сказано, что Ап. Ал. былъ въ послѣднее время редакторомъ «Якоря»; это несправедливо; Ап. Ал. оставилъ это изданіе еще въ январѣ, хотя его имя подписывалось подъ названнымъ журналомъ.

Вполнѣ увѣрены, что многіе съ сочувствіемъ отзовутся о покойномъ. Намъ дорого, конечно, только сочувствіе тѣхъ людей, дѣятельности которыхъ мы сами сочувствуемъ, какъ напр. намъ дороги нѣсколько теплыхъ строкъ о Григорьевѣ И. С. Аксакова въ послѣднемъ номерѣ «Дня».

Мы желаемъ только одного, чтобы его противники осуждали его *не голословно*; это важно, ради самого ихъ дѣла.

Заключаю тѣми-же двумя стихами, которыми началъ, и которые такъ любилъ покойный:

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій! (*).

Дм. Аверкіевъ

6-го октября.

(*) Полная (возможно) біографія и оцѣнка дѣятельности покойнаго будетъ приложена къ изданію его сочиненій.

ЗАМѢТКИ ЛѢТОПИСЦА

АВГУСТЪ

Народное чувство Московскихъ Вѣдомостей

Этотъ предметъ вѣроятно затрогивалъ вниманіе всякаго мыслящаго читателя. «Московскія Вѣдомости» не рѣже всякаго другого органа говорятъ о народномъ чувствѣ, о чувствѣ русской народности, какъ объ основѣ, на которой должны созидаться и съ которой должны сообразоваться всѣ наши мысли и желанія. Къ сожалѣнію пониманіе этого чувства «Московскими Вѣдомостями» всегда оставляло желать нѣсколько большей ясности и опредѣленности. Недавно эта газета имѣла случай сдѣлать по этому предмету нѣкоторыя объясненія,

Вотъ это любопытное мѣсто (№ 195):

Въ насъ видятъ какую-то *уродливую случайность*, а вся бѣда состоитъ только въ томъ, что мы, чувствуя себя въ глубинѣ души Русскими, нераздѣльно съ тѣмъ и также глубоко *чувствуемъ свою связь съ европейской цивилизацей*. Намъ простили бы если-бы чувство русской народности было у насъ *темнымъ фанатизмомъ*, дикою страстью, или тѣмъ что называется *квасным патріотизмомъ*. На насъ не обратили-бы вниманія, если-бы это чувство *развивалось у насъ въ фантазіи и вопреки здравому смыслу*. Но намъ не могутъ простить то, что въ нашихъ понятіяхъ *русское дѣло есть дѣло цивилизаціи и человѣчества*, что мы въ тоже время остаемся въ предѣлахъ *здраваго смысла и на землѣ*. Такое сочетаніе кажется крайне неудобнымъ для всѣхъ нашихъ

сепаратистовъ; оно является досадною *неожиданностію*.. Допускается имѣть какіе угодно идеалы и цѣли; но отнюдь не можетъ быть допущено живое, искреннее и толковое убѣжденіе, что *истинный прогрессъ въ Россіи возможенъ только на основаніи русской народности, что русское государство можетъ сохранить силу и пріобрѣсти желаемое благоустройство только въ качествѣ русскаго государства, что политика русскаго правительства можетъ не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначенію, какъ принимая все болѣе и болѣе національный характеръ.*

Въ этихъ важныхъ словахъ, которыми «Московскія Вѣдомости» опредѣляютъ *свое* чувство русской народности, ту форму этого чувства, которая только имъ свойственна, которая дала имъ силу, преимущественно передъ другими лицами и органами, весьма много справедливаго. Дѣйствительно, когда въ Европѣ узнали о пробужденіи нашего народнаго чувства, то какъ на разительный примѣръ силы этого чувства тамъ часто указывали на то, что даже г. Катковъ, человѣкъ извѣстный истинно европейскимъ просвѣщеніемъ и либерализмомъ, стоитъ на сторонѣ народнаго движенія и отнюдь не сочувствуетъ полякамъ. По понятіямъ Европы тутъ было противорѣчіе, которое ее удивляло и раздражало, такъ какъ оно такъ или иначе бросало тѣнь на польскій мятежъ, давало понять, что просвѣщеніе и либерализмъ не стоятъ неминуемо за это дѣло. Такимъ образомъ голосъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ польскомъ дѣлѣ пріобрѣталъ особенную силу, какъ голосъ людей просвѣщенныхъ и либеральныхъ. Тѣмъ важнѣе для насъ узнать и понять форму, которую приняло въ умахъ такихъ людей народное чувство. «Московскія Вѣдомости» даютъ много отрицательныхъ чертъ этой формы. Они говорятъ, что они не впадали въ темный фанатизмъ, въ дикую страсть, или въ то, что называется квасным патріотизмомъ, что они не предавались фантазіямъ, держались въ предѣлахъ здраваго смысла и на землѣ. Все это отрицательныя черты; положительная-же формула выражена въ такихъ немногихъ словахъ: *русское дѣло есть дѣло цивилизаціи и человѣчества.* Вотъ какъ слѣдуетъ думать, чтобы сохраняя свое народное чувство, не впадать въ фанатизмъ и пр. и не идти противъ здраваго смысла.

Какъ-же это понимать? Не значитъ ли это, что мы русскіе имѣемъ право на жизнь и силу только потому, что со временемъ цивилизуемся, объевропеимся и станемъ не хуже другихъ? О! конечно нѣтъ, конечно не такъ это слѣдуетъ понимать. Если русское дѣло

есть дѣло цивилизаціи и человѣчества, то конечно потому, что наша духовная жизнь, наше православіе, наша исторія, нашъ общественный складъ составляютъ важный элементъ въ европейской цивилизаціи, важной элементъ въ исторіи человѣчества. Только такимъ образомъ права русской народности получаютъ полное и незыблемое основаніе.

Элементарныя понятія

Каждый здраво мыслящій человѣкъ конечно согласится съ приведенными выше словами Московскихъ Вѣдомостей о русской политикѣ. Именно, *что политика русскаго правительства можетъ не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначенію, какъ принимая все болѣе и болѣе національный характеръ.*

Трудно усомниться въ такомъ положеніи, ибо оно очевидно вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. Собственно говоря ни какое сколько–нибудь жизненное правительство не было и не могло быть вполнѣ безхарактернымъ или даже антинаціональнымъ. Въ этомъ случаѣ возможны уклоненія, колебанія, ошибки и неясное пониманіе, но полная потеря національнаго характера очевидно равняется смерти или искуственной гальванической жизни государства. Живое, органическое государство всегда національно; разница можетъ быть только въ томъ, на сколько ясно и сознательно оно понимаетъ свои національныя начала и требованія; чѣмъ яснѣе, тѣмъ для него лучше.

Къ сожалѣнію идея отвлеченнаго государства у насъ очень распространена и мѣшаетъ пониманію самыхъ простыхъ истинъ. Эта идея встрѣчается тамъ, гдѣ по видимому ея никакъ нельзя было–бы и ожидать. Вотъ напр. что говоритъ «Инвалидъ» въ своей передовой статьи № 197.

Мы думаемъ, что правительству ни съ кѣмъ изъ своихъ подданныхъ не приходится ни мириться, ни ссориться; оно по самой *идеѣ* своей должно быть чуждо всякой вражды къ разнымъ національностямъ, входящимъ въ составъ извѣстнаго государства, точно также какъ должно быть чуждо *всякой склонности раздавать привиллегіи одной національности передъ другой*. Правительство выше всякихъ ссоръ съ своими подданными, имъ должна руководить идея справедливости и *безпристрастія*, личныхъ расчотовъ оно не вноситъ въ такое важное дѣло. Эти вещи все *элементарныя*, которыя и объяснять не слѣдовало-бы...

Не забудемъ что «Р. Инвалидъ» говоритъ это, отвѣчая на нападеніе, сдѣланное на него какимъ-то петербургскимъ корреспондентомъ Indépendance Belge, слѣдовательно въ нѣкоторомъ смыслѣ объявляетъ на всю Европу, что это—элементарныя понятія, о которыхъ и говорить не стоитъ.

Наша исторія

Въ 38 № «Дня» есть прекрасное сопоставленіе нашей исторической жизни и исторической жизни Запада (*Изъ деревенской глуши*. Письмо III. *Ардаліона Р-кова*). Вотъ оно:

Въ западной Европѣ всякое заматерѣлое зло, какъ-бы оно ни было дико и не современно, также трудно искоренить, какъ напр. вырвать крѣпкій зубъ изъ живой челюсти. У насъ же напротивъ—громаднѣйшая изъ реформъ совершается такъ тихо и спокойно, что напоминаетъ не хирургическую операцію, а скорѣе стрижку волосъ. Это зависитъ отъ того, что западный Европеецъ въ своей политической исторіи жилъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумѣніемъ, всѣмъ существомъ своимъ; историческія событія и связанныя съ ними общественныя и политическія формы были для Европейца самымъ что ни на есть суріозомъ (Ernst), самой что ни на есть сутью; даже религія сплелась тамъ съ политикой неразрывно—не только католичество, но и всѣ реформатскіе толки. Самый религіозный западникъ любого вѣка могъ-бы сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ:

«Aus dieser Erde quillen meine Freúden,
Und diese Sonne scheinet meinen Leiden»...

И нѣмецкая философія до того доходила, что всякую историческую форму, какъ-бы она ни была нелѣпа и возмутительна, жаловала въ чинъ логической категоріи, утверждая, что «все дѣйствительное разумно.»

Русскій человѣкъ—совершенно на оборотъ,—въ земной разумности, въ земной правдѣ искони не признавалъ ничего существеннаго, считая ихъ за одну видимость, чуть не за тлѣнъ и суету. Истинная правда, истинная разумность всегда для него Jenseit... Какъ полярную противоположность нѣмецкому «все дѣйствительное разумно»—можно привести одну изъ нашихъ народныхъ легендъ.—Жилъ у попа батракъ,—чудной такой. Ничего полюдски не дѣлалъ: идетъ мимо кабака—на кабакъ Богу молится, идетъ мимо церкви—въ церковный кресть каменьями швыряетъ; старецъ убогій за Христовой милостиней обратился къ

нему,—онъ старца убогаго прогналъ и обругалъ... Вотъ и схватилъ народъ батрака и привелъ къ попу съ жалобою... И зачалъ батракъ толковать правду небесную. «Мимо кабака я шолъ, а тамъ пьяницъ множество, и провидѣлъ близость смертнаго ихъ часа, и взмолился я ко Господу, чтобы не далъ имъ во грѣхѣ погибнуть. Мимо церкви шолъ, а нечистая сила кругъ креста увивается, и отпужалъ я ее каменьями Святогорскими. Нищаго отогналъ? Такъ это не нищій, а злодѣй и богачь скаредный.» Былъ тотъ батракъ — не батракъ, а ангелъ Господень; жилъ онъ на землѣ урокъ одинъ, тутъ урокъ и покончился. Сказавши правду небесную супроти въ правды земной, принялъ онъ свой прежній ангелскій видъ и вознесся на небо.»

Въ этой легендѣ выразилась самая сокровенная суть русской народности. Не признавая ничего существеннаго въ исторической (т. е. земной, конечной) жизни, мы — какъ говорится въ школахъ — «не занимались исторіею»; оттого такъ страшно и отстали отъ западниковъ, за то исторія насъ и не испортила, не смотря на всѣ совершившіяся надъ нами неправды. Онѣ не отравили намъ крови, не произвели дискразіи, а просто заразили насъ болѣзнью чисто-наружной. Разумѣется мы должны бросить и непремѣнно бросимъ нашу заоблачность, чтобы вступить въ исторію надлежащимъ манеромъ; но тѣмъ не менѣе за нами останется огромное преимущество: исторія становится все гуманнѣе и гуманнѣе; ужасовъ прожитыхъ Европою и положившихъ на нее неизгладимую печать, намъ никогда переживать не придется...

Исконному стремленію Русскаго человѣка — отрѣшаться отъ всякой опредѣленности и не признавать въ ней ничего существеннаго — противорѣчитъ по видимому другой недостатокъ нашего чиновничества, столь же знаменитый какъ и лихоимство; разумѣю бумажность и формализмъ, доведенные до невѣроятной степени. Можно присовокупить, что сильнѣйшій формализмъ выразился у насъ не въ одной бюрократіи, но и въ старообрядчествѣ, этомъ обоготвореніи буквы. Какъ и почему? Очевидно потому же самому, почему наприм. противу чувственныхъ порывовъ строже и обстоятельнѣе предостерегаетъ тотъ моралистъ, въ комъ чувственность наиболѣе развита. «*Если я, при своей распущенности, да отступлю отъ буквы, то совсѣмъ пропаду.*» Вотъ психологическое основаніе нашего приказнаго формализма и нашего старообрядства.

Здѣсь многое сказано прекрасно. Присоединю сюда два замѣчанія, которыя сами собою напрашиваются: одно на счотъ русской жизни, другое на счотъ нѣмецкой мысли.

Наше свойство—отрѣшаться отъ всякой опредѣленности, не признавать ничего существеннаго во временномъ и историческомъ, не заниматься исторіею, а витать за облаками—авторъ выставляетъ какъ

великое благо, какъ нѣчто спасшее насъ отъ многихъ золъ. Нужно прибавить, что это самое свойство есть вмѣстѣ для насъ великое зло, что оно лишило насъ многихъ благъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ то время какъ мы не занимались исторіей, другіе дѣлали нашу исторію, въ то время когда мы отрѣшались отъ всего временнаго, отъ всякой опредѣленности, другіе тѣмъ усерднѣе предавались временному и были ужъ очень опредѣленны. Такимъ образомъ рядомъ съ глубокимъ поклоненіемъ духу стояло, какъ его неизбѣжное слѣдствіе, грубое, ни чѣмъ не одухотворенное поклоненіе плоти. Мы пренебрегали временнымъ и историческимъ; за то мы и несли на себѣ и несемъ до сихъ поръ всѣ слѣдствія такого пренебреженія; наше временное и историческое представляетъ многія темныя и тяжолыя черты.

Далѣе—авторъ заявляетъ твердую надежду, что мы *непременно вступимъ въ исторію надлежащимъ манеромъ*. Нельзя не надѣяться на это, но нельзя и не замѣтить, что процессъ такого вступленія вѣроятно будетъ очень длиненъ и труденъ. Не легко отрѣшиться отъ много-вѣкового глубокаго настроенія.

Относительно-же нѣмецкой мысли небезполезно будетъ замѣтить, какъ трудно и двусмысленно наше отношеніе къ ней. Мы воспитаны на ея формахъ и употребляемъ ея пріемы. Авторъ приведеннаго отрывка, желая точнѣе выразиться, употребилъ даже нѣмецкія слова Ernst, Ienseit. Онъ осуждаетъ положеніе «что дѣйствительно, то разумно», а между тѣмъ разсуждаетъ по той самой логикѣ, которая создала это положеніе; такъ напримѣръ онъ старается и весьма удачно объяснить явленіе старообрядчества, старается открыть его разумную необходимость, а не объясняетъ его одними невѣжествомъ, глупостію, случайностію и т. п.

Самое злое и вѣрное, что было сказано противъ философіи, которой принадлежитъ въ сущности невинная формула «что дѣйствительно, то разумно», сказано Шеллингомъ; именно, что это *мысль, въ которой ничего не мыслится*. Съ маленькою поправкою на это можно согласиться. Къ Аристотелевскому положенію: *ничего нѣтъ въ умѣ, чтобы не было прежде въ чувствѣ*, Лейбницъ, какъ извѣстно, счолъ нужнымъ прибавить: *кромѣ самаго ума*. Такъ точно къ Шеллингову опредѣленію: *мысль, въ которой ничего не мыслится*, можно-бы прибавить: *кромѣ самой мысли*. Можетъ быть съ такой точки зрѣнія мы легче помиримся съ этою философіею и не будемъ отрицать ея достоинствъ.

Ренанъ о Французской Революціи.

Въ предисловіи къ своимъ Essais de Morale et de Critique, Ренанъ высказываетъ мнѣніе о французской революціи, весьма замѣчательное въ устахъ француза вообще и можетъ быть для многихъ неожиданное въ устахъ такого человѣка какъ Ренанъ. По поводу одной изъ своихъ статей, писанной въ 1851 году, оно говоритъ:

Тогда я питалъ еще относительно революціи и формы общества, порожденной революціею, предразсудки, которые такъ распространены во Франціи и которые могли быть поколеблены только суровыми послѣдовавшими уроками. Я считалъ революцію синонимомъ либерализма, и, какъ это послѣднее слово довольно хорошо представляетъ для меня формулу самаго высшаго развитія человѣчества, то фактъ, который по обманчивой философіи исторіи знаменуетъ наступленіе либерализма, казался мнѣ въ нѣкоторомъ родѣ какъ-бы священнымъ. Я не видѣлъ еще язвы, сокрытой въ соціальной системѣ, созданной французскимъ духомъ; я не замѣчалъ еще, что въ своемъ насиліи, въ своемъ кодексѣ, основаннымъ на совершенно матеріалистическомъ пониманіи собственности, въ своемъ пренебреженіи къ личнымъ правамъ, въ своей манерѣ—принимать въ расчотъ только недѣлимое и видѣть въ недѣлимомъ только пожизненное существо, безъ нравственныхъ узъ, — революція заключала зерно погибели, которое должно было весьма скоро повести за нею царство посредственности и слабости, исчезновеніе всякой великой иниціативы, видимое благосостояніе, но такое, котораго условія разрушаютъ другъ друга. Конечно, еслибы было доказано, что черезъ двѣсти лѣтъ просвѣщонные люди будутъ смотрѣть на 1789 годъ, какъ на время окончательно основавшее въ мірѣ политическую, религіозную и гражданскую свободу, какъ на эпоху, открывшую собою болѣе высокую фазу развитія человѣческаго духа, лучшую, болѣе благородную, болѣе свѣтлую эру; то нѣтъ человѣка обожающаго прекрасное и доброе, который не долженъ бы былъ считать 89 годъ за точку отправленія своей вѣры и своихъ надеждъ. Но если принципы 89 года имѣютъ то значеніе, которое имъ часто придаютъ, если они заключаютъ въ себѣ, какъ слѣдствіе, пониженіе умственной жизни и либеральной культуры; если они должны вести за собою деспотизмъ матеріалныхъ интересовъ и, подъ предлогомъ равенства, униженіе всѣхъ, подъ опасностію въ противномъ случаѣ вызвать проклятія мало просвѣщоннаго либерализма; то должно, отдавая честь чувствамъ, одушевлявшимъ виновниковъ этого необыкновеннаго движенія, сдѣлать то, что они сами конечно сдѣлали-бы, — отрицать слѣдствія, которыхъ они не желали и не предвидѣли. А что всего важнѣе — нужно, чтобы фанатическая привязанность къ

воспоминаніямъ одной эпохи не стала помѣхою въ существенномъ дѣлѣ нашего времени—въ основаніи свободы чрезъ возрожденіе индивидуальнаго сознанія. Если 89 годъ составляетъ препятствіе для этого, отрѣчемся отъ 89 года. Нѣтъ ничего пагубнѣе для націи, какъ этотъ фетишизмъ, по которому она ставитъ дѣломъ своего самолюбія—защищать извѣстныя слова, такъ что прикрывшись этими словами, можно вести ее до послѣднихъ граней рабства и униженія.

Я знаю, что многимъ подобный страхъ за будущее покажется анахронизмомъ и что въ немъ увидятъ явленіе той меланхоліи, въ которой, какъ говорятъ, меня упрекали нѣкоторыя лица, снисходительныя къ настоящему, такъ какъ и оно къ нимъ снисходительно. Но у каждаго свой характеръ; хотя иногда я бываю готовъ позавидовать дару этихъ счастливыхъ натуръ, всегда и легко удовлетворяющихся, признаюсь, что размысливши, я начинаю гордиться своимъ пессимизмомъ, и что еслибы я почувствовалъ въ себѣ его смягченіе при томъ же состояніи вѣка, я тщательно сталъ-бы искать, какая струна ослабѣла въ моемъ сердцѣ. Быть можетъ наступитъ время, когда такая строгость смягчится, и если что-нибудь могло-бы способствовать этой перемѣнѣ, то конечно то, чтобы лица, оптимизмъ которыхъ я не нахожу справедливымъ, не дѣлаясь меланхоликами (что, я думаю, вовсе не въ ихъ характерѣ) дошли до пониманія, что то, что составляетъ радость однихъ, можетъ не составлять счастія всѣхъ.

Чудеса Русскаго Слова.

Каждая книжка *Русскаго Слова* по видимому должна-бы быть упоминаема въ моихъ замѣткахъ; ибо въ каждой попадаются такія крупныя странности, что неопытный человѣкъ сталъ-бы ихъ заносить въ лѣтопись, какъ заносили нѣкогда лѣтописцы всякія дива: явленіе кометъ, рожденіе чудищъ и т. п. Но такъ какъ я человѣкъ бывалый и опытный, то меня не такъ легко удивить; я вижу, что эти чудеса «Русскаго Слова» слишкомъ однообразны, имѣютъ все тотъ-же источникъ и совершаютъ такъ сказать правильное теченіе. Они всѣ основаны на недоумѣніяхъ; всѣ сводятся на формулу: *не понимаю, значитъ вздоръ* — простѣйшій пріемъ отрицанія, имѣющій чрезвычайную силу и убѣдительность для всѣхъ непонимающихъ. За тѣмъ слѣдуютъ варіаціи: *О жалкіе люди, занимающіеся вздоромъ! О трата силъ надъ вздоромъ! Бросьте и возьмитесь за настоящее дѣло!* и т. д.

Въ августовской книжкѣ «Русскаго Слова» г. Писаревъ говоритъ:

Ученыя работы Гриммовъ грамадны, но приносятъ-ли они какую-нибудь дѣйствительную пользу хоть одному живому человѣку въ мірѣ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно смѣло и рѣшительно отвѣчать: нѣтъ (*Ужъ точно-ли они ученыя? Науки-то, говорятъ, полезны*). Гриммы тоже самое, что Рафаэль, за котораго Базаровъ гроша мѣднаго не хочетъ дать (*Значитъ ихъ наука скорѣе искуство, чѣмъ наука*). Базаровъ выражается рѣзко (*можно дать мѣдный грошъ*), но мысль его вполнѣ справедлива. Если-бы въ Италіи было десять тысячь живописцевъ равныхъ Рафаэлю, то это нисколько не подвинуло-бы впередъ итальянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ умственномъ отношеніи (*А въ эстетическомъ? Говорятъ, что переворотъ, совершонный Рафаэлемъ въ его искусствѣ, вытекалъ изъ одного начала съ умственнымъ переворотомъ того времени, что онъ поддерживался этимъ умственнымъ переворотомъ и съ своей стороны самъ его поддерживалъ*). И если-бы въ Германіи было десять тысячь археологовъ, подобныхъ Якову Гримму, то Германія отъ этого не сдѣлалась бы ни богаче, ни счастливѣе. Безобразіе ея политическаго устройства, пошлость ея юнкерства и неимовѣрное филистерство всякихъ патріотическихъ обществъ, при десяти тысячахъ Гриммовъ, продолжали-бы существовать точь въ точь въ такомъ-же видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь. Поэтому я говорю совершенно искренно, что желалъ-бы лучше быть русскимъ сапожникомъ или булочникомъ, чѣмъ русскимъ Рафаэлемъ или Гриммомъ (*Вѣроятно въ томъ ожиданіи, что когда у насъ будетъ десять тысячь сапожниковъ, то мы подвинемся впередъ въ экономическомъ, въ политическомъ, въ соціальномъ и въ умственномъ отношеніи*). Каждый Рафаэль обожаетъ свое искусство, и каждый Гриммъ обожаетъ свою науку, но ни тотъ ни другой не задаютъ себѣ убійственнаго вопроса: *зачѣмъ?* (*Вопросъ точно убійственный, только для нихъ-ли?*) Я имѣю несчастіе задавать себѣ этотъ вопросъ, и когда прикладываю его къ дѣятельности Рафаэлей и Гриммовъ, то не нахожу на него отвѣта (*Въ самомъ дѣлѣ несчастіе!*) Поэтому я не могу, не хочу и не долженъ быть ни Рафаэлемъ, ни Гриммомъ, ни въ малыхъ ни въ большихъ размѣрахъ (*Желаніе весьма удобоисполнимое, столь-же легкое, какъ легки всѣ эти разсужденія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче, какъ* НЕ БЫТЬ *Рафаэлемъ?*).

А вотъ выдержки изъ другой статьи той же книжки — *Библіографическій листокъ*:

Несомнѣнно и признано всѣми (*ужъ и всѣми!*), что невольничество есть самый лучшій исходъ, котораго можетъ желать цвѣтной человѣкъ, прійдя въ соприкосновеніе съ бѣлой расою; потому что онъ достается въ удѣлъ только наиболѣе развитымъ и сильнымъ расамъ; большая-же часть ихъ не могутъ вовсе существовать рядомъ съ кавказскимъ племенемъ и вскорѣ совершенно вымираютъ.

Нѣсколько далѣе говорится:

Вообще, какъ анатомія, такъ и наблюденіе надъ психическими способностями туземныхъ расъ Африки и Америки показываютъ такую *громадную, коренную разницу* между краснокожими, эскимосами, полинезійцами, неграми, кафрами, готтентотами съ одной стороны и бѣлымъ человѣкомъ съ другой, что настаивать на *братствѣ* этихъ расъ могутъ только чувствительныя барыни, какъ г–жа Бичеръ–Стоу.

Такая разница! такая разница! Громадная! коренная!

Различіе, существующее между бѣлой расой съ одной стороны, неграми, американцами и полинезійцами съ другой, *слишкомъ бросается въ глаза*, чтобы можно было серьозно толковать о возможности существованія между ними отношеній, сколько-нибудь похожихъ на существующія между людьми одной и той–же расы. Опытъ доказалъ, что американцы и океанійцы не могутъ требовать отъ бѣлыхъ даже жизни (*т. е. вымираютъ*); что–же касается до негровъ, то конечно европейцы поступаютъ жестоко, похищая ихъ изъ родной земли и увозя на свои плантаціи, гдѣ съ ними обходятся также отвратительно, какъ съ животными. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что возможно равноправное существованіе въ одной и той–же странѣ бѣлаго и чернаго племенъ. Сладкіе романы и проповѣди негрофиловъ также неспособны уничтожить *органическую разницу* и сдѣлать чернаго бѣлымъ, какъ милостивая грамота испанскихъ королей, que fulano se tenga por blanco (такой–то можетъ считать себя бѣлымъ).

Престранные эти испанскіе короли! Они способны были дать чорному человѣку права бѣлаго. А кожа-то? Кожа-то вѣдь оставалась чорною. Испанскіе короли не замѣчали, что кожа и права одно и тоже, что если кожа чорная, то и права чорныя. Очевидно они понимали разницу и сходство совершенно иначе, чѣмъ составитель библіографическаго листка «Русскаго Слова». Они видѣли разницу между цвѣтомъ кожи и правами—составитель не видитъ. Они находили вѣроятно *коренное* сходство между бѣлымъ и чорнымъ человѣкомъ, составитель сходства не видитъ, а видитъ напротивъ *коренную разницу*. Какъ измѣняются понятія людей вслѣдствіе прогресса и цивилизаціи!

О злобно раскрываемыхъ объятьяхъ.

Объ этомъ странномъ явленіи поетъ тотъ-же поэтъ, Ив. Г. М., который воспѣлъ слезы гражданина, спящія въ равнинѣ. Въ августов-

ской книжкѣ Современника есть его стихотвореніе: *Отверженная*. Почему-то мнѣ кажется, что читатель уже сразу, по одному заглавію понимаетъ въ чемъ дѣло, что онъ уже знаетъ содержаніе этого стихотворенія, хотя-бы и не читалъ его. Поэтъ начинаетъ:

Не смотри на нее ты съ презрѣньемъ.

Ну да, это самое и есть; стариннѣйшая тема!

Отъ себя ее прочь не гони, —
Лучше въ душу ея съ сожалѣньемъ
И съ участіемъ теплымъ взгляни...

Прекрасныя и благонамѣренныя мысли, къ несчастію только слишкомъ извѣстныя. Говоря даже о бѣдственномъ положеніи *отверженной*, поэтъ восклицаетъ:

И не пасть, когда *злобно объятья*
Раскрываетъ одинъ лишь *развратъ*!?

Какая неопытность въ употребленіи словъ и въ познаніи жизни! Открытыя объятья—знакъ ласки и привѣта, а никакъ не злобы. И таковъ порокъ, какъ извѣстно всякому, хотя мало знакомому съ жизнью человѣку. Порокъ обольщаетъ, заманиваетъ, завлекаетъ свои жертвы; въ этомъ-то и заключается его опасность.

Въ томъ же стихотвореніи замѣчателенъ стихъ:

Дай ей руку подняться помочь.

Вѣроятно онъ выражаетъ ту прекрасную мысль, что мы должны протягивать руку падшимъ, чтобы помочь имъ подняться. Очень хорошая мысль!

День о преобразованіяхъ въ Польшѣ.

Смыслъ историческихъ современныхъ событій часто бываетъ для насъ очень теменъ, т. е. именно смыслъ глубокій, внутренній, существенный. Въ слѣдствіе нашей близости къ событію намъ слишкомъ сильно бросаются въ глаза мелочи, подробности, частности и мы изъ за нихъ не видимъ смысла цѣлаго. Очень обыкновенно въ этомъ слу-

чаѣ мы начинаемъ питаться какимъ-то *мелочнымъ пессимизмомъ*, который мечется отъ подробности къ подробности и вездѣ видитъ только нескладицу и предметы для очужденія. Мы бываемъ похожи на человѣка, который стоитъ у самого дома и бранитъ царапины и пятна на его стѣнѣ, потому что не видитъ какъ они исчезаютъ и сглаживаются въ стройной громадѣ цѣлаго зданія. Такое настроеніе, если ему поддаться, ослабляетъ и осупляетъ душу. Поэтому нужно освѣжать себя вдумываясь въ тѣ глубокія причины, которыми движутся современныя событія. Всякое великое событіе, даже еслибы оно было печальное событіе, носитъ въ себѣ великій торжественный смыслъ, вдумываясь въ который человѣкъ смиряетъ свои легкомысленныя мечты и начинаетъ глубже уважать жизнь, выше цѣнить ея блага, понимать ея строгое и глубокое значеніе.

Вотъ почему нельзя ни встрѣчать съ радостію попытокъ объяснять внутренній смыслъ современныхъ явленій. Какъ извѣстно «День» отличается особенною чуткостію въ этомъ отношеніи. Его всегда занимаетъ внутренняя, духовная сторона каждаго дѣла. Особенною силою и ясностію замѣчательны его передовыя статьи въ №№ 9 и 38, касающіяся преобразованій во внутреннемъ устройствѣ Польши, преобразованій, въ которыя такъ сказать разрѣшилось все польское дѣло. Приведемъ изъ этихъ статей главныя мѣста. Статья въ № 9, надписанная *Москва 5 марта*, начинается такъ:

Развитію *Польской* народности положено на дняхъ *Россіей* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши. Четыре указа, изданные 19 минувшаго февраля и вѣроятно извѣстные всѣмъ нашимъ читателямъ, объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, вносятъ новую историческую идею, вводятъ новый элементъ въ политическую и общественную жизнь Польши, доселѣ не дѣйствовавшій въ ея исторіи,—элементъ простонародный или крестьянскій.—Если Россія въ 1815 году, по собственному сознанію Поляковъ, воскресила имя «Польши», уже обреченное забвенію, уже исчезнувшее съ географическихъ картъ Европы; если 50 лѣтъ тому назадъ—знаменитый Костюшко съ горячею благодарностью привѣтствовалъ императора Александра I-го названіемъ «воскресителя»,—то Россія въ настоящее время имѣетъ не менѣе права на признательность Польскихъ «патріотовъ», хотя теперь и отказываетъ ей въ этомъ правѣ недальновидность современнаго Польскаго патріотизма,—хотя признательность «патріотовъ» вовсе вѣроятно и не входила въ соображенія Русскаго правительства при изданіи четырехъ указовъ. Не имя только Польскаго народа воскрешаетъ теперь Россія, но разчищая отъ наносныхъ слоевъ непочатые, глубоко сокрытые въ почвѣ, свѣжіе родники Польскаго народнаго духа, упрочиваетъ самое бытіе Польской народности, которому безумная, выродившаяся Польская шляхта грозила искаженіемъ и извращеніемъ, гибелью и смертью — не одною вещественною и политическою, но и духовною...

Можетъ быть въ настоящую минуту не только Поляки, но и многіе изъ насъ, Русскихъ, склонны обсуживать указы 19 февраля единственно съ точки зрѣнія ближайшихъ современныхъ выгодъ и интересовъ; можетъ быть ни тѣ, ни другіе не согласятся съ нашимъ мнѣніемъ и не захотятъ признать въ благодѣтельномъ устройствѣ Польскаго простонародья какого-нибудь благодѣянія для Польской народности. Можетъ быть даже напротивъ, и тѣ и другіе,—одни т. е. Поляки—съ упрекомъ, другіе не безъ нѣкотораго чувства самодовольства—станутъ усматривать въ новой соціальной реформѣ, совершающейся въ Польшѣ—дѣйствіе чисто-государственныхъ эгоистическихъ побужденій, строгій разсчотъ государственной пользы, и уподоблять новую государственную мѣру искуснѣйшимъ и мудрѣйшимъ мѣрамъ Пруссіи и Австріи въ отношеніи къ Познани и Галиціи. Иностранныя газеты уже готовы провозгласить новыя распоряженія — своекорыстнымъ политическимъ маневромъ, прибѣгающимъ къ демократизму, какъ къ вѣрнѣйшему средству—возбудить въ краѣ соціальную вражду, возстановить сословія другъ противъ друга и съ помощью Польскаго крестьянства сломить Польскую шляхту, а вмѣстѣ съ нею и Польскую народность...

Мы желали-бы защитить Россію и отъ этихъ несправедливыхъ упрековъ и отъ этихъ недостойныхъ похвалъ. Намъ кажется, что для вѣрной оцѣнки историческаго событія—оно должно быть разсматриваемо само въ себѣ, совершенно независимо (во сколько это возможно) отъ какихъ-бы то ни было толкованій современниковъ, непосредственно въ немъ заинтересованныхъ. Поставленное мысленно въ перспективѣ исторической дали, озаряемое мысленно съ высоты исторической, освобожденное отъ всѣхъ внѣшнихъ современныхъ случайностей, оно нерѣдко представится взору совершенно инымъ, чѣмъ вблизи, въ живой исторической ежедневности,—и откроетъ въ себѣ присутствіе такой исторической идеи, которой и не подозрѣвали въ немъ современные дѣятели, и которой они невѣдомо для себя служили орудіемъ и выраженіемъ. Конечно трудно предусмотрѣть съ точностью всѣ возможныя послѣдствія данной мѣры или событія въ отдаленномъ будущемъ; конечно всѣ подобныя соображенія болѣе или менѣе гадательны и потому подвержены обману и ошибкѣ,—но съ другой стороны, при сужденіи объ историческихъ явленіяхъ, совершающихся передъ нашими глазами, чувствуется невольная потребность поставить свою мысль внѣ потока страстей и случайностей,—стряхнуть съ нея соръ и пыль современной дѣйствительности, на сколько это дано человѣку.

Кажется, едва ли уже можно отрицать въ наше время, что виною гибели Польши было неправильное развитіе ея общественнаго организма и уклоненіе ея отъ основныхъ Славянскихъ бытовыхъ и духовныхъ началъ. Не говоря уже о латинствѣ, подчинившемъ ее вліянію латинскаго — слѣдовательно не Славянскаго—міра, латинскихъ просвѣтительныхъ началъ, латинской цивилизаціи,—внутренняя исторія Польши (отчасти благодаря тому же латинству) представляетъ уродливое, непомѣрное развитіе одного органа на счетъ всѣхъ другихъ,—общества—на счетъ государства и простаго народа. Государство расплылось въ общество—въ шляхту; простой народъ, который во всѣхъ Славянскихъ земляхъ составлялъ и составляетъ необходимое условіе полноты общественнаго развитія, именно *какъ* простой народъ, какъ живая, непосредственная, самородная сила, подобная силѣ зерна или корня въ организмѣ растеній,—простой народъ былъ лишенъ всякаго политическаго значенія, духовно презрѣнъ и низведенъ на степень вещественнаго

матеріала. Польская шляхта не только не удостоивала признавать въ немъ присутствіе какой-либо органической силы,—не только отвергала въ крестьянинѣ его значеніе, какъ Поляка, но и его достоинство, какъ человѣка. Польская шляхта не только именовала себя «Польскими государями» (историческое выраженіе), но и «Польскимъ народомъ», «Польскою націей»,—и дѣйствительно, слово «Польша»—и въ исторіи и въ жизни было тождественно съ словомъ «Польская шляхта». Развитіе пошло въ древесину и листву, въ ущербъ корѣ и корню; вытянувшійся и почти обнаженный стволъ едва держался на отощавшемъ корню... Польшѣ грозила смерть не только политическаго бытія, но и Польской народности, и смерть эта давно уже бы совершилась, если бы въ числѣ орудій исторической кары—не было Славянской державы—Россіи. Намъ нѣтъ дѣла до того, какъ относились къ историческимъ событіямъ современники,—думали-ли они или не думали объ исполненіи своего Славянскаго призванія. Мы знаемъ и видимъ только одно: что Польша давно-бы перестала существовать, давно-бы и помину о ней не было, еслибъ она досталась единственно Пруссіи и Австріи, еслибъ Россія не возстановила—сначала ея политическаго бытія, а въ настоящее время—цѣльности ея расколотаго организма чрезъ оживленіе Польскаго корня, чрезъ подъемъ Польскаго простонародья. Отнынѣ Польское крестьянство является новымъ жизненнымъ агентомъ, новымъ дѣятелемъ въ историческихъ судьбахъ Польши. Польскому общественному судну, воплощенному въ образѣ легкомысленной Польской шляхты, недоставало,—говорили мы не разъ,—того груза, того упора, который не даетъ судну носиться по прихоти волнъ и вѣтровъ,—и этотъ грузъ и упоръ, этотъ сдерживающій и вмѣстѣ охранительный элементъ видимъ мы въ Польскомъ крестьянствѣ. Отнынѣ отъ самихъ Поляковъ, отъ самой Польской шляхты по премуществу, будетъ зависѣть дать стройное развитіе Польскому общественному организму. Но для этого ей необходимо признать новый соціальный элементъ не какъ враждебное, чуждое Польской жизни начало, а какъ необходимое условіе истиннаго прогрессивнаго движенія Польской народности—въ той полнотѣ и на томъ новомъ пути, какіе указываются измѣнившей Славянству Польшѣ—болѣе ея вѣрною Славянскимъ началамъ—Россіей.

«Но,—возразятъ нѣкоторые Польскіе патріоты,—мы и сами готовы были-бы сдѣлать для польскаго народа то, что дѣлается нынѣ Русскимъ правительствомъ. Мы охотно обошлись-бы безъ благодѣянія приносимаго намъ рукою иноплеменниковъ, благодѣянія, имѣющаго цѣлью привлечь на сторону нашихъ враговъ наше сельское населеніе. Вы имѣете въ виду не благо нашей страны, а пользу вашего государства. Изъ чуждыхъ намъ интересовъ, вы возбуждаете антагонизмъ между нами; выгодами и льготами матеріальными вы подрываете духовную силу народности; вы подражаете примѣру Австріи, которая, облагодѣтельствовавъ крестьянъ, съумѣла тѣмъ самымъ заглушить въ нихъ чувство народности до такой степени, что Галиційскіе Польскіе крестьяне уже не хотятъ именоваться Поляками, а называютъ себя *имперцами*»... Мы глубоко сожалѣемъ о послѣднемъ фактѣ; нашему Славянскому чувству возмутительно видѣть ослабленіе Славянской народности въ какомъ-бы то ни было Славянскомъ племени, тѣмъ болѣе—онѣмеченіе нашихъ ближайшихъ Славянскихъ братьевъ,—и еще болѣе—превращеніе ихъ въ Австрійцевъ—не по внѣшней только зависимости, но по мысли и сердцу: такого нравственнаго паденія Славянъ не желали-бы мы никакихъ пользъ государственныхъ ради, да и ошибочны всѣ соображенія государственной пользы, какъ скоро они основаны на подобномъ извраще-

ніи нравственнаго достоинства подданныхъ! Но совсѣмъ не то — уже явила и явитъ Россія въ своихъ отношенія къ Польшѣ, и внѣшнее сходство дѣйствій и мѣръ въ Россіи и Австріи или Пруссіи приводило и приводитъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ.

Какой-бы оцѣнкѣ ни подвергалось наше право, но вѣрно то, что историческія судьбы въ настоящее время вручили Россіи власть надъ Польшей, т. е. надъ тою частью Польши, которая только у насъ однихъ и благодаря намъ однимъ—и называется этимъ дорогимъ для Поляковъ именемъ. Что ожидаетъ Россію и Польшу въ будущемъ, намъ неизвѣстно,—но то намъ извѣстно, что только въ Русской Польшѣ сохранились живучесть, энергія, сила польской народности,—что Россія не обезнародила Поляковъ въ Польшѣ, благодаря высокому нравственному достоинству своего неумѣнья, своей неспособности къ тому темному государственному искусству, которымъ какъ славятся Нѣмцы, и которое помогло Пруссіи обратить Познань въ Нѣмецкую провинцію... Оно-же разрѣшило и Австріи воспользоваться Галиційской рѣзней 1847 г., какъ законнымъ раціональнымъ средствомъ, оправдываемымъ Нѣмецкою штатс-наукой. Новѣйшія мѣры принятыя Россіей, полныя энергіи и разума, существенно отличаются по нашему мнѣнію отъ мѣръ Австрійскихъ и Прусскихъ. Россія вноситъ нынѣ въ бытіе Польши тотъ Славянскій элементъ, которымъ она сама такъ богата, который нигдѣ не получилъ такого развитія и примѣненія въ жизни, какъ въ Россіи,—элементъ простонародный, элементъ по преимуществу земскій,—элементъ недостававшій Польшѣ. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы надѣленіе крестьянъ землею и правами могло быть когда-либо совершено Польскою шляхтою съ тѣмъ Славянскимъ радикализмомъ, съ какимъ оно совершено у насъ, самою Россіей,—и если такъ называемый Польскій Народовой Жондъ и объявилъ въ прошломъ году рядъ распоряженій, дарующихъ крестьянамъ льготы, впрочемъ только экономическія, и все-же меньшія, чѣмъ указы 19 Февраля, то эти дѣйствія Польской шляхты являлись до такой степени вынужденными, неискренними, до такой степени противорѣчащими всему духу, всѣмъ преданіямъ Польской шляхты, что не способны были внушить и не внушили ни малѣйшаго довѣрія Польскому крестьянству, да и ни въ какомъ случаѣ не могли получить правильнаго и здороваго развитія. Эти мѣры со стороны Жонда носили на себѣ характеръ демократически-революціонный, пытались возбудить и возбудили бы можетъ быть такія демократическія страсти въ народѣ, съ которыми Жондъ никогда-бы и не справился и которыя окончательно погубили бы Польшу. Въ этихъ мѣрахъ, принятыхъ Жондомъ, не чувствовалось присутствія той Славянской идеи, которая, признавая и упрочивая права сельскаго населенія, давая широкое мѣсто его значенію и участію въ общественной жизни, имѣетъ характеръ по преимуществу бытовой, а не политическій, и совершенно чужда того искуственнаго и насильственнаго равенства, того грубаго, принудительнаго единообразія, котораго такъ чаютъ Французскіе деспоты-соціалисты.—Мы можемъ съ гордостью сказать, что наша крестьянская реформа 19 Февраля есть продуктъ коренныхъ Славянскихъ началъ, глубоко лежащихъ въ нашемъ народномъ духѣ; что она явилась дѣломъ не только правительственнымъ, но и общественнымъ, и что она, давая новую жизнь нашему простонародному элементу и обновляя ею жизнь всего нашего общественнаго организма, въ то же время не имѣетъ ничего общаго съ началами Французскаго демократизма или соціализма. Мы сами, во сколько мы привыкли смотрѣть на явленія нашей собственной жизни сквозь призму иностранныхъ понятій,

мы сами въ этомъ отношеніи можетъ быть еще не довольно строго цѣнимъ и разумѣемъ смыслъ нашего крестьянскаго освобожденія. Но не смотря на всю нашу подражательность иностраннымъ теоріямъ, это освобожденіе, благодаря пребывающему въ насъ историческому и бытовому инстинкту, совершилось самымъ своеобразнымъ образомъ—до такой степени, что иностранные политико-экономы до сихъ поръ не могутъ вмѣстить правду нашего соціальнаго переворота въ своемъ ученомъ сознаніи и подвести подъ него раціональныя основанія Западной науки. Крестьянское освобожденіе 19 Февраля—это наша всенародная, всемірно-историческая проповѣдь, это наше знамя,—то знамя, которое мы можемъ высоко предносить предъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ быть, во всѣ ближайшія къ намъ и по преимуществу Славянскія страны. И мы вносимъ его въ Польшу. Силою вещей, напоромъ внутренней исторической идеи, живущей и дѣйствующей въ насъ, мы являемся съ этою проповѣдью и къ Полякамъ,—мы не можемъ не проповѣдывать, — мы возвращаемъ Поляковъ къ тѣмъ Славянскимъ экономическимъ и бытовымъ началамъ, отъ которыхъ уже давно уклонилась Польша.

Такимъ образомъ реформа въ быту Польскихъ крестьянъ, производимая Россіей, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми реформами, которыя произведены Австріей или Пруссіей. Она есть неизбѣжное послѣдствіе, такъ сказать эманація нашей собственной Русской реформы, и на эту связь какъ-бы указываетъ и самое число 19 Февраля, одинаково знаменующее свободу крестьянства въ Россіи и Польшѣ. Такъ разумѣемъ мы новыя мѣры, принятыя Россіею въ Царствѣ Польскомъ, разсматривая ихъ совершенно независимо отъ тѣхъ случайныхъ и временныхъ соображеній, можетъ быть и несогласныхъ съ нашими, которыми въ данную минуту могли отчасти руководиться наши государственные дѣятели... Эти соображенія никакъ не могутъ для насъ заслонять истиннаго историческаго смысла, лежащаго въ явленіи, ни ослабить, ни исказить его значенія.

Трудно не согласиться съ главными положеніями этой статьи. Своеобразность нашей крестьянской реформы, отличіе ея начала отъ отъ начала европейскаго соціализма и демократизма, связь этой реформы съ устройствомъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, отличіе этихъ мѣръ отъ искуственныхъ мѣръ Австріи и Пруссіи, и все это вмѣстѣ какъ признакъ нашей крѣпкой самобытной жизни, разливающейся теперь и на Польшу—вотъ главныя черты, указываемыя въ статьѣ; они чрезвычайно мѣтки и глубоки. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ вспомнимъ, въ какомъ превратномъ свѣтѣ часто понимались и выставлялись у насъ эти самыя событія и явленія, и вспомнимъ отчего происходило такое превратное пониманіе. Оно главнѣйшимъ образомъ происходило отъ прикидыванія къ явленіямъ русской жизни чужихъ, западныхъ мѣрокъ, отъ подведенія этихъ явленій подъ ходячія западныя понятія, служащія для многихъ единственнымъ путемъ пониманія. Изъ этого источника возникали тысячи недоразумѣній, ложныя ожиданія, ложные страхи, и все это конечно вело къ печальнымъ

слѣдствіямъ, къ разочарованіямъ и ошибкамъ. Передъ нами цѣлая исторія недоразумѣній, которую написать было-бы очень любопытно. Возьмемъ какой-нибудь наглядный примѣръ. Для газеты «Вѣсть»—«День» есть ничто иное, какъ *органъ самаго ярaго демократизма и соціализма* (подлинныя ея слова). Гдѣ источникъ такого разительно-ложнаго сужденія? Источникъ въ томъ, что русскій духъ и русское пониманіе «Дня» совершенно чужды газетѣ «Вѣсть», и она судитъ о немъ по французскимъ мѣркамъ.

Такъ точно иные прикладываютъ къ нашему крестьянскому дѣлу англійскія мѣрки и приходятъ поэтому къ самымъ превратнымъ сужденіямъ. Общее зрѣлище всѣхъ подобныхъ недоразумѣній и всѣхъ послѣдствій этихъ недоразумѣній весьма поучительно и когда-нибудь безъ сомнѣнія найдетъ своего историка.

Статья «Дня» объ указахъ, относящихся до народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, надписанная *Москва 19 сентября*, написана совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и предыдущая, и составляетъ какъ бы ея продолженіе. Вотъ главныя мѣста:

Не можемъ не выразить искренняго и полнаго сочувствія слѣдующими словами рескрипта, свидѣтельствующими о высокомъ уваженіи къ наукѣ и о благородной вѣрѣ въ ея свободу. «Не дозволяя *ни себѣ*, ни кому бы то ни было—говоритъ 3-й пунктъ рескрипта — *превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей*, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ Царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія.» Таковъ принципъ, положенный рескриптомъ въ основаніе всего дѣла.

Съ этой точки зрѣнія отношеніе, въ которое становится государство къ народному образованію въ Царствѣ Польскомъ, есть по нашему мнѣнію единое правильное—какъ для Польши, такъ и для Россіи, такъ и вездѣ и всюду: это отношеніе чисто внѣшнее, нисколько не тенденціозное; правительство указываетъ пути и средства къ образованію, но не опредѣляетъ, какъ бывало прежде, ни направленія, которому образованіе должно слѣдовать, ни тѣхъ началъ, которыя должны быть проводимы въ народъ и общество помощью педагогіи; оно не вмѣшивается въ собственный міръ науки, не посягаетъ на ея независимость, не исключаетъ той или другой отрасли знанія, какъ несогласной съ правительственными политическими видами,—не предписываетъ—ни чему учить, ни какъ учить. Извѣстно, что при прежней системѣ управленія, которая водворена была въ Польшѣ послѣ мятежа 1831 года, правительство особыми инструкціями давало извѣстное, соотвѣтственное своимъ цѣлямъ направленіе каждой наукѣ. Классическое образованіе въ гимназіяхъ признано было вреднымъ и замѣнено такъ называемымъ реальнымъ, въ томъ вѣроятно предположеніи, что практицизмъ непремѣнно ослабитъ тотъ пресловутый духъ патріотизма, которымъ гордится Польская шляхта. О томъ—къ чему, къ какому совершенно про-

тивоположному результату привела эта система,—едва ли есть надобность и напоминать. Рѣдко оказывается исторіею подобная многоцѣнная услуга, чтобы послѣдствія такъ скоро обличили неправильность основанія и чтобы плоды почти непосредственно слѣдовали за посѣвомъ! Такимъ образомъ система прежняго общественнаго воспитанія быстро понизила уровень не только образованія, но и общественной нравственности въ Царствѣ Польскомъ... Въ ложное отношеніе къ наукѣ и просвѣщенію стало и управленіе маркиза Велепольскаго, сдѣлавшаго общественное образованіе орудіемъ—къ достиженію своей политической цѣзи. Онъ ввелъ въ дѣйствіе тотъ самый принципъ насильственнаго духовнаго единенія, которымъ и теперь руководствуются Нѣмцы въ Познани и Шлезвигѣ, и который при перемѣнѣ обстоятельствъ могла бы теперь Россія съ такимъ-же полнымъ правомъ примѣнить и къ Польшѣ. Маркизъ Велепольскій, помощью государственной силы, подчинилъ все образованіе вѣдѣнію и контролю латинскаго духовенства и шляхты и лишилъ разнообразныя народности, обитающія въ Царствѣ Польскомъ, всякаго права на самостоятельное духовное развитіе. Грекоуніаты приневолены были доканчивать свое воспитаніе въ католическихъ академіяхъ, Русскіе жители въ Люблинской губерніи обязаны были учиться только Польской, а не Русской грамотѣ, и т. д. и т. д.

Странно слагаются историческія судьбы Польши! странный жребій, по отношенію къ ней, выпадаетъ какъ намъ кажется Россіи — благой и высокій жребій всяческаго освобожденія Польши отъ ея-же собственной Польской лжи и возвращенія ея къ Славянскимъ началамъ. Къ чему наконецъ приведетъ насъ исторія, въ какой степени можетъ сама Россія выполнить такое призваніе — этого мы предрѣшать не станемъ, но тѣмъ хуже для Польши или, вѣрнѣе сказать, тѣмъ лучше для Польши и тѣмъ хуже для Польской шляхты, что Россія можетъ выступить на борьбу съ нею подъ знаменемъ — (не политической), а соціальной и духовной свободы. Еслибъ Польская шляхта была разумнѣе, она не выпустила-бы этого знамени изъ своихъ рукъ, — но тогда и судьбы Польши были-бы иныя. Но польская шляхта имѣла въ виду однѣ свои шляхетскія вольности, а не общую свободу народную, и подчинила всѣ духовные и нравственные интересы интересамъ политическаго властолюбія. Попранное шляхтичами начало соціальной свободы обращается теперь противъ нихъ-же самихъ и поражаетъ ихъ на смерть, — и конечно въ тысячу разъ легче было-бы имъ погибнуть отъ насилія и казней, чѣмъ отъ вѣянія духа разумности и свободы. Конечно это вѣяніе стало слышаться недавно; мы не можемъ конечно поручиться, чтобъ направленіе, принятое нынѣ, не подверглось никогда измѣненіямъ, но уже и того, что совершено, достаточно для опредѣленія взаимныхъ историческихъ отношеній Россіи и Польши или по крайней-мѣрѣ, пути, которымъ Россіи приходится повидимому слѣдовать. Дѣйствіе ея въ Польшѣ можетъ быть теперь дѣйствіемъ чисто освободительнымъ—въ томъ особомъ смыслѣ, который объяснили мы выше, т. е. освободительнымъ отъ Польской-же внутренней лжи. Очевидно, что это дѣйствіе можетъ простираться только до тѣхъ предѣловъ, внутри которыхъ сама Россія остается вѣрна своимъ исконнымъ народнымъ Славянскимъ началамъ... На этой почвѣ она сильна; —имѣетъ, что передать и Польшѣ и всему міру...

Польшею называла себя одна шляхта, отвергая и презирая народъ,—Россія вводитъ народъ въ сферу общей Польской гражданской и соціальной жизни. Польша, т. е. прежняя шляхетская Польша—благодаря антиславянскому и антидемократическому вліянію на нее латинскаго Запада, сосре-

доточиваетъ поземельную собственность въ рукахъ привилегированнаго класса людей;—Россія надѣляетъ крестьянъ землею, вѣрная кореннымъ Славянскимъ соціальнымъ началамъ. Шляхетская Польша строила зданіе политической свободы сверху, на фундаментѣ безправности и рабства простаго народа; Славянская Россія возвращаетъ гражданскую полноправность простому народу и закладываетъ фундаментъ свободнаго самоуправленія крестьянскихъ общинъ, этого древнѣйшаго залога свободы у Славянскихъ народовъ... Шляхетская Польша тѣснитъ всѣми возможными для нея способами—вѣроисповѣданія, несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ латинскимъ, — Россія провозглашаетъ начало свободы вѣроисповѣданій... Кстати на дняхъ публикованъ указъ однороднаго же характера: объ уничтоженіи тѣлеснаго и о смягченіи прочихъ уголовныхъ наказаній въ Царствѣ Польскомъ, а также и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ странныхъ, «оставшихся тамъ,—какъ сказано въ указѣ, отъ *прежняго времени* мѣстныхъ постановленій» — напр. наказаніе розгами подсудимаго во время производства слѣдствія и т. д...

До сихъ поръ дѣло касалось только внѣшней стороны жизни, соціальной и экономической. Воспитаніе принадлежитъ уже къ сферѣ духовной, имѣетъ дѣло съ душею народа. Здѣсь задача несравненно труднѣе и едва-ли, повидимому, исполнима для какого-бы то ни было правительства. Но настоящіе указы разрѣшаютъ и эту задачу удовлетворительнымъ образомъ, преимущественно для начальныхъ училищъ. Что-же касается до высшихъ разсадниковъ образованія, то объ нихъ упоминается только вскользь и объ нихъ послѣдуютъ новыя особыя постановленія. Нельзя не замѣтить, что по отношенію къ этимъ послѣднимъ—задача Россіи усложняется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе удовлетворяется она сама идеаломъ своихъ собственныхъ гимназій, прогимназій и университетовъ. Но пойдемъ дальше—и прослѣдимъ и въ новыхъ законахъ тотъ-же характеръ освободительнаго дѣйствія, на который мы указывали выше. Шляхетская Польша тѣснитъ и гонитъ употребленіе національнаго языка тѣхъ отдѣльныхъ народовъ, которые поселены въ ея предѣлахъ; она заставляетъ Русскихъ Литовцевъ и Нѣмцевъ учиться не иначе, какъ по-Польски, и исключаетъ преподаваніе церковно-Славянскаго языка въ училищахъ Русскихъ греко-уніатовъ, которые все же ближе къ православію, чѣмъ къ латинству и которыхъ богослуженіе совершается на церковно-Славянскомъ языкѣ. Россія, предоставляя Полякамъ въ Польшѣ полную свободу учиться по-Польски, не только не стѣсняетъ развитія Польскаго языка, но признаетъ его господствующимъ языкомъ Царства, и даруя всѣмъ прочимъ національностямъ равное право учреждать свои собственныя начальныя училища, не возбраняетъ однакоже имъ вводить въ этихъ училищахъ и преподаваніе Польскаго языка. Шляхетская Польша отнимала у крестьянскихъ обществъ всякое право контроля надъ первоначальнымъ образованіемъ или надъ народными школами, сосредоточивая этотъ надзоръ въ лицѣ ксендза и помѣщика и обращая образованіе въ ихъ рукахъ—въ духовное и политическое орудіе. Такая система прямо указывала Русскому правительству на необходимость и пользу системы совершенно противоположной...

Такимъ образомъ — дѣйствіе Россіи по отношенію къ Польшѣ съ эпохи освобожденія крестьянъ ограничило характеръ дѣйствія отрицательно-освободительнаго и чрезъ это самое—положительно-образовательнаго и зиждущаго. Мы говоримъ разумѣется о главныхъ основныхъ чертахъ этого отношенія, не останавливаясь на мелкихъ подробностяхъ и на мѣрахъ административныхъ временнаго и случайнаго свойства.

Мы не касаемся вопроса о томъ, въ какой степени подобная система усвоена сознаніемъ самихъ правительственныхъ лицъ и въ какой степени можемъ мы ожидать отъ исполнителей—строгой послѣдовательности въ приведеніи ея въ дѣйствіе. Важнѣе всего для насъ то соображеніе, что путь, на который вступаетъ теперь Россія относительно Царства, болѣе по нашему мнѣнію соотвѣтствуетъ ея историческому призванію, чѣмъ всѣ прежніе, и указываетъ на необходимость для самой Россіи развиваться вполнѣ согласно съ своими собственными народными началами — въ чемъ одномъ можетъ она почерпать нужную для себя и плодотворную силу. Намъ могутъ замѣтить, что тутъ нечего и помнить объ исторіи и призваніи, что освободительный характеръ современныхъ распоряженій правительства предписывается благоразумной политикой... Но мы этого вовсе и не отрицаемъ. Мы только свидѣтельствуемъ о томъ историческомъ жребіи, который, какъ намъ кажется, выпадаетъ Россіи — ослаблять враговъ своихъ, Польскихъ шляхтичей, и усмирять Польшу—соціальной свободой и воздѣйствіемъ Славянскихъ соціальныхъ началъ. Этого дара никто не могъ-бы ей дать кромѣ Россіи, и никогда бы не дождалась она этого дара отъ своей шляхты! Мы видимъ въ новѣйшихъ правительственныхъ распоряженіяхъ ту историческую знаменательность, которая не зависитъ ни отъ какого личнаго расчета того или другаго дѣятеля и приноситъ свои плоды—иногда даже вопреки этому расчету. Мы желаемъ только, чтобъ Россія, сознавъ даруемое ею благо, шла по своему новому пути послѣдовательно и неуклонно.

За тѣмъ «День» подробнѣе излагаетъ содержаніе рескрипта и указовъ. Главныя основанія ихъ слѣдующія:

Рескриптъ выражаетъ надежду, что «плодотворная научная дѣятельность» всего лучше предохранитъ Польское юношество отъ «несчастныхъ безразсудныхъ увлеченій.» Онъ «съ довѣріемъ возлагаетъ на вновь созданныя сельскія общества ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіи ихъ нужными средствами.» Онъ требуетъ отъ учащихъ и отъ учащихся, равно какъ и отъ надзирающихъ за ученіемъ, «безкорыстнаго служенія просвѣщенію,» внѣ всякихъ политическихъ цѣлей «Предоставляя Польскому юношеству возможность обучаться на его природномъ языкѣ, говоритъ 4 пунктъ рескрипта, надлежитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять во вниманіе, что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства» и въ этихъ видахъ предоставляется право каждой народности образовать свои отдѣльныя училища. «Въ школахъ общихъ, особенно-же низшихъ обученіе должно быть введено на природномъ языкѣ большинства населенія, т. е. или на Польскомъ, или на Русскомъ, или на Нѣмецкомъ, или на Литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей.» «Задача Россіи, по отношенію къ Царству Польскому—заключаетъ рескриптъ—должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія.»

Въ заключеніе «День» возражаетъ противъ мысли о регламентаціи, являющейся возможною при этомъ новомъ устройствѣ просвѣщенія въ Польшѣ.

Доказано, говоритъ онъ, что всѣ попытки регламентировать народное образованіе, приводятъ къ послѣдствіямъ самымъ неблагопріятнымъ и неожиданнымъ для правительства, и что стремленіе уловить и направить самый духъ образованія — дискредитировало самое образованіе, налагало на него несочувственную печать казенности и производило въ учащихся или естественное чувство противорѣчія, или полнѣйшее безразличное, пассивное отношеніе къ преподаванію—слѣдовательно самое безплодное, чтобъ не сказать болѣе. Въ Польшѣ нѣтъ элемента вреднѣе для Русскаго правительства (да и для самой Польши), какъ латинство. Не будь Польша католическою, не было-бы вѣроятно и Польскаго вопроса. Поэтому, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, стремящихся обрусить Польшу, слѣдовало-бы, поступая логически, уничтожить и самый католицизмъ въ Польшѣ. Однако-же это вещь нравственно невозможная, да и никто никогда въ Россіи не рѣшался объ этомъ и помыслить, не исключая и самихъ публицистовъ. Нельзя же не допустить, учителемъ закона Божія въ народномъ училищѣ — служителя храма того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ народъ! Но допустивъ по необходимости преподаваніе латинскимъ ксендзомъ латинскаго катихизиса, вы тѣмъ самымъ допускаете въ области народнаго образованія участіе такого элемента духовнаго, противъ вредныхъ дѣйствій котораго нѣтъ никакихъ *внѣшнихъ*, формальныхъ, доступныхъ свойству правительства гарантій. Очевидно, что излишняя забота о гарантіяхъ является не только напрасною, но и положительно вредною, ибо она можетъ стѣснить свободу преподаванія и лишить его всякаго довѣрія со стороны Польскаго населенія. Едва-ли поэтому не слѣдуетъ признать лучшимъ обезпеченіемъ въ этомъ случаѣ — полную свободу обученія и нравственное отношеніе правительства къ дѣлу образованія, такъ какъ съ преобладаніемъ вліянія Польскаго духовенства, эта свобода, которою не могутъ-же конечно не дорожить и Поляки, неминуемо должна была-бы исчезнуть. Нѣкоторые наши публицисты, обращающіе особенное вниманіе на гарантіи для Русскаго господства, возлагаютъ всю свою надежду на начальниковъ учебныхъ дирекцій... Но мы полагаемъ, что будущіе директора едва ли захотятъ быть чѣмъ-то въ родѣ католическихъ directeurs de conscience, т. е. директорами народной совѣсти, — особенно-же помня требованіе рескрипта, что учебныя начальства не должны обращать разсадники наукъ въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей...

Съ этимъ взглядомъ согласится всякій, кто только повѣритъ, что самая крѣпкая сила въ мірѣ есть сила нравственная, что нѣтъ въ мірѣ прочной побѣды, кромѣ побѣды нравственной, что всякія соображенія государственной пользы поведутъ только ко вреду, если они основываются не на возвышеніи и управленіи нравственнаго достоинства подданныхъ, а не его извращеніи. Поэтому справедливо можно желать духовнаго исцѣленія и возвышенія поляковъ, справедливо можно радоваться преобразованіямъ имѣющимъ такую цѣль.

Полезное объясненіе.

Августовская книжка «Современника» *можно сказать удивила*

красотой Европу, какъ выражается Чичиковъ. Она содержитъ въ себѣ статью противъ «Эпохи» еще болѣе бранную и еще менѣе нуждающуюся въ отвѣтѣ, чѣмъ двѣ іюльскія статьи. Тамъ мы названы уже не швалью, а «*ракаліями*». Я ничего и не сказалъ-бы объ этомъ, еслибы вся эта брань не возбудила наконецъ между читателями нѣкотораго смятенія. Читатели недоумѣваютъ, сердятся и приходятъ въ изумленіе. Во всѣхъ газетахъ, въ «Инвалидѣ», въ «Голосѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» толкуютъ о соблазнѣ и скандалѣ, разразившемся въ Русской Литературѣ. Даже гдѣ?—въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ», въ корреспонденціи изъ г. Вытегры раздаются упреки и увѣщанія. Наконецъ въ редакціи «Эпохи» получаются письма и цѣлыя статьи, наполненныя негодованіемъ и недоумѣніемъ относительно подвиговъ «Современника».

И дѣйствительно — это явленіе очень странно; дѣйствительно трудно понять, какъ люди пишущіе, вмѣсто того чтобы разсуждать, острить, подсмѣиваться и т. д., вдругъ начинаютъ браниться чуть не по извощичьи. Нѣтъ ничего мудренаго, если читатели удивляются такому ходу дѣлъ. Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, съ тѣмъ чтобы объяснить читателямъ, въ чемъ разгадка странности, показать имъ, что собственно дивиться нечему.

Все дѣло въ тѣхъ понятіяхъ о полемикѣ, которыхъ держится «Современникъ». Понятія эти таковы, что читатели никакъ не могутъ о нихъ догадаться; они все берутъ слишкомъ высоко и потому удивляются. Но стоитъ мнѣ только указать эти понятія и для читателей все будетъ ясно.

«Современникъ» недавно объявилъ, что онъ для своихъ полемическихъ цѣлей употребляетъ всякія, даже *неодобрительныя* средства. Что-же это значитъ? Законныя, одобрительныя средства полемики суть остроуміе, мѣткость взгляда, ясность пониманія. Съ этими средствами можно одолѣть всѣхъ, одержать всякую побѣду. «Современникъ» объявилъ, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ.

Какія-же это другія средства?

Есть два такихъ средства, любезные читатели. Одно—голословная брань, оскорбительныя выраженія, какія только могутъ явиться въ печати; другое—искаженіе истины, извращеніе настоящаго смысла дѣла, путаница и затемнѣніе всякаго рода.

На чемъ-же основано дѣйствіе этихъ средствъ? На непониманіи читателей. «Современникъ» полагаетъ, что читатели повѣрятъ ему на

слово, что они въ большинствѣ случаевъ не въ силахъ сами разобрать, въ чемъ дѣло. «Современникъ» думаетъ, что читатели очень простодушны, что если онъ печатно назоветъ кого-нибудь *литературною ракалiею*, то читатель тотчасъ же повѣритъ ему и потеряетъ уваженіе къ тому, кого бранятъ такимъ образомъ. «Современникъ» угрожаетъ намъ напечатать статью, въ которой будетъ сказано, что въ «Эпохѣ» «явились статьи, которыхъ ни за что на свѣтѣ не пустилъ бы въ свой журналъ Михаилъ Михаиловичъ; такова напр. статья Фейербаха о г. Страховѣ и статья Музыки о г. Сѣровѣ,—путаница въ заглавіяхъ допущена г. Постороннимъ Сатирикомъ (авторомъ обѣщанной статьи) на основаніи вышесказаннаго предположенія, что теперь въ «Эпохѣ» не авторы сочиняютъ статьи, а сами статьи сочиняютъ и водятъ за носъ авторовъ».

«Современникъ» грозитъ это напечатать и думаетъ, что подобное глумленіе и умышленное извращеніе дѣла (насчетъ покойнаго Михаила Михаиловича) могутъ повредить намъ въ глазахъ читателей.

Вотъ полемическія средства «Современника». Каковы средства, таковы и цѣли и поводы полемики. «Современникъ» полагаетъ, что начать полемику можно только по злости къ лицу, съ которымъ полемизируешь, что всякая полемика есть обида, что за нее нужно мстить и т. д. Поэтому «Современникъ» обижается, дѣлаетъ угрозы, толкуетъ о своемъ милосердіи, предлагаетъ условія перемирія и т. д. Однимъ словомъ, точно дѣло идетъ о враждѣ и борьбѣ между лицами, а не о борьбѣ идей. Припомнимъ то время, когда г. Антоновичъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ литературныхъ враговъ своихъ, стоялъ во главѣ русской литературы. Это продолжалось четыре мѣсяца. Въ январѣ (1862) онъ написалъ статью противъ славянофиловъ, въ февралѣ противъ г. Юркевича, въ мартѣ противъ г. Тургенева, въ апрѣлѣ противъ насъ. Въ этой статьѣ единственной причиной нашей полемики противъ «Современника» выставлялась наша *злость*, возбужденная будтобы не многими но мѣткими отзывами объ насъ «Современника». Кромѣ того «Современникъ» ставилъ себя въ очень выгодное положеніе, говоря, что мы все имъ занимаемся; онъ хвалился какъ знакомъ величія и силы, что на него было обращено столько вниманія. Теперь, какъ видно, дѣло перемѣнилось. Въ послѣдней книжкѣ онъ жалуется, что мы поступили съ нимъ *неделикатно*, что въ 1863 г., едва вышла его первая книжка, какъ мы напали на него въ статьѣ: *Сказаніе о дураковой плѣши*, въ которой статьѣ мы доказывали, что «Современникъ» 1) *не умѣетъ*

мыслить, 2) *не умѣетъ понимать*, 3) *проповѣдываетъ ужасающія нельпости*. И это на основаніи одной только книжки.

Дѣйствительно, деликатности тутъ было мало; но — вотъ чего никогда не можетъ понять «Современникъ»,—мы и не хотимъ и не хотѣли ни какой деликатности, если подъ деликатностію разумѣть уступку и поблажку мнѣніямъ, съ которыми мы не согласны. Мы всегда *враждебно* относились къ мнѣніямъ «Современника»; мы и впредь всегда будемъ враждебно къ нимъ относиться. *Мы* начали полемику съ «Современникомъ», а не онъ съ нами; мы вели ее постоянно и постоянно будемъ вести ее.

«Современнику» непонятно, какимъ образомъ можно чувствовать такую глубокую вражду къ извѣстнымъ идеямъ; онъ полагаетъ, что все дѣло дѣлается по злобѣ и по обидѣ. Такое пониманіе очень мелко.

Не личности насъ трогаютъ. Насъ занимаетъ не г. Пыпинъ, не г. Антоновичъ, не г. Щедринъ. Намъ антипатичны тѣ идеи, которыя они поддерживаютъ всякими правдами и неправдами. Противодѣйствовать этимъ идеямъ мы считаемъ за долгъ, за служеніе истинѣ.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

Пожары и выводъ изъ послѣднихъ свѣденій о нихъ.—Какъ кто относится къ факту.—Благовоспитанные и либералы заднимъ числомъ.—Нѣчто о личныхъ предпочтеніяхъ.—Польза отъ путешественниковъ, «ни мало не заботящихся объ изученіи чего-бы то ни было».—Кто кому мѣшаетъ подходить къ народу.—Преобразованіе училищъ въ Царствѣ Польскомъ.—Замѣтка И. Юзефовича и надобность въ постройкѣ Московско-Кіевской желѣзной дороги.—Слова два по поводу статьи г. Обручева о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.—Похвальное слово областнымъ корреспонденціямъ. — «Образованные люди» и «меньшая братія».—Что въ самомъ дѣлѣ стоитъ между тѣми и другой.—Непріятный признакъ.—Какъ живутъ на границахъ Башкиріи.—Поисправились мужички!—Нѣмецкая записка и русскіе купцы.

Въ послѣднемъ нумерѣ мы упомянули-было о пожарахъ нынѣшняго лѣта, сказали о нихъ два-три слова, да и замолчали. Конечно замолчали мы не безъ причины и на этотъ разъ постараемся объяснить ее. Но прежде о самыхъ пожарахъ.

Пожары вообще можно назвать почти спеціальнымъ бѣдствіемъ русскаго народа; источники этой спеціальности понятны и должно быть извѣстны всѣмъ. Они суть: съ одной стороны древесно-соломенныя, какъ порохъ воспламеняющіяся жилища, съ другой—складъ русскаго характера, не легко поддающійся на привычку къ мелочной житейской акуратности, къ скрупулёзной ежедневной и ежеминутной осторожности, къ строгому, на вершки размѣренному домашнему порядку... Ну, вотъ мы и погораемъ каждогодно, въ терпѣливомъ ожиданіи, что когда-нибудь измѣнится и усовершенствуется система и самая натура частныхъ городскихъ и сельскихъ построекъ, а также—и неодолимый складъ нашего характера умѣрится и уравновѣсится наибольшей общественной сплоченностью, яснымъ пониманьемъ ея вели-

кой силы, совершенно усвоеннымъ сознаніемъ необходимости и выгоды—беречь всѣмъ каждаго и каждому всѣхъ... Но вотъ бѣда: по временамъ, хоть очень изрѣдка, выпадаютъ у насъ особенно несчастные годы, когда наше хроническое бѣдствіе вдругъ получаетъ какое-то воспалительное свойство, болѣзненно отражающееся на цѣлый организмъ: пожары дѣлаются всеобщей грозой, наводящей повсемѣстный ужасъ, потому что перестаютъ казаться обыкновенной, простой случайностью, слѣдствіемъ старыхъ, постоянно дѣйствующихъ причинъ, а уже заставляютъ предполагать что-нибудь особенное, новую, временную причину; а пока причина и мѣсто ея нахожденія неизвѣстны, до тѣхъ поръ не видится возможности устранить ея дѣйствіе и потому страхъ мучитъ всѣхъ неотступно... И странно, что подобныя бѣдственныя годины большею частію совпадаютъ или близко сходятся по времени съ какимъ-нибудь другимъ счастливымъ или злополучнымъ, но очень крупнымъ событіемъ. Напримѣръ пожары 1862 года разразились-же въ то время, когда всѣ были заняты и одушевлены почти исключительно начавшимся великимъ процессомъ освобожденія крестьянъ. Было, если память насъ не обманываетъ, нѣчто подобное и послѣ 1831 года. Наконецъ—нынѣшнее лѣто... принадлежитъ-ли оно къ числу такихъ-же изъ ряда выходящихъ годинъ?

Нынѣшнимъ лѣтомъ было много пожаровъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: и въ Московской губерніи и въ Минской, во Владимірской и Костромской, въ Архангельскѣ, Ригѣ и Екатеринославлѣ; да лучше сказать—не знаю гдѣ ихъ не было. Но кажется ни гдѣ они не были такъ часты и опустошительны и нигдѣ не навели такого страха, какъ въ приволжскихъ губерніяхъ и вообще въ восточномъ и юговосточномъ краяхъ Россіи. Припомнимъ хоть нѣкоторые изъ этихъ мѣстныхъ несчастій, въ хронологическомъ порядкѣ:

4-го мая горѣлъ *Оханскъ* (Пермской губерніи); сгорѣло 60 домовъ.

5-го мая—пострадалъ *Сарапулъ* (Вятской губ.).

13-го мая выгорѣлъ почти весь *Сердобскъ* (Саратовской губ.).

4-го іюня сгорѣли почти всѣ строенія Нижегородской ярмарки.

Съ 4-го по 23-го іюня рядъ пожаровъ въ *Петровскомъ уѣздѣ* (Саратовской губерніи) истребилъ слишкомъ 1,500 крестьянскихъ дворовъ и 6 помѣщичьихъ усадьбъ, и три села: Кожино, Барятино и Даниловка выгорѣли до тла.

1-го іюля горѣлъ *Оренбургъ*; сгорѣло 660 домовъ, въ томъ числѣ 11 соляныхъ анбаровъ. Убытокъ цѣнится безъ малаго въ 700,000 руб.

16 го августа былъ пожаръ въ *Ростовѣ-на-Дону*.

Съ 13-го по 22-е августа совершилось величайшее изъ пожарныхъ бѣдствій: почти совершенное испепеленіе *Симбирска*. Отъ этого

страшнаго пожара убытокъ цѣнятъ приблизительно въ 10 миліоновъ рублей.

Съ 22-го по 25-го августа и въ первыхъ числахъ сентября было восемь пожаровъ въ *Ставропольскомъ уѣздѣ* (Самарской губерніи). Истреблено слишкомъ 70 домовъ.

1-го и 3-го сентября были пожары въ *Уфѣ*. Отъ перваго сгорѣли у купца Блохина 4 флигеля съ надворнымъ строеніемъ и хлѣбомъ на 25 тысячъ руб.; вторымъ истреблено 80 домовъ.

Но -пока довольно. Мы конечно указываемъ только на крупные случаи, а сколько было мелкихъ, сколько было начинавшихся и удачно прерванныхъ пожаровъ,—гдѣ-жь все это сощитать! Всѣ эти печальныя вѣсти своевременно, т. е. давно стали печататься въ разныхъ газетахъ, и по поводу ихъ... Конечно по поводу подобныхъ вѣстей газеты,—по самому своему призванію—вникать въ современныя событія и по возможности уяснять ихъ читающимъ людямъ,—не могли ничего не говорить. Но внимательный читатель, если онъ почерпаетъ новости изъ разныхъ печатныхъ органовъ, въ настоящемъ случаѣ долженъ былъ долго оставаться полуудовлетвореннымъ; а если онъ еще одаренъ наблюдательностію, то могъ пожалуй и сдѣлать какія-нибудь соображенія на счотъ различія въ нравахъ и привычкахъ читаемыхъ имъ органовъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, можно было замѣтить между московскими и нѣкоторыми петербургскими газетами ту-же разницу, какая давно замѣчена вообще между Москвой и Петербургомъ. Москва обыкновенно прямо смотритъ въ глаза твердымъ и упорнымъ взглядомъ и говоритъ что думаетъ, отчотливо и внятно. Петербургъ напротивъ—задумчиво потупляетъ взоры, пожимаетъ плечами, руками разводитъ, немножко семенитъ, начинаетъ рѣчь, да тутъ-же ее всю цѣликомъ и глотаетъ и видимо находится въ затрудненіи, какъ отнестись къ тому или другому грубому факту. Однимъ словомъ — это положеніе человѣка, считающаго себя благовоспитаннымъ и ужасно заботящагося о томъ, чтобы не срѣзаться и не уронить своей благовоспитанности въ глазахъ тѣхъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожитъ. Черту этой... *мѣщанской* (если позволите такъ выразиться) благовоспитанности мы готовы указать во многомъ, и пожалуй сейчасъ-же воротимся къ ней.

Кой-какія объясненія о пожарахъ нынѣшняго лѣта стали являться только въ послѣднее время. Впрочемъ «Московскія Вѣдомости» еще въ нумерѣ 28-го августа разсуждали такъ: «Удивляться-ли толкамъ о поджогахъ, когда обстоятельства пожаровъ представляютъ столько явныхъ на нихъ указаній, когда пожары вспыхиваютъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ нежилыхъ строеніяхъ, повторяются по нѣсколь-

*

ку разъ къ ряду въ теченіе короткаго промежутка времени...» За тѣмъ, указавъ на нѣкоторые, болѣе или менѣе значительные случаи, «Вѣдомости» заключили такъ: «все это такіе случаи, которые невольно располагаютъ къ мнительности. А если уже зародилась мысль о поджогахъ, сами собою являются и догадки о поджигателяхъ...»

Эта мнительность и эти догадки могли быть возбуждаемы многими приходящими съ мѣстъ извѣстіями. Напримѣръ: въ Ростовѣ-на-Дону, передъ пожаромъ и послѣ пожара находили подметныя угрожающія записки, изложенныя такъ: «*Бережитеся*», городъ Ростовъ, что на Дону, будетъ сожженъ *на* пепелъ» и пр. Или: «Господа *полиціанты!* Какія-бы вы мѣры не дѣлали предосторожности на счотъ поджоговъ, а городъ все-таки будетъ подожженъ нами...»

«Сѣверная Почта» сообщила нѣсколько указаній, наводящихъ на тѣ-же мысли, напримѣръ: «Во время пожаровъ въ селѣ Кожинѣ (Петровскаго уѣзда) заподозрѣнъ крестьянами въ поджогѣ односелецъ ихъ Шуйкинъ; а въ селѣ Барятинѣ задержанъ неизвѣстный человѣкъ, который, прибывъ туда и выдавая себя за помощника пристава, велъ съ крестьянами подозрительные разговоры.» Далѣе, по поводу пожаровъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ (Самарской губерніи) сказано: «По общему отзыву жителей пожары произошли отъ поджоговъ, но прямыхъ подозрѣній ни на кого не высказано...» «Для успокоенія умовъ и прекращенія несчастій въ Самарской губерніи приняты (между прочимъ) слѣдующія мѣры: обращено вниманіе на ветхія строенія и поручено имѣть надзоръ за лицами прибывающими въ Самару и за поляками, состоящими подъ надзоромъ полиціи и служащими въ войскѣ, а равно задерживать безпаспортныхъ людей. — При соблюденіи этихъ предосторожностей спокойствіе въ Самарѣ и прочихъ городахъ не было нарушено.»

О симбирскихъ пожарахъ, прежде нежели они потухли, уже посланы были очевидцами кореспонденціи, которыя начинались въ такомъ родѣ: «Пишу только-что воротившись изъ постигнутаго страшнымъ бѣдствіемъ Симбирска. Оставленный мною городъ представлялъ ужасающій видъ огненнаго моря...» Далѣе: «пеку хлѣбъ, чтобы послать несчастнымъ: вѣдь умираютъ съ голоду — слышите-ли, съ голоду!..» (*) Или: «Пишу подъ вліяніемъ ужаса, которымъ поражено

(*) Для пособія симбирскимъ погорѣльцамъ, по Высочайшему повелѣнію отпущено въ распоряженіе командированнаго туда генералъ-адъютанта Врангеля сначала 10,000 р. и вслѣдъ за тѣмъ 20,000 р., да изъ продовольственнаго капитала ассигновано въ безвозвратное пособіе 70,000 р. Кромѣ того, министромъ внутреннихъ дѣлъ разрѣшено раздать въ ссуду наиболѣе нуждающимся погорѣльцамъ, изъ продовольственнаго капитала, до 15,000 руб.

все народонаселеніе нашего города. *Симбирскъ не существуетъ*; его дымящіеся развалины свидѣтельствуютъ о силѣ разрушительныхъ пожаровъ, истребившихъ нашъ губернскій городъ со всѣми казенными и общественными строеніями, соборами и многими церквами. Что не могъ сдѣлать огонь поджигателей, то разрушено взрывами пороха...»

За этими первыми восклицаніями послѣдовали и нѣтоторыя объяснительныя свѣдѣнія. Въ одной корреспонденціи, напечатанной въ № 244 «Голоса,» было сказано: «Сначала думали, что причиной пожаровъ была неосторожность самихъ обывателей; но ежедневные пожары и выборъ мѣстъ для дѣйствія огня, заставили подозрѣвать умышленный поджогъ. Дѣйствительно загоралось всегда на мѣстахъ самыхъ неблагопріятныхъ для дѣйствія пожарныхъ командъ: или зданія чрезвычайно тѣсно построены, или на мѣстѣ пожара винный складъ, дровяной дворъ и т. д. Когда такимъ образомъ поджоги стали ясны (въ этомъ мѣстѣ редакція «Голоса» вставила вопросительный знакъ), то для предохраненія города, по предложенію начальника губерніи, домовладѣльцы собрались въ думѣ, опредѣлили усилить караулы, избравъ для падзора за караульными особенныхъ десятскихъ по каждому кварталу; но несмотря на эти мѣры, уже приводившіяся въ исполненіе, пожары въ слѣдующіе дни еще болѣе усилились.» Въ другой корреспонденціи («Моск. Вѣд.» № 193) говорилось такъ: «Надѣемся, что строгое слѣдствіе откроетъ виновниковъ поджоговъ, а ихъ должно полагать не мало, потому что поджигать городъ ежедневно, во многихъ мѣстахъ, въ продолженіе десяти дней, и производить стратегически, пользуясь сильными вѣтрами, страшные, разрушительные пожары — нѣтъ возможности малой шайкѣ поджигателей...» «Что за цѣль этихъ пожаровъ? Что за тайная вражеская сила разрушаетъ города и поджигаетъ деревни?..»

Таковы были голоса симбирскихъ обывателей съразвалинъ ихъ роднаго города, и вотъ—въ № 210 «Русскаго Инвалида» (отъ 23 сентября) является слѣдующее извѣстіе. Въ Симбирскѣ два солдата были преданы военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Григорьевъ, рядовой госпитальной команды, уроженецъ Витебской губерніи, Полоцкаго уѣзда, исповѣданія римско-католическаго, признанъ былъ виновнымъ: въ нарушеніи долга вѣрноподданнической присяги, въ богохульномъ порицаніи православной церкви, во всенародномъ заявленіи, что пожары истребившіе Симбирскъ были дѣломъ мести единомысленныхъ ему поляковъ, и наконецъ—въ сокрытіи своихъ подстрекателей по всѣмъ означеннымъ преступленіямъ. Другой, рядовой, гарнистъ, Михаилъ Ѳедоровъ, родомъ черемисъ, сознался въ участіи поджогѣ, 19 августа (день самаго большого пожара), са-

рая съ сѣномъ. Оба эти рядовые были приговорены судомъ къ смертной казни — разстрѣляніемъ, и приговоры эти приведены въ исполненіе 12-го и 21-го сентября.

Наконецъ — въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», отъ 2-го октября, перепечатана изъ «Московскихъ Вѣдомостей» небольшая корреспонденція изъ Симбирска, въ которой авторъ, описавъ какъ очевидецъ казнь рядового Семена Григорьева, оканчиваетъ свое письмо такъ: «Вотъ нѣкоторыя подробности лично о Семенѣ Григорьевѣ. Онъ былъ взятъ, сколько помню, утромъ 10-го числа, на базарной площади Симбирска, гдѣ всенародно заявлялъ, что пришолъ мстить за польскую кровь, что русская земля и русская вѣра прокляты поляками, и что пожары были ихъ справедливымъ мщеніемъ. На допросахъ военно-судной коммисіи, какъ говорятъ, онъ выказалъ упорный фанатизмъ, утверждая, что никакія средства не заставятъ его ни измѣнить свой образъ мыслей, ни открыть своихъ подстрекателей, ни быть вѣрноподданнымъ Государя, такъ какъ Государь — не католикъ. Нужно-ли говорить, что это—жертва фанатическихъ ксендзовъ?»

И такъ, полагаемъ, теперь уже не нужны стали ужимки и недомолвки гуманно-либерально-благовоспитанной половины нашихъ печатныхъ органовъ.

Да! такъ вотъ кстати объ этой гуманной благовоспитанности... Съ чего-же-бы начать о ней?.. Всѣмъ я думаю извѣстенъ путь, которымъ всякая вновь прибылая идея вступаетъ въ міръ и входитъ въ массы человѣчества. Зародившись зерномъ невидимо и неслышимо въ тѣхъ-же массахъ, она развивается и принимаетъ первоначальную, опредѣленную форму въ головѣ избранниковъ, людей какъ-бы особой породы, которые родятся чрезъ болѣе или менѣе долгіе промежутки времени и составляютъ въ человѣчествѣ, такъ сказать, высшій кругъ, аристократію ума. Отъ чего зависитъ нарожденіе такихъ людей, не участвуетъ-ли въ образованіи ихъ высшей породы процессъ физіологическій—смѣшеніе разноплеменной крови или что-нибудь подобное?— Это любопытно было-бы изслѣдовать, но — мы не беремся за такое изслѣдованіе. Дѣло только въ томъ, что эти избранники всегда являются отмѣченные высшими свойствами человѣческой организаціи, и они-то несутъ на своихъ могучихъ плечахъ всю тяжесть и всѣ муки рожденія новой идеи. Эти муки выражаются въ томъ, что современные дюжинные мыслители бросаются на провозвѣстника новой идеи сначала съ насмѣшками, потомъ мало по малу проникаются негодованіемъ на то, что какой-то чудакъ хочетъ нарушить въ ихъ головахъ уже давно сложившійся порядокъ. Проникнувшись негодованіемъ, они выдвигаютъ противъ врага всю запасную артиллерію общеприня-

тыхъ доводовъ и поднимаютъ такой трескъ, за которымъ одинокій, хотя-бы и богатырскій голосъ, дѣлается конечно неслышнымъ. И вотъ—рьяные воители, выпустивши всѣ свои заряды, идутъ домой въ полномъ убѣжденіи, что новая идея побита на смерть и что слѣдовательно можно опять спокойно сѣсть за книжки. Но идея осталась не побитою; она жива, она идетъ въ міръ, неслышною струею льется въ людскія сердца,—и міръ вдругъ озаряется новымъ свѣтомъ. Замѣтятъ его почтенные, сгорбившіеся надъ книжками люди, да ужь поздно: остается закрыть книжки, сложить руки и молча созерцать, что дѣлается на свѣтѣ. Но вотъ тутъ-то являются господа въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ разбѣгу вцѣпляются въ недавно рожденную, но уже всюду получившую право гражданства идею, заучиваютъ наизусть, къ зубу, ея формулу и въ полной увѣренности, что дальше этой формулы за ихъ вѣкъ человѣчество не подвинется ни на шагъ, бойко и развязно становятся въ самую переднюю шеренгу и начинаютъ какъ барабанщики выбивать языками заученную формулу, безъ устали, безъ разбору, ни къ селу ни къ городу. Самодовольству этихъ барабанщиковъ мѣры нѣтъ, потому что они наивно причисляютъ себя къ одной породѣ съ тѣмъ избранникомъ, отцомъ идеи, формула которой такъ крѣпко засѣла у нихъ въ памяти; имъ конечно не понять разницы: у того — не формула, а самая идея, въ ея первобытной чистой сущности, выросла изъ глубины сердца, а въ ихъ сердцахъ она едва-ли имѣла и временное пребыванье. И выбиваютъ они эту формулу долго, не замѣчая, что она уже вся растрепалась, что девизъ герба ихъ давно стерся и полинялъ отъ частаго употребленія, такъ что другому, свѣжему человѣку стыдно становится показаться въ немъ въ люди, — а имъ ничего: все-же гербъ, все-же значокъ, отличка!—Мы, говорятъ, не какіе-нибудь, мы благовоспитанные, аристократы ума, передовые, а всѣ другіе — дикари, *азіяты*... Мы служители лучшей идеи, представители послѣдняго фаза цивилизаціи! *Гуманность*! *либерализмъ*— вотъ нашъ девизъ!—Помилуйте! замѣчаютъ имъ, — какіе вы аристократы ума: вы совсѣмъ другой, простой, мелкой породы; вы только нарядились аристократами, прицѣпивши къ себѣ свой девизъ, эту формулу, — воображая, что въ ней все еще дышетъ живая идея, но ея ужъ тутъ нѣтъ,—осталась одна пустая, бездушная фраза, общее мѣсто... Вы—либералы заднимъ числомъ: очнитесь и разочаруйтесь!.. Но свойство благовоспитанности въ томъ и состоитъ, чтобы владѣть собой; выслушивая непріятную правду большого значенія ей не придавать, не краснѣть и не теряться, а ловко повернувшись на каблучкѣ, продолжать выбивать заученную дробь съ невозмутимымъ самодовольствомъ.

Но при всемъ самодовольствѣ, эти барабанщики,—которыхъ можно пожалуй уподобить еще повару, привыкшему валить одну и ту-же любимую приправу во всѣ возможныя яства, — попадаютъ иногда въ наижалчайшее положеніе и кажутъ міру свою сердечную нищету во всей ея неприглядности. Положимъ возникаетъ практическій вопросъ большого размѣра... будь то хоть польскій, недавно горячо кипѣвшій и еще не успѣвшій остынуть, или другой подобный,—наши повара хватаютъ его, вставляютъ въ формулу и тотчасъ-же дѣлаютъ выводъ. Анъ глядь: выводъ показываетъ совершенно не то, что говоритъ навстрѣчу идущій наличный фактъ. Ну вотъ — повара и растерялись! Что дѣлать? Въ собственномъ сердцѣ ничего нѣтъ, а формула лжотъ. Они было: «во имя-дескать гуманности утверждаемъ!..» Да утверждать-то нельзя, потому что выходитъ практическая ложь. Бросить формулу или отвергнуть фактъ? Подломить собственноручно подъ собой единственную подпорку, или идти отрицать очевидность?—То и другое невозможно; остается заикнуться или совсѣмъ замолчать. Они, бѣдные, такъ и дѣлаютъ — всѣ эти отвлеченно-«самостоятельные» *современники*, «независимые» *голоса* и многіе иные С. Петербургскіе органы. Но вѣдь это имъ ужасно тяжело; оттого-то они и не любятъ этихъ грубыхъ фактовъ, мѣшающихъ ихъ отвлеченнымъ упражненіямъ въ формулѣ.

А то есть еще въ Петербургѣ благовоспитанная газета «Вѣсть»... Слыхали-ли вы о ней, читатель? Не слыхали? Ну, и прекрасно! А на случай нечаянной встрѣчи, мы возьмемъ изъ нея для васъ двѣ-три черты, чтобы изобразить ими весь ея ликъ, да потомъ и забыть о его существованіи. Увлекаемая своими утонченно-благовоспитанными инстинктами, «Вѣсть» на-примѣръ однажды изъяснила, что она «образованнаго польскаго помѣщика *предпочитаетъ* бѣлорусскому крестьянину-неучу.» Московская газета «День» ужаснулась рѣшимости произнести эту мысль, говоря, что въ прошломъ году не достало-бы у «Вѣсти» на это отваги, и при этомъ предается слѣдующему интересному соображенію относительно газеты «Вѣсть.» «Она, говоритъ «День,» доставляетъ намъ случай, самъ по себѣ рѣдкій, обличать мнѣнія, которыя образуются и формулируются внѣ журнальной сферы, въ области недоступной литературному обличенію... Она доставляетъ намъ возможность осязать одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего общества. Въ этомъ, кажется, и заключается весь смыслъ существованія этой газеты, потому что какъ газета, она едва-ли способна оказывать какое-нибудь вліяніе на общество, а партія, ее издающая, способна оказывать свое недоброе дѣйствіе и безъ помощи «Вѣсти» — въ предѣлахъ нелитературныхъ... Какъ-же не радоваться намъ существованію газе-

ты «Вѣсть»,—этому еженедѣльному случаю встрѣчаться лицомъ къ лицу съ партіей ее издающей—на журнальной сценѣ!» («День» № 39).

И такъ—«День» возмущается заявленіемъ «Вѣсти» о ея предпочтеніяхъ. А мы, правду сказать вовсе не понимаемъ этого заявленія: Какъ это она предпочитаетъ? Да кто ее спрашивалъ о ея личныхъ предпочтеніяхъ? Вѣдь это до общаго дѣла вовсе не касается. Кого предпочитаетъ, съ тѣмъ пожалуй и цѣлуйся; но если дѣло идетъ о томъ, чтобы извлечь забитаго неуча изъ-подъ гнета разныхъ цивилизаторовъ и полонизаторовъ, о томъ чтобы цѣлому обезличенному краю возвратить его природную физіономію, затушованную стараніями пропагандистовъ, о томъ чтобы дать тамъ ходъ издавна пріостановленному росту естественныхъ народныхъ силъ, — то тутъ ужъ пускай она съ своими личными предпочтеніями подвинется въ сторону, потому что дѣло слишкомъ важное: тутъ историческій судъ, а извѣстно, что такое судья, оказывающій «предпочтеніе» своему брату образованному, потому что онъ свой братъ и нельзя же своего брата выдать передъ какимъ-нибудь неучемъ, хоть-бы этотъ братъ и посягалъ на нравственную жизнь неуча, хотя-бы и умерщвлялъ долгими годами его духъ, почти не признавая и правъ его на существованіе...

Впрочемъ мы и забыли, что только чертимъ ликъ благовоспитанной газеты, а вовсе не объясняемся съ ней... Посмотрите-же, вотъ еще чорточка: газетка доселѣ дребежжитъ старческими устами, что намъ, дикарямъ и «азіятамъ», необходимо ѣздить всѣмъ за границу, не только для научнаго усовершенствованія или цѣленія недуговъ, а просто для того, чтобы нанюхаться цивилизаціи и благовоспитанности. Она прямо говоритъ, что не смотря на «экономическій вредъ» этихъ путешествій, изъ нихъ «извлекается и значительная польза»; потому что изъ числа путешественниковъ, «даже люди, *ни мало не заботящіеся объ изученіи чего бы то ни было*, все-таки возвращаются въ отечество съ нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній (объ отеляхъ, cafés-chantants, рулеткахъ и т. п.) и съ воззрѣніями значительно очищенными отъ всякаго азіатизма, славянофилизма и даже соціализма. «(См. «Вѣсть» № 38). Это теперь-то она говоритъ! Какъ-будто мы еще не насмотрѣлись на этихъ возвращающихся, «ни мало не заботящихся объ изученіи чего-бы то ни было»! Какъ будто мы еще не знаемъ, что ихъ воззрѣнія дѣйствительно очищаются до того, что становятся подобны чистой ключевой водѣ—въ отношеніи безцвѣтности,—до того, что на языкѣ остается у нихъ одна формула гуманности, а въ сердцѣ—одно и единственное чувство благовоспитанности, а больше ничего!

Еще одинъ штрихъ. Газета ратуетъ за помѣщиковъ. Ну, въ доб-

рый часъ! пусть ратуетъ, если есть противъ кого! Она говоритъ: «интересы помѣщичьяго класса суть интересы Россіи; помѣщики, а не волостные старшины и не шутники, наряжающіеся въ мужицкія поддевки, суть истинные и прирожденные вожди русскаго народа».

Вы знаете, читатель, что теперь уже всѣ, сколько нибудь мыслящіе люди взываютъ: господа помѣщики! пріобщитесь къ народу, помогите его политической неопытности, укажите ему дорогу къ существенной и разумной дѣятельности, научите наконецъ его исполнить желаніе правительства, зовущаго его къ этой дѣятельности... И ни кто не думаетъ оспаривать у нихъ роли народныхъ вождей, если они съумѣютъ взять ее на себя и войдти въ нее. Хотя, правду сказать, мы не знаемъ какими дорогами и куда именно эти вожди привели до сихъ поръ народъ, но впредь—дай имъ Богъ успѣха!.. Что-же это пережовываетъ «Вѣсть»? спросите у ней!

Наконецъ — послѣдняя, заключительная черта, и ликъ готовъ. Въ «Вѣсти» напечатаны такія слова:

«Вы предлагаете намъ подойти ближе къ народу. Мы и сами желаемъ этого, но ваша «вольная дружина» съ ея *«демократами-чиновниками»* мѣшаетъ намъ; она старается поссорить насъ съ народомъ и въ то-же время ея усилія направлены къ тому, чтобы выжить насъ изъ нашей деревни».. («Вѣсть» № 37 стр. 3).

Это что такое, спрашиваете вы. Кто это говоритъ? Неужели это отъ лица русскихъ помѣщиковъ? Кто-жъ мѣшаетъ имъ подходить къ народу, кто выживаетъ ихъ изъ деревень? Какіе это демократы-чиновники? Позвольте, это сейчасъ разъяснится: дѣло не хитрое! Въ 38 № «Вѣсти» есть корреспонденція изъ *Кіевской губерніи;* тамъ между прочимъ говорится:

«Мы много уже читали гимновъ въ честь новыхъ мировыхъ посредниковъ, и если въ числѣ ихъ находимъ людей, безспорно порядочныхъ и добросовѣстныхъ, за то къ сожалѣнію встрѣчаемъ и неспособныхъ и не понимающихъ своей обязанности. Что-бы ни говорили намъ г.г. корреспонденты о патріотическомъ направленіи этихъ новыхъ чиновниковъ, о пользѣ какая льется отъ нихъ для края, о ихъ неподкупности и несокрушимости убѣжденій, — мы прямо и чистосердечно сказать должны, что отъ такой замѣны старыхъ чиновниковъ новыми крестьянское дѣло осталось въ убыткѣ. *Какія-бы ни были политическія убѣжденія прежнихъ мировыхъ посредниковъ,* но то не сомнѣнно, что *всѣ* они были люди честные, знали свое дѣло и занимались имъ съ толкомъ»...

Ну, вотъ вамъ и разгадка о вождяхъ. До русскихъ помѣщиковъ,

какъ видите, это вовсе не касается, какъ не касается и до чиновниковъ, служащихъ во внутреннихъ областяхъ Россіи. Затѣмъ и о благовоспитанной газетѣ больше не стóитъ говорить.

О русскихъ помѣщикахъ, русскихъ въ собственномъ и полномъ смыслѣ—должна идти особая рѣчь, и мы дойдемъ до нея можетъ быть въ этой-же статьѣ; но теперь нѣкоторые важные предметы, о которыхъ умолчать невозможно, заставляютъ насъ еще остановиться на западныхъ предѣлахъ.

30-го августа послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя намѣстника Царства Польскаго, съ препровожденіемъ пяти Высочайшихъ указовъ: 1, О начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ; 2, О женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ Царствѣ; 3, О русской гимназіи въ Варшавѣ; 4, О нѣмецкомъ евангелическомъ училищѣ въ Варшавѣ, и 5, Объ учрежденіи учебныхъ дирекцій. Въ рескриптѣ выражена Высочайшая воля продолжать и развивать тѣ коренныя преобразованія въ Царствѣ Польскомъ, начало которымъ положено указами 19-го Февраля нынѣшняго года, и желаніе «полнаго обновленія гражданскаго быта въ Царствѣ», безъ чего «невозможно обезпечить въ будущемъ правильное и точное развитіе края». Въ этихъ благихъ видахъ и изданы настоящія постановленія, имѣющія предметомъ—улучшеніе системы народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ.

Независимо отъ содержанія указовъ, въ самомъ рескриптѣ между прочимъ предписано намѣстнику: войдти въ соображеніе о скорѣйшемъ по возможности преобразованіи главной школы въ *варшавскій университетъ*, съ распространеніемъ на него, сообразно мѣстнымъ условіямъ, правъ и преимуществъ, дарованныхъ общимъ уставомъ русскихъ университетовъ. Низшія-же земледѣльческія училища велѣно преобразовать сообразно съ указами 19-го февраля 1864. Ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіи ихъ нужными средствами—возлагается на вновь-созданныя (указами 19-го февраля) сельскія общества.

Чтобы вполнѣ уяснить духъ предстоящаго преобразованія училищъ въ Польшѣ, приводимъ слѣдующія слова рескрипта: «предоставляя польскому юношеству возможность обучаться на его природномъ языкѣ, надлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять во вниманіе, что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо между прочимъ озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ, а въ школахъ общихъ, особенно-же низшихъ,

ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, т. е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или-же на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей. Задача Россіи въ отношеніи къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія».

Эти слова привели въ раздумье московскую газету, отличающуюся осторожностью, направленною къ охраненію интересовъ русской народности. Она замѣчаетъ, что въ Польшѣ почти нѣтъ такихъ мѣстностей, которыя были-бы сплошъ заняты русскимъ или нѣмецкимъ населеніемъ, а вездѣ они находятся въ сильной примѣси съ населеніемъ польскимъ. Поэтому для большинства общихъ училищъ господствующимъ языкомъ долженъ сдѣлаться польскій; основывать-же особыя училища по народностямъ, меньшинству общества будетъ вѣроятно тяжело. Это обстоятельство внушаетъ московской газетѣ опасеніе, чтобы благая мысль о «полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ населенія» не осталась безъ осуществленія.» Можно опасаться, говоритъ она, что теперь усилія поляковъ будутъ направлены къ тому, чтобы отклонять сельскія общества польскихъ крестьянъ отъ желанія учиться чтенію и письму по-русски, и напротивъ — чтобы понуждать русскихъ, литовцевъ и другихъ, учиться по польски». Въ отклоненіи этой польской пропаганды газета всю надежду возлагаетъ на дѣятельность русскихъ властей въ томъ краѣ, приглашая ихъ—не упускать изъ вида общаго духа указовъ 30-го августа.

Если уже раздѣлять эти опасенія, то намъ кажется недостаточно возлагать всю надежду исключительно на одни мѣстныя власти. Нельзя-же забывать, что призваніе мѣстныхъ властей—вникать во всѣ законныя потребности края и содѣйствовать удовлетворенію этихъ потребностей въ той мѣрѣ, въ какой ожидаетъ того отъ нихъ мѣстное общество. Но мы увѣрены, что присущій въ Польшѣ русскій элементъ земства на столько одушевленъ воспоминаніемъ недавнихъ событій и на столько внутренно-силенъ своей самобытностью, что ни какъ не допуститъ себя подчиниться польской пропагандѣ. И въ такомъ только случаѣ святою обязанностью мѣстныхъ властей будетъ содѣйствовать собственнымъ усиліямъ русскаго элемента въ его разумной борьбѣ; безъ этихъ-же усилій со стороны общества, одни формальныя распоряженія властей только ввели-бы насъ въ заблужденіе на счотъ ихъ дѣйствительныхъ результатовъ.

Между тѣмъ мысль о польской пропагандѣ, о «польской интригѣ» мы не вправѣ обойти въ нашей лѣтописи, потому что она не принадлежитъ одному нашему, или какой-нибудь газеты личному настроенію, а слы-

шится со стороны, издали, съ мѣста дѣйствія, гдѣ это явленіе непосредственно поражаетъ наблюдателя. Вѣроятенъ-ли сколько-нибудь ея успѣхъ, или несомнѣнно полное и конечное безсиліе ея попытокъ,—этого мы, сидящіе на берегахъ ингерманландскихъ, не можемъ рѣшить въ настоящее время. Но явленіе замѣчено, и несомнѣнно то, что чѣмъ больше оно будетъ замѣчено, чѣмъ больше оно будетъ на виду, тѣмъ дѣйствіе его будетъ безвреднѣе, безопаснѣе. Поэтому нельзя не обратить вниманія напримѣръ на статью г. М. Юзефовича, изъ Кіева, напечатанную въ № 203 «Московскихъ вѣдомостей». Въ ней говорятся между прочимъ слѣдующія серьозныя вещи:

«Пользуясь переходнымъ состояніемъ нашей жизни и естественными явленіями совершающагося въ ней преобразовательнаго процесса, измѣненіемъ всѣхъ почти прежнихъ отношеній, колебаніемъ неустановившихся еще отношеній новыхъ, и возбужденнымъ броженіемъ умовъ,—поляки имѣютъ въ виду затруднить правильный ходъ нашихъ преобразованій, внести разладъ въ наши новыя учрежденія, посѣять раздоръ между нашими общественными классами, поколебать прочность связей между правительствомъ и народомъ и наконецъ—разорвать наше народное единство. Главными элементами для этой интриги должны служить: крестьянское дѣло, экономическія затрудненія дворянства, нашъ недозрѣлый либерализмъ, презрѣнный гуманизмъ и племенное соперничество»...

Далѣе г. Юзефовичь подробнѣе развиваетъ каждый изъ этихъ элементовъ. Такъ напримѣръ онъ говоритъ:

«Кому извѣстно, какъ недоступно нашимъ бѣднымъ неграмотнымъ крестьянамъ отчотливое пониманіе писанныхъ уставовъ, тотъ знаетъ какъ легко самыми неуловимыми средствами сбивать ихъ съ толку, и извращая ихъ понятія о дарованныхъ имъ льготахъ и правахъ, отклонять ихъ отъ исполненія обязанностей, ссорить ихъ съ администраціей, доводить послѣднюю до строгихъ мѣръ и разрушать такимъ образомъ добрыя отношенія между народомъ и законною властью. Для сельской пропаганды у поляковъ готовы отличные миссіонеры въ ихъ домашней челяди, воспитанной въ польскомъ духѣ и поселяемой ими теперь въ сельскихъ обществахъ, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ».

Этотъ способъ интриги долженъ-бы кажется страшно пасть на головы самихъ «миссіонеровъ», если только администрація не дастъ съ своей стороны повода сельскому населенію повѣрить въ справедливость ихъ ядовитаго шушуканья. Здѣсь можно было-бы возложить надежду на нынѣшнихъ представителей мѣстныхъ мировыхъ учрежденій, еслибы они вели свое дѣло съ любовью, искренно и честно. Къ ихъ совѣсти слѣдуетъ взывать...

Но вотъ еще одно указаніе г-на Юзефовича:

«Отклонить вовсе или хоть замедлить Кіевско-Московскую желѣзную дорогу и скорѣе осуществить постройку Кіевско-Одесской — входитъ также въ планы польской програмы».

Вѣроятно эти слова дали поводъ «Московскимъ вѣдомостямъ» (въ № 207) съ особеннымъ жаромъ вступиться за мысль о необходимости скораго сооруженія желѣзнаго пути отъ Москвы до Кіева, такъ чтобы это дѣло предупредило окончаніе дороги отъ Кіева до Одессы (гдѣ, по словамъ г. Юзефовича, поляки предназначаютъ «операціонный базисъ своей дѣятельности»). Что соединеніе желѣзной дорогой Москвы съ Кіевомъ отозвалось-бы для русской земли величайшимъ добромъ во многихъ отношеніяхъ, — въ этомъ нѣтъ конечно никакого сомнѣнія, и читая сильные доводы «Моск. Вѣдомостей», невольно чувствуешь только такое желаніе: что̀ если-бы эта дорога устроилась по щучьему велѣнію теперь-же, хоть-бы къ будущему лѣту!... Но вѣдь это невозможно!.. Да возможно-ли по крайней мѣрѣ надѣяться, что она осуществится въ естественный срокъ—въ шесть, семь или восемь лѣтъ?—Намъ все говорятъ: средствъ нѣтъ. Но кажется, что кромѣ матеріальныхъ средствъ, у насъ недостаетъ еще одного: если-бы было у насъ много людей, спеціально и съ сильнымъ знаніемъ практическаго дѣла думающихъ объ этомъ и выдумывающихъ наилучшіе и наивыгоднѣйшіе способы постройки желѣзныхъ дорогъ, то и денежныя средства нашлись-бы скорѣе...

При этомъ намъ пришла на память одна статья, о которой мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ. Это—статья г. Обручева о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, напечатанная въ одномъ изъ еженедѣльныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду.» Много было говорено въ нашихъ газетахъ и журналахъ о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, но нигдѣ намъ не случалось встрѣтить въ такомъ сжатомъ объемѣ такъ много сказаннаго и такъ хорошо доказаннаго. Всѣ интересующіеся будущими судьбами нашего отечества обязаны полною благодарностію г-ну Обручеву за его статью. Въ нѣсколькихъ страницахъ тутъ можно найти и критическій обзоръ дѣйствій компаній, строящихъ у насъ желѣзныя дороги, и сравненіе этихъ дорогъ съ иностранными, и наконецъ очеркъ смѣты для будущихъ дорогъ. Въ особенности поучителенъ примѣръ постройки желѣзныхъ дорогъ въ Швеціи, странѣ, которая находится въ положеніи гораздо менѣе выгодномъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ наша Русь. Несмотря на то, желѣзныя дороги обошлись тамъ въ два пути по 28,000 рублей за версту, со включеніемъ всѣхъ построекъ и подвижного состава. У насъ-же самая дешовая дорога, Рижско-Динабургская, стоитъ 50,000 рублей за версту. Что касается до остальныхъ, то объ нихъ и говорить нечего.

Г. Обручевъ въ своей статьѣ ссылается на брошюру инженера Ульгрена: *Какъ должно строить въ Россіи будущія желѣзныя дороги?* и приводитъ выписки изъ этой брошюры. Мы съ своей стороны не будемъ дѣлать выписокъ ни изъ той, ни изъ другой, а попросимъ читателей самихъ прочесть объ эти замѣчательныя вещи. Смѣемъ ихъ увѣрить, что они найдутъ въ нихъ много поучительнаго.

Въ своемъ очеркѣ смѣты г. Обручевъ полагаетъ, что наши желѣзныя дороги не должны намъ обходиться дороже 33.879 рублей на версту. Мы позволимъ себѣ замѣтить только, что земляныя работы у него положены слишкомъ дешево за кубическую сажень. Цѣна 1 руб. 25 к. за кубикъ выемки дѣйствительно существуетъ въ Россіи, но только при такихъ работахъ, гдѣ выемки не глубоки и отвозка земли недалека. При такихъ-же выемкахъ, какія производятся на желѣзныхъ дорогахъ, нѣтъ возможности найти рабочихъ за эту цѣну. Въ своихъ замѣчаніяхъ г. Обручевъ возстаетъ также противъ исполненія работъ системою подрядовъ. Конечно у насъ эта система доведена до безобразія: мы это можемъ сказать по опыту, слышанному нами изъ первыхъ рукъ, непосредственно отъ человѣка, исполнявшаго нѣкоторые подряды по нижегородской дорогѣ уже изъ четвертыхъ рукъ и увѣрявшаго, что всѣ эти посредники между лицами исполнявшими работы и главнымъ обществомъ сами не производили никакихъ работъ, а раздавали ихъ также съ подряда мелкими частями. Только въ крайнихъ случаяхъ или по несостоятельности мелкихъ подрядчиковъ, эти посредники бывали въ необходимости сами заготовлять матеріалы или производить работы. Несмотря однакожъ на этотъ примѣръ, едва-ли можно согласиться, что система подрядовъ должна быть оставлена. Необходимо только раздроблять работы на болѣе мелкія части, чтобы допустить возможно-большую конкуренцію, а не дѣйствовать такъ, какъ поступали наши общества, отдавая напримѣръ постройку дороги одному или двумъ подрядчикамъ, и за тѣмъ сидѣли сложивъ руки. Конечно при мелкихъ раздробительныхъ работахъ строителямъ будетъ больше дѣла, но вѣдь надо-же что-нибудь дѣлать, если общество платитъ деньги. Словомъ: подрядъ — очень хорошая система, но только не въ большихъ размѣрахъ. Распорядителямъ при постройкѣ желѣзной дороги нѣтъ возможности входить во всѣ мелкіе хозяйственные расчоты, да и надо припомнить русскую пословицу, что *одинъ всего хлѣба не съѣшь* и что если человѣкъ работаетъ для себя, то трудъ его всегда выйдетъ производительнѣе. При всемъ томъ мы не думаемъ утверждать, что смѣта г. Обручева низка. Земляныя работы, показанныя въ ней, составляютъ только съ небольшимъ 9%; еслибы они и увеличились даже на половину, то это не составитъ большой разницы. При-

нимая-же въ соображеніе, что мѣстность, по которой должна идти напримѣръ наша южная желѣзная дорога, недавно начатая, за исключеніемъ Тульской и части Орловской губерніи, совершенно ровная, вслѣдствіи чего количество выемокъ среднимъ числомъ по 2,500 р. на версту слишкомъ велика; что на этомъ пути нѣтъ никакихъ значительныхъ искусственныхъ сооруженій, кромѣ моста черезъ Оку; что казенныя земли будутъ отведены даромъ; что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ песокъ и камень будутъ на мѣстѣ, — принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, можно навѣрное сказать, что при умѣньи вести дѣло дорога эта должна стоить гораздо дешевле и ни какъ не дороже шведскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Сравнивая эти цыфры съ стоимостію нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ частныхъ компаніяхъ, невольно приходишь въ недоумѣніе, какимъ образомъ эти компаніи доходятъ до двойныхъ и тройныхъ чиселъ? Неужели гг. акціонерамъ не жалко собственныхъ денегъ, если они такъ равнодушно смотрятъ на растрату ихъ? Несмотря на все краснорѣчіе цифръ стоимости шведскихъ и нашихъ дорогъ, ни одно еще собраніе акціонеровъ не произнесло безусловнаго осужденія дѣйствій своихъ правленій. Гдѣ-же причины такого равнодушія?

Эти причины по нашему мнѣнію заключаются во первыхъ,—въ уставахъ обществъ. Наши акціонерныя общества не могутъ образоваться иначе, какъ на основаніи устава, утвержденнаго правительствомъ. Стало быть эти уставы представляютъ собою не простой договоръ, но законъ, измѣненіе котораго требуетъ не только согласіе договорившихся лицъ, но и согласіе правительства. Эти уставы составляются нѣсколькими лицами, принимающими на себя званіе учредителей. Гг. учредители въ большой части случаевъ дѣлаются и распорядителями первыхъ дѣйствій общества, и въ такой надеждѣ составляютъ уставъ сообразно своимъ тенденціямъ. Часто въ уставахъ проходятъ очень незамѣтныя для человѣка, неимѣющаго заднихъ мыслей, постановленія, которыя на практикѣ совершенно стѣсняютъ свободу дѣйствій акціонеровъ и подчиняютъ ихъ безконтрольному произволу директоровъ. Къ числу такихъ постановленій можно отнести акціи на предъявителя, право на извѣстное число голосовъ, сообразно количеству акцій, положеніе о представленіи каждаго вопроса въ собраніи на разсмотрѣніе правленія за недѣлю или за двѣ до собранія и тому подобныя правила. При такомъ уставѣ директоры правленій, принадлежащіе почти всегда къ самымъ крупнымъ акціонерамъ, имѣютъ полную возможность во первыхъ, не допускать въ собраніи непріятныхъ для нихъ вопросовъ, между тѣмъ какъ многіе вопросы часто не могутъ возникнуть иначе какъ только въ собраніи, при сужде-

ніяхъ о дѣлахъ общества; во вторыхъ, всегда могутъ раздачею акцій постороннимъ лицамъ составить большинство въ свою пользу. Между тѣмъ, повидимому право голоса по числу акцій представляется совершенно справедливымъ. Конечно на это можно возразить, что для бѣднаго человѣка сто рублей важнѣе нежели милліоны для того, у кого ихъ нѣсколько; но кто-же будетъ возражать, когда уставы составляются преимущественно людьми съ большими средствами?

Другая причина неудовлетворительности дѣйствій нашихъ акціонерныхъ компаній есть та, что учредители часто ищутъ протекціи и покровительства и потому всегда вербуютъ въ число учредителей кого-либо изъ лицъ, имѣющихъ значеніе въ администраціи. Волки въ овечьей шкурѣ всегда добьются, чтобъ и въ правленіи было какое-нибудь лицо значительное. Это значительное лицо по своимъ служебнымъ обязанностямъ не можетъ слѣдить за ходомъ дѣлъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое необходимо, но все-таки дѣлается отвѣтственнымъ лицомъ передъ акціонерами и потому всѣмъ своимъ авторитетомъ старается поддерживать лицъ, вовсе того незаслуживающихъ.

По нашему мнѣнію слѣдовало бы постановить постояннымъ правиломъ, что лица, состоящія въ государственной службѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ брать на себя обязанностей быть директорами правленій обществъ: это всегда ведетъ къ большимъ безпорядкамъ.

Вотъ наши акціонерные недуги, которые нельзя-же не причислить къ числу причинъ, замедляющихъ постройку желѣзныхъ дорогъ. Противъ нихъ трудно бороться лицамъ, которыя желали-бы что-нибудь сдѣлать хорошее и показать, какъ слѣдуетъ вести дѣло. Разъ сдѣлавши ошибку и подписавшись на акціи, не разсмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ устава, бѣдный человѣкъ долженъ или терпѣть до конца, или продать за безцѣнокъ свои акціи. Послѣднее всего чаще случается; а новый пріобрѣтатель, купившій акціи дешево, довольствуется гарантіей правительства, если она есть, и ни о чемъ больше не хлопочетъ. Онъ получаетъ достаточные проценты на свой капиталъ.

Нельзя не согласиться также и съ г. Ульгреномъ, что помимо всѣхъ этихъ обстоятельствъ, способъ постройки желѣзныхъ дорогъ имѣетъ важное значеніе въ ихъ дороговизнѣ. Вообще къ желѣзнымъ дорогамъ въ сильной степени примѣшиваются виды на спекуляцію, которая бываетъ двухъ родовъ. Къ первому относится биржевая спекуляція на акціи. Лица, занимающіяся этого рода спекуляціей, нисколько не интересуются самымъ дѣломъ; имъ-бы только получить выгоду отъ распродажи акцій, на которыя они подписались, или колебать курсъ ихъ для того, чтобъ имѣть возможность покупать по дешевой и

продавать по дорогой цѣнѣ. Къ сожалѣнію, между спекулянтами этой категоріи часто встрѣчаются и сами учредители. Иностранныя компаніи, учреждая общества, большею частію расчитываютъ на эту спекуляцію; самое-же дѣло ихъ нисколько не интересуетъ. Намъ-бы казалось полезнымъ въ договорахъ правительства съ заграничными капиталистами включать слѣдующія условія: 1) лица, принимающія на себя званіе учредителей, должны означать, на какое количество акцій они подписываются собственно для себя, и эти акціи не должны быть отчуждаемы до окончательной постройки всей предпринятой линіи; 2) акціи должны быть всегда именныя, и 3) право голоса имѣетъ каждый акціонеръ, если онъ владѣетъ акціями болѣе года. Эти три условія уничтожили-бы совершенно спекуляцію на акціи и привлекли-бы только людей интересующихся самымъ дѣломъ. Намъ возразятъ, что эти правила могутъ ограничить кругъ покупателей на акціи и тѣмъ повредить ихъ курсу. Но намъ кажется, что люди не интересующіеся дѣломъ, если и могутъ своими покупками иногда поддержать курсъ акцій, за то въ большей части случаевъ они скорѣе всего могутъ и повредить курсу... Къ спекулянтамъ второго рода принадлежатъ распорядители, строители и подрядчики. Распорядители и строители спекулируютъ на полученіе хорошаго содержанія отъ общества и на возможно меньшій трудъ, а подрядчики на возможно высшую цѣну, тоже для того чтобъ менѣе трудиться и имѣть возможность передать подрядъ другимъ лицамъ, ограничиваясь веденіемъ счотовъ барыша, да передачею денегъ изъ рукъ въ руки. Эти-то два рода спекуляцій и возвышаютъ страшно цѣну нашихъ дорогъ. Первая категорія спекулянтовъ нисколько не интересуется дѣломъ и готова поддерживать всякаго, кто стоитъ въ главѣ управленія, въ надеждѣ что это моментально подниметь курсъ акцій и они успѣютъ сбыть ихъ съ рукъ; вторая-же хлопочетъ не о дешевизнѣ, а напротивъ—о дороговизнѣ дороги. Чѣмъ болѣе будетъ издержано денегъ, тѣмъ болѣе достанется и на ихъ долю.

Хотя мы и не хотѣли дѣлать выписокъ изъ упомянутыхъ статьи и брошюры, но не можемъ удержаться, чтобъ не привести одного мѣста изъ брошюры г. Ульгрена: «Пока дороги, говоритъ онъ, предпринимаются какъ биржевыя спекуляціи,—нѣтъ надежды на экономическую постройку. И если Швеція добилась благихъ результатовъ, то потому, что стала вести свои дороги независимо отъ биржи, поставила ихъ подъ контроль комитета, назначеннаго государственнымъ сеймомъ и руководимаго общественнымъ мнѣніемъ, и выбрала въ строители людей, пользующихся званіемъ инженеровъ не по одному только наименованію. Вотъ система, которую мы совѣтуемъ принять и въ Россіи.» Все это такъ, все это совершенно справедливо, но увѣренъли г. Ульгренъ въ томъ, что подобный порядокъ вещей возможенъ въ

настоящее время и въ Россіи? Вѣдь иниціатива-то у русскаго человѣка еще такъ слаба, что пройдетъ можетъ быть много времени, пока небходимость дешовой постройки дорогъ сознается, усвоится и сдѣлается предметомъ сердечной заботы всѣхъ и каждаго. Неужели-же откладывать постройку желѣзныхъ дорогъ до той поры? Нѣтъ, ужь нельзя-ли какъ-нибудь поскорѣе? Вѣдь безъ желѣзныхъ дорогъ, какъ говоритъ г. Обручевъ въ своей статьѣ, Россіи не выйти изъ ея нынѣшняго критическаго положенія;—пускай онѣ будутъ намъ стоить по 60 и 70 тысячъ за версту, да что-же дѣлать? — Если онѣ для насъ—воздухъ, то хоть воздухъ этотъ будетъ и очень дорогъ, все-же это лучше, нежели никакого воздуха.

Увлекшись разъ желѣзными дорогами, мы ужь за одно заключимъ нашу рѣчь о нихъ однимъ курьозомъ, характеризующимъ способъ построенія Нижегородской желѣзной дороги, и извлеченнымъ изъ разсказовъ того-же практическаго дѣятеля, который, какъ упоминали мы выше, имѣлъ на той дорогѣ подрядъ изъ четвертыхъ рукъ. «Лицо, разсказывалъ нашъ практикъ, — съ которымъ я заключилъ условіе на поставку шпалъ, былъ торговецъ панскими товарами, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о лѣсной торговлѣ. На какомъ основаніи онъ могъ взяться за это дѣло? Только на томъ, что предложенныя цѣны были очень высоки, даже громадны. Я получалъ за шпалу 41 коп., считая двойную подвозку шпалъ—къ апарату, гдѣ онѣ пропитывались растворомъ мѣднаго купороса, и потомъ на желѣзную дорогу. Рабочіе люди при пропитываніи шпалъ стоили подрядчику $2^1/_2$ коп. на шпалу, а расходы на устройство апаратовъ и самый купоросъ не могли превышать $6^1/_2$ коп.; стало быть въ сложности шпалы стоили не дороже 50 коп. Если положить, что ближе къ Москвѣ онѣ стоили 70 коп., то въ общей сложности должны были обходиться по 60 к. за штуку; между тѣмъ я знаю, что главное общество платило за нихъ 1 руб. 25 коп. Впрочемъ оно было не мудрено, вслѣдствіе слѣдующихъ распоряженій. По сдѣланнымъ нарядамъ шпалы были развезены зимою по всей линіи: вдругъ весною оказывается недостатокъ шпалъ близъ Покрова и Пѣтушковъ. Лѣсу весною въ этихъ мѣстахъ достать невозможно и апараты для пропитыванія купоросомъ сняты. Пришлось излишнія шпалы приготовлять во Владимірѣ и оттуда возить лѣтомъ, въ рабочую пору, такъ что одна перевозка стоила 50 — 60 коп. за штуку, не считая что̀ заплатили лишняго за лѣсъ. Мой подрядъ на Нижегородской дорогѣ оконченъ былъ самымъ курьознымъ образомъ. По окончаніи дѣла мнѣ оставалось получить до 13,000 руб., но за всѣми просьбами я не могъ добиться этого. Тогда обратился я къ начальству съ просьбою или воспретить употребленіе товара мной поставленнаго, но не оплаченнаго главнымъ обществомъ, или обязать

общество удержать деньги у кого слѣдуетъ и меня удовлетворить. Мнѣ отвѣчали, что по уставу общества матеріалы, заготовляемые для желѣзной дороги, не подлежатъ аресту, и покончили дѣло. Я отнесся къ главному распорядителю, французскому инженеру, и получилъ слѣдующій отвѣтъ: La grande societé ne peut rien pour vous, car vous avez un droit sur un individu tout à fait étranger à la grande societé. За тѣмъ г. инженеръ повернулся и ушолъ. Между тѣмъ мой должникъ предложилъ мнѣ вмѣсто 13-ти, 8 тысячь, съ тѣмъ чтобъ остальныхъ вовсе не требовать. Дѣлать было нечего, я подумалъ и согласился: это все-таки лучше, чѣмъ ничего... Получивши деньги, я задумался надъ вопросомъ: за чѣмъ этотъ господинъ заплатилъ мнѣ такую сумму? онъ могъ бы вовсе не отдавать ни копейки, или отдать только половину. Бывшій мой должникъ замѣтилъ мое раздумье и спросилъ о причинѣ. Я откровенно объяснилъ ему мою мысль, и — онъ согласился съ нею».

Курьозъ, какъ видите, обыденный, но... въ томъ-то и горе, что онъ обыденный.

Когда-то случалось намъ не разъ слышать жалобы и нареканія на нашу текущую литературу, журналистику, за ея излишнюю горячность и торопливость. Говорили бывало, что возбуждая множество вопросовъ, иногда рановременныхъ, иногда не нужныхъ, преувеличивая явленія и придавая имъ бо́льшее значеніе, чѣмъ они сто́ятъ, поднимая наконецъ шумъ и длинные толки по́-пусту, — она, журналистика, сбиваетъ съ толку читающій людъ, забрасываетъ ихъ фразами и заставляетъ суетиться въ такихъ дѣлахъ, которымъ слѣдовалобы зрѣть тихо, совершаться неторопливо и обдуманно, — однимъ словомъ, она способна нарушить естественный ходъ событій и даже иногда испортить дѣло. Не знаю, было-ли когда-нибудь, въ предидущіе годы, такое время, когда подобныя нарсканія можно было признать основательными; но въ настоящую минуту кажется уже рѣшительно нельзя. Надо во-первыхъ то принять въ расчотъ, что литература, по самой роли своей, не можетъ не горячиться больше, чѣмъ вся въ совокупности взятая общественная масса; потому что задача ея, литературы, изображать выпукло разбросанныя въ массѣ тонкія и чуть замѣтныя черты, собирать и отражать громко носящіеся въ этой массѣ неясные звуки,—однимъ словомъ, она все равно что пульсъ въ организмѣ, показывающій присутствіе и силу жизненнаго процесса. Вотъ поэтому литература *не можетъ* не брать тономъ выше, чѣмъ общественная масса. Но она и *не должна* держать себя иначе; потому что если-бы въ ея голосѣ оказался недостатокъ жизненныхъ,

одушевленныхъ звуковъ, — это пахнуло-бы холодомъ на массу, и ея собственная жизненность упала-бы въ соразмѣрности съ охлажденіемъ литературныхъ голосовъ... Это вообще такъ, т. е. вообще нареканія на горячность литературы не должно считать основательными. У насъ-же въ настоящее время, они кажется и вовсе не могутъ имѣть мѣста. Теперь, если прислушаться повнимательнѣе (не говоримъ — къ журнальнымъ перебранкамъ: это особая статья, и здѣсь нами въ расчотъ не принимается), то окажется, что по многимъ нашимъ общественнымъ дѣламъ журналы и газеты только-что успѣваютъ вторить голосамъ, раздающимся съ разныхъ мѣстъ изъ среды массы. Конечно, это не голоса всей массы или большинства ея, а принадлежатъ немногимъ отдѣльнымъ личностямъ; но если они и не выражаютъ мысли большинства, то все-таки слагаются подъ общимъ съ этимъ большинствомъ впечатлѣніемъ. Стало быть остается только ждать, чтобы это безсознательно воспринятое впечатлѣніе, выраженное немногими, вошло чрезъ то въ общее сознаніе большинства, и — мы услышимъ общій голосъ. Вамъ не вѣрится, милостивые государи? Такъ читайте-же пожалуйста областныя корреспонденціи въ газетахъ, и вы увидите, что это очень питательное чтеніе; вы найдете тутъ столько теплыхъ, одушевленныхъ звуковъ, что всѣ возгласы собственно отъ лица самихъ газетъ и журналовъ вамъ нисколько не покажутся живѣе и горячѣе.

О чомъ-же говорится больше всего въ этихъ корреспонденціяхъ? Что больше всего занимаетъ и заботитъ этихъ мыслящихъ людей, разсѣянныхъ по лицу земли русской? Кажется всего больше занимаетъ ихъ мысль о выступающемъ на поприще нашемъ земствѣ и объ его составныхъ элементахъ; заботятъ ихъ — несложившіяся, но долженствующія непремѣнно сложиться отношенія между этими элементами, а въ особенности отношеніе такъ-называемыхъ «образованныхъ людей» къ такъ-называемой «меньшой братіи». И при этомъ съ наибольшимъ одушевленіемъ выставляются великіе грѣхи въ прошедшемъ и великія обязанности въ будущемъ этихъ «образованныхъ людей» относительно этой «меньшой братіи». Говорится стало быть много и о томъ, какъ теперь живутъ-поживаютъ «образованные», какъ живетъ-поживаетъ «меньшая братія...»

Вотъ напримѣръ впечатлѣнія и размышленія одного деревенскаго жителя, недавно прибывшаго въ давно-оставленную деревню и поселившагося въ ней. Описавъ эту деревню, представляющую «одну изъ благодатнѣйшихъ мѣстностей губерніи», онъ говоритъ:

«Оглянешь все, что есть передъ глазами, и невольно вдохнешь всею грудью вольный, теплый, травяной воздухъ, и невольно повто-

ришь себѣ въ сотый разъ: какъ здѣсь хорошо!... Да, и дѣйствительно хорошо: просторъ, приволье и «*святая тишина!*»...

«Не сходя съ мѣста, глядя изъ окна или сидя на балконѣ можно пожалуй прослѣдить точка въ точку всю деревенскую, крестьянскую жизнь... Когда протянется часъ за часомъ нѣсколько однообразныхъ, тягуче-длинныхъ деревенскихъ дней, всякаго мѣстнаго наблюдателя поразитъ глубоко — почти непонятная недвижимость этой жизни. Тотъ-же самый видъ, тѣ же самыя фигуры, тѣ же самыя голоса и звуки, которые онъ слышалъ и видѣлъ, которыми проникался и убаюкивался ребенкомъ, предстанутъ предъ нимъ теперь и сожмутъ ему сердце воспоминаніемъ чего-то далекаго и забытаго... «Сколько лѣтъ прошло, подумаетъ онъ, какія событія совершились, — а что-же измѣнилось?»

«Сколько ни живите вы въ деревнѣ, сколько не вдумывайтесь въ ея теперешнюю жизнь, ничего *существеннаго* въ ней не измѣнилось. Великое 19-е февраля 1861 года, возбудивъ лишь на время новую дѣятельность и новыя страсти, кануло словно въ вѣчность...

«Въ тотъ многопамятный годъ, когда, по здѣшнему выраженію, «мужики стали вольные», т. е. въ годъ, послѣдовавшій за первымъ объявленіемъ свободы, — деревенская жизнь представляла нѣчто дѣйствительно новое и небывалое: всѣ какъ-будто разомъ поумнѣли! Заговорили о такихъ предметахъ высшаго порядка, о которыхъ прежде никто никогда и не задумывался. Неожиданнѣе и отраднѣе всего поражалъ и въ самихъ крестьянахъ ихъ всеобщій порывъ къ грамотности, къ школамъ, къ просвѣщенію. Образованное общество дружно отвѣтило на него самою пламенною готовностью сдѣлать все, что только оно можетъ!... Ктому-же жизнь преисполнилась всякихъ агитацій: съ одной стороны возбуждены были громадныя надежды, съ другой несоразмѣрнѣйшія опасенія. Но съ тѣхъ поръ всѣ новые вопросы успѣли страшно надоѣсть, надежды значительно поблекнуть, опасенія исчезнуть, а порывъ къ ученію до такой степени ослабѣть, что теперь онъ представляется намъ какимъ-то нервическимъ порывомъ. Школы, неподдерживаемыя волею начальства или искусственными мѣрами случайнаго энергическаго дѣятеля, либо совсѣмъ закрываются, либо съ каждымъ мѣсяцемъ теряютъ своихъ учениковъ...»

Здѣсь мы прервемъ на минуту нашего деревенскаго мыслителя. Самъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи сказалъ: «Внимательное наблюденіе послѣднихъ событій научило каждаго изъ насъ всего болѣе опасаться строгихъ обобщеній — какихъ-бы то ни было мѣстныхъ явленій русской жизни.» Принимая это положеніе, мы позволяемъ себѣ не спѣшить и обобщеніемъ послѣднихъ чертъ нашей деревенской жизни. То, что онъ сказалъ, можетъ быть совершенно вѣрно для его

мѣстности, но изъ другихъ мѣстностей до насъ доходили и иныя вѣсти. «Узнать нельзя, говорили намъ, — такъ все измѣнилось! А на счотъ грамотности — есть-ли школа, или нѣтъ ея, а необходимость учить такъ или иначе грамотѣ *всѣхъ* дѣтей уже сама собою разумѣется; предметъ сдѣлался безспорнымъ и какъ-бы окончательно у всѣхъ въ умѣ порѣшонномъ.» Какъ-бы то ни было, не обобщая явленія, мы заносимъ его какъ замѣченный фактъ, и спѣшимъ дополнить мѣстную картину нашего деревенскаго наблюдателя.

«....Жизнь пошла по старинѣ, продолжаетъ онъ, — до такой степени по старинѣ, что даже барскія усадьбы, успѣвшія порости крапивой и бурьяномъ, со всѣми своими полисадниками, цвѣтниками и англійскими дорожками, теперь опять нѣсколько вычистились, подмелись, закраснѣлись даже песочкомъ и значительно уже перестали походить на мѣстности 12-го года, чрезъ которыя только-что «прошолъ французъ.» Помѣщики видимымъ образомъ кое-какъ нашлись и начинаютъ, хотя съ трудомъ, но по маленьку справлять свое хозяйство... Бытъ ихъ поколебался и въ сравненіи съ прежнимъ страшно упалъ. Но всѣ эти колебанія и паденія не вызвали ни какой видимой нравственной реакціи, никакой свѣжей, достойной дѣятельности. Вмѣсто новой дѣятельности, большинство продолжаетъ душевно тяготѣть къ старымъ формамъ... большинство погрузилось по уши въ одни мелочные, чистокарманные интересы, при чемъ нѣкоторые (хотя къ счастью весьма еще немногіе) какъ-то особенно безсмысленно озлобились на весь окружающій міръ и вступили въ открытую борьбу съ окружными крестьянами, загоняя ихъ скотъ, ловя самихъ въ невиннѣйшихъ прогулкахъ за грибами и ягодами въ барскихъ рощахъ, домогаясь взысканія всевозможныхъ штрафовъ и доходя даже до позорнаго сооруженія кабаковъ...»

Не будемъ обобщать и этого явленія, хотя о кабакахъ, т. е. о «позорномъ сооруженіи» ихъ уже прошумѣли отовсюду. Но въ настоящихъ замѣткахъ нашего деревенскаго наблюдателя не то для насъ самое главное: до главнаго мы сейчасъ доходимъ. Наблюдая классъ «образованныхъ людей» своей мѣстности, — который въ предѣлахъ его наблюденія состоитъ конечно изъ землевладѣльцевъ, — онъ раздѣляетъ этотъ классъ на категоріи и останавливается на одной изъ нихъ, — на той, отъ которой считаетъ себя вправѣ ожидать и требовать....

«....Мы разсуждаемъ здѣсь, говоритъ онъ, о наиболѣе просвѣщонныхъ, наиболѣе сознательныхъ, развитыхъ людяхъ нашихъ селъ и деревень, которые все еще продолжаютъ изъ щелей своихъ кабинетовъ созерцать мѣстную общественную жизнь, не принимая въ ней никакого живаго, близкаго участія—ниже словомъ, ниже дѣломъ. Я все думаю

о томъ болѣзненномъ настроеніи, которое мѣшаетъ ближайшимъ другъ къ другу людямъ съютиться между собою и сдуматься на томъ: что надо дѣлать, какъ надо дѣлать?...

«За отвѣтомъ на вопросъ: что дѣлать? ходить казалось-бы далеко не зачѣмъ. Окружающая жизнь отвѣчаетъ на него громогласно.... Повсюду выставляетъ она на показъ свою нужду, свое невѣжество, свою ужасающую скуку; повсюду — сознательно-ли, безсознательно-ли — она требуетъ духовной помощи, разумной опоры, общественной поддержки, свѣта познаній, наконецъ — *человѣческихъ* развлеченій, независимыхъ отъ кабаковъ, пьяныхъ базаровъ, питейныхъ лавчонокъ и всякихъ «заведеній», на зазывныя вывѣски которыхъ совѣстно смотрѣть и куда толпами идутъ мужики, бѣгаютъ даже бабы и начинаютъ наконецъ бѣгать крестьянскія дѣти, которымъ тоже некуда болѣе дѣваться отъ заѣдающей ихъ праздности и безразсвѣтнаго невѣжества. Не честно слагать всю отвѣтственность въ собственномъ позорномъ бездѣйствіи на одинъ народъ, обвиняя его въ грубости, недовѣрчивости, дикомъ нежеланіи просвѣщаться и развиваться... Вѣдь тотъ-же народъ, чорный и темный, въ первую счастливую для него минуту громко и искренно заявилъ объ этомъ великомъ своемъ желаніи. А его-ли вина, что оно вдругъ сдѣлалось предметомъ не серьознаго дѣла, а какой-то временной, модной потѣхи...

«Странно также ссылаться на скудость матеріальныхъ средствъ. Никто не станетъ спорить, что матеріальныхъ средствъ не много стало у русскихъ помѣщиковъ; но еслибы браться за дѣло — съ меньшими претензіями, но съ гораздо большею любовью, съ несравненно даже меньшею навязчивостью, но настолько-же съ большимъ мужествомъ и постоянствомъ, то дѣйствительная надобность оказалосьбы въ такихъ ничтожныхъ средствахъ, что о нихъ и задумываться совѣстно...

«За тѣмъ остается одно послѣднее оправданіе, имѣющее какой-нибудь смыслъ: вопреки естественному закону правильнаго общественнаго развитія, образованнымъ людямъ приходится дѣйствительно болѣе являться самимъ съ предложеніемъ образованія и возбуждать на него требованія, чѣмъ отвѣчать на опредѣленные и сознательные запросы.»

Это послѣднее замѣченное явленіе естественно должно было повести нашего мыслителя къ положительному отвѣту на вопросъ: такъ что-же именно мѣшаетъ образованнымъ людямъ ближе сойтись съ народомъ и завязать съ нимъ дѣятельныя, просвѣтительно-вліяющія отношенія? Онъ говоритъ:

«Соединенію двухъ разрозненныхъ общественныхъ силъ нашихъ мѣшаетъ, какъ хотите, все тоже чудовище,—чудовище уже умершее, о которомъ успѣли даже позабыть, но которое страшнымъ образомъ

даетъ себя чувствовать, — мѣшаетъ *трупъ* крѣпостнаго права, мѣшаетъ его медленное химическое разложеніе...»

Отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ положительный, и провѣрять его собственными наблюденіями предоставляется каждому, — именно каждому, потому что наблюденія могутъ имѣть мѣсто всюду: въ приведенномъ отвѣтѣ содержится очень широкое положеніе, и признаки продолжающагося «разложенія трупа» найдутся безъ сомнѣнія въ великомъ разнообразіи... Кстати или некстати, но мы приведемъ одинъ, случайно пришедшій намъ на память.

Г. Ѳ. Воропоновъ пишетъ («День» № 37), что 5-го августа присутствовалъ онъ въ засѣданіи одного мироваго съѣзда, которому крестьяне какой-то деревни подали просьбу, спрашивая о своихъ повинностяхъ помѣщицѣ до совершенія выкупа. Имъ объяснили. Предсѣдательствовавшій на съѣздѣ мировой посредникъ прибавилъ: «*строго* исполнять повинности!» На это одинъ мужикъ отвѣтилъ: «мы и исполняемъ такъ.» Услышавъ эти слова, предсѣдатель крикнулъ: «ты разговаривать?» За тѣмъ спросилъ имя мужика и велѣлъ написать въ полицію отношеніе о наказаніи его розгами. «Это *за излишніе разговоры*,» прибавилъ онъ. За тѣмъ «послѣдовала картина колѣнопреклоненнаго умоленія о пощадѣ, впрочемъ напраснаго...»

Мы не хотимъ, — какъ вѣроятно не желаете и вы, читатель, — дольше останавливаться на этомъ фактѣ. Уйдемте отъ грѣха, чтобъ не сказать лишняго слова!

Общее рѣшеніе вопросовъ: какъ живутъ наши «образованнные люди» и какъ живетъ «меньшая братія,» — въ настоящее время невозможно. Надо собирать отдѣльныя явленія, а обобщеніе будетъ впереди. И такъ — вотъ что говоритъ кореспондентъ «Голоса» изъ далекой стороны — съ Оренбургской линіи:

«Относительно помѣщичьихъ имѣній, лежащихъ въ срединѣ Башкиріи и смежно съ нею, можно сказать, что они дѣлятся на двѣ категоріи: одни успѣвшія сохранить прежнее благосостояніе, не смотря на уничтоженіе крѣпостного права; другія — не пережившія этого порядка и пришедшія въ совершенный упадокъ.

«Въ первыхъ имѣніяхъ, со введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ и даже какъ только крестьяне приняли надѣлъ, владѣльцы дѣятельно принялись за обработку своихъ земель, воздѣлывая ихъ отчасти наемными работниками, отчасти по соглашенію съ бывшими своими крестьянами, или отдавая ихъ въ аренду государственнымъ крестьянамъ ближнихъ селъ и деревень. Сверхъ того, владѣльцы стали заводить на своихъ земляхъ торговлю, устраивая базары и открывая въ нихъ лавки съ краснымъ товаромъ. Конечно торговля виномъ и от-

крытіе «распивочныхъ» въ деревняхъ играютъ въ этомъ случаѣ не послѣднюю роль.

«Вторые, т. е. упавшіе духомъ и не переварившіе идеи уничтоженія крѣпостного состоянія, запустили совершенно свои имѣнія, и когда попадешь въ такой закоулокъ, то гниль и всеобщее разрушеніе явно кидаются въ глаза. Мало того, что эти владѣльцы уменьшили свое хозяйство въ десять разъ противъ прежняго, но даже дома, въ которыхъ они живутъ, приходятъ въ разрушеніе, принадлежащія къ нимъ службы валятся, давятъ людей и скотъ. Многіе помѣщики не держатъ вовсе работниковъ, а во время уборки сѣна и хлѣба нанимаютъ одну башкирскую семью, и когда половина хлѣба не уберется, то они жалуются на свою судьбу и плачутся на вольный грудъ, говоря, что прежде бывало купишь работника и покоенъ, а нынѣче съ насмными ладовъ нѣтъ...» «Смѣшно сказать, я встрѣтилъ нѣсколько такихъ помѣщиковъ, которые питаютъ надежду на скорое возвращеніе прежнихъ порядковъ. Жалко видѣть этихъ людей, хватающихся подобно утопающему за соломенку. Многіе не изъ бѣдности, но по любви къ крѣпостному праву не нанимаютъ прислуги: такъ дико кажется имъ платить жалованье горничной или лакею!»

Вотъ въ какое захолустье завелъ насъ кореспондентъ!.. Мы конечно не имѣемъ повода не вѣрить ему, но... чуднос дѣло!

Послѣ этого кореспондентъ переходитъ къ государственнымъ крестьянамъ того края и тутъ рисуетъ уже совершенно иную картину, — картину полнаго благосостоянія. Изъ этого мѣста его письма мы приведемъ только нѣсколько словъ въ видѣ примѣра. «Чтобы дать понятіе, говоритъ онъ, о степени зажиточности крестьянъ этого села (*Дѣдова*, въ 70-ти верстахъ отъ Оренбурга), скажу только, что недавно въ Дѣдовѣ былъ пожаръ, истребившій 96 дворовъ, и при этомъ у одного крестьянина, не изъ первыхъ богачей, сгорѣло на 10 тысячъ р. сер. пшеницы, заготовленной въ продажу; но онъ не унываетъ и въ настоящее время хочетъ закортомить для будущаго года большое количество земли у одного помѣщика. Эта предпріимчивость, чисто-американская, въ крестьянской средѣ достойна полнаго сочувствія.»

На счотъ обнаруживающейся зажиточности крестьянъ появляются замѣтки изъ разныхъ мѣстъ. Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя. Нѣкто... неизвѣстно изъ какого именно мѣста, пишетъ такъ: «нынѣшней весною у насъ былъ первый поземельный сборъ на мировыя учрежденія, за три прошедшіе года и на будущее полугодіе. Въ одно время собирались и подушныя за первую половину 1864 г.; а тѣ крестьяне, у которыхъ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ прекращены, вносили въ казначейство выкупные платежи. Суммы составились преизрядныя, однакожь какъ ни кряхтѣли мужики, а недоимокъ

нѣтъ. Какъ только потребуютъ отъ мужика этихъ денежныхъ сборовъ намолотитъ онъ ржи, да воза два и свезетъ на ближній винокуренный заводъ или въ городъ,—и съ податями квитъ. Ржи и овса у иного мужика и теперь не початые скирды прошлогодніе стоятъ, *потому что всякій нанимаетъ по многу земли у помѣщиковъ.*»

Читали мы другую замѣтку, еще болѣе интересную. Она напечатана во «Владимирскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» и кое-гдѣ уже перепечатана. Тамъ говорится, что одинъ житель Владимірскаго уѣзда замѣтилъ какъ-то, что крестьяне сосѣдняго села Черкутина, промышляющіе фабричнымъ дѣломъ, что-то часто стали разъѣзжать взадъ и впередъ. Онъ зазвалъ одного, разспросилъ, и тотъ открылся, что ѣздятъ они по селамъ и деревнямъ скупать у крестьянъ золото. — Гдѣ-же у крестьянъ золото? спрашиваетъ любопытствующій господинъ, и фабрикантъ отвѣчаетъ: «что у крестьянъ звонкой золотой и серебряной монеты не мало; что наприм. въ одномъ селѣ Кишлеевѣ, гдѣ, какъ говорится, приходится одна лошадь на три двора, онъ купилъ 500 золотыхъ у разныхъ лицъ; что однако не всѣ крестьяне поддаются на обольстительные барыши (отъ продажи золота): одинъ ихъ нихъ, имѣющій золота на 14 тысячъ рублей, прогналъ искусителя, объясняя, что «покуда кубышка у него въ землѣ, онъ ничего не боится».

Сводя разные отрывочные слухи о настоящемъ житьѣ-бытьѣ «меньшой братіи», — о томъ, что много развелось «распивочныхъ»; куда толпами бѣгутъ мужики, бабы и дѣти; что появилось у нихъ обиліе въ хлѣбѣ и деньгахъ; что нанимаютъ они по многу земли у помѣщиковъ,—мы изъ всего этого рѣшаемся сдѣлать выводъ краткій, въ двухъ словахъ:

Пьютъ, но работаютъ.

Въ вѣстяхъ и слухахъ объ обнаруживающемся благосостояніи деревенскаго люда мы готовы даже видѣть нѣкоторую связь съ одной фразой, вымолвленной наблюдателемъ нынѣшней Нижегородской ярмарки. «Вообще, говоритъ онъ, характеръ нынѣшней ярмарки тотъ, что торгуютъ порядочно товаромъ низшаго сорта и относящимся къ предметамъ первой необходимости, а предметы роскоши пока еще ждутъ покупателей. Дождутся-ли?

Кажется дождались, но въ весьма умѣренной степени. Много печаталось въ газетахъ длинныхъ извѣстій съ ярмарки, но общій смыслъ ихъ состоитъ въ томъ, что никакихъ особенно рѣзкихъ торговыхъ явленій не произошло; большая часть дѣлъ шли—то удовлетворительно, то тихо, то такъ-себѣ. Замѣчательнаго, особенно наводящаго на размышленія сообщать стало быть нѣчего... кромѣ впрочемъ одного, по истинѣ замѣчательнаго явленія. Бывшіе на ярмаркѣ купцы поднесли предсѣдателю ярмарочнаго биржеваго комитета, А. П. Шипову, письмо, ко

торое мы сейчасъ-же выпишемъ слово въ слово, разсчитывая, что оно послужитъ сильнѣйшимъ заключеніемъ для нашей статьи. Вотъ оно:

«*Биржевыя вѣдомости* въ № 190-мъ передали извѣстіе, что германскій съѣздъ, т. е. частный съѣздъ нѣмецкихъ купцовъ, представилъ нашему правительству нѣмецкую записку, которая заключаетъ въ себѣ изложеніе желаній бо́льшей части прусскаго купечества касательно расширенія его торговыхъ сношеній съ нами. Прусское купечество проситъ наше правительство согласиться на заключеніе таможеннаго и торговаго договора на новыхъ основаніяхъ, которыя излагаются въ представленной имъ запискѣ. «Биржевыя вѣдомости» извѣщаютъ также, что департаментъ внѣшней торговли, составивъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ этой записки, напечаталъ его на страницахъ этой газеты съ тою цѣлью, чтобы вызвать замѣчанія со стороны представителей русскаго купечества и всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ. Желаніе прусскаго купечества весьма естественно; но мы, русскіе, должны прежде всего имѣть въ виду нашу внутреннюю торговлю, нашу внутреннюю промышленность, и обратить вниманіе на то, ка́къ будетъ дѣйствовать на нихъ исполнившееся желаніе прусскихъ купцовъ, довольно наивно высказанное въ томъ введеніи къ запискѣ, которое напечатано въ томъ-же 190 № «Биржевыхъ Вѣдомостей». Ярмарочное биржевое купечество, озабочиваясь по вызову департамента составленіемъ замѣчаній на этомъ проектъ, проситъ васъ пріобрѣсти одинъ экземпляръ его для биржевой залы и сдѣлать краткій обзоръ этого нѣмецкаго сочиненія съ изложеніемъ вашего собственнаго взгляда. Это дѣло слишкомъ важное и требуетъ неотложнаго отпора нѣмцамъ со стороны русскихъ, если предложеніе нѣмецкихъ купцовъ такъ вредно, какъ обѣщаетъ напечатанное введеніе къ нему. Мы избрали васъ нашимъ представителемъ въ полной надеждѣ, что вашъ просвѣщонный и вѣрный взглядъ на русскіе интересы будетъ служить нашимъ общимъ отголоскомъ и дастъ силу нашему голосу въ тѣ тяжкія для нашей торговли минуты, въ которыя молчать, съ обычнымъ подобострастіемъ, уже невозможно, когда стремленіе нѣмцевъ къ окончательному подчиненію нашихъ интересовъ такъ очевидно. Извѣстныя патріотическія чувства ваши насъ увѣряютъ, что вы не потяготитесь исполненіемъ нашей всепокорнѣйшей просьбы. Образъ вашихъ мыслей вы потрудитесь сообщить намъ въ «Ярмарочномъ Справочномъ Листкѣ», а мы, по окончаніи ярмарки, займемся порознь подробнымъ разборомъ нѣмецкой записки»..

Свѣдѣній о томъ, что было дальше, мы еще нигдѣ не успѣли встрѣтить.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

До сихъ поръ мы не имѣли возможности побесѣдовать съ нашими читателями о политическомъ положеніи Европы и по этому думаемъ бросить бѣглый взглядъ на событія нынѣшняго года. Мы тѣмъ болѣе считаемъ это нужнымъ, что этотъ годъ имѣетъ огромное значеніе въ политической исторіи. Намъ кажется, что въ настоящемъ году вполнѣ высказывается несостоятельность общей политической системы западной Европы и шаткость руководящихъ ею принциповъ. Всѣ политическіе дѣятели нашего времени повидимому вполнѣ сознаютъ это и во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ выказывается какая-то нерѣшительность, колебаніи и наклонность принять выжидательное положеніе. Этотъ порядокъ вещей, по нашему мнѣнію, имѣетъ началомъ своимъ Вилла-Франкскій миръ; но всего яснѣе онъ выразился въ концѣ прошлаго и въ настоящемъ году, несмотря на то, что нѣмцы, забывъ свою историческую апатію, съ такою жадностію ринулись на несчастную Данію для разрѣшенія Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса, надоѣвшаго въ теченіи послѣдняго десятилѣтія всѣмъ и каждому. Казалось, что этотъ вопросъ и существуетъ только для того, чтобъ нѣмецкіе филистеры могли толковать объ немъ въ своихъ пивныхъ лавочкахъ, да еще для того, чтобы многодумный франкфуртскій сеймъ не позабылъ совершенно о своемъ собственномъ существованіи. И вдругъ—въ нынѣшнемъ году этотъ вопросъ, несмотря на свою комическую обстановку, вдругъ получаетъ драматическую развязку, прикрываясь маскою великаго національнаго вопроса. Мы говоримъ: прикрываясь маскою національности, потому что въ сущности въ глазахъ всѣхъ главныхъ дѣятелей въ этомъ вопросѣ интересы національностей не имѣли ни малѣйшаго значенія. Доказатель-

ствомъ этого служитъ самое разрѣшеніе вопроса. Намъ кажется, что причинами такой драматической развязки этого вопроса было честолюбіе Пруссіи, потребность заглушить собственные, внутренніе, домашніе разлады отвлеченіемъ общаго вниманія къ внѣшнему вопросу, которому для сего только случая и былъ приданъ національный, обще-германскій характеръ, да сверхъ того еще характеръ геройскаго будто-бы подвига, наконецъ—вражда старой прусской юнкерской (феодальной) партіи противъ демократическихъ учрежденій Даніи. Изъ дипломатовъ только одинъ добродушный г. фонъ-Бейстъ искренно вѣрилъ, что онъ представляетъ въ этомъ дѣлѣ интересъ національный, и позволилъ провести себя какъ нельзя лучше. Что же касается остальныхъ дѣятелей, то имъ вопросъ національный былъ совершенно чуждъ, да и смѣшно было бы предполагать, чтобъ Австрія стала работать въ пользу этого вопроса. Г. Бисмаркъ очень ловко воспользовался настроеніемъ Германіи и настоящимъ положеніемъ Европы. Онъ хорошо оцѣнилъ шаткость европейскихъ политическихъ принциповъ и былъ конечно предварительно увѣренъ, что въ настоящее время ничто не можетъ помѣшать ему въ исполненіи его намѣреній. Разумѣется и эта способность: предварительно увѣриться—тоже своего рода ловкость и даже смѣлость. Въ положеніи европейской политики онъ съумѣлъ подмѣтить отсутствіе всякихъ внѣшнихъ препятствій для осуществленія своихъ замысловъ, внутреннія же препятствія задерживать его не могли, а напротивъ именно тянули его къ Шлезвигу, чтобъ отвлечь всеобщее вниманіе. Несостоятельность прусской конституціонной системы и недальновидность прусскихъ либераловъ ему, какъ послѣдователю г. Мантейфеля, были хорошо извѣстны. Несмотря на всю вражду либеральной партіи къ тѣмъ принципамъ, которыхъ онъ былъ представителемъ, ему стоило только позолотить свою пилюлю, польстивъ ихъ національнымъ стремленіямъ и ихъ военному геройству, и поддержка этихъ господъ ему была обезпечена. Вообще мы увѣрены, что военное геройство очень много имѣло тутъ значенія и ужасно нѣмцамъ понравилось. Мы совершенно убѣждены, что теперь каждый нѣмецъ вдвое прежняго себя уважаетъ.

Мы коснулись Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса въ началѣ нашей статьи только для того, чтобы показать наглядно въ очень рѣзкомъ примѣрѣ, какъ слабы силы дипломатіи въ настоящее время въ борьбѣ и какъ шатки тѣ начала, которыя руководятъ государствами въ ихъ международныхъ отношеніяхъ. Чтобы вполнѣ уяснить эту мысль, мы взглянемъ на политику каждаго государства отдѣльно и постараемся вникнуть въ причины такого порядка вещей. Но для этого мы не можемъ ограничиться историческими событіями настоящаго года, а

должны оглянуться нѣсколько назадъ и принять въ соображеніе, что въ послѣднее время образовалась въ Европѣ новая сила, съ которой на европейскихъ совѣтахъ считаться необходимо. Мы говоримъ объ итальянскомъ королевствѣ.

Въ прежнее время всѣ международныя отношенія и возникавшіе вопросы вовсе не представляли такой трудности какъ теперь. Въ совѣтѣ пяти великихъ державъ большинству голосовъ состояться было не трудно, въ особенности во время существованія священнаго союза. Интересы трехъ восточныхъ государствъ по нѣкоторымъ вопросамъ были почти одинаковы, а рѣшеніе возникавшихъ вопросовъ зависѣло совершенно отъ правительства, безъ всякаго отчота въ представительныхъ собраніяхъ. Англія, будучи отдѣлена отъ остальной Европы, не имѣла на континентѣ такихъ интересовъ, которые бы сильно затрогивали ея населеніе и заставили бы его обращать вниманіе на внѣшнюю политику своего правительства. Народъ англійскій былъ довольно равнодушенъ въ то время къ событіямъ, происходившимъ на материкѣ Европы. Къ тому же внутреннія реформы Англіи, какъ напр. избирательный законъ и уничтоженіе покровительственной системы, вызывали громадную агитацію, отвлекавшую общественное вниманіе и не позволявшую ему со всей силой обращаться къ вопросамъ внѣшнимъ. Что касается Франціи, то хотя это государство и не лишено было желанія вмѣшиваться въ международные вопросы, но политическое положеніе Франціи при существованіи священнаго союза не могло имѣть слишкомъ большаго вліянія на вѣсахъ Европы.

Но вотъ крымская война развязываетъ священный союзъ окончательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ является въ совѣтахъ Европы маленькое государство съ либеральными учрежденіями, рудоводимое великимъ человѣкомъ. Въ наше время еще не достаточно оцѣнена дѣятельность графа Кавура: многіе не хотятъ признать геніальности этого человѣка на томъ только основаніи, что онъ не соглашался съ вождями партіи дѣйствія, находилъ нужнымъ считаться съ силами, враждебными единству Италіи, и умѣлъ пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей; онъ не вѣрилъ въ знаменитое выраженіе: Italia fara da se, и событія вполнѣ оправдали его. Только опираясь на союзъ съ Франціей, могъ онъ съ успѣхомъ бороться съ Австріей и создать ту силу, которая нынѣ много измѣняетъ порядокъ вещей въ Европѣ. Мы говоримъ, что графъ Кавуръ умѣлъ пользоваться силами враждебными единству Италіи, и думаемъ, что императоръ Наполеонъ никогда не могъ искренно желать единой Италіи въ томъ видѣ, къ которому она стремится въ настоящее время. Вилла-Франкскій миръ, цюрихской трактатъ и пребываніе французскихъ войскъ въ Римѣ до сего времени—явное тому до-

казательство. Открывая итальянскую компанію, императоръ французовъ предполагалъ замѣнить австрійское вліяніе своимъ собственнымъ и обманулся; онъ расчитывалъ на федерацію, тогда какъ народы Италіи стремились къ единству. Савоія и Ница были принесены въ жертву и дали возможность создаться итальянскому королевству. Сила Австріи была сокрушена этой жертвой. Какъ геніальный человѣкъ, Кавуръ понялъ, что для борьбы съ сильнымъ иноземнымъ государствомъ нужно иноземное пособіе, для внутренняго же объединенія достаточно помощи партіи дѣйствія. Какъ скоро вліяніе Австріи было уничтожено, онъ не затруднился содѣйствовать Гарибальди при завоеваніи Неаполя и вмѣстѣ съ этимъ не поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ европейскій дипломатіи. Смерть графа Кавура была истиннымъ несчастіемъ для Италіи: при немъ аспромонтское дѣло было бы не возможно; онъ успѣлъ бы предупредить его, или уговоривъ Гарибальди отсрочить свое предпріятіе, или, если это было невозможно, оказалъ бы ему полное содѣйствіе какъ и во время завоеванія Неаполя. Преемники его не умѣли сдѣлать ни того, ни другаго; несчастное событіе совершилось, и теперь Богъ знаетъ на сколько времени отсрочено завершеніе зданія, начатаго великимъ человѣкомъ.

Итальянскія событія послѣдняго времени доказали ясно, что съ одной стороны революціи только тогда не имѣютъ гибельныхъ послѣдствій и не влекутъ за собой громадныхъ жертвъ, когда опираются на людей облеченныхъ властію; съ другой, что когда массы народа начинаютъ имѣть свои понятія и стремленія, то истинные государственные люди не идутъ наперекоръ этимъ тенденціямъ, но стараются ловко захватить это движеніе въ свои руки и воспользоваться имъ какъ новою силой. Революціи, въ томъ смыслѣ какъ мы привыкли ихъ понимать, сдѣлаются невозможными, когда эта истина будетъ вполнѣ понята, когда люди, желающіе прогресса и реформъ, не будутъ удаляться отъ политическаго поприща, а будутъ дѣйствовать на мнѣнія людей, облеченныхъ властію, и когда послѣдніе будутъ слѣдить за тѣми стремленіями, которыми одушевлены массы, чтобъ регуляризировать ихъ къ общей выгодѣ и управлять ими. Мы знаемъ, что эта мысль можетъ встрѣтить много возраженій, но въ настоящее время не будемъ отвѣчать на нихъ: это отвлекло бы насъ отъ того предмета, о которомъ мы желаемъ побесѣдовать съ нашимъ читателемъ.

И такъ въ новѣйшее время образовалось сильное государство, которое имѣетъ полное право на участіе въ совѣтахъ Европы наравнѣ съ другими великими державами. Въ основаніе этого государства положенъ принципъ національности, принципъ новый, который въ глазахъ прежнихъ политическихъ людей не имѣлъ большого значенія. Ин-

тересы новаго государства находятся въ совершенной противуположности съ интересами Австріи, имѣвшей до сихъ поръ такое важное значеніе въ рѣшеніи всѣхъ континентальныхъ вопросовъ. Враждебное отношеніе между этими двумя государствами съ одной стороны и сочувствіе, возбуждаемое до сихъ поръ дѣломъ Италіи во Франціи и Англіи съ другой—колеблятъ окончательно прежнее положеніе дѣлъ въ Европѣ. Отсюда непрочность прежнихъ отношеній и возможность новыхъ столкновеній. Сверхъ того вопросъ о національностяхъ получаетъ все болѣе и болѣе значенія въ западной Европѣ и измѣняетъ взглядъ на тѣ принципы, которыми когда-то руководилась политика и которые до сихъ поръ еще лежатъ въ основаніяхъ международнаго права. Частныя и частыя измѣненія его положеній подрываютъ окончательно вѣру въ существованіе общихъ началъ международнаго права, откуда является недовѣріе одного государства къ политикѣ другого, а слѣдовательно и начало разъединенія. Система европейскаго равновѣсія начинаетъ, по нѣкоторымъ признакамъ, оказываться несостоятельною вслѣдствіе недостатка гарантій, которыя-бы обезпечивали прежній европейскій порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ: до сихъ поръ гарантіей существующаго порядка въ Европѣ служила угроза войны. Но она могла служить гарантіей только до извѣстной степени и въ извѣстное время. Въ прежнее время война не сопровождалась такими вредными послѣдствіями какъ теперь. Конечно она велась съ большею жестокостію, съ большимъ вредомъ для той мѣстности, на которой происходили военныя дѣйствія; но ея послѣдствія имѣли болѣе временный и мѣстный характеръ, чѣмъ теперь. Въ настоящее же время эти послѣдствія имѣютъ гораздо болѣе общее значеніе. Возрастающее сближеніе народовъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ дѣлаетъ ихъ солидарными, и мы видимъ, что война на отдаленномъ американскомъ континентѣ заставляетъ страдать всю европейскую торговлю. Съ другой стороны развитіе военнаго искусства и усовершенствованія въ системѣ вооруженія требуютъ со стороны правительствъ громадныхъ издержекъ, заставляютъ ихъ входить въ значительные долги, отвлекаютъ капиталы отъ производительныхъ затратъ и тѣмъ ослабляютъ самый источникъ государственныхъ доходовъ. Да кромѣ того, то государство и сильнѣе, въ которомъ больше науки, техники, машинъ и изобрѣтателей. По-крайней мѣрѣ идетъ къ тому. Разумѣется мы говоримъ только о внѣшней силѣ. Внутренняя, духовная, земская сила націй есть и всегда пребудетъ главною силою государства, а потому первое дѣло—ея успѣшное государственное развитіе. Въ прежнее время сильное государство не опасалось войны: въ случаѣ успѣха война сама покрывала военные расходы. Въ настоящее время совсѣмъ другое дѣло: никакой успѣхъ

не можетъ вознаградить тѣхъ пожертвованій, съ которыми сопряжены военныя дѣйствія. Кромѣ прямыхъ расходовъ, одинъ перерывъ торговыхъ сношеній ведетъ къ такимъ убыткамъ, которыхъ даже нельзя исчислить, а тѣмъ менѣе вознаградить. Если государства продолжаютъ сохранять свое вооруженное положеніе, то это единственно изъ недовѣрія другъ къ другу и для сохраненія своей собственной независимости. Намъ кажется, что Европа въ цѣломъ составѣ своемъ въ настоящемъ положеніи переживаетъ тотъ моментъ историческаго развитія гражданскихъ обществъ, когда въ нихъ стала ощущительна необходимость положительнаго законодательства. Несостоятельность прежняго обычнаго права и права войны, которое имѣетъ тоже значеніе въ международномъ правѣ, какъ право мести въ первоначальномъ обществѣ, особенно ощутительны въ настоящее время. При настоящемъ конституціонномъ порядкѣ вещей въ Европѣ, нѣкоторыя правительства обязаны отдавать отчотъ въ своихъ международныхъ отношеніяхъ представителямъ народа, и пренія, происходящія по этому поводу, вносятъ свѣтъ въ вопросы, остававшіеся до сихъ поръ темными, и указываютъ на громадность пожертвованій, сопряженныхъ съ войною. При такихъ обстоятельствахъ для начала европейской войны необходимы важныя побудительныя причины, большая рѣшимость со стороны правительственныхъ лицъ и притомъ вѣра въ несомнѣнный успѣхъ.

Вотъ причины, по нашему мнѣнію, которыя обусловливаютъ нерѣшительность дѣйствій и выжидательную политику западно-европейской дипломатіи, а вмѣстѣ съ этимъ и отсутствіе на западѣ гарантій для существующаго порядка вещей. Трактаты нарушаются, и ни одно европейское государство не дѣлаетъ изъ этого повода къ войнѣ, если только это нарушеніе не затрогиваетъ его собственныхъ и притомъ существенныхъ интересовъ. Въ особенности ясно выразилась эта политика Европы въ Датско-Германскомъ столкновеніи.

Прошедшій годъ былъ замѣчателенъ неудачнымъ дипломатическимъ походомъ Европы противъ Россіи. Энергическіе отвѣты нашего правительства зажали ротъ нашимъ недоброжалателямъ и ясно выказали несостоятельность дипломатіи и недостатокъ взаимной довѣренности между государствами западной Европы. Г. Бисмаркъ не дремалъ и ловко воспользовался этимъ примѣромъ. Видя шаткость своего положенія во внутренней политикѣ, онъ рѣшился поправить свои обстоятельства во внѣшней. Не предвидя никакого серьёзнаго сопротивленія со стороны западныхъ державъ, онъ воздвигъ гоненіе на Данію со стороны германскаго союза, который, будучи такъ терпѣливъ въ теченіи тринадцати лѣтъ, вдругъ въ 1863 году по какому-то случаю теряетъ терпѣніе и декретируетъ военное занятіе Голштиніи и Лауэнбурга. Такая

неумѣренная, непривычно-энергическая дѣятельность союзнаго сейма истощила и парализировала всѣ его силы. Это предвидѣлъ г-нъ Бисмаркъ, но нимало не предвидѣли восторженные профессоры и бурши Германіи, не смотря на всю ихъ ученость. За тѣмъ Пруссія и Австрія (почти *великодушно*) берутъ на себя принудить Данію къ исполненію ея обязательствъ. Разсматривая дипломатическую переписку конца прошедшаго года, можно подумать, что прусскій министръ дѣйствовалъ въ болѣе примирительномъ духѣ нежели германскій союзъ, но это только кажущееся миролюбіе. Искусная дипломатія состоитъ именно въ томъ, чтобы скрывать свои намѣренія какъ можно долѣе. Еслибъ это миролюбіе было дѣйствительное, а не кажущееся, то конечно датскій вопросъ никогда бы не былъ рѣшонъ такъ, какъ это случилось на дѣлѣ. Казалось, что для Австріи и Пруссіи не было никакихъ причинъ вмѣшиваться въ это дѣло, то-есть причинъ юридическихъ. Данія не исполнила своихъ обязательствъ въ отношеніи германскаго союза, и онъ декретировалъ занятіе герцогствъ. Данія не сопротивлялась и очистила ихъ. До сихъ поръ все шло въ границахъ права и могло быть кончено дипломатическимъ путемъ между германскимъ союзомъ и Даніею. Но въ такомъ случаѣ Пруссія не могла бы расчитывать ни на какія территоріальныя пріобрѣтенія; между тѣмъ она мечтаетъ быть морской державой, но за недостаткомъ удобныхъ гаваней, не въ состояніи имѣть значительнаго флота. Кромѣ того Пруссія мечтаетъ быть первой державой въ Германіи и сверхъ того, т. е. со временемъ—единственной державой въ Германіи; а для этого теперешніе военные успѣхи, главенство въ общемъ (будто-бы) дѣлѣ, и наконецъ громкая степень морской державы—современемъ очень пригодятся. И вотъ г. Бисмаркъ, для прикрытія своихъ видовъ втягиваетъ въ эту войну Австрію и заставляетъ ее дѣйствовать, вопреки всѣмъ началамъ, на которыхъ сложилось это государство, въ пользу вопроса о національности. Разумѣется Австрія не втянулась бы въ это дѣло, еслибъ съ своей стороны не имѣла тоже въ виду кое-въ чемъ провести Пруссію и союзный сеймъ. Но объ этомъ послѣ. За тѣмъ являются одно за другимъ заявленія союзныхъ державъ, отъ исполненія которыхъ обѣ нѣмецкія державы постепенно отказываются. Самое начало военныхъ дѣйствій доказываетъ, что Пруссія и Австрія нисколько не желали окончанія дѣла мирнымъ путемъ. На ихъ ультиматумъ Данія объявила, что она готова уничтожить главную причину раздора съ германскимъ сеймомъ и отмѣнить конституцію 18-го ноября 1863 года, но только въ конституціонномъ порядкѣ; для этого она требовала срока, чтобы созвать представителей страны. Что могло быть справедливѣе подобнаго требованія? Но г. Бисмаркъ, не сознавая необходимости держаться

конституціоннаго порядка въ Пруссіи, не счолъ нужнымъ уважать его и въ Даніи. Оякъ требовалъ отъ Датскаго правительства явнаго и произвольнаго нарушенія основныхъ законовъ государства и дѣлалъ невозможнымъ соглашеніе. Это обстоятельство ясно указываетъ, что Пруссія хотѣла войны, чтобы разорвать всѣ существовавшіе договоры. Соединенныя арміи Австріи и Пруссіи переходятъ границу Шлезвига, и открываются военныя дѣйствія. Само собою разумѣется, что силы Даніи были слишкомъ слабы, чтобы бороться съ арміями двухъ великихъ державъ, имѣющихъ въ резервѣ войска германскаго союза. Съ каждымъ новымъ успѣхомъ германскія державы отказываются отъ исполненія своихъ заявленій и расширяютъ свои требованія. Сперва занятіе герцогствъ было только экзекуціонной мѣрой, нисколько не нарушавшей правъ датскаго короля, но лишь занятіе совершилось, какъ начались агитаціи въ пользу герцога Августенбургскаго. За тѣмъ объявлено, что занятіе Шлезвига необходимо для понужденія Даніи къ отмѣнѣ конституціи 18-го ноября, но что цѣлость датской монархіи будетъ сохранена, и лондонскій трактатъ не будетъ нарушенъ; по занятіи Дюппельской позиціи оказалось, что военныя дѣйствія разрушаютъ всѣ договоры, и германскія державы не считаютъ себя связанными договорами 1852 года, но впрочемъ ограничатся только занятіемъ Шлезвига; по занятіи же его оказалась необходимость занять и Ютландію, для обезпеченія вреда, нанесеннаго блокадой, и наложить на мирныхъ жителей контрибуцію и т. д. Всѣ эти первоначальныя заявленія о сохраненіи датской монархіи были только средствомъ успокоить общественное мнѣніе Европы, а исполненіе ихъ не было нисколько въ намѣреніяхъ германскихъ державъ. Это ясно изъ того, что онѣ не согласились на отстрочку, которой требовала Данія. Имѣя дѣло съ слабымъ государствомъ, онѣ не могли сомнѣваться въ успѣхѣ, а война доставляла имъ возможность отказаться постепенно отъ всѣхъ своихъ обѣщаній, которыя дѣлали они на всякій случай, чтобы не придать вопросу сразу слишкомъ важнаго международнаго значенія. Когда же фактъ завладѣнія совершился, тогда можно было смѣло расчитывать, что Европа не сдѣлаетъ ничего для Даніи, потому что необходимы были сильныя жертвы, чтобъ отнять у Австріи и Пруссіи пріобрѣтенныя ими выгоды. Еслибъ Австрія и Пруссія прямо, сначала заявили свои желанія, тогда обстоятельства сложились бы можетъ быть иначе. Но такого промаха разумѣется и быть не могло. Почему же Данія, не смотря на свою слабость, не покорилась требованіямъ могущественнаго непріятеля и приняла неравную борьбу? Неужели она имѣла какую-нибудь надежду на успѣхъ своего оружія? Нѣтъ, она не могла имѣть этой надежды, но она имѣла слабую надежду, что

международное право существуетъ не на одной бумагѣ и что идеи справедливости и торжественные договоры еще не утратили своего значенія въ совѣтахъ Западной Европы. Государственные люди Даніи имѣли нѣкоторое право расчитывать, что Европа не допуститъ нарушенія цѣлости Датской монархіи, тѣмъ болѣе, что и союзныя государства, открывая военныя дѣйствія, объявили, что они нисколько не думаютъ нарушать цѣлости датской монархіи и лондонскаго договора 1852 года. Послѣдующія обстоятельства показали, что германскія державы, или лучше сказать Пруссія (потому что, какъ намъ кажется, Австрія и весь германскій союзъ,—послѣдній добродушно, а первая не совсѣмъ охотно,—служили цѣлямъ г. Бисмарка) скрывала свои виды и ввела въ заблужденіе всю Европу. Если государственные люди всей Европы обманулись, то тѣмъ позволительнѣе было обмануться въ этомъ случаѣ Даніи. Она знала, что борьба идетъ не только съ цѣлью завоеваній, но и противъ ея демократическихъ учрежденій, слѣдовательно для той партіи, которая тогда стояла во главѣ управленія, это былъ вопросъ жизни и смерти. Кто же не станетъ отстаивать свое право на жизнь? Тѣмъ болѣе Данія должна была рѣшиться на эту борьбу, что для нея вопросъ объ участіи Европы былъ только вопросомъ времени. Все заставляло ее предполагать, что Англія, а съ нею вмѣстѣ и Франція не будутъ довѣрчиво смотрѣть на увѣренія германскихъ державъ и хоть когда-нибудь да произнесутъ свое veto. Могла ли она думать, что воинственные планы г. Бисмарка не затронутъ опасеній щекотливаго Пальмерстона и не пробудятъ въ сердцѣ властелина Франціи извѣстныхъ стремленій къ округленію границъ? Могла ли она думать, что и Россія останется равнодушною, коль скоро дѣло дѣйствительно приметъ общеевропейскій характеръ? Наконецъ могла ли она думать, что либеральная Европа и во главѣ ея свободная Англія допустятъ подавить ея свободныя учрежденія? Но обстоятельства сложились такъ, какъ никогда не могла расчитывать Данія. Скорѣе всего можно было предполагать, что Швеція подастъ помощь Даніи. Казалось, что эта помощь была довольно близка: вооруженіе шведской арміи и флота уже были сдѣланы, почти все было готово, но по какимъ-то непонятнымъ обстоятельствамъ политика Швеціи внезапно измѣнилась, и она отказалась отъ помощи соплеменному народу. Такая рѣшимость конечно была тоже слѣдствіемъ обнаружившейся политики западныхъ державъ.

Но что же дѣлала Англія, такъ прямо заинтересованная въ дѣлѣ въ то время, когда ея слабая союзница должна была бороться съ превосходными непріятельскими силами, — эта богатая и сильная Англія, энергическій протестъ которой могъ имѣть громадное вліяніе на рѣше-

ніе германскихъ державъ? По видимому англійскіе государственные люди вначалѣ вѣрили въ заявленія Пруссіи; они постоянно увѣряли сомнѣвавшихся членовъ законодательныхъ палатъ, что Пруссія считаетъ для себя обязательными договоры 1852 года, а когда Пруссія уже сбросила свою маску, тогда было уже поздно, и для того чтобы заставить ее быть сговорчивѣе, необходимо было начать европейскую войну. Но передъ этой войной Англія отступила по невозможности предвидѣть всѣхъ послѣдствій подобнаго столкновенія. Въ порывѣ негодованія за то, что г. Бисмаркъ такъ ловко отвелъ глаза англійскому правительству, оно предлагаетъ Наполеону сдѣлать общую демонстрацію въ защиту Даніи. Я согласенъ, говоритъ повелитель Франціи, но не люблю пускать пустые фейерверки; если дѣлать дѣло, то надо дѣлать его серьёзно: я пошлю съ вами флотъ и вмѣстѣ двину свою армію на Рейнъ. Такой энергическій отвѣтъ испугалъ англійскихъ государственныхъ людей и былъ пробнымъ камнемъ для испытанія сердечнаго согласія. Для того, чтобы согласиться на такое предложеніе, необходимо было имѣть полное довѣріе къ повелителю Франціи въ томъ, что онъ не воспользуется тѣмъ положеніемъ, которое будетъ у него въ рукахъ, и не пріобрѣтетъ для Франціи рейнскихъ границъ, чего такъ боится, Богъ знаетъ почему, Англія. (Англія многого, *Богъ знаетъ почему*, боится и кромѣ рейнскихъ границъ. Вотъ почему до сихъ поръ такъ ухаживаетъ она и за «больнымъ человѣкомъ», не смотря на то что «больному человѣку» чуть не приходится давать скоро мускуса, потому что онъ боленъ даже безъ всякой надежды на выздоровленіе). Но довѣрія не имѣется въ наличности между Франціей и Англіей, и вотъ Англія начинаетъ искать возможности устроить конференцію для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій, а между тѣмъ союзники дѣлаютъ успѣхи, и требованія ихъ возрастаютъ. Сочувствіе къ Даніи проявляется въ Англіи повсюду, и датскіе уполномоченные на конференціи являются съ полною готовностію на уступки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ твердою увѣренностію, что въ случаѣ неуспѣха конференціи, они не будутъ покинуты, что Европа интересуется ихъ положеніемъ и не допуститъ явнаго насилія. Къ чему могла вести конференція въ такомъ положеніи вещей? Къ чему эти дебаты между воюющими сторонами въ присутствіи свидѣтелей, которыхъ мнѣнія не могли имѣть никакого вліянія на рѣшеніе германскихъ державъ? Уполномоченные послѣднихъ явились на совѣтъ Европы, упоенные своими побѣдами и увѣренные, что нужны громадныя усилія для того, чтобы вырвать у нихъ выгоды того положенія, которое они пріобрѣли войною, — усилія, которыя при взаимномъ недовѣріи и соперничествѣ Франціи и Англіи невозможны. Но не смотря на то, самый фактъ

созванія конференціи по иниціативѣ Англіи все еще могъ заставить и заставилъ правительство Даніи надѣяться на условія мира, до извѣстной степени благопріятныя. Императоръ французовъ вполнѣ понялъ такое положеніе дѣлъ и уклонился совершенно отъ дѣятельнаго участія: его уполномоченные на конференціи приняли политику выжидательную, оставляя за собою совершенную свободу дѣйствій, и лордъ Россель потерпѣлъ новую неудачу. Конференція разошлась, какъ и слѣдовало ожидать, безъ всякихъ результатовъ.

За тѣмъ англійское правительство умываетъ руки и объявляетъ торжественно, передъ страною и передъ Европой, что оно съ своей стороны сдѣлало все, что только было въ его власти, и что начинать войну съ Германіей за Данію не стоитъ, потому что для этого нужны громадныя пожертвованія, которыхъ не требуютъ ни честь, ни интересы Англіи. Однимъ словомъ—англійское правительство объявляетъ подъ конецъ то, съ чего бы слѣдовало ему начать. Слѣдовало бы объявить Даніи до начала военныхъ дѣйствій, что какія бы ни были послѣдствія войны, Англія ни въ какомъ случаѣ не приметъ на себя защиты Даніи. Тогда по крайней мѣрѣ хоть наружная честь была бы спасена и уже конечно датское правительство стало бы тогда уступчивѣе и не рѣшилось бы на сопротивленіе, полагаясь только на одни собственныя свои силы. Но Англія не сдѣлала такого заявленія, потому что въ началѣ она и не предвидѣла подобныхъ намѣреній со стороны Пруссіи. Напротивъ, прелегкомысленно повѣрила въ ея обѣщанія и пренаивно понадѣялась на сердечное согласіе Франціи, не питая къ ней въ то же время взаимно ни малѣйшихъ сердечныхъ чувствъ. Однимъ словомъ—она руководствовалась самою шаткою и нерѣшительною политикою; опасалась быть вовлечена въ войну безъ Франціи, и въ то же время не желала слишкомъ энергическаго содѣйствія послѣдней. Эта политика Англіи вполнѣ доказываетъ нашу мысль о недостаткѣ какъ общихъ руководящихъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ, такъ и взаимнаго довѣрія между правительствами.

Забавно читать пренія въ англійскомъ парламентѣ по поводу прекращенія занятій конференціи. Министры, оправдывая свою политику, утверждаютъ, что Англія никогда не гарантировала цѣлости датской монархіи, не обѣщала никогда своей помощи Даніи и что честь и достоинство Англіи ни сколько не затронуты въ этомъ дѣлѣ. Но развѣ Англія гарантировала когда-нибудь Турціи ея настоящія владѣнія, и почему въ 1853-мъ году пострадали ея честь и достоинство, когда Россія подъ Синопомъ уничтожила турецкую эскадру? Намъ помнится, что тотъ же самый лордъ Россель проповѣдывалъ тогда противъ Россіи и говорилъ совершенно иначе о чести и достоинствѣ Англіи.

Смѣшно, право, какъ эластично понятіе о народной чести и народномъ достоинствѣ въ умахъ англійскихъ министровъ: одинъ и тотъ же фактъ сегодня оскорбляетъ достоинство Англіи, завтра нисколько. Вообще, когда подобные господа заговорятъ въ Англіи о народной чести и народномъ достоинствѣ, то намъ все кажется, что они употребляютъ эти громкія слова потому только, что не имѣютъ ничего сказать болѣе дѣльнаго и существеннаго, или потому что не хотятъ высказать дѣйствительныхъ причинъ своихъ дѣйствій. Говорили бы просто: «хотя мы и богаты и имѣли средства вести войну, но въ тоже время мы очень желали, чтобъ это намъ гроша не стоило; а потому пока мы думали да гадали, какъ бы подешевле обезпечить цѣлость датской монархіи, г. Бисмаркъ вдругъ передернулъ карты. Когда же такимъ образомъ мы дозволили занять Шлезвигъ, то уже безъ Франціи предпринимать войну намъ было очень трудно, пригласить же французскую армію къ содѣйствію еще труднѣе: это прямо значило допустить разширеніе границъ Франціи до Рейна, потому что Франція только на словахъ сражается за торжество идеи, а на дѣлѣ всегда оканчивается матеріальнымъ себѣ вознагражденіемъ. На все это мы не согласны...» Такой языкъ былъ бы ясенъ и отличался бы искренностію. Но въ англійскомъ парламентѣ моды на искренность не существуетъ, и выраженіе, что слово дано человѣку для того, чтобъ онъ могъ лучше скрыть свою мысль, кажется вполнѣ примѣнимо въ этомъ случаѣ. Опозиція, упрекая министерство въ дурной внѣшней политикѣ, точно также говорила загадками и боялась всячески обронить какое-нибудь словцо, которое обязало бы ее къ какимъ-либо опредѣленнымъ дѣйствіямъ, если бы власть перешла въ ея руки. Такимъ образомъ какъ въ дѣйствіяхъ правительства ея Британскаго Величества, такъ и въ словахъ его оппозиціи вполнѣ выразились отсутствіе общихъ началъ и боязнь какихъ-то возможныхъ случайностей, для которыхъ необходимо не разъединять своихъ силъ,—точно въ Европѣ ежеминутно должны возникнуть событія, для встрѣчи которыхъ каждому государству необходимо обезпечить за собою полную свободу дѣйствій. Мы однакожь думаемъ, что еслибъ прежній воинственный азартъ восводы Пальмерстона былъ положенъ на вѣсы Европы въ декабрѣ прошлаго года, то осторожность, которой такъ хвалятся въ настоящее время англійскіе государственные люди, перешла бы на сторону подбоченившагося теперь г. Бисмарка, и онъ не осмѣлился бы вызвать европейскаго столкновенія, предвидя въ этомъ случаѣ потерю своихъ зарейнскихъ провинцій. Но у англійскихъ государственныхъ людей на этотъ разъ не достало энергіи, и вотъ въ результатѣ — тысячи убитыхъ, опозоренныя и разоренныя войной страны, значительное ослабленіе Даніи, будущее

возвышеніе Пруссіи какъ морской державы и наконецъ—преобладаніе послѣдней въ германскомъ союзѣ.

Если мы выражаемъ сочувствіе къ Даніи въ ея неравной борьбѣ съ нѣмцами, то это вовсе не потому, что считаемъ ея юридическія права неоспоримыми, и не потому опять, чтобъ для насъ принципъ національности не имѣлъ ни какого значенія. Наше сочувствіе къ Даніи есть только слѣдствіе того обстоятельства, что она должна была уступить не требованіямъ времени и здраваго смысла, а грубому насилію. Если мы говорили противъ германскихъ государствъ, то потому только, что онѣ ни мало не думали защищать въ этомъ случаѣ принципъ національности, а стремились совершенно къ другимъ цѣлямъ. По правдѣ, кромѣ Пруссіи, никто изъ нихъ даже и не зналъ хорошо, къ чему они всѣ стремятся. Со стороны Австріи былъ промахъ, со стороны союза — профессорская блажь. Одна Пруссія знала хорошо, чего ей хочется. Еслибъ Пруссія и Австрія желали разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи справедливости, то сѣверная часть Шлезвига ни въ какомъ случаѣ не могла бы отойти къ Германіи. Чтожъ касается округовъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, то они должны быть по справедливости оставлены за Даніею, потому что отдѣленіе ихъ нарушило бы также принципъ національности, только въ обратномъ смыслѣ, а слѣдовательно и въ этомъ случаѣ необходимо было сохранить существовавшій фактъ. Лордъ Пальмерстонъ предлагалъ такое рѣшеніе вопроса еще въ 1848 г., а Франція на послѣднихъ конференціяхъ; поэтому на судѣ Европы вопросъ этотъ вѣроятно былъ бы рѣшонъ на вышеписанныхъ основаніяхъ, но тогда онъ былъ бы вопросомъ между Даніею и германскимъ союзомъ, и въ такомъ случаѣ Пруссія не могла бы извлечь изъ него для себя никакихъ выгодъ.

Но какія причины заставили дѣйствовать въ этомъ вопросѣ Австрію? Намъ неизвѣстны тайныя обязательства между двумя германскими великими державами; но нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ ихъ предполагать. Вопервыхъ, невозможно думать, чтобы Австрія стала безкорыстно дѣйствовать для возвышенія Пруссіи въ Германіи, и во вторыхъ г. Бисмаркъ на предложенный ему вопросъ: справедливо-ли, что Пруссія гарантировала Австріи владѣніе итальянскими провинціями, отвѣчалъ не прямо отрицаніемъ существованія этого договора, но сказалъ, что Пруссія, если возникнетъ подобный вопросъ, должна будетъ обсудить: не требуютъ ли интересы Германіи сохраненія Австріи ея итальянскихъ владѣній и позиціи на Минчіо. Такой взглядъ на вещи ясно показываетъ, во первыхъ, что германскимъ державамъ нѣтъ дѣла до интересовъ національности, и во вторыхъ намекаетъ, что между ними

дѣйствительно можетъ быть соглашеніе, котораго не желаютъ объявить откровенно,—потому что его и не нужно объявлять откровенно.

И такъ Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ повидимому кончился; все дѣло теперь въ томъ, сколько Даніи придется платить; но... горе побѣжденнымъ, и дѣло кончено! Вопросъ этотъ далъ начало въ политическомъ мірѣ другимъ вопросамъ, не менѣе важнымъ и не менѣе затруднительнымъ. Данія лишилась двухъ пятыхъ народонаселенія. Можетъ-ли она въ теперешнемъ своемъ положеніи сохранить самостоятельное существованіе и то значеніе, которое она имѣла какъ морская держава? Что касается послѣдняго обстоятельства, т. е. ея значенія какъ морской державы, то въ этомъ случаѣ отвѣтъ долженъ быть отрицательный, потому что бюджетъ Даніи не въ состояніи выдержать теперь подобнаго расхода; противъ этого конечно не можетъ быть никакоко возраженія. По отношенію же къ возможности самостоятельнаго существованія, это составляетъ вопросъ и вопросъ очень важный въ Европейской дипломатіи. Если Данія не можетъ существовать какъ отдѣльное государство, то для нея остается одно—это соединеніе съ Швеціей и Норвегіей. Скандинавскій вопросъ такимъ образомъ является первымъ слѣдствіемъ разрѣшенія Шлезвигъ-Голштинскаго.

Посмотримъ теперь, какую важность имѣетъ этотъ вопросъ для великихъ державъ Европы. Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть равнодушна къ нему,—скажемъ болѣе, для насъ онъ составляетъ существенный вопросъ. Если Россія желаетъ сохранить свое значеніе морской державы, то ей конечно невыгодно будетъ допустить соединеніе Скандинавскихъ державъ воедино. Морскія силы Даніи и Швеціи могутъ равняться силамъ Россіи на Балтійскомъ морѣ и запереть русскимъ кораблямъ свободный изъ него выходъ; принимая же въ соображеніе усиленіе Пруссіи на этомъ морѣ, Россіи придется совершенно отказаться отъ преобладающаго вліянія. Такихъ значительныхъ интересовъ въ скандинавскомъ соединеніи не имѣетъ ни одна изъ великихъ державъ. Хотя для Англіи отдѣльное существованіе Даніи имѣетъ свое значеніе, но при ея громадныхъ морскихъ силахъ это соединеніе не представляетъ опасностей; ея морское вліяніе такъ велико, что соединенныя силы Швеціи и Даніи никогда не въ состояніи запереть ей входа въ Балтійское море. Ктому же желаніе отстранить вліяніе Россіи въ Европѣ какъ морской державы можетъ пожалуй заставить Англію снисходительно смотрѣть на такое соединеніе. Что касается Франціи, то она повидимому и теперь не прочь отъ содѣйствія этому плану, и если въ настоящее время она еще не оказываетъ этого содѣйствія, то конечно потому только, что вопросъ не созрѣлъ, и она естественно желаетъ до времени сохранить дружественныя отношенія

къ Россіи. Для Пруссіи также этотъ вопросъ не имѣетъ такого значенія какъ для Россіи, потому что присоединеніе герцогствъ къ Германіи даетъ ей болѣе свободный доступъ къ Нѣмецкому морю и въ особенности если осуществится каналъ, имѣющій цѣлію соединить Кильскую гавань съ Нѣмецкимъ моремъ. Чтожъ касается Австріи, то она вовсе не интересуется тѣмъ, что происходитъ на сѣверѣ Европы: для нея вопросы на югѣ гораздо болѣе значительны.

Изъ сказаннаго нами читатель видитъ, что скандинавскій вопросъ преимущественно касается Россіи, и что въ этомъ смыслѣ сохраненіе цѣлости датской монархіи имѣло тоже для насъ нѣкоторое значеніе. Всѣ наши стремленія стать морскою державою, всѣ наши издержки на образованіе и содержаніе морскихъ силъ могутъ быть напрасны, если когда-нибудь состоится соединеніе Швеціи и Даніи. А кто можетъ поручиться, что подобное обстоятельство неосуществимо? Положеніе, въ которомъ находится Европа, очень можетъ подать поводъ къ такой развязкѣ дѣла. Державы заинтересованныя въ немъ очень могутъ уступить въ чемъ-либо другомъ державамъ незаинтересованнымъ и достигнуть цѣли своихъ желаній. Франція очень легко можетъ согласить на подобную мѣру Германскія державы, сдѣлавъ имъ какую-либо уступку въ другихъ вопросахъ, на которые она имѣетъ вліяніе; Англія же можетъ имѣть даже нѣкоторый личный интересъ въ этомъ соединеніи. Не смотря однакожь на все это, Россія не имѣла ни какой возможности энергически протестовать противъ раздробленія Даніи и взять на себя, изъ опасенія далекой будущей комбинаціи, инициативу немедленнаго столкновенія съ Европой.

Возникновеніемъ вопроса о скандинавскомъ союзѣ не оканчиваются послѣдствія рѣшенія Шлезвигъ-Голштинскаго дѣла. Возвышеніе значенія Пруссіи, какъ морской державы, опять таки можетъ вредить нашему вліянію на Балтійскомъ морѣ. Многія обстоятельства, въ особенности въ послѣднее время, заставляютъ насъ думать, что сохраненіе этого вліянія для насъ очень важно.

Мы сказали, что Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ кончился только *по видимому*, и думаемъ, что имѣли право на подобное выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ кончился между Даніею и германскими державами, то онъ только начинается въ самой Германіи. Занятіе Ренсбурга, внимательный осмотръ Кильской гавани прусскими морскими офицерами, предположенія о соединеніи ея съ Нѣмецкимъ моремъ, уступка Даніей трехъ герцовствъ не Германіи, а Пруссіи и Австріи, исключеніе германскаго союза изъ Вѣнской конференціи, неизвѣстность намѣреній Пруссіи и Австріи относительно судьбы, ожидающей герцог-

ства, желаніе Пруссіи удержать Шлезвигъ въ своемъ владѣніи до уплаты военныхъ издержекъ, неудовольствія другихъ германскихъ державъ на всѣ подобныя дѣйствія и наконецъ—разглагольствованія нѣкоторыхъ органовъ прусской печати о томъ, что политика мелкихъ державъ Германіи должна по необходимости подчиняться видамъ двухъ первенствующихъ государствъ,—все это доказываетъ, что планъ задуманный г. Бисмаркомъ не очень узокъ, и что г. Бисмаркъ не думаетъ отказаться отъ завоевательныхъ видовъ. Конечно ни одна изъ второстепенныхъ державъ Германіи, ни даже союзъ ихъ не въ состояніи сдѣлать отпора всѣмъ этимъ стремленіямъ. Только Австрія могла бы и имѣетъ свой интересъ не допускать Пруссію до такого преобладанія, но у нея дома нездорово. На востокѣ, югѣ и юго-западѣ Австріи накопилось столько горючихъ матеріаловъ, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать въ открыто-непріязненное положеніе къ Пруссіи и тѣмъ еще болѣе ухудшить свое и безъ того критическое положеніе. Ктому же финансовое положеніе Австріи слишкомъ неблагопріятно. Всѣ эти обстоятельства, въ соединеніи съ желаніемъ ея приступить къ таможенному союзу, конечно заставляютъ ее быть по необходимости сговорчивѣе и уступать требованіямъ Пруссіи. Многіе европейскіе журналы замѣчали, что для противодѣйствія замысламъ Пруссіи, остается броситься въ объятія Франціи. Конечно могущественный Императоръ могъ бы защитить слабую Германію, тѣмъ болѣе, что всякое усиленіе Пруссіи непріятно дѣйствуетъ на Францію; но во первыхъ неизвѣстно какъ посмотрятъ на такое вмѣшательство во внутреннія дѣла Германіи по ту сторону Британскаго канала, а во вторыхъ Франціи *такъ необходимы* ея *естественныя* границы, что для пріобрѣтенія ихъ, она конечно готова будетъ отказаться отъ защиты мелкихъ государствъ, находящихся на сѣверѣ Германіи. Намъ скажутъ, что подобнаго рода комбинаціи невозможны, что Европа такого насилія въ отношеніи мелкихъ германскихъ державъ не потерпитъ. Но мы желали бы знать, на какомъ основаніи Европа можетъ этого не допустить и въ состояніи-ли она что-нибудь сдѣлать рѣшительное въ случаѣ полюбовнаго соглашенія между Пруссіей и Франціей? Мы видѣли, что въ Западной Европѣ никто не считаетъ необходимостью защищать святость трактатовъ. Данія пала, несмотря на то, что большинство общественнаго мнѣнія сочувствовало ея положенію; несмотря на то, что Швеція, Англія и даже Франція желали помочь ей. Поэтому отвергать возможность какой-либо подобной комбинаціи, значитъ не внимать урокамъ прошедшаго. Намъ остается только дивиться той смѣтливости, съ которой г. Бисмаркъ выбралъ минуту для того, чтобъ идти къ своимъ цѣлямъ. Если онъ успѣетъ достигнуть ихъ, если онъ успѣетъ присое-

динить къ Пруссіи сѣверныя германскія державы, то прусскіе патріоты конечно забудутъ его прошедшее, забудутъ свою оппозицію въ прусскомъ парламентѣ, и это будетъ самый популярный человѣкъ во всей Пруссіи, не смотря на то, что его несогласны тенденціи съ цѣлями большинства народныхъ представителей.

А что же сдѣлаетъ Англія при подобныхъ комбинаціяхъ? Неужели она, такъ энергически поддерживающая на словахъ statu quo въ Европѣ, столь консервативная въ своей внутренной политикѣ, будетъ сквозь пальцы смотрѣть на такія сдѣлки. Конечно мы не можемъ сказать утвердительно, какъ будутъ смотрѣть на это англійскіе государственные люди, а тѣмъ болѣе какъони будутъ дѣйствовать. Мы можемъ только предполагать, руководствуясь тѣмъ, что намъ уже извѣстно, и представить читателю только тѣ соображенія, на которыхъ мы дѣйствительно можемъ основываться. Судя же потому, что намъ извѣстно, мы можемъ придти къ заключенію, что у Англіи есть свой конекъ, на которомъ она всегда старалась прокатиться, есть свое больное мѣсто, о которомъ она постоянно думаетъ и говоритъ; это—восточный вопросъ. За исключеніемъ этого вопроса, Англія будетъ готова ко всему остальному приложить политику невмѣшательства. Если остальныя Европейскія державы не будутъ мѣшать ей дѣйствовать и не будутъ ослаблять ея вліяніе въ Константинополѣ, то мы думаемъ, что Англія не помѣшастъ никакой политической сдѣлкѣ на сѣверѣ Германіи. Явное доказательство этому мы видѣли уже въ той политикѣ, которой держалась Англія въ датско-германскомъ столкновеніи. Только война можетъ повредить интересамъ Англіи, а въ случаѣ мирнаго соглашенія г. Бисмарка и императора французовъ, невозможно предполагать ни какихъ военныхъ дѣйствій; потому что сопротивленіе со стороны мелкихъ германскихъ государствъ немыслимо. Недавно лордъ Россель, защищая свою политику въ палатѣ лордовъ, сказалъ, что Англія не можетъ начать войну съ Германіей по поводу датскаго вопроса, потому что ей, въ виду могущаго произойти столкновенія съ американскими штатами, нельзя отвлекать своихъ силъ. Мы думаемъ, что эти слова были произнесены лордомъ Росселемъ для того только, чтобъ скрыть свою мысль. Это заключеніе мы основываемъ на томъ, что столкновеніе гораздо возможнѣе по восточному вопросу, нежели съ американскими штатами. Если Англія вначалѣ и до сихъ поръ держалась строгаго невмѣшательства въ дѣла Америки, то тѣмъ менѣе поводовъ къ этому вмѣшательству въ настоящее время, потому что недостатокъ хлопка, который могъ служить въ прежнее время поводомъ къ вмѣшательству, если и существуетъ теперь, то все же, съ открытіемъ другихъ источниковъ его добыванія, не въ той степени какъ это было въ прежніе

годы. И—такъ дѣло кажется не въ Америкѣ: Турція—этотъ призракъ государства,—теперь полна продуктами разложенія. Даже самый исламизмъ, служившій до сихъ поръ нѣкоторой поддержкой «больному» и задерживавшій это упадокъ, началъ разлагаться. Англійскіе миссіонеры, какъ извѣщаютъ насъ газеты, окончательно его подрываютъ и начинаютъ обращать въ протестанство не только свѣтскихъ, но даже духовныхъ лицъ магометанской религіи. Паденіе исламизма въ Турціи до того сильно, что турецкое правительство не смѣло даже преслѣдовать совратителей. Сверхъ того носятся слухи, что въ Герцеговинѣ, вслѣдствіе неисполненія турецкими властями обѣщаній, данныхъ раіямъ, Вукаловичъ опять поднялъ возстаніе. (*) Между христіанскими подданными Турціи замѣтно особенное броженіе умовъ и очень не мудрено, что это возстаніе будетъ искрой, брошенной въ порохъ. Въ настоящее время инсургенты могутъ найти себѣ опору какъ въ Сербіи, такъ и въ Дунайскихъ княжествахъ, потому что и тамъ и здѣсь находится много элементовъ для борьбы съ Турціею: сербское правительство едва сдерживаетъ народную партію. При такомъ положеніи вещей очень легко ожидать какого-нибудь кризиса въ Европейской Турціи, и англійскіе государственные люди готовятся къ этому на всякій случай и боятся раздробить свои силы. Вотъ, кажется, истинная причина теперешней осторожности Англіи. Что же касается возвышенія Пруссіи на счотъ мелкихъ германскихъ державъ и присоединенія къ Франціи зарейнскихъ провинцій Пруссіи, то мы даже не видимъ, почему бы такая сдѣлка могла быть ужъ слишкомъ противна интересамъ Англіи. Напротивъ, сильное государство на границахъ Россіи, государство обязанное нѣсколько Англіи за ея уступчивость, можетъ очень благопріятствовать видамъ Англіи, и союзъ съ такимъ государствомъ, какъ средство помѣшать Россіи употребить всѣ свои силы на востокѣ во время кризиса, очень важенъ для Англіи.

Итакъ, если можетъ быть въ этой предполагаемой сдѣлкѣ для кого нибудь прямая невыгода, такъ это только для одной Россіи. Сильная Пруссія, настолько сильная, что могла бы выдержать борьбу съ Россіей, въ состояніи сильно противодѣйствовать нашему вліянію на дѣла Европы. Въ настоящее время конечно интересы Пруссіи общіе съ нами заставляютъ и ее поддерживать съ нами дружбу; но можно ли поручиться и за все будущее время? Конечно нѣтъ, и это тѣмъ болѣе потому, что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не можетъ опасаться безпорядковъ въ своихъ польскихъ владѣніяхъ на столько, на сколько они могутъ угрожать Россіи. Намъ принадлежитъ главная и наиболѣе обширная

(*) Слухи эти не совсѣмъ подтвердились. *Ред.*

часть Польши, и всѣ усилія польскихъ агитаторовъ были всегда преимущественно направлены противъ Россіи. Ктому же бывшія польскія провинціи въ Пруссіи уже достаточно и успѣшно онѣмечены, чего нѣтъ въ Россіи, гдѣ напротивъ поляки наиболѣе мечтаютъ о своей національности; а наконецъ гласный судъ и другія учрежденія въ Пруссіи,—отнимаютъ значительную силу у революціи на прусской почвѣ.

Однимъ словомъ, наше политическое положеніе, при настоящемъ порядкѣ вещей, не совсѣмъ удобно для усиленія нашего внѣшняго вліянія. Но слѣдуетъ ли жалѣть объ этомъ? По нашему мнѣнію, даже нисколько. La Russie ne boude pas, mais elle se recueille, сказалъ однажды нашъ государственный канцлеръ, и это выраженіе должно остаться еще надолго девизомъ нашей внѣшней политики. Мало того: Россія по самому существу своему поставлена въ этомъ отношеніи въ самое выгодное положеніе относительно всѣхъ державъ Европы. Для Европы Россія всегда останется страшно-сильнымъ колоссомъ, котораго не скоро сломишь и съ которымъ нужно обращаться всегда крайне почтительно. Война съ Россіею всегда невыгодна Европѣ, потому что отъ этой войны наиболѣе можетъ пострадать европейская торговля. Наше положеніе на краю Европы дѣлаетъ то, что мы всегда у себя дома, а слѣственно можемъ хоть всему свѣту долго сопротивляться и никакъ не можемъ потерять всего въ одинъ день, какъ Пруссаки подъ Іеной. Война съ Россіею требуетъ громадныхъ издержекъ. Война съ Россіею не можетъ осуществиться иначе какъ коалиціей державъ, потому что ни одно изъ нихъ не осмѣлится начать съ нами войну въ одиночку, а это очень хлопотливо и требуетъ всегда большихъ пожертвованій. Однимъ словомъ—если наши средства нападенія и не превышаютъ средствъ другихъ европейскихъ великихъ державъ, то наши средства къ защитѣ громадны сравнительно съ средствами наибольшей части континентальныхъ державъ. Такое удаленное и особняковое положеніе наше намъ особенно теперь выгодно. Въ самомъ дѣлѣ во внутренней политикѣ нашего отечества столько дѣла, что намъ пока можно вовсе не думать о дѣлахъ внѣшнихъ. Намъ слѣдуетъ только озаботиться крѣпкою охраною нашихъ границъ, а тамъ какъ бы ни подѣлилась Европа, намъ право до этого мало нужды. Если мы обратимъ вниманіе на большее развитіе тѣхъ силъ, которыми богата наша страна, то мы получимъ это внѣшнее могущество, безъ всякой заботы о немъ. Даже такъ: чѣмъ болѣе мы будемъ обращать вниманія на наши внутреннія дѣла, чѣмъ болѣе мы успѣемъ теперь сдѣлать для нашего внутренняго развитія, какъ экономическаго такъ и духовнаго, тѣмъ вдвое, втрое сильнѣе мы очутимся извнѣ, безъ всякихъ особенныхъ къ тому внѣш-

нихъ усилій. Это формула и теорія силы для всѣхъ народовъ, но для Россіи въ особенности, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь.

Изъ всего сказаннаго выше читатель можетъ ясно видѣть, какъ мало основательны предположенія о возобновленіи священнаго союза и какъ такой союзъ мало соотвѣтствовалъ бы интересамъ Россіи. Ктому же феодальная партія въ Пруссіи, захватившая въ свои руки управленіе дѣлами, къ которой принадлежитъ главный дѣятель г. Бисмаркъ, извѣстна своими тенденціями въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ: она ни въ какомъ случаѣ не можетъ сочувствовать тѣмъ мѣрамъ, которыя приняло наше правительство въ крестьянскомъ дѣлѣ и въ особенности въ западномъ краѣ и въ царствѣ польскомъ. Поэтому невѣроятно предполагать, чтобы эти люди могли когда-нибудь одобрить мѣры русскаго правительства по крестьянскому дѣлу въ странахъ сопредѣльныхъ съ Пруссіей и дѣйствовать съ нимъ искренно за одно, хотя бы только по вопросамъ внѣшней политики. Мы видѣли въ началѣ статьи, что г. Бисмаркъ преимущественно вооружился противъ либеральныхъ учрежденій Даніи, а что же можетъ быть либеральнѣе тѣхъ мѣръ, которыя приняло русское правительство по отношенію крестьянъ западнаго края. Придерживаясь по вопросу о землевладѣніи совершенно противоположныхъ началъ, феодальная партія при первомъ удобномъ случаѣ, при первой собственной выгодѣ не прочь будетъ намъ также навредить, какъ навредила намъ Австрія во время восточной войны.

На Балканскомъ полуостровѣ мы встрѣчаемъ общее всѣмъ европейскимъ державамъ ожиданіе какого-то событія; броженіе умовъ въ христіанскомъ населеніи и упадокъ исламизма вполнѣ его оправдываютъ. Въ Румыніи князь Куза, напутствуемый совѣтами изъ Парижа, смѣло нарушаетъ трактатъ 1856 года и производитъ coup d'état. Порта протестуетъ, но впослѣдствіи соглашается признать совершившійся фактъ. Явное доказательство, что уступчивость требуется обстоятельствами, которыя не позволяютъ держаться буквы трактатовъ.

Итакъ—какое же заключеніе мы въ состояніи вывести изъ всего нашего обозрѣнія политическихъ отношеній Европы? То, что трактаты, даже заключенные и въ недавнее время, не имѣютъ полнаго своего значенія въ международныхъ отношеніяхъ и что, если есть выгода нарушить ихъ, то они нарушаются, между тѣмъ какъ Европа не можетъ, хотя бы и желала, поддержать ихъ. Такимъ образомъ независимость и свобода мелкихъ государствъ Европы становится все менѣе и менѣе обезпечена. Единственная гарантія противъ нарушенія трактатовъ есть война; но въ настоящее время она затрогиваетъ интересы не однихъ правительствъ, а цѣлыхъ населеній, не только на

всемъ пространствѣ воюющихъ государствъ, но даже и въ цѣлой Европѣ. Отсюда очень понятно, что правительства не рѣшаются предпринять войну для поддержанія трактатовъ, если они не прямо и существенно касаются ихъ интересовъ. Такимъ образомъ трактаты тѣмъ болѣе лишаются своей единственной гарантіи, чѣмъ чувствительнѣе становится вредъ, наносимый войною, и вслѣдствіе этого международныя отношенія становятся все менѣе и менѣе правомѣрными. Отсутствіе положительнаго права въ международныхъ отношеніяхъ необходимо производитъ натянутое положеніе. Всякое отдѣльное государство чувствуетъ эту натянутость и ненормальный порядокъ вещей, но опасеніе войны заставляетъ откладывать рѣшеніе вопроса, поставленнаго временемъ на очередь. Ветхое зданіе международныхъ отношеній, въ которомъ всегда было много выдѣланнаго и искуственнаго, поддерживается починками и поправками, не удовлетворяющими никого и такимъ образомъ отдаляется, но нисколько не отстраняется неизбѣжность катастрофы. Рано или поздно вопросъ долженъ выступить тѣмъ съ большею силою, чѣмъ далѣе откладывалось его рѣшеніе.

Ожиданіе подобнаго обстоятельства еще болѣе дѣлаетъ нерѣшительными политическихъ людей западныхъ государствъ, до которыхъ невыгода настоящаго порядка вещей по преимуществу касается. Въ самомъ дѣлѣ, сколько европейскихъ вопросовъ предстоитъ рѣшить въ политическомъ мірѣ? За который изъ нихъ взяться? Вотъ что пугаетъ многихъ. Гдѣ же средства для предупрежденія этихъ кризисовъ?

Довольствуясь указаніемъ фактовъ, мы не рѣшаемся отвѣчать на подобный вопросъ. Будущее всегда приходитъ неожиданно для самыхъ дальновидныхъ людей, хотя и прямо истекаетъ изъ прежняго порядка дѣлъ. Неразрѣшеннымъ-же еще ничего не оставалось на свѣтѣ.

Недавно объявлено всей Европѣ о томъ, что между Франціей и Италіей состоялась конвенція, по которой Италія обязалась охранять нынѣшнюю территорію Рима отъ всякихъ *внѣшнихъ нападеній*, Франція же обѣщала вывести свои войска, квартирующія въ Римѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ по мѣрѣ того, какъ Папа будетъ въ состояніи сформировать собственную армію для поддержанія внутренняго порядка въ своихъ владѣніяхъ. Еще прежде подписанія конвенціи итальянское правительство объявило будто-бы Франціи, что оно по причинамъ стратегическимъ переноситъ столицу Италіи изъ Турина въ другое мѣсто (во Флоренцію). Только на основаніи этой декларація императоръ Наполеонъ

могъ приступить къ переговорамъ по этому вопросу, потому что безъ этого не было-бы ни какого оправданія ни продолжавшемуся до сихъ поръ занятію Рима, ни прекращенію его. Еслибъ столицею Италіи оставался Туринъ, то всякій могъ-бы сказать, что конвенція безъ всякихъ неудобствъ могла быть заключена и прежде, то-есть тотчасъ по образованіи Итальянскаго Королевства. Причинъ къ измѣненію политики не было. Теперь-же императоръ французовъ можетъ выставить тотъ предлогъ, что итальянское правительство измѣнило свой взглядъ по вопросу о столицѣ Италіи, что оно уже не держится Рима, что оно выбираетъ Флоренцію, а не Римъ, стало быть не будетъ пугать папу, и что такимъ образомъ открылась возможность примѣнить теорію невмѣшательства. Мы говоримъ *предлогъ*, потому что достаточнымъ основаніемъ такое дѣйствіе итальянскаго правительства сочтено быть не можетъ. Возможное-ли дѣло предположить, чтобъ итальянское правительство навсегда отказалось отъ тѣхъ тенденцій, которыя составляютъ всю его силу въ Италіи? Еслибъ такое предположеніе сдѣлалось убѣжденіемъ итальянскаго народа, то на другой день правительство Виктора Эмануила перестало-бы существовать. Итальянцы любятъ своего короля и преданы ему, но если онъ торжественно откажется отъ выполненія ихъ завѣтной идеи, онъ перестанетъ быть для нихъ тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ, скажемъ болѣе: онъ сдѣлается ихъ врагомъ. Справедливость этого мнѣнія подтверждается послѣдними событіями въ Туринѣ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что столица переносится не въ Римъ, а во Флоренцію, въ Туринѣ открылись безпорядки, которые повлекли за собой даже кровопролитіе. Конечно здѣсь не чужды были эгоистическія стремленія жителей города Турина, но намъ кажется, что эти эгоистическія стремленія никогда-бы не могли произвести такого внезапнаго взрыва негодованія. Жители теперешней столицы давно уже готовы къ той мысли, что рано или поздно Туринъ потеряетъ первенство. Поэтому здѣсь дѣйствовала скорѣе мысль, что правительство, перенося столицу во Флоренцію, навсегда отказывается отъ Рима, и вотъ причина, почему безпорядки дошли до такихъ размѣровъ. Какъ-бы то ни было, но кровь была пролита и король, раздраженный такими распоряженіями министерства, уволилъ прежній кабинетъ и поручилъ генералу Ламармора составить новый. Кто знаетъ характеръ этого человѣка, тотъ увѣренъ, что измѣненій въ политикѣ Италіи съ перемѣною кабинета быть не можетъ.

Теперь представляется вопросъ: какимъ образомъ Наполеонъ III, которому никакъ нельзя отказать въ извѣстной ловкости на политической аренѣ, довольствуется этимъ предлогомъ и безъ дальнѣйшихъ гарантій со стороны итальянскаго правительства рѣшается на такой

важный шагъ какъ очищеніе Рима? Ужели Наполеонъ III не понимаетъ, что предоставивъ Римъ и свѣтскую власть папы охраненію папской арміи, онъ предоставляетъ Римъ римлянамъ, которые не замедлятъ присоединиться къ Италіи? Отвѣты на эти вопросы читатель найдетъ ниже, а теперь, для того чтобъ оцѣнить со всѣхъ сторонъ значеніе этой конвенціи, мы взглянемъ какіе возбудила она толки въ журналистикѣ и надежды въ итальянскомъ народѣ.

Всѣ ультрамонтанскія газеты, для которыхъ не существуетъ никакихъ новыхъ идей о правахъ населеній, положительно недовольны конвенціей. Всѣ онѣ говорятъ, что съ выходомъ французскихъ войскъ папа будетъ преданъ въ руки революціи и революціоннаго итальянскаго правительства, которому онѣ нисколько не довѣряютъ. Носятся слухи, будто и папа сказалъ г. Сартижу, французскому посланнику въ Римѣ, что онъ не можетъ довѣрять піемонтскому правительству. Газеты, поддерживающія императорскую политику и вмѣстѣ съ тѣмъ защищающія свѣтскую власть папы, утверждаютъ напротивъ того, что Италія этой конвенціей положительно отказалась отъ Рима и что императоръ имѣетъ полное основаніе оставить Римъ, какъ скоро будетъ сформирована папская армія. Офиціозныя французскія газеты говорятъ довольно туманно и неопредѣленно: онѣ замѣчаютъ, что политика итальянскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ партій въ Италіи измѣнились къ лучшему и что такимъ образомъ не представляется никакихъ опасностей для свѣтской власти папы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не отнимаютъ у итальянцевъ и надежды на пріобрѣтеніе Рима средствами не насильственными, хотя и не говорятъ этого прямо. Онѣ ожидаютъ всего отъ возможности соглашенія папы съ королемъ Викторомъ Эмануиломъ и поютъ въ унисонъ съ давно быть можетъ забытымъ письмомъ императора къ г. Тувелелю отъ 20 мая 1862 года. Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь нѣсколько словъ изъ этого письма; въ нихъ выразилась сущность цѣлаго письма: «Еслибы папа, говоритъ императоръ, понялъ настоящимъ образомъ положеніе вещей, то онъ увидѣлъ-бы необходимость согласиться на все, что можетъ сблизить его съ Италіей, а Италія, уступая совѣтамъ мудрой политики, не отказалась-бы предоставить всѣ гарантіи, необходимыя для независимости римскаго первосвященника и для свободнаго дѣйствія его власти.» Но въ томъ-то и дѣло, что папа не можетъ понять настоящаго положенія вещей, а Италія не можетъ принести себя въ жертву свѣтской власти папы. Императоръ не указываетъ средствъ для достиженія этой двоякой цѣли, хотя и говоритъ, что ее можно достигнуть «комбинаціей, которая, сохраняя за папою его власть, уничтожила-бы преграды, существующія нынѣ между его владѣніями и остальной Италіей.» Но говорить

такимъ образомъ значитъ не разъяснять, но затемнять дѣло, излагая его только въ другихъ выраженіяхъ. Вотъ этотъ-то туманъ и распространяютъ теперь офиціозныя газеты французской имперіи. Наконецъ четвертая группа газетъ, къ которой относятся всѣ сочувствующія итальянскому единству, какъ въ самой Италіи, такъ и во всей Европѣ, видитъ въ конвенціи важный шагъ къ объединенію Италіи и потому вполнѣ довольна ею. Онѣ думаютъ, что какъ-бы добросовѣстно итальянское правительство ни исполняло свои обязательства, какъ-бы строго оно ни охраняло границу папскихъ областей по уходѣ французскихъ войскъ, это нисколько не остановитъ римлянъ свергнуть ненавистное для нихъ иго свѣтской власти духовнаго владыки и присоединиться къ Италіи. Въ этомъ-же смыслѣ составленъ и докладъ итальянскихъ министровъ, нынѣ уволенныхъ отъ должности,—докладъ, при которомъ представленъ декретъ о созваніи парламента. Этотъ документъ въ высшей степени интересенъ, такъ какъ въ немъ выраженъ взглядъ на конвенцію того министерства, которое вело переговоры и заключило ее. Мы представимъ вкратцѣ содержаніе его. Докладъ начинается объясненіемъ, что итальянское правительство никогда не упускало изъ виду римскаго вопроса, что *благопріятныя обстоятельства, представляющіяся вслѣдствіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся между собой государства Европы*, дали ему возможность начать переговоры, которые прежде были немыслимы. Пренія парламента для рѣшенія римскаго вопроса установили два основныя начала: первое—что рѣшеніе римскаго вопроса должно быть достигнуто нравственными средствами; второе—что необходимо договориться съ Франціей о примѣненіи начала невмѣшательства. Эти два начала были приняты въ основаніе всей политики правительства, которое при новой конвенціи могло обѣщать только не производить нападеній на землю, занятую прежде французскими войсками, и препятствовать нападеніямъ не нее со стороны вооруженныхъ шаекъ. Такъ какъ въ этомъ обѣщаніи нѣтъ ничего противорѣчащаго *убѣжденіямъ министерства*, такъ какъ это обѣщаніе создаетъ положеніе *промежуточное* между нынѣшнимъ и тѣмъ, которое должно окончательно привести къ примиренію между Италіей и церковью, то министерство рѣшилось совѣтовать королю принять это обязательство. Сверхъ того итальянское правительство озабочивалось и общей оборонительной системой государства. Въ виду непріязненныхъ отношеній къ Австріи по венеціанскому вопросу, въ виду естественно и искуственно укрѣпленной позиціи, которую занимаетъ эта держава на Минчіо, оно находило, что столица итальянскаго королевства въ Туринѣ не была въ безопасности при могущихъ возникнуть случайностяхъ. Высшіе начальники сухопутныхъ и

морскихъ силъ, къ совѣту которыхъ обратился король, нашли также, что Флоренція представляетъ безспорно наилучшія условія въ стратегическомъ отношеніи; поэтому этотъ городъ и былъ избранъ для перенесенія въ него столицы Италіи. Притомъ это рѣшеніе, хотя и вызвано внутренними причинами, но тѣсно связано съ договоромъ, потому что сдѣлало возможнымъ его заключеніе. Въ Европѣ и въ особенности во Франціи это рѣшеніе можетъ служить порукою, что Италія не употребитъ насильственныхъ средствъ для рѣшенія римскаго вопроса. А такъ какъ перенесеніе столицы на основаніи этихъ причинъ потребуетъ новыхъ кредитовъ, то министры представляютъ на утвержденіе короля декретъ о созваніи парламента. Вотъ сущность доклада. Отсюда ясно, что итальянское правительство вовсе не откажется отъ Рима, особенно если онъ самъ ему достанется; но оно обязывается только не прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ. Если такую цѣль имѣло итальянское правительство, то императоръ Наполеонъ не могъ не знать, не могъ не видѣть этой цѣли, а это еще болѣе выдвигаетъ вопросъ: что заставило его согласиться на уступку Италіи?

Различное толкованіе конвенціи со стороны разныхъ органовъ журналистики указываетъ прямо, что императоръ Наполеонъ остался даже и въ этомъ вопросѣ вѣренъ той политикѣ, которой онъ держится въ настоящее время въ отношеніи всей Европы и на которую мы указывали выше. Эта туманная политика обезпечиваетъ за нимъ полную свободу дѣйствій, свободу, которую не можетъ стѣснить даже и настоящая конвенція, а между тѣмъ она ставитъ его въ очень выгодное положеніе не только къ итальянскому правительству, но и ко всему итальянскому народу.

Мы видѣли, что положеніе императора французовъ въ средѣ европейскихъ государей довольно уединенно. Съ Англіей онъ разошолся (по-крайней-мѣрѣ болѣе на тонкой ногѣ чѣмъ прежде) по поводу отказа ея участвовать въ конгрессѣ; съ Россіей по поводу польскихъ дѣлъ; всегдашнія тенденціи Франціи пріобрѣсти рейнскія границы не могутъ утвердить искреннее ея согласіе съ Австріей и Пруссіей, а итальянская кампанія и разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса еще менѣе могутъ этому содѣйствовать. Между тѣмъ отсутствіе общихъ началъ въ международной политикѣ и предчувствіе чего-то въ будущемъ заставляютъ необходимо искать союзовъ. Газеты постоянно твердятъ о происшедшемъ сближеніи то тѣхъ, то другихъ государствъ, стало быть всѣми чувствуется эта необходимость дѣйствовать за одно, а между тѣмъ сближенія не составляются, хотя и говорятъ объ нихъ газеты. Въ докладѣ кабинета Мингети указано прямо на такое положеніе Европы. На кого-же при настоящихъ обстоятельствахъ могъ

лучше расчитывать Наполеонъ какъ не на Италію, гдѣ правительство и значительное большинство народа, его поддерживающее, только отъ Франціи и чаятъ своего спасенія? Съ другой стороны императоръ видѣлъ, что положеніе дѣлъ въ Италіи было натянуто. Оставлять такой порядокъ вещей было невозможно: онъ могъ разразиться кризисомъ и Богъ знаетъ кто тогда овладѣлъ-бы движеніемъ. Во всякомъ случаѣ не сдѣлать какого-нибудь шага, не говоримъ къ выходу изъ этого положенія, а просто къ перемѣнѣ его, — значило вооружать противъ себя и правительство и народы Италіи. Съ обѣихъ сторонъ конвенція, смыслу которой можетъ быть данъ различный оборотъ, представляла лучшій исходъ. Положеніе дѣлъ въ Италіи измѣняется; Италія жаждетъ примѣненія политики невмѣшательства,—Наполеонъ III обѣщаетъ это измѣненіе; онъ обязывается не въ туманныхъ выраженіяхъ какъ было прежде, но въ положительныхъ словахъ вывести свои войска изъ Рима при извѣстныхъ условіяхъ. Италія не сомнѣвается въ добросовѣстномъ исполненіи такого обѣщанія и будетъ ждать терпѣливо какъ сильная своимъ правомъ. Неужели такое положеніе не выгодно? Имѣть у себя вѣрнаго и довольно сильнаго союзника при будущихъ возможныхъ событіяхъ въ Европѣ желалъ-бы каждый кабинетъ, но это не всегда зависитъ отъ одного желанія.

Что-же съ своей стороны взамѣнъ такого выгоднаго положенія обязывается сдѣлать императоръ? Вывести свои войска изъ Рима въ теченіи двухъ лѣтъ и по мѣрѣ формированія папской арміи—и только.

Дѣйствительно императоръ съ выводомъ своихъ войскъ изъ Рима лишается огромнаго вліянія на Италію и въ этомъ конечно есть важное пожертвованіе, но это еще вопросъ: состоится-ли оно?

Въ договорѣ для ето исполненія назначенъ двухъ-лѣтній срокъ со дня ратификаціи. По послѣднимъ извѣстіямъ оказывается уже, что срокъ этотъ продолженъ по просьбѣ Италіи и опредѣлено считать двухъ-годичный срокъ съ того времени какъ король подпишетъ декретъ о перенесеніи столицы, что безъ содѣйствія парламента сдѣлать невозможно, а собраніе парламента отсрочивается. Но положимъ, что этотъ двухъ-лѣтній срокъ не будетъ искусственно увеличиваться. Окончательное исполненіе договора вѣдь не вполнѣ зависитъ отъ воли императора. Оно поставлено въ зависимость отъ перенесенія столицы Италіи; не можетъ-ли быть и здѣсь какихъ-нибудь затрудненій? А кто знаетъ какъ много воды утечетъ въ продолженіи этого времени, какія возникнутъ обстоятельства, которыя быть можетъ воспрепятствуютъ выполненію великодушной идеи, не смотря на все желаніе и всѣ усилія?

Затѣмъ далѣе мы видимъ еще одно условіе: очищеніе Рима должно

совершиться по мѣрѣ формированія папской арміи. Тутъ можетъ возникнуть нѣсколько вопросовъ, которые всѣ уже совершенно внѣ воли императора. Согласится или нѣтъ папа на исполненіе конвенціи, заключенной двумя государями, помимо его воли и безъ его вѣдома? Не останется-же онъ въ томъ-же пассивномъ положеніи, въ которомъ находился до сихъ поръ и не услышимъ-ли мы снова его вѣчное *non possumus?* Мы видимъ, что извѣстіе о конвенціи онъ принялъ не совсѣмъ благосклонно; онъ объявилъ при этомъ, что не въ состояніи довѣрять піемонтцамъ, и занимается теперь молебствіями и крестными ходами по случаю чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Отвѣтомъ своимъ онъ не спѣшитъ и просилъ императора дать ему срокъ подумать и сообразить свое новое положеніе, хотя оно вовсе не ново и хотя было довольно времени, чтобъ подумать о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять въ случаѣ выступленія французовъ. Очевидно, что эта отговорка сдѣлана только для того, чтобъ затянуть время и выждать обстоятельства, при которыхъ можно было-бы пригласить другую державу для занятія Рима въ случаѣ оставленія его французами. Но положимъ, что папа и согласится на всѣ представленія, что онъ сочтетъ невозможнымъ опереться на какую-либо другую державу; тогда представится вопросъ о количествѣ войска для безопасности святого престола и о средствахъ къ содержанію папской арміи. Динарій Св. Петра недостаточенъ и теперь, чтобы покрывать всѣ расходы папскаго престола, а на образованіе другихъ источниковъ потребуется много времени, тѣмъ болѣе что на засъ расчитывать трудно. Нужны переговоры между католическими державами о доставленіи возможности св. отцу защищаться противъ своихъ подданныхъ, преданность и любовь которыхъ подлежитъ сомнѣнію. Но мы знаемъ, съ какой быстротой ведутся у насъ дипломатическіе переговоры, въ особенности если въ нихъ участвуютъ нѣсколько державъ. Затѣмъ придется употребить много времени на самое формированіе арміи. Вотъ съ какими трудностями необходимо бороться, чтобы выполнить условіе, а между тѣмъ французскія войска должны находиться въ Римѣ, потому что до окончательнаго сформированія папской арміи нельзя-же оставить папу безъ помощи. Припомнимъ обязательную силу трактатовъ, и для насъ будетъ ясно настоящее положеніе договаривающихся сторонъ. Такимъ образомъ невыгодная для Франціи сторона договора можетъ быть отсрочена, тогда какъ выгоды конвенціи должны приносить свои плоды сейчасъ-же. Въ самомъ дѣлѣ умы въ Италіи будутъ успокоены, и она въ ожиданіи ей обѣщаннаго будетъ вѣрнымъ союзникомъ императора при настоящихъ обстоятельствахъ Европы, — обстоятельствахъ, которыя могутъ каждый день вызвать

великія событія, при которыхъ союзы необходимы. Вотъ отвѣтъ на вопросъ, почему императоръ безъ дальнѣйшихъ гарантій со стороны Италіи рѣшился на такой важный шагъ какъ заключеніе конвенціи объ очищеніи Рима.

Если принять въ соображеніе прежнюю политику Наполеона III какъ президента и императора, если вспомнить какъ много онъ рисковалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобъ выдти изъ затруднительнаго положенія, то насъ нисколько не можетъ удивить его настоящій образъ дѣйствій; здѣсь рискъ потерять то вліяніе въ Италіи, которое онъ имѣетъ, ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя ему приноситъ настоящее его положеніе. Еслибъ даже онъ и принужденъ былъ (говоря о принужденіи, мы разумѣемъ однѣ нравственныя причины) выполнить свои обѣщанія, то и тогда положеніе его въ Ниццѣ и Савойѣ не лишатъ его совершенно этого вліянія. А гдѣ-же гарантіи точнаго исполненія этихъ обѣтовъ? Развѣ мы не помнимъ, что *Италія должна быть свободна отъ Альповъ до Адріатическаго моря,* а гдѣ же исполненіе этого обѣта? гдѣ та сила, которая можетъ заставить императора французовъ исполнить свое обязательство, если онъ не пожелаетъ этого? Сила эта на основаніи принципа невмѣшательства можетъ быть только внутри Франціи, а не внѣ ея. Но при настоящемъ настроеніи умовъ во Франціи перѣшительное положеніе есть самое лучшее. Оно успокоиваетъ клерикальную партію и вмѣстѣ съ тѣмъ не заставляетъ людей, сочувствующихъ Италіи, терять надежду. Такимъ образомъ всѣ ждутъ, — а это-то и нужно Наполеону III. Его власть держится ожиданіемъ. Какъ внутри, такъ и внѣ государства всѣ отъ него чего-то ожидаютъ.

Если-же мы ошибаемся, если Наполеонъ III искренно желаетъ предоставить Римъ итальянцамъ, то почему-же онъ не сдѣлалъ этого давнымъ-давно? Мы не можемъ думать, чтобъ Наполеонъ III могъ считать серьозной причиной для очищенія Рима перенесеніе столицы Италіи во Флоренцію. Носятся слухи, что за разрѣшеніе крещенія сына принца Наполеона папа требовалъ возвращенія Романьи и что Наполеонъ, разсержонный этимъ поступкомъ, рѣшился подписать конвенцію съ Италіей, сказавъ при этомъ: *пора съ ними кончить.* Неужели приходится вѣрить этимъ газетнымъ слухамъ? Неужели отъ подобныхъ обстоятельствъ могутъ зависѣть судьбы народовъ? Впрочемъ давно уже было сказано, что les petites causes amènent de grands effets. Только считая достовѣрной эту причину, можно допустить искреннее желаніе Наполеона отдать Римъ итальянцамъ. Онъ можетъ быть только вынужденъ согласиться на это, но чтобъ онъ дѣйствительно желалъ этого, мы допустить не можемъ. Объединенная и сильная Италія вовсе не въ его интересахъ.

Въ подтвержденіе этой мысли укажемъ на венеціанскій вопросъ. Какъ ни важно для Италіи обладаніе Римомъ, но намъ кажется, что Венеція для Италіи еще нужнѣе. Венеціанскій вопросъ по необходимости долженъ быть рѣшонъ оружіемъ. Не только Австрія, но и вся Германія смотритъ на положеніе Австріи на Минчіо какъ на очень выгодное для цѣлой Германіи. Знаменитый четыреугольникъ вполнѣ прикрываетъ Германію отъ вторженія непріятеля съ этой стороны. Отсюда ясно, что добровольнаго соглашенія на уступку венеціанской области ожидать нельзя. Слѣдовательно Италія или должна совершенно отказаться отъ мысли присоединить Венецію, или-же постоянно разоряться на усиленіе своей арміи въ ожиданіи удобнаго случая отнять ее у Австріи. Такимъ образомъ венеціанскій вопросъ требуетъ громадныхъ матерьяльныхъ средствъ, въ которыхъ Италія сильно нуждается, между тѣмъ какъ Римъ рано или поздно долженъ быть пріобрѣтенъ нравственными средствами; пріобрѣтеніе его силою можетъ поставить на карту все, что до сихъ поръ сдѣлано для объединенія Италіи. Вотъ почему мы думаемъ, что для Италіи гораздо важнѣе разрѣшеніе венеціанскаго, нежели Римскаго вопроса. Намъ скажутъ, что присоединеніе Рима придало-бы Италіи болѣе нравственныхъ силъ, а эти силы имѣютъ важное значеніе. Да, но напрасная и продолжительная трата матерьяльныхъ силъ, къ которой ведетъ теперешнее положеніе венеціанскаго вопроса и которая отвлекаетъ эти силы отъ употребленія ихъ на развитіе внутренняго благосостоянія, можетъ въ свою очередь подорвать въ корнѣ всѣ нравственныя силы Италіи. При такихъ обстоятельствахъ, которыхъ не можетъ не понимать Наполеонъ III, почему остановился онъ въ исполненіи имъ-же самимъ опредѣленной программы? Трудности, которыя представились передъ знаменитымъ четыреугольникомъ, не могли быть ему неизвѣстны и прежде нежели онъ сказалъ, что Италія должна быть свободна отъ Альповъ до Адріатическаго моря. Еслибъ онъ искренно желалъ объединенія Италіи, то онъ не разъединилъ-бы своихъ силъ, не послалъ-бы ихъ въ Америку создавать престолъ для принца Габсбургскаго дома и не тратилъ-бы крови и денегъ Франціи на такое дѣло, которому никто во Франціи сочувствовать не можетъ и которое было сопряжено съ огромнымъ рискомъ. Новая война съ Австріей при томъ всеобщемъ одушевленіи, которое господствуетъ въ Италіи, конечно потребовало-бы со стороны Франціи отнюдь не бо́льшихъ пожертвованій, чѣмъ война мексиканская. Италія конечно доставила-бы главныя силы, а притомъ и издержки не могли-бы быть такъ громадны. Сила Австріи пугать не могла, потому что ни въ какомъ случаѣ она не могла имѣть на своей сторонѣ ни поддержку общественнаго мнѣнія въ Европѣ, ни сочув-

ствіе населенія которое въ тылу позиціи Австрійцевъ могло-бы также принять и навѣрное приняло-бы угрожающее положеніе. Но въ томъ-то вся и суть, что Наполеонъ III не желаетъ полнаго объединенія Италіи, которой въ такомъ случаѣ нечего было-бы ожидать отъ него и она пожалуй стала-бы руководиться исключительно политикой національныхъ интересовъ. Тогда и неблагодарность съ ея стороны была-бы возможна, тѣмъ болѣе что Савойя и Ницца кажется не совсѣмъ довольны своимъ положеніемъ, не смотря на то что присоединеніе совершилось *вслѣдствіе всеобщаго желанія*.

На основаніи всего изложеннаго мы спросимъ, не слишкомъ-ли рано возрадовалась Италія, а съ ней и всѣ сочувствующіе ея стремленіямъ, близкому осуществленію ея надеждъ? Не остается-ли справедливость на сторонѣ газеты il Diritto, органа партіи дѣйствія, которая вовсе не радуется придуманному рѣшенію вопроса, и нѣтъ-ли двоякаго смысла въ отвѣтѣ Гарибальди на собственноручное письмо короля, которымъ онъ увѣдомлялъ капрерскаго пустынника о заключеніи конвенціи. «Мнѣ остается преклониться передъ волею вашего величества», отвѣчалъ знаменитый патріотъ.

Будущее покажетъ, ошибаемся мы или нѣтъ.

ИЗЪ МРАКА КЪ СВѢТУ.

РОМАНЪ ШПИЛЬГАГЕНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Красноватый огненный шаръ низко стоялъ на горизонтѣ. Въ горныхъ ущельяхъ уже лежали голубыя тѣни, между тѣмъ какъ лѣса, покрывающіе самыя горы, еще стояли облитые теплымъ вечернимъ свѣтомъ.

По дорогѣ, извивающейся по горѣ между деревьями, медленно ѣхалъ старомодный экипажъ съ широкимъ сидѣньемъ и тормазами, запряженный тѣми коренастыми, но неповоротливыми лошадьми, которыхъ обыкновенно нанимаютъ здѣсь въ городахъ, если хотятъ сдѣлать продолжительную поѣздку въ горы. Лошади опустили головы, натянули упряжъ и поднимались шагъ за шагомъ, потому что дорога была крута, и экипажъ тяжолъ, хотя кучеръ, сошедшій съ козелъ, и старался придать имъ бодрости разными поощрительными восклицаніями, а два сѣдока вышли изъ экипажа еще при началѣ подъема.

Это были два молодыхъ человѣка, по наружности и пріемамъ очевидно принадлежащіе къ лучшему, т. е. среднему сословію, въ которомъ чаще сосредоточивается умъ и образованіе. Они оба были высоки и, какъ свойственно моло-

дости, стройны и гибки; тотъ, который былъ пониже ростомъ, безъ сомнѣнія показался бы замѣчательнѣе спокойно-наблюдательному глазу мужчины, хотя и былъ не такъ красивъ какъ его товарищъ, преимущественно привлекавшій взгляды женщинъ и дѣвушекъ въ тѣхъ городахъ и деревняхъ, по которымъ они проѣзжали.

Нѣкоторое время путешественники шли молча по дорогѣ, усыпанной въ этомъ мѣстѣ, на бѣду лошадямъ и пѣшеходамъ, мелкими камнями; когда-же кончился опасный путь, молодой человѣкъ съ чорной бородой довѣрчиво положилъ руку на плечо спутника и дружески спросилъ:

— Ну, Освальдъ! Что-же вы такъ примолкли?

— Хочу вамъ сдѣлать тотъ-же вопросъ, отвѣчалъ тотъ, поднимая на товарища прекрасные, серьезные глаза.

— Я вполнѣ наслаждаюсь великолѣпіемъ этого вечерняго ландшафта, сказалъ докторъ Браунъ; а вы знаете, что наслажденіе дѣлаетъ скупымъ на слова, да и говорить-то бываетъ некогда. Скажите сами, не великолѣпіе-ли этотъ Тюрингенъ? Не правда ли, что онъ достоинъ быть сердцемъ Германіи, слѣдовательно сердцемъ сердца этой нашей части свѣта, т. е. обитаемой земли? Остановитесь на минуту; передъ нами именно такой видъ, который можно-бы назвать единственнымъ, еслибы онъ тысячу тысячъ разъ не повторялся въ этихъ горахъ. Вотъ долина, на которой мы были; теперь вы можете ясно различить змѣеобразное теченіе ручья по лугамъ. Вонъ деревня, грязноватое гнѣздо вблизи, но какая прекрасная издали! закутанная въ пестрый лиственный плащъ съ голубыми столбами дыма, такъ прямо вытягивающимися изъ трубъ и постепенно сливающимися въ прозрачное, голубоватое облако подлѣ горы! А эти чудные, обсаженные елями холмы! Какъ они выдѣляются своими славными тонами! А посмотрите на лѣво, на тѣ синія горы, гдѣ мы были по утру! И надъ всѣмъ это одинаково прекрасное небо, ясное, глубокое, неизмѣримое, какъ взглядъ любимой женщины! О, есть что-то божественное въ этомъ освѣщеніи и этихъ линіяхъ! Онѣ болѣе нежели отдохновеніе для глаза, этюдъ для художника; онѣ содержатъ въ себѣ утѣшеніе и намекъ для насъ. Взглядъ на волшебное лицо

матери природы убаюкиваетъ наше неугомонное сердце, заставляетъ насъ забыть странныя гримасы нашей такъ-называемой культуры, снова настраиваетъ насъ на глубокій основной тонъ нашего существа и пробуждаетъ или снова оживляетъ въ насъ вѣру, что все истинное, высокое и прекрасное безконечно просто, и что источникъ удовлетворенія течетъ для каждаго, кто приступаетъ къ нему съ чистыми помыслами.

Пока Браунъ говорилъ это съ свойственной ему живостью и убѣдительностью, Освальдъ мутнымъ взоромъ смотрѣлъ вдаль и стоялъ скрестивши на груди руки. Теперь онъ заговорилъ, и ироническая улыбка мелькнула на его губахъ.

— Твердо-ли вы въ этомъ увѣрены? Да положимъ даже, что все дѣйствительно такъ, какъ вы говорите, но чѣмъ-же виноватъ несчастный, у котораго помыслы не совсѣмъ чисты, если онъ, поражонный слѣпотою, не найдетъ никогда источника удовлетворенія? Сегодня-же вечеромъ мы увидимъ такого бѣдняка. Раскройте ему ослѣпшіе глаза, прояснните его помутившіеся помыслы, и я готовъ преклониться передъ вами какъ передъ Богомъ.

Доктора Брауна очевидно смутили эти слова, произнесенныя подъ конецъ горькимъ, страстнымъ тономъ. Онъ шолъ нѣсколько минутъ молча, потомъ сказалъ:

— Я думалъ, что наше долгое путешествіе успокоитъ васъ и приведетъ въ болѣе ясное настроеніе, Освальдъ. Начинаю почти сомнѣваться въ своемъ врачебномъ искуствѣ теперь, когда ваши злыя мечтанія опять съ прежней силой овладѣваютъ вами. Мнѣ казалось, что вы почти излечились отъ опасной страсти садиться, какъ Гейневскій юноша, на берегу моря и допрашивать бушующія волны о вѣковыхъ, мучительныхъ загадкахъ жизни, а теперь?...

— Теперь я опять докучаю вамъ старыми іереміадами? Нѣтъ, Францъ, не хочу наносить ущерба вашему искусству врачевать душевныя болѣзни, постараюсь находить міръ такимъ же прекраснымъ и разумнымъ, какимъ находите его вы. Это было воспоминаніе прошлаго. Весьма естественно и понятно, что оно пробудилось во мнѣ именно

теперь, когда мы приближаемся къ цѣли нашего путешествія, къ мѣсту, гдѣ я опять встрѣчусь съ благороднымъ страдальцемъ, котораго такъ безконечно люблю и уважаю, которому я столько обязанъ, и послѣ такого долгаго времени, въ которое такъ многое, многое измѣнилось для него и для меня! Я неуклонно слѣдовалъ вашему совѣту насколько могъ. Я считалъ прошедшее прошедшимъ; я прилежно упражнялся въ искусствѣ забвенія, я не думалъ о живыхъ и даже отворачивался отъ тѣней возлюбленныхъ умершихъ; но теперь возникаетъ образъ живого мертвеца, и въ моемъ мозгу и сердцѣ не находится заклинанія противъ этого возбуждающаго благоговѣніе и скорбь образа.

— Такъ вернемтесь назадъ, сказалъ съ живостью докторъ Браунъ. Если вы не чувствуете въ себѣ силы защищать принятаго вами положенія противъ всякаго нападенія, противъ всякаго авторитета, то было-бы безуміемъ идти на эту опасность. Вернемтесь,—еще есть время.

— Нѣтъ, это было-бы глупо и трусливо. Мы не побѣдимъ опасности тѣмъ, что отступимъ передъ нею. Я долженъ видѣться и говорить съ Бергеромъ. Эта встрѣча будетъ тѣмъ испытаніемъ, котораго мы ожидаемъ уже нѣсколько недѣль. Или я самъ совершенно излечусь отъ своего безумія при видѣ сумашедшаго, или...

— Тутъ нѣтъ никакого *или*, вскричалъ Францъ. Право, Освальдъ, за такія слова я въ состояніи былъ-бы морить васъ голодомъ, подвергнуть васъ ударамъ кнута до тѣхъ поръ, пока вы не придете въ разумъ или не уступите разумнымъ доводамъ. Вы непостижимый человѣкъ, въ конецъ загадочная натура. Въ вашемъ характерѣ есть такія противорѣчія, которыхъ я не могу объяснить себѣ даже послѣ такихъ короткихъ сношеній съ вами. Факторы, изъ умноженія которыхъ является въ произведеніи готовый человѣкъ,—природныя склонности и воспитаніе—вѣроятно были перемѣшаны у васъ самымъ страннымъ образомъ. Я до сихъ поръ избѣгалъ разговора о вашемъ дѣтствѣ, но весьма естественной осторожности, которую вы внушаете своей необыкновенной сдержанностью даже въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Но дружба моя къ вамъ сильнѣе этой осторожно-

сти, которая въ сущности весьма мелка. Не разскажете-ли вы мнѣ, Освальдъ, что нибудь изъ свой ранней молодости, пока солнце будетъ торжественно уходить за гору, а наши лошади кое какъ на нее втащатся... разскажите не болѣе ни менѣе того, что найдете нужнымъ. Хотите?

— Охотно! сказалъ Освальдъ,—я самъ много думалъ въ послѣдніе дни о своей юности. Когда подобно мнѣ стараешься остановиться на какомъ нибудь пунктѣ своей жизни, то по неволѣ приходится пройти весь путь до самаго начала. Вы конечно первый и вѣроятно послѣдній человѣкъ, которому я позволю бросить взглядъ въ эти темныя области моего существованія.

— Тѣмъ внимательнѣе я буду слушать, сказалъ докторъ Браунъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Чтобы начать сначала, сказалъ Освальдъ послѣ небольшой паузы, во время которой собиралъ свои воспоминанія,—скажу, что я родился въ столицѣ. Отецъ мой былъ учитель, мать—дочь ремесленника. И такъ, вы видите, что я ни въ какомъ случаѣ не могу имѣть притязаній на титулъ высокоблагородія и что моя ненависть къ аристократамъ есть естественная, здравая ненависть плебея къ аристократизму, паріи къ кастѣ браминовъ.

Я никогда не могъ узнать, почему вскорѣ послѣ моего рожденія—я былъ единственнымъ сыномъ у моихъ родителей—отецъ переселился изъ столицы въ маленькое мѣстечко Помераніи—Фольястъ; да и вообще мнѣ очень мало извѣстна исторія моихъ родителей до моего появленія на свѣтъ. Не знаю, есть-ли у меня какіе нибудь родственники съ отцовой или материной стороны. Если и есть, то я объ нихъ не имѣю никакого понятія.

Мать свою я помню также неясно, какъ помнятся образы видѣнные во снѣ. Еще и теперь мнѣ снится иногда молодая, красивая женщина съ большими, кроткими голубы-

ми глазами. Она сладкимъ голосомъ произноситъ слова, которыхъ я не понимаю, но которыя трогаютъ меня какъ небесная музыка и вызываютъ слезы даже во снѣ. Я знаю, что этотъ милый образъ, являющійся всегда въ одномъ и томъ-же видѣ,—моя мать; она умерла, когда мнѣ не было еще полныхъ четырехъ лѣтъ.

Если когда нибудь удавалось мужчинѣ замѣнить для ребенка мѣсто утраченной матери, то это конечно выполнилъ мой отецъ. Когда я былъ очень малъ, онъ убаюкивалъ меня пѣснями и сказками; когда я былъ болѣнъ, онъ день и ночь не отходилъ отъ моей постели; онъ сиживалъ со мной на полу и пускалъ со мною мыльные пузыри изъ глиняной трубочки; онъ проходилъ со мной азбуку и искусство дѣлать корабли изъ древесной коры; онъ подарилъ мнѣ первые латинскіе вокабулы вмѣстѣ съ коньками; онъ давалъ мнѣ первые уроки изъ греческаго языка, и въ тоже время училъ фехтовать и стрѣлять изъ пистолета. До поступленія въ университетъ, у меня не было друга кромѣ его.

Это былъ въ высшей степени оригинальный человѣкъ даже по внѣшности. Представьте себѣ почти совершеннаго карлика, но очень пропорціонально сложеннаго, необыкновенно ловкаго и подвижнаго, зиму и лѣто, днемъ и вечеромъ, неизмѣнно одѣтаго въ чорный потертый фракъ, чорные панталоны, чорные чулки и башмаки съ пряжками, и во всякую погоду переходящаго улицу со шляпою въ рукахъ. Прибавьте къ этой маленькой фигуркѣ относительно нѣсколько большую голову, съ крутымъ и на вискахъ обнаженнымъ лбомъ, съ чорными, проницательными глазами, съ лицомъ красивымъ и строгимъ, которое или вовсе не знало улыбки, или утратило ее уже многіе, многіе годы—и у васъ будетъ вѣрное изображеніе моего отца «стараго кандидата», какъ называли его всѣ въ Фольястѣ, даже уличные мальчишки, съ которыми я заводилъ многія кровавыя драки, когда имъ приходило въ голову потѣшиться надъ его появленіемъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ слова «старый», прозвище вовсе не шло къ моему отцу; онъ никогда, сколько мнѣ извѣстно, не поступалъ ни въ духовную, ни въ свѣтскую службу, да и негодился-бы ни въ одну изъ нихъ, не смо-

тря на свою огромную ученость, потому что особенность характера и нѣкоторыя странности не допустили-бы его ни къ чему приспособиться.

Часто ломалъ я впослѣдствіи голову, угадывая, какого рода обстоятельства могли сдѣлать моего отца такимъ чудакомъ, но напрасно. Онъ былъ ипохондрикъ, боявшійся людей и по возможности избѣгавшій всякаго соприкосновенія съ обществомъ, такъ что и его начали старательно избѣгать въ свою очередь. Тѣ, которые имѣли притязаніе на образованность и религіозность, провозгласили ето циникомъ, освободившимъ себя отъ всѣхъ общественныхъ формъ, и атеистомъ, потому что его никогда не видали въ церкви;чернь открещивалась отъ него, какъ отъ человѣка очевидно находящагося въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ лукавымъ, чѣмъ подобаетъ истинному христіанину. Живи онъ двѣсти лѣтъ назадъ, его конечно сожгли бы какъ колдуна.

Впрочемъ нужно сознаться, что образованная и необразованная чернь не вовсе ошибалась приписывая моему отцу идеи и воззрѣнія, которыя не годились-бы для мозговъ обыкновенныхъ людей. Онъ чувствовалъ невыразимое отвращеніе ко всему, что по его мнѣнію связывало свободу мысли, и жаркую ненависть ко всему связывающему свободу дѣйствій.

Всего сильнѣе была ненависть моего отца къ аристократамъ. Онъ разражался цѣлымъ лексикономъ оскорбительныхъ словъ лишь только касался ихъ. Никогда нога его не была въ домѣ дворянина, и благородные ученики, если такіе представлялись, всегда получали самый безцеремонный отказъ. Однажды, когда мы стрѣляли съ нимъ въ цѣль — упражненіе, въ которомъ онъ дошелъ до мастерства — онъ сказалъ мнѣ, что въ молодые годы надѣялся отмстить пулей одному дворянину, который смертельно оскорбилъ его. Къ несчастію, этотъ дворянинъ скоро умеръ. Это единственный намекъ на прежнюю жизнь, который я слышалъ отъ моего отца.

Выросъ я почти ислючительно въ обществѣ этого человѣка. Отношенія наши были почти также оригинальны, какъ и онъ самъ. Хотя отецъ сдѣлалъ для меня болѣе, чѣмъ

обыкновенно дѣлаютъ родители, хотя онъ собственно и жилъ единственно для меня,—однако я не думаю, чтобъ онъ дѣйствительно любилъ меня. Онъ былъ чистый спиритуалистъ. Или сердце его разъ въ жизни было такъ поражено, что больше уже и не оправилось, или онъ превратилъ въ ретортѣ скептицизма всѣ свои чувства въ мысли. То, что онъ дѣлалъ, дѣлалось по обязанности, по сознанію долга. Онъ самъ говорилъ: справедливость выше любви: она творитъ тоже, что любовь, и даже нѣсколько болѣе.

— Болѣе, но далеко не то, сказалъ Францъ; то, что мы по склонности дѣлаемъ для любимыхъ людей, мы должны дѣлать для другихъ изъ сознанія права, т. е. изъ убѣжденія, что интересы всѣхъ людей солидарны. Любовь и справедливость относятся другъ къ другу какъ личность и родъ. Одно не можетъ обойтись безъ другаго, потому что мы нуждаемся въ обоихъ. Справедливость не можетъ внушить намъ тысячи тѣхъ нѣжностей, которыми мы осыпаемъ любимыхъ людей, равно какъ и личная любовь оставляетъ насъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о другихъ, т. е. о согражданахъ, о націи, о человѣчествѣ.

— Вы можетъ быть и правы, отвѣчалъ Освальдъ, и это облегчаетъ признаніе, которое я сейчасъ хочу сдѣлать. Я очень уважалъ отца, но не любилъ его; я часто испытывалъ въ отношеніи его—разумѣется это я разъяснилъ себѣ впослѣдствіи—нерасположеніе, граничащее съ боязнью. Теперь конечно это ужъ не такъ удивляетъ меня, потомучто я убѣдился, что болѣе различныхъ существъ какъ я и мой отецъ природа не могла-бы создать. Мы были столько-же несходны по характеру и склонностямъ, сколько по наружности. Я еще мальчикомъ страстно любилъ блескъ, великолѣпіе и все прекрасное въ природѣ и человѣческомъ мірѣ. Я привязывался къ тѣмъ изъ товарищей, которые отличались юношеской прелестью, голубыми глазами, румяными щеками, бѣлокурыми локонами; я охотно бывалъ въ домахъ, гдѣ, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, жизнь была утонченнѣе и знатнѣе. Я очень занимался своимъ туалетомъ и съ большимъ удовольствіемъ слышалъ, что женщины находятъ меня красивымъ.

Подумайте-же какъ мало годился юноша съ такими наклонностями и потребностями для общества ипохондрика избѣгающаго людей, хотя и долженъ былъ отчасти раздѣлять его образъ жизни. Хотя отецъ и предоставлялъ мнѣ свободу, не совсѣмъ согласную съ его обыкновенными строгими воззрѣніями, хотя онъ нѣкоторымъ образомъ и потакалъ моей аристократической склонности къ наряду и комфорту, что и до сихъ поръ остается для меня непонятнымъ, но я все таки зналъ, что смертельно оскорбляю его этими симпатіями къ ненавистному для него свѣту, и старался какъ можно менѣе пристращаться къ жизни. Это стало мнѣ легче съ тѣхъ поръ, какъ я открылъ источникъ, способный превратить пустыню уединенія въ цвѣтущій рай, — т. е. кастальскій источникъ поэзіи.

Мы жили въ маленькомъ домикѣ, задняя стѣна котораго составляла и часть городской стѣны. Единственное окно моей комнаты пробито было въ этой толстой стѣнѣ, такъ что она скорѣй всего напоминала тюрьму. А всетаки—какіе блаженные часы я въ ней пережилъ! Изъ окна былъ далекій видъ на городской валъ и ровъ, на гладкіе, обсаженные прекрасными деревьями пруды, на роскошные луга, доходящіе до самаго моря, темно-синяя полоса котораго виднѣлась изъ за деревьевъ.

Подъ этимъ-то окномъ сиживалъ я въ лѣтній вечеръ, во время заката солнца, съ сердцемъ переполненнымъ хаотическими чувствами, а въ мозгу возникали мысли такія радужныя, прекрасныя, но—увы! и такія-же непрочныя какъ мыльные пузыри.

Но зачѣмъ долго останавливаться на состояніи, которое самому мнѣ представляется тѣмъ загадочнѣе, чѣмъ яснѣе я стараюсь вамъ его представить. Если я и чувствовалъ въ дѣтствѣ сердечную привязанность къ отцу, то она уменьшалась по мѣрѣ того какъ я входилъ въ лѣта и дѣлался самостоятельнѣе. Всѣ чувства, всю нѣжность, которыя естественно изливаются на мать, братьевъ, сестеръ и друзей, я долженъ былъ затаить въ своемъ сердцѣ, потомучто не имѣлъ довѣрія къ тому, который, при моихъ обстоятельствахъ, одинъ долженъ былъ замѣнять мнѣ ихъ всѣхъ.

Отъ постояннаго столкновенія съ такимъ мрачнымъ, скептическимъ умомъ, мой характеръ принялъ оттѣнокъ не совмѣстный съ моимъ сангвиническимъ, страстнымъ темпераментомъ. Я былъ эпикуреецъ въ школѣ стоика, сибаритъ въ обществѣ философа-циника. Моя обильная фантазія создавала великолѣпнѣйшіе міры, которые мой сухой умъ безжалостно разрушалъ; я мучилъ себя утонченнѣйшими умствованіями, между тѣмъ какъ горячая кровь ключомъ кипѣла въ моемъ сердцѣ; я сидѣлъ въ своей кельѣ и изучалъ старыя запыленныя бредни, между тѣмъ какъ мой предпріимчивый умъ жаждалъ чудесъ Востока и великихъ подвиговъ.

Такъ шло дѣло до девятнадцати лѣтъ, когда я поступилъ наконецъ въ университетъ. Съ отцомъ я разстался безъ грусти. Не знаю, какъ онъ перенесъ эту разлуку. Прощаясь, онъ говорилъ со мной какъ философъ, разстающійся съ своимъ ученикомъ, и еще разъ повторилъ мнѣ основныя правила своей сухой мудрости. Письма, которыя онъ аккуратно писалъ мнѣ въ извѣстные сроки, отличались тѣмъ-же тономъ. Ихъ впрочемъ было не много, потому что ровно полгода спустя, я получилъ сухое оффиціальное сообщеніе отъ городскихъ властей о смерти моего отца. Онъ оставилъ небольшой капиталъ, собранный для меня трудами и лишеніями, котораго могло хватить на время моего студенчества и даже болѣе. Не оказалось ни завѣщанія, ни семейныхъ бумагъ, ни дневника, ни писемъ, по которымъ я могъ-бы ознакомиться съ прошедшимъ моихъ родителей.

Такъ остался я одинокимъ на свѣтѣ, юношей по годамъ, съ старческимъ утомленіемъ жизнію; я былъ слишкомъ взрослымъ для товарищей, которые казались мнѣ маленькими дѣтьми, но слишкомъ молодымъ и неопытнымъ для того чтобы устоять отъ искушеній въ городѣ, полномъ соблазновъ. Да и возможно-ли это для юноши, отъ котораго такъ долго искуственно скрывали потокъ полной молодой жизни! Я былъ героемъ многихъ интригъ, которыхъ въ душѣ стыдился и имѣлъ причины стыдиться; я былъ баловнемъ женщинъ и невинно-виновною жертвой бездушныхъ кокетокъ. Я пріобрѣлъ много опытности, но не сталъ благо-

разумнѣе— самое худшее, что можетъ случиться съ человѣкомъ. Замѣчательнѣе всего, что я глубоко презиралъ тѣ наслажденія, за которыми гонялся, что бросая свое сердце низкимъ женщинамъ, я жаждалъ высокой любви, что безсмысленно растрачивая свои силы, я носился съ необъятными планами.

Пріятель, который имѣлъ тогда на меня нѣкоторое вліяніе, вырвалъ меня изъ этого водоворота, въ которомъ я погибъ-бы рано или поздно. Онъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться въ Грюнвальдъ. Я послѣдовалъ его совѣту.

Съ этой минуты, вы знаете исторію моей жизни, по крайней мѣрѣ въ очеркахъ. Вы знаете, что въ Грюнвальдѣ я познакомился съ однимъ несчастнымъ, къ которому мы теперь идемъ. Теперь вамъ конечно ясно, почему именно мнѣ невозможно было устоять противъ обаянія демонической личности Бергера; въ его обществѣ я еще глубже погрузился въ шипы противорѣчій, о которые разрывается мое сердце.

Бергеру хотѣлось, чтобъ я ѣхалъ въ Гренвицъ на мѣсто, для котораго я столько-же пригоденъ, какъ ястребъ въ голубятнѣ, что доказалъ и опытъ. Вы внимательно слѣдили за отдѣльными фазисами моей тамошней жизни глазами философа и друга. Не знаю и не желаю знать, много-ли вы видѣли, много-ли поняли и что осталось для васъ неяснымъ. Объ одной части этихъ событій я желалъ-бы говорить, а о другой не долженъ. Когда разразилась предвидѣнная вами катастрофа и бросились на меня всѣ эти пустые люди, вы явились моимъ вѣрнымъ другомъ; вы вырвали меня изъ этой пучины и взвалили себѣ на плечи тяжкую ношу, подъ бременемъ которой вѣроятно не разъ тайно вздыхали. Но нѣтъ! это невозможно! Вы также умны какъ и разсудительны и столько-же разумны какъ добры. Скажите, Францъ, какой Одисей васъ воспитывалъ, какая Пенелопа произвела на свѣтъ, что Паллада-Аѳина, богиня мудрости, такъ постоянно и очевидно принимаетъ васъ подъ свою милостивую защиту?

— Въ моей жизни кажется все произошло самымъ обыкновеннымъ образомъ, сказалъ смѣясь Францъ. Не думайте по-

жалуйста, что я ужъ вовсе цѣлъ и невредимъ миновалъ Харибду и Сциллу. Я, какъ и вы, доходилъ до сомнѣнія въ самомъ себѣ. Спасло меня убѣжденіе, которое сначала возникло въ моей душѣ какъ темное предчувствіе, потомъ все становилось яснѣе и наконецъ перешло въ побѣдоносную увѣренность—именно, что нашъ міръ есть космосъ, въ которомъ каждый изъ насъ, кто-бы онъ ни былъ, долженъ съ пользою занимать свое опредѣленное мѣсто. Эта мысль исполнила мое сердце радостнымъ спокойствіемъ, безъ котораго жизнь должна наконецъ сдѣлаться невыносима. Я сказалъ себѣ: этотъ міръ, о которомъ ты въ сущности знаешь такъ мало, такое старое, прочное зданіе, что ты не долженъ подвергать сомнѣнію его плана, хотя многаго въ немъ не можешь понять. Этотъ человѣческій родъ, исторія котораго быть можетъ разсчитана на столько-же милліоновъ лѣтъ, сколько мы теперь знаемъ столѣтій, такой непостижимый, чудный феноменъ творческой силы, который приходится тебѣ постоянно изучать, какъ-бы ни была долга твоя жизнь. Гёте говоритъ, что искуство никогда не давалось одному человѣку; я скажу тоже и о философіи.

Отправляясь отъ этого убѣжденія, я положилъ себѣ задачей найти въ жизни смыслъ и разумность и не могу сказать, чтобы мои усилія не увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Еще въ школѣ, недовѣряя результатамъ чисто спекулятивнаго мышленія, я посвятилъ себя наукѣ, въ которой психическія явленія демонстрируются намъ также *ad oculôs*, —медицинѣ; а ея практическое примѣненіе ставитъ насъ въ постоянныя и близкія сношенія съ людьми, отдаленіе отъ которыхъ, чтобы тамъ не говорили о поэзіи уединенія, всегда бываетъ намъ вредно. Тотъ, кто постигъ солидарость всѣхъ человѣческихъ интересовъ—высочайшій принципъ всей политической и нравственной мудрости,—тотъ знаетъ, что его индивидуальное существованіе есть только капля въ неизмѣримомъ океанѣ и что эта капля не имѣетъ ни права, ни возможности абсолютной самостоятельности. Если-бы люди падали какъ зрѣлые плоды съ дерева, тогда это могло бы еще быть возможно. Но такъ какъ мы теперь въ болѣзняхъ родимся отъ матери, много лѣтъ остаемся самыми безпо-

мощными изъ всѣхъ существъ, совершенно предоставленными нѣжной попечительности родителей; такъ какъ мы, если судьба къ намъ милостива, выростаемъ среди сестеръ и братьевъ, что бы нетолько дѣлить съ ними всѣ радости жизни, но еще прежде получать ихъ отъ нихъ; такъ какъ мы впослѣдствіи можемъ испытывать истинное душевное наслажденіе только въ обществѣ другихъ,—то мы и не должны болѣе отрекаться отъ того, чѣмъ намъ слѣдуетъ быть: сынами человѣческими, дѣтьми этой земли, съ правомъ и обязанностью—всѣ силы изжить на этой нашей землѣ съ другими людьми, нашими братьями, конечно имѣющими тѣже права и тѣже обязанности.

Видите-ли, Освальдъ, такимъ образомъ міръ становится космосомъ, а мы перестаемъ быть атомами, неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда, безъ всякаго разумнаго закона, кружащимися въ безконечномъ пространствѣ. Ошибка вашей жизни, въ которую вы неминуемо должны были впасть послѣ такъ странно прожитой молодости, состоитъ въ томъ, что вы всегда жили для себя и никогда для другихъ въ настоящемъ знченіи этого слова. Такимъ образомъ вы стали въ совершенно ложное положеніе, въ которомъ ни вы для свѣта, ни свѣтъ для васъ не могли принести никакой пользы. Теперь будетъ иначе. Вы рѣшились, во имя дружбы ко мнѣ, сдѣлать шагъ, который—я чувствую это и теперь сильнѣе чѣмъ прежде,—долженъ быть свершенно противенъ вашей природѣ. Но я увѣренъ, что впослѣдствіи вы будете благословлять этотъ шагъ. Пробный годъ, который вы рѣшаетесь провести въ Грюнвальдской гимназіи, будетъ пробнымъ годомъ и въ другомъ отношеніи. Онъ покажетъ, способны ли вы на самую трудную изъ всѣхъ побѣдъ, на побѣду надъ самимъ собою, надъ собственнымъ произволомъ. Я желалъ-бы, чтобы вы, подобно мнѣ, были помолвлены съ доброй и умной дѣвушкой и *обязаны* были бороться и работать, если не для своей пользы, то для *нея*, которая вамъ въ тысячу разъ дороже собственной жизни; тогда вы-бы увидѣли, какой легкой игрой вамъ показалась-бы эта борьба и эта побѣда!

Освальдъ не отвѣчалъ. Онъ чувствовалъ справедливость словъ своего товарища, но въ тоже время былъ ими сильно

пристыжонъ. Лицо истины строго и вселяетъ ужасъ въ того, кто не подчиняетъ ей отъ всей души всѣхъ своихъ личныхъ наклонностей.

Такъ шли они молча другъ подлѣ друга, пока не поднялись на вершину горы къ ожидавшему ихъ экипажу. Они сѣли въ него и быстро покатили подъ гору къ ближайшему городку, лежавшему въ зеленой долинѣ у ея подножія. Городокъ этотъ былъ цѣлью сегодняшняго путешествія, а для Освальда цѣлью всей поѣздки: это былъ Фихтенау, извѣстный во всей окрестности своимъ удивительнымъ мѣстоположеніемъ, своими цѣлительными ваннами изъ сосновыхъ иглъ, а въ послѣднее время—большимъ, отлично устроеннымъ заведеніемъ для леченія душевныхъ болѣзней, основаннымъ умнымъ и опытнымъ психіатромъ, докторомъ Биркенхейномъ.

Странныя ощущенія наполняли сердце Освальда, между тѣмъ какъ онъ съ каждымъ ударомъ лошадиныхъ копытъ чувствовалъ, что приближается къ тому мѣсту, которымъ такъ сильно и такъ тяжело были заняты его мысли въ послѣднее время. Какъ равнодушно услышалъ онъ его названіе въ первый разъ въ Гренвицѣ, когда о немъ упомянули какъ о мѣстопребываніи больного мужа Мелиты! Тогда еще онъ не зналъ Мелиты, не зналъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ томиться въ оковахъ любви къ этой милой женщинѣ. Тогда онъ слышалъ отъ нея это названіе, хотя оно произносилось рѣдко и неохотно, и при тогдашнемъ блаженномъ настроеніи, мѣсто это имѣло для него то непріятное значеніе, какое имѣетъ для владѣтеля великолѣпнаго замка темная и рѣдко отворяемая комната, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ кто нибудь близкій.—Потомъ настало время, когда Мелита, по приглашенію доктора Биркенхейна, отправилась навѣстить своего больного супруга; потомъ тяжелые, дурные дни, когда она жила въ Фихтенау у больного мужа, и когда онъ получалъ оттуда ея письма, въ которыхъ каждое слово было полнымъ тоски поцѣлуемъ. Тогда Фихтенау казалось ему поперемѣнно—то могилой, то колыбелью его счастья, по мѣрѣ того какъ онъ считалъ смерть Беркова или уничтоженіемъ препятствій къ соединенію съ Мели-

той, или обстоятельствомъ способнымъ навсегда разлучить ихъ.—Потомъ наступилъ ненавистный день, въ который онъ узналъ, что человѣкъ, съ перваго раза инстинктивно показавшійся ему опаснѣйшимъ соперникомъ, теперь подлѣ Мелиты; когда злые языки стали нашептывать ему гнуснѣйшія объясненія этого шага, а онъ несчастый слишкомъ охотно внималъ этимъ отвратительнымъ обвиненіямъ, потому что самъ измѣнилъ своей любви, потому что, какъ утопающій, чтобы спастись самому, безжалостно отталкиваетъ лучшаго друга, онъ жертвовалъ Мелитой, чтобъ оправдать въ своихъ глазахъ свою новую страсть къ прекрасной Еленѣ.—И наконецъ, чтобы переполнилась чаша, чтобы доказать несчастному, измученному тысячью разныхъ ощущеній, что весь міръ распадается, въ это самое мѣсто, въ которомъ такъ недавно любимая женщина по его мнѣнію отдыхала въ объятіяхъ остроумнаго roué отъ тяжелыхъ минутъ проведенныхъ у смертнаго одра мужа, въ это мѣсто нужно было попасть его такъ высокоцѣнимому другу и учителю, когда его геній потушилъ свѣтозарный факелъ и оставилъ его въ мрачной ночи безумія. Тогда, въ особенности послѣ смерти братски любимаго юноши, когда его отношенія къ благородному семейству прервались такимъ страннымъ образомъ, когда онъ видѣлъ у своихъ ногъ почти смертельно раненаго соперника и уже однимъ этимъ, если ничѣмъ другимъ, навсегда чувствовалъ себя удаленнымъ отъ любимой дѣвушки,—тогда ему показалось, что для него нѣтъ лучшаго убѣжища въ мірѣ, какъ комнатка подлѣ учителя и друга въ знаменитомъ заведеніи доктора Биркенхейна, въ Фихтенау.

Потому-то онъ, въ самомъ началѣ путешествія, предпринятаго докторомъ Брауномъ съ научной цѣлью, тотчасъ пожелалъ въ Фихтенау; но Браунъ умѣлъ отклонять это намѣреніе подъ разными предлогами. Онъ, безъ вѣдома Освальда, писалъ къ доктору Биркенхейну и просилъ его сообщить всѣ подробности о состояніи Бергера. Биркенхейнъ отвѣчалъ, что Бергера можно считать помѣшаннымъ только относительно идеи объ абсолютномъ ничтожествѣ всякаго существованія, во всемъ же прочемъ онъ совершенно сохранилъ свои умственныя способности и его даже можно бы было осво-

бодить изъ заведенія, если бы самъ онъ не выразилъ настоятельнаго желанія остаться въ немъ. Браунъ сообразилъ, что при такихъ обстоятельствахъ посѣщеніе Фихтенау было бы очень опасно для эксцентричнаго и теперь болѣе чѣмъ когда нибудь возбужденнаго настроенія духа Освальда. Общество, даже и въ помѣшательствѣ все-таки геніальнаго человѣка, могло бы утвердить его въ его странныхъ идеяхъ.

Поэтому-то Францъ пригналъ посѣщеніе Фихтенау къ концу, а не къ началу путешествія, какъ хотѣлось Освальду; онъ надѣялся, что частыя встрѣчи съ разнородными личностями, видъ новыхъ мѣстъ во всемъ осеннемъ великолѣпіи— приведутъ Освальда къ болѣе спокойному и разумному взгляду на жизнь и помогутъ ему встрѣтиться съ Бергеромъ по крайней мѣрѣ безопасно для самаго себя.

Теперь Францъ видѣлъ, что надежды обманули его. Встревоженный видъ Освальда не нравился ему и онъ охотно вернулся бы назадъ, если бы представилась возможность. По крайней мѣрѣ, онъ рѣшился по возможности сократить это посѣщеніе, и отъ времени до времени бросалъ испытующіе взгляды на Освальда, плотно прижавшагося въ своемъ уголку и мутнымъ взоромъ смотрящаго на городъ. Да, не нужно оставлять его одного съ Бергеромъ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Солнце уже съ полчаса какъ скрылось за широкой стѣной покрытаго елями холма, примыкавшаго къ Фихтенау съ западной стороны, когда экипажъ двухъ друзей съѣхалъ съ горъ въ долину, гдѣ лежалъ городъ. Лошади, обрадованныя гладкой дорогой и съ смутнымъ предчувствіемъ вечерней порціи овса, дружно подхватили экипажъ, вдохновленныя сверхъ того звуками кларнета, раздававшимися изъ многочисленной толпы, окружавшей канатныхъ плясуновъ при самомъ въѣздѣ въ городъ.

Дорога шла именно по этому мѣсту, а такъ какъ толпа

все сгущалась, то кучеръ принужденъ былъ ѣхать медленнѣе и наконецъ совсѣмъ остановился, потому что его брань и проклятія не производили на зѣвакъ ровно никакого дѣйствія.

Впрочемъ слѣдовало извинить невѣжливость этихъ добрыхъ людей, потому что акробаты показывали въ эту минуту самую замысловатую штуку, которая обыкновенно приберегалась къ концу представленія, чтобы отпустить зрителей съ самымъ хорошимъ впечатлѣніемъ.

Къ самой вершинѣ не очень высокаго, но вѣтвистаго дуба былъ привязанъ канатъ. Все сильнѣе надсаживающійся кларнетъ и все громче звенящія литавры возвѣщали наступленіе той великой минуты, когда знаменитый акробатъ Джонъ Котерби изъ Египта, прозванный легкокрылымъ голубемъ, будетъ имѣть честь показать высокому дворянству и преданной искусству публикѣ Фихтенау «свой фокусъ, удостоившійся несказаннаго одобренія всѣхъ властителей Азіи и Европы, именно: онъ сниметъ флагъ, прикрѣпленный къ вершинѣ башни на высотѣ четырехсотъ футовъ, и совершитъ это необыкновеннымъ путемъ, т. е. по натянутому канату, и воротится за́домъ, не оглядываясь.»

Правда, четырехсотъ футовая башня, о которой возвѣщала афиша, превратилась теперь въ сорока футовой дубъ, и враги и завистники легкокрылаго голубя—когда же великіе художники не имѣютъ враговъ!—утверждали, что черезъ это измѣненіе въ программѣ фокусъ на столько терялъ интереса, на сколько выигрывалъ безопасности. Но развѣ виноватъ Джонъ Котерби изъ Египта, что имперцы разнесли колокольню маленькой церкви на площади во время тридцатилѣтней войны, когда шведы осаждали Фихтенау? что старшины уже два столѣтія ежедневно собираются отстроить эту колокольню, какъ только настанутъ лучшія времена для Фихтенау? и наконецъ, что эти времена до сихъ поръ еще не настали и церковь все стоитъ безъ колокольни? Ужъ конечно, будь совѣсть легкокрылаго голубя также чиста относительно другихъ вещей, какъ относительно этого событія, онъ не робѣя и не краснѣя могъ бы показать свой фокусъ передъ всѣми властителями земли, даже не смотря на измѣненіе програмы.

И не краснѣя—если не принимать за естественное проявленіе стыдливости пятна румянъ, — легкокрылый голубь появился при звукахъ кларнета и громѣ литавръ, къ которымъ въ эту торжественную минуту присоединился еще треугольникъ, на маленькомъ покрытомъ грязными тряпками возвышеніи, земной исходной точкѣ его небеснаго путешествія. Это былъ красивый, рослый парень, съ темными сдерживаемыми мѣднымъ кольцомъ кудрями, одѣтый въ нѣсколько утратившее первоначальную чистоту трико и въ такую же куртку, на плечахъ которой красовались два крыла, отслужившія уже не одну службу и вслѣдствіе этого растерявшія нѣсколько перьевъ.

Крикъ одобренія, заглушившій шипѣніе завистниковъ, привѣтствовалъ великаго художника, который раскланялся на всѣ стороны съ граціей свойственной наѣздникамъ, акробатамъ и другимъ членамъ веселаго цеха, но совершенно недоступной обыкновеннымъ смертнымъ. Но крикъ этотъ замолкъ, когда, противъ всеобщаго ожиданія, толстая фигура въ бѣломъ колпакѣ, синемъ фартукѣ и съ фіолетовымъ носомъ, заставлявшемъ подозрѣвать въ ней пивовара, взобралась на возвышеніе позади раскланивающагося художника, грубо ударила его по спинѣ между икаровыхъ крылъ и сунула ему длинный свертокъ бумаги, который, при настоящихъ обстоятельствахъ, вѣроятно былъ ничто иное какъ неуплаченный счотъ.

Художникъ—иначе былъ ли бы онъ и художникомъ!— по видимому былъ очень поражонъ этимъ вмѣшательствомъ грубой дѣйствительности въ свѣтлую область искусства. Послѣдовала пантоминная сцена, въ которой легкокрылый голубь старался выразить частымъ пожиманіемъ плечь и напраснымъ шареньемъ по тѣмъ мѣстамъ трико, гдѣ обыкновенно бываютъ карманы, что въ настоящую минуту ему совершенно нѣтъ возможности расплатиться. Жалобная мина очевидно умоляла толстяка обратиться къ болѣе христіанскимъ чувствамъ, но напрасно; толстякъ продолжалъ дѣлать ужасныя гримасы и грозно ударялъ кулакомъ по ладони.

Преданная искусству публика Фихтенау и его окрестностей принимала живое участіе въ этой сценѣ, но впечатлѣ-

ніе возрасло еще сильнѣе, когда по знаку фіолетоваго носа двое людей съ бородами, въ синихъ фракахъ и чорныхъ треуголкахъ, въ которыхъ развѣ только невинный глазъ младенца не узналъ бы карающей руки земнаго правосудія, взобрались на подмостки, схватили голубя не взирая на его умоляющія мины и жесты и связали ему руки на его крылатой спинѣ.

Въ эту-то тяжолую минуту оказалось, что Аполлонъ умѣетъ извлекать своихъ служителей изъ всѣхъ земныхъ бѣдъ и напастей и уготовляетъ имъ заслуженную апоѳеозу, если не въ этой юдоли скорби, то по крайней мѣрѣ на высотахъ олимпійскихъ.

Изъ вѣтвей дуба, къ которому привязанъ былъ канатъ, появилась фигура миловиднаго генія, съ крыльями какъ и у голубя, съ вѣнкомъ на головѣ и пестрымъ флагомъ въ рукахъ,—очевидно тѣмъ самымъ, который Джонъ Котерби изъ Египта имѣлъ обыкновеніе доставать на четырехсотъ футовыхъ башняхъ и который сегодня, за неимѣніемъ башни, ему приходилось получить прямо съ неба. Не было никакого сомнѣнія, что крылатый геній долженъ принадлежать къ Аполлоновой свитѣ.

При появленіи олимпійскаго посланника священный ужасъ разумѣется охватилъ служителей земнаго правосудія и красноносаго продавца адскаго зелья. Они выпустили свою жертву и бросились на колѣни съ явными признаками душевнаго потрясенія, между тѣмъ какъ легкокрылый голубь сорвалъ съ рукъ веревки и съ ловкостью и легкостью, оправдывающею славу его прозвища, побѣжалъ по опасной тропинкѣ, ведущей къ небу.—Дойдя до половины, онъ опустился на одно колѣно передъ небеснымъ явленіемъ, которое не переставало дѣлать ему поощрительные знаки пестрымъ флагомъ, всталъ снова, обратился къ землѣ и сдѣлалъ своимъ притѣснителямъ жестъ, вполнѣ выражающій, что теперь онъ освободился отъ земного страха. Крики одобренія и смѣхъ были отвѣтомъ юмористическому художнику и сопровождали его до самаго неба, гдѣ онъ получилъ флагъ и вѣнокъ отъ генія, тотчасъ исчезнувшаго въ вѣтвяхъ дуба. Внизу его съ поклонами приняли обращенные преслѣдователи, вѣ-

роятно увѣровавшіе въ идеалъ и божественность искусства, а красноносый кредиторъ, въ порывѣ весьма естественномъ послѣ подобныхъ впечатлѣній, разорвалъ длинный счотъ съ одного конца до другого и доставилъ зрителямъ утѣшительную увѣренность, что свобода легкокрылаго голубя не подвергнется ни малѣйшей опасности, по крайней мѣрѣ на этотъ день.

Представленіе кончилось. Рѣчь великодушнаго кредитора, онъ же и директоръ труппы, въ которой онъ обѣщалъ высокому дворянству и просвѣщенной публикѣ Фихтенау еще болѣе блистательное представленіе на завтра, принята была одобрительными восклицаніями, и зрители удалились тѣмъ поспѣшнѣе, что звукъ падающихъ монетъ на тарелку напомнилъ о нѣкоторой обязанности, исполнить которую неблагодарные не считали нужнымъ, а нѣкоторые изъ благодарныхъ, не смотря на все сожалѣніе, были не въ состояніи.

Впрочемъ многіе оставались дожидаться приближающейся тарелки, если не изъ одного сознанія долга, то изъ любопытства взглянуть поближе на генія, котораго видѣли только съ высоты дуба. Да, никто иной какъ посланникъ Аполлона собиралъ теперь на жизненныя потребности своихъ земныхъ сыновъ.

Нужно признаться, что ловкій директоръ не могъ бы сдѣлать лучшаго выбора. Геній—нельзя было опредѣлить мальчикъ онъ или дѣвочка—взглядывалъ такими прелестными темными глазками, съ такой скромной мольбой, что кошельки невольно развязывались. Ласковыя слова всюду сопровождали ребенка и нѣкоторые считали себя даже въ правѣ за свои деньги щипнуть смуглую щечку—ласка впрочемъ очень неблагосклонно принимаемая геніемъ.

Кучеръ хотѣлъ проѣхать мимо тотчасъ какъ разбѣжалась толпа, но Францъ и Освальдъ, съ большимъ интересомъ слѣдовавшіе за земными похожденіями и апоѳеозой художника, велѣли ему стоять до тѣхъ поръ пока не проберется къ нимъ геній. Геній не долго заставилъ себя ждать — экипажъ съ двумя путешественниками могъ перевѣсить по крайнѣй мѣрѣ дюжину мѣщанъ изъ Фихтенау. Францъ искалъ въ кошелькѣ

мелкой монеты, какъ вдругъ его испугало восклицаніе Освальда.

— Что случилось? спросилъ онъ съ удивленіемъ, видя, что Освальдъ вскочилъ даже съ мѣста.

Освальдъ не отвѣчалъ, но однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ экипажа и поспѣшилъ на встрѣчу генію, который, завидѣвъ «господина съ голубыми глазами», уронилъ тарелку съ сборомъ и бросился ему въ объятія.

— Эцика! да это ты въ самомъ дѣлѣ?

— Да, господинъ съ голубыми глазами! нѣжно отвѣчало дитя, все еще обнимая его; потомъ вдругъ боязливо взглянуло на экипажъ и спросило: «ты опять съ *нимъ*?»

— Нѣтъ, Эцика! отвѣчалъ Освальдъ, угадывая, что вопросъ относится къ Ольденбургу. Но развѣ ты одна?

— Нѣтъ, мать со мною; мать не оставляетъ Эцики. Пойдемъ, господинъ, помоги мнѣ подобрать деньги.—И дитя наклонилось подобрать въ пескѣ разсыпавшіяся монеты.

— Дочь Ольденбурга пляшетъ на канатѣ! пробормоталъ Освальдъ въ смущеніи, овладѣвшемъ его душою, машинально становясь на колѣни подлѣ Эцики и собирая разсыпанныя деньги.

Просвѣщенная публика Фихтенау нашла поцѣлуи повидимому знатнаго господина и канатной плясуньи замѣчательнѣе всего, что удалось ей увидѣть въ этотъ вечеръ. Старый и малый старался протѣсниться впередъ, и всѣ очевидно рѣшились не расходиться, пока не получатъ объясненія этого загадочнаго обстоятельства.

Францъ, видѣвшій всю сцену изъ экипажа, былъ удивленъ почти не менѣе другихъ. Скоро впрочемъ пришли ему на память слухи о томъ, что Ольденбургъ нѣкоторое время держалъ въ своемъ замкѣ маленькую цыганку, пока она опять не убѣжала отъ него, и съ быстротою соображенія, свойственной здоровымъ головамъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Освальдъ, знавшій тайну во время своей короткости съ Ольденбургомъ, узналъ въ геніѣ маленькую цыганку. Первой его мыслью было прервать сцену для пользы самого же Освальда и по возможности ослабить произведен-

ную сенсацію. Для этого онъ вышелъ изъ экипажа и сказалъ по французски Освальду:

— Пойдемте! Пусть по крайней мѣрѣ разойдется толпа!

Но въ эту минуту явился директоръ, тоже видѣвшій сцену съ своей трибуны. Любопытство узнать, что именно случилось, и досада на прерванный сборъ заставили его забыть, что онъ все еще въ полномъ костюмѣ красноносаго цѣловальника и не долженъ бы вмѣшиваться въ толпу, чтобы не нарушить уваженія къ искусству. Францъ, не безъ основанія предполагавшій, что появленіе этой личности можетъ усилить непріятность трагической сцены, не далъ ему времени заговорить, отвелъ его въ сторону и сказалъ, хотя вполголоса, но такъ чтобы могли слышать присутствующіе:

— Я докторъ, милостивый государь. Этотъ молодой человѣкъ — онъ указалъ черезъ плечо на Освальда, все еще стоявшаго на колѣняхъ подлѣ Эцики—нѣсколько эксцентриченъ; (онъ поднесъ указательный палецъ ко лбу) понимаете? Вотъ вознагражденіе за причиненный имъ убытокъ.

Директоръ, которому показалось очень убѣдительно это объясненіе, произнесенное серьезнѣйшимъ тономъ, да еще съ прибавленіемъ двухъ талеровъ, безъ сомнѣнія превышавшихъ сборъ, хитро улыбнулся и сказалъ, раскланиваясь съ чрезвычайною почтительностью:

— Понимаю, понимаю, ваша милость! Только отведите его поскорѣе, чтобы Эцика могла продолжать сборъ.

— Гдѣ вы живете? спросилъ Францъ.

— Въ Зеленомъ Колпакѣ, ваша милость. Ваша милость очень обрадуете бѣднаго артиста, если окажете ему свое высокое покровительство.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Францъ и опять сказалъ по французски Освальду:

— Ради Бога, Освальдъ, уйдемте. Я знаю, гдѣ живутъ эти люди. Вы можете отыскать ихъ во всякое другое время.

Освальдъ, оправившись отъ перваго удивленія при встрѣчѣ съ Эцикой въ такомъ обществѣ, самъ понялъ странность своего положенія и поспѣшилъ принять разумный совѣтъ Франца.

Эцика, съ тѣмъ удивительнымъ самообладаніемъ, которое

покидало ее только въ рѣдкія минуты, стала продолжать сборъ, какъ будто ничего не случалось. Она даже и не взглянула на Освальда, котораго Францъ почти тащилъ къ экипажу.

Экипажъ отъѣхалъ. Толпа, въ которой хитро выдуманная Францемъ сказка о помѣшательствѣ Освальда распространилась съ быстротою молніи, разбѣжалась тѣмъ скорѣе, что вечерняя свѣжесть напомнила ей о горячемъ супѣ и теплой комнатѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прошолъ часъ послѣ описанной сцены. Наступилъ уже вечеръ. Горы вокругъ Фихтенау закутались двойнымъ покровомъ тумана и ночи, на темномъ небѣ мерцало тамъ и сямъ нѣсколько звѣздъ. На улицахъ городка сдѣлалось тихо; изъ оконъ низенькихъ домиковъ стали свѣтиться огни. Люди, послѣ умѣреннаго ужина, сидѣли передъ огнемъ, и мужъ разсказывалъ женѣ, которая по уважительнымъ причинамъ сама не могла выходить на улицу, о ловкости и силѣ Легкокрылаго Голубя, о помѣшанномъ господинѣ, пріѣхавшемъ съ докторомъ (вѣроятно его помѣстятъ въ заведеніе Биркенхейна), который при всемъ народѣ обнялъ прелестнаго цыганскаго ребенка въ то время какъ онъ ходилъ со сборомъ. Старая, почти глухая бабушка, дремавшая въ креслѣ и только вполовину слышавшая исторію, объявила, что цыгане—дѣти сатаны, какъ извѣстно цѣлому міру, и что ея прадѣдъ самъ помогалъ сжигать пятерыхъ изъ нихъ на лугу за городомъ.

Въ Зеленомъ Колпакѣ, извощичьей кнейпѣ при въѣздѣ въ городъ, въ этотъ вечеръ замѣтно было большое одушевленіе. Зеленый Колпакъ былъ главной квартирой странствующихъ акробатовъ и притягательнымъ пунктомъ для той части публики Фихтенау, которая вполнѣ заслуживала названіе «преданной искусству». Гдѣ собираются «артисты», тамъ

появляются непремѣнно и энтузіасты, дилетанты, поклонники, любопытные, чтобы послушать и поболтать дѣло и вздоръ объ искусствѣ и его интересахъ, столкнуться съ «артистами» и потомъ хвастаться этимъ передъ знакомыми. При этомъ рѣшительно все равно, какого именно разряда артисты, въ самомъ дѣлѣ великіе люди, или просто акробаты. Каждые имѣютъ своего рода публику, да еще вопросъ, болѣе ли истиннаго энтузіазма возбуждалъ великій Людвигъ Девріентъ при хлопаньи откупориваемаго шампанскаго между своими поклонниками, чѣмъ Легкокрылый Голубь между посѣтителями пивной Зеленаго Колпака.

Длинный столъ въ страшно закуренной залѣ не могъ вмѣстить всѣхъ гостей, хоть они и порядочно тѣснились вокругъ него, особенно на переднемъ концѣ, гдѣ «артисты», съ полнымъ сознаніемъ своего значенія и выгоды принадлежать къ свободному цеху, сидѣли и роспивали. Директоръ Гаспаръ Шменкель изъ Вѣны разумѣется занималъ предсѣдательское мѣсто. Онъ почти уничтожилъ слѣды своего переодѣванья, за исключеніемъ багровыхъ пятенъ, украшавшихъ еще его одутловатое лицо, т. е. снялъ колпакъ и синій фартукъ съ подвязанными подъ него подушками, и красовался въ столь же удобномъ, сколько элегантномъ костюмѣ человѣка, снявшаго верхнее платье и не слишкомъ заботящагося о чистотѣ своего бѣлья, въ качествѣ знаменитаго артиста. Сидѣвшій по правую сторону своего хозяина и учителя Джонъ Котерби изъ Египта долженъ былъ гораздо болѣе измѣнить свой давнишній туалетъ, уже по той уважительной причинѣ, что въ его артистическомъ гардеробѣ имѣлась всего одна пара трико, такъ что приходилось сильно заботиться о сохраненіи ея въ первоначальной чистотѣ ради своей же собственной выгоды. Джонъ Котерби изъ Египта одѣтъ былъ въ короткій сѣрый камзолъ съ зелеными отворотами и смотрѣлъ скорѣе красивымъ тирольцомъ (которымъ и былъ въ дѣйствительности), чѣмъ сыномъ таинственной страны, орошаемой Ниломъ, еслибы не мѣдное кольцо, сдерживающее его темные локоны, и не исковерканный нѣмецкій языкъ, которымъ онъ выражался въ подтвержденіе своего мистическаго происхожденія. Изъ двухъ другихъ арти-

стовъ, сидѣвшихъ нѣсколько дальше, одинъ былъ тихій, долговязый человѣкъ, серьезно принимавшій къ сердцу свое искусство и часто мечтавшій о томъ, какъ онъ еще улучшитъ свое знаменитое изобрѣтеніе—«танцующую исполинскую бочку»; другой, Клоунъ достопочтеннаго общества, шарообразная фигура, корчившая новую рожу каждый разъ какъ на него взглядывалъ кто нибудь изъ посѣтителей, что позволяло приблизительно судить о богатствѣ мимическихъ средствъ этого персонажа.

Директоръ Гаспаръ Шменкель былъ красивымъ малымъ въ то время, когда значительное количество спиртуозныхъ напитковъ не успѣло еще испортить стройности его фигуры, и считался героемъ многихъ любовныхъ похожденій, въ которыхъ бывали замѣшаны даже знатныя дамы, бросавшія благосклонныя взгляды на широкоплечаго геркулеса. Шменкель охотно возвращался къ этому героическому времени своей жизни послѣ третьей кружки, а такъ какъ въ этотъ день онъ почти вдвое перешолъ за таинственное число, снимавшее обыкновенно печать молчанія съ его цѣломудренныхъ устъ, то лучше бы было для нравственности молодыхъ парней, тѣснившихся съ стаканами вокругъ стола, еслибы они вовсе не приходили въ Зеленый Колпакъ въ этотъ вечеръ.

Фантазія господина Шменкеля принадлежала къ категоріи самыхъ пылкихъ, и тамъ, гдѣ глазъ обыкновеннаго смертнаго видѣлъ только кучу комаровъ, его «безумно-поэтическій» взоръ открывалъ стадо слоновъ. Онъ съ необыкновенною смѣлостью спекулировалъ легковѣріемъ своихъ слушателей; прежде всего онъ старался окружить себя и своихъ сообщниковъ покровомъ чудодѣйственной таинственности. Случай на лугу съ Эцикой и помѣшаннымъ господиномъ слишкомъ приближался къ этой цѣли, такъ что Шменкель не могъ не разработать его по своему. Правда, цыганка совершенно случайно присоединилась къ нему по дорогѣ въ Фихтенау всего нѣсколько дней назадъ, и онъ зналъ о ея прошедшемъ ровно столько же, сколько любой изъ присутствующихъ, но тѣмъ свободнѣе могла разыграться его фантазія въ разсказахъ, на которые то и дѣло наводили его слушатели, безпрестанно вспоминавшіе о красивой цыганкѣ,

плясавшей въ первомъ отдѣленіи представленія, и о ея прелестномъ ребенкѣ.

— Вотъ видите-ли, господа, говорилъ Шменкель, это таинственная исторія, которую я желалъ-бы вамъ передать, только ужъ она слишкомъ невѣроятна.

Шменкель погрузилъ свой сизый носъ въ стаканъ и вытянулъ все, что въ немъ оставалось, хитро оглядывая своихъ собесѣдниковъ.

— Разскажите, разскажите, г-нъ директоръ! кричало полдюжины голосовъ.

— Еще пива для г-на директора! кричали другіе.

— Это было такъ лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ, началъ Шменкель, когда я ѣздилъ въ Египетъ.

При словѣ Египетъ всѣ взгляды обратились на Джона Котерби, который таинственно улыбался, раскачиваясь на своемъ стулѣ.

— Что же вамъ нужно было въ Египтѣ? спросилъ кто-то.

— Можно сказать, Котерби? спросилъ директоръ.

— Фидерунканкинсавалилалорамей, отвѣчалъ Египтянинъ, не подозрѣвавшій, для чего нуждается въ его позволеніи хозяинъ.

— Благодарю, Котерби, сказалъ Шменкель. Скромность украшаетъ мужа, но зачѣмъ скрывать, что я именно ради васъ предпринималъ это дальнее путешествіе. Вы должны знать, господа, что слава господина Котерби распространилась въ то время по всему Востоку и что вездѣ только и говорили о Легкокрыломъ Голубѣ. Я подумалъ: ты долженъ пріобрѣсть въ свое общество этого величайшаго на землѣ артиста, иначе ты не будешь Гаспаръ Шменкель. Сказано—сдѣлано: я ѣду въ Египетъ, гдѣ по слухамъ долженъ былъ находиться г-нъ Котерби, но нѣтъ никакой возможности отыскать его. Наконецъ я узналъ отъ одного стараго дервиша, который продалъ мнѣ также и говорящую змѣю (завтра я буду имѣть честь представить ее почтеннѣйшей публикѣ), что г-нъ Котерби находится далеко въ пустынѣ, у пирамидъ... можно сказать зачѣмъ, Котерби?

— Трамтебарамта! Сказывай, что вы хочетъ! возразилъ египтянинъ съ великодушно-скромной улыбкой.

— Г–нъ Котерби именно въ это время удалился въ пустыню и далъ страшную клятву не являться передъ публикой до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ по канату черезъ всѣ пирамиды.

— Что это такое пирамиды?

— Пирамиды, объяснилъ Шменкель, это большія кучи камней, которыя древніе Египтяне воздвигали своимъ богамъ, вышиною въ тысячу футовъ и болѣе, и такія крутыя, что едва–ли кошка могла–бы на нихъ вскарабкаться. На самомъ верху стоитъ острый каменный шпицъ, называемый обелискомъ; на немъ–то укрѣпилъ г–нъ Котерби свой канатъ, а другой конецъ приказалъ внизу держать двумъ тысячамъ черныхъ невольниковъ. Такъ онъ прогуливался сверху внизъ, а у зрителей волосы становились дыбомъ. Вотъ я и нашолъ г–на Котерби въ пустынѣ, и конечно желаніе пріобрѣсть его въ свое общество стало еще сильнѣе; но онъ не соглашался. Что было мнѣ дѣлать? Я рѣшился на слѣдующее утро взобраться на пирамиду и какъ только явится г–нъ Котерби, схватить его на руки и сказать: или вы согласитесь идти на три тысячи талеровъ годоваго содержанія, или я сброшу васъ внизъ головою, не будь я Гаспаръ Шменкель!—Можно сказать, что вы отвѣчали, Котерби?

Египтянинъ поклонился въ знакъ согласія.

— Если вы—г–нъ Шменкель изъ Вѣны, отвѣчалъ Котерби, то вамъ нечего было такъ безпокоиться. Лишь только–бы я покончилъ съ этой пирамидой, какъ самъ отправился–бы къ вамъ въ Вѣну. На свѣтѣ одинъ только Шменкель, какъ и одинъ Котерби; они идутъ другъ къ другу какъ хлѣбъ къ маслу. Но я вѣдь собственно не это хотѣлъ вамъ разсказать, господа, сказалъ Шменкель, опоражнивая стаканъ и поднося его къ свѣчѣ, какъ будто для того чтобы убѣдиться въ его пустотѣ.

— Пива г–ну Шменкелю! крикнула дюжина голосовъ.

— Благодарю! благодарю, господа! Ваше здоровье. Я вѣдь хотѣлъ разсказать вамъ, какъ познакомился съ мадамъ Зиновіей—настоящее ея имя Куссукъ Арнемъ. Но исторія эта почти невѣроятна и происходитъ въ такихъ кругахъ, что я принужденъ буду прибѣгнуть къ нѣкоторымъ намекамъ.

— О, ничего!—Разскажите только! вскричали слушатели, окружая его еще тѣснѣе.

— Ну, такъ слушайте-же!—Вскорѣ послѣ того, какъ я извѣстнымъ уже вамъ способомъ пріобрѣлъ въ свое общество г-на Котерби, я далъ нѣсколько представленій въ Константинополѣ передъ дворцомъ султана, который чрезвычайно интересовался нашимъ искусствомъ и далъ позволеніе прикрѣпить канатъ къ самому верхнему зубцу плоской кровли своего дворца. Ну, надо вамъ сказать, что въ верхнемъ этажѣ этого дворца живутъ султанскія жены, потому-то онъ и называется гаремомъ. У меня всегда было неодолимое желаніе попасть въ этотъ гаремъ, куда нѣтъ никому доступа. Вотъ разъ Котерби и говоритъ мнѣ, что всякій разъ, какъ онъ проходитъ мимо верхняго этажа, на него смотрятъ въ щели досокъ, которыми заколочены окна гарема, прелестнѣйшіе чорные глаза.—Что было мнѣ дѣлать? Я говорю Котерби: Котерби, вы можете все, что захотите. Не возьмете-ли вы меня завтра въ телѣжкѣ, въ которой возите канатъ сверху внизъ, и не доставите-ли вы меня на крышу? Нужно-бы мнѣ взглянуть, что тамъ такое дѣлается. Котерби ввозитъ меня на верхъ, опрокидываетъ телѣжку—и вотъ я одинъ на крышѣ, потому что Котерби тотчасъ же сошолъ внизъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Это было съ вечера, а на другой день Котерби обѣщалъ свезти меня внизъ тѣмъ же путемъ. Ну, вѣрьте или невѣрьте, господа, только мнѣ было жутко въ этомъ новомъ положеніи. Долго-ли выглянуть изъ слуховаго окна чорной головѣ сторожа—и тогда, прощайся съ жизнью. Между тѣмъ я сидѣлъ въ ловушкѣ и не собирался уходить пока не попробую сала. Пока я разсуждалъ, что мнѣ начать, вдругъ раздалось по лѣстницѣ, ведущей на крышу, бряцанье шпоръ и стукъ сабли. Это былъ самъ султанъ, которому хотѣлось посмотрѣть на г-на Котерби сверху. Я, въ ужаснѣйшемъ страхѣ, бѣгу къ ближайшей трубѣ, влѣзаю въ нее и—кракъ! раздумывать некогда! Я скатился съ высоты эдакъ двадцати футовъ и куда-бы вы думали, господа? прямо въ каминъ, въ спальню султанской фаворитки.—Тутъ, господа, я долженъ попросить извиненія въ томъ, что щадя честь дамы, я долженъ ограничиться лишь нѣкоторы-

ми намеками и сказать, что послѣдовавшіе затѣмъ двадцать четыре часа я считаю счастливѣйшими въ своей жизни. На слѣдующій день Котерби, сообразившій вѣроятно въ чемъ дѣло, привезъ телѣжку побольше, и мы воротились... Въ эту же ночь мы оставили Константинополь, и съ этой ночи, общество мое пріобрѣло отличнѣйшую танцовщицу, а дворецъ султана лишился своего лучшаго цвѣтка.

Шменкель оглядѣлся вокругъ съ торжествующимъ видомъ. Онъ могъ вполнѣ остаться доволенъ впечатлѣніемъ, которое его исторія произвела на слушателей; всѣ стояли притаивъ дыханіе. Въ эту минуту быстро вошла дама, которая обыкновенно сидѣла въ кассѣ и вообще завѣдовала хозяйственной частью труппы, и пошептала что-то на ухо директору Шменкелю. Присутствующіе могли разобрать только слова: «Человѣкъ»—«убѣжали». Директора Шменкеля по видимому очень встревожило таинственное извѣстіе. Лицо его мгновенно помрачилось. Онъ пробормоталъ что-то о чортѣ и вышелъ изъ за стола не допивши даже своего стакана,—доказательство, что сообщенныя ему новости были необыкновенно важны.

И дѣйствительно извѣстіе было важно и состояло ни въ чемъ иномъ какъ въ томъ, что прелестный цвѣтокъ, который Шменкель десять лѣтъ назадъ такъ смѣло и таинственно похитилъ у повелителя правовѣрныхъ, который съ той поры постоянно покоился на его широкой груди, что этотъ цвѣтокъ и съ бутономъ, вѣроятно распустившимся благодаря старательному уходу директора Шменкеля, былъ унесенъ бурнымъ вѣтромъ, снова похищенъ оскорбленнымъ султаномъ, во всякомъ случаѣ, не оказывался ни въ своей комнатѣ, ни въ цѣломъ домѣ. Мамзель Адель сдѣлала это открытіе въ то время какъ отправилась звать ее обѣдать въ общую дамскую комнату. Мамзель Адель (обладающая избыткомъ черныхъ локоновъ, подлинность которыхъ не хотѣли признать завистники, съ смуглымъ лицомъ и всегда хриплымъ голосомъ) разсказала Шменкелю о своемъ открытіи съ тѣмъ краснорѣчіемъ и силой, которыми отличаются дамы, зазывающія публику у дверей деревянныхъ лавокъ. Для Шменкеля это извѣстіе, справедливость котораго подтверди-

ласъ напрасными поисками по всему дому, было—молнія на ясномъ небѣ. Побѣгъ цыганки и ея ребенка былъ для него тѣмъ-жъ, чѣмъ смерть лучшей львицы и ея львенка для содержателя звѣринца. Онъ терялъ съ ними капиталъ, пріобрѣтенный почти низачто, но обѣщавшій дать богатые проценты — украшеніе, блескъ, поэзію его общества. Даже Джона Котерби изъ Египта легче-бы было замѣнить,— хоть легкокрылые голуби и рѣдки, но все же бываютъ—но геній съ такими глазами, съ такой серьезно-ласковой улыбкой, что даже скаредные мѣщане превращались въ легкомысленныхъ мотовъ!... Директоръ Шменкель не былъ-бы мужчиной, пилъ-бы молоко, а не чорное пиво, если бы могъ терпѣливо вынести эту потерю. Нѣтъ, онъ былъ мужчина, директоръ, никогда не пилъ молока, а потому впалъ въ ужасающій гнѣвъ, первый взрывъ котораго естественнымъ образомъ обрушился на вѣстовщицу, тѣмъ болѣе, что Шменкель зналъ ревнивый темпераментъ этой дамы изъ многолѣтнихъ короткихъ отношеній, равно какъ и другіе ея недостатки и добродѣтели. Онъ обвинялъ ее (въ выраженіяхъ неумѣстныхъ даже между короткими друзьями) въ томъ, что она своими интригами принудила бѣжать цыганку.—Мамзель Адель, темпераментъ которой вообще не принадлежалъ къ числу кроткихъ. а на этотъ разъ ее еще обвиняли напрасно, отвѣчала тономъ вполнѣ изобличавшимъ ея душевное волненіе. Шменкель принадлежалъ къ героическимъ натурамъ, которыя, сознавая свое превосходство (въ особенности когда пьяны), не терпятъ противорѣчій, и любимое ихъ изрѣченіе въ рѣшительныя минуты: меньше словъ, больше дѣла. Какъ только мамзель Адель почувствовала на своей щекѣ прикосновеніе тяжелой хозяйской руки, сердце ея запылало гнѣвомъ, а языкъ началъ возвѣщать бурю такъ громко, рѣзко и оглушительно, что всѣ гости поспѣшили къ дверямъ съ стаканами въ рукахъ, думая, что случилось несчастіе.

Появленіе столькихъ нежданныхъ и непрошенныхъ свидѣтелей нѣсколько привело въ себя директора, заботящагося о чести своего общества, и окончательно вывели изъ себя даму, увидѣвшую, что ея собственная репутація компрометируется въ глазахъ столькихъ мужчинъ. Прежде она только

грозила выцарапать директору глаза, а теперь привела угрозу въ исполненіе.

Каково было удивленіе просвѣщенной публики Фихтенау, на сколько ея собралось въ Зеленомъ Колпакѣ, при видѣ бѣды такого прославленнаго художника, героя столькихъ имъ самимъ расказанныхъ подвиговъ, укротителя Котерби на Пирамидѣ, похитителя фаворитки султана! Нѣкоторые собирались придти на помощь побѣжденному полководцу (потому что нападенія мамзель Адели отличались энергіей, силой и необыкновенной ловкостью), другіе смѣялись и поддразнивали, третьи (люди въ синихъ блузахъ, которые постоянно останавливались съ обозами въ Зеленомъ Колпакѣ и которымъ непріятно было сосѣдство комедіантовъ) громко поговаривали о сволочи, которую слѣдуетъ вытолкать, противъ чего энергически возражали цѣнители искусства. Гнѣвныя лица, поднятыя руки, бранныя рѣчи—все это слилось въ одну общую картину, въ которой не могъ ничего разобрать даже привычный глазъ содержателя харчевни, флегматически стоявшаго съ коротенькой трубкой въ зубахъ у двери кухни. Густыя облака пыли заслонили толпу, въ которой каждый бросался на дѣйствительнаго или мнимаго противника съ естественнымъ оружіемъ—кулакомъ или съ искуственнымъ —ножкой отъ скамьи и проч.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Помѣстившись съ Францемъ въ элегантномъ лечебномъ заведеніи Фихтенау, Освальдъ не могъ преодолѣть желанія въ этотъ-же вечеръ еще разъ повидаться съ Эцикой. Онъ надѣялся получить свѣденіе о смуглой графинѣ, узнать какъ она попала въ это странное общество, и убѣдить ее или самой воротиться къ Ольденбургу, или отдать ему ребенка. Онъ надѣялся достигнуть Одиссеевской мудростью того, что не удалось Ахиллесовской силѣ барона, тѣмъ болѣе, что смуглая графиня казалось благоволила къ нему, а маленькая

Эцика чувствовала болѣе довѣрія чѣмъ къ «другому», который былъ ея отецъ. Къ тому же, Освальда побуждало другое чувство, кромѣ личной склонности къ цыганкѣ и ея прелестному ребенку, которыя первыя встрѣтились ему въ тотъ достопамятный вечеръ, когда онъ заблудился въ лѣсу, и были какъ-бы посредницами его отношеній къ Мелитѣ, потомъ такъ странно примѣшались къ его знакомству съ Ольденбургомъ. — Его ужасно тяготила благодарность къ Ольденбургу за его рыцарскую помощь въ день смерти Бруно и во время дуэли съ Феликсомъ. Онъ не желалъ быть обязаннымъ человѣку, къ которому почувствавалъ съ перваго раза почти инстиктивную антипатію, котораго потомъ считалъ соперникомъ въ любви къ Мелитѣ, человѣку, мужественная энергія котораго невольно импонировала его колеблящемуся духу и котораго онъ въ тоже время — богъ вѣсть по какому праву! — подозрѣвалъ въ двуличности и безхарактерности; даже если справедливы всѣ исторіи, переданныя г-жей Барневицъ и другими объ отношеніяхъ Ольденбурга къ Мелитѣ, то Освальдъ былъ все время искуснѣйшимъ образомъ одураченъ. Если-бы ему удалось теперь оказать большую услугу этому ложному другу, снова возвратить ему ребенка, котораго онъ считаетъ уже потеряннымъ, тогда свалилась-бы съ плечъ тажестъ обязательства, тогда они были-бы квиты, и Освальду Штейнъ не пришлось-бы стыдливо опустить глаза передъ барономъ Ольденбургомъ, еслибъ судьба когда нибудь столкнула ихъ какъ враговъ. Освальдъ вѣрилъ, что наступитъ когда нибуть эта минута.

Такія мысли и ощущемія наполняли душу Освальда, когда онъ шолъ, въ сопровожденіи слуги, отъ лечебнаго заведенія по тихимъ городскимъ улицамъ къ Зеленому Колпаку. Францъ остался въ заведеніи изъ уваженія къ тайнѣ, которую очевидно желали скрыть отъ него: когда онъ смѣясь разсказывалъ Освальду, какимъ необыкновеннымъ образомъ онъ разъяснилъ присутствующимъ сцену объятій съ канатнымъ геніемъ, тотъ молчалъ такъ упорно, что Францъ принялъ это молчаніе за нежеланіе открыть ему что нибудь въ этомъ дѣлѣ; потому-то, на замѣчаніе Освальда, что становится уже поздно и они не успѣютъ въ этотъ вечеръ увидѣться съ

Бергеромъ, онъ отвѣчалъ, что и самъ также думаетъ. Четверть часа спустя, Освальдъ объявилъ, что желалъ-бы пойти подышать вечернимъ воздухомъ, а Францъ не изъявилъ желанія ему сопутствовать. Впрочемъ, у Франца была въ это время своя забота: онъ надѣялся найти въ Фихтенау письмо отъ своей невѣсты, но обманулся въ ожиданіи. Это обстоятельство озабочивало его, потому что Софи обыкновенно писала очень акуратно, да и прибытіе его въ Фихтенау назначено было нѣсколькими днями ранѣе. Утѣшался онъ только тѣмъ, что послѣдняя почта, которой ожидали съ минуты на минуту, принесетъ ему ожидаемое письмо.

Между тѣмъ Освальдъ дошолъ до гостепріимной кровли Зеленаго Колпака именно въ ту минуту, когда часть его посѣтителей выходила на улицу и общее побоище стало раздѣляться на группы, подобно остаткамъ разнесеннаго костра, которые быстро вспыхиваютъ на одну минуту и потомъ совсѣмъ погасаютъ. Миръ тѣмъ легче было возстановить, что никто хорошенько не зналъ, за что именно такъ сильно разгорячился и пріобрѣлъ фонари подъ глазами. Правда, волненіе и шумъ еще не утихли, но это былъ шумъ моря послѣ бури—высокія волны, уже утратившія свою настоящую силу. Еще продолжались проклятія, брань и хвастовство, но всѣ уже усаживались и начинали заливать пивомъ остатки вражды.

Забота объ Эцикѣ едва смогла пересилить отвращеніе Освальда къ этимъ дикимъ сценамъ; къ счастію онъ не видалъ ни Зиновіи, ни Эцики въ этой сумятицѣ, но одна мысль, что онѣ ввергнуты въ подобный Пандемоніумъ, усилила его рѣшимость избавить ихъ во что-бы то ни стало. Онъ сталъ проталкиваться между ссоряшимися, которые не обращали на него вниманія, и спрашивалъ то у тѣхъ то у другихъ о причинѣ ссоры и о цыганкѣ съ ея ребенкомъ. Никто не находилъ времени или желанія отвѣчать ему, пока онъ наконецъ случайно обратился къ одному молодому человѣку, нѣсколько менѣе разсвирѣпѣвшему чѣмъ другіе; тотъ разсказалъ ему, что изъ труппы акробатовъ бѣжала цыганка съ своимъ ребенкомъ и изъ за этого вышла драка. Впрочемъ, тотъ человѣкъ, что вытираетъ кровь съ лица, есть самъ директоръ

труппы, и господинъ можетъ обратиться къ нему, если хочетъ знать еще болѣе.

Освальдъ свободно вздохнулъ при этихъ словахъ молодого человѣка. Зиновія и Эцика ушли, все равно куда, лишьбы изъ этого ада. Онъ подумалъ съ минуту, не лучше-ли уйти не вступая ни въ какіе переговоры съ акробатами, но желаніе узнать больше, можетъ быть мѣсто, куда отправилась Зиновія, взяло верхъ надъ этимъ раздумьемъ, и онъ отправился къ личности, на которую ему указали какъ на начальника труппы.

Директоръ Шменкель, по свойственной ему эластичности духа, снова обрѣлъ гармонію души, утраченную было въ битвѣ, изъ которой онъ вышелъ покрытый почетными ранами. Лишь только улеглась первая буря страсти, онъ тотчасъ выказалъ ту философскую покорность, которая съ достоинствомъ ссылается на неизбѣжность происшедшаго факта и придаетъ дѣлу возможно лучшій оборотъ. Такъ какъ цыганка уже пропала, то сожалѣнія сдѣлаютъ его только смѣшнымъ, а благородные характеры должны умѣть забывать и прощать. И такъ онъ сдѣлалъ видъ будто давно ожидалъ того, что случилось. «Такова ужъ всегда людская благодарность! — Какъ пріобрѣлъ, такъ и потерялъ — сегодня одному, завтра другому удача—сядемте, господа! Отъ этого директоръ Шменкель не пропадетъ; у насъ есть и другія средства угодить почтеннѣйшей публикѣ, и вы увидите, что завтрашнее представленіе, съ разрѣшенія высшаго начальства... Что вамъ угодно, сударь? Вы желаете переговорить со мною? Къ вашимъ услугамъ. Директоръ никогда не долженъ пренебрегать своей обязанностью».—И Шменкель тѣмъ охотнѣе послѣдовалъ за Освальдомъ, что появленіе изящно одѣтаго господина, который не задумался прійти за нимъ даже въ Зеленый Колпакъ, должно было произвесть нѣкоторое впечатлѣніе.

— Что угодно вашей милости? спросилъ Шменкель, когда они вышли.

— Я попросилъ-бы васъ, если можно, сообщить мнѣ нѣкоторыя извѣстія о цыганкѣ, которая, говорятъ, покинула сегодня вечеромъ ваше общество.

Шменкель заикнулся; вопросъ показался ему нѣсколько подозрителенъ; онъ бросилъ на Освальда испытующій взглядъ при свѣтѣ уличнаго фонаря и узналъ «помѣшаннаго господина», котораго обнимала Эцика. Шменкель тотчасъ сообразилъ въ чемъ дѣло. Этотъ молодой человѣкъ долженъ быть непомѣрно богатый графъ, котораго главная манія интересоваться цыганами, покупать цыганскихъ дѣтей и дѣлать другія тому подобныя глупости. Шменкель сообразилъ, что цыганка можетъ еще вернуться, и чѣмъ болѣе правъ онъ предъявитъ теперь на ея ребенка, тѣмъ выше можетъ назначить ему цѣну.

— Гм! началъ онъ, чтобы выиграть время, — а зачѣмъ вашей милости угодно знать это?

— Ну, это ужъ мое дѣло; достаточно съ васъ, что я не даромъ желаю получить объясненіе.—И онъ сунулъ талеръ въ руку Шменкеля.

— Очень благодаренъ, ваша милость, сказалъ Шменкель, котораго щедрость Освальда еще сильнѣе убѣдила въ прежнемъ предположеніи,—впрочемъ я все таки-бы желалъ...

— Но я не понимаю, кчему вы не рѣшаетесь сообщить мнѣ то немногое, что вамъ извѣстно объ этой женщинѣ, сказалъ Освальдъ.

— Гм! отвѣчалъ Шменкель, можетъ быть мнѣ извѣстно довольно многое; кто тринадцать лѣтъ сряду имѣетъ женщину въ своей труппѣ...

— Но я въ это лѣто встрѣчался съ цыганкой совершенно въ другомъ мѣстѣ.

— Весьма можетъ быть, отвѣчалъ хитрый директоръ,— Зиновія не въ первый разъ убѣгаетъ отъ меня, но она всегда возвращалась.

— Впродолженіи тринадцати лѣтъ! сказалъ Освальдъ, которому эта сказка показалась совершенно вѣроятной,—сколько-же лѣтъ было ребенку, когда она въ первый разъ пришла къ вамъ?

— Сколько лѣтъ? сказалъ Шменкель.—Э, ваша милость, когда она пришла ко мнѣ, у ней вовсе не было ребенка— это ужъ мнѣ извѣстно лучше всякаго другаго! хи! хи! хи!

— Вамъ? сказалъ Освальдъ, и его охватила дрожь.—Вамъ?

*

— А почему-же и не мнѣ, ваша милость? Развѣ я кажусь вашей милости неспособнымъ понравиться молоденькой дѣвочкѣ, которая сверхъ того была у меня на жалованьѣ? Смѣю доложить вашей милости, что у меня бывали въ жизни и другія побѣды. Изволи-ли вы быть когда нибудь въ Варшавѣ? Тамъ есть одна графиня Людмила Пропольская... но конечно объ этой дамѣ я не долженъ такъ говорить, какъ о...

— Однимъ словомъ, сказалъ Освальдъ, дѣлая надъ собой страшное усиліе, Эцика ваша дочь?

— Побожиться пожалуй не рѣшусь, сказалъ смѣясь Шменкель,—но что она могла быть моей дочерью и что я всегда считалъ ее своею, въ этомъ могу увѣрить вашу милость.

— И вы думаете, что цыганка опять воротится?

— О, можете быть увѣрены, ваша милостъ; нигдѣ ей не будетъ такъ хорошо, какъ у меня.

— Но почему-же она такъ часто уходитъ отъ васъ?

— Вотъ видите-ли, ваша милость, сказалъ философъ — Шменкель, женщины такой странный народъ: чѣмъ лучше вы будете съ ними обращаться, тѣмъ скорѣе онѣ васъ проведутъ. Вѣрности отъ нихъ нечего ожидать, въ особенности отъ цыганокъ...

— Хорошо, хорошо! сказалъ Освальдъ, почувствовавшій страшное отвращеніе,—мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ.

И онъ поспѣшно удалился.

Директоръ Шменкель посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой, сунулъ талеръ въ карманъ, усмѣхнулся и отправился опять въ пивную, съ пріятнымъ сознаніемъ, что обработалъ простяка. Тамъ миръ возстановился до такой степени, что Шменкель могъ присоединить свой голосъ къ народной пѣснѣ, которую унисономъ пѣли всѣ присутствующіе.

Пока Освальдъ получалъ извѣстіе о настоящемъ происхожденіи бѣдной Эцики изъ правдивыхъ устъ директора Шменкеля, Францъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія. Почта дѣйствительно привезла ожидаемое письмо отъ невѣсты, но оно подтвердило тѣ опасенія, которыя мы обыкновенно чувствуемъ, если во время не получимъ из-

вѣстія о дорогихъ намъ людяхъ. Софи писала дрожащей отъ страха рукой, что съ отцомъ ея былъ припадокъ паралича, который внушаетъ докторамъ сильнѣйшія опасенія. Отецъ еще и теперь (много часовъ спустя послѣ удара) не можетъ ни говорить, ни шевелиться. Софи умоляла своего жениха возвратиться тотчасъ же; если еще можно помочь ея отцу, то спасеніе конечно придетъ отъ того, къ кому она чувствуетъ столько же довѣрія, сколько любви.

Францъ конечно рѣшился выѣхать въ эту-же ночь по экстраночтѣ до ближайшей станціи желѣзной дороги. Его милая, дорогая невѣста въ такомъ сильномъ горѣ, не спитъ и плачетъ надъ постелью больнаго, можетъ быть даже надъ гробомъ умершаго отца, а онъ, ея утѣшеніе и надежда, за сотню миль отъ нея... это была мысль, способная нарушить миръ даже такого мужественнаго сердца, какъ у доктора Брауна. Земля такъ и горѣла у него подъ ногами. Время, пока не пріѣхала карета, показалось ему вѣчностью.

Наконецъ пришолъ Освальдъ и пріѣхали лошади. Францъ сообщилъ о полученномъ извѣстіи и о намѣреніи тотчасъ-же ѣхать. Онъ просилъ Освальда остаться въ Фихтенау только самое необходимое время и пуще всего не пропускать срока, къ которому ожидаютъ его въ Грюнвальдской гимназіи. Освальдъ такъ былъ подготовленъ ко всему необыкновинному вслѣдствіе послѣдняго происшествія, что почти равнодушно выслушалъ Франца. Впрочемъ, провожая Франца до кареты, онъ обѣщалъ исполнить все, чего отъ него требовали.

— Знаете что, Освальдъ, крикнулъ Францъ уже изъ экипажа, поѣдемте-ка со мною! Вы конечно найдете страннымъ это предложеніе, но самое странное бываетъ иногда самымъ разумнымъ.

— Этого нельзя, Францъ, сказалъ Освальдъ; не могу я уѣхать, даже не повидавшись съ Бергеромъ, да ктому-же...

— Знаю все, что вы хотите сказать, возразилъ Францъ; да и по правдѣ, я не имѣлъ никакой основательной причины дѣлать вамъ это предложеніе. Такъ, было какое-то предчувствіе, что не слѣдуетъ вамъ оставаться здѣсь одному; что-

то говоритъ мнѣ, что здѣшній воздухъ вамъ вреденъ. Поѣдемте лучше, Освальдъ!

— Я пріѣду къ вамъ какъ можно скорѣе.

— Ну, такъ прощайте. Пошолъ!

Освальдъ еще разъ пожалъ руку Франца. Карета быстро помчалась.

— Жаль, что баринъ такъ скоро уѣхалъ, сказалъ Максъ, оберкельнеръ лечебнаго заведенія, стоявшій позади Освальда съ салфеткой на плечѣ и перомъ за ухомъ. Славный баринъ!—Не угодно-ли поужинать, г-нъ докторъ? Г-нъ докторъ найдетъ отличное общество въ столовой.

Освальдъ пошолъ домой. Еслибы въ эту минуту Францъ еще разъ повторилъ приглашеніе, онъ непремѣнно принялъ-бы его. Съ тѣхъ поръ какъ онъ разстался съ Францемъ, какъ будто добрый геній отступилъ отъ него, и въ воздухѣ Фихтенау осталось одно угрожающее несчастіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На слѣдующее утро Освальдъ поздно проснулся послѣ тяжолаго сна. Ему снилась такъ недавно горячо любимая Мелита; ея милое, прелестное лицо было искажено страданіемъ; темные, заплаканные глаза смотрѣли на него съ выраженіемъ страшной муки. Такъ сидѣла она съ грустно-кроткой улыбкой на прелестныхъ губахъ, которыя такъ часто цѣловалъ онъ въ упоеніи любви! И сердце Освальда было переполнено любовью и состраданіемъ. Все было забыто, что произошло между ними,-всѣ злыя сѣмена, посѣянныя коварными языками и такъ скоро созрѣвшія отъ слабости его собственной души, все кромѣ ясныхъ, сладостныхъ дней невыразимаго счастья. И онъ упалъ къ ея ногамъ и плакалъ горькими слезами на ея колѣняхъ, безсвязно лепеталъ слова раскаянія и молилъ о прощеніи. Тогда ледяная рука коснулась его лба, и когда онъ поднялъ голову, передъ нимъ была не Мелита, а профессоръ Бергеръ; но не тотъ человѣкъ, ис-

полненный меланхолическаго юмора и уничтожающей сатиры, который часто сиживалъ противъ него на чайныхъ вечерахъ съ демонической улыбкой на загадочныхъ устахъ, но какой-то непріятно-спокойный, непріятно-неподвижный восковой обликъ. Но это холодное и неподвижное лицо вдругъ начало подергиваться и шевелиться, какъ у человѣка, который хотѣлъ-бы говорить и не можетъ; потомъ онъ началъ говорить, но не человѣческимъ языкомъ, а какимъ-то мистическимъ, смутно-понятнымъ, невыразимо-ужаснымъ... раскрывались страшныя тайны другаго міра...

Душа Освальда не въ состояніи была выдержать этого страха и съ силою вырвалась изъ этой странной области къ ясному дневному свѣту. Но дневной свѣтъ не принесъ ему настоящей отрады, потому что видѣнія ночи бросили свои призрачныя тѣни на этотъ день... Горе тому, чье сердце не свободно отъ измѣны! горе тому, чья душа хранитъ въ глубинѣ своей воспоминанія, которыя во время бодрствованія онъ отгоняетъ тревожнымъ движеніемъ бровей! Такому человѣку легко предвидѣть, какіе сны посѣтятъ его ночью.

Въ такомъ-то мучительномъ состояніи Освальдъ провелъ все утро. Онъ не рѣшился предпринять трудный путь къ заведенію доктора Биркенхейна. Онъ, по обыкновенію нерѣшительныхъ людей, никогда не исполняющихъ во время того, что хотятъ и обязаны сдѣлать, откладывалъ свое посѣщеніе до послѣобѣденнаго времени, увѣряя себя, что тогда онъ будетъ въ лучшемъ настроеніи, будетъ болѣе готовъ встрѣтиться съ Бергеромъ.—Онъ пошолъ за табль-д'отъ, который, не смотря на позднее время года, изобиловалъ лечащимися и просто путешественниками. Сидя одинъ за бутылкой вина, онъ имѣлъ удовольствіе выслушать остроумную бесѣду молодыхъ комиссіонеровъ, переходящую съ предмета на предметъ, съ свойственной этому классу людей легкостью сужденій. Такъ дошло дѣло и до побѣга цыганки съ ребенкомъ и до «великолѣпнаго скандала», нарушившаго миръ Зеленаго Колпака и ночное спокойствіе значительной части городка. Нѣкоторые молодые люди, присутствовавшіе вчера на представленіи акробатовъ, хвалили своимъ новоприѣзжимъ товарищамъ красоту цыганки и весьма сожалѣли о внезапномъ исчезнове-

ніи «такой славной личности». Малютка тоже была «славная», съ такими «славными» глазами. Одинъ помѣшанный англичанинъ, проѣзжавшій мимо, тотчасъ въ нее влюбился, и весьма вѣроятно, что упомянутый англичанинъ, о которомъ съ тѣхъ поръ нѣтъ ни слуху ни духу, похитилъ цыганку.

Совершенно успокоенный на счотъ судьбы Зиновіи и Эцики этимъ свидѣтельствомъ очевидца, Освальдъ вернулся въ свою комнату. Теперь конечно онъ былъ еще въ худшемъ настроеніи, и ему стоило не малыхъ усилій позвонить и спросить у тотчасъ появившагося слуги о дорогѣ въ заведеніе доктора Биркенхейна.

— Въ заведеніе доктора Биркенхейна, сударь? О, это совсѣмъ близко! удобнѣйшая дорога идетъ по нашему саду въ гору, потомъ все влѣво по рѣкѣ, пока не дойдете до большаго дома. Это и будетъ заведеніе доктора Биркенхейна, сударь! У васъ тамъ вѣроятно есть родственникъ? Къ намъ часто пріѣзжаютъ господа навѣщать родственниковъ у доктора Биркенхейна. Въ это лѣто у насъ нѣсколько мѣсяцевъ жила дама тоже съ вашей стороны. Очень красивая дама, можетъ быть изволите знать — г-жа фонъ-Берковъ, съ своимъ братомъ барономъ Ольденбургомъ... очень высокій господинъ съ чорной бородой.

— Развѣ баронъ Ольденбургъ братъ г-жи фонъ-Берковъ? спросилъ съ усиліемъ Освальдъ.

— Какже, сударь! они почти двѣ недѣли жили здѣсь вмѣстѣ. Но братецъ долженъ былъ уѣхать еще до смерти г-на фонъ-Берковъ. Грустная судьба для такой красивой женщины. — Изволите воротиться къ ужину? Нѣтъ? Однако все-же ночуете у насъ? Я такъ и думалъ! Больше ничего не прикажете? Сколько времени ходу? о! всего минутъ десять; я самъ провожу вашу милость.

Когда ушолъ служитель, показавши дорогу, Освальдъ медленно пошолъ по тропинкѣ. Влѣво отъ него шумѣла чистая горная рѣчка, обсаженная соснами, отъ которыхъ и получилъ названіе городокъ. Тамъ и сямъ выглядывала она изъ за деревьевъ и опять скрывалась, какъ рѣзвый ребенокъ. Въ одномъ мѣстѣ задержали бѣглянку и принудили

ее ворочать мельничныя колеса. Это конечно не нравилось ей; она гнѣвно бросалась въ узкій деревянный жолобъ, кидалась и билась объ лопатки и потомъ пѣнясь и ворча съ злобной бурливостью бросалась прочь.

Освальдъ сѣлъ противъ мельницы на низкій берегъ и долго смотрѣлъ, какъ пѣнится и бурлитъ вода, посылая волну за волною, «жадно стремясь въ бездну». Онъ думалъ о томъ, какъ часто Мелита проходила по этой дорогѣ подъ руку «съ своимъ братцемъ» и вѣроятно останавливалась на этомъ мѣстѣ, художественная красота котораго должна была плѣнять ее.

Онъ чувствовалъ смертельную тоску. Его чувства бурно волновались, какъ вода подъ его ногами; мысли вздымались и кружились какъ пѣна волнъ. Развѣ ненависть не также слѣпа какъ любовь? Существуетъ-ли справедливость? Долженъ-ли міръ быть космосомъ,—нетолько для того, чей взоръ скользитъ по гладкой поверхности рѣки, когда онъ весело идетъ по ровной землѣ подъ тѣнистыми деревьями; но и для того, кто успѣлъ заглянуть въ самую глубь, гдѣ все толчется съ хаотическимъ шумомъ? Скорѣе, скорѣе къ человѣку скорби! онъ заглядывалъ въ глубину жизни; онъ долженъ сказать, что тамъ видѣлъ, какіе гады и призраки представились ему, что онъ въ ужасѣ закрылъ свое благородное лицо!...

Освальдъ вскочилъ и пошолъ по дорогѣ, дѣлавшейся все круче, пока увидѣлъ большое строеніе, возвышавшееся надъ садами и другими зданіями. Оно было нѣсколько встороне отъ улицы и обнесено со всѣхъ сторонъ высокою стѣною. Для частнаго жилища оно слишкомъ имѣло видъ замка, а для замка, слишкомъ походило на тюрьму. Это было заведеніе доктора Биркенхейна.

Съ сильнымъ біеніемъ сердца Освальдъ позвонилъ у желѣзной рѣшотки. Въ сторожкѣ растворилось окно; выглянулъ дворникъ и спросилъ что ему угодно.

Освальдъ выразилъ желаніе видѣть доктора Биркенхейна.

— Извѣстно ему объ васъ.

— Да.

— Ваше имя?

Освальдъ назвался.

Дворникъ справился въ спискѣ съ именами и опять высунулъ голову.

— Прямо черезъ дворъ, въ главный подъѣздъ; тамъ еще разъ позвоните.

Рѣшотка отворилась и снова затворилась за вошедшимъ. Освальдъ прошолъ черезъ обширный вымощенный камнемъ и обсаженный деревьями дворъ. На скамьѣ подъ деревомъ, въ группѣ нѣсколькихъ человѣкъ, сидѣлъ молодой, очень хорошо одѣтый мужчина. Когда Освальдъ проходилъ мимо, онъ всталъ и вѣжливо раскланявшись спросилъ его:

— Я безъ сомнѣнія имѣю честь говорить съ императоромъ Феца и Марокко?

Когда Освальдъ отрицательно отвѣтилъ на этотъ вопросъ, молодой человѣкъ печально покачалъ головою и сказалъ:

— Удивительно! императоръ такъ рѣшительно обѣщалъ мнѣ пріѣхать за мною нынѣшнимъ лѣтомъ, а лѣто уже проходитъ; вѣрно придется ждать до будущаго. Тогда ужъ онъ навѣрное пріѣдетъ. Какъ вы думаете?

— Я нимало не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Освальдъ.

Легкій лучь радости промелькнулъ по блѣдному лицу несчастнаго. Онъ снова раскланялся, надѣлъ шляпу и воротился на мѣсто.

Освальдъ дошолъ до главной двери, позвонилъ, и слуга, спросивши его имя, ввелъ его въ комнату и просилъ подождать доктора Биркенхейна.

Это была красивая, высокая комната; хорошія картины украшали стѣны; на консоляхъ стояли античныя головы и бюсты; на столахъ лежали книги и гравюры — все дышало разумной жизнію; ничто не напоминало, что находишься въ жилищѣ болѣзни и смерти.

Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь, и вошолъ докторъ Биркенхейнъ.

Освальдъ конечно начертилъ прежде мысленно образъ этого человѣка, получившаго для него такое значеніе въ послѣднее время, и не мало удивился теперь, что ни одна

черта не подходила къ оригиналу, Онъ представлялъ себѣ доктора Биркенхейна старикомъ внушающимъ уваженіе, полнымъ важности и собственнаго достоинства, и вдругъ увидѣлъ человѣка немного старше себя, по крайней мѣрѣ не старше тридцати лѣтъ, высокаго и худощаваго, съ свѣтло-русыми не слишкомъ густыми волосами и такой-же бородой, худое лицо съ желто-болѣзненнымъ оттѣнкомъ, высокій лобъ, большіе свѣтлоголубые глаза, очевидно привыкшіе съ перваго взгляда читать въ душѣ человѣка и проницательность которыхъ становилась подъ конецъ почти невыносима.

Послѣ первыхъ привѣтствій, высказавши сожалѣніе, что судьба не допустила его познакомиться съ его собратомъ Брауномъ, который своими изслѣдованіями тифа сразу пріобрѣлъ мѣсто въ ряду первыхъ патологовъ Германіи, Биркенхейнъ сказалъ:

— Я съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ вашего посѣщенія, потому что многаго ожидаю отъ вашего свиданія съ Бергеромъ. Я знаю изъ разсказовъ г-на Бемперлейна и отъ самаго Бергера, что вы ближайшій другъ и такъ сказать любимецъ этого несчастнаго... были всѣмъ этимъ по крайней мѣрѣ до его болѣзни. Если что нибудь въ состояніи пробудить въ Бергерѣ почти окончательно угасшій интересъ къ жизни, такъ это любовь—не общечеловѣческая любовь, которая есть только другое выраженіе эгоизма, но спеціальная любовь къ опредѣленному индивидууму, въ радостяхъ и горестяхъ котораго онъ принималъ-бы симпатическое участіе. Любовь есть реальнѣйшее изъ всѣхъ чувствъ, сильнѣе всѣхъ ихъ противится уничтоженію и всѣ переживаетъ. Величайшій психологъ, съ которымъ едва-ли кто можетъ сравниться и которому мы, врачи душевныхъ болѣзней, такъ многимъ обязаны, Шекспиръ, заставляетъ своего Лира говорить шуту еще до начала сумашествія: «У меня остается еще частичка сердца и объ этомъ ты сожалѣешь». Эта частичка сердца и есть здоровый пунктъ, изъ котораго можетъ произойти спасеніе для Бергера.

Потому-то прошу васъ постараться какъ можно болѣе заинтересовать Бергера вашей личной судьбой. Разскажите

ему о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, о своихъ надеждахъ и желаніяхъ, о своихъ радостяхъ и горестяхъ. Въ особенности о послѣднихъ, если онѣ у васъ были, и — простите нескромность врача! я думаю, что ваша бесѣда всего болѣе склониться на эту сторону. Вы улыбаетесь? ну, можетъ быть я ошибаюсь, и *нѣчто* въ выраженіи вашего лица есть выраженіе физическаго. а не психическаго процесса... но какъ бы тамъ ни было, не скрывайте отъ Бергера темныхъ сторонъ вашего существованія. Напротивъ, жалуйтесь и чѣмъ навязчивѣе, чѣмъ горче, тѣмъ лучше; но жалуйтесь какъ больной жаждущій выздоровленія, какъ пойманная птица тоскующая по свободѣ. Несчастіе любимыхъ людей трогаетъ насъ въ тысячу разъ сильнѣе чѣмъ наше собственное, и бремя, которое Бергеръ едва замѣчаетъ на самомъ себѣ, покажется ему невыносимымъ, когда онъ увидитъ его на плечахъ другаго, котораго онъ любитъ. Повторяю вамъ, что такъ только нужно подступаться къ этому человѣку. Противъ доказательствъ разума онъ, какъ опытный мыслитель, знакомый со всѣми философскими пріемами, закованъ въ непроницаемую броню. Противъ одного доказательства о достоинствѣ и реальности жизни, онъ приведетъ вамъ десять противныхъ. Впрочемъ вамъ нечего бояться, что онъ васъ завлечетъ въ философскій диспутъ, какъ прежде. Наука, изъ которой онъ прежде черпалъ съ такою жаждой, сдѣлалась для него отравой; онъ не хочетъ объ ней и слышать. Теперь еще одно: сколько вы думаете пробыть въ Фихтенау?

— Не болѣе четырехъ или пяти дней.

— Очень хорошо; я хотѣлъ именно просить васъ не слишкомъ продолжать ваше пребываніе здѣсь. Необходимо сдѣлать на Бергера сильное впечатлѣніе и къ радости свиданія съ вами должна присоединиться горесть скорой разлуки. Можетъ быть такимъ образомъ намъ удастся выманить его въ свѣтъ, о которомъ онъ говоритъ теперь съ такимъ полнымъ отвращеніемъ.

— Знаетъ Бергеръ, что я здѣсь буду?

— Нѣтъ; я хотѣлъ также воспользоваться и его удивленіемъ. Чтобы получить полное впечатлѣніе, я не пойду къ нему съ вами. Вы разскажете мнѣ потомъ, какъ онъ васъ

принялъ. Въ это время онъ обыкновенно гуляетъ въ горахъ и часто до самаго вечера. Я оставляю ему полную свободу, потому что всякое стѣсненіе было-бы вредно, да и вообще теперь его удерживаетъ здѣсь только его добрая воля. Ступайте съ нимъ на эту прогулку; сердца легче раскрываются подъ небеснымъ сводомъ, чѣмъ подъ комнатнымъ потолкомъ.

— Вотъ что еще, сказалъ докторъ, когда они вставали съ мѣстъ; вы найдете Бергера измѣнившимся и по наружности. Постарайтесь подѣйствовать и на это, разумѣется съ всевозможною осторожностью. Подобныя мелочи имѣютъ большое значеніе. Оторванная пуговица у перчатки можетъ привести въ отчаяніе денди, и у насъ бываютъ два совершенно различныхъ настроенія, когда мы въ халатѣ или во фракѣ. Ну пойдемте, если вамъ угодно; я доведу васъ до двери Бергера.

Они поднялись по каменной лѣстницѣ и пошли по высокимъ, просторнымъ корридорамъ.

Имъ встрѣтилось нѣсколько личностей, которыхъ Освальдъ не счолъ-бы больными, еслибы не сказалъ ему докторъ Биркенхейнъ; такіе разумные отвѣты они давали на вопросы врача.

Въ этомъ отдѣленіи помѣщаются нетрудные больные, сказалъ докторъ Биркенхейнъ; при хорошей погодѣ, большая часть изъ нихъ въ саду или на дворѣ. Какъ поживаете, г-нъ коммерціи совѣтникъ?

— Благодарю, г-нъ докторъ! отвѣчалъ господинъ весьма представительной наружности, который проходилъ мимо съ тростью въ рукѣ; было-бы совсѣмъ хорошо, еслибы...

Тутъ онъ подошолъ къ доктору и сталъ что-то шептать ему, такъ что Освальдъ слышалъ слова: вязанка сѣна — въ боку.—О, это пустяки! сказалъ Биркенхейнъ такимъ увѣреннымъ тономъ, который долженъ былъ подѣйствовать на ипохондрика,—отъ этого мы отдѣлаемся. Больной съ благодарностью пожалъ доктору руку и ушолъ очевидно успокоенный на счотъ исхода мнимой болѣзни.

—Желалъ-бы я, чтобы болѣзнь Бергера была также легка какъ эта, говорилъ Биркенхейнъ, когда они шли дальше

по корридору; но къ нему нечего приступать съ пилюлями и декохтами. Ну, ступайте теперь до конца корридора, послѣдняя дверь на лѣво. Чрезвычайно любопытно будетъ узнать подробности вашего свиданія. Не придете-ли вы завтра ко мнѣ обѣдать? я былъ бы весьма радъ представить васъ моей женѣ. Въ три часа; это вамъ будетъ удобно? Au revoir!

Биркенхейнъ подалъ руку Освальду и вошолъ въ одну изъ дверей, мимо которыхъ они проходили. Освальдъ одинъ дошолъ до конца корридора подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него докторъ, и нѣкотораго опасенія за роль, которую долженъ будетъ играть. Онъ долженъ стараться возбудить въ Бергерѣ интересъ къ жизни, который почти угасъ въ немъ самомъ. Не меньше ли всякаго другаго онъ пригоденъ для этой миссіи? А однако онъ взялъ ее на себя! онъ долженъ ее выполнить!

Освальдъ дошолъ до указанной ему двери. На чорной дощечкѣ написано было мѣломъ, очевидно рукою Бергера:

«Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate»!

Ужасъ охватилъ Освальда. Онъ остановился у двери и не рѣшался стучаться. Онъ прислушивался не зашевелится-ли что за нею, и не слыхалъ ничего. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и твердо постучался. Не получивъ отвѣта, онъ постучался еще громче, но молчаніе не нарушалось. Имъ начала овладѣвать боязнь; онъ поспѣшно отворилъ дверь и вошолъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Опасенія Освальда были напрасны. Въ большой, полутемной отъ опущенныхъ занавѣсокъ комнатѣ, сидѣлъ Бергеръ за столомъ, покрытымъ книгами. Онъ опустилъ голову на руки и казался спящимъ, потому что не пошевелился даже тогда, когда Освальдъ подошолъ къ столу, хотя и сидѣлъ лицомъ къ двери. Освальдъ не смѣлъ будить его. Онъ

стоялъ и смотрѣлъ на страдальца, а на глазахъ невольно выступали слезы. Какія опустошенія произвели нѣсколько мѣсяцевъ на этомъ когда-то столь гордомъ и энергическомъ лицѣ! темные, вьющіеся волосы мѣстами посѣдѣли; массивный, словно изъ гранита выточенный лобъ казался еще могучѣе, такъ какъ теперь виски обнажились. Большая борода, которой Бергеръ не носилъ прежде, покрывала серебромъ его щоки, губы и подбородокъ. Пухлыя руки, о которыхъ прежде такъ тщательно заботились, теперь исхудали почти до прозрачности! А одежда! Синяя блуза вмѣсто чернаго сюртука, на которомъ бывало не допускалось ни пылинки; грубая, измятая рубашка—на немъ, которой бывало щеголялъ тончайшимъ и бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ! На столѣ поношенная круглая шляпа и палка, очевидно еще недавно составлявшая часть плетня,—и все это вмѣсто парижской шляпы и бамбуковой трости съ золотымъ набалдашникомъ! — Если такія перемѣны произошли во внѣшности, какіе-же перевороты должны были произойти въ глубинѣ души.

Освальдъ былъ потрясенъ. Биркенхейнъ правъ; несчастіе любимыхъ людей трогаетъ насъ тысячу разъ болѣе нежели наше собственное. Когда нечестивый, проклятый Фаустъ видитъ въ цѣпяхъ свою возлюбленную, тогда только «чувствуетъ онъ горе цѣлаго человѣчества.»

Бергеръ пошевелился. Онъ поднялъ голову и взглянулъ на Освальда. Глаза были глубоки и ясны и казались больше чѣмъ прежде; ни одна черта не выразила удивленія или испуга при неожиданной встрѣчѣ.

— Я только что видѣлъ тебя во снѣ, Освальдъ! сказалъ онъ тихимъ голосомъ, въ которомъ исчезла прежняя рѣзкость и сила.

Освальдъ не въ состояніи былъ выдержать дольше. Онъ громко зарыдалъ и бросился въ объятія Бергера. Ему казалось, что онъ только теперь, на груди этого человѣка, дѣйствительно почувствовалъ всѣ пережитыя страданія; въ объятіяхъ такъ много выстрадавшаго человѣка онъ не стыдился выплакать всѣ слезы, которыя накипѣли у него на сердцѣ.

Бергеръ держалъ его въ объятіяхъ, какъ отецъ сына, возвратившагося издалека.

— Плачь! плачь! говорилъ онъ. Слезами облегчается переполненное молодое сердце. Когда я былъ молодъ какъ ты, и я также плакалъ—теперь глаза мои разучились плакать.

— Бергеръ! милый, милый Бергеръ!

— Я зналъ, что такъ увижусь съ тобою; я давно ожидалъ тебя. Я не думалъ, что ты такъ долго выдержишь въ безплодной пустынѣ. Плачь! Слезы—цѣна, которой мы выкупаемъ свою душу изъ жалкихъ условій, которыя мы заключили, еще не зная что дѣлаемъ. Прежде чѣмъ отказаться отъ существованія, мы должны убѣдиться, что лучше не существовать. Одинъ раньше приходитъ къ этому убѣжденію, другой позже. Радуйся, что принадлежишь къ числу тѣхъ, которые въ горькихъ мукахъ Сансары уже предвкушаютъ наслажденія Нирваны.

Онъ выпустилъ Освальда, схватилъ шляпу и палку:

— Пойдемъ!

Освальдъ былъ такъ потрясенъ этой сценой, что счолъ невозможнымъ сдѣлать замѣчаніе о странномъ костюмѣ Бергера. Это было-бы все равно что напомнить матери, рыдающей надъ тѣломъ своего ребенка, о какой нибудь небрежности въ туалетѣ, о какомъ нибудь незавязанномъ бантикѣ.

Они пошли по длиннымъ корридорамъ изъ дома. Когда они проходили по двору, опять подошолъ молодой человѣкъ, котораго уже видѣлъ Освальдъ, и повторилъ свой вопросъ:

— Я вѣроятно имѣю честь говорить съ императоромъ Феца и Марокко?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бергеръ,—императоръ не пріѣдетъ, можете быть въ этомъ увѣрены.

— Не пріѣдетъ? сказалъ молодой человѣкъ, и его блѣдное лицо еще больше поблѣднѣло, а глаза сдѣлались безпокойнѣе:—не пріѣдетъ? почему вы это знаете.

— Потому что, еслибы онъ пріѣхалъ, это было-бы твое несчастіе и погибель. Для чего ты желаешь его пріѣзда? Для того чтобы онъ привезъ тебѣ золота, которое ты могъ-бы проиграть, и драгоцѣнностей, которыя ты подарилъ-бы своимъ любовницамъ; для того чтобы онъ далъ тебѣ средства вести такую жизнь, за невозможность которой ты долженъ-бы на колѣняхъ благодарить Бога, если ты только въ Бога вѣруешь. То, что ты принимаешь за путеводную звѣ-

зду, есть только блудячій огонь. Не довѣряй его мерцанію: онъ заманитъ тебя все глубже въ болото. Отвернись отъ него съ твердостью! Еще разъ говорю тебѣ: императоръ не пріѣдетъ, и счастье твое, что онъ не пріѣдетъ.

— Развѣ вы такъ коротко знаете его величество? пролепеталъ молодой человѣкъ.

— Очень коротко, отвѣчалъ Бергеръ, и особенная улыбка появилась на его губахъ.—Даже слишкомъ коротко. Меня также его величество много лѣтъ водилъ за носъ. Вамъ онъ обѣщаетъ денегъ, мнѣ обѣщалъ... ну да все равно что; и такъ онъ всякому обѣщаетъ что нибудь, чтобы потомъ одурачить его и подразнить. Убѣжденіе въ томъ, что обѣщанія его величества даются на вѣтеръ, есть уже начало мудрости—да и конецъ ея.

Эти слова Бергеръ произнесъ вдругъ измѣнившимся голосомъ, будто самъ для себя. Онъ не обращалъ болѣе вниманія на молодого человѣка, который печально стоялъ со шляпой въ рукахъ, и на Освальда, который шолъ за нимъ подъ тяжеломъ впечатлѣніемъ этой сцены.

Вѣроятно Бергеръ подозрѣвалъ, что происходитъ въ душѣ его спутника, потому что, когда они вышли за ворота, которые тотчасъ были имъ отворены, и перешли черезъ мостъ на другой берегъ, въ горы, онъ вдругъ заговорилъ:

— Ты удивляешься, что я не обошолся мягче съ этимъ бѣднякомъ, что такъ безжалостно разбилъ его безумныя иллюзіи. Эта мнимая жестокость есть въ сущности благодѣяніе. Quod medicamenta non sanant, ferrum sanat, quod ferrum non sanat, ignis.

— Кто этотъ несчастный?

— Нашъ соотечественникъ, графъ Мальтанъ. Онъ въ нѣсколько лѣтъ безсмысленнѣйшимъ образомъ промоталъ полумилліонное состояніе. Теперь онъ надѣется и ожидаетъ небывалаго императора, который возвратитъ ему то, что онъ прожилъ.

— Но если вслѣдствіе того, что вы отняли у него послѣднее утѣшеніе, этотъ несчастный лишится послѣдней доли разсудка?

— Ты говоришь какъ докторъ Биркенхейнъ. Мнѣ бываетъ

смѣшно, когда я вижу, какъ этотъ человѣкъ, въ своемъ слѣпомъ оптимизмѣ, противится силѣ, неудержимо влекущей людей къ уничтоженію; точно ребенокъ старающійся удержать рѣку своими ручонками. Задача моя здѣсь состоитъ въ наблюденіи этой необычайной борьбы, которая была-бы высока, если-бы не была смѣшна. Эти доктора ловятъ въ потемкахъ, точно при игрѣ въ жмурки, и надѣются, что излечили болѣзнь, если устранили нѣкоторые симптомы. Они не чувствуютъ и не подозрѣваютъ, что сама жизнь и есть та колодка, которая насъ сдавливаетъ,—одежда Несса, заживо сожигающая насъ, и что снять эту колодку, сбросить эту одежду,—есть нетолько лучшее, но и единственное средство избавиться отъ муки пустого существованія.

Они пришли на просѣку лѣса, густо поросшую мохомъ и травою. Оттуда видно было все пространство, которое они прошли, а за ними все выше и выше поднимался лѣсъ. Было тихо, совершенно тихо вокругъ. Цвѣты изчезли; птицы забыли свои пѣсни; лѣто умерло, и природа молча сидѣла надъ его трупомъ. Даже осенній свѣтъ солнца былъ грустенъ, какъ улыбка вдовы; цвѣтъ неба блѣденъ и болѣзненъ, какъ заплаканые глаза...

Бергеръ сѣлъ на низкій пень, Освальдъ подлѣ него въ густой травѣ. Въ этой лѣсной тишинѣ, которая такъ живо напомнила ему лѣса Гренвица и Беркова и грустно-сладкіе дни, которые онъ тамъ прожилъ, овладѣло имъ то желаніе высказаться, которое имѣетъ неодолимую силу въ иныя минуты. Освальда тянуло передать этому человѣку, въ которомъ онъ всегда видѣлъ свое второе я, все то, что онъ пережилъ, къ чему стремился, въ чемъ ошибался и грѣшилъ въ послѣднее, столь достопамятное ему время. Онъ не думалъ о порученіи доктора Биркенхейна заинтересовать Бергера своей судьбой и играть роль врача относительно больного. Онъ и самъ былъ такъ боленъ! Ему, претерпѣвшему вдвое болѣе, ему признается онъ во всемъ, въ чемъ едва признавался себѣ; онъ вѣдь также не видитъ выхода изъ темнаго лабиринта души къ дневному свѣту. Вначалѣ запинаясь, а потомъ все живѣй и страстнѣе—онъ разказалъ ему все, свою любовь къ Мелитѣ, свою любовь къ Еленѣ, дружбу къ Бруно; какъ ре-

вность отняла у него одну, стеченіе обстоятельствъ другую, а смерть похитила друга.

Бергеръ слушалъ молча, подпершись рукою, постоянно глядя вдаль своими большими глазами, и ни разу не прервалъ Освальда. Наконецъ, когда тотъ обратился къ нему съ горькой жалобой: «зачѣмъ послали вы меня въ этотъ водоворотъ? зачѣмъ вы такъ долго оставляли меня въ заблужденіи?» онъ поднялъ голову, обратилъ на него глаза и сказалъ медленно и внушительно:

— Потому что ты долженъ былъ узнать и это, потому что ты, живя со мной въ Грюнвальдѣ, все еще вѣрилъ въ ту громадную ложь, которую мы называемъ жизнью, потому что нужно было побѣдить упорство, съ которымъ ты утверждалъ эту ложь. Я указалъ тебѣ кратчайшій и вѣрнѣйшій путь къ познанію. Я зналъ, что ты дашь ослѣпить себя обманчивому отраженію, что ты съ бьющимся сердцемъ, съ пересохшимъ языкомъ бросишься по горячему, пустынному песку, все дальше къ голубому озеру съ лѣсистыми берегами, которое удалялось отъ тебя въ той-же мѣрѣ, въ какой ты думалъ, что къ нему приближаешься, пока наконецъ не палъ, проклиная себя и свое существованіе. Радуйся! Ты пережилъ это, и во столько-же недѣль, сколько я употребилъ лѣтъ, ты кончилъ первый, самый трудный курсъ; ты открылъ глаза и увидѣлъ все въ настоящемъ свѣтѣ. Ну и это было не хорошо! тебѣ стали загадочны достоинства и цѣль жизни, ты началъ понимать, что едвали справедливо утвержденіе оптимистовъ, будто жизнь есть сама себѣ цѣль—стало быть приходится находить успокоеніе въ стремленіи къ цѣли, которой никогда нельзя достигнуть, или къ такой, которая если и достигается ежеминутно, то не стоитъ усилій. Ты видѣлъ, что обманъ, глупость и пошлость нераздѣльно спутываются съ истиной, честностью, мудростью и высотою, что ты не можешь насладиться запахомъ розы, не почувствовавъ ея шиповъ. Это открытіе, которое холодно принимаетъ только рабъ, съ улыбкой склоняющійся подъ ударами кнута, но которое глубоко огорчаетъ благородныя души, есть начало мудрости, преддверіе къ великой тайнѣ.

— А что это за великая тайна?

Бергеръ не отвѣчалъ; онъ опять безцѣльно смотрѣлъ въ даль. Освальдъ не повторилъ вопроса.

Глубокая тишина кругомъ; беззвучно вечернее солнце ткало свою золотую сѣть надъ травою и темнозелеными вершинами елей.

Такъ сидѣли они молча другъ подлѣ друга, печальные, какъ двое заблудившихся въ лѣсу дѣтей. Но между тѣмъ какъ человѣкъ уже разсчитавшійся съ жизнью, серьезно презирающій міръ, все глубже и глубже погружался въ пучину своей скорби, у другого молодая, несломленная жизненная сила могуче порывалась къ свѣту и воздуху.

— Объясните, что въ настоящую минуту, когда я всего менѣе ожидалъ этого, возстаетъ во мнѣ противъ вашей мудрости? спросилъ онъ, взглянувъ на Бергера.—Разсудокъ говоритъ мнѣ, что вы правы, но... мой глазъ упивается прелестью вечерняго ландшафта, а въ сердцѣ шепчетъ голосъ: міръ такъ прекрасенъ, такъ прекрасенъ! и если даже жизнь даетъ тебѣ много горечи, все же сладко... Скажите, Бергеръ, любили-ли вы когда-нибудь всѣми силами души? И развѣ можетъ умереть любовь, лѣто, цвѣтъ, теплое солнечное сіяніе?

Бергеръ улыбнулся; это была странная, почти враждебная улыбка.

— Любилъ-ли я?

Онъ наклонился и сорвалъ кусочекъ моху.

— Къ чему поднимать покрывало, которое такъ многіе годы наложили на прошедшее. Видишь, что подъ нимъ: гниль и тлѣніе.

— А впрочемъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, тебѣ полезно узнать и это. Слушай!

Теперь этому уже тридцать лѣтъ — я былъ тогда въ твоихъ годахъ, но безъ твоей опытности; былъ привязанъ къ жизни всѣми нетронутыми силами души, и дорога она мнѣ была, какъ любимая невѣста. Едва-ли могъ кто-нибудь больше мечтать о свободѣ и красотѣ, о всѣхъ пестрыхъ фантасмагоріяхъ, которыми слѣпое побужденіе, вызвавшее насъ къ жизни, старается украсить себя и скрыть сомнительную возвышенность бытія; едва-ли кто больше увлекался безкровными призраками, которые называются идеалами. Я

вѣрилъ въ своей глупости, что блаженство можетъ быть достигнуто еще въ этомъ мірѣ, повсюду, гдѣ-бы свободные люди жили на свободной землѣ. Я вѣрилъ въ отечество и кровью запечатлѣлъ свою вѣру въ сраженіяхъ при Лейпцигѣ и Ватерло. Я воротился исполненный горячей потребности довершить начатое дѣло. Но прежде чѣмъ приступить къ врачеванію ранъ, которыя война нанесла отечеству, я принужденъ былъ позаботиться о собственныхъ ранахъ. Меня послали лечиться въ Фихтенау...

Тогда Фихтенау имѣло другой видъ. Тогда не существовало еще лечебнаго заведенія и дома для умалишенныхъ,—тѣмъ не менѣе, посѣтителей было множество, потому что поэтическая слава, распущенная объ этомъ мѣстечкѣ Веймарскими великими людьми, привлекала толпу. Я держался далеко отъ нея и занимался единственно своимъ здоровьемъ и своими книгами.

Я жилъ въ домѣ одного стараго ректора, съ которымъ познакомился и свелъ дружбу, потому что у него была сравнительно большая библіотека, а тогда книги доставать было не легко, въ особенности въ этомъ уголкѣ. Но кромѣ библіотеки, старый ректоръ обладалъ еще другимъ сокровищемъ—прелестнѣйшей дочерью. Скоро дочь сдѣлалась для меня интереснѣе библіотеки. Ты спрашивалъ меня, любилъ-ли я когда всѣми силами души. Еслибъ ты зналъ Элеонору и то, какъ полно и могуче было тогда мое сердце, ты бы не сдѣлалъ этого вопроса.

Былъ лѣтній день—райски прекрасный день. Послѣ обѣда, мы пошли въ лѣсъ, въ разнообразномъ обществѣ, старые и молодые. Мы помѣстились подъ тѣнью елей, на мягкомъ мху. Мы шутили и смѣялись—также и я, хотя мнѣ вовсе было не до шутокъ и не до смѣха; ты вѣдь знаешь, что:

Никакой огонь, никакой уголь
Не можетъ такъ жарко горѣть,
Какъ тайная любовь,
О которой никто не знаетъ.

А никто не зналъ о ней, даже та, которую я любилъ; по крайней мѣрѣ я еще не признавался ей въ своей любви

Какъ впивались въ нее мои глаза, когда она съ нѣсколько лукавой прелестью обращалась къ гостямъ; какъ упивался мой слухъ звуками ея серебристаго голоса! Это была старая пѣсня Сирены, которая раздается тысячу тысячъ лѣтъ и будетъ раздаваться пока не исполнится время.

Послѣ кофе, мы разсѣялись по лѣсу, группами и попарно, какъ угодно было случаю. Я послѣдовалъ за Элеонорой, которая собирала себѣ букетъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ; я помогалъ ей, хотя не много зналъ толку и за свой выборъ часто подвергался насмѣшкамъ рѣзвой дѣвушки. Но она становилась все тише и тише, чѣмъ дальше мы углублялись въ лѣсъ и отдалялись отъ другихъ. Чѣмъ тише и тревожнѣе становилась она, тѣмъ живѣе и смѣлѣе дѣлался я. Ея молчаливость и стыдливый румянецъ выдали мнѣ то, чего я втайнѣ желалъ, въ горячихъ молитвахъ просилъ у неба и все же не смѣлъ надѣяться.

Тогда мы вышли на эту просѣку. Тѣже самыя горы синѣли передъ нами и тоже солнце обильно обливало насъ своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Золотые лучи блистали на ея темныхъ локонахъ и свѣтились на ея бѣлыхъ, круглыхъ плечахъ... и здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, мы бросились въ объятія другъ другу и между жаркими слезами и поцѣлуями поклялись въ вѣчной любви и вѣрности...

Пень, на которомъ я теперь сижу, былъ тогда молодой, стройной, могучей сосной, и я былъ молодъ, строенъ и полонъ кипучей силы. Дерево срублено и брошено въ огонь; я же—я сдѣлался тѣмъ, что я теперь...

Бергеръ умолкъ и началъ рыть мохъ своей палкой; Освальдъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на несчастнаго человѣка, но не осмѣлился ни заговорить, ни взять свѣсившуюся руку Бергера. На лицѣ Бергера лежало величественное спокойствіе; ни одна черта не выдавала того, что происходило въ его сердцѣ; но онъ смотрѣлъ не такъ, какъ человѣкъ внушающій и желающій состраданія...

— Не сразу, вдругъ опять началъ онъ: — сила во мнѣ была велика и могла сломиться только постепенно. Когда мы пришли домой, я переговорилъ со старикомъ; онъ любилъ меня и сердечно радовался нашей любви. Нѣсколько

дней спустя, я вернулся въ университетъ, продолжать занятія, прерванныя войною. Я занимался съ желѣзнымъ прилежаніемъ, потому что жажда знанія равнялась у меня желанію какъ можно скорѣе быть въ состояніи назвать Элеонору супругой и ввести въ свой домъ. Потому я пріѣзжалъ въ Фихтенау рѣдко и на короткое время, чтобы разогрѣться любовью Элеоноры и съ новымъ мужествомъ и новыми силами приняться за работу.

Была у меня и другая возлюбленная — свобода. Страсть къ ней я раздѣлялъ со многими благородными юношами. Мы не хотѣли, чтобы кровь наша въ сраженіяхъ была пролита даромъ.

Я уже съ годъ занималъ незначительное мѣсто при училищѣ въ Саксоніи; все было приготовлено къ свадьбѣ, срокъ положительно назначенъ; я считалъ дни и часы... вдругъ, въ одну ночь меня берутъ съ постели, опечатываютъ мои бумаги,—а на слѣдующую ночь я очутился уже въ Магдебургскомъ казематѣ.

Легко представить себѣ, что я не спалъ; я метался, безумствовалъ, ломалъ себѣ руки объ рѣшотки своей желѣзной клѣтки. Мало по малу я успокоился надеждою, что это заключеніе продолжится не много времени, а Элеонора?—Ну, она какъ героиня перенесетъ эту горькую долю. Какъ второй Эгмондъ, я соединялъ возлюбленную и свободу въ одинъ образъ. Изъ мрака къ свѣту! отъ борьбы къ побѣдѣ! Это было заклинаніе, которымъ я отгонялъ сомнѣніе, когда оно запускало свое змѣиное жало въ мое сердце. Было время испробовать силу моего заклинанія—я пробылъ въ тюрьмѣ цѣлыхъ пять лѣтъ.

Конечно впродолженіи этого времени, которое я измѣрялъ біеніемъ своего сердца и паденіемъ водяныхъ капель съ сыраго потолка моей тюрьмы, поколебалась моя вѣра въ божественность мірового порядка, но я уже сказалъ тебѣ, что жизненная сила во мнѣ была слишкомъ крѣпка, а желаніе жить неодолимо. Впродолженіе тихихъ, безотрадныхъ ночей, когда я тревожно метался на своей грубой постели, я конечно слышалъ великое слово избавленія, но не понялъ его даже и въ половину. Во все время своихъ продолжи-

тельныхъ занятій, я выучился только азбукѣ; жизнь должна была взять меня въ свою жестокую школу, для того чтобы я началъ бѣгло читать.

Едва освободился я изъ заточенія, какъ поспѣшилъ въ Фихтенау,—можешь судить съ какими чувствами. Вначалѣ своего заточенія я получилъ нѣсколько писемъ отъ Элеоноры, въ которыхъ она умоляла меня быть твердымъ и выжидать, именемъ того самаго Бога, которому ежечасно молилась о моемъ освобожденіи. Письма эти стали являться рѣже и наконецъ совсѣмъ прекратились черезъ два года. Это было мнѣ тяжелѣе всего; но я всегда думалъ, что жестокость моихъ тюремщиковъ лишаетъ меня этихъ живительныхъ капель, и съ скрежетомъ зубовъ проклиналъ мучителей.

Я былъ несправедливъ къ этимъ людямъ. Поздно ночью прибылъ я въ Фихтенау. Я прямо подъѣхалъ къ хорошо знакомому дому, выскочилъ изъ экипажа и рванулъ звонокъ. Тогда открылось на верху окно, выглянула старуха и спросила, что мнѣ тутъ нужно. Я спросилъ ректора.—Ужъ онъ три года какъ умеръ! сердито отвѣчали мнѣ.—А гдѣ его дочь?

— Объ этомъ можете спросить знатнаго господина, съ которымъ она убѣжала три года назадъ! сказала старуха и захлопнула окно.

Я стоялъ какъ поражонный громомъ. Потомъ я громко захохоталъ, но тотчасъ-же умолкъ отъ ѣдкой боли въ сердцѣ, потому что, Освальдъ... я любилъ Элеонору.

Не знаю ужъ, какъ я дошолъ до гостинницы. Ночью я разбудилъ добрыхъ людей дикимъ хохотомъ и безумными криками. Они бросились въ мою запертую комнату,—я лежалъ въ бреду.

Тюремный воздухъ разстроилъ мнѣ нервы, а неожиданный ударъ окончательно потрясъ уже подрытое зданіе. Четыре недѣли я боролся со смертію, но я слишкомъ крѣпко прицѣпился къ жизни, и смерть выпустила свою жертву. Благо мнѣ! смерть не была-бы настоящей смертію; она опять выдала-бы меня жизни. Теперь, если я умру, то умру навсегда.

Ужасъ обнялъ Освальда. Что значили эти мистическія

слова: умереть навсегда? Не въ нихъ ли заключалась великая тайна, которая все еще была ему неизвѣстна?

Бергеръ продолжалъ:—Выздоровленіе мое шло медленно, потому что силы были истощены въ высшей степени. Я, опираясь на палку, бродилъ по городскимъ улицамъ и радовался, когда мнѣ случалось футомъ выше подняться въ гору; наконецъ я сталъ въ силахъ дойти до этого мѣста, свидѣтеля клятвы, которую я считалъ вѣчной и которая пролетѣла, какъ дыханіе произносившихъ ея губъ. Сюда я приходилъ каждый день оплакивать свое потерянное счастье и роптать на небо, озаряющее своимъ солнцемъ неправедныхъ и посылающее молніи на правыхъ. Потому что я былъ какъ Лиръ, противъ котораго больше грѣшили, чѣмъ онъ нагрѣшилъ самъ. Я честно и прямо относился ко всему, чего желалъ и добивался въ жизни. Я любилъ свое отечество, какъ сынъ любитъ родителей, всей вѣрующей душою,—и въ благодарность за это, оно заставило меня пять лѣтъ томиться въ тюрьмѣ; я обожалъ Элеонору каждой каплей крови моего сердца,—и въ благодарность, она мнѣ измѣнила. До этой минуты я жилъ такъ, что могъ выступить передъ цѣлымъ свѣтомъ и спросить: кто можетъ укорить меня въ какомъ-нибудь грѣхѣ?—А между тѣмъ!.. Я мучилъ свой мозгъ, пытаясь разрѣшить эти противорѣчія. Я все еще не понималъ, что сама жизнь есть великій грѣхъ, изъ котораго вытекаютъ другіе по той-же необходимости, по которой камень, столкнутый съ мѣста, неудержимо стремится въ пропасть. До сихъ поръ я искалъ въ вещахъ и людяхъ только хорошей стороны, теперь—собственное страданіе раскрыло мнѣ глаза на страданія другихъ существъ. Я припомнилъ, что на каждой страницѣ исторіи записано какое-нибудь страшное дѣло, отъ котораго кровь леденѣетъ и волосъ становится дыбомъ; я подумалъ о томъ, что въ сердцѣ каждаго человѣка есть темная сторона, мимо которой онъ проходитъ закрывши лицо; что еще не было человѣка, который-бы въ извѣстную минуту своей жизни не пожалѣлъ, что родился; я подумалъ о томъ, что жизнь безчисленнаго множества людей есть ничто иное, какъ отчаянная борьба съ страшной нуждою; что болѣзнь и грѣхъ, раскаяніе и забота—превосходные минёры—

подкапываютъ нашу жизнь, какъ червь подтачиваетъ плодъ; что наша лучшая радость есть только танецъ надъ могилами, и что еслибъ жизнь была дѣйствительно хороша, то неутомимая смерть есть насмѣшка и поношеніе этой прекрасной жизни.

И я оглянулся на природу, изъ которой поэты дѣлаютъ идиллію, и увидѣлъ, что она или мертва и безпомощна, или, тамъ гдѣ живетъ и чувствуетъ, повторяетъ кровавую драму человѣческаго существованія, только въ болѣе грубыхъ и обнажонныхъ формахъ. Я увидѣлъ, что нѣкоторыя породы животныхъ живутъ въ постоянной, неутомимой враждѣ и что ихъ войны ведутся съ такой грубой жестокостью, въ сравненіи съ которой иногда кажутся очень невинными утонченнѣйшія пытки инквизиціи.

И когда я оборвалъ такимъ образомъ, одну за другой, пестрыя тряпки, которыми трусость прикрываетъ раны и струпья жизни, въ моемъ сердцѣ проснулось чувство, которое до тѣхъ поръ было ему чуждо — ненависть. Это была таже любовь, только въ другой формѣ, несмотря на то, что я увѣрялъ себя, будто позабылъ измѣнницу; это было только другое выраженіе подтвержденія жизни, отъ которой я все еще не могъ отстать, хотя и воображалъ, что покончилъ съ нею. Когда дѣйствительно отрицаютъ жизнь, то уже не имѣютъ никакого понятія о любви и ненависти.

Но въ то время я ненавидѣлъ также горячо какъ любилъ. Скоро всѣ мои дѣйствія и помыслы сосредоточились на одномъ пламенномъ жаланіи мести. Месть! месть—ему и ей! такъ кричалъ во мнѣ голосъ, котораго невозможно было заглушить.

Въ Фихтенау знали мои обстоятельства и интересовались моей судьбой съ той благосклонной симпатіей, которая недалека отъ любви къ скандалу и злорадства. Мнѣ разсказывали, безъ всякихъ распросовъ съ моей стороны, все, что касалось побѣга Элеоноры.

Въ то время какъ прекратились ея письма, въ Фихтенау пріѣхалъ польскій графъ и занялъ у ректора помѣщеніе, которое занималъ я. Скоро весь городъ толковалъ о его красотѣ и богатствѣ. Элеонору поддразнивали такимъ опаснымъ

жильцомъ; она съ негодованіемъ отвергала шутки своихъ подругъ по этому поводу. Скоро однакожъ ей перестали говорить въ глаза то, что думали объ ея отношеніяхъ къ графу, но передавали по секрету другъ другу, что видѣли ее съ нимъ тамъ-то и тамъ-то поздно вечеромъ; что золотая цѣпочка, которую она носитъ, не принадлежитъ къ наслѣдству ея матери. Потомъ насталъ день, когда загорили не шопотомъ, а уже громко: что ректорская Элеонора бѣжала ночью съ красивымъ графомъ, а старикъ отецъ, уже давно хворавшій, такъ былъ испуганъ этимъ извѣстіемъ, что лежитъ при смерти. Дѣйствительно, дня два спустя старикъ умеръ. Объ Элеонорѣ съ тѣхъ поръ не было никакихъ слуховъ.

Къ счастію, имя графа также было извѣстно, а больше мнѣ ничего не было нужно, чтобы привести въ исполненіе планъ мести. Я взялъ небольшой остатокъ своего состоянія и отправился путешествовать. Сперва въ Варшаву. Тамъ очень хорошо знали графа. Это былъ молодой развратникъ, составившій себѣ ремесло изъ соблазна женщинъ и дѣвушекъ. Одинъ изъ знакомыхъ видѣлъ его съ очень хорошенькой дѣвушкой, по описанію похожей на Элеонору, въ Венеціи.

Я поѣхалъ въ Венецію. Тамъ его хорошо помнили: онъ прожилъ тамъ два мѣсяца и поѣхалъ въ Миланъ. Изъ Милана меня послали въ Римъ. Тамъ я встрѣтилъ товарища молодости, одного художника. Онъ много разъ встрѣчалъ графа съ Элеонорой и жалѣлъ бѣдную дѣвушку, еще не зная, въ какихъ отношеніяхъ она была со мною. Онъ разсказалъ мнѣ, что графъ обращался съ ней очень дурно, смѣясь предлагалъ ее всякому, говоря, что окажутъ ему самую дружескую услугу, если избавять отъ этого бремени. — Тутъ художникъ остановился и не хотѣлъ разсказывать дальше. Я умолялъ его сказать мнѣ все, потому что я готовъ къ самому худшему. Наконецъ онъ сообщилъ мнѣ, что дѣйствительно нашолся пріемникъ графа, въ лицѣ одного французскаго маркиза, покрайней мѣрѣ называвшаго себя маркизомъ, который и уѣхалъ съ Элеонорой въ Парижъ. Это случилось ужъ съ годъ назадъ. Графъ находится теперь, сколько ему извѣстно, въ Неаполѣ.

Я поѣхалъ въ Неаполь съ своимъ другомъ художникомъ. Я сообщилъ ему, что хочу отмстить графу. Онъ думалъ, что это будетъ мнѣ очень трудно, потому что графъ столько же храбръ и искусенъ въ дуэляхъ, сколько развратенъ и жестокъ. Но такъ какъ я настаивалъ, онъ вызвался ѣхать со мною. Я принялъ это дружеское предложеніе, потому что художникъ имѣлъ многія сношенія съ дворянами и могъ ввести меня въ тѣ круги, гдѣ вращался мой врагъ, и которые иначе были-бы мнѣ доступны только съ большими затрудненіями, а пожалуй и недоступны вовсе.

Мы пріѣхали въ Неаполь. Графъ и тамъ былъ избраннымъ любимцемъ дамъ и ужасомъ отцовъ и мужей. Художнику безъ труда удалось ввести меня въ аристократію. Я являлся въ каждое общество, чтобы только встрѣтиться съ графомъ, но случая пока не представлялось. Наконецъ я сошолся съ нимъ на большомъ вечерѣ у русскаго посланника. Я увидѣлъ его во всемъ блескѣ его дѣйствительно чудной красоты и во всемъ очарованіи рыцарской прелести, окруженнаго дамами и мужчинами. Я присоединился къ группѣ съ моимъ художникомъ.

— Графъ, сказалъ художникъ, докторъ Бергеръ изъ Тюрингена желаетъ съ вами познакомиться, позвольте мнѣ представить его вамъ.

При словѣ Тюрингенъ, графъ поблѣднѣлъ и потерялся такъ, что это замѣтили всѣ окружающіе.

— Я не долго задержу васъ, графъ, сказалъ я, подходя къ нему. Я желаю только узнать отъ васъ настоящее мѣстопребываніе той молодой дѣвушки, которую вы три года тому назадъ увезли изъ родительскаго дома и наконецъ передали въ Римѣ какому-то французскому развратнику.

Я произнесъ эти слова медленно, спокойно, отчеканивая каждый слогъ. Голосъ мой раздавался по всей залѣ, потому что съ перваго моего слова настала такая тишина, что можно-бы было услышать звукъ отъ паденія иголки.

Графъ поблѣднѣлъ еще больше, но тотчасъ овладѣлъ собою и продолжалъ:

— А что даетъ вамъ право на этотъ вопросъ, для котораго вы выбрали по истинѣ удобное время и мѣсто?

— Я имѣлъ честь быть женихомъ этой дѣвушки.

— А если я не дамъ вамъ требуемаго объясненія?

— Тогда я объявлю васъ въ присутствіи всѣхъ этихъ дамъ и господъ тѣмъ, что вы есть на самомъ дѣлѣ, низкимъ подлецомъ.

Вслѣдъ за этимъ я бросилъ ему въ лицо свою перчатку, и извинившись въ короткихъ словахъ передъ обществомъ за сдѣланную сцену, вышелъ въ сопровожденіи художника.

Оскорбленіе подобнаго рода, по воззрѣніямъ свѣта, въ которомъ вращался графъ, могло быть искуплено только кровью, тѣмъ болѣе, что я, не желая дать ускользнуть аристократу, явился въ своемъ офицерскомъ мундирѣ, а уважаемое имя художника ручалось за то, что я не простой авантюристъ. Впрочемъ графъ до того возстановилъ противъ себя мужское общество успѣхами у дамъ, что каждый радовался нанесенному мною оскорбленію, и, отказавшись драться со мной, онъ нанесъ-бы смертельный ударъ своей репутаціи. Почти вслѣдъ за мною онъ оставилъ общество, сопровождаемый пожатіемъ плечъ своихъ немногихъ друзей и презрительными улыбками безчисленныхъ враговъ. Спустя часъ, я уже получилъ отъ него вызовъ на слѣдующее утро. Это было все, чего я желалъ; я принялъ извѣстіе почти съ восторгомъ. Немногіе часы, остававшіеся до той минуты, когда буду наводить дуло пистолета на похитителя Элеоноры, на разрушителя моего земнаго счастья, показались мнѣ вѣчностью. Я не могъ усидѣть въ маленькой комнаткѣ нашего отеля; нужно было освѣжиться ночнымъ воздухомъ отъ сожигающей меня горячки мести. Товарищъ мой старался отклонить меня отъ этого намѣренія, говоря съ иронической улыбкой, что я могу схватить *смертельную* простуду на этой ночной прогулкѣ. Когда-же я продолжалъ настаивать, онъ пошолъ со мною, но мы предварительно вооружились кинжалами.

Скоро я имѣлъ случай убѣдиться, насколько мой товарищъ основательнѣе судилъ о характерѣ моего врага и о народѣ, среди котораго мы находились. Едва мы отошли шаговъ двѣсти отъ отеля и хотѣли повернуть въ Толедскую улицу, на насъ съ невыразимымъ бѣшенствомъ бросилось четверо людей, вдругъ выскочившихъ изъ за угла од-

ного дома. Къ счастію, художникъ былъ богатырски силенъ, а у меня не было недостатка въ храбрости и присутствіи духа. Убійцы очевидно не были приготовлены къ такой энергической оборонѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, они обратились въ бѣгство. Я хотѣлъ преслѣдовать ихъ. «Пусть ихъ бѣгутъ! сказалъ художникъ, вытирая свой окровавленный кинжалъ; кажется, я одного слишкомъ сильно поцарапалъ. Но вѣдь и самъ онъ слишкомъ усердно желалъ заслужить цехины графа.

У меня прошла охота продолжать прогулку. Мы по ближайшей дорогѣ воротились въ отель и съ нетерпѣніемъ ожидали назначеннаго часа.

Художникъ старался доказать мнѣ, что я не долженъ драться съ человѣкомъ, который прибѣгаетъ къ подкупному убійству, но застрѣлить его какъ бѣшеную собаку; я отвѣчалъ ему, что и намѣренъ сдѣлать это, а дуэль для меня только форма. Мы почти поссорились при этомъ спорѣ.

И совершенно напрасно. Настало утро, и мы раньше срока были на мѣстѣ, но ни одинъ противникъ не показался. Наконецъ, часъ спустя, явился секундантъ графа, молодой итальянскій дворянинъ, блѣдный и смущонный. Онъ сказалъ намъ, что ему чрезвычайно непріятно заставлять насъ дожидаться, но что это не его вина. Графъ вышелъ вчера вечеромъ, приказавъ своему камердинеру не дожидаться его, и до сихъ поръ не являлся. Вѣроятно съ нимъ случилась какая нибудь непріятность, потому что смѣшно-бы было предполагать, что человѣкъ такого званія бѣжалъ отъ дуэли.

Художникъ отвѣчалъ, что намъ есть время ждать, и что отложенное дѣло еще нельзя считать разстроившимся. Секундантъ обѣщалъ тотчасъ-же увѣдомить насъ, какъ только узнаетъ что-нибудь объ исчезнувшемъ графѣ.

Но графъ исчезъ совершенно, и я долженъ былъ наконецъ согласиться съ подозрѣніемъ, которое выражалъ художникъ тотчасъ послѣ встрѣчи съ убійцами, будто самъ графъ былъ въ числѣ нападавшихъ и былъ именно тотъ изъ четверыхъ, который нападалъ сильнѣе прочихъ, почему и былъ такъ чувствительно раненъ моимъ товарищемъ. Очевидно, онъ или умеръ, или былъ раненъ и скрывался, что-

бы избѣжать объясненій, розысковъ полиціи, очень усердныхъ, вѣроятно благодаря его врагамъ, и наконецъ чтобъ избавиться отъ противника, который такъ плебейски-серьезно принималъ вещи, надъ которыми въ его кругу только слегка посмѣивались.

Какъ-бы то не было, противникъ мой не показывался, и я долженъ былъ воротиться ни съ чѣмъ прождавши цѣлый мѣсяцъ, впродолженіе котораго исторія моя составляла пищу всѣхъ салоновъ.

Я поѣхалъ черезъ Римъ, гдѣ разстался съ своимъ товарищемъ, въ Парижъ. Задача моя вѣдь была выполнена еще менѣе чѣмъ на половину! Самое трудное ждало меня впереди. Я столько-же боялся встрѣтиться съ Элеонорой, сколько желалъ этой встрѣчи. Ты спросишь, какъ я могъ еще настолько интересоваться личностью, которая такъ измѣнически играла моимъ счастьемъ и своимъ побѣгомъ съ французомъ уничтожила послѣднюю долю уваженія, которую еще можно было питать къ ней послѣ ея побѣга съ полякомъ изъ родительскаго дома. Но, говорю тебѣ: я любилъ Элеонору пламенной, демонической любовью, огонь которой тогда еще не угасъ и—увы! долго, долго горѣлъ послѣ того какъ уничтожился самый предметъ ея; къ тому-же я зналъ, что не смотря на все легкомысліе, въ Элеонорѣ должно было сохраняться благородство, что только страшная безвыходность заставила ее покинуть въ Римѣ человѣка, за которымъ она послѣдовала изъ любви, а главное—что въ случаѣ если она еще жива, она должна быть безгранично несчастна.

Я пріѣхалъ въ Парижъ. Я очень хорошо зналъ городъ, потому что уже два раза посѣщалъ его въ обществѣ нѣсколькихъ тысячъ вооружонныхъ товарищей. Сверхъ того, художникъ снабдилъ меня рекомендательными письмами отъ себя и отъ знатныхъ французовъ и итальянцевъ, съ которыми случай сводилъ меня въ Неаполѣ. При первыхъ-же розыскахъ оказалась справедливость подозрѣній художника, что маркизъ соблазнившій Элеонору былъ просто шарлатанъ. Маркиза такого имени никогда не существовало, покрайней мѣрѣ въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Приходилось направить поиски въ менѣе аристократическіе кварталы.

Во всѣхъ этихъ скитальчествахъ меня постоянно сопровождалъ молодой французскій ученый, съ которымъ я былъ знакомъ еще прежде. Это былъ очень милый человѣкъ, искренно мнѣ преданный и во всю жизнь остававшійся моимъ другомъ. Я конечно не могъ не разсказать ему своей печальной исторіи; онъ былъ опытнѣе меня и въ жизни вообще, а въ особенности въ жизни парижскаго полусвѣта, такъ что ему первому пришла мысль поискать Элеонору въ Латинскомъ кварталѣ и въ другихъ небольшихъ предмѣстьяхъ. «Парижъ—такое мѣсто, говорилъ онъ, гдѣ люди и вещи не долго сохраняютъ свою цѣнность; здѣсь все съ неимовѣрною быстротою или возвышается или падаетъ. Впродолженіе года могли случиться многія печальныя метаморфозы въ бѣдной дѣвушкѣ. Если она не лишила себя жизни—что кажется весьма невѣроятно, потому что будь у ней сила умереть, она сдѣлала-бы это еще въ Римѣ,—то вѣроятно очень низко упала. Предупреждаю васъ: готовьтесь къ самому худшему.

Можешь представить, какъ обливалось кровью мое сердце при словахъ, справедливость которыхъ я не могъ не признать. Я чувствовалъ себя какъ человѣкъ, отыскивающій въ водѣ трупъ своего ребенка...

Однажды вечеромъ, когда мы безцѣльно бродили по оживленнымъ улицамъ, спутникъ мой удивилъ меня вопросомъ: имѣла-ли Элеонора способность къ танцамъ? На отвѣтъ, что она была превосходнѣйшая танцорка, онъ сказалъ, что намъ нужно было раньше это припомнить. «Странно, какъ это мнѣ давно не пришло въ голову!» Онъ такъ занялся своей новой мыслью, что даже не отвѣчалъ на мой вопросъ, что общаго имѣетъ способность къ танцамъ съ нашимъ дѣломъ? Онъ позвалъ фіакръ. Мы опять воротились въ городъ и вышли изъ экипажа. Стояли мы противъ одного изъ танцклассовъ, которые не менѣе посѣщались въ то время въ Парижѣ, хотя и не представляли теперешняго великолѣпія.—Посмотрите, не встрѣтите-ли здѣсь Элеоноры. — Мы обошли залу, но ея не было.—Ѣдемте дальше.—Мы поѣхали въ другое мѣсто, потомъ въ третье, четвертое и все напрасно. Я былъ такъ обезсиленъ зрѣлищемъ дикихъ сценъ, пылью и жа-

ромъ этихъ переполненныхъ залъ, напряженіемъ отыскать одну личность въ этой безпрестанно смѣсняющейся толпѣ, страхомъ найти то чего искалъ, что сталъ просить товарища отложить хоть до завтра безплодные поиски. — Еще въ одно только мѣсто, возразилъ онъ. Я откладывалъ его къ концу, потому что хотя вѣроятность найти ее тамъ и велика, но это будетъ ужасно. — Что вы хотите сказать? — Мѣста, которыя вы до сихъ поръ видѣли, отвѣчалъ французъ, все еще отличаются нѣкоторой благопристойностью, какъбы тамъ ни было. Публика въ нихъ черезъ чуръ легкомысленна, распущенна, вѣтрена, но не совершенно развращена. Это студенты съ своими «жонами,» прикащики съ своими гризетками, достаточные мастеровые, рѣшившіеся повеселиться съ своими возлюбленными. Общество-же, въ которое я теперь поведу васъ, гораздо изящнѣе, но за то далеко не такъ безвредно. Этотъ домъ посѣщается по преимуществу знатными развратниками, желающими вознаградить себя за скуку въ гостинныхъ, иностранцами пріѣзжающими сюда растрачивать здоровье и состояніе, и женское общество приспособлено къ этимъ цѣлямъ. Оно состоитъ изъ красивѣйшихъ, но за то и развратнѣйшихъ женщинъ, ловкихъ камелій, которыя сегодня ѣздятъ четверней, а завтра умираютъ въ больницѣ, въ особенности изъ иностранокъ: креолокъ, англичанокъ, итальянокъ, нѣмокъ,—и всѣ онѣ встрѣчаютъ здѣсь своихъ соотечественниковъ. Приготовьтесь бросить взглядъ— дай Богъ чтобы напрасный—на этотъ Пандемоніумъ.

Мы пріѣхали. Вошли по мраморной лѣстницѣ. Сердце мое страшно билось; я едва могъ держаться на ногахъ. Предчувствіе говорило мнѣ, что я приближаюсь къ концу своихъ поисковъ, что обезображенная голова трупа черезъ минуту вынырнетъ изъ мутной воды.

Мы вошли въ великолѣпно-освѣщонную залу. Изъ оркестра лилась вакхическая музыка и танцоры кружились въ вакхическомъ упоеніи. Блескъ свѣчей, оглушающіе звуки, толкотня, жаръ, наркотическое дѣйствіе экзотическихъ растеній, которыми убрана была зала, страшное волненіе,—все это принудило меня на минуту прислониться къ колоннѣ и закрыть глаза. Когда я стоялъ такимъ образомъ въ полу-

безпамятствѣ, мнѣ послышался голосъ, при первыхъ звукахъ котораго я вздрогнулъ, какъ отъ ужаленія змѣи. Ухо—надежный повѣренный; оно цѣлую жизнь не позабудетъ голоса, который былъ ему милъ и дорогъ когда-то; теперь оно не обмануло меня.

Очень близко ко мнѣ, такъ что я почти могъ бы коснуться ея рукою, стояла дѣвушка и вела оживленный разговоръ съ красивымъ, молодымъ мужчиной. Она была высока и стройна, съ большими темными глазами, сверкающими лихорадочнымъ блескомъ, съ лицомъ, можетъ быть слишкомъ носящимъ на себѣ слѣды жизни, но все еще прекраснымъ,—и эта дѣвушка была Элеонора.

Странно! при звукѣ ея голоса сердце мое сжалось какъ тогда, въ Фихтенау, ночью, передъ домомъ ректора, когда старуха крикнула мнѣ изъ окна, что Элеонора пропала. Но послѣ этого сжатія, оно совсѣмъ затихло. Слишкомъ туго натянутая струна порвалась, но не издала никакого звука,—ни печали, ни радости. Я могъ такъ же холодно разсматривать Элеонору, какъ если бы она была изображеніемъ на полотнѣ. Я слышалъ слова, которыя она говорила своему танцору, какъ безсознательно слышишь слова во время безпамятства—точно ихъ кто-то произносилъ на другомъ концѣ залы. Я изучалъ ее во всѣхъ подробностяхъ, даже въ одеждѣ, съ спокойнымъ вниманіемъ художника. Я замѣтилъ, что она нарумянена и что ея темныя брови и рѣсницы выведены еще темнѣе. Я замѣтилъ, что причесана она была такъ, какъ я самъ однажды причесалъ ее по образцу одной античной головы и какъ она причесывалась все время, пока я ее видѣлъ. Я все видѣлъ, все слышалъ и ничего не видалъ и не слыхалъ въ тоже время; у меня уже не было сознанія того, что я вижу и слышу.

Спутникъ мой, осматривавшій залу, подошолъ въ эту минуту ко мнѣ.—Я не могъ найти ни одной женщины, которая подходила бы подъ ваше описаніе, сказалъ онъ; слава Богу! мнѣ какъ-то свободнѣе дышется. Ни за что въ свѣтѣ не желалъ бы я найти здѣсь ту, которую мы ищемъ. Но, Боже мой! Что это съ вами? Вы смотрите мертвецомъ!

— Я нашолъ ее.

— Гдѣ.

— Тамъ.

Онъ взялъ стеклышко и съ напряжоннымъ вниманіемъ разсматривалъ нѣсколько секундъ Элеонору. Не подозрѣвая, кто стоитъ въ двухъ шагахъ отъ нея, она продолжала говорить и кокетничать съ своимъ кавалеромъ.

Французъ съ сострадательнымъ пожатіемъ плечъ опустилъ свое стеклышко. Лицо его стало очень серьёзно.

— Pauvre homme! прошепталъ онъ. Музыка раздалась съ новой силой; начиналась другая фигура; очередь дошла до Элеоноры.—Она очень усовершенствовалась въ танцовальномъ искусствѣ съ тѣхъ поръ какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ ее на балѣ въ Фихтенау. Да, могу сказать, что ни прежде, ни послѣ не случалось мнѣ видѣть бо́льшаго совершенства. Это была чарующая прелесть и вмѣстѣ страстность, которая встрѣчается развѣ только у испанской цыганки или египетской танцовщицы. Въ одно мгновеніе это было тихое томленіе любви, въ другое—каждый нервъ дрожалъ страстью, но и въ томъ и въ другомъ не нарушался чудный ритмъ взаимно прерывающихся, но все-таки безконечно гармоническихъ движеній. Этотъ танецъ былъ пѣснью — пѣснью любви, но не нѣмецкой, мечтательной, озаряемой луннымъ свѣтомъ, а чувственной, залитой солнечными лучами, наркотической, восточной любви. При этомъ лицо ея оставалось спокойно, ни одинъ мускулъ не двигался, не было ни малѣйшаго слѣда той противной, стереотипной улыбки, такъ употребительной у многихъ знаменитыхъ танцовщицъ. Только глаза горѣли безпокойнымъ огнемъ, съ каждымъ шагомъ вспыхивающимъ сильнѣе. Спокойствіе танцора, выдѣлывавшаго каждое па съ большой граціей, но съ аристократическимъ равнодушіемъ, казалось подстрекало страстную женщину, и она какъ-бы рѣшилась вывести его изъ апатіи. Можетъ быть это было дѣйствительно такъ, а можетъ быть только казалось,—во всякомъ случаѣ, танецъ получалъ черезъ это драматическое одушевленіе и представлялъ привлекательное зрѣлище для окружающей толпы.

— Ah, la belle Allemande! вскричалъ подлѣ меня какой-то энтузіастъ.

*

— Grands dieux, combien elle est jolie! bravo! bravo! и раздались неистовыя рукоплесканія. Bravo! bravo! Vive la reine Eléonore! Vive la belle Allemande!

Товарищъ мой схватилъ меня за руку и увлекъ дальше за колонну.—Пойдемте! говорилъ онъ—Куда?—Вонъ отсюда.—Ни за что!—Но вѣдь не можете же вы интересоваться теперь этой женщиной? Чего вы отъ нея хотите? Говорю вамъ, что она погибла, безвозвратно погибла!—Увидимъ! прошепталъ я. Французъ пожалъ плечами. Вы, нѣмцы,—престранная нація. По крайней мѣрѣ слушайтесь моего совѣта: не подавайте здѣсь повода къ сценѣ, которая навлечетъ вамъ полдюжины дуэлей. Ступайте къ ней завтра или когда хотите. Я сію минуту узнаю все, что вамъ нужно.

Я понялъ, что его совѣтъ благоразуменъ. Пока онъ пробирался сквозь толпу, я бросился на стулъ и закрылъ лицо руками. Прошло нѣсколько ужасныхъ минутъ. Въ виски стучало, всѣ члены подергивались, а внутри было спокойно, мертвенно спокойно и холодно. И въ эти-то минуты, Освальдъ, когда я, закрывши лицо руками, погруженъ былъ въ страшнѣйшія муки и сидѣлъ одиноко въ шумной толпѣ, между тѣмъ какъ мой идолъ, возлюбленная моей юности, женщина, которую я призывалъ какъ святую въ дни заточенія, танцовала въ двухъ шагахъ отъ меня подъ сладострастную музыку сладострастный танецъ Иродіады,—тутъ-то, Освальдъ, я навсегда простился съ счастьемъ и жизнію, тутъ разорвалась завѣса, скрывавшая отъ меня великую тайну, и я съ ужасомъ очутился на порогѣ, за который еще не смѣлъ переступить и переступилъ только по прошествіи многихъ, многихъ лѣтъ. Тогда я еще не выпилъ и половины чаши.

Танецъ кончился. Вокругъ меня замумѣли; смѣхъ, шутки; усаживались за столики прохладиться шампанскимъ; къ моему столу тоже подошла пара, вѣроятно ненашедшая другаго мѣста или не считавшая спящаго нескромнымъ слушателемъ.

— Et vous m'aimez vraiment, Eléonore? спрашивалъ мягкій мужской голосъ.

— Oui, Charles.

— De tout votre coeur?

— De tout mon coeur!

Я подумалъ: какое впечатлѣніе произведетъ на Элеонору, если я вдругъ открою свое блѣдное лицо и скажу ей: «тоже самое ты говорила и мнѣ нѣсколько лѣтъ назадъ въ лѣсу Фихтенау; но я удержался и продолжалъ прислушиваться къ разговору, продолжавшемуся нѣсколько минутъ въ томъ же родѣ. Наконецъ кавалеръ сказалъ:

— А когда я васъ увижу опять?

— Когда пожелаете.

— То есть?..

— То есть, я всегда дома для моихъ друзей.

— А гдѣ это «дома?»

— Boulevard des Capucines, numéro dix sept, спросите мадемуазель Элеонору.

— Или королеву Элеонору. Adieu, ma reine!

— Вы уже уѣзжаете?

— Къ сожалѣнію долженъ.

— Зачѣмъ?

— Моя невѣста ждетъ меня въ гостиной своей превосходной матушки и будетъ въ отчаяніи, если ея вѣрный селадонъ заставитъ ее долго томиться.

— У васъ есть невѣста? О, вы несчастный!

— Надѣюсь, ma reine, что вы поможете мнѣ перенести это несчастіе?

— Nous verrons.

И пара удалилась со смѣхомъ; шолковое платье Элеоноры коснулось меня, когда она проходила мимо.

Спутникъ мой подошолъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо руку.

— Я знаю все, сказалъ онъ.

— Я также все знаю, отвѣчалъ я поднимая голову.

— Какимъ образомъ?

— Она сама мнѣ сказала.

Французъ подумалъ, что я въ бреду.—Пойдемте, сказалъ онъ, жаръ слишкомъ утомилъ васъ.

Можешь себѣ представить, много ли я спалъ въ эту ночь. Я строилъ и разстраивалъ тысячу плановъ, какъ спасти

Элеонору изъ этого ада, потому что я былъ твердо убѣжденъ, что долженъ спасти ее.

Я всталъ по утру, не рѣшившись ни на что окончательно. За себя я уже не боялся; мое сердце уже не могло пострадать сильнѣе вчерашняго вечера. Я боялся за Элеонору, которую внезапная встрѣча могла слишкомъ взволновать, можетъ быть совершенно уничтожить.

Но и въ нѣсколько дней я не могъ придумать ничего лучшаго, какъ идти къ ней прямо. Пріятель мой только качалъ головою.—Но, mon cher, восклицалъ онъ по временамъ, вы еще любите эту дѣвушку!—Былъ ли онъ правъ? не знаю. Во всякомъ случаѣ, это была любовь особеннаго рода. Въ ней не было ни оскорбленной гордости, ни униженнаго самолюбія, не было даже опасенія сдѣлаться смѣшнымъ въ случаѣ неудачи предполагаемаго спасенія.

Надумавшись окончательно, я отправился по утру на бульваръ des Capucines. Портье улыбался, когда я спрашивалъ, здѣсь ли живетъ мадемуазель Элеонора.—Oui, monsieur, au troisième, отвѣчалъ онъ, но едва ли васъ примутъ, потому что мадемуазель воротилась домой очень недавно со вчерашняго вечера.

Я пошолъ по устланной ковромъ лѣстницѣ; въ третьемъ этажѣ, на фарфоровой дощечкѣ написано было: Mademoiselle Éléonore de Saint-Georges. Которое имя носитъ теперь эта несчастная, съ тѣхъ поръ какъ оставила честное имя своего отца?

Я позвонилъ. Мнѣ отворила отвратительная личность, полу-горничная, полу-камерфрау, казавшаяся еще хуже отъ изысканнаго наряда и аффектированной вѣжливости.

— Что вамъ угодно?

— Я желаю переговорить съ мадемуазель Элеонорой.

— Невозможно, отвѣчала она; я только что послала за докторомъ. И она хотѣла запереть дверь.

— Но, сударыня, вѣдь я докторъ.

— Ah, c'est autre chose; entrez, monsieur le docteur!

Она провела меня черезъ маленькую пріемную въ высокую, удивительно роскошно убранную комнату и попросила

подождать тутъ нѣсколько минутъ, пока доложитъ своей госпожѣ.

— Развѣ мадемуазель уже встала?

— Да, подождите немного.

Она исчезла за тяжолой портьерой.

Я остановился посреди комнаты и смотрѣлъ на окружающую меня роскошь, на огромные зеркала, на картины Ватто и Буше въ золотыхъ рамахъ, на китайскія украшенія на мраморномъ каминѣ, на вазы изъ великолѣпнѣйшаго форфора, на мягкіе диваны и кресла—съ тѣмъ же вниманіемъ, съ которымъ смотритъ хирургъ на дорогую манжетку той руки, которую ему сейчасъ придется отнимать. Вѣдь и я пришолъ сюда только какъ докторъ! И только какъ докторъ имѣю право быть здѣсь!

Камеристка опять явилась и попросила меня идти за собою. Она придержала портьеру, чтобы пропустить меня. Я вошолъ въ полу-темную комнату, устланную мягкими коврами и обитую малиновымъ бархатомъ; это была спальня хозяйки. Поднялась еще портьера, и я очутился въ свѣтлой, красивой комнатѣ. Убранства этой комнаты я не замѣтилъ; я видѣлъ только стройную, бѣлую фигуру, которая встала съ дивана при моемъ появленіи. И эта стройная, бѣлая фигура, съ блѣднымъ, поношеннымъ, но красивымъ лицомъ, съ глазами пронизывавшими меня какимъ-то почти сверхъестественнымъ блескомъ, — это прелестное, физически и нравственно надломленное, погибшее существо, — была моя обожаемая, когда-то чистая какъ лилія Элеонора.

— Я пригласила васъ, докторъ, начала она тикимъ голосомъ...

Тутъ она пристальнѣе вглядѣлась въ мое лицо и умолкла; глаза ея страшно расширились; съ раздирающимъ крикомъ она упала на коверъ, такъ что ни я, ни горничная не успѣли поддержать ее.

Мы снесли ее на диванъ. Она была холодна и блѣдна какъ мертвецъ; я было думалъ, что ужасъ порвалъ послѣднюю тонкую нить ея ненадежнаго существованія. Я привѣтствовалъ бы эту смерть какъ избавленіе изъ ада, какъ небесную милость. Скоро однакожъ появились опять признаки

жизни. Я имѣлъ достаточно медицинскихъ свѣдѣній, чтобы распорядиться въ настоящемъ случаѣ. Между прочимъ я спросилъ камеристку, часто ли бываютъ такіе припадки съ Элеонорой и каково вообще состояніе ея здоровья. Въ присутствіи доктора, эта женщина сочла нужнымъ сбросить личину честности:—Она уже съ полгода въ услуженіи у мадемуазель, и съ этого времени здоровье мадемуазель разрушается быстро. Но вѣдь за то мадемуазель и ведетъ ужасную жизнь. Каждую ночь, до трехъ или четырехъ часовъ утра танцы да шампанское; этого вѣдь никто не выдержитъ, въ особенности такое отъ природы нѣжное существо! — Она будто-бы умоляла мадемуазель прекратить эту жизнь, но всякій разъ получала въ отвѣтъ: «чѣмъ скорѣе конецъ, тѣмъ лучше!» — А вѣдь эдакъ долго ли до конца, завыла эта женщина, и я лишусь моей бѣдной госпожи, которую люблю какъ родное дитя, хотя она и живетъ не такъ какъ бы я желала!

Больная начала шевелиться. Я послалъ горничную за спиртомъ въ аптеку, чтобъ остаться наединѣ съ Элеонорой, когда она придетъ въ чувство. Едва успѣла выйти старая лицемѣрка, какъ Элеонора открыла глаза и стала смотрѣть на меня испуганнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ. Я замѣтилъ, что ужасъ, возбуждаемый моимъ присутствіемъ, возрасталъ по мѣрѣ возвращенія сознанія и что больной угрожаетъ вторичный обморокъ. Эта смертельная боязнь человѣка, котораго бывало она встрѣчала съ распростертыми объятіями, поразила меня всего больнѣе и растрогала до слезъ. Я не чувствовалъ въ душѣ ни малѣйшаго слѣда ненависти, гнѣва, даже презрѣнія—нѣтъ, одно состраданіе, безграничное, невыразимое состраданіе. Не знаю, что я говорилъ, но вѣроятно это были кроткія слова любви и прощенія, потому что искаженныя страхомъ черты мало по малу смягчились, расширившіеся глаза покраснѣли, и она разразилась страшнымъ рыданіемъ, спрятавъ голову на моей груди. Это былъ страшный плачь; какъ будто разомъ прорвались всѣ слезы, скрываемыя весь этотъ годъ подъ смѣхомъ и шутками; рыданія такія, точно сердце пополамъ рвется; крикъ, точно всю ея внутренность переворачиваютъ обоюдоострымъ кинжаломъ.—Никогда, ни прежде ни послѣ не видалъ я та-

кого страшнаго раскаянія согрѣшившей, но благородной отъ природы души.

Роли наши перемѣшались самымъ страннымъ образомъ. Оскорбленною казалась она, а оскорбителемъ я; я истощилъ всѣ мольбы, чтобы пролить цѣлительный бальзамъ на ея горе. Мало по малу мнѣ удалось нѣсколько успокоить ее. Она тихонько плакала, поддерживая голову одной рукою, между тѣмъ какъ другую держалъ я... какъ бѣлы и прозрачны сдѣлались ея пальцы!—я говорилъ, какъ говорилъ бы братъ въ подобномъ случаѣ. Я просилъ ее считать меня своимъ братомъ, довѣриться мнѣ какъ лучшему и можетъ быть единственному другу. Я умолялъ ее всѣмъ святымъ, памятью ея умершихъ родителей, выйти изъ этого водоворота, который рано или поздно поглотитъ ее совершенно, и ѣхать со мною, куда бы то ни было, въ пустыню, если она пожелаетъ, на конецъ свѣта, лишь бы дальше, дальше отсюда, изъ этой блестящей грязи...

— Поздно! поздно! повторяла Элеонора; ты добръ, безконечно добръ, я знаю это; но поздно! поздно!

Не знаю, сколько времени еще протянулась бы эта борьба, если бы совершенно особенный случай быстро не повернулъ ея въ мою сторону.

Стоя на колѣняхъ подлѣ Элеоноры, я вдругъ услышалъ: «Mais vraiment c'est superbe!» Я вскочилъ. Передо мною стоялъ изящно одѣтый молодой человѣкъ, нахально оглядывавшій меня съ головы до ногъ въ стеклышко. «Superbe!» повторилъ онъ. Поздравляю васъ съ новой побѣдой, мадемуазель!

Этотъ молодой человѣкъ былъ одинъ изъ множества любовниковъ Элеоноры, которому неимовѣрная щедрость давала право считать себя единственнымъ. Онъ зналъ, что Элеонора далеко не безукоризненна относительно вѣрности, и ни мало не заботился объ этомъ, но не любилъ встрѣчать соперниковъ въ квартирѣ убранной имъ самимъ съ королевской роскошью для своей метрессы.

— Я попрошу васъ объяснить мнѣ эту сцену, мадемуазель; сказалъ онъ, обращаясь отъ меня къ Элеонорѣ, тономъ такого презрѣнія, что у меня вся кровь закипѣла.

Я готовъ былъ уже отвѣтить ему какъ слѣдуетъ, но Элеонора предупредила меня. Она тотчасъ вскочила какъ только увидѣла вошедшаго и встала между имъ и мною.

— Этотъ господинъ, сказала она, указывая на меня, имѣетъ полное право быть здѣсь.

— Какимъ это образомъ?

— Потому, что имѣлъ несчастіе любить меня.

— Мадемуазель, отвѣчалъ денди съ иронической улыбкой, это несчастіе раздѣляютъ съ нимъ очень многіе.

— Милостивый государь, вмѣшался я, каковы бы не были ваши притязанія на эту женщину, *мои* права на нее начались гораздо раньше, и я не потерплю, чтобы вы оскорбляли въ моемъ присутствіи дѣвушку, съ которой я былъ когда-то обрученъ.

— А! сказалъ молодой человѣкъ, вы были обручены съ этой дѣвицей? Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, отчего бы вамъ не жениться. А мнѣ—и тутъ онъ обвелъ глазами комнату—выпадаетъ глупая роль доставить ей приданое. Не дурно выдумано, право!

— Остановитесь, милостивый государь! вскричала Элеонора, выпрямляясь во весь ростъ; довольно! Вы считаете себя въ правѣ оскорблять меня, потому что я принимала отъ васъ подарки. Вотъ, берите назадъ все, что вы мнѣ давали. Вотъ! вотъ! вотъ! и она съ лихорадочной торопливостью начала срывать съ себя золотые браслеты и другія украшенія и бросать ихъ къ ногамъ молодого человѣка.

Все это такъ не походило на притворство, что поразило даже денди:—«Прекратите пожалуйста эту сцену! пробормоталъ онъ. Мы поговоримъ послѣ; вотъ моя карточка, милостивый государь! И онъ поспѣшилъ выйти.

— Пойдемъ! пойдемъ! вскричала Элеонора. Ни одной минуты больше въ этомъ проклятомъ домѣ; лучше ужъ на днѣ Сены!

Я ухватился за эти слова. Я попросилъ ее одѣться, пока буду писать маркизу де Сент-Онжъ (такъ звали любовника Элеоноры), что она возвращаетъ ему квартиру и все, что онъ когда-либо дарилъ ей. Мы вышли, отдали ключи приврат-

нику и тотчасъ же отправили съ комиссіонеромъ письмо для немедленной доставки по адресу.

Нѣсколько часовъ спустя, я устроилъ свои дѣла, простился съ товарищемъ французомъ, и мы оставили городъ.

Пока намъ нельзя было далеко уѣхать. Чрезъ нѣсколько станцій отъ парижа Элеонера захворала, и мы должны были остановиться въ маленькомъ городкѣ. Призванный докторъ, къ счастію свѣдущій человѣкъ, объявилъ, что у моей сестры (такъ вездѣ называлъ я Элеонору) всѣ признаки воспаленія мозга. Предсказаніе его оправдалось, и болѣзнь обнаружилась на слѣдующія-же сутки. Пока несчастная бредила оргіями jardin des Lilas и тѣнистыми лѣсами своей родины, Маркизомъ де Сент-Онжъ, рзными парижскими знакомыми и мною, который представлялся ей то геніемъ избавителемъ, то ангеломъ мести, я имѣлъ достаточно времени для раздумья, сидя у ея кровати. При упорномъ отыскиваніи слѣдовъ Элеоноры, мною руководило скорѣй слѣпое побужденіе, нежели сознательное чувство, и я всего менѣе думалъ о томъ странномъ положеніи, въ которое теперь былъ поставленъ. Во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію то, что я никогда не покину Элеоноры, если она оправится отъ болѣзни.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени показались благопріятные симптомы, и наконецъ докторъ объявилъ мнѣ, что кризисъ миновался и Элеонора ужъ внѣ опасности. Впрочемъ, сказалъ онъ съ серьезнымъ видомъ, я обязанъ предупредить васъ, что по моимъ предположеніямъ сестрѣ вашей не долго остается жить. Я замѣтилъ страданіе легкихъ, которое уже значительно усилилось. Мнѣ неизвѣстны ваши обстоятельства, и я не знаю, позволятъ-ли они вамъ слѣдовать моему совѣту, но скажу вамъ на случай: везите сестру въ южный климатъ, въ Италію, даже если можно въ Египетъ. Суровый климатъ въ самое короткое время убьетъ мадемаузель Элеонору.

Я рѣшился немедлено. Въ Германіи мнѣ нечего было дѣлать, такъ какъ по случаю тюремнаго заключенія, я впродолженіи пяти лѣтъ не имѣлъ права приступать къ своимъ учительскимъ занятіямъ. Состояніе мое приняло самые умѣ-

ренные размѣры вслѣдствіе моихъ безпрерывныхъ разъѣздовъ, и совершенно все равно было прожить этотъ остатокъ въ Италіи или въ другомъ мѣстѣ. Ктомуже, заграницей можно было еще усовершенствоваться въ изученіи языковъ и наконецъ—выбирать было невозможно. Я скорѣе готовъ былъ претерпѣть всѣ несчастія, чѣмъ лишить Элеонору возможности дожить спокойно. Чрезъ нѣсколько дней мы уѣхали въ Италію.

Я поселился въ двухъ миляхъ отъ Генуи, на самомъ берегу великолѣпнѣйшаго моря. По счастію, мнѣ удалось получить уроки у одного богатаго Англичанина; это доставляло мнѣ средства къ существованію. Не такъ легко было устроить спокойствіе Элеоноры.

Бѣгство ея изъ Парижа было слѣдствіемъ мгновенной вспышки; послѣдовавшая за этимъ болѣзнь до того ослабила ея волю, что она какъ-бы безсознательно поддавалась всѣмъ моимъ распоряженіямъ и только теперь настоящимъ образомъ поняла свое положеніе. Я не подумалъ прежде и почувствавалъ только теперь, глядя на поведеніе Элеоноры, что зависимость отъ человѣка, которому она такъ ужасно измѣнила, постоянныя встрѣчи съ личностью, отъ которой ей бы хотѣлось скорѣе провалиться сквозь землю,—самое тяжкое наказаніе для души, въ которой не угасла еще послѣдняя искра чести. Элеонора даже высказала мнѣ это, но тотчасъ же прибавила: искупленіе это жестоко, но справедливо; я заслужила его и не должна уклоняться; только такимъ путемъ можно дойти до сознанія, какъ много я передъ тобою виновата.

Между тѣмъ какъ она находила такимъ образомъ въ мученіяхъ раскаянія нѣкоторое успокоеніе совѣсти, мнѣ оставалось единственное утѣшеніе въ моемъ невыразимомъ горѣ: поступать относительно Элеоноры такъ, какъ предписываетъ совѣсть. Я до конца, по каплѣ пилъ горкую чашу страданій. Вотъ оно, исполненіе тѣхъ золотыхъ мечтаній, которыми я убаюкивалъ себя въ Фихтенау и даже въ безсонныя ночи Магдебургскаго заключенія! Это блѣдное, безсильное существо, которое съ поникшей головой входитъ со мною на высокій берегъ взглянуть на послѣдніе вечерніе лучи солнца, у постели кото-

раго я провожу всѣ дни, когда болѣзнь удерживаетъ ее дома и я силюсь пролить бальзамъ утѣшенія въ ея разбитое серрце, я, который самъ такъ въ немъ нуждаюсь,—это существо я избралъ когда-то своей женою, обожалъ въ ней будущую мать моихъ дѣтей! О, Освальдъ, Освальдъ! самый фанатическій оптимистъ содрогнулся-бы въ этомъ случаѣ; самая вѣрующая душа пришла-бы къ убѣжденію: не правъ-ли былъ старый Вольтеръ, когда называлъ жизнь плохою шуткою!

А все-же хорошо, что я и это пережилъ; это была горькая микстура, но она существенно помогла мнѣ излечиться отъ болѣзни, которую другіе называютъ любовью къ жизни.

Какъ пристыдила меня Элеонора смиреніемъ, терпѣніемъ, съ которымъ переносила свои страданія. По мѣрѣ того какъ болѣзнь уничтожала ея тѣлесную оболочку, открывалась первоначальная красота ея души. Она жила публичной женщиной, а умерла въ состояніи полнаго раскаянія.

Это было вечеромъ. Я перенесъ на рукахъ больную изъ рыбацкой хижины, въ которой мы жили, на самый край чернаго базальтоваго утеса. Въ этотъ день она была особенно тревожна и просила свѣта и воздуха; я устроилъ ей сидѣнье изъ подушекъ. Солнце блистательно уходило въ море. Вѣтерокъ чуть шевелилъ гладкую поверхность воды, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражались смарагдовые и золотистые цвѣта облаковъ. На блѣдное лицо больной также упалъ этотъ волшебный свѣтъ—розовая ложь, при помощи которой солнце и жизнь насмѣхаются надъ ночью и смертью....

Въ этотъ часъ Эленора простилась съ солнцемъ и жизнію. Она сказала мнѣ, что всегда любила меня, даже въ ту минуту, когда суетность и чувственность ослѣпляли ее; что съ этой минуты вся ея жизнь была мучительнымъ стараніемъ закружиться. Она не желала выздоровѣть, даже въ томъ случаѣ, еслибы была возможность возвратить мою любовь. Она считала себя недостойной быть даже моей рабой, нетолько супругой. Она пугалась этой мысли.—О! никогда, никогда болѣе! сказала она, и изъ ея большихъ темныхъ глазъ блеснулъ небесный огонь. «Никогда на этой землѣ, гдѣ я такъ страшно измѣнила тебѣ! Но когда уничтожится это осквернённое тѣло, когда душа освободится отъ оковъ, я

буду носиться вокругъ тебя, буду ждать тебя, и когда ты придешь, души наши сольются въ поцѣлуй, и по этому поцѣлую я узнаю, что все искуплено, прощено и забыто.

Я увѣрялъ, что давно простилъ ей все, что люблю ее болѣе чистой и святой любовью, чѣмъ въ дни нашего счастія.

Я со слезами поцѣловалъ ея бѣлыя руки и блѣдныя уста.

— Это день нашей свадьбы! прошептала она. «Бѣдный, бѣдный человѣкъ»! и она упала на подушки.

Я понесъ ее совсѣмъ измученную въ постель.

Это было въ послѣдній разъ.

Въ эту ночь умерла Элеонора. —

Бергеръ всталъ, Освальдъ послѣдовалъ его примѣру. Оба они были такъ поглощены,—одинъ воспоминаніями, ясно воскресшими при помощи его могущественной фантазіи; другой тѣмъ, что сейчасъ услышалъ,—что почти вовсе не обращали вниманія на дорогу.

Такъ вышли они изъ за деревьевъ на обнаженную вершину горы, самой высокой изъ всѣхъ горъ, окружающихъ Фихтенау.

Солнце уже зашло, но западъ горѣлъ еще вечернимъ пламенемъ, слабый отблескъ котораго окрашивалъ легко-розовымъ цвѣтомъ даже восточную сторону горизонта. Тамъ и сямъ высокія группы горъ, облитыя пурпуровымъ свѣтомъ, смотрѣли вслѣдъ удаляющемуся дню, между тѣмъ какъ долины одѣлись уже сѣрыми тѣнями. Ели, верхушки которыхъ приходились въ ногахъ у нашихъ путниковъ, стояли безмолвно и тихо, какъ чего-то ожидающая толпа.

Бергеръ смотрѣлъ, опершись на свой посохъ, какъ ежеминутно блѣднѣли и исчезали цвѣта вечерней зари.

Глаза Освальда слѣдили за выраженіемъ его лица, которое,—вслѣдствіе-ли особеннаго освѣщенія, или какого нибудь внутренняго процесса, — съ каждой минутой становились осмысленнѣе. Вдругъ Бергеръ выронилъ палку, простеръ руки какъ-бы для молитвы и заговорилъ: «привѣтъ тебѣ, о ночь предвѣчная и всесильная! изъ твоихъ нѣдръ выбываются въ дикомъ стремленіи къ жизни существа, для того чтобы послѣ долгаго блужданія, со смиреніемъ и раская-

ніемъ навсегда успокоиться на твоей вѣрной, материнской груди. Привѣтъ тебѣ, даже въ этомъ слабомъ земномъ твоемъ подобіи! О ты, глубочайшій родникъ забвенія, благословенная колыбель невозмутимаго покоя! какъ стремлюсь я къ тебѣ всѣмъ сердцемъ! О, возьми отъ меня эту напрасную муку жизни, избавь меня отъ ежедневной печали—раскрывать эти глаза на свѣтъ, который имъ такъ ненавистенъ; возьми этотъ земной остатокъ, который тяготѣетъ на мнѣ и становится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше уменьшается въ объемѣ.

«О! уничтожь, уничтожь его поскорѣе! Я знаю, что могъ-бы прійти къ тебѣ, если-бы сдѣлалъ еще одинъ шагъ къ краю утеса, но хотя отъ паденія и раздробились-бы мои кости, душа все-таки не нашла-бы покоя, потому что въ жизненной чашѣ осталось еще нѣсколько капель... какъ знать, можетъ быть самыхъ горчайшихъ. Нѣтъ! нѣтъ! отойди отъ меня, сатана, не соблазняй этой пропастью. Въ этой безднѣ не смерть, а жизнь со всѣмъ ея великолѣпіемъ. Я помню старую исторію: ты также соблазнялъ и Назаретскаго Учителя народовъ! Но онъ устоялъ противъ твоихъ искушеній—предпочолъ переносить голодъ и жажду, не знать гдѣ преклонить главу, чтобы холоднымъ пóтомъ смыть съ себя на горѣ Элеонской послѣднюю земную примѣсь и обновленнымъ еще при жизни принять на Голгоѳѣ смерть среди разбойниковъ!

«О, если-бы я могъ идти въ пустыни, проповѣдывать святое слово, освобождающее насъ навсегда, слово, которое опять приводитъ насъ къ доброй, кроткой, возлюбленной матери—Ночи, которую мы покинули, чтобы переносить въ солнечномъ зноѣ жизни адскія мученія, съ бьющимися висками и пересохшимъ языкомъ! Прости имъ, мать, они не знаютъ, что творятъ; они охотно пришли-бы къ тебѣ, еслибы имѣли уши, чтобы слышать твой нѣжный голосъ, чтобы видѣть твою кроткую красоту. Я вижу твой божественный ликъ; онъ, улыбаясь, сулитъ мнѣ утѣшеніе и надежду; я слышу твой голосъ, онъ шепчетъ: «подожди, подожди еще немного, и ты найдешь вѣчный покой въ моихъ вѣрныхъ объятіяхъ!»

Розовый отблескъ исчезъ съ неба, сѣроватая тьма рас-

пространилась въ долинахъ, въ вершинахъ елей зашепталъ и засвисталъ ночной вѣтеръ....

Освальда охватилъ ужасъ. Ему казалось, что мистическая ночь, къ которой Бергеръ обращался съ своей молитвой, уже вѣяла на него могильнымъ дыханіемъ, а солнце скрылось, чтобы никогда болѣе не показываться. Но въ этомъ ужасѣ была и своя доля наслажденія. Мысли о смерти, вызванныя въ немъ экзальтированными словами Бергера, какъ-то наркотически проникли въ его сердце вмѣстѣ съ запахомъ степной травы и елей.

Онъ думалъ о Еленѣ и Мелитѣ, но уже не съ тѣмъ мучительнымъ безпокойствомъ, какъ сегодня поутру, а съ тихой грустью, какъ о дорогихъ мертвецахъ; онъ думалъ о превратностяхъ и заблужденіяхъ своей жизни въ Гренвицѣ, но онѣ являлись ему игрою тѣней на стѣнѣ; онъ думалъ и о будущемъ, но оно не внушало ему ни страха, ни надежды— все его существо точно сосредоточилось въ самомъ себѣ; точно другіе люди не заслуживали ни любви, ни ненависти.....

Такъ сидѣлъ онъ, опустивъ голову на руку, на краю скалы, и смотрѣлъ на тьму, все дальше и дальше распускающую свои темныя крылья по небу.

Вдругъ Бергеръ положилъ ему на плечо руку. «Пойдемъ, вернемся къ мертвецамъ!» сказалъ онъ.

Они сошли внизъ и окунулись въ ночную сырость лѣса. Бергеръ по видимому зналъ каждую тропинку и каждый камень въ горахъ. Онъ такъ смѣло шолъ впередъ, ощупывая иногда мѣсто своей неизысканной тростью, что Освальду было трудно слѣдовать за нимъ, хотя и онъ былъ хорошій ходокъ.

Такъ дошли они до луга въ самой срединѣ лѣса. Когда они проходили, на другой сторонѣ показался какой-то свѣтъ. Это было пламя только что разведеннаго костра. Въ свѣтломъ кругу отъ пламени двигались двѣ фигуры, по видимому женщина и ребенокъ.

Проницательный взглядъ Освальда подтвердилъ предчувствіе, невольно возникшее въ его душѣ.

Это были Зиновія и Эцика.

Освальдъ поспѣшилъ со всевозможной скоростью черезъ

лугъ къ костру; но едва дошолъ до половины пути, какъ почти поколѣно увязъ въ болотѣ. Видя, что не дойдетъ до мѣста, онъ крикнулъ изо всей силы: «Зиновія! Эцика! Это я! Освальдъ.»

Но едва голосъ его промчался въ ночной тишинѣ, какъ пламя потухло и съ нимъ исчезли фигуры цыганокъ.

Все было тихо, мертвенно тихо. Освальдъ могъ-бы подумать, что съ нимъ съиграла шутку его возбужденная фантазія.

— Что это было съ тобой? спросилъ его Бергеръ, когда онъ воротился къ нему.

— Развѣ вы не видали огня? — Это былъ блудящій огонь на болотѣ, отвѣчалъ Бергеръ. Пойдемъ дальше!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ночь уже совсѣмъ наступила, когда наши путешественники выбрались изъ горъ и дошли до первыхъ городскихъ домиковъ. Освальдъ, чужой въ этой сторонѣ и вообще не отличавшійся чутьемъ мѣстности, разумѣется вполнѣ положился на то, что Бергеръ проведетъ его ближайшимъ путемъ въ заведеніе доктора Биркенхейна. Онъ нѣсколько удивился, когда они очутились на противоположномъ концѣ городка. Передъ ними стояли нагружонные воза; въ растворенныя ворота виднѣлся дворъ; передъ входной дверью горѣлъ фонарь и меланхолически освѣщалъ часть большого жестянаго колпака, въ дни своего величія отличавшагося зеленымъ цвѣтомъ, но съ тѣхъ поръ потерпѣвшаго не одну бурю и утратившаго цвѣтъ юности. Изъ низенькихъ, скудно освѣщенныхъ оконъ раздавался стукъ стакановъ и говоръ нѣсколькихъ десятковъ не слишкомъ нѣжныхъ мужскихъ голосовъ.

Даже и безъ такого множества доказательствъ Освальдъ могъ-бы припомнить, что находится опять предъ гостепріимной кровлей Зеленаго Колпака.

Совершенно неожиданное явленіе цыганокъ въ лѣсу разумѣется оживило въ его памяти все событіе, которое онъ было позабылъ при встрѣчѣ съ Бергеромъ.

Онъ охотно разсказалъ-бы все дѣло Бергеру, такъ часто отличавшемуся прежде искуствомъ разъяснять запутанныя обстоятельства и загадочные характеры, но посовѣстился занимать умъ, погружонной въ сокровенныя глубины мистицизма, такими исторіями, въ которыхъ главная роль принадлежитъ директору Шменкелю.

Какого-же было его удивленіе, когда подойдя къ двери Зеленаго Колпака, Бергеръ остановился и сказалъ:

— Я чувствую жажду, зайдемъ сюда на минуту.

— Сюда? спросилъ Освальдъ, котораго испугала мысль ввести въ это дикое общество человѣка съ такими тонкими чувствами, что запахъ табаку былъ для него невыносимъ. —Здѣсь не совсѣмъ-то избранная компанія!

— Что за дѣло! возразилъ Бергеръ; вѣдь и они тоже люди!

Съ этими словами онъ вошолъ въ растворенную дверь, въ тѣ сѣни, гдѣ вчера происходила битва между поклонниками искусства и ихъ противниками, а оттуда въ общую комнату.

Комната представляла почти тотъ–же видъ, что и вчера передъ дракою и послѣ драки, съ той только разницей, что гости уже не такъ толпились у той части стола, гдѣ сидѣли артисты. Слава художниковъ быстро блѣднѣетъ въ глазахъ тѣхъ, которые сегодня еще чувствуютъ ушибы, полученные вчера въ борьбѣ за эту славу, и дотого прозаичны, что совершенно помнятъ число стакановъ, выпитыхъ на ихъ счотъ артистами. — Итакъ, многіе, едва узнававшіе вчера своихъ старыхъ друзей въ синихъ блузахъ, опять присоединились сегодня къ этимъ добрымъ людямъ, предоставляя другимъ удовольствіе выслушивать длинныя исторіи директора Шменкеля и платить по его длиннымъ счотамъ.

Шменкель былъ слишкомъ философъ, чтобы обижаться холодностью своихъ вчерашнихъ друзей и терять отъ этого хорошее расположеніе духа. Развѣнчанный король все еще остается королемъ, и Шменкель былъ сегодня директо-

ромъ отъ головы до пятокъ, не смотря на значительное уменьшеніе своихъ поклонниковъ. Его жирное лицо сіяло и сегодня такимъ-же красноватымъ блескомъ, даже было еще краснѣе, такъ какъ природный цвѣтъ лица естественнымъ образомъ возвышался кусочками чернаго пластыря, слѣдствіемъ вчерашней стычки съ мадемуазель Аделью. Его узенькіе глазки сверкали нынѣче также хитро, бѣлье получило еще новый слой грязи, но помочи не укоротились ни на одну линію и не утратили ни одной изъ вязаныхъ розетокъ.

Настроеніе духа обладателя этихъ розетокъ было также самое розовое.

— Какъ вы находите это пиво, Котерби? спросилъ онъ, опуская свой плотный кулакъ на плечо героя пирамидъ.

— Кисло! лаконически отвѣчалъ Котерби, которому сегодня гораздо меньше аплодировали, такъ какъ геній не освящалъ своимъ появленіемъ его восхожденія по канату.

— Ба! сказалъ Шменкель.—Вы избалованы, Котерби. Конечно, оно не такъ хорошо какъ то, которое мы съ вами пили въ Египтѣ; но все-же и это не дурно, очень не дурно. Ваше здоровье, господа!

Директоръ поднесъ стаканъ ко рту, но сдѣлалъ весьма умѣреиный глотокъ, что могло служить подтвержденіемъ кислоты пива, на которую указалъ легкокрылый голубь (пиво, за которое платили уже не почитатели искусства).

Въ эту минуту вошли Бергеръ и Освальдъ и подошли къ столу артистовъ, такъ какъ за нимъ оставалось всего болѣе незанятыхъ мѣстъ.

Едва зоркій глазъ Шменкеля завидѣлъ вчерашняго помѣшаннаго графа и съ нимъ странно одѣтаго сѣдобородаго старика (очевидно графъ подцѣпилъ его послѣ неудачной погони за цыганами), какъ онъ всталъ съ мѣста, низко поклонился Освальду и сказалъ съ намѣреніемъ такъ громко, чтобы всѣ слышали.

— Ахъ, ваше свѣтлость, какъ хорошо, что вы вздумали посѣтить бѣднаго артиста въ его скромномъ пристанищѣ! Садитесь сюда, подлѣ директора Шменкеля! Подвиньтесь, Котерби! Вотъ такъ! Вотъ мѣсто, господа! Весьма радъ познакомиться съ вами, старичина! — Пива для этихъ господъ!

также и для директора Шменкеля! Пейте и вы также, Котерби! Ну, на четверыхъ!—Кто бы подумалъ, что мы проведемъ сегодняшній вечеръ въ такомъ высокопочтенномъ обществѣ?—И Шменкель радостно потиралъ руки, пока Освальдъ и Бергеръ усаживались на предложенныя имъ мѣста.

— Ну, вотъ и пиво—прямо изъ бочки, мой ангелочекъ? ну, тѣмъ лучше! Вотъ, господа! Ваше здоровье, графъ и ваше также, старинушка! Ахъ! въ первый разъ пью сегодня съ такимъ удовольствіемъ. Удивительно! дурное общество портитъ хорошее пиво, а хорошее общество исправляетъ дурное пиво. Я люблю общество, графъ, и вижу, что вы сами того-же мнѣнія; не удостоите-ли вы познакомить меня съ этимъ старымъ господиномъ. Директоръ Шменкель всегда любитъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Освальдъ взглянулъ на Бергера, желая видѣть, какое впечатлѣніе производитъ на него эта обстановка и это общество, и сообразно съ этимъ отрекомендовать его Шменкелю. Къ удивленію, Бергеръ съ замѣтнымъ интересомъ слушалъ болтовню директора акробатовъ. Онъ повѣсилъ свою шляпу на стулъ, поставилъ палку и облокотился на столъ, какъ человѣкъ, не собирающійся скоро встать съ мѣста.

— Мое имя Бергеръ, отвѣчалъ онъ на вопросъ Шменкеля.

— Профессоръ Бергеръ, прибавилъ Освальдъ, желая произвесть впечатлѣніе на директора этимъ титуломъ и удержать въ границахъ его навязчивость.

— Профессоръ? повторилъ Шменкель, оглядывая синюю блузу и всклокоченную бороду Бергера. Хи! хи! хи! Очень хорошо! Позвольте познакомить васъ съ моимъ другомъ Котерби. Джонъ Котерби изъ Египта, по прозванію Легкокрылый Голубь, господинъ Бергеръ, по прозванію Профессоръ. Хи! хи! хи! ха! ха!

— Не уйти-ли намъ? спросилъ Освальдъ, котораго очень смущало обращеніе Шменкеля.

— Я желалъ-бы остаться еще на нѣкоторое время, отвѣчалъ Бергеръ.

— Руку, старина! сказалъ Шменкель, крѣпко пожимая худую, слабую руку Бергера. Вы мнѣ ужасно понравились.

Когда ваша шляпа совсѣмъ откажется, а блуза не станетъ держаться на плечахъ, приходите ко мнѣ. Директоръ Шменкель сочтетъ за честь принять васъ въ члены своего общества. Одна ваша борода уже составитъ украшеніе труппы. Вы будете производить фуроръ въ пантоминѣ. — Какъ вамъ понравилось наше сегодняшнее представленіе, графъ?

— Къ сожалѣнію, я не могъ на немъ присутствовать, отвѣчалъ Освальдъ, рѣшившійся продолжать разговоръ при видѣ улыбки на блѣдныхъ губахъ Бергера.

— О, вы очень много потеряли! сказалъ директоръ тономъ глубокаго соболѣзнованія, покачивая своей огромной головою. Это представленіе было едва-ли не блистательнѣе всѣхъ прочихъ. Директоръ Шменкель доказалъ, что временное отсутствіе нѣкоторыхъ членовъ не причинило ущерба всему обществу. Я не хочу говорить о себѣ, хотя еще никто на свѣтѣ не дошолъ до такого совершенства въ Шменкелевой-игрѣ тремя восьмидесяти фунтовыми ядрами, и мое fontaine d'argent, десятью серебрянными шарами, не нашло еще подражателей. Но, господа, если-бы вы видѣли сегодня Котерби на канатѣ!—А Штольценбергъ съ своей гигантской бочкой!—Покажитесь, Штольценбергъ! Такой артистъ какъ вы не долженъ быть такъ скроменъ, и лишняя кружка пива не раззоритъ его сіятельство, какъ нѣкоторыхъ другихъ. А еще Пьеро — подите сюда Пьеро — артисты должны быть вмѣстѣ.—Но... что это? у профессора уже опустѣлъ стаканъ, да и у меня также; вѣрно это бестія Штольценбергъ съумѣлъ выпить его у меня подъ носомъ. Пейте ужъ и вы, Пьеро; не заставляйте ходить два раза эту хорошенькую дѣвушку. Ну вотъ, моя радость, пять кружекъ, но самаго свѣжаго пива, мой ангелъ, такого-же свѣжаго, какъ розы на вашихъ щочкахъ. А вы тоже любите хорошенькихъ женщинъ, графъ? Такихъ красивыхъ дѣвочекъ съ темными глазами, чорными локонами и стройнымъ тѣломъ, какъ Эцика? А? Пусть ее подростетъ еще годика два; тогда-то вы на нее полюбуетесь!

— А не имѣете вы никакихъ извѣстій о матери и дочери? спросилъ Освальдъ.

Шменкель, не имѣвшій понятія о томъ, куда дѣвалась

цыганка, сообразилъ, что не худо поддержать надежду на ихъ скорое возвращеніе въ ихъ безумномъ поклонникѣ, хитро подмигнулъ заплывшими глазками, значительно приложилъ указательный палецъ къ носу и сказалъ: — Онѣ недалеко, въ лѣсу; я имѣю вѣрныя свѣденія и могъ-бы сейчасъ-же воротить ихъ, да не хочу — пусть пройдетъ дурь у бабъ, тогда придутъ сами и не будутъ дурить долгое время. Да, нужно имѣть снаровку, графъ!—Женщины премудреная статья. Всѣ онѣ похожи другъ на друга и каждая сама по себѣ. Что вы на это скажете, старина?

— Я думаю, что вы большой философъ, отъ котораго можно многому научиться, отвѣчалъ Бергеръ, глядя на Шменкеля съ особенной улыбкой.

— Да, я и самъ такъ думаю! сказалъ директоръ, откидывая назадъ голову и становясь фертомъ.— Шменкель изъ Вѣны знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и молодецъ будетъ тотъ, кто проведетъ его. Да вѣдь и не мудрено, что я кое-что знаю на свѣтѣ: попрыгалъ я таки въ немъ, какъ пробка въ пустой бутылкѣ.

— Въ пустой бутылкѣ! сказалъ Бергеръ; сравненіе очень вѣрно, очень мѣтко. Какимъ образомъ вы на него напали?

— Какъ я на него напалъ? спросилъ удивленный директоръ. Какъ напалъ? Вѣроятно потому, что передо мной пустой стаканъ. Ха! ха! ха!

— Очевидно, вамъ до сихъ поръ чаша жизни казалась очень сладкой? сказалъ Бергеръ, пока директоръ, въ ожиданіи новой порціи, закуривалъ у сальной свѣчи коротенькую глиняную трубку.

— А почему-же и не такъ? возразилъ Шменкель, исчезая на нѣсколько мгновеній въ клубахъ табачнаго дыма. Жизнь презабавная штука для человѣка, у котораго, подобно Гаспару Шменкелю изъ Вѣны, сердце на своемъ мѣстѣ.— Благодарствуйте, мое сокровище.

— Я вовсе не ваше сокровище, г-нъ директоръ, жеманно отвѣтила служанка, весьма не нѣжно отталкивая руку, которой Шменкель хотѣлъ обвить ея талію, и украдкой заглянувъ на Освальда.

Шменкель отвѣтилъ на эту невѣжливость тѣмъ, что чмок-

нулъ свою правую руку и послалъ поцѣлуй уходившей дѣвушкѣ; потомъ закрылъ лѣвый глазъ, а правымъ хитро подмигнулъ Освальду.

— Славная штучка, ваше сіятельство! притворяется, что готова съѣсть меня, а сама влюблена безъ памяти.

— Вы кажется замѣчательно счастливы на женщинъ, сказалъ Освальдъ, для того чтобъ сказать что нибудь.

— Какъ случится, ваше сіятельство! отвѣчалъ Шменкель съ самодовольной улыбкой. Женщины какъ погода: сегодня жарко, а завтра холодно; сегодня свѣтитъ солнце, а завтра дождь. Отъ нихъ ужъ нужно все принимать, какъ принимаемъ погоду отъ Господа Бога.

— Ну, это ваше личное правило, сказалъ Бергеръ, пристально всматриваясь въ веселаго собесѣдника, какъ будто умъ его не въ состояніи былъ постичь такого страннаго феномена.

— Какъ-же такъ, старина? По вашему спустить ихъ всѣхъ въ трубу? Мое почтеніе! можетъ быть это хорошо для васъ, а Гаспаръ Шменкель изъ Вѣны другого мнѣнія. Чортъ побери! Спустить въ трубу всѣхъ женщинъ! Да лучше ужъ лечь въ могилу.

— Это во всякомъ случаѣ будетъ самое лучшее, сказалъ Бергеръ.

— Послушайте, старина! сказалъ Шменкель серьознымъ тономъ, какъ-то особенно страннымъ у него,—не грѣшите! говорю вамъ еще разъ, жизнь хорошая вещь и не нужно накликать бѣды. Э! да что же у васъ пиво-то выдыхается, а лицо точно у кожевника, у котораго уплыли кожи? Чокнетесь-ка съ Гаспаромъ Шменкелемъ! Вотъ такъ! Шменкель веселый парень и любитъ веселое общество. Эй, господа, не спѣть-ли хорошенькую пѣсенку? Котерби, у васъ соловьиный голосъ, начинайте!

Египтянинъ самодовольно улыбнулся, пощипалъ свою черную бородку и провелъ рукою по жирнымъ чорнымъ волосамъ; потомъ откинулся назадъ, прищурилъ глаза и началъ пріятнымъ теноромъ.

Es hatte ein Bauer ein schönes Weib,
Die blieb so gern zu Haus,

Sie bat oft ihren lieben Mann
Er sollte doch fahren hinaus,
Er sollte doch fahren in's Heu.
Er sollte doch fahren in's
Ha, ha, ha; ha, ha, ha Heidideldei
Iuchheisasa!
Er sollte doch fahren in's Heu.

— Хо! хо! хо! засмѣялся директоръ; пѣсенка очень хороша. Она напоминаетъ мнѣ славную исторію, которую я долженъ разсказать этимъ господамъ. Потомъ вы допоете до конца, Котерби.

Египтянину очевидно не понравилось, что его прервали, но Шменкель этого не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ хлебнулъ изъ стакана и сказалъ дѣвушкѣ, которую опять привлекло въ эту сторону пѣніе или присутствіе знатныхъ гостей: «отойдите подальше, мое сокровище. Исторія, которую разскажетъ директоръ Шменкель, не годится для молоденькихъ дѣвушекъ.»

Дѣвушка покраснѣла до ушей и поспѣшно удалилась, бросивъ вглядъ на Освальда.

Шменкель откашлялся, наклонился къ столу и началъ весьма впрочемъ внятнымъ шопотомъ:

— «Вы знаете, господа, что для мыслящихъ людей существуетъ два рода женщинъ—тѣ, *которыя* служатъ, и тѣ, *которымъ* служатъ. Но для любви этого различія не существуетъ, ибо любовь торжествуетъ надъ тѣми и другими. Это открытіе мнѣ часто приходилось дѣлать въ жизни, но никогда не являлось такихъ ясныхъ доказательствъ, какъ назадъ тому...» Здѣсь Шменкель старательно осмотрѣлся, чтобы никакое постороннее ухо, въ особенности женское, не услыхало цифры, которую онъ готовился произнесть—«назадъ тому лѣтъ двадцать, въ Петербургѣ. Бывалъ-ли кто нибудь изъ васъ въ Петербургѣ, господа?»

Похититель султанскихъ женъ по видимому совершенно непринужденно сдѣлалъ этотъ вопросъ, но въ сущности онъ былъ для него большимъ камнемъ преткновенія, который слѣдовало отстранить, чтобы на всѣхъ парусахъ пуститься по широкому морю лжи.

На вопросъ отвѣчали отрицательно.

— А какъ вы очутились въ Петербургѣ, господинъ директоръ? спросилъ одинъ гражданинъ Фихтенау, присоединившійся къ обществу.

— У Шменкеля изъ Вѣны—отвѣчалъ директоръ наставительнымъ тономъ — никогда не нужно спрашивать, какъ онъ попалъ въ какое нибудь мѣсто, а скорѣе—какъ онъ не попалъ въ него. Петербургъ очень красивый городъ, господа, какъ вы можете судить уже потому, что въ немъ дворцы и дома знатныхъ вельможъ построены изъ блестящаго, бѣлаго и синяго льда.

— Ну, какъ же это можно, спросилъ житель Фихтенау, вѣдь они могутъ растаять лѣтомъ?

— Лѣтомъ? сказалъ Шменкель, нимало не конфузясь, лѣтомъ? ну, попали-же вы пальцемъ въ небо! Имѣю честь доложить вамъ, что въ Петербургѣ не бываетъ лѣта. Снѣгъ и ледъ, ледъ и снѣгъ круглый божій годъ, отъ Сильвестра до Сильвестра. Такого холода не можетъ представить себѣ здѣсь ни одна душа. Говорю вамъ, что духъ, который выходитъ изо рта, тотчасъ-же обращается въ снѣгъ и падаетъ на землю, и когда двое людей долго разговариваютъ на улицѣ, между ними образуется такая куча, что имъ нужно карабкаться на нее, если они хотятъ при прощаньи подать другъ другу руки. Даже молоко замерзаетъ еще въ самой коровѣ, а про пиво тамъ говорятъ не по нашему; мы говоримъ: дайте намъ кружку, или мѣрку, а въ Петербургѣ скажутъ: дайте намъ кусокъ пива, потому что въ Петербургѣ пиво отъ холода такъ густѣетъ, что его рѣжутъ ломтями и намазываютъ какъ бутерброды.

— А это вѣдь очень удобно, сказалъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Зеленаго Колпака.

— Что городъ, то норовъ! отвѣчалъ Шменкель,—однимъ словомъ, Петербургъ красивый городъ, и когда солнце играетъ на ледяныхъ дворцахъ, а русскіе скачутъ въ саняхъ запряженныхъ оленями, закутанные въ медвѣжьи шубы, зрѣлище бываетъ такое веселое, что невольно зайдешь въ сосѣдній погребокъ выпить настоящей сѣверной водки... И такъ, мы были въ Петербургѣ и намъ тамъ очень понравилось.

Мы, т. е. знаменитая труппа артистовъ моего дяди, а тогдашняго директора, Франца, Шменкеля, въ которой я имѣлъ честь занимать роль Геркулеса. Могу сказать, что мы производили сильный фуроръ, въ особенности наши лошади, потому что русскіе знаютъ лошадей только понаслышкѣ; у самаго царя—много если есть пара такихъ животныхъ величиною съ большую собаку. Всѣ прочіе, даже и кавалерія, ѣздятъ на оленяхъ, и могу васъ увѣрить, господа, что кирассирскій командиръ на своемъ оленѣ представляетъ весьма недурное зрѣлище... Мы имѣли громадный успѣхъ. Весь дворъ каждый вечеръ бывали въ нашемъ циркѣ. Знатные люди такъ усердно аплодировали, что каждыя пять минутъ должны были смѣнять по парѣ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ. Въ антрактахъ я стоялъ у царской ложи, чтобы провожать высокихъ посѣтителей за кулисы и къ лошадямъ, гдѣ Его Величество изволилъ благосклонно трепать самыхъ лучшихъ животныхъ по шеѣ. Въ особенности я имѣлъ счастіе заслужить милость Императора. Почему, ужъ и самъ не знаю, только однажды вечеромъ государь приказалъ позвать меня въ свою ложу и при цѣломъ дворѣ сказалъ мнѣ: «господинъ фонъ Шменкель — государь говоритъ только съ благородными, и мѣщанинъ, къ которому онъ обращаетъ рѣчь, уже вслѣдствіе этой милости становится благороднымъ — господинъ фонъ-Шменкель, вы не только самый сильный, но и самый красивый мужчина, камого я когда-либо встрѣчалъ. Просите у мени какой хотите милости.—Ваше Величество, отвѣчалъ я, почтительно кланяясь, я прошу только о продолженіи Вашего августѣйшаго вниманія.

— «Ну, это вы навѣрно получите! милостиво сказалъ Его Величество, — дайте мнѣ вашу сильную руку! Съ такими людьми какъ вы можно-бы покорить цѣлый свѣтъ...» Съ этихъ поръ, я ежедневно сталъ бывать при дворѣ. Ну, господа, Шменкель изъ Вѣны не гордъ, но ему пріятно чувствовать себя въ избранномъ обществѣ. Удивительные вечера проводилъ я тогда. Всѣ кавалеры были очень любезны, а дамы...

Шменкель зажмурилъ глаза, послалъ рукою поцѣлуй въ потолокъ, вѣроятно предполагая тамъ бога любви.

— А дамы! говорю вамъ, господа: тотъ, кто не видывалъ русскихъ женщинъ, не можетъ составить себѣ о нихъ ни малѣйшаго понятія. Эти волосы, эти глаза, этотъ ростъ, этотъ огонь — нѣтъ, если Шменкель изъ Вѣны проживетъ еще четыре тысячи лѣтъ, и тогда онъ не забудетъ зимы проведенной въ Петербургѣ!... Русскія дамы вообще красивы, и вы почувствуете нѣкоторую зависть, господа, когда я скажу вамъ, что я могъ знакомиться съ красивѣйшими изъ красавицъ. Это немножко отзывается хвастовствомъ, но что-же дѣлать, когда такъ было. Я получалъ цѣлые чемоданы локоновъ, букетовъ и записокъ, которыя всѣ начинались: «божественный Шменкель!» или «Аполлонъ Шменкель!» и оканчивались: «жду васъ тамъ-то и въ такое-то время.» Но, какъ обыкновенно случается, та, вниманія которой я добивался, не принадлежала къ числу моихъ поклонницъ. Это была молодая, очень хорошенькая женщина, которую я каждый вечеръ видѣлъ въ циркѣ. Однако она постоянно держала себя важно и холодно, хоть я и кланялся только ей одной, когда мнѣ аплодировали.

— «Какъ нравятся вамъ наши дамы, Шменкель? спросилъ меня одинъ вельможа, когда мы съ нимъ прохаживались подъ руку по блистательнымъ заламъ.»

— Такъ себѣ, ничего! отвѣчалъ я уклончиво, потому что скромность всегда была добродѣтелью Гаспара Шменкеля.

— «Ну, трудно-же угодить на васъ! сказалъ вельможа, а какъ вы находите Малицевскую?»

— Какъ вы сказали? спросилъ вдругъ Бергеръ, поднимая голову.

— Малицевскую, старый господинъ! повторилъ Шменкель.—Позвольте, господа, набить новую трубку!

Освальдъ взглянулъ на Бергера. Ему показалось, что губы профессора слегка подергивало, а въ глазахъ отражалась нѣкоторая тревога; однако минуту спустя, Бергеръ уже сидѣлъ по прежнему, опустивъ голову на руку, а Шменкель продолжалъ свой расказъ.

— Малицевскую? спросилъ я; а кто это такая?

— «Развѣ вы не замѣтили даму въ чорномъ, на лѣво отъ

царской ложи. Блѣдное лицо, большіе глаза и нѣсколько продолговатый подбородокъ?»

— Какже, замѣтилъ! Но это кажется пугливая птичка?

— «Вздоръ, милый Шменкель! все вздоръ. Между нами, мнѣ очень хорошо извѣстно ея положеніе. Она вышла замужъ за раззорившагося польскаго дворянина; объ ней ходила дурная слава, а о немъ еще хуже; у него нѣтъ ни гроша, а у ней пол-милліона душъ.

— Сколько это будетъ на прусскія деньги, г-нъ директоръ? спросилъ какой-то торговецъ.

— Пять милліоновъ талеровъ, двадцать шесть зильбергрошей, четыре пфенига.—«Значитъ, они очень годятся другъ для друга. Когда она желаетъ быть свободна, то посылаетъ его въ свои польскія имѣнія—даже и теперь онъ въ дорогѣ. Если вы съумѣете одержать и надъ ней побѣду, то я скажу, что Шменкель изъ Вѣны нетолько самый сильный и самый красивый, но еще и счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Подумаемъ! сказалъ я, отправился домой и все составлялъ планы, какъ-бы покорить сердце красавицы. Слѣдуетъ сдѣлать то, чего до тебя еще ни одинъ человѣкъ не дѣлывалъ! сказалъ я самъ себѣ и тогда-то, господа, я изобрѣлъ свою знаменитую Шменкелеву-игру четырьмя восьмидесяти фунтовыми ядрами. Въ первый вечеръ я игралъ однимъ ядромъ—она улыбнулась; на слѣдующій двумя—она захлопала своими маленькими ручками; на третій тремя—она бросила мнѣ букетъ. Теперь я былъ уже увѣренъ въ себѣ. Однако, господа, я долженъ попросить у васъ извиненія, если здѣсь, по своему обыкновенію, я буду говорить только намеками. Это я всегда дѣлаю, какъ скоро въ исторію замѣшается женщина. Въ тотъ же самый вечеръ ко мнѣ явилась прелестнѣйшая камеристка и попросила меня немедленно идти за нею къ ея госпожѣ, которая умираетъ отъ любви ко мнѣ. Разумѣется, у Гаспара Шменкеля слишкомъ доброе сердце, чтобы допустить умереть кого-нибудь, да еще изъ любви къ нему, когда есть возможность уладить дѣло Послѣдовавшія за этимъ четыре недѣли были счастливѣйшими въ моей жизни.

— Счастливый вы человѣкъ, директоръ! сказалъ канце-

ляристъ изъ Фихтенау, четыре года тайно влюбленный въ дочь члена магистрата и уже дошедшій до того, что она чуть было не поцѣловала его.

— Какъ кому покажется, молодой человѣкъ, отвѣчалъ Шменкель съ отеческимъ добродушіемъ. Гдѣ много свѣта, тамъ много и тѣни. Собственно я хотѣлъ на этомъ и окончить свою исторію, но для пользы и назиданія такихъ пылкихъ юношей какъ вы, Мюллеръ, и вы, Котерби, и вы, вѣтренникъ Пьеро, я долженъ уже досказать ее до конца. Слушайте-же, господа! Камеристка была влюблена въ меня не менѣе своей госпожи, потому что, какъ я уже вначалѣ замѣтилъ, передъ любовью равны всѣ женщины. Что-же случилось? Однажды вечеромъ, когда я по обыкновенію пилъ чай у госпожи, раздается сильный стукъ въ двери, ведущія на половину графа и запертыя изнутри.—Отоприте! отоприте!—Боже мой, графъ! прошептала смертельно блѣдная графиня,—Надежда намъ измѣнила!—Отоприте, тысячу чертей, отоприте!—Ну, славная исторія! сказалъ я, что-же теперь будетъ?—Шменкель, спасите меня!—Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, но какъ же?—Я убѣгу въ спальну и запру за собою дверь. — Очень хорошо, а я?—Вы скажете, что залѣзли сюда въ окно — и она растворила раму, унесла свѣчку, исчезла, заперла за собою дверь и принялась кричать что есть силы: «помогите! помогите!» — Ну, господа, представьте себѣ мое положеніе. Прежде чѣмъ я успѣлъ одуматься, двери съ шумомъ распахнулись и въ комнату ворвался графъ съ двумя пистолетами и четверо или пятеро людей со свѣчами и дубинами.

— А каковъ былъ собою графъ? глухо спросилъ Бергеръ, не поднимая головы.

— Ну, старина, признаюсь, некогда мнѣ было его разсматривать. Знаю только, что онъ былъ высокій, красивый мужчина, съ сверкающими отъ ярости глазами. Попался ты мнѣ, мошенникъ! заревѣлъ онъ — пафъ! зуммъ! одна пуля просвистала мимо моего лѣваго уха. Пафъ! зуммъ! другая пуля мимо праваго. Ну, господа, вѣдь это была особая манера рекомендоваться Гаспару Шменкелю... что же я сдѣлалъ? Я схватилъ его сіятельство и выбросилъ за окно, а чтобы ему не пришлось долго ожидать помощи, отправилъ

туда-же и одного изъ его лакеевъ. Другіе тотчасъ струсили и пустились бѣжать со всѣхъ ногъ; я за ними, въ пріемную и съ лѣстницы... Ну, господа, дальше ужъ мнѣ не требовалось проводниковъ: выходную дверь я нашолъ и одинъ. Какъ вы находите эту исторію, профессоръ?—И Шменкель положилъ свою широкую руку на плечо Бергера.

Бергеръ поднялъ голову. Лицо его было ужасно блѣдно; глаза сверкали, сѣдые волосы спустились на лобъ...

— Если ты способенъ когда-нибудь сказать правду, заговорилъ онъ глухимъ голосомъ,—отвѣчай мнѣ, правда-ли-то, что ты сейчасъ разсказывалъ?

— Кажется старина хватилъ черезъ мѣру, развязно замѣтилъ Шменкель.

— Да, я дѣйствительно слишкомъ много выпилъ, вскричалъ Бергеръ, дѣлая страшные жесты руками,—слишкомъ много выпилъ отвратительнаго напитка этой жалкой, никуда негодной жизни, и напитокъ бросился мнѣ въ голову. Ха! ха! ха!

Это былъ страшный смѣхъ; но полупьянымъ собесѣдникамъ онъ показался очень забавнымъ.

— Го! го! Расходился профессоръ! кричалъ Шменкель, хватаясь за бока. Рѣчь! рѣчь! Пусть профессоръ держитъ рѣчь!

Освальдъ вскочилъ и подошолъ къ Бергеру; онъ пытался успокоить его ласковыми словами и упрашивалъ идти домой.

Бергеръ не обращалъ на него вниманія. Онъ стоялъ, опершись обѣими руками объ столъ, какъ бывало Освальдъ видалъ его въ аудиторіи.

— Пишите, господа, вскричалъ онъ; это квинт-эссенція длиннаго силогизма, составныя части котораго я уже съ вами разсматривалъ.

Я влѣзъ на грушевое дерево,
Хотѣлъ копать рѣпу,
Во всю свою жизнь я не ѣдалъ лучшихъ сливъ.

Вы отвѣтите мнѣ, что это вовсе не спекулятивная идея, а просто старая галиматья, но, господа, въ мірѣ, гдѣ добрые осмѣиваются и водятся за носъ злорадостными демонами, гдѣ господствуетъ сумасбродство въ дурацкой шапкѣ,—

тамъ и спекулятивное мышленіе ничто иное какъ галиматья, а идея, славная, могущественная идея — ну, это вы сами, господа, грубые, неотесанные люди!

— Ого! не такъ грубо, старина! вскричалъ Шменкель, умирая со смѣха.

— Да, да, вы сами, продолжалъ Бергеръ все сильнѣе и сильнѣе—,вы сами, г-нъ директоръ Гаспаръ Шменкель изъ Вѣны, вы представляете небесное правосудіе. Идея не можетъ обойтись безъ васъ; вы сами идея, воплощенная идея! Я говорилъ вамъ, что жизнь ничего не стоитъ, но нѣтъ — этого еще слишкомъ много: она стоитъ васъ. Я презираю васъ, но въ тоже время и уважаю; я чувствую къ вамъ ужасъ и преклоняюсь предъ вами. Придите въ мои объятія, чтобы я могъ измѣрить всю глубину ничтожества, осязать руками невѣроятное!

— Ко мнѣ на грудь, старина! вскричалъ Шменкель, обнимая Бергера. Ты отличный парень; мы должны выпить брудершафтъ!

Онъ выпустилъ Бергера и схватилъ стаканъ. Въ ту-же минуту Бергеръ прижалъ руку къ сердцу и съ страшнымъ крикомъ упалъ безъ чувствъ.

Это былъ страшный крикъ, какъ мольба утопающаго въ минуту гибели; крикъ, пересилившій весь гвалтъ въ комнатѣ, заставившій умолкнуть пѣсни и брань и поднявшій всѣхъ съ мѣстъ. Они всѣ столпились съ смущонными лицами и глядѣли на несчастнаго отупѣвшими отъ пива глазами. Освальдъ усиливался поднять его съ полу; никто и не думалъ помочь молодому человѣку. Страхъ точно парализировалъ все общество.

— Неужели никто не поможетъ мнѣ? вскричалъ Освальдъ, съ трудомъ поддерживая безчувственное тѣло.

Вдругъ женщина пробилась сквозь толпу безсмысленныхъ зѣвакъ,—смуглая женщина въ фантастическомъ нарядѣ, съ краснымъ платкомъ на чорныхъ волосахъ.

Это была Зиновія. Освальдъ былъ такъ поглощонъ заботами о другѣ, что принялъ появленіе цыганки какъ нѣчто совершенно обыкновенное.

— Помоги мнѣ, Зиновія!

— Убирайтесь прочь, вы всѣ! крикнула цыганка повелительнымъ тономъ; ваше присутствіе смерть для больного.

Толпа робко отступила; нѣкоторые потихоньку ушли изъ комнаты.

Зиновія приложила руку къ головѣ Бергера.— Его нужно вынести отсюда. Несите его вонъ!— Послѣднія слова обращены были къ Шменкелю, который все время неподвижно стоялъ раскрывши ротъ и выпучивъ глаза, съ трубкой въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой.

Требованіе цыганки привело его въ себя.

— Правда твоя, Зиновія, сказалъ онъ; нужно что нибудь сдѣлать для старика.

Онъ положилъ трубку на столъ, поднялъ безчувственнаго Бергера, котораго все еще поддерживалъ Освальдъ, и понесъ его изъ комнаты, какъ левъ несетъ мертвую газель.

Освальдъ, Зиновія и хозяинъ пошли за нимъ слѣдомъ.

— Сюда, сюда! сказалъ хозяинъ, отворяя дверь по другую сторону сѣней, гдѣ обыкновенно останавливались путешественники поважнѣе.

Шменкель положилъ больного на диванъ. Зиновія вынула изъ–за пазухи скляночку и потерла какой–то жидкостью лобъ и виски Бергера. Потомъ, она начала проводить руками по груди и лицу больного, лепеча какія–то непонятныя слова.

— У старика вѣрно пустой желудокъ, шепталъ между тѣмъ Шменкель наставительнымъ тономъ Освальду. Вашей милости слѣдовало бы напередъ дать ему порядочный кусокъ ветчины съ чорнымъ хлѣбомъ и рюмку водки. Но Зиновія опять поставитъ его на ноги. У этихъ бабъ есть тысяча средствъ, которыя неизвѣстны доброму христіанину. Не говорилъ–ли я вашей милости, что Зиновія скоро воротится? Ей вѣдь хорошо у меня. Директоръ Шменкель знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Надѣюсь, что вы не станете притѣснять бѣдную женщину за ея побѣгъ; сказалъ Освальдъ.

— Что вы, ваша милость! возразилъ Шменкель; да развѣ я похожъ на людоѣда?

Бергеръ зашевелился. Онъ раскрылъ глаза и съ удивле-

нѣмъ взглянулъ на окружающихъ, какъ человѣкъ, пробуждающійся отъ тяжкаго сна. Потомъ онъ всталъ съ помощью Освальда и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Благодарю васъ, друзья мои. Я надѣлалъ вамъ хлопотъ. Мы всѣ въ этой жизни необходимы другъ другу. Надѣюсь скоро опять увидѣться съ вами; можетъ быть мнѣ еще удастся отблагодарить васъ за ваши заботы. Пойдемъ домой, Освальдъ.

— Достаточно ли вы оправились? не послать ли за экипажемъ?

— И! нѣтъ! лошади и экипажи не для меня и мнѣ подобныхъ.

Онъ пошолъ къ двери и вдругъ опять остановился. Отдай этимъ людямъ, что имъ слѣдуетъ, Освальдъ. Мы не должны ни у кого оставаться въ долгу въ этой жизни.

Пока Освальдъ расплачивался съ хозяиномъ по счоту, въ который включено было и угощеніе акробатовъ, къ величайшему удовольствію Шменкеля, Зиновія прокралась изъ комнаты чрезъ заднюю дверь въ садъ, изъ сада на лугъ и исчезла въ густомъ туманѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, Освальдъ и Бергеръ также вышли изъ дома и пошли по тихимъ улицамъ Фихтенау къ заведенію доктора Биркенхейна.

Бергеръ хранилъ молчаніе, которое Освальдъ не осмѣливался прерывать. Молодой человѣкъ мысленно упрекалъ себя, что такъ долго оставлялъ Бергера въ подобномъ обществѣ. Онъ думалъ, что жаръ и непривычка пить привели его друга въ такое возбужденное состояніе. Онъ и не воображалъ, въ какой тѣсной связи находилась нелѣпая исторія акробата, которую онъ вдобавокъ почти и не слушалъ, съ жизненными страданіями его бѣднаго друга. Онъ думалъ о Зиновіи, возвращеніе которой подтверждало намеки Шменкеля относительно Эцики. Онъ думалъ о докторѣ Биркенхейнѣ и о томъ какъ дурно исполнилъ его порученіе; онъ соображалъ, не вреднѣе ли его присутствіе для Бергера и не лучше ли будетъ для нихъ обоихъ, если онъ какъ можно скорѣе уѣдетъ изъ Фихтенау...

Такъ дошли они молча до мельницы, гдѣ идетъ прямая дорога къ лечебному заведенію; вдругъ Бергеръ сказалъ:

— Ты долженъ уѣхать сегодня-же, Освальдъ!

— Сегодня?

— Лучше сегодня чѣмъ завтра. Ты долженъ опять воротиться въ пустыню; я не могу уволить тебя отъ этого. И мнѣ самому нужно еще многое узнать, причемъ ты не можешь быть мнѣ полезенъ. И такъ, намъ нужно разстаться. Ступай своей дорогой, а я пойду своей; она въ сущности таже самая, и хоть я и опередилъ тебя, но ты учишься быстро и скоро нагонишь меня. До свиданія, Освальдъ!

Бергеръ обнялъ Освальда и поцѣловалъ его.

Освальдъ былъ сильно растроганъ.

— Позволь мнѣ остаться съ тобою, сказалъ онъ голосомъ почти заглушаемымъ слезами; позволь мнѣ никогда не покидать тебя. Я ненавижу свѣтъ, я презираю его какъ и ты!

— Знаю я это, сказалъ Бергеръ; но презрѣніе къ свѣту есть еще первая изъ трехъ степеней до великой тайны.

— А какая же вторая степень? Назови мнѣ ее, чтобъ я могъ ее измѣрить.

— Презирать самого себя.

— А... третья?

Они стояли у воротъ. Бергеръ дернулъ за колокольчикъ, рѣшотка отворилась.

— А третья, послѣдняя степень?

— Презирать то, что насъ презираютъ другіе.

— А самая тайна, великая тайна?

— Тотъ, кто прошолъ всѣ три степени, узнаетъ и пойметъ ее не спрашивая. Тотъ-же, кто спрашиваетъ, не знаетъ и не въ состояніи понять ее. Прощай, Освальдъ! до свиданія!

Бергеръ еще разъ обнялъ Освальда и вошолъ въ ворота, которыя тотчасъ за нимъ захлопнулись.

Освальдъ остался за воротами подобно нищему, которому отказали въ напиткѣ, о которомъ онъ просилъ. Онъ пошолъ назадъ, склонивъ голову.

Ночь была темная; кое-гдѣ сверкали звѣздочки на облач-

номъ небѣ; придорожные тополи шумѣли и шептались, а мельничный ручей толковалъ: презирать свѣтъ — презирать самого себя—презирать призрѣніе къ своей личности...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ то время, какъ Бергеръ и Освальдъ смотрѣли съ вершины горы на заходящее солнце, въ лечебное заведеніе прибыла особа, появленіе которой произвело въ отелѣ радостное движеніе.

Это была молодая, красивая дама, съ такимъ же красивымъ, но блѣднымъ и болѣзненнымъ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати и старикомъ съ сѣдою бородою и воинственнымъ видомъ. Послѣдній казался слугою и вмѣстѣ другомъ своей госпожи. Эта дама, только безъ мальчика, прожила въ это лѣто уже нѣсколько недѣль въ Фихтенау, по причинѣ усилившейся болѣзни и наконецъ смерти своего мужа, помѣщоннаго въ заведеніи доктора Биркенхейна. Ея горестная судьба, безконечная доброта и кротость ко всѣмъ, въ особенности къ больнымъ и бѣднымъ, до такой степени внушила расположеніе къ ней жителямъ городка, что и до сихъ поръ во многихъ семействахъ сохранялось воспоминаніе о «доброй госпожѣ».

И въ этотъ разъ очевидно опять непріятное событіе привело ее въ Фихтенау, потому что едва успѣла она расположиться въ отведенныхъ ей комнатахъ и съ помощію стараго слуги уложить въ постель мальчика, какъ тотчасъ же написала нѣсколько строкъ къ доктору Биркенхейну и велѣла немедленно ихъ доставить. Хозяинъ гостинницы, провожая ея съ тысячью поклоновъ и комплиментовъ въ залу бель-этажа, почтительнѣйше объявилъ, что къ сожалѣнію можетъ ей предложить пока только комнаты на лѣво, такъ какъ на право помѣщается еще одинъ путешественникъ, который однако завтра-же выѣдетъ.

Спустя часъ, докторъ Биркенхейнъ пріѣхалъ въ лечеб-

*

ное заведеніе, прошолъ въ пріемную залу и имѣлъ продолжительный разговоръ съ пріѣзжей дамой. Вѣроятно разговоръ этотъ былъ не веселаго свойства, потому что Иванъ, подававшій чай гостю, замѣтилъ, что глаза дамы были заплаканы, и она старалась скрыть это при его появленіи.

Послѣ этого разговора, докторъ Биркенхейнъ подходилъ къ кровати спящаго мальчика, прикладывалъ руку къ его сердцу, долго слушалъ грудь, потомъ, разгладивъ густые локоны спящаго, обратился къ дамѣ съ улыбкой, какъ-то особенно освѣтившей его всегда серьезное лицо. Дама держала свѣчку и съ выраженіемъ смертельной тоски слѣдила за движеніями доктора.

— Успокойтесь, сударыня! сказалъ онъ; я хоть и не могу сказать еще ничего положительнаго, но то, что я видѣлъ до сихъ поръ, подаетъ мнѣ большую надежду, что нашему маленькому пацієнту далеко не такъ плохо, какъ предположили мои грюнвальдскіе собраты.

Лучь радости оживилъ лицо дамы; ея большіе глаза наполнились слезами.

Докторъ Биркенхейнъ взялъ у ней свѣчку и проводилъ ее въ гостиную.

— Завтра утромъ я опять буду; для большаго спокойствія, прикажите старику Бауману спать въ комнатѣ Юлія; это кажется истинный перлъ изъ служителей. Сами же ложитесь пораньше спать и примите одинъ изъ моихъ порошковъ. Вы очень взволнованы и вамъ нуженъ покой.

— Останьтесь еще немного, докторъ! сказала дама. Мнѣ нужно кое-что спросить у васъ.

На лицѣ ея выразилось сильное волненіе; грудь тревожно заколыхалась; очевидно ей приходилось высказать мысль, не легко укладывающуюся въ слова.

Докторъ Биркенхейнъ положилъ трость и шляпу.

— Сядьте, сударыня, сказалъ онъ, помѣщаясь подлѣ ея на диванѣ. Я знаю, о чемъ вы хотите спросить меня; я цѣлый вечеръ читалъ этотъ вопросъ въ вашемъ тревожномъ взглядѣ, на вашихъ дрожащихъ губахъ. Вы не вѣрите въ болѣзнь сердца, предсказанную грюнвальдскими врачами; если бы вы въ нее вѣрили, то не обратились бы прямо ко

мнѣ, не смотря на хорошее мнѣніе о моей малой опытности и познаніяхъ. Вы думаете, что зло гораздо сильнѣе—однимъ словомъ, что наслѣдственная болѣзнь есть первый зародышь, первое звено того страшнаго несчастія, которое вы уже перенесли одинъ разъ. Угадалъ ли я?

Отвѣтомъ дамы былъ цѣлый потокъ слезъ. Она силилась платкомъ заглушить страшныя рыданія.

— Прошу, умоляю васъ, сударыня, успокойтесь! сказалъ докторъ, взявъ за руку плачущую. Изъ показаній грюнвальдскихъ врачей, изъ вашихъ собственныхъ словъ и моихъ личныхъ изслѣдованій не выходитъ ни малѣйшаго признака, который подтверждалъ бы ваше ужасное предположеніе. Сумашествіе бываетъ наслѣдственно; оно переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и проявляется иногда послѣ долгаго промежутка, но въ семействѣ вашего супруга былъ всего только одинъ примѣръ въ продолженіи многихъ столѣтій. Къ тому же и этотъ исключительный случай имѣлъ свои особенныя, грустныя причины, касающіяся только пострадавшей личности и имѣющія дѣйствіе только на одну ее. Господинъ фонъ-Берковъ былъ совершенно здоровъ отъ природы, даже замѣчательно сильной организаціи но — съ вами говоритъ докторъ, сударыня — онъ разстроилъ эту крѣпкую организацію безпорядочной жизнью. То, что бываетъ спасеніемъ для другихъ — бракъ съ чистымъ, цѣломудреннымъ существомъ, — было гибелью для него, потому что онъ чувствовалъ свое глубокое паденіе, чувствовалъ такъ сильно, что усомнился въ вашей любви, въ вашемъ прощеніи и неудержимо поддался мрачной меланхоліи, которая скоро истощила его энергію и жизненную силу. Грѣхи отца не отзовутся на сынѣ. Если и дѣйствительно существуетъ у него болѣзнь сердца, то она еще въ самомъ началѣ, и при крѣпкомъ сложеніи Юлія ее не трудно искоренить. И такъ, сударыня, отгоните ваши заботы; довѣрьтесь мнѣ и вашей звѣздѣ, которая выйдетъ-же наконецъ изъ за туманнаго облака.

— Моей звѣздѣ? сказала дама съ грустной улыбкой. Моей звѣздѣ? Ахъ, докторъ, боюсь я, что она совсѣмъ закатилась, если когда-нибудь и существовала.

— Ну, это мы увидимъ! сказалъ вставая докторъ. Что до меня, то я вѣрю въ счастливыя звѣзды, а въ особенности въ вашу. Такія прелестныя, милыя и добрыя существа какъ вы не должны быть и не бываютъ несчастливы. Спокойной ночи!

Докторъ Биркенхейнъ взялъ руку дамы, почтительно поднесъ ее къ губамъ и вышелъ изъ комнаты.

Она долго еще сидѣла съ опущенной головкой, погруженная въ глубокія размышленія.

Какъ во снѣ, проходили передъ нею образы ея жизни...

Она видѣла себя романтическимъ, рѣзвымъ ребенкомъ въ въ паркѣ своего отца, играющей съ серьезнымъ, неловкимъ мальчикомъ, котораго иногда любила отъ всей души, а иногда просто не могла выносить; а онъ, то гордо и повелительно противился ея капризамъ, то не боялся ни труда, ни опасностей для исполненія ея дѣтскихъ желаній, если она встрѣчала его ласково...

Она видѣла себя нѣсколько лѣтъ спустя въ обществѣ этого-же мальчика и другихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ залѣ родительскаго замка, выдѣлывающими разные хитрые *па*, къ великому восторгу взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, осыпавшихъ маленькую кокетку похвалами и ласками; видѣла также и мальчика, надъ неловкостью котораго она въ сласть смѣялась, видѣла какъ онъ сидѣлъ и горько плакалъ въ оконной нишѣ... Видѣла она себя еще нѣсколько лѣтъ спустя, въ утреннемъ блескѣ шестнадцатилѣтней красоты, осыпаемую со всѣхъ сторонъ похвалами и упивающуюся сладкимъ напиткомъ изъ украшеннаго розами кубка жизни; порхающую отъ удовольствія къ удовольствію, какъ легкокрылая бабочка по цвѣтамъ, но и среди этого наслажденія носившую въ глубинѣ сердца жгучую тревогу, застилавшую сѣрымъ покрываломъ золотые дни настоящаго при сравненіе съ чудными, яркими мечтами о будущемъ, въ которомъ осуществятся всѣ сны, всѣ желанія... Въ это время она потеряла изъ вида неповоротливаго мальчика. Да и какую печальную роль игралъ бы онъ въ этомъ благоухающемъ, цвѣтущемъ, исполненномъ соловьиныхъ пѣсенъ, суетномъ волшебномъ мірѣ!...

Но будущее сдѣлалось настоящимъ и не осуществило ничего, о чемъ мечталось... ядовитая роса пала на пестрые цвѣты и отняла у нихъ цвѣтъ и запахъ, соловьи умолкли, и надъ весеннимъ пейзажемъ протянулось густое, сѣрое покрывало... Покрывало, сквозь которое виднѣлись иногда отвратительныя сцены — отецъ, лежащій у ногъ дочери и заклинающій ее своей сѣдой головою исполнить его желаніе, умоляющій ее выйти за человѣка, котораго она не любитъ, отъ котораго ее, невинную, чистую, предостерегаетъ инстинктивное чувство; супругъ, который... прочь, прочь, страшные призраки, при воспоминаніи о которыхъ несчастная, уже послѣ столькихъ лѣтъ, судорожно закрываетъ лицо руками!... Вотъ опятъ появляется фигура прежняго мрачнаго, упрямаго мальчика, ставшаго теперь холоднымъ, гордымъ молодымъ человѣкомъ, но передъ нею его гордость превращается въ смиреніе, а холодность въ безконечную доброту и любовь; онъ совѣтуетъ ей, утѣшаетъ, помогаетъ, изо всѣхъ силъ старается избавить ее отъ страданій, а когда это невозможно,—помочь ей переносить ихъ и взять на свои плечи всѣ трудности. Хоть въ это время и приходитъ ей мысль, что этотъ человѣкъ лучше всѣхъ ея фантастическихъ грезъ, она все еще не можетъ отдѣлаться отъ идеаловъ, наполнявшихъ ея молодое сердце. Она мучитъ мужчину, какъ мучила мальчика; посылаетъ его путешествовать какъ прежде посылала въ садъ, когда онъ не рабски исполнялъ ея дѣтскіе капризы...

Вотъ возникаютъ мирныя картины лѣтъ, прожитыхъ въ зеленой глуши помѣстья, и въ нихъ постоянно являются фигуры прекраснаго, нѣжнаго мальчика, добродушнаго, педантическаго учонаго и стараго сѣдобородаго слуги, въ различныхъ, но болѣе или менѣе сходныхъ положеніяхъ,— мирныя картины, въ ясныхъ краскахъ которыхъ все-таки чувствуется какая-то горечь, несбывшаяся надежда, неудовлетворенное стремленіе. Хотя она и часто думаетъ о человѣкѣ, обреченномъ ею на изгнаніе, но уже не съ спокойнымъ сердцемъ, а какъ-бы стыдясь своей неблагодарности. Замѣшалось что-то горькое въ чувство ея къ этому человѣку, съ тѣхъ поръ какъ онъ—это было въ Италіи—осмѣ-

лился открыто выступить съ своей любовью; она отвергла его съ истинно-женской логикой, принимающей за послѣдовательность капризную настойчивость, а онъ, гордецъ, поймалъ ее на словѣ и съ тѣхъ поръ пропадаетъ въ Египтѣ и Нубіи. Она вообразила, что ненавидитъ его, товарища юности, вѣрнаго друга въ бѣдахъ и напастяхъ; между тѣмъ всякій психологъ сказалъ-бы ей, что ненависть—жестокая сестра кроткой любви, и только равнодушіе есть непроницаемый панцырь женскаго сердца.

Вдругъ въ этой мирной области возникаетъ фигура молодого человѣка, красота котораго плѣняетъ ея артистическій глазъ, любезность котораго вѣетъ на нее дыханіемъ весны, меланхолія котораго находитъ отголосокъ въ ея жаждущемъ счастья сердцѣ, наконецъ—человѣка, представляющаго собою воплощеніе ея мечтаній. И какъ въ мечтѣ, она принимаетъ его любовь, отвѣчаетъ на нее въ тысячу кратъ горячѣе — она не хочетъ видѣть опасности, не хочетъ проснуться, хочетъ хоть разъ въ жизни быть счастливой. Но наступило утро; невозможно долѣе оставаться съ закрытыми глазами, нельзя продолжать видѣть сны. Неожиданно возвратившійся другъ предостерегаетъ ее и черезъ минуту его предсказаніе уже исполнилось. Разомъ разразилась бѣда, предчувствіе которой вызвало его изъ далекихъ странъ въ сѣверную отчизну. Извѣстіе о предстоящей смерти человѣка, имя котораго она носитъ, вырвало ее изъ объятій возлюбленнаго; она спѣшитъ исполнить долгъ, который кажется ей тѣмъ священнѣе, чѣмъ полнѣе было счастье послѣднихъ дней. Вотъ она возвращается съ сердцемъ, исполненнымъ радостной надежды и вмѣстѣ тревожнаго предчувствія, и слышитъ и видитъ, что человѣкъ, которому она отдалась съ безграничною любовью, измѣнилъ ей и что, какъ будто въ наказаніе за краткое, тайное счастье, ея единственное дитя, прелестный, милый мальчикъ, ея утѣшеніе, блаженство и гордость, заболѣлъ тою болѣзнію, страшный исходъ которой она видѣла на его отцѣ...

Но этотъ второй ударъ благодѣтеленъ для нея. Онъ поразилъ ее до того, что она не чувствуетъ ранъ своего сердца. Любовь женщины исчезаетъ въ безднѣ материнскаго

чувства. Она день и ночь просиживаетъ у кровати мальчика, видитъ и слышитъ только то, что ему нужно и чего онъ желаетъ, а когда онъ немного оправился, она поѣхала съ нимъ къ человѣку, опытности котораго безгранично довѣряетъ, отъ котораго зависитъ приговоръ къ жизни или смерти... нѣтъ, въ тысячу разъ хуже смерти! И приговоръ произнесенъ; у ней не вовсе отняли надежду, ей стараются внушить мужество—ея мальчикъ будетъ жить, выздоровѣетъ; грѣхи отца не должны падать на сына...

Только теперь, когда душа ея освободилась отъ страшной тяжести, она снова вспомнила о погибшей любви...

Не была ли эта измѣна наказаніемъ за то, что она прежде подумала о своемъ счастьи, чѣмъ о счастьи ребенка,—за измѣну противъ родного сына? Развѣ отдать все сердце не есть измѣна?

Здѣсь, въ этой уединенной комнатѣ, она такъ часто мечтала лѣтомъ о будущемъ, которое вотъ какъ осуществилось! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, почти въ этомъ же положеніи! Какъ будто судьба хотѣла дать ей время одуматься, прежде чѣмъ она отдастъ счастье свое и своего сына въ руки, слишкомъ слабыя, чтобы мужественно оборонять такое достояніе...

Здѣсь, въ этой комнатѣ, предостерегалъ ее другъ отъ этихъ рукъ, которыя съ титанической дерзостью хватаются за все высокое, чтобы съ дѣтской прихотливостью отбросить его потомъ, какъ ненужную игрушку. Въ этой комнатѣ предсказалъ онъ ей то, что исполнилось теперь слово въ слово...

Здѣсь, въ этой комнатѣ, говорилъ онъ ей: «и когда ты, уничтоженная этимъ ударомъ, упадешь ницъ и будешь желать смерти, не находя ея, тогда узнаешь ты, какія муки переноситъ сердце, любовь и вѣрность котораго не признаютъ и попираютъ; тогда-то ты въ душѣ покаешься передомной въ своей несправедливости...»

Гдѣ онъ теперь, этотъ вѣрный, благородный человѣкъ, который — она часто чувствовала это, но никогда такъ, какъ въ эту минуту—по ея винѣ растрачиваетъ свою гордую силу въ бездѣйствіи или безсмысленныхъ похожде-

ніяхъ, какъ дерево, сердцевина котораго вырвана, растетъ въ вѣтви и листья, никогда не принося плодовъ?

Опять онъ блуждаетъ, какъ Агасферъ, по пустому, широкому свѣту. Даже ребенокъ, къ которому онъ привязался, прежде чѣмъ узналъ, что это его дитя, вдругъ исчезъ какъ краткій прекрасный сонъ; точно ужъ никогда не суждено ему называть что-нибудь своимъ. Онъ отпустилъ его, потому что чувство справедливости говорило ему, что не имѣетъ онъ права на это существо, для котораго ничего не сдѣлалъ. Неужели ему дѣйствительно суждено сѣять любовь, а пожинать равнодушіе?...

— Нѣтъ, нѣтъ! неравнодушіе! хотя и не такую любовь, какой онъ желаетъ, но и не равнодушіе! Развѣ она не чувствуетъ къ нему сердечной дружбы, настоящаго, глубокаго уваженія? Развѣ она не пожертвовала бы нѣсколькими годами своей жизни, чтобы только возвратить ему его ребенка.

Гдѣ онъ теперь? Она такъ привыкла видѣть его подлѣ себя во всѣ грустные часы своей жизни, что болѣзненно ощущала его отсутствіе. Впрочемъ какое же право имѣетъ она на любовь тысячу разъ отвергаемую, которую она такъ глубоко, глубоко оскорбила своей страстью къ другому....

Молодая женщина такъ погрузилась въ эти мысли, что и не слыхала легкаго стука въ дверь. Дверь отворилась и высунулась голова сѣдобородаго старика. За старикомъ стоялъ еще кто-то.

— Сударыня, сказалъ старикъ, другъ, который только что пріѣхалъ, желалъ бы имѣть честь представиться вамъ, если можно, сегодня же вечеромъ.

— Кто-же это? спросила удивленная дама.

Въ комнату вошла высокая фигура.

— Ольденбургъ! вскричала она. Ольденбургъ! Неужели это вы!

— Да, Мелита! сказалъ баронъ, цѣлуя протянутую руку дамы. Это я самъ.

Старикъ смотрѣлъ на эту встрѣчу, потирая руки и въ глазахъ его выражались страхъ и надежда. Когда онъ замѣтилъ на лицѣ своей госпожи несомнѣнный признакъ ра-

достнаго удивленія и увидѣлъ слезу на ея щекѣ, когда баронъ наклонился къ ея рукѣ, у стараго слуги тоже навернулись слезы. Онъ неслышными шагами вышелъ изъ комты, тихо затворилъ дверь, и тотъ, кто наблюдалъ бы за нимъ въ эту минуту, увидѣлъ бы, что онъ сложилъ передъ дверью руки и дрожащими губами шепталъ молитву — молитву, въ которой благодарилъ Бога за встрѣчу его госпожи съ единственнымъ достойнымъ ея человѣкомъ и молилъ его, по безконечной своей милости, въ этотъ одинадцатый часъ ночи — устроить все, все къ лучшему. . . . . .

Баронъ, по уходѣ стараго Баумана, зашагалъ большими шагами по комнатѣ, какъ дѣлалъ обыкновенно, если требовалось побѣдить прорывающееся наружу сильное чувство.— Мелита сѣла на диванъ, потому что волненіе, можетъ быть столь же сильное, какъ и волненіе Ольденбурга, отняло у ней силу держаться на ногахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, баронъ сѣлъ подлѣ нея и сказалъ тихимъ голосомъ, ни чѣмъ не обнаруживавшимъ его обыковенной рѣзкости:

— А вы и не спросите меня, Мелита, что привело меня въ такую туманную ночь въ эти горы, въ этотъ городокъ и въ эту комнату.

— Нѣтъ! отвѣчала Мелита, хорошо и ясно заглянувъ ему въ глаза,—я знаю это и безъ вопросовъ.

— Благодарю тебя, Мелита!

Больше онъ ничего не сказалъ; но вся душа вылилась въ этихъ немногихъ словахъ; каждый слогъ былъ біеніемъ его сердца.

— Я только что думала о васъ, продолжала Мелита, о вѣрномъ другѣ, который всегда словомъ и дѣломъ помогалъ мнѣ въ несчастіи, хотя я и пренебрегала его совѣтами, а за жертвы платила неблагодарностью.

—Жертвы... неблагодарность! сказалъ Ольденбургъ, и горькая улыбка мелькнула на его губахъ:—эти слова не имѣютъ для насъ значенія, Мелита, т. е. я хотѣлъ сказать *для меня* не имѣютъ, по крайней мѣрѣ теперь, чтобы тамъ ни было прежде. Вѣдь наконецъ каждый мирится съ своей судьбою, и пойманный левъ, истощивъ свои силы о желѣзную рѣ-

шотку клѣтки, ложится въ уголку какъ смиренный ягненокъ. Однако оставимъ это! я пришолъ сюда не для того чтобы говорить за себя и начинать съизнова дѣло проигранное во всѣхъ инстанціяхъ; я здѣсь ради одной тебя. Я узналъ въ Грюнвальдѣ, куда меня призвали дѣла изъ Берлина, что Юлій опасно занемогъ и что ты уѣхала съ нимъ въ Фихтенау. Я тотчасъ началъ опасаться самаго худшаго и ѣхалъ день и ночь, чтобы помочь тебѣ, если можно. Къ счастію наши опасенія были напрасны; я встрѣтилъ внизу Биркенхейна; онъ выходилъ отъ тебя. Онъ совершенно успокоилъ меня и сказалъ, что какъ только оправишься ты сама, то можешь съ Богомъ ѣхать назадъ. Это все, что я хотѣлъ знать, и теперь, когда я достигъ своей цѣли и сверхъ того, по великой божеской милости, еще повидался съ тобою и подержалъ въ своихъ рукахъ твою дорогую руку—Господь съ тобою, Мелита! и пусть несчастіе—потому что вѣдь о счастьи между нами не можетъ быть рѣчи—пусть несчастіе какъ можно дольше не сводитъ насъ вмѣстѣ!..

Баронъ произнесъ послѣднія слова съ принужденной улыбкой, но въ тонѣ слышалось горе, горе великодушнаго, любвеобильнаго сердца, для котораго нѣтъ отечества въ пространномъ мірѣ.

Онъ взялъ уже руку Мелиты и хотѣлъ встать, но не достало силы, потому что дорогая рука не только тепло отвѣтила на его пожатіе — нѣтъ, ему показалось, что Мелита еще ие хочетъ отпустить его, что ей было бы пріятно, чтобъ онъ остался.

Для него это было такъ ново; онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее,—неужели это не обманъ воображенія? Неужели его присутствіе для нея не тягостно?

— Вы не должны еще уходить! сказала Мелита съ нѣкоторой поспѣшностью, между тѣмъ какъ мгновенный румянецъ покрылъ на одну минуту ея блѣдныя щоки,—я не могу выносить, чтобы въ то время какъ цѣлый свѣтъ прославляетъ мою привѣтливость и каждый нищій уходитъ отъ меня довольный, въ вашихъ глазахъ я оставалась кумиромъ вѣчно все принимающимъ, не сказавъ даже ни разу спаси-

бо. Вы еще не сказали мнѣ ни слова о самомъ себѣ; ни слова о томъ, какъ вамъ жилось все это время. Вы пріѣзжаете за сотни миль узнать о моемъ Юліѣ и хотите уѣхать, не давши мнѣ времени спросить, получили-ли вы какое-нибудь извѣстіе о вашей Эцикѣ. Великодушно ли это? даже просто справедливо ли съ вашей стороны?

Баронъ почти съ испугомъ глядѣлъ на Мелиту, пока она говорила.

— Мелита, сказалъ онъ съ серьезностью, имѣвшею нѣчто торжественное, не слѣдуетъ будить тоску по жизни въ смертельно больномъ. Не балуйте меня, изъ одного состраданія, лаской, которая происходитъ не отъ души.

— Не отъ души? возразила Мелита тихимъ голосомъ,— конечно, я заслужила этотъ упрекъ и не имѣю права жаловаться.

— Я не хотѣлъ вамъ дѣлать упрековъ, Мелита!

— А однакожъ такъ вышло. Да, Ольденбургъ, необходимо высказаться; у меня слишкомъ тяжело на сердцѣ. Мнѣ очень совѣстно передъ вами; тяжесть благодарности, которую вы взваливаете мнѣ на плечи, клонитъ меня къ землѣ.

— Тяжесть, Мелита? тяжесть! клянусь Богомъ, я не хотѣлъ удручить васъ тѣмъ немногимъ, что пришлось мнѣ сдѣлать для васъ въ жизни!

— Вы не хотите мнѣ вѣрить! Я не могу такъ взвѣшивать и измѣрять слова какъ вы! Если за меня ничего не говоритъ ваше сердце, если вы не хотите слушать сердцемъ, тогда...

Слезы заглушили ея голосъ.

— Что это? вскричалъ Ольденбургъ, схвативъ себя обѣими руками за голову. Не сплю-ли *я*? Моя-ли это голова? Мои-ли это руки? Ольденбургъ-ли я? Мелита-ли вы? Неужели это *вы* плачете о томъ, что *я*, Адалбертъ Ольденбургъ, не понимаю васъ или не хочу понять?

— Вы должны понять меня, сказала Мелита, отирая слезы, съ совершенно несвойственной ей энергіи. Вы такъ часто видали меня слабою, что уже не хотите допустить во мнѣ рѣшимости. А между тѣмъ у меня также есть сила,

и ею я, послѣ Бога, обязана вамъ. Богъ говорилъ со мною посредствомъ болѣзни моего сына, и я не закрыла своего сердца отъ Его голоса. Я ясно слышала его въ долгія, мучительныя ночи, которыя проводила въ молитвахъ у постели моего ребенка. Съ горячими слезами молила я у Бога прощенія въ томъ, что забыла, что я мать, клялась впередъ никогда не забывать этого, въ эти ночи...

Она замолчала, жгучій румянецъ стыда покрылъ ея щоки, но она быстро оправилась.

— Въ эти ночи я отреклась отъ страсти, унизившей меня передъ самой собою, передъ своимъ ребенкомъ и—передъ вами, Адалбертъ.

— Остановись, Мелита! остановись! вскричалъ Ольденбургъ, вскакивая съ мѣста. Ты внѣ себя! Ты не одна съ Богомъ! ты въ присутствіи третьяго,—человѣка, который тебя любитъ, Мелита! Онъ не хочетъ слышать того, что ты можешь повѣрять одному Богу!

— Дай мнѣ высказаться, Адалбертъ! я довѣряю твоей добротѣ почти столько-же, какъ божіей благости. Я еще не все сказала тебѣ, въ чемъ клялась у постели больного сына. Тогда я много думала о твоемъ ребенкѣ и о томъ, что жестокая судьба заставила тебя обмануться въ сердцѣ твоей дочери, какъ ты обманывался въ сердцѣ любимой женщины. Тогда я обѣщала Богу, что хотя и не могу сдѣлать тебя такимъ счастливымъ, какъ ты заслуживаешь, хотя произошло слишкомъ многое, что навсегда будетъ стоять между нами, но все-же я помогу тебѣ сносить твою долю, на сколько буду въ силахъ; снова помирю тебя съ жизнью и сама буду жить для тебя, на сколько мнѣ это возможно!

Съ послѣдними словами Мелита поднялась съ дивана. Она стояла съ пылающими щеками и блестящими глазами, какъ жрица передъ алтаремъ.

Ольденбургъ слушалъ ее затаивъ дыханіе; волненіе его усиливалось съ каждымъ ея словомъ. Глаза его блистали, грудь поднималась, онъ прижималъ руки къ сердцу, которое такъ и рвалось отъ блаженства.

Когда Мелита кончила, онъ подошолъ къ ней, всталъ передъ ней на колѣни и сказалъ голосомъ глубокимъ и сильнымъ, какъ звукъ мѣднаго щита:

— Теперь выслушай мою клятву, Мелита! Именемъ того, что я люблю тебя съ тѣхъ поръ какъ началъ думать, того, что только одна звѣзда свѣтила мнѣ въ этой жизни, что я затѣмъ только безцѣльно и безпокойно скитался въ жизненной пустынѣ, что сомнѣвался, будетъ ли когда нибудь привѣтно свѣтить мнѣ эта звѣзда — именемъ всего этого, клянусь, съ этой минуты, всѣми силами данными мнѣ Богомъ, стремиться къ самому высокому; сложить съ себя всѣ маленькія слабости и трусость и воротить все время потраченное въ бездѣйствіи. И клянусь тѣмъ блаженствомъ, которое наполняетъ теперь мою душу и котораго не выразитъ никакое слово,—я не буду знать ни отдыха, ни покоя, пока ты не полюбишь меня, какъ я тебя люблю, Мелита, пока ты не будешь моею... слышишь, Мелита, моей женою передъ Богомъ и людьми!... А теперь Мелита, вскричалъ онъ— и слова его звучали необыкновеннымъ одушевленіемъ—прощай! Не могу больше дышать подъ этой кровлей; весь міръ сталъ для меня тѣсенъ. Да хранитъ Богъ меня и тебя до нашего будущаго свиданія!

Онъ горячо обнялъ Мелиту и поцѣловалъ ее въ лобъ; потомъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Мелита осталась посреди комнаты, какъ окаменѣлая. Она не имѣла силы ни удержать Ольденбурга, ни отвѣтить на его прощанье.

Она приложила руки къ бьющимся вискамъ.

— Что я сдѣлала? что я сдѣлала? спрашивала она себя; а голосъ въ сердцѣ отвѣчалъ ей: Ничего такого, чего бы ты должна была стыдится передъ собой или своимъ ребенкомъ.

Она побѣжала въ сосѣднюю комнату, наклонилась надъ спящимъ мальчикомъ, обнимала и цѣловала его съ горячими слезами.

Вдругъ послышался стукъ отъѣзжавшаго экипажа.

— Это онъ! прошептала она, прислушиваясь.

— Да хранитъ Богъ тебя и насъ до будущей встрѣчи! договорила она, прижимаясь лицомъ къ подушкѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ какъ въ пріемной залѣ лечебнаго заведенія происходилъ разговоръ Мелиты съ Ольденбургомъ, послѣ котораго, точно по волшебству, разрушились преграды, по видимому готовыя на всегда разъединить два добрыя, благородныя сердца, въ комнатѣ на право—занимаемой «путешественникомъ, который завтра уѣдетъ»—этотъ самый путешественникъ сидѣлъ передъ столомъ недалеко отъ двери раздѣлявшей обѣ половины, опустивъ горящую голову на руки, съ сердцемъ терзаемымъ страшными муками...

Разставшись съ Бергеромъ и глубоко потрясенный послѣдними ужасными словами несчастнаго, Освальдъ почти безсознательно прошолъ дорогу вдоль рѣки отъ заведенія.

Все, что онъ видѣлъ, слышалъ и испыталъ со времени своего прибытія въ Фихтенау, всѣ впечатлѣнія, мысли и страсти хаотически кружились въ его мозгу и сердцѣ. Онъ смутно чувствовалъ, что подобное состояніе можетъ подъ конецъ разрѣшиться въ безуміе и что оно уже есть одинъ изъ признаковъ безумія.

Не пойти ли ему постучаться въ ворота, которыя только что захлопнулись за Бергеромъ? Не будетъ ли этотъ домъ, съ своими высокими тюремными стѣнами, самымъ лучшимъ убѣжищемъ для сердца, такъ утомленнаго жизнью? Или еще лучше: не броситься ли ему черезъ низкія перила въ рѣку, такъ тихо и беззвучно извивающуюся подлѣ него между высокими, крутыми берегами? не лучшій ли это способъ навсегда прохладить пылающій лобъ, на вѣки успокоить неистово бьющіеся виски? Можно-ли надѣяться найти исходъ къ свѣту изъ этого лабиранта, въ которомъ безвозвратно заблудился такой высокій, благородный умъ, какъ умъ Бергера? Развѣ Бергеръ не превосходилъ его силою ума и благородствомъ души? А между тѣмъ? «Дайте мнѣ измѣрить всю глубину этого ничтожества, осязать руками невѣроятное!» вскричалъ этотъ нестастный, бросаясь въ объятія акробата. Такъ вотъ каковъ послѣдній выводъ му-

дрости! Высочайшій идеалистъ видитъ, что грубый рабъ чувственно превзошолъ его мужествомъ и любовью къ жизни! Ученикъ Платона нашолъ учителя въ пьяномъ клоунѣ! Человѣкъ, который подобно юношѣ изъ Саиса, цѣлую жизнь желалъ истины, одной только истины,—побратался съ наглымъ лжецомъ, шарлатаномъ, который искажаетъ всякую правду и также счастливъ и удовлетворенъ довѣрчивостью людей, какъ ласточка попавшимися ей комарами. Какъ старый Лиръ срываетъ съ плечъ царскую мантію въ бурную ночь, чтобы не имѣть ничего лишняго въ сравненіи съ бѣднымъ Томомъ, такъ и Бергеръ бросилъ свою философскую мантію, въ которой ему далеко не такъ тепло, какъ акробату въ его грубой наготѣ. На этомъ человѣкѣ Бергеръ убѣдился, что тамъ только возможно предчувствіе счастія, гдѣ отреклись отъ всякаго права на богатство, блескъ и почесть и въ презрѣніи къ другимъ не видятъ ни стыда, ни наказанія. Чтоже иное могли имѣть въ мысляхъ люди прошедшихъ столѣтій, питавшіеся саранчею и подвергавшіе свое тѣло солнечному зною, холоду и дождю—индійскіе кающіеся, христіанскіе анахореты, флажеланты, столпники и аскеты всякаго рода? Развѣ аскетизмъ не есть слѣдствіе стремленія къ святости, а презрѣніе къ міру, людямъ и самимъ себѣ слѣдствіе аскетизма? Можемъ ли мы достигнуть высшей святости—первоначальнаго блаженства, лицезрѣнія кроткой Нирваны—прежде чѣмъ уничтожимъ свою индивидуальность, на сколько это возможно въ жизни? а развѣ возможно это уничтоженіе, если мы все будемъ стремиться къ жизни и къ тому, что даетъ ей цѣну? Простая ли это случайность, что святые кажутся толпѣ достойными удивленія, а общество мытарей и грѣшниковъ кажется святымъ самымъ лучшимъ? Да! да! Бергеръ и Шменкель рука объ руку! Такимъ образомъ разрѣшилась загадка и осуществилась квадратура круга!...

Освальдъ не могъ отдѣлаться отъ этой картины, и страшное впечатлѣніе, которое она на него сдѣлала, нѣсколько возвратило его къ сознанію. Его эстетическое чувство возмущалось противъ одежды аскетизма. Отъ всего сердца онъ готовъ былъ принять правило ордена—троекратное презрѣ-

ніе, но одежда ордена ему не нравилась. Онъ представилъ себя въ костюмѣ Бергера — синей парусинной блузѣ, грубой войлочной шляпѣ, съ простою палкой, — и его охватилъ легкій трепетъ; онъ подумалъ: что сказалъ-бы Браунъ, всегда соблюдающій въ своемъ костюмѣ щепетильнѣйшую аккуратность и проповѣдывающій, «что необходимо предохранять себя отъ всякой физической и нравственной грязи, если желаешь остаться здоровымъ физически и морально», если-бы онъ увидѣлъ его въ обществѣ Бергера?

У слабыхъ натуръ мнѣнія и воззрѣнія другихъ играютъ такую-же важную роль, какъ и ихъ собственныя. Освальдъ, готовый погибнуть въ пучинѣ своей несостоятельности, хватался за **qu'en dira-t-on** своихъ друзей и враговъ. Презирать свѣтъ? Почему-же и нѣтъ! Презирать самаго себя? Это онъ часто уже дѣлалъ и къ несчастію довольно основательно! Но презирать то, что насъ презираютъ! никогда! Лучше, въ тысячу разъ лучше смерть!

А почему-же смерть? Почему не жизнь? Развѣ ужъ жизнь заслуживаетъ такого презрѣнія? Развѣ онъ не нашолъ въ Браунѣ друга, которымъ можетъ гордиться? Можетъ быть ему и удастся еще, при содѣйствіи этого человѣка, выплыть изъ этой пучины? Можетъ быть, если не все, то по крайней мѣрѣ очень многое можетъ еще устроиться? — Что если онъ рѣшится отречься отъ гиперидеализма, угрожающаго поглотить его? Что если онъ, въ этотъ двѣнадцатый часъ, вернется съ дороги, послѣдній пунктъ которой заведеніе доктора Биркенхейна? если онъ въ этотъ же вечеръ уѣдетъ изъ Фихтенау, воздухъ котораго, какъ предчувствовалъ Браунъ, пропитанъ для него несчастіемъ.

Освальдъ дошолъ до гостинницы. У крыльца стоялъ только что пріѣхавшій экипажъ. Въ столовой двое мужчинъ вели жаркій разговоръ на концѣ длиннаго стола. Ему показалось, что одинъ изъ нихъ—докторъ Биркенхейнъ. Разумѣется, ему вовсе не захотѣлось встрѣтиться съ докторомъ, порученіе котораго относительно Бергера онъ выполнилъ такъ дурно. Онъ хотѣлъ написать ему передъ отъѣздомъ, ссылаясь на то, что важныя дѣла и спеціальное желаніе Бергера мѣшаютъ ему явиться лично.

Дойдя до своей комнаты, онъ позвонилъ: Не пойдетъ-ли еще сегодня почта въ Арнштадтъ?

— Черезъ полчаса, сударь.

— Я отправлюсь съ нею. Достаньте мнѣ мѣсто и принесите счотъ, сказалъ Освальдъ, уже принимаясь за укладку вещей.

— Сію минуту, сударь!

— Да, да! Подальше отсюда! бормоталъ Освальдъ, укрѣпляясь въ послѣднемъ рѣшеніи съ свойственной ему страстностью. Подальше отсюда, пока не обрушилось на меня еще большее несчастіе!

— Вотъ вашъ счотъ, сударь! сказалъ вошедшій слуга. Много благодаренъ, сударь! Вамъ еще нечего такъ торопиться: остается двадцать пять минутъ времени, а почта въ трехъ шагахъ отсюда. Мы думали, что вы изволите еще переночевать здѣсь, а то можно-бы было отдать вашу комнату пріѣзжей дамѣ, которая помѣстилась здѣсь рядомъ. Конечно комнаты на лѣво не такъ хороши для такой красивой барыни!

Послѣднія слова лакей произнесъ шопотомъ, намекавшимъ на недостаточную плотность дверей заведенія.

— Кто-жъ эта дама? спросилъ Освальдъ, закрывая чемоданъ.

— Госпожа фонъ-Берковъ, наша старая знакомая. Я еще поутру разсказывалъ вамъ объ ней, сударь. Сейчасъ отправлю вашъ чемоданъ на станцію. Не будетъ больше никакихъ приказаній?

Лакей вышелъ, красиво помахивая салфеткой; Освальдъ всталъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно. Онъ долженъ былъ удержаться объ столъ,—такъ дрожали всѣ его члены.

Такъ-ли онъ слышалъ? Мелита здѣсь? Въ этомъ домѣ? Въ сосѣдней комнатѣ? Зачѣмъ она здѣсь? Чего ей нужно? Кого ищетъ она въ этомъ мѣстѣ, исполненномъ для нея страшныхъ воспоминаній? Случай это или намѣреніе? Возможно-ли, чтобы она пріѣхала для него? Не узнала-ли она цѣли его путешествія? Не его-ли она ищетъ? Неужели она не получила письма, которое онъ написалъ ей изъ Гренвица послѣ смерти Бруно и за часъ до дуэли съ Феликсомъ?

Въ этомъ письмѣ онъ съ апатической жестокостью, которую считалъ героизмомъ, говорилъ ей, что сердце его уже не вполнѣ принадлежитъ ей, что онъ не можетъ и не хочетъ обманывать себя и ее, что навсегда прощается съ нею, а можетъ быть и съ жизнію. Но можетъ быть она получила его, только прочла съ той довѣрчивостью любящаго сердца, которая незнакома измѣнникамъ. Не для того-ли она здѣсь, чтобы сказать, что прощаетъ ему, что она все еще его Мелита?... Скажетъ ли она теперь, если онъ бросится къ ея ногамъ, что все прощается раскаянію и что она никогда на него не сердилась?...

Онъ послушалъ, нѣтъ-ли движенія въ сосѣдней комнатѣ, и не услыхалъ ничего кромѣ біенія своего страшно-взволнованнаго сердца.

Она одна... Можетъ быть ожидаетъ его прихода... Неужели опять вернутся блаженные дни Беркова?... Неужели еще все, все устроится!...

Онъ еще разъ прислушался... рядомъ отворяли дверь.

— Вѣроятно это лакей, исполнившій какое-нибудь порученіе...

— Сильный мужской голосъ... мягкій звукъ женскаго...

Мягкій голосъ принадлежитъ Мелитѣ... но другой?..

Онъ продолжалъ слушать... голоса сдѣлались громче, яснѣе...

Конвульсивная дрожь исказила черты слушавшаго; нехорошій смѣхъ вырвался изъ его горла... Мужчина, горячо разговаривавшій съ Мелитой, былъ баронъ Ольденбургъ.

Диванъ, на которомъ сидѣли говорящіе, стоялъ подлѣ самой двери, соединяющей комнаты. Освальдъ не могъ понять всего, что они говорили, но и зачѣмъ ему это? Встрѣча въ этомъ маленькомъ городкѣ, разъ уже бывшемъ мѣстомъ ихъ тайныхъ свиданій, достаточно говорила сама за себя. Такъ онъ былъ правъ! Такъ они съ самаго начала водили его за носъ! Онъ виноватъ передъ Мелитой столько же, сколько она грѣшна противъ него. Они квиты...

Онъ постучалъ въ дверь.

Явился лакей отнести его чемоданы.

— Пора, сударь. Почтальонъ трубилъ уже два раза. Ос-

вальдъ машинально пошолъ за лакеемъ по корридору, на темную улицу, и сѣлъ въ почтовую карету.

Минуту спустя, они уже ѣхали. Почтальонъ весело затрубилъ, а Освальдъ положилъ на эту музыку слова: Презирать самаго себя, презирать свѣтъ, презирать то, что насъ презираютъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Это было рано поутру въ ненастный осенній день. Въ горахъ около Фихтенау лежалъ такой густой туманъ, что проѣзжавшіе по большой дорогѣ, которая круто шла въ гору тотчасъ за городкомъ, едва могли бы различить сосны, стоящія по краямъ.

На одномъ изъ перекрестковъ, при въѣздѣ въ лѣсъ, сидѣли Зиновія и Эцика. Во рву, передъ ними, пасся ихъ вѣрный товарищъ во всѣхъ скитальчествахъ—маленькій оселъ съ красными перьями на головѣ. Трава очевидно не казалась ему очень вкусной; онъ нерѣдко покачивалъ большой головой, какъ-бы желая сказать: я очень нетребователенъ, но вѣдь все имѣетъ границы!

Цыганка и ея ребенокъ тоже очевидно были недовольны холодомъ. Онѣ сидѣли, закутавшись въ грубые лоскутья, неподвижныя и нѣмыя, какъ египетскія статуи. Это положеніе, естественное въ взрослой женщинѣ, было какъ-то странно-необъяснимо въ такомъ юномъ созданіи какъ Эцика. Ель, съ вѣтвей которой скатываются дождевыя капли—гармонически-поэтическая картина; но роза, сжимающая свою чашечку отъ осенняго вѣтра, наводитъ грусть на сердце.

И сама Зиновія не была уже той сильной женщиной, какой видѣлъ ее Освальдъ въ лѣтній вечеръ, въ лѣсу Беркова. Отъ вліянія-ли погоды, столь сильнаго на дѣтей природы, или отъ болѣзни и печали, — только въ чертахъ ея было менѣе гордой энергіи, которой онѣ прежде отличались. На лбу показались легкія морщины; глаза ввалились и не

сверкали прежнимъ блескомъ, когда она, заслышавъ стукъ приближающагося экипажа, устремила ихъ на дорогу.

— Это не они, пробормотала она, снова опуская голову.

Черезъ нѣсколько минутъ, изъ тумана выѣхала красивая дорожная карета парой. На козлахъ подлѣ кучера сидѣлъ старикъ съ длинной, сѣдой бородой. Онъ часто оборачивался взглянуть на сидѣвшихъ въ каретѣ даму и мальчика и улыбался имъ съ почтительной нѣжностью.

Такимъ образомъ онъ и не замѣтилъ цыганки, подошедшей просить милостыню у богатой дамы. Каково же было его удивленіе, когда госпожа его, со всѣми признаками сильнѣйшаго волненія, приказала остановить экипажъ и выпрыгнула изъ него еще раньше, чѣмъ успѣли исполнить ея приказаніе.

— Изабелла, вы-ли это? А Эцика? Боже, какое счастье! вскричала Мелита, схватывая обѣ руки цыганки. Ну, теперь я уже не отпущу васъ! Боже, какое счастье! какое счастье! И молодая женщина со слезами на глазахъ обняла цыганку.

Цыганка однако почти оттолкнула ее и отступила назадъ, скрестивъ на груди руки и глядя на Мелиту почти непріязненно.

— Развѣ ты не узнала меня, Изабелла? сказала Мелита. Вѣдь это я! Вспомни-ка Берковъ пять лѣтъ назадъ? А вотъ мой Юлій! А какъ выросла и похорошѣла Эцика!

Мелита подошла къ дѣвочкѣ, обняла, ласкала и цѣловала ее.

Юлій выскочилъ изъ кареты, Бауманъ тоже слѣзъ съ козелъ. Всѣ заговаривали съ Зиновіей, которая не обращала на нихъ вниманія, а только испуганными глазами смотрѣла на группу Мелиты и Эцики.

— Изабелла! сказала Мелита, ты должна непремѣнно отдать мнѣ малютку. Я не могу и не должна уѣхать безъ нея.

— Отчего ты не хочешь оставить насъ, какъ мы есть? сказала цыганка. Ты благородная дама, и тебѣ идетъ жить въ домѣ, а цыганамъ въ лѣсу. Ты умрешь въ лѣсу, а цыганка умретъ въ домѣ. Я не могу идти съ тобою.

— Такъ дай мнѣ Эцику!

— Отдашь ты мнѣ своего мальчика?

Мелита не могла ничего возразить на это. Она слишкомъ глубоко чувствовала, что цыганка не можетъ поступить иначе, и что сама она на ея мѣстѣ сдѣлала бы тоже. А все таки! Какъ отпустить ихъ опять скитаться по свѣту? Опять потерять изъ вида дочь Ольденбурга, по которой онъ такъ тоскуетъ? Представится-ли опять случай встрѣтить ихъ на дорогѣ?.. Она не могла вынести этой мысли и залилась слезами, какъ безпомощное дитя.

Цыганку это тронуло. Она взяла руку Мелиты и поцѣловала ее.

— Ты очень добра! сказала она,—я знаю это. Тебѣ я скорѣе всякаго другаго отдала бы мою Эцику.

Она задумалась, потомъ вдругъ схватила Мелиту за руку и отвела ее нѣсколько въ сторону.

— Знаешь-ли ты, кто отецъ Эцики? спросила она

— Да.

— Ради кого хочешь ты это сдѣлать, ради отца или ради ребенка?

Щоки Мелиты вспыхнули.

— Ради обоихъ, отвѣчала она послѣ нѣкотораго колебанія.

— Куда ты теперь ѣдешь?

— Домой, въ Берковъ.

— И останешься тамъ?

— Да, по крайней мѣрѣ эту зиму.

— Ну, такъ слушай. Клянусь тебѣ великимъ духомъ, что приведу къ тебѣ Эцику, какъ только почувствую, что должна воротиться къ отцамъ. Это будетъ можетъ быть очень скоро. Больше я не могу и не должна обѣщать тебѣ.

Мелита почувствовала, что должна удовлетвориться этимъ обѣщаніемъ. Она достаточно знала характеръ смуглой графини; если Зиновія принимала какое-нибудь рѣшеніе, то ни просьбы, ни увѣренія не могли поколебать его. Потому-то, обнявъ еще разъ цыганку и Эцику, она печально сѣла въ каретy и поѣхала дальше.

Стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ замолкъ въ отдаленіи. Цыганки опять сидѣли на краю дороги.

Опять кто-то ѣдетъ изъ Фихтенау. Еще издали слышно

понуканье извощика, и вотъ повозка выѣхала изъ тумана. Это былъ исполинскій ящикъ — цѣлый домъ на четырехъ колесахъ, отъ верху до низу нагружонный ящиками, сундучками, музыкальными инструментами, кулисами, лѣстницами, кухонными и художественными принадлежностями всякаго рода. Довольно было работы четвернѣ лошадей, тащившей этотъ Ноевъ ковчегъ.

Впереди шли египтянинъ Котерби, изобрѣтатель исполинской бочки Штольценбергъ и комикъ Пьеро. У каждаго были пестрые платки на шеѣ и коротенькія трубки въ зубахъ. Изъ открытаго окна ковчега раздавался дѣтскій плачь и грозный голосъ мамзель Адели. Позади экипажа шли, по видимому въ жаркой бесѣдѣ, директоръ Шменкель, тоже въ пестрой шали и съ коротенькой трубкой въ зубахъ, и человѣкъ въ синей блузѣ и старой войлочной шляпѣ на головѣ, тотъ самый, съ которымъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ познакомился Шменкель въ Зеленомъ Колпакѣ. Господинъ этотъ часто являлся потомъ въ упомянутую гостинницу и наконецъ—сегодня поутру совершенно неожиданно присоединился къ отъѣзжающимъ акробатамъ.

Когда подъѣхали къ перекрестку, извощикъ остановился, чтобы дать вздохнуть взмыленнымъ лошадямъ.

Цыганка съ Эцикой подошла къ обществу и была очень привѣтливо принята всѣми.

Директоръ Шменкель пожалъ ей руку и отечески потрепалъ по смуглой щочкѣ дѣвочку.

— Это хорошо, Зиновія, что вы сдержали слово! сказалъ онъ. Безъ васъ дѣло пошло было вверхъ дномъ. Прощайте, профессоръ! Благодарю за проводы! Ты долженъ воротиться отсюда, а то далеко будетъ до Фихтенау.

— Нѣтъ, я пойду еще немножко, отвѣчалъ человѣкъ въ блузѣ.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! отвѣчалъ Шменкель. Такихъ славныхъ стариковъ какъ ты не часто встрѣчаешь. Ну, все-ли въ порядкѣ? Маршъ впередъ!

Повозка опять тронулась. Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ, лошади и люди исчезли въ сѣромъ туманѣ.

ПОДПИСКА НА «ЭПОХУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЦѢНА:

ДЛЯ НОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ

Въ Петербургѣ и Москвѣ. . . . **14** р. **50** к.
съ пересылкою и доставкою . . . **16** р.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ «ВРЕМЕНИ» 1863 Г.

безъ пересылки и доставки . . . **6** р.
съ пересылкою и доставкою . . . **7** р.

Сентябрская и Октябрская книги «ЭПОХИ» выйдутъ въ Ноябрѣ *непремѣнно*. Ноябрская и Декабрская—въ Декабрѣ. Январская книга 1865 года выйдетъ въ Январѣ.

ПОДПИСКА НА 1865 ГОДЪ ПРИНИМАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЭПОХА

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 30 до 35 печатныхъ листовъ и болѣе

Редакціею будутъ приняты всѣ мѣры къ правильной и скорой доставкѣ журнала подписчикамъ

Цѣна изданію для Петербурга и Москвы 14 руб. 50 коп.
съ пересылкою и доставкою на домъ 16 руб.

Для подписчиковъ „ВРЕМЕНИ“ 1863 г.

безъ пересылки . . . . . 6 р.
съ пересылкою . . . . . 7 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ журнала ЭПОХА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго

ИНОГОРОДНІЕ адресуютъ свои требованія просто: Въ Редакцію Журнала «ЭПОХА» въ С. Петербургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой Редакціи.

Редакторъ **А. У. Порѣцкій.**

ЗА ЧТЕНІЕ ЖУРНАЛОВЪ И КНИГЪ

РУССКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ

СЪ ПРАВОМЪ ЧТЕНІЯ ГАЗЕТЪ ВЪ ПОМѢЩЕНІИ БИБЛІОТЕКИ:

	За годъ.	За полгод.	За мѣсяц.	Залогу.
По первому разряду.	15 р.	8 р.	2 р.	— 5 р.
По второму разряду.	10 „	6 „	1 „ 50 к.	5 р.
По третьему разряду.	7 „	4 „	— 75 „	5 р.
По четвертому разряду	—	—	— 50 „	2 р.

Гг. подписавшіеся **по первому** разряду кромѣ старыхъ книгъ и журналовъ имѣютъ право получать всѣ **новые** книги и журналы, послѣдніе **непремѣнно въ продолженіе перваго мѣсяца** со дня выхода ихъ въ свѣтъ.

Гг. подписавшіеся по **второму** разряду получаютъ всѣ книги и журналы, но не ранѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

Гг. подписавшіеся по **третьему** разряду получаютъ всѣ книги и журналы, но не ранѣе шести мѣсяцевъ со дня выхода ихъ въ свѣтъ.

За одинъ разъ выдается **неболѣе** пяти книгъ, въ томъ числѣ одной книги новаго журнала (для гг. подписчиковъ перваго разряда).

Гг. подписавшіеся по **четвертому** разряду изъ имѣющихся на лицо въ библіотекѣ свободныхъ книгъ или журналовъ получаютъ одновременно не болѣе **двухъ** книгъ, цѣною не выше **двухъ** руб.

Новые журналы и книги дозволяется держать не долѣе пяти дней, въ противномъ случаѣ будетъ удержано изъ залога по **десяти** коп. сер. за каждый лишній день.

Въ случаѣ требованія дорогихъ книгъ залогъ увеличивается соразмѣрно цѣнѣ книгъ.

Гг. неабонированные за чтеніе газетъ и журналовъ въ библіотекѣ платятъ каждый разъ по **десяти** коп.